

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XVIII

Модест Колеров

Москва 2016

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

P89

P89 **Русский Сборник:** Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVIII.
М.: Модест Колеров, 2016. 592 с.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:

www.iarex.ru/books

ISBN 978-5-905040-18-4

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-18-4

© Модест Колеров, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

РУСЬ, МОСКОВИЯ, РОССИЯ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ИНОЗЕМЦЕВ

- О. Ф. Кудрявцев.* Ремесло дипломата, или Умение послужить своему государю: Русь в описании московского посла в Милан 1486 г. 7
- И. В. Дубровский.* Венеция, греки и Московское царство в начале Кипрской войны 21
- И. В. Дубровский.* Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга 74
1. De moribus et imperandi crudelitate Basilii Moschoviae tyranni brevis enarratio 95
  2. Narratio de moribus et imperandi crudelitate Basilii Moscoviae magni ducis in anno 1569 usque ad 1570 partim....167
  3. De his quae nunc in Moschovia agantur anno Domini 1570 1 Octobris 197
- Альберт Шлихтинг.* Что говорят о последних событиях в Московии, 1 октября 1570 года 212
- Б. Н. Флоря.* Павел Алеппский об Иване Грозном 218
- Александр Федута.* Генрик Ржевуский о восстании 1831 г.: Из переписки с С. П. Шевыревым 228

<i>Алексей Кривопалов.</i> Крестовый поход Неистового Орландо: О. Figes. Crimea. The last crusade. L., 2011.	234
<i>Александр Котов.</i> Первая интеллектуальная биография И. С. Аксакова: А. А. Тесля. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.....	297
<i>Ольга Кононова.</i> Молодые годы С. В. Зубатова	303
<i>О. В. Эдельман.</i> Начало революционной деятельности И. Джугашвили. Тифлис, 1899–1901	334
<i>Шахини Игбал Абилов.</i> Б. В. Миллер в Талыше	361
<i>Ф. Гайда.</i> К вопросу о политическом влиянии императрицы Александры Федоровны.....	378
<i>Нежмеддин Каздагли.</i> Тунисско-российские отношения во время французского протектората в Тунисе (конец XIX — начало XX века)	388
<i>А. Б. Асташов, П. Симмонс.</i> Военная цензура и настроения солдат в русской армии накануне Февральской революции....	423
<i>Я. В. Вишняков.</i> Армия без государства: Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг.....	443
<i>А. В. Ганин.</i> Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг.	488
<i>Юрий Бахурин.</i> Советские военно-технические предложения по ведению войны в зимних условиях (1941–1945 гг.)	562
<i>К. В. Шевченко.</i> Клио и постсоветские историографии: проблемные отношения. Ю. А. Борисёнок. На крутых поворотах белорусской истории. М., 2013	573
Сведения об авторах XVIII тома.....	588

О. Ф. КУДРЯВЦЕВ

РЕМЕСЛО ДИПЛОМАТА, ИЛИ УМЕНИЕ
ПОСЛУЖИТЬ СВОЕМУ ГОСУДАРЮ:
РУСЬ В ОПИСАНИИ МОСКОВСКОГО ПОСЛА
В МИЛАН 1486 Г.

Почти в то же время, когда Контарини и Барбаро готовили очерки о Руси¹ в составе своих отчетов о путешествиях в восточные страны, в Милане оказался русский посол. Его спросили о стране, которую он представлял, и все его показания записали. В сравнении с тем, что сообщали венецианцы, данные русского посла выглядят более обстоятельными и информативными; в них меньше личных впечатлений, они — нечто вроде общего свода сведений о Московской Руси, составленного человеком, знающим ее изнутри. Правда, достовернее ли они от этого?

1. Русское посольство в Милан 1486 г. Интервью посла

Русское посольство в Милан было ответным. Миланский герцог Джан Галеаццо Мария Сфорца (1476–1494 гг.) перед этим (точная дата неизвестна) послал своего сокольничего по имени Бьянко, сказано в начале Записки о Руси, к великому герцогу Иоанну, господину Руси, для передачи ему нескольких охотничьих соколов (*falconi pellegrini*); на что «сей великолепнейший и ве-

---

¹ Тексты сочинений Амброджо Контарини и Иосафата Барбаро на языке оригинала и в русских переводах, а также их анализ см. в книге: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

ликодушный государь» в октябре 1485 г. направил своего посла, прибывшего в июне 1486 г. в Милан с верительными грамотами и подарками для герцога: двое сороков выделанных соболей, несколько живых соболей и два кречета². Конечно, наивно полагать, что оба посольства были наряжены исключительно для передачи подарков, которыми обменялись государи. Однако чему были посвящены переговоры, остается только гадать — скорее всего на них обсуждалась тема османской опасности³.

О том, кто представлял Ивана III в Милане, в историографии развернулся спор. В Записке сказано «Георгий Перкамота, по национальности грек, рыцарь и дворянин, давно покинувший Константинополь»⁴. 24 июня 1486 г. миланский герцог направил великому князю Московскому грамоту, в которой русский посол поименован Георгием Перканеотом (*Georgius Percaneotes*)⁵. Несомненно, речь идет об одном и том же лице. По мнению Е. Ф. Шмурло, опубликовавшего эту грамоту, посла в Милан следует отождествить с Юрием Траханиотом (в русских источниках — Тарханиотом), тоже греком, правившим посольство великого князя к императору в 1489 и 1490 гг. Против подобного отождествления выступил М. А. Гуковский, который, как и П. Пирлинг, считал, что это — разные люди, ибо имя Перкамота не искажено, будучи записано в присутствии самого русского посла⁶. Вместе с тем вполне убедительными доводы

---

² *Relazione sulla Russia dettata nel 1486 alla cancelleria Sforzesca dall'ambasciatore moscovita Giorgio Percamoto* (далее: *Relazione sulla Russia*) // Barbieri G. *Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il ducato di Milano nell'epoca Sforzesca*. Bari, 1957 (Р. 90–95). Р. 90, 91. См. также русский перевод: Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // *Вопросы историографии и источниковедения истории СССР*. М.; Л., 1963 (С. 648–655). С. 652, 653 (далее через точку с запятой даны страницы русского перевода).

³ См. по этому поводу: Barbieri G. *Milano e Mosca nella politica del Rinascimento*. Р. 48, 49.

⁴ «messer Giorgio Percamota, per natione greco, cavallero et gentilhomme, antiquamente desceso da Constantinopoli» (*Relazione sulla Russia*. Р. 90; С. 652).

⁵ [Шмурло Е. Ф.] Отчет Ученого корреспондента в Риме при Историко-филологическом отделении императорской Академии наук о его деятельности с 1-го ноября 1907 года по 1-е ноября 1908 г. Приложение второе // *Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией*. СПб., 1911. Т. III. Вып. 1. С. 22–27.

⁶ Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.). С. 651; Пирлинг П. О. *Россия и папский престол. Книга первая. Русские и Флорентийский собор*. М., 1912. С. 241.

Шмурло о том, что посол в Милан, со слов которого была сделана запись сведений о России, есть Юрий Траханиот, посчитали В. И. Рутенбург и А. Л. Хорошкевич⁷. Как бы то ни было, ясно одно, что о Руси канцелярии миланского герцога сведения поставлял грек, состоявший на великокняжеской службе, ранее живший в Константинополе. Вполне вероятно, что он прибыл на Русь вместе с другими греками, сопровождавшими Софью Палеолог.

На долгие столетия Записка о Руси залегла в миланских архивах, была обнаружена Джино Барбьери и опубликована только в 1957 г. Вместе с тем какой-то круг читателей среди тех, кто занимался внешними сношениями Миланского герцогства в конце XV в., она имела и поэтому в определенной, пусть ограниченной, мере могла способствовать знакомству Европы с Московской Русью, о возросшем интересе к которой в ряду других одновременных описаний этой страны она и свидетельствует.

2. Русская страна, ее города, ее провинции

Что касается информации о стране, то, надо признать, она преподнесена самым выгодным для русского государя образом. По словам его посла, Московская Русь расположена на равнине и имеет в длину добрых две тысячи миль и немногим менее — в ширину. Границы ее простираются на востоке до Татарии и Кавказа, на юге и частично на западе она имеет соседом Литву, к северу находится большая пустынная область и море-океан (*grande paese deserto et il mare oceano*)⁸. Можно было бы несколько поправить эту локализацию и уточнить, что Кавказ находится скорее к югу от Руси, как и земли, населенные татарами, расположены не только на восточных, но и на южных ее границах.

Страна эта хорошо населена, в ней великое множество городов, сел, деревень; направляясь в Италию, если доверять сло-

---

⁷ Рутенбург В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964 (С. 455–462). С. 460, 461; Хорошкевич А. Л. Российское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 189.

⁸ *Relazione sulla Russia*. P. 91, 93, 94; С. 653, 654.

вам русского посла, он проехал верхом более тысячи двухсот миль по обитаемым людьми местам (*per loci habitati*), а в других случаях — более тысячи пятисот миль, «и всюду она населена настолько, что одно село, или деревня, так близко расположены от другого, что ходят за огнем из одного в другое»⁹. Из одной деревеньки до другой действительно могли ходить за огнем, однако это еще не значит, что страна была сплошь заселена. Между ее деревнями и городами подчас находились огромные, трудно проходимые необитаемые леса, о чем сообщали путешественники, посетившие Московскую Русь, так что можно было сутками бродить, не встречая людского жилья. Словом, сведения русского посла о населении своей страны не вполне надежны. Но они совершенно недостоверны, когда он рассказывает о величине ее городов. По его утверждению, во Владимире насчитывается около шестидесяти тысяч очагов (*focli*); если полагать, что каждый очаг-дом имел три—пять обитателей (в действительности, конечно, больше), то население Владимира составит от ста восьмидесяти до трехсот тысяч человек, цифра — невероятная. Города Новгород, Псков и Москва имеют около тридцати тысяч очагов каждый, то есть по сто — сто пятьдесят тысяч человек, что тоже является невымыслимым преувеличением. Посол утверждал также, что на Руси много других городов, числом более шестидесяти, в них от четырех до шести, восьми, десяти тысяч очагов в каждом¹⁰. Эти цифры скромнее, но и они серьезно преувеличены¹¹.

---

⁹ «...tuta è habitata talmente che uno casale, sive villaggio, per la propinquità vanno ad tollere il focho l'uno a l'altro» (Ibid. P. 91; C. 653).

¹⁰ Ibid. P. 91, 92; C. 653.

¹¹ По примерным оценкам исследователей, опиравшихся на показания иноземцев, население Москвы, самого большого города Руси, даже в первой половине XVI в. было едва ли много больше 100 тысяч человек (Бахрушин С. Б. Население Москвы в XVI в. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1947. Т. IV. № 3 (С. 201–219). С. 201, 202; Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 64 (С. 233–254). С. 240). Тогда же число жителей двух других крупных городов Руси составляло: Новгорода — более 26 тысяч человек, Пскова — более 32 тысяч человек (Копанев А. И. Указ. соч. С. 240, 241). Население других городов было еще меньше, — как правило, от одной до нескольких тысяч обитателей (Там же). О городах Руси XV–XVI вв., их количестве и численности их населения см. также: Неволин К. А. Общий список русских городов // Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1859. Т. 6. С. 27–95; Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889; Черепнин Л. В. Образование русского централи-

Сказано также, что «деревень и сел количество бесконечное», и это похоже на правду, если только иметь в виду бескрайние размеры Русского государства.

Посол явно и многократно преувеличивал размеры русских городов, как и близость населенных пунктов друг к другу, стремясь подчеркнуть тем самым могущество своего государя, которое определялось, конечно же, количеством его подданных. Он был хорошим, верным дипломатом, но не всегда надежным информатором. О силе русского государя должно было свидетельствовать и то, что он «владеет несколькими провинциями, приобретенными его славнейшим [покойным. — *Авт.*] отцом и им самим, причем эти провинции по большей части языческие»¹². Действительно, к тому времени Иван III присоединил такие важные княжества и земли, как Ярославское, Тверское, остатки Ростовского, Новгород с его огромными владениями, Вятскую землю и Верейский удел¹³, но это были все христианские православные территории; из языческих он тогда завоевал только Великую Пермь¹⁴; поэтому сведения посла не вполне верны, и почему он так акцентировал внимание на переходе под власть московского владыки именно языческих земель, совершенно непонятно.

3. Идеальный правитель: русский государь, его доходы, войско, двор, нравы

Своего государя посол характеризовал как «весьма могущественного, имеющего огромные владения и хорошие доходы, которые превосходят ежегодно миллион золотых дукатов»; разумеется, такое богатство должно было впечатлить. Дукат

зованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 329–346; Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. 1952. № 40 (С. 214–259). С. 248–256; Кучкин В. А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках // История СССР. 1990. № 6. С. 72–85; Кучкин В. А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках // История СССР. 1991. № 2. С. 73–84.

¹² *Relazione sulla Russia*. P. 91, 92; С. 653.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. Гл. 1–2 // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 7–45; Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. II. С. 112; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 825–896.

¹⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. Т. V. Гл. 3. С. 70–72; Алексеев Ю. Г. Под знаменем Москвы. М., 1992. С. 174.

этот, пояснено в Записке, равен турецкому и венецианскому дукату¹⁵, — по-видимому, имеется в виду русский золотой, выпущенный при Иване III¹⁶; сказано также, что на Руси «употребляют другие монеты из хорошего серебра, которых идет одной сто монет на дукат, другой — пятьдесят, также как сольди и гросси»¹⁷ (похоже, подразумевалась серебряная денга московского и новгородского чекана, вторая была в два раза тяжелее первой¹⁸). Впрочем, «некоторые провинции, в частности языческие, платят в качестве дани каждый год большое количество соболей, горностаев и белок, другие платят полотнами и иными предметами, необходимыми для потребления и жизни двора, и что все вплоть до мяса, меда, пива, зерна и сена, потребляемых Государем и другими принадлежащими ко двору, доставляется общинами (*per le communità*) и провинциями по определенной разверстке (*limitatione*)

---

¹⁵ *Relazione sulla Russia*. P. 91, 92; С. 653.

¹⁶ Речь может идти о монете, известной как московский золотой «угорский», выпущенной (в промежуток времени от 1462 до 1483 г. — в нумизматической литературе нет единой или хотя бы предпочтительной датировки) в подражание венгерскому дукату Матвея Корвина; вес ее составляет 3,59 г золота, или 1,16 веса дуката. См.: Лихачев Н. П. Московский золотой // Археологические известия и заметки Московского археологического общества. М., 1897. Т. 5. № 7–8. С. 209–214; С. 282–288; Потин В. М. Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященных Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972 (С. 282–293). С. 282–288; Спаский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8 (С. 110–131). С. 110–114; Львов М. А. О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Труды государственного Эрмитажа. Л., 1981. Вып. XXI. С. 106–110; Мельникова А. С. Московия и Италия (русско-итальянские связи в эпоху средневековья по нумизматическим данным) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Нумизматический сборник. М., 2006. Вып. I (С. 114–125). С. 123–125; Великий князь и государь всея Руси Иван III. М., 2013. С. 38.

¹⁷ *Relazione sulla Russia*. P. 91, 92; С. 653.

¹⁸ Вес новгородской денги при Иване III равнялся 0,81–0,77 г серебра, московской — 0,40–0,37 г. Впрочем, не исключено, что русский информатор вел речь о московских монетах — денге и полуденге, вес последней составлял 0,18–0,17 г. См.: Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1896. С. 42, 43, 147–153; Зверев С. В. История денег в России. К 350-летию русской рублевой монеты. М., 2005. С. 13 и иллюстр.; Гайдук П. Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки в XIV–XVII вв. М., 2006. С. 92–94, 115–122, 131, 132; Великий князь и государь всея Руси Иван III. С. 179–181.

и установленному порядку и что они полностью повинуются государю...»¹⁹.

Пожалуй, самое убедительное проявление могущества русского государя — это его войско. В Записке сказано, что, «когда Господин Герцог хочет выступить с конницей в какой-нибудь поход, через 15 дней в его распоряжение предоставляются в каждом городе и деревне намеченные и выделенные для него люди по каждой провинции, так что всего вместе собираются двести или триста тысяч конных ратников²⁰ и что оплачиваются они общинами, городами и деревнями в течение всего времени, на которое названный их Господин хочет их занять и что в отдельных случаях может быть выставлено большое количество пеших, которых он употребляет для защиты и охраны городов и важных мест и проходов, где должны продвигаться его войска и конница и для сопровождения обозов с продовольствием; кроме того, что в своей стране он имеет большое число конных ратников, также татары, живущие у границы, дают ему еще много конницы»²¹. Как и в других случаях, так и в описании войска великого князя Московского цифры весьма впечатляют и внушают уважение к могуществу государя, но они серьезно завышены, ибо на самом деле он не располагал ни такими людскими, ни материальными ресурсами, чтобы иметь двести—триста тысяч только конницы, не считая пехоты и еще вспомогательных войск²².

Что касается вооружения, то для защиты русские воины пользуются легкими панцирями, для нападения — секирой и луком; некоторые применяют для нанесения удара копьё; кро-

---

¹⁹ *Relazione sulla Russia*. P. 92; С. 654. Перевод М. А. Гуковского откорректирован: в частности, слово «dossi» он передает как «спинки» (непонятно, спинки какого зверя), хотя речь идет о шкурах белок. См.: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. С. 264.

²⁰ В оригинале сказано «cavalli», то есть «коней», и М. А. Гуковский так и перевел это место, хотя по контексту видно, что речь идет о сидящих на конях воинах, то есть кавалеристах.

²¹ *Relazione sulla Russia*. P. 94, 95; С. 655.

²² По подсчетам М. М. Крома (Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // *Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева*. СПб., 2002 (С. 67–82). С. 72, 79, 80), максимальная величина русского войска могла в первой половине XVI в. достигнуть цифры в 110–120 тысяч ратников, конных и пеших, и вспомогательных частей, а предел мобилизационных возможностей составлял 150 тысяч человек. В последней четверти XV в. эти цифры должны были быть несколько меньше.

ме того, как сказано в Записке, совсем недавно немцы завезли к ним самострелы, арбалеты и ружья (stambuchine, balestre et schiopetti), использованию коих обучились дети боярские (li fioli de gentilhomini)²³, и их применяют в бою²⁴.

Должны поразить и сведения о дворе Ивана III. Еще бы, около трех тысяч человек состоят при нем, причем некоторые из них располагают собственными дворами²⁵. Речь идет о двух его братьях, Андрее и Борисе, и старшем сыне (всего у великого князя Московского сыновей четверо), тоже Иване: «они имеют [Самостоятельные. — *Авт.*] владения, держат отдельные дворы и обладают своими доходами, назначенными им названным гос-

²³ В переводе М. А. Гуковского сказано «сыновья дворян», хотя русский посол скорее всего употребил широко принятый на Руси для обозначения средней и низшей знати термин «дети боярские». В канцелярии миланского герцога его перевели буквально: «li fioli de gentilhomini». О «детях боярских» см.: Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 92–97; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 207, 208; Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской Думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1979. Т. 103 (С. 195–341). С. 198, 199; Назаров В. Д. Дети боярские // БРЭ. М., 2007. Т. 8. С. 593, 594.

²⁴ Relazione sulla Russia. P. 95; С. 655.

²⁵ По прикидке С. Б. Веселовского (Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 79), приблизительно столько же, то есть 3 000 человек, насчитывал Государев двор в середине XVI в. Хотя, основываясь на данных Дворовой тетради середины XVI в., с 1551 / 1552 г. по 1562 г. в составе Государева двора можно насчитать от 3 000 до 4 500 лиц (См.: Зимин А. А. К изучению реформ «Избранной рады» // История СССР. 1976. № 4 (С. 154–159). С. 156). О Государственном дворе, его составе, функциях, политической роли в правление Ивана III и Василия III см. подробнее: Буганов В. И. К изучению состава «Государева двора» в XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975. С. 55–61; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 20–23; Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской Думы во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 196–200; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 86–100; Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России (С. 40–54). С. 40–52; Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. М., 2002. С. 567–584; Назаров В. Д. Государев двор // БРЭ. М., 2007. Т. 7 (С. 513–515). С. 514; Ивина Л. И. Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XVI вв. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVII в. (Очерки истории). СПб., 2006 (С. 99–201). С. 171–176.

подином Великим Герцогом...»²⁶. Кроме того, сообщается в Записке, при великокняжеском дворе состоят «четыре главных господина, избранных в качестве его советников, с которыми он советуется и управляет своим государством и им дарованы земли и юрисдикция и особое положение, так что каждый из них держит пышный двор»²⁷. Речь идет о наиболее приближенных к особе русского государя боярах, занимавшихся вместе с ним управлением страной и, по-видимому, составлявших ядро того института, который получит название и будет конституирован как Боярская Дума²⁸. Эти бояре владеют землями²⁹ на иммунитетных правах, то есть имеют собственную юрисдикцию, которая жаловалась тогда специальными несудимыми грамотами³⁰.

---

²⁶ «...questi hanno signorie et teneno corte separate hanno soe intrate assignatile per il dicto signore Gran Duca...» (Ibid. P. 94; С. 654, 655). О братьях великого князя Андрее и Борисе и старшем сыне его Иване см. подробнее: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. Гл. 2. С. 46–53; Ивина Л. И. Указ. соч. С. 156–161, 164.

²⁷ «...sono alla soa corte quatro principali signori, electi per soi consiglieri, cum li qual se consiglia et governa il suo stato et questi sono donati de terre et iurisdictione et preminentie, per modo che caduno tene bella corte» (Relazione sulla Russia. P. 94; С. 655).

²⁸ Вполне возможно, в тексте описана Ближняя Дума, включавшая наиболее преданных государю лиц. По прикидкам А. А. Зимина, Боярская Дума Ивана III в 60–70-е гг. насчитывала примерно 10–11 человек (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 283. См. также: С. 19–23, 283–309). О Боярской Думе см. подробнее: Ключевский В. О. Боярская Дума древней Руси. Пб., 1919 (1-е изд. — 1882 г.). С. 152–169, 203–216; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 244–246; Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской Думы во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 195–241; Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV–XVI // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958 (С. 41–87). С. 44–48; Назаров В. Д. Боярская Дума // БРЭ. М., 2006. Т. 4 (С. 113–115). С. 114; Ивина Л. И. Указ. соч. С. 173.

²⁹ О боярском землевладении во второй половине XVI в. см.: Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л., 1951. С. 169–182; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 146–202; Кобрин В. Б. Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV–XVI веков. Л., 1983. С. 20–22; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 48–113.

³⁰ См.: Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 43–51; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. С. 110–145; Каштанов С. М. Жалованные и указные грамоты

Наконец, знаком их высокого, привилегированного положения являются их собственные дворы.

Далее сказано, что все знатные люди (*gentilhomini* — М. А. Гуковский переводит как «дворяне», хотя говорить о дворянстве как собирательном обозначении привилегированного класса в этот период еще рано, скорее всего — это представители высшей и средней знати, к которым приложимо звание «бояр») «держат множество слуг (*servi*), кто десять, кто двенадцать, кто пятнадцать, кто двадцать человек, и множество коней, которых много продается и можно содержать с небольшими затратами»³¹. Указание на такое число зависимых людей, «слуг», у бояр, — а слуги на Руси, даже из мелкой знати, приравнивались к холопам (поэтому перевод М. А. Гуковского «*servi*» как «рабы» не так уж далек от точности), — выступавших и в качестве вооруженной свиты при своем господине, призвано было свидетельствовать о силе как господствующего класса, так и государя, который его возглавляет.

Таким образом, Иван III предстает в Записке как могущественный монарх, располагающий необъятными и постоянно растущими владениями, великим числом подданных, огромными доходами, многочисленным войском и большим двором, причем некоторые из его приближенных имеют собственные дворы. Однако он не злоупотребляет своим могуществом и силой и, не исключено, умышленно изображен как явный антипод мрачному тирану, утеснителю и губителю своих подданных. Ибо, как сказано, «сей государь очень любим и почитаем своими людьми и со своими придворными держится весьма просто и проявляет щедрость и иногда вместе с ними обедает, развлекаясь тем, что заставляя их изрядно пить...». А еще он имеет своры собак и с ними охотится, как и другие знатные люди (*gentilhomini*)

как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI века. М., 1958; Каштанов С. М. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе. 1504–1533 гг. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 25–29; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земельной реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 92–97; Назаров В. Д. Честь боярская. Существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках // Родина. 2003. № 12 (С. 52–55). С. 53; Аракчеев В. А. Личный судебный иммунитет помещиков в конце XV — первой половины XVI в. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 287–296.

³¹ *Relazione sulla Russia*. P. 94; С. 655.

его страны³². Таким вот привлекательным человеколюбом, ко-
ему свойственна добродетель великолетия (ибо щедрость — ее
основа)³³, со своими обыкновениями и увлечениями, понятными
каждому и непредосудительными, выступает русский правитель
в рассказе его посла.

4. Русские: вера, язык, одежды, жилища

Что касается религии, то население Руси придерживается
христианской веры, все крещены и соблюдают обряды греческой
церкви³⁴. Говорят они на русском языке, похожем на словенский
(*consimile alla schiavona*) и на богемский и польский, разли-
чия с ними невелики, «как между *нами* [курсив наш. — *Авт.*]
и испанцами и французами и жителями всех других [близких
к нам. — *Авт.*] стран»³⁵. Сравнение очень точное, но сделал его,
конечно же, не русский посол, а тот, кто записывал и оформлял
его показания, миланец, хорошо представлявший сходство меж-
ду собой романских языков и опиравшийся на их пример, чтобы
показать ситуацию со славянскими языками; не случайно в по-
вествовании появляется местоимение «мы» (*noi*), которое может
подразумевать по контексту только итальянцев. Этот случай
дает убедительное доказательство того, что рассказ русского
посла не только переведился на итальянский, но и подвергнулся
определенной правке.

Интересные сведения приведены об одеждах, привычных
для жителей Руси, о чем в ранних ее описаниях западными ев-
ропейцами почти нет сведений. «Зимой обычно облачаются они
[русские. — *Авт.*] в лисьи меха, особенно в их белые горла и ме-
хов этих у них великое множество; в средние сезоны они употреб-
ляют более легкие меха, летом же — льняные ткани, из которых
делают рубахи и другие одеяния». Едва ли так одевается про-
стонародье — крестьяне и городские низы; но это и не одежды
знати, которая «употребляет соболя и другие ценные меха,
а в теплые сезоны — горностаев и белок мехом наружу, а кожей

³² Ibid. P. 95; C. 655.

³³ См. о добродетели великолетия в сочинениях гуманистов второй половины
XV в.: Кудрявцев О. Ф. *Флорентийская Платоновская академия. Очерк исто-
рии духовной жизни ренессансной Италии*. М., 2008. С. 394–399; Голо-
вин В. П. *Мир художника раннего Возрождения*. М., 2002. С. 142.

³⁴ *Relazione sulla Russia*. P. 91; C. 653.

³⁵ Ibid. P. 92, 93; C. 654.

к рубашке, что позволяет сохранять свежесть». Ткани из шерсти, шелка, парчу и подобные материалы носят иноземцы, то есть «немцы и купцы из Венгрии, Греции и других отдаленных мест, но немцы начинают их посещать более других»³⁶. Больше ничего о заграничных купцах не сказано, и если о том, что они вывозят из страны, легко догадаться из выше сказанного, — меха, то вот что они ввозят, из текста Записки совершенно неясно.

Что касается жилых домов, то, как сказано, все они «в этих краях сделаны из дерева, за небольшим исключением построенных для архиепископа, других епископов и прелатов и для больших и некоторых других малых господ (per li signori et alcuni altri signorotti), которые начали возводить [дома] из камня и кирпича на итальянский манер (alla italiana); он [информатор. — *Авт.*] говорил, что они используют [для этих построек] итальянских мастеров и инженеров»³⁷. Странно, что русский посол ничего не сказал о строительстве (или перестройке) каменных церквей приезжими архитекторами, в частности о возведении соборного храма в Кремле итальянцем Аристотелем Фиораванти, ибо гражданских построек из камня и кирпича было действительно совсем мало³⁸ и они не были так заметны и значимы, как церковные здания; стоит также уточнить, что в то время — к осени 1485 г., когда русский посол покинул свою страну, — из итальян-

³⁶ Ibid. P. 93; С. 654.

³⁷ Relazione sulla Russia. P. 92; С. 653.

³⁸ При новгородском владыке Евфимии в 30–40-е гг. в новгородском Детинце были сооружены из камня Грановитая палата, часовая башня и хозяйственные здания. Первой каменной постройкой в Москве была палата митрополита Ионы (1450), на месте которой после пожара 1473 г. была возведена кирпичная палата митрополита Геронтия. Скорее всего в 50-е же годы была возведена каменная трапезная Чудова монастыря в Кремле, уничтоженная пожаром 1477 г.; впрочем, на ее месте было заложено новое каменное здание, состоявшее из трапезной и храма Алексея Митрополита, завершенное в 1485 г. Еще одна трапезная палата была сооружена из камня вместе с поварней в 1469 г. в Троице-Сергиевом монастыре. Здание трапезной из кирпича появилось в 1485 г. в Симоновом монастыре. В 1471 г. в Кремле у стены было построено первое кирпичное жилое здание частного лица — дом купца Федора Таракана. Еще одно сооружение такого типа появилось в 1485 г. — палаты купца Дмитрия Владимировича Ховрина. В 1481–1483 гг. была построена братом Ивана III Андреем Васильевичем кирпичная резиденция в Угличе (известная как палаты царевича Дмитрия). См.: Кучкин В. А. Первые каменные постройки в кремлевском Чудовом монастыре // Государственные музеи московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1980. Вып. III (С. 5–11). С. 9; Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 95–132.

янских мастеров и инженеров, кроме упомянутого Аристотеля Фиораванти, в Москве уже начал работать Антон Фрязин, специалист по, правда, крепостным сооружениям, а не по архитектуре невоенного назначения³⁹. Были ли в Москве одновременно с ними еще другие итальянские каменных дел мастера, неизвестно. Из всех городов России, если верить русскому послу, «только Москва окружена стенами, построенными названным государем [то есть Иваном III — *Авт.*], живущим в ней основное время, держащим здесь двор и здесь же находится его архиепископ»⁴⁰. Это сообщение тоже надо уточнить, ибо в Москве была резиденция не архиепископа, а митрополита, высшего иерарха русской православной церкви, и, кроме Москвы, из названных в записке городов стены имели также Псков и Новгород⁴¹. Почему русский посол не указал их, сказать трудно, скорее всего он сам мог не знать об укреплениях этих городов.

5. Продовольственные ресурсы страны

Общим местом описаний Руси стали сведения об изобилии и дешевизне в ней продовольствия. Вот и в Записке говорится, что «в этой стране имеется громадное количество скота, крупного и мелкого, что есть в ней очень большие пастбища и в продаже имеется дешевое мясо разного вида, а также куры, и что есть большие реки и озера, которые производят много хорошей рыбы, что у них великое изобилие зерна, так что в ряде мест из-за излишнего его количества собраны удивительные и поражающие запасы пшеницы и другого зерна, особенно в тех местностях, которые удалены от моря, ибо там нет никого, кто мог бы взять его и переправить в другое место». Словом, продовольственный рай: и мясо, и птицу, и рыбу, и хлеба можно есть вволю. Впрочем, с напитками хуже: «они [русские. — *Авт.*] употребляют пиво (*servose*), сделанное чаще всего из ячменя, и мед с цветом, что дает хороший напиток, и ими часто напиваются допьяна»⁴²; вино же они не изготавливают, но, как сказано уже в другом месте,

³⁹ См.: Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля. С. 12–15.

⁴⁰ *Relazione sulla Russia*. P. 91, 92; С. 653.

⁴¹ На самом деле стенами — деревянными или каменными — уже с XIV в. был обнесен большой ряд русских городов, в особенности тех, которые располагались недалеко от границы. См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 341–346.

⁴² *Relazione sulla Russia*. P. 93; С. 654.

привозят из некоторых окрестных стран, в которых оно производится, особенно от немцев⁴³. О склонности русских к пьянству сообщают многие источники, но в них также говорится о мерах власти, очень сильно ограничивающих потребление хмельных напитков подданными, о чем в Записке нет ни слова.

Надо признать, что и Россия, и ее государь изображены в Записке в очень благоприятном свете: с такой страной, представляющей собой великую экономическую, политическую и военную силу, выгодно дружить и быть в союзе, подобный правитель благодаря великолепию своей нравственной природы заслуживает любви и почитания своих подданных. И он может и должен быть принят за образец государя всеми другими монархами Европы. Этот вывод сам собой напрашивается после прочтения Записки, и несомненно, что русский дипломат, стремясь послужить интересам своего государя, в рассказе о нем и его державе дал к тому основания. Однако вопрос о том, не подвергся ли этот рассказ впоследствии хотя бы легкому редактированию, подчеркивающему в духе ренессансных идеалов правителя в облике русского владыки его великолепие, остается открытым. Ибо не исключено, что не чуждые гуманистической образованности секретари миланской канцелярии имели в виду примером русского монарха дать ненавязчивое нравственное наставление своему герцогу, которому прежде всех других и предназначалась подготовленная ими Записка.

---

⁴³ Ibid. P. 95; C. 655.

И. В. ДУБРОВСКИЙ

ВЕНЕЦИЯ, ГРЕКИ И МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО В НАЧАЛЕ КИПРСКОЙ ВОЙНЫ

В конце 60-х — начале 70-х годов XVI века Московское царство оказалось вовлечено в серию тяжелых военных столкновений с Османской империей и Крымским ханством. Важнейшими вехами этой войны были турецкий поход на Астрахань в 1569 года, сожжение Москвы крымским ханом Девлет Гиреем в 1571 году и разгром крымцев в битве при Молодах в 1572 году. В те же самые годы в Средиземноморье Османская империя вела борьбу с антитурецкой «Священной Лигой», главными участниками которой являлись Венеция, испанский король Филипп II и папа Римский Пий V. Эта другая война развивалась столь же драматично. Разгром турецкого флота в знаменитой битве при Лепанто 7 октября 1571 года на минуту показался современникам концом турецкого владычества в Средиземноморье. Сервантес назвал Лепанто величайшим днем столетия¹. Однако этот исторический триумф не имел последствий в виде военных успехов христиан. Война окончилась поражением сил антитурецкой коалиции. Утрата Кипра, оккупированного турками в 1570–1571 годах, стала для Венецианского государства тяжелой раной и символическим рубежом, за которым начинается его упадок. Недаром в венецианской традиции эти события запомнились под именем несчастной Кипрской войны. По словам ис-

---

¹ Сервантес М. Дон Кихот // Сервантес М. Собр. соч. в 5 томах. Том 2. М., 1961. С. 7 (Часть вторая. Пролог. К читателю).

следователя, понтификат папы Пия V, подлинного организатора «Священной Лиги», был последней отчаянной попыткой отстоять средневековую теократическую доктрину «полноты власти», теоретического верховенства римских пап². Для Св. Престола Кипрская война в этом смысле тоже оказалась лебединой песней.

Эти две войны с Османской империей и ее сателлитами, совпадающие по времени, не стали одной общей борьбой христианских стран. Тем не менее два факта истории войны в Средиземноморье имеют отношение к истории Московского государства. Во-первых, это неосуществившиеся планы и попытки Римской курии и венецианцев привлечь Московию к участию в «Священной Лиге». Одна подробность в этой связи заслуживает особого внимания. Мы имеем в виду темную историю написания и появления в Риме сочинения Альберта Шлихтинга, разоблачающего опричный террор Ивана Грозного.

К сожалению, мы располагаем крохами информации. Существующая версия событий гласит, что сначала эти планы не осуществились по банальной причине противодействия Польши. Польские правители по традиции не пропускали папских эмиссаров в Московию. Но по прошествии года бесплодных попыток договориться с польским королем, в августе, сентябре, ноябре 1571 года в Риме заговорили, что сами отказываются от мысли вступать в переговоры с «Московитом». Причиной такого решения называлось то, что в Римской курии открылись глаза на характер правления царя Ивана Грозного, чему послужило некое присланное из Польши сочинение, которое, по-видимому, не может являться не чем иным, как сочинением Шлихтинга. Это объяснение было дано папскому нунцию в Польше, а также польскому королю. Вопрос об отправке посольства в Московию, таким образом, был закрыт. Данная версия обладает определенным правдоподобием. У нас нет фактов, которые ей противоречат. Вместе с тем некоторые моменты заставляют задуматься. Отказ папы Пия V от контактов с Московским царством по «идеологическим» мотивам — беспрецедентный шаг. В истории папства другого такого случая не было и не будет. Отечественные исследователи склонны преувеличивать польское влияние на политику папства в отношении Московии. В действительности, свою политику и интересы в православном мире в курии никогда не путают с польскими, и Рим никогда не шел на поводу у Польши, если это не отвечало его коренным интересам. Появлению в Риме в конце

---

² Prodi P. Il sovrano pontefice. Bologna, 2006. P. 340.

лета 1571 года памфлета Шлихтинга могли сопутствовать другие факты, изменившие планы Пия V. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что внезапное решение папы не вступать в переговоры с Московским царством осталось тайной для его союзников по антитурецкой лиге. В частности, никто не подумал поставить в известность венецианцев. Венеция также помышляла о том, чтобы вступить в контакт с «Московитом» для его привлечения к участию в антитурецкой лиге, и свои письма в Московию венецианцы два года пытались передать через папского нунция в Польше. Судя по всему, до конца войны в Венеции уверены, что папство прикладывает усилия для передачи их писем. Это, по меньшей мере, странно. Стоило ли подвергать отношения риску ненужных осложнений без веских причин? Зачем понадобилось водить за нос венецианцев?

Второй вопрос, который должен заинтересовать историков России, — это отношение греков к Московскому царству в контексте Кипрской войны. Здесь проблема состоит в том, что существует масса источников по истории русско-греческих связей более позднего времени и жалкие крохи — для интересующих нас лет. Наверное, этим объясняется невнимание исследователей к материалам, которые мы хотели бы разобрать. Однако это лишь одна трудность, которая видна сразу. Понимание другой приходит постепенно. Тут играет роль природа события, о котором идет речь. За громким названием «Священная Лига» стоял временный военный союз Венеции и Испанской монархии, и тот давшийся с неимоверным трудом, обязанный своим существованием энергии и непреклонной воле папы Пия V. Расхождение интересов и взаимное недоверие были значительными. Путем многомесячных и мучительных переговоров союзникам удавалось достигать ежегодно нескольких недель относительно согласованных военных действий. В таком же соревновании рождается политика государств. В ней сталкиваются тысячи человеческих воль, самые разные замыслы и представления и такие факты, о которых нельзя догадаться, если только не знать о них заранее. Не увидев подобного контекста, других людей, другие замыслы, мы превратно пойдем наши документы. Хотя их совсем немного, они потребуют долгих объяснений и таких отклонений в стороны, которые, на первый взгляд, бесконечно далеки от нашей исследовательской задачи. Следуя этому представлению о работе, которую необходимо проделать, мы разберем две группы свидетельств для уточнения содержащейся в них исторической информации. Мы будем долго ходить за источниками туда, куда они нас поведут.

г. Документы В. И. Ламанского

Начнем с одного неопубликованного текста. Это письмо венецианских властей кардиналу Коммендоне. Кем оно было написано и каким числом датировано, мы не знаем, но сам текст обсуждался на заседании фактического правительства Венеции Совета Десяти 26 января 1572 года³. У венецианского историка Самуэле Романина есть глухое упоминание некоего документа, датированного 30 января, который, судя по всему, и есть наше письмо⁴. Адрес получателя не указан, но и его можно вычислить. С сентября по ноябрь 1571 года кардинал Коммендоне по поручению Св. Престола находился в Вене, где вел переговоры с императором о его присоединении к антитурецкой лиге. 22 ноября Коммендоне прибывает в Краков с целью склонить к участию в войне с «Турком» польского короля Сигизмунда Августа, но находит его тяжело больным. Король скончался 7 июля 1572 года, и вместо переговоров об антитурецкой лиге Коммендоне пришлось заниматься продвижением на польский трон кандидата,

---

³ Archivio di Stato di Venezia, Consiglio dei Dieci, Deliberazioni, Segrete, reg. 9, f. 212v. — 213: Die dicto [Primo Februarii]. In Collegio cum capitibus X. Al cardinal Commendone. Noi stamo aspettando, che con l'aiuto del Sor Dio le fatiche della S.^{ria} V. Illma hanno il fine, che si desidera a beneficio de tutta christianità, et per questo noi non mancamo de tutti li offitii, che potemo far, et con Sua S.^{ia} et con la Ces.^a et Cath.^a M.^{ia} et speramo, che Illma S.^{ria} V. con la molta virtù sua supererà tutte le difficultà, le quali a lei, che ha tanta pratica de negotii di stato, saranno più facili, che a cadaun'altro. Ne resta pregarla, che la sia contenta con la solita diligentia sua trovar modo di far capitar le alligate lettere nostre al Ser.^{mo} Re di Moscovia, perché sono importantissime; et perché altre volte le scrivevemo, et mandassemo le lettere al R.^{do} Portico Nontio de Sua S.^{ia} appresso il sereniss.^o Re di Polonia, che li facesse haver recapito, et havessemo in risposta da Sua S.^{ria} R.^{da} che per la guerra, over sospetto di guerra, che era tra quella M.^{ia} non poteva mandarle. V. S.^{ria} Illma sarà contenta dimandarle, quello, che è successo di esse lettere, et se per caso le havesse ancora appresso di se, la potrà mandarle, per un'altro messo diverso da quello, che porterà le alligati, accioché se habbi maggior sicurtà, che al manco una mano le capiti. Mandamo a V. S.^{ria} Illma copia di quanto già scrivevemo al Ser.^{mo} Re di Polonia in proposito della vittoria, concessa dal Sr Dio alla christianità, che le servirà per instruttione, et con questo fine le pregamo ogni felicità. [De parte] — 18, [De non] — 0, [Non sinc.] — 0. Vigore deliberationis consilii X cum add. Diei 26 Januarii 1571. Текст датирован «more veneto». Напомним, что новый год в Венеции начинался 1 марта.

⁴ Romanin S. Storia documentata di Venezia, T. VI, Venezia, 1857. P. 287. По словам Романина, текст находится в венецианских «Анналах». Вопреки названию, это не городская хроника, а сборник копий официальных документов.

поддержанного Римом (сначала это был сын императора Эрнст Австрийский, позднее французский принц Генрих Анжуйский). Эти факты и содержание письма убеждают в том, что оно было отослано в Польшу, где Коммендоне временно исполнял роль главы представительства Св. Престола.

В письме сказано следующее: «Мы ожидаем, что с Божьей помощью Вы поправитесь... Нам остается просить Вас, чтобы Вы сооблаговостили со свойственным Вам усердием разыскать способ передать светлейшему королю Московии наше письмо, которое мы прилагаем, ибо речь идет о важнейшем деле. Мы писали ему несколько раз и отправляли письма отцу Портико, нунцию Его Святейшества при светлейшем короле Польши, дабы он переслал их в Московию. Вы отвечали нам, что из-за войны, которая шла или могла начаться между Их Величествами, эти письма нельзя послать. Позвольте Вас спросить, что стало с этими письмами? Если они случайно еще у Вас, Вы можете их отослать, но не с тем гонцом, который повезет приложенное письмо, а другим. Так будет больше надежды, что хотя бы один из путей окажется успешным. Посылаем Вам копию нашего письма светлейшему королю Польши по поводу победы, дарованной Господом Богом христианам, дабы Вы использовали его при написании инструкции [для Ваших гонцов], и засим желаем Вам всего наилучшего».

Заседания Совета Десяти проходили в расширенном составе с участием Дзонты, дополнительного совета, насчитывавшего в это время пятнадцать человек. Обсуждение не было формальностью. В ходе дебатов голоса часто разделялись, но данный текст был утвержден единогласно.

Мы знаем документы, упомянутые в письме венецианцев кардиналу Коммендоне, благодаря публикации В. И. Ламанского. Прежде чем обратиться к этим текстам, напомним читателю хронологию начала Кипрской войны. До нее Венеция тридцать лет жила в мире и в существенной мере разоружилась. Ее военные силы и флот пришли в откровенный упадок. Потому венецианцы долго не хотели верить очевидным знакам подготовки «Турка» к войне. В январе 1570 года великий визирь объявляет венецианскому представителю в Стамбуле, что султан Селим II считает Кипр неотъемлемой частью Османской империи. Затем следуют аресты венецианских купцов и их кораблей и товаров. В середине февраля турки атакуют опорные пункты венецианцев в Далмации. Турецкий посол с извещением о турецких притязаниях на Кипр выезжает из Стамбула 1 февраля и 28 марта

1570 года на официальной аудиенции во Дворце дождей оглашает ультиматум венецианскому правительству. В феврале при дворе императора, в Венеции и Риме начинаются разговоры о необходимости христианской лиги против «Турка». Энергичные меры по подготовке к войне Венеция предпринимает с середины марта. Двигателем складывающейся коалиции выступает папа Пий V, благодаря которому 1 июля стартуют переговоры с испанским королем Филиппом II. В июле турки высаживаются на Кипре и 9 сентября после полуторамесячной осады овладевают столицей острова Никосией. Его главный порт и последний оплот венецианцев Фамагуста сдалась неприятелю через год — 4 августа 1571 года.

Перейдем к документам В. И. Ламанского⁵. За двумя исключениями, эти тексты находятся в том же томе протоколов заседаний Совета Десяти, что и процитированное нами письмо кардиналу Коммендоне. Первый текст — протокол от 28 апреля 1570 года. В нем говорится следующее. Нет другого пути подвигнуть души народов, кроме религии. Некий венецианский подданный («*fidel nostro*») грек Григорий Малакса («*nobile Peloponense et Cretense*») обратился к венецианским властям с предложением, которым нужно непременно воспользоваться. Оно состоит в том, что, когда венецианский флот приблизится к «Морее или другим частям Греции», необходимо поднять антитурецкое восстание местного населения. Для этого надо передать главе православных греков патриарху Константинопольскому, что под венецианской властью греческая церковь сохранит свое положение, а православные — свободу вероисповедания. Следующий документ — письмо Константинопольскому патриарху Митрофану III, обсужденное на заседании 3 мая, — содержит те же тезисы в развернутом и уточненном виде. В нем предлагается организовать восстание греков, когда к берегам Морей подойдет венецианский флот, дается обещание сохранить для греков в неприкосновенности греческую веру со всеми ее обрядами. Далее сказано, что копия этого письма патриарху Константинопольскому также посылается в Московию. Таким образом, «император Московии» становится своего рода гарантом исполнения венецианским правительством своих обещаний. Необходимость такой меры вызвана невозможностью переслать формально заверенный

---

⁵ Lamansky V. *Secrets d'état de Venise: Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle*. Saint-Petersburg, 1884. P. 077–089.

документ в Константинополь. Потому письмо патриарху будет изложено устно тайным гонцом. Эту службу исполнит грек и венецианский подданный («*fidelissimo nostro*») Мануил Глицунис, «рекомендованный сказанным Малаксой». «Вышеупомянутый император», по мысли венецианцев, должен ударить на «Турка» со своей стороны. Письмо оканчивается просьбой к патриарху посодействовать присоединению Московии к антитурецкой лиге теми способами, которые у него найдутся.

Третий текст В. И. Ламанского — письмо «императору Московии», проголосованное на том же заседании 3 мая. В нем горячо осуждается турецкое коварство и неверность клятвам. Далее утверждается, что венецианцы, вопреки всему, так хорошо изготовились к войне, что рассчитывают не просто отбиться, а «распространить имя христиан» на новые территории. Это тем более можно сделать, если другие христианские государи их поддержат. В частности, такая помощь ожидается от правителя Московии. Он должен напасть на неприятеля, пока турецкая армия и флот отвлечены войной в Средиземноморье. Затем рассказано о письме венецианцев патриарху Константинопольскому, копия которого будет приложена, а также изложена просьба держать грамоту при себе и передать патриарху, если тот ее попросит. Конец текста такой: «Совету было объявлено, что Московиту будет дан титул императора», так как в некоем «письме Его Величества Ивана Василия он называется императором Московии». Следующая фраза выглядит более поздней припиской: грамота изготовлена с датой 13 мая, и правитель Московии в ней назван не императором, а королем («ибо выяснилось, что таким титулом его именует папа»). Интересно, что грамота русскому царю была написана от имени дожа, которого в Венеции на тот момент не было. Простудившись на одной из торжественных церемоний и проболев несколько дней, дож Пьетро Лоредан скончался в тот же день, 3 мая. Новый дож Алвизе Мочениго, по венецианским понятиям, был избран очень быстро — это случилось уже 9 мая, — но церемония коронации состоялась только 15 мая. Следовательно, 13 мая дожем он еще не являлся. Такое смелое отношение к формальностям, возможно, делало документ сомнительным.

Впрочем, должно быть, письмо не было отослано сразу. Четвертый текст в подборке В. И. Ламанского датирован 19 мая. Это письмо венецианских властей — по-видимому, Совета Десяти — папскому нунцию в Польше Винченцо даль Портико. В нем вспоминаются старые отношения Портико с венецианцами,

восходящие ко времени его губернаторства в Анконе. Потому, пишут венецианцы, они не удивились, получив от него письмо от 18 апреля. Портико, кажется, по своей инициативе оказал Венеции некую любезность, смысл которой не вполне понятен. Венецианские власти в свою очередь всегда готовы к его услугам, в доказательство чего принимают на службу в качестве командира 200 пехотинцев его брата. О войне, развязанной «Турком», они высказываются так: нет худа без добра («*confidamo nel Signor Dio, qual de ogni male cava qualche bene*»). В данном случае хорошо то, что христианские правители теперь знают, что турки изменяют своему слову, и на договоры с ними нельзя полагаться. Господь Бог тем самым подталкивает их к тому, чтобы они объединились и совместными усилиями превознесли имя христиан. С такими предисловиями венецианцы просят Портико переслать их письма «светлейшему королю Московии». Заметим, что об их письме греческому патриарху и связанных с ним планах здесь ничего не сказано. Затем следует просьба держать дело в строжайшем секрете. Видимо, из тех же соображений секретности Портико должен прислать ответ на имя Глав Совета Десяти. Документ оканчивается припиской по поводу нового обсуждения вопроса об обращении к «Московиту»: по примеру папы Римского, решено именовать его королем.

Пятый документ — внутреннее постановление Совета от 28 июля. Из него можно понять следующее. Портико быстро ответил, что письмо в Московию переслать нельзя. Интересно, что в этой связи волнует венецианцев в первую очередь. Они беспокоятся о том, чтобы не вышло недоразумения с патриархом. Потому венецианские власти решают отправить к патриарху Константинопольскому нового гонца с сообщением о том, что копия адресованной ему грамоты в Москву не доставлена, однако ее пошлют, как только смогут. Этого второго гонца, к сожалению не названного по имени, снова рекомендует Григорий Малакса. Заплатить приходится обоим. Тайный гонец получает деньги на проезд, но на этом траты не кончаются. Выясняется, что автору грандиозного плана («*principal promotor di quanto si ha operato*») не на что купить себе пропитание. Ему также выдана скромная сумма.

Шестой текст — второе письмо нунцию Портико, обсужденное на заседании 12 августа. По словам венецианцев, Портико сообщил им, что «между светлейшим королем Польши и Московитом» заключен «мир или перемирие» и они снова просят его переслать отправленный ему «пакет с письмами» («*il plico delle nostre le-*

tere») в Московию. На что походил и как был запечатан этот «пакет», «конверт» или «сверток», мы не знаем. Так или иначе, выясняется, что некий общий конверт был. Если папский нунций не был достаточно любопытен, о письме венецианских властей греческому патриарху он мог не догадываться. Мы до сих пор не уточняли, как упомянутые документы были проголосованы. Обобщая, скажем так: весной и летом 1570 года голосование, в котором обычно принимало участие до тридцати человек, приближалось к единогласному. За исключением последнего случая, всегда было от одного до четырех воздержавшихся, а при голосовании документа от 28 июля один человек подал голос против.

Похоже, в дальнейшем интерес венецианцев к отправке их писем в Московию ослабевает. Судя по нашим документам, Совет Десяти не возвращался к обсуждению данного вопроса полтора года. Война в Средиземноморье была привязана к навигации, и это равнодушие кажется понятным осенью 1570 года, когда военная кампания оканчивалась. Но интереса нет также весь следующий год, который был для «Священной Лиги» в военном отношении наиболее успешным. Вопрос возникает вновь только в связи с планами военной кампании 1572 года. Два следующих документа в подборке В. И. Ламанского датированы одним числом 1 февраля 1572 года. Это новые письма русскому царю и Константинопольскому патриарху. В письме царю Ивану Грозному составители выражают уверенность, что он слышал о великой победе христиан над турецким флотом в битве при Лепанто. Она «проложила путь всем христианским правителям», которым следует напасть на «общего врага» и отомстить за все обиды. Если враг будет атакован со всех сторон, он не выдержит христианского натиска, и т. д. Патриарху сообщается о том, что венецианцы напишут и отправят в Московию новую грамоту. Его просят не сомневаться в намерениях и доброй воле Венеции, которая твердо желает исполнить все, что патриарху Константинопольскому было обещано. Всем членам Совета Десяти и Дзонты предпринимаемые действия показались разумными. Письма одобрены единогласно. Неуверенные и сомневающиеся, немногочисленные прежде, пропадают совсем. Никого из венецианцев не посетила мысль, что курия может их обманывать.

Два последних текста в подборке В. И. Ламанского — прошения («suppliche») Григория Малаксы, поданные венецианским властям. По словам издателя, первая записка относится «к началу войны 1570 года». Однако в нашем распоряжении есть более точная дата, которая содержится в следующем документе.

Согласно второму прошению, первый текст следует датировать 7 апреля 1570 года. Таким образом, между обращением Григория Малаксы к Венецианской Синьории и принятием его предложения на заседании Совета Десяти и Дзонты 28 апреля прошло три недели. Из записки Малаксы мы узнаем, как точно была сформулирована его идея.

Выясняются, как минимум, два интересных факта. По утверждению автора, греки остаются под властью Османской империи только потому, что боятся религиозной нетерпимости Запада. Они скорее умрут, чем согласятся присоединиться к католической церкви (*«che più tosto che fare, voriano morire»*). Защищая свою веру, они готовы встать на сторону турок. Автор («супплики») напоминает венецианцам о том, как греческие митрополиты призывали греков поддержать турок в борьбе с Андреа Дориа, и те откликнулись на призыв. Такой поворот разговора можно сравнить с ушатом холодной воды. Венеции надо стремиться к тому, чтобы в грядущей войне греки не стали ее заклятыми врагами. Обращение венецианцев к патриарху Константинопольскому, с этой точки зрения, выглядит уже не наступательной, а оборонительной стратегией. Надо хотя бы сделать так, чтобы православные греки не желали победы туркам. Написано черным по белому: без сомнения, греки скорее захотят быть подданными турок, которые дают им жить по-своему, чем подчиниться венецианцам (*«senza dubio alcuno voranno più tosto star suditi de Turchi, che li lassano viver a suo modo, che sottoponersì»*).

То, о чем идет речь, — в первую очередь внутренний вопрос Венецианского государства. Отношения между венецианской колониальной администрацией и местным населением на островах Кипр, Крит и других не были безоблачными. Православные греки далеко не являлись самой лояльной частью венецианских подданных. Наиболее тяжелый период в отношениях Венецианской Синьории и подчиненной ей островной Грецией, можно сказать, остался в прошлом, однако надо понимать — в каком смысле. Особенно беспокойным местом был Крит. Венецианский Крит в прошлом сотрясают восстания против венецианского господства. В конце концов венецианцы смогли обезглавить движение, сделав местную знать своим союзником. Это радикальным образом укрепило их положение, но не изменило ситуацию в принципе. В 1570–1572 годах происходит крестьянское восстание на Крите, и в какой-то момент инсургентам удается овладеть важным городом Ретимно. В годы Кипрской войны других серьезных греческих восстаний в венецианских владениях,

кажется, не было. Тем не менее венецианские историки рассказывают немало фактов сотрудничества греков с турками, причем это началось буквально с момента высадки турецкого экспедиционного корпуса на Кипре. В планах турок сначала было атаковать Фамагусту, но греки подсказали им, что те смогут быстрым ударом овладеть столицей острова Никосией, и показали дорогу. Греческий коллаборационизм сопутствовал турецкому наступлению. Здесь лучше избежать поспешных обобщений. Другие греки мужественно сражались плечом к плечу с венецианцами, к чему мы еще вернемся. Но мы должны обозначить вставшую перед венецианцами проблему. Турки, со своей стороны, с успехом включаются в соревнование за симпатии православных христиан. На оккупированных венецианских территориях они провозглашают свободу православного вероисповедания. С такой точки зрения инициатива венецианского правительства предстает для нас в новом свете. Им надо хотя бы спасти самих себя.

Не менее интересно то, как Григорий Малакса объясняет свой план обращения к патриарху. Православные епископы объявляются им естественными лидерами греческого мира, способными повести за собой. Призвать их к антитурецкому восстанию может Константинопольский патриарх, которому надо пообещать две вещи. Во-первых, его, естественно, волнует сохранение православия. Вопрос на самом деле не так прост и имеет две стороны. Первое, что имеется в виду, — это, конечно, сохранение в неприкосновенности религиозных обрядов греческой церкви. Но одного этого обещания мало. Здесь надо себе напомнить, как была организована религиозная жизнь на венецианских греческих островах. Заморские владения Венеции, по сути, были единственным местом, где формально действовала Флорентийская уния. На практике внутреннего религиозного мира не получилось, и стороны оставались в латентном конфликте. Грекам было позволено исполнять свои обряды, но их епископами в островной Греции являлись венецианцы католического вероисповедания. Время от времени ревностные епископы предпринимали попытки атаковать фактическую автономию греческих общин, однако венецианское правительство благоразумно стремилось обуздывать такие инициативы с мест, справедливо считая их разрушительными. В этой связи и надо понимать следующее обещание, которое, по мысли Малаксы, венецианцы должны дать патриарху Константинопольскому Митрофану III. Венеция берет на себя обязательство оставить греческих епископов на своих кафедрах, то есть не допустить повторения ситуации, сложившейся в вене-

цианских владениях. Во-вторых, венецианцы обязаны защитить от неминуемых турецких репрессий тех православных греков, кто выступит в их пользу. Им в лице патриарха надо пообещать, что их не бросят на произвол судьбы, если венецианцам придется отступить. Называя патриарха Константинопольского «главой греческого народа», Григорий Малакса предлагает отправить к нему тайного гонца. Но самое удивительное — то, чего в его тексте нет. Мы с удивлением замечаем, что о Московии у Малаксы не сказано ни слова. Мысль о том, чтобы сделать правителя Московии гарантом устного соглашения между Венецией и греческой церковью, не его. Это не представление грека, а представление венецианцев о том, какие у греков могут быть представления. Согласимся, это важно.

Прежде чем перейти к другому блоку информации, содержащейся в первой записке Малаксы, скажем два слова о второй. В. И. Ламанский, безусловно, ошибается с ее датировкой. В этом втором прошении Григория Малаксы венецианским властям, которое В. И. Ламанский относит к 1572 году, явно содержатся более поздние факты. В частности, там говорится о приглашении венецианским правительством на постоянное жительство в Венецию православного митрополита Филадельфийского Гавриила Севира и щедрой пенсии, назначенной ему властями. У Малаксы об этом сказано как о событии прошлого года, а поскольку данный факт имел место в 1578 году, вторую «супплику» Малаксы нам надо датировать 1579 годом. Тем не менее она любопытна. В этом документе проситель большими мазками рисует панораму греческих восстаний на Балканах в период Кипрской войны. По другим материалам мы знаем, что его картина достаточно верна. Он справедливо указывает на усилия и жертвы православных греков, вставших на сторону «Священной Лиги». Одних православных митрополитов и епископов, организовавших восстания в своих диоцезах, от турецких репрессий погибло четверо. По словам Григория Малаксы, патриарх Константинопольский Митрофан имел к этим выступлениям прямое отношение. Правда это или нет, мы не знаем. Митрофан был смещен с патриаршей кафедры весной 1572 года, и это явно было связано с сомнениями турок в его лояльности Османской империи. Однако ничего хуже этого с ним не случилось, и он даже вернулся на патриарший престол впоследствии⁶. Так или иначе, Григорий Малакса — имея

---

⁶ На отсутствие данных о причастности Митрофана к антитурецким выступлениям на Балканах в годы Кипрской войны обращает внимание Я. Хасиотис:

перед глазами обидный пример митрополита Филадельфийского — настаивает на своих заслугах перед Венецией и просит помочь ему материально.

Два прошения Малаксы, сохранившиеся среди «супплик» Совета Десяти и опубликованные В. И. Ламанским, красноречиво рисуют его более чем скромный достаток. Григорий Малакса — эмигрант из Нафплиона, одно время живший на Крите, а затем перебравшийся в Венецию. Не имея своих средств, он живет на содержании Венецианской Синьории, получая пенсию в 42 дуката в год, назначенную ему при доже Франческо Донато (1545–1553). Когда-то на эти деньги можно было жить, но теперь их не хватает. Ему и его брату некогда было присвоено «критское дворянство», тем не менее, конечно, он никакой не аристократ, способный кого-то повести за собой, и не солдат, а греческий ученый, корректор при венецианских книгопродавцах.

Нельзя не вспомнить, что, вопреки всему, Григорий Малакса оставил свой след в русской истории. О нем можно сказать словами протопопа Аввакума, написанными по поводу Никоновских «перстосложений»: «И книги святяга полживили и отложили и ссылаются на некоего Дамаскина иподдиякона и Студита, имя ему и сами не знают. И тому окаянному врагу Божию верят. И по тому Дамаскинову преданию велят креститься щепотию тремя персты. А благославляют некако странно развращенно раскорякою пятью персты, по преданию врага и адова пса Малаксы протопопа. Обе тайны их незаконны»⁷. Действительно, известен источник обычая креститься тремя сложенными пальцами, введенного при патриархе Никоне. Им послужил сборник проповедей Дамаскина Студита, впервые изданный не кем иным, как Григорием Малаксой в Венеции в 1568 году. «Малакса протопоп» — брат Григория Николай, еще один венецианский книгоиздатель, давший описание и толкование «именословному перстосложению», используемому в русской православной церкви со времен Никоновской реформы для архиерейского благословения, отчего старообрядцы называют это жест «малаксой». Тексты Дамаскина Студита и Николая Малаксы, способствовавшие

Χασιώτης Ι. Οι Έλληνες στις παραμονές της ναυμαχίας της Ναυπάκτου. Εκκλήσεις, επαναστατικές κινήσεις και εξεγέρσεις στην ελληνική χερσόνησο από τις παραμονές ως το τέλος του Κυπριακού Πολέμου (1568–1571). Θεσσαλονίκη, 1970, σ. 133–134.

⁷ Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998.

расколу, были переведены и изданы в Никоновской «Скрижали» 1656 года.

Скромность положения Григория Малаксы обескураживает. Трудно сказать, почему венецианские власти к такому человеку прислушиваются. Он утверждает, что патриарх Митрофан III — «его друг», однако его пояснениям не хватает убедительности. Дело касается событий двадцатилетней давности. С 1546 по 1549 год Митрофан, бывший в это время митрополитом Кесарийским, находился в Италии с некоей миссией, порученной ему тогдашним патриархом Дионисией, и довольно долго прожил в Венеции. По утверждению Григория Малаксы, он и будущий патриарх стали друзьями, так как Митрофан отслужил обедню вместе с его братом протопопом Николаем Малаксой («*essendo tal Patriarcha amico mio, che essendo lui Metropolitani, avanti fusse Patriarcha, che andò ambassador a Roma, cantò messa con mio fratello, protopapa de Napoli soprannominato, in questa città*»).

Имя грека, отправленного, по рекомендации Малаксы, с секретным заданием к патриарху Митрофану, известно также в другой связи. Мануил (по-венециански: Маноли) Глицунис, или Глицони, некогда школьный учитель с острова Хиос, за год до своей поездки в Стамбул издал первый учебник математики на новогреческом языке. Он и Григорий Малакса предстают людьми одной социальной среды, которая кажется весьма далекой от военного дела. В нашем распоряжении есть еще один документ, найденный и опубликованный замечательным греческим историком Янисом Хасиотисом. Это письмо Глицони венецианским властям с просьбой позаботиться о его брате «Дзуане» (Джованни, Янисе) и «его доме» в том случае, если он не вернется с опасного задания⁸. «Его дом» также держится на его заработке.

Два года венецианцы безуспешно пытаются передать свои письма правителю Московии через представителей Римской курии в Польше и слышат в ответ объяснения, что сделать этого нельзя. Почему они не испробуют других путей? Может быть, дело в секретности, о которой настойчиво говорится в письме венецианцев нунцию Винченцо даль Портико от 19 мая 1570 года. Эти письма не должны попасть в чужие руки. В том, что за два года разные возможности у венецианцев были или могли быть созданы, сомневаться не приходится. Мысль о желательности привлечения Московии к участию в антитурецкой лиге возникает в Венеции раньше, чем Григорий Малакса сформулировал свои

---

⁸ Χασιώτης I. Ibid., σ. 237–238.

предложения и они были обсуждены. Мы имеем в виду миссию Джакомо Соранцо. Он был отправлен к германскому императору и польскому королю в конце марта 1570 года. Папский нунций в Венеции Факкинетти сообщает об этом в Рим 1 апреля. В письме от 5 апреля он уточняет эту информацию: «ему поручат также, если получится, съездить в Московию» («Il clar.^{mo} Soranzo, destinato ambasciatore all'Imperatore et in Polonia, havrà commissione ancora di passar potendo in Moscovia»)⁹. Переговоры в империи заняли столько времени, что в итоге Соранцо не добрался даже до Польши. В Венеции говорят об отправке своего посла в Московию в 1570, 1571, 1572 годах. Насколько нам известно, дальше разговоров дело не пошло. Потому мы не станем занимать время читателя пересказом этих подробностей. Куда более интересны две «неофициальные» поездки венецианцев в Московию весной—летом 1570 года.

Оба эпизода для нас не вполне ясны. Один случай документирован несколькими польскими и латинскими письмами из архива коронного подканцлера Красиньского. Все они датированы одним днем 14 марта 1570 года¹⁰. Из них восстанавливается следующая картина. Венецианский посол при дворе императора Джованни (или Дзуан) Микбель обращается к подканцлеру коронному Францишеку Красиньскому с просьбой помочь ему в семейном деле. (Посредником в пересылке письма, видимо, был польский посол при императоре Лукаш Подоский, так как один из документов называется источником информации его, а не Джованни Микбеля.) Речь идет о некоем юном родственнике венецианского посла, «молодом человеке двадцати лет» по имени Мельхиор Микбель, которого надо вызволить из глупой затеи, куда он ввязался. Глупый юноша вздумал отправиться в Московию, присоединившись к команде венецианских мастеров («cum alio comitatu Itolorum mechanicorum», «z rzemieślniki niektóremi») во главе с неким Алессандро Пикерони делла Мирандола. По словам взволнованного дяди, «тот его облапошил», или «заморочил голову» («una cum Mirandulano isto, a quo est circumventus»). Алессандро Пикерони делла Мирандола — венецианский архитектор и инженер, в том числе известный своими проектами в области военного кораблестроения. В том же 1570 году великий венецианский зодчий Андреа Палладио публикует свои «Четыре

⁹ Nunziature di Venezia. T. IX. A cura di A. Stella. Roma 1972. P. 249, 251.

¹⁰ Akta podkanclerskie Franciszka Krasinьskiego, 1569–1573. Warszawa, 1869. S. 345–346, 351–353.

книги об архитектуре», где он упоминает Алессандро Пикерони как источник своих сведений об устройстве деревянных мостов в Германии¹¹. Действительно, с середины 60-х годов Алессандро Пикерони работал в качестве архитектора при дворах немецких Габсбургов. Тем не менее, насколько можно понять из документов, мастера не были набраны среди венецианцев, находящихся в Германии, а выехали в Московию из самой Венеции. Произошло это с ведома венецианского правительства или нет, мы не знаем. Скорее всего это частная инициатива, поскольку венецианский посол Джованни Миккель просит поляков команду задержать.

Поляки реагируют со свойственной им заинтересованностью в таких делах. Немедленно рассылается королевский циркуляр. В нем король велит схватить «итальянца Александра» и арестовать его вещи, «в особенности, все имеющиеся при нем письма и бумаги» («*praecipue autem litteris et scripturis omnibus, quae penes ipsum fuerint*»). Далее говорится, что его спутники должны оставаться в месте задержания «под почетной охраной до следующих распоряжений». Видимо, подразумевалось, что сам схваченный Алессандро Пикерони будет отправлен для разбирательств к королю. Неизвестно, чем эта история закончилась, но Красиньский спешит успокоить своего корреспондента: раз есть распоряжение короля, куда они не денутся.

Конечно, можно удивляться тому, что об этом эпизоде нет или пока не найдено других источников. Возможно, это аргумент в пользу того, что поездка Пикерони в Московию не была согласована с властями. Впрочем, отсутствие документов может иметь другие причины. Австрийский историк Густав Турба, изучавший дипломатическую корреспонденцию Джованни Миккеля, сообщает о «почти полном отсутствии депеш за март, апрель, май» 1570 года и связывает эти лакуны с известным пожаром во Дворце дождей 1577 года. То немногое, что сохранилось, — не оригинальные письма венецианского посла, а выписки, сделанные для серии, которая на венецианском канцелярском языке называется «*Rubriche*»¹². Нам остается добавить, что изложенные события имели место за несколько недель до того, как Венеции понадобилось послать письма в Московию.

Весной и летом 1570 года в Москве побывал другой венецианец, о чем свидетельствует записка, поданная им на имя венецианско-

---

¹¹ Palladio A. I quattro libri dell'architettura. Venetia, 1570. Il terzo libro. P. 12.

¹² Turba G. Venetianische Depeschen vom Kaiserhof. Bd. III, Wien, 1896, S. XVII–XX, 489.

го дожа¹³. Он попал в Московское царство в составе польского посольства, прибывшего к царю Ивану Грозному для заключения перемирия. Какую роль при этом играл «венецианец» — пока будем называть его так, — мы не знаем. Приехавших было столько, что в этой толпе, наверное, мог оказаться кто угодно. По свидетельству русской стороны, помимо самих послов и 16 «королевских дворян», «людей с послы [было] 718 человек, а лошадей 900, да купецких и их людей 643 человека»¹⁴. Структура посольства, или, вернее, ее отсутствие, должно быть, также способствовала попаданию в него самых неожиданных персонажей. Оно не было составлено по какому-то плану, а складывалось из огромных свит главных участников посольства, возможно не знавших всех своих слуг в лицо. Одним из наиболее ярких эпизодов в истории этого посольства оказался религиозный спор, затеянный с царем проповедником из небольшой протестантской секты «богемских братьев» Яном Рокитой. Можно предположить, что таких неожиданных спутников в посольстве было достаточно. Не менее удивительна медлительность, с которой происходят перемещения этой человеческой массы. Посольство выехало в Московию из Люблина летом 1569 года. Королевская грамота царю датирована августом. Оно подъехало к Москве только 13 февраля следующего года, а въезд в город состоялся только 3 марта. Если «венецианец» имел некое задание от венецианского правительства, по датам не получается, чтобы оно было связано с Кипрской войной. Объяснения, с которых начинается текст, вообще создают впечатление, что никакого задания не было. Автор пишет так: он ездил в Московию вместе с польским посольством год назад («hora fa l'anno») — следовательно, текст составлен в 1571 году — и по возвращении оттуда он узнал, что венецианцы должны отправить к царю своего посла. Теперь автор находится в Венеции и как венецианский подданный («come suddito») и верный слуга в надежде быть полезным хотел бы изложить увиденное.

Сведения касаются двух тем. Во-первых, это информация о том, как лучше организовать венецианское посольство к правителю Московии. Здесь масса ценных практических советов о том, какие действия надо предпринять и как себя вести, что русским понравится, а что нет. Так, с приставами надо быть смиренны-

---

¹³ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841. С. 213–215.

¹⁴ Сборник РИО. Вып. 71. СПб., 1892. С. 630.

ми, но, если те сделают что-то не так, немедленно жаловаться, и их обязательно накажут. Говоря о скандалах, сопровождавших польское посольство, автор, симпатизирующий полякам, тем не менее отмечает, что те вели себя дерзко («hanno fatto molte insolenze»). Венецианцам не надо брать с них пример. В записке уточняется, как одеваться, что дарить и много других подробностей. Во-вторых, «венецианец» обстоятельно пишет о политическом строе Московии и ее правителе. Подданные страшатся и слушаются его больше, чем Господа Бога. «Турок» не имеет такой власти над своими подданными, как «Московит». Ценные подробности приведены о жертвах опричнины, в частности — о разгроме Новгорода.

Как такое свидетельство данный текст давно известен и используется отечественными историками. Между тем, за исключением некоторых деталей, в изложении фактов истории посольства и ужасов правления Ивана Грозного он не оригинальный, а следует за другим источником. Е. Ф. Шмурло обращает наше внимание на зависимость записки «венецианца» от неопубликованного сочинения «Il successo dell'imbasciaria del re di Polonia al principe di Moscovia a dì 12 di Genaro 1570». Первичность «Il successo» доказывается тем фактом, что он полнее. «Венецианец» берет из него отдельные темы и излагает их с сокращениями. Интересно заметить, где мы находим рукопись «Il successo». Это том из Ватиканского архива (Misc. Arm. II, t. 69), составленный из бумаг Портико, собранных им в связи с подготовкой к поездке в Москву. Том открывается интересующим нас списком «Il successo». За ним идет известный список сочинения Шлихтинга. Далее следуют другие материалы, среди которых мы находим еще один рассказ о том же посольстве, который озаглавлен «Contumeliae ac iniuria quibus nuncii... sunt affecti». Автор последнего сочинения называет себя. Им оказывается не кто иной, как секретарь польского посольства Андрей Иванович. По предположению Е. Ф. Шмурло, ему же, возможно, принадлежит другое латинское сочинение о польском посольстве 1570 года «Iter nunciorum...». Оно сохранилось в документах Польской нунциатуры (совр. шифр: Segr. Stato, Polonia, t. 4). Иными словами, его появление в Риме также связано с нунциатурой Портико. В бумагах Портико, таким образом, мы находим три рассказа о польском посольстве в Московию 1570 года. Как пишет Е. Ф. Шмурло, два из них, «Contumeliae» и «Iter nunciorum», похожи между собой и заметно отличаются от третьего текста «Il successo». Два первых составлены на латыни (или переведены на латынь). Для Рима этого бы-

ло достаточно. Однако «*Il successo*» зачем-то написан по-итальянски. О содержательных различиях у Е. Ф. Шмурло сказано так: «Хотя обиженный тон и недовольство московскими порядками... нетрудно подметить на многих страницах «*Successo*», все же это отнюдь не заглушает преобладающего мотива сочинения: дать понятие о Москве как стране, народе и правительстве. Не то «*Contumeliae*»: тут все подобрано с одной определенной целью — вызвать в читателе убеждение в несправедливостях москвитян... Все сводится к перечню нанесенных полякам обид»¹⁵. Что нам остается подумать? Возможно, текст «*Il successo*» принадлежит перу участвовавшего в посольстве итальянца, расположенного к полякам, но имевшего также свои глаза и своих корреспондентов. Определенная близость к «польскому дискурсу», доходящая местами до повторения подробностей рассказов пана Андрея Ивановича, а также попадание «*Il successo*» в ватиканское «досье Портико», должно быть, свидетельствуют о том, что составитель этого сочинения не был в посольстве неким известным тайным агентом, а водил знакомство с важными панями и получал от них информацию. Автор интересующей нас записки, которого мы пока именуем «венецианцем», либо воспользовался этим текстом, либо... он сам и был ее автором. Скорее всего верно последнее. Такая гипотеза — самое простое и логичное объяснение близости двух сочинений.

Вернемся к записке, адресованной венецианскому дожу. Имени автора в тексте нет, но оно фигурирует в заглавии. Якобы это некий «монсиньор Джерио, приор Англии, посланный из Венеции». Текст, о котором идет речь, стал известен русским историкам по копии из собрания коллекционера конца XVIII века аббата Альбертранди. На эту рукопись ссылается Н. М. Карамзин. По тому же списку текст опубликован А. И. Тургеневым. По сообщению Н. М. Карамзина и А. И. Тургенева, в копии указан источник, с которого она сделана: это рукопись Ватиканской библиотеки, имеющая шифр: *Vat. Lat., t. 6786*. К сожалению, мы не видели этой ватиканской рукописи и потому вынуждены опираться на информацию Е. Ф. Шмурло, который с ней работал¹⁶.

Записка «монсиньора Джерио, приора Англии, посланного из Венеции», имеет несколько странное заглавие: «*Discorso di Monsignor Gerio Priore d'Inghilterra mandato da Venetia, del trattamento che usò il duca di Moscovia alli ambasciatori Pollachi et*

---

¹⁵ Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 37–38, 241–248.

¹⁶ Там же. С. 248–249.

d'una invasione che fecero gli Tartari in quei paesi, al doge di Venetia». В качестве темы сообщения, помимо польского посольства, в заглавии упоминается некий татарский набег на Московию. Е. Ф. Шмурло объясняет, в чем дело. В списке аббата Альбертранди два текста даны под одним общим заголовком. Это записка «Джеро» о польском посольстве 1570 года и польская газета с описанием сожжения Москвы Девлет Гиреем в 1571 году. Этот второй текст, возможно, был приложен к письму «монсиньора Джерио» им самим либо кем-то, кто сделал для себя его копию. У А. И. Тургенева газета о татарском набеге тоже опубликована, но отдельно, как самостоятельный документ, через три документа после свидетельства «монсиньора Джерио». Название, доставшееся в издании А. И. Тургенева одному письму «Джеро», точно воспроизводит общее заглавие двух текстов в копии аббата Альбертранди. То же самое заглавие упоминают Н. М. Карамзин, а также описание рукописи в собрании петербургской Публичной библиотеки, где она в конце концов оказалась¹⁷. Е. Ф. Шмурло сообщает, что общее заглавие для двух текстов существует также в ватиканской рукописи, послужившей протографом, однако дословного совпадения нет. Оно звучит так: «Del barbaro et bestiale trattamento che usò il duca de Moscovia alli ambascadori Polacchi et d'una invasione che fecero gli Tartari in que' paesi ove havendo vinte doe bataglie con grandissima mortalità da paesani abrusciorono anchora sin a la cita metropoli del duca fuggito et meorno via da 150 / m. schiavi». Как мы видим, оно длиннее, а самое главное, похоже, отсутствует имя «приора Англии» «монсиньора Джерио». Далее, мы узнаем от Е. Ф. Шмурло точное название польской газеты: «Ex Polonia die 14 Iulii 1571». Но это все, что он сообщает. Где и как упомянут «Джеро», остается неясным.

Имя автора записки «монсиньора Джерио, приора Англии, посланного из Венеции», не вызывает у Е. Ф. Шмурло и его предшественников никаких вопросов. Нас это имя ставит в тупик. Речь идет должности внутри Мальтийского ордена, но, если сказать коротко, в этот момент ее не существует. Много десятилетий назад в Англии победила Реформация, орден на территории Англии был распущен, и английские монархи давно отказались признавать такую должность. В последней трети XVI века Великими приорами Англии там время от времени называют кого-то из лидеров английского католического сопротивления. В литературе есть смутные сведения о том, что в Италии звучный титул в те же

---

¹⁷ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1866 год. СПб., 1867. С. 107.

годы дается кому-то из итальянцев. Тем не менее сколько-нибудь достоверных списков Великих приоров Англии для интересующего нас исторического периода не существует ни в официальной историографии Мальтийского ордена, ни где-либо еще. Кроме послания венецианскому дожу, нет ни единого документа, подтверждающего существование Великого приора Англии по имени Джерио. Более того, человека с таким именем не удастся найти не только среди приоров, но даже в списках рыцарей Мальтийского ордена.

Есть один неопубликованный текст, который может иметь отношение к интересующему нас лицу. Он сохранился в большом числе списков. Мы познакомились с копией, хранящейся в отделе рукописей Biblioteca Nazionale Centrale во Флоренции (Fondo Capponi, cod. 24, «Tre discorsi del Priore d'Inghilterra al Papa»). В этих материалах некий «приор Англии» рассуждает о том, как привести к подчинению Св. Престолу две страны — Англию и Московию. Нам показалось, что ничего особенно интересного об обращении Московии там не сказано, кроме уточнения, что попасть в страну планируется северным путем, через будущий Архангельск. Напомним, что этот путь был открыт и использовался в XVI веке англичанами. Имя папы, к которому обращается автор, не названо, однако в заглавиях других списков фигурирует имя папы Пия V¹⁸. «Приор Англии» остается безымянным. Если предположить, что «приор Англии» здесь и в записке, поданной на имя венецианского дожа, — одно лицо, данный текст должен предшествовать его поездке в Московию. Следовательно, она была для него осуществлением давнего и обдуманного плана.

Не факт, что этот план тут и изложен. Мы ведь ничего не знаем ни об этом человеке, ни о его ситуации. «Приор Англии» мог ехать в Московию вовсе не ради обращения москвитов, а, например, по заданию испанского короля Филиппа II или, скажем, Венецианской Синьории, тогда как папа и Римская курия могли интересоваться его в другой связи. Например, тот искал расположения папы, мечтая стать кардиналом. Сказанное — пока — выглядит безответственной фантазией. Мы хотим сказать только

---

¹⁸ Например, в ватиканской рукописи, упомянутой Людвигом Пастором: «Discorso fatto a Pio V dal prior d'Inghilterra cavalier Hierosolymitano sopra la riduzione di quel regno». См.: Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. VIII. Freiburg im Breisgau, 1920, S. 435, со ссылкой: BAV, Ott. Lat., t. 2432, p. 160–178. Так же озаглавлена копия, принадлежавшая известному падуанскому коллекционеру Пинелли. В каталоге миланской Biblioteca Ambrosiana ее шифр: С 64 inf., f. 21r — 27v. И т. д.

одно: читая такой документ, мы готовы принять его за выношенный человеком замысел и высказанное желание. А дело может обстоять совсем не так. Сказанное относится к любому из наших документов. Трудно бывает отделять то, что нам сообщили, от того, что невольно додумано нами.

Сближению этих материалов, подписанных безымянным «приором Англии», и записки «монсиньора Джерио, приора Англии, посланного из Венеции», мешает, по меньшей мере, одно обстоятельство, а именно язык. Письмо венецианскому дожу составлено на итальянском языке, и нет оснований думать, что это перевод. В известной нам флорентийской рукописи тексты, написанные на имя папы Римского, — это латинские оригиналы с приложенными к ним итальянскими переводами.

Оставим пока «монсиньора Джерио» и займемся «приором Англии, посланным из Венеции». Все говорит за то, что этот человек должен был носить имя сэра Ричарда Шелли. На прямой вопрос, был ли сэр Ричард «приором Англии», трудно сказать уверенное «да». Назвать его «венецианцем», наверное, было бы еще большей натяжкой. Мы скажем так: если современники слышали о Великом приоре Англии, проживающем в Венеции, они полагали, что речь идет о Ричарде Шелли.

Сэр Ричард был причастен к кратковременной реставрации Мальтийского ордена в Англии, предпринятой в конце правления католички Марии Кровавой. При ней Великим приором стал Томас Трешем, а Ричард Шелли получил вторую по значению должность «туркопольера». Это надо пояснить. В Мальтийском ордене существовало около десятка высших почетных должностей, которые были поделены между его региональными и национальными отделениями — приоратами. По установившейся традиции, на должность «туркопольера» назначался англичанин. Иными словами, две упомянутые должности Великого приора Англии и «туркопольера» не были связаны отношениями субординации. Являясь вторым лицом в английском подразделении Мальтийского ордена, «туркопольер» никоим образом не был «заместителем» Великого приора, готовым занять его место в случае его смерти. Королева Мария скончалась в 1558 году. Корона вернулась протестантам с понятными последствиями для Мальтийского ордена в Англии. Трешем умер год спустя. Ричард Шелли, оказавшийся в эмиграции, видимо, несколько лет не назывался «приором Англии». Одно время он оказывал дипломатические услуги испанскому королю Филиппу II. Что произошло потом, не совсем ясно. Мы имеем противоречивые свидетельства.

По словам одного из биографов, в 1566 году, не желая идти против воли английской королевы Елизаветы, Шелли отказывается от должности Великого приора Англии¹⁹. Одновременно в собственной историографии мальтийских рыцарей мы встречаем прямо противоположные сведения. Автор — Джакомо Босио. К 1566 году он приурочивает сообщение о том, как приор Англии Ричард Шелли впервые прибыл на Мальту и тут же затеял спор о своем месте в орденском Совете. Шелли настаивает на том, что он должен сидеть выше всех итальянских приоров. Под 1568 годом Босио приводит информацию о тяжбе Ричарда Шелли с приором Капуи Пьетро ди Монте. Речь по-прежнему идет о порядке занятия мест и о том, кто из приоров должен выступать первым. «Великому приору Англии» в очередной раз отказывают в его претензиях. Вскоре после этого умирает глава Мальтийского ордена, легендарный Жан де Ла-Валетт, и на его место избирается тот самый Пьетро ди Монте. На освободившуюся должность приора Капуи назначают другого. Надоевший всем английский скандалист тут же пытается сесть выше нового приора Капуи. Между ними завязывается перепалка, и их выставляют за дверь обоим²⁰. Это все эпизоды с участием сэра Ричарда. Ничем другим в истории ордена он не запомнился.

Неудивительно, что Шелли вскоре оставил Мальту и уехал в Венецию. С короткими перерывами он прожил там до конца дней. Что касается его жизненных целей, он по-прежнему стремится идти двумя путями одновременно. Сэр Ричард Шелли тяготился вынужденной эмиграцией. Мечта о возвращении в Англию сделала его английским шпионом. Шелли снабжал своих соотечественников секретной информацией о планах иезуитов в Англии, «Великой армаде» своего прошлого благодетеля короля Филиппа II. Попытки Шелли заявить о своей лояльности английской королеве не являются большой тайной. «Приора Англии» в глаза называют ее «другом и шпионом». В то же самое время Шелли помышляет о карьере в католической иерархии. Он мечтает стать кардиналом, чтобы представлять в курии Англию. Иллюстрацией его усилий в этом направлении явно служит упомянутая выше записка «приора Англии» папе Пию V с изложением плана «подчинения этого королевства».

---

¹⁹ Pollard A. F. Shelley, Richard // Dictionary of National Biography. Vol. 52. New York, London, 1897. P. 40–41.

²⁰ Bosio G. Dell'istoria della sacra religione et illustrissima militia di san Giovanni Gerosolimitano. Parte terza. S. l., s. a. [1595] P. 778, 817, 825.

Московия, как ни странно, также входит в круг интересов английского проходимца. Поездка Шелли в Московию впервые была запланирована в 1562 году. Он должен был отправиться в качестве посла испанского короля Филиппа II и его брата германского императора в Персию. Филипп II в письме португальскому королю Себастьяну от июня 1562 года поясняет план путешествия Ричарда Шелли. Дорога в Персию должна была пролегать «через Польшу и Московию», а возвращение планировалось осуществить на португальских кораблях через Ормузский пролив²¹. В разгар войны с «Турком» персидский шах представлялся в Европе ценным военным союзником. Однако германский император вскоре заключил с турками мир, и потребность в посольстве Шелли отпала.

Таким образом, в португальских материалах мы находим еще одно подтверждение того, что к путешествию в Московию Шелли давно готовился. Еще более интересен другой текст, определенно имеющий отношение к поездке Шелли в Московию в составе польского посольства весной—летом 1570 года. Это письмо неких «английских католиков» папе Пию V с просьбой сделать приора Англии Ричарда Шелли кардиналом. Документ не опубликован, а рукописи мы не видели. Мы знаем об этом тексте из двух источников. В одном английском издании есть английский перевод этого письма²². Мы надеемся, что перевод точный. Рукопись хранится в Ватиканской библиотеке под шифром Vat. Lat. 6436 (интересующий нас текст находится на странице 262r). Электронный каталог Ватиканской библиотеки и есть наш второй источник²³. Первое, на что стоит обратить внимание, — это владелец рукописи. Она представляет собой сборник *avvisi* (рукописных «газет») и похожих на них текстов за 1565–1571 годы, принадлежавший кардиналу Мороне. Напомним себе, что Джованни Мороне (ум. в 1580 году) на протяжении долгого времени являлся одним из главных действующих лиц в попытках Римской курии завязать отношения с царем Иваном Грозным. Кардиналу Мороне даже доводилось ему писать. К слову сказать, вышеупомянутая рукопись, содержащая записку «монсиньора Джерио приора Англии, посланного из Венеции», происходит из личного

---

²¹ Machado D. B. *Memorias para a historia de Portugal*. Т. II. Lisboa, 1737. P. 46. Вся история изложена на P. 43–51.

²² *Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Vatican Archives*, Volume 2, 1572–1578, ed. J. M. Rigg. London, 1926. P. 193.

²³ <http://www.mss.vatlib.it/gui/console?service=shortDetail&id=33411>

архива кардинала Сирлето. Сирлето не был таким «специалистом» по России, однако, как только заходит речь о контактах с Московией, он все время находится где-то рядом. Если Мороне — неперемный участник дел, то кардинал Сирлето мелькает в каких-то консультативных комиссиях. Оба кардинала относятся к числу ключевых фигур Римской курии, прямо или косвенно причастных к ее восточной политике. Мы пустились в эти долгие объяснения ради одной фразы из письма «английских католиков», которая того стоит. Отсутствие Ричарда Шелли в настоящий момент «английские католики» объясняют так: «Он человек, хорошо разбирающийся в делах всего мира, и по этой причине Венецианская Синьория решила отправить его в Московию и Персию, чтобы вооружить эти народы на войну против турок». Если бы в нашем распоряжении был только английский перевод, который мы цитируем, мы бы не поняли, что здесь подразумевается то самое польское посольство. Английский издатель дает примерную дату документа, который, по его мнению, был составлен в 1574–1575 годах. Это недоразумение. Согласно каталогу «Ватиканы», время и место написания ходатайства неведомых «английских католиков» указаны точно: «*Lovanii, pridie kal. martii 1570*», то есть документ составлен в городе Лувене, в Южных Нидерландах, 28 февраля 1570 года.

Нам трудно трактовать это неожиданное свидетельство о миссии «приора Англии». Скорее всего источником информации о своей поездке в Московию, достигшей Лувена, являлся он сам. В роли интерпретатора выступает сам сэр Ричард, и он явно заинтересован в том, чтобы представить свою миссию важным делом. Дата отъезда Ричарда Шелли в Московию предшествовала Кипрской войне. Напомним, что посольство выехало в Московию со съезда в Люблине, на котором было провозглашено объединение Польши и Литвы в единое государство Речь Посполитую, летом 1569 года. Хотя Шелли мог присоединиться к посольству по дороге, в начале февраля 1570 года оно уже находилось в пределах Московского царства. Вывод, который хотелось бы сделать, касается самой возможности связаться с правителем Московии. Если бы венецианцы в 1570, 1571, 1572 годах не рассчитывали на помощь тем, кто не собирался им помогать, они бы решили вопрос своими силами.

Для сравнения можно указать на венецианское посольство в Персию, которое состоялось, хотя добраться до Персии, наверное, было труднее, чем до Москвы. Венецианский агент Винченцо Алессандри ехал в Персию не через Московию, а добирался

инкогнито через Молдавию и Турцию. Материалы этой миссии известны и опубликованы. Обсуждение в Совете Десяти писем венецианского дожа персидскому шаху и инструкции, полученной Винченцо Алессандри, датированы 27 и 30 октября 1570 года. Его первые отчеты венецианским властям, написанные с дороги, — 24 и 25 июля 1572 года. Вернувшись в Венецию, Винченцо Алессандри составляет финальный отчет об итогах своего посольства 24 сентября и докладывает его на заседании Совета Десяти и Дзонты 11 октября того же года²⁴. Глядя в эти многочисленные тексты, задаешься вопросом: где документы о задании «приора Англии», если его действительно куда-то посылали и нас не водят за нос?

Все вышесказанное кажется убедительным доказательством того, что настоящим автором записки о польском посольстве 1570 года и тирании Ивана Грозного, поданной венецианскому дожу, являлся не некий «Джеро», а английский авантюрист Ричард Шелли. Венеция была маленьким городом, чтобы в ней жило больше одного «Великого приора Англии». Нам остается разобраться с «Джеро». Первой мыслью является испорченность этого имени в рукописной традиции, но это предположение не слишком правдоподобно. Долгой рукописной традиции здесь быть не может. Владелец рукописи кардинал Сирлето получал информацию из первых рук. Непривычное имя Шелли в Италии и Испании переделывали так, что его не всегда легко узнать. Похоже, сам сэр Ричард относился к этому с юмором. В Венеции Шелли назывался «графом Конкильо» — от слова «conchiglia», «раковина», являвшего переводом английского слова «shell»²⁵. Вместе с тем превращение «Шелли» в «Джеро» с трудом объяснимо фонетически. Лучше эту мысль оставить, ибо есть еще один момент, почему-то не замеченный исследователями. «Джеро», как мы помним, именуется «монсиньором». Это обращение применимо только к епископу или кардиналу. Обычным обращением к приорам и самому Великому магистру Мальтийского ордена было «фра», «брат». «Монсиньорами» они называться не могут. Между тем один «монсиньор Джеро» историкам известен. Это Филиппо Джеро (он же Gheri, Ghieri или Geri), уроженец Пистойи и епископ острова Искья, затем епископ Ассизи.

---

²⁴ Berchet G. La repubblica di Venezia e la Persia. T. 1. Torino, 1865. P. 29–39, 158–182.

²⁵ Strype J. Annals of the Reformation and the Establishment of Religion in the Church of England. Vol. 3. London, 1728. P. 128.

На протяжении многих лет он был секретарем кардинала Мороне. При этом Филиппо Джерио ничто не связывает с Венецией, тем более он никогда не назывался «Великим приором Англии», и не похоже, чтобы в 1570 году он уезжал из Италии. Возможно, как человек Мороне он был причастен к передаче бумаги, и именно «монсиньора Джерио» и «приора Англии, посланного из Венеции» слились вместе по недоразумению. Чтобы решить вопрос окончательно, надо увидеть ватиканскую рукопись. Кардинал Сирлето, безусловно, знал того и другого, и в его рукописи такой ошибки быть не должно.

Перейдем к следующему вопросу. В письмах венецианцев патриарху Митрофану мы слышим обещание сохранить православную церковь на тех территориях, которые перейдут под власть Венеции. В этой связи нас должен заинтересовать вопрос о том, какой была политика Венецианского государства в отношении православия. Находилось ли это обещание в русле каких-то идей и тенденций или же противоречило всему, что мы знаем?

В литературе можно встретить высказывания о религиозной терпимости венецианцев, якобы отличавшей их от других европейцев и особенно папского Рима. Появление таких интерпретаций объясняется принятием всерьез ряда идеологических картин. Они возникают в Венеции как часть идеологической кампании самопрославления, известной под именем «венецианского мифа». Одновременно подобный образ Венеции как идеальной страны бывает востребован политическими мыслителями в других регионах Запада. Примером такого употребления выдуманного образа Венецианского государства, где последователи всех религий мирно сосуществуют и есть место для свободной дискуссии, может служить «Семичастный разговор» французского автора Жана Бодена. Исследователи, занимающиеся отношениями Венеции и греков, отмечают, что подобные идеологические построения далеки от жизни. Авторитетный исследователь Джорджо Федальто начинает свою важную статью на волнующую нас тему с разговора о терпимости²⁶. Это понятие сложилось в XVIII веке и применительно к средним векам и началу Нового времени, по мнению автора, является анахронизмом. Разное отношение к иноверцам в интересующую нас эпоху определяется другими фактами. Главным мотивом действия или равнодушия выступают требования общественной жизни, а именно коммунальный прин-

---

²⁶ Fedalto G. La Comunità greca, la Chiesa di Venezia, la Chiesa di Roma // I Greci a Venezia / a cura di M. F. Tiepolo ed E. Tonetti. Venezia, 2002. P. 83 sq.

цип ее организации, предшествовавший эпохе государственного суверенитета. В такой ситуации безразличие к иноверцам, как ни странно, может себе позволить главный хранитель устоев христианства, Римская курия, тогда как общинная жизнь основана на единоверии и не допускает компромиссов.

В Венеции проживала огромная греческая община. Возможно, речь идет о нескольких процентах населения города. Кроме того, православные греки составляли большинство на принадлежавших Венеции островах, крупнейшими из которых были Кипр, Крит и Корфу. Политика Венецианского государства в отношении православия изначально была предельно жесткой. К жестким мерам, предпринятым Венецией на покоренных территориях Византийской империи после Четвертого крестового похода, современный исследователь возводит подлинное начало схизмы, разделения христианства на две конкурирующие силы католиков и православных. Согласно этому рассуждению, давно существовавшие догматические и иные разногласия оставались знанием узкого круга лиц, а настоящее понимание пропасти, разделяющей восточное и западное христианство, отныне очевидной для большинства, пришло в Грецию в результате церковной политики венецианцев после 1204 года. «Схизмы» не было, пока две формы церкви не столкнулись в рамках того, что называют «Венецианской колониальной империей», и в других государствах крестоносцев²⁷. Еще раз повторим: дело не в том, что сначала «терпимости» не было, а потом она развилась. Все объясняется формой государственной жизни, для которой религиозное инакомыслие может быть или восприниматься допустимым либо разрушительным. Тут надо разделить два вопроса: отношение к приезжим и своим. Венецианцы с их открытостью миру и опытом общения с иноземцами всегда более доброжелательно настроены по отношению к послам из Московии, чем жители Рима, где за спиной «москвитов» изливают желчь. В том, что касается венецианских греков, дело обстоит с точностью до наоборот. Удивительный, но объяснимый факт — неожиданные симпатии римских пап к проживающим в Венеции грекам на протяжении всей первой половины XVI века. Венеция их угнетает, а папы выступают их заступниками. Несмотря на отчаянные протесты венецианских патриархов, несколько римских пап фактически

---

²⁷ Lemerle P. L'Orthodoxie byzantine et l'œcuménisme médiéval: les origines du «schisme» des Églises // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. IVème sér., № 2. 1965. P. 244.

поддержали саботаж Флорентийской унии православными греками Венеции. Речь идет в том числе о неприятии ими ключевых догматов латинской церкви. Папы проявляют в этом вопросе удивительное равнодушие. Поддержка с их стороны помогала складываться полунезависимой греческой общине, которой папы пытались покровительствовать через голову местных церковных властей.

Затем ситуация меняется. Если в Венеции вырастала фактическая религиозная свобода, папство движется в противоположном направлении. После Тридентского собора в католической церкви существует тенденция к ущемлению прав религиозных меньшинств. В 1564 году папа Пий IV своей буллой подчинил всех греков латинским епископам, перечеркнув тем самым привилегии, полученные венецианскими греками от его предшественников Льва X, Климента VII и Павла III. В булле Пия V «*In соена Domini*» 1569 года содержался запрет всем христианским государям принимать иноверцев в своих владениях. Публикация этой буллы, стремившейся навязать христианскому миру некие идеальные представления о власти папы, натолкнулась на сопротивление ряда правителей Европы из-за содержащихся в ней покушений на их прерогативы. Многие из них, в том числе Венеция, отказались публиковать буллу на своей территории. Таким образом, практических последствий для православных греков Венеции она не имела, но настроение папы, наверное, она передает.

Венецианцы вынуждены измениться перед лицом турецкой опасности. Она требовала от них повернуться лицом к православному миру. Предложения, прозвучавшие в письмах Константинопольскому патриарху, для самой Венеции — революционный шаг. Реализация этих предложений означала слом традиционной модели власти венецианской администрации на греческих территориях. Если мы приходим к этим констатациям, то тогда перестает быть понятным, как эти посулы собирались выполнять.

Уточнить наше понимание этой ситуации помогут другие материалы. Вскоре после несчастной Кипрской войны положение греческой общины в Венеции кардинальным образом меняется. В 1573 году оканчивается строительство греческой церкви Сан Джорджо деи Гречи. Еще через несколько лет в Венеции фактически появляется православный епископ. Эта история упомянута в одной из «супплек» Григория Малаксы. Напомним, что Григорий Малакса позабавивал величине пенсии, положенной венецианским правительством поселившемуся в Венеции греческому

митрополиту Филадельфийскому Гавриилу Севиру. Детство и юность Гавриила Севира прошли на Крите, венецианских Ионических островах, затем в стенах Падуанского университета. Став православным священником, он несколько лет действует в греческой общине Венеции. Во время его посещения Стамбула-Константинополя патриарх Константинопольский рукополагает Гавриила Севира в митрополиты Филадельфийские. Вместо того, чтобы отправиться в назначенную ему епархию, по соглашению с венецианским правительством он вновь появляется в Венеции. Венецианские власти признают за ним роль главы православных города и венецианских владений в Италии, Далмации и на греческих островах. Константинопольский патриарх в конце концов это одобряет. Митрополиты Филадельфийские, Гавриил Севир и его преемники, получают от патриарха разрешение проживать в Венеции в качестве представителей константинопольской церкви — патриарших экзархов. Такая форма существования православия в Венецианском государстве во главе с номинальными митрополитами Филадельфийскими, фактически выступавшими венецианскими епископами, стала постоянной и сохранялась с перерывами до конца XVIII века.

Так дело выглядит, если сказать о нем коротко. В то же время наиболее компетентные исследователи говорят о смягчении политики Венеции в отношении православия с рассудительной осторожностью²⁸. Для обеих сторон эти преобразования не означали отказ от платформы Флорентийской унии. Скорее ее осуществление отдалилось во времени. Джорджо Федальто в упомянутой статье приводит любопытные материалы, убеждающие в правильности такой интерпретации. Католики видят в православных несозревших людей, которым требуется время и убедительный моральный пример, чтобы прийти в полной мере к признанию истин католической церкви. Уния воспринимается как отложенное мероприятие или как осуществляющийся процесс, долгий в силу его сложности. Сторонником сближения церквей, бесспорно, является сам митрополит Филадельфийский. Его разговоры об унии и принятии католических порядков (например, григорианского календаря) вызывали раздражение константинопольского патриарха. Наконец, важны детали того, как он оказался в Венеции. Изначально православные греки вынашивали другой план, который венецианские власти решительно не устраивал. Согласно этому замыслу, митрополит Филадельфийский Гаври-

---

²⁸ См., напр., статью Дж. Федальто, указанную в прим. 26.

ил Севир и еще один греческий епископ, оба посвященные в сан патриархом Константинопольским, должны были поселиться на острове Крит и создать там настоящую православную церковную провинцию. Венецианцы приложили усилия к тому, чтобы этого не случилось. Приглашая митрополита Филадельфийского в Венецию, они тем самым избегают худшего.

Вернемся к письмам венецианцев патриарху Митрофану III. Данное ему обещание сохранить православную церковь в Греции, если рассмотреть его в одном ряду с последующими фактами, можно назвать проявлением определенной «тенденции». Жизнь заставила венецианцев допустить существование в Венецианском государстве православной церкви в такой форме, которая не была предусмотрена Флорентийской унией. Вместе с тем следует помнить, как Гавриилу Севиру не дали поселиться на Крите, а заставили жить в Венеции. Греческие епископы посреди греческого мира по-прежнему кажутся чем-то крайне нежелательным. На первый взгляд факты похожи. Потом выясняется, что нельзя придумать лучшей иллюстрации тех трудностей, которые должны были возникнуть на пути выполнения обещания венецианцев, если бы до этого дошло.

О сохранении православия, включая власть православных епископов, в письме Митрофану сказано несколько общих фраз. А как известно, дьявол в деталях. Возможно, тут надо проявить подозрительность и копнуть глубже. У венецианцев были основания считать патриарха Константинопольского готовым к определенным компромиссам с католической церковью. Эпизод, который должен был оставить у них такое впечатление, мы также упомянули выше, пересказывая «супплики» Малаксы. В 1546–1549 годах Митрофан, бывший тогда митрополитом Кесарийским, по заданию константинопольского патриарха ездил в Венецию и Рим. Он разрешает внутренний конфликт в греческой общине Венеции, добивается для нее в Риме приемлемых условий существования и явно не торопится на родину. До его приезда в Италию венецианские греки не имели отношений с константинопольским патриаршеством. Они находились под властью церковного начальства Венеции во главе с венецианскими патриархами и пытались самоутвердиться с помощью папских булл. Приезжий греческий митрополит Митрофан, мешкающий с отъездом, оказался в роли экзарха греческой церкви. Его пребывание в Венеции можно назвать прологом к истории венецианских митрополитов Филадельфийских. Православная Греция буквально вытребовала его обратно. Из-за некоторых рискованных жестов, допущен-

ных Митрофаном в Риме, в Греции митрополита Кесарийского обвинили в пособничестве унии, вынудили вернуться и лишили сана. Подобные обвинения преследовали его впоследствии. Прошло время, и он был избран константинопольским патриархом, затем низложен и избран вновь, наконец, в 1580 году низложен с патриаршества во второй и последний раз как явный пособник унии. Возможно, нам лучше отнестись к этим обвинениям с осторожностью. Тем не менее очевидно, что патриарх Митрофан был человеком, открытым для диалога с католиками и готовым сделать шаги им навстречу. Вряд ли весной 1570 года в Венеции об этом не помнили.

Перейдем к союзникам Венеции по антитурецкой лиге. У них, естественно, могли быть свои планы и интересы, вступающие в противоречие с изложенным проектом венецианцев. Балканы находятся на периферии интересов испанского короля Филиппа II. Он желал победы над турецким флотом, но его планы экспансии в Средиземноморье были нацелены на Северную Африку. Учреждениями испанской короны, бравшими на себя труды и ответственность за испанскую политику в «Леванте» (к которому испанцы относили Грецию), были Неаполитанское и Сицилийское вице-королевства. В частности, в их ведении находилась обширная шпионская сеть в турецких владениях, опиравшаяся на сочувствующих греков. Испанцы имели влияние в «горячих точках» Балканского полуострова, ряде беспокойных территорий, где турецкая власть оспаривалась местными инсургентами. Стоит прибавить, что в Центральной и Южной Италии, в том числе в папском государстве и Неаполитанском и Сицилийском вице-королевствах, проживала большая диаспора выходцев с Балкан, не потерявшая связи с родиной. Греки были православными, а албанцы — как православными, так и католиками. Военные отряды албанских и греческих наемников-стратиотов служили многим правителям и в первую очередь Венеции и Испании. Наконец, флот обоих государств не в последнюю очередь держался на греках. Впрочем, то же можно сказать о турецком флоте. На наше счастье, данный материал хорошо изучен. Почти всем, о чем хотелось бы рассказать, мы обязаны одному человеку, греческому историку Янису Хасиотису.

Испанцев и греков связывают странные отношения. Первые не испытывают ко вторым ни особенной симпатии, ни большого доверия, они для них «хитрые схизматики». Тем не менее между Испанией и Венецией греки выбирают Испанию. Тем из них, кто мечтал об освобождении Греции от турецкого владычества,

традиционная враждебность испанской короны по отношению к Османской империи давала больше надежды на осуществление их планов. Напротив, Венеция пыталась лавировать, если не была друженна Турции. Она озабочена сохранением мира и стремилась избежать любых не нужных ей осложнений в турецких владениях, которые могли спровоцировать турок. Венецианцы всячески препятствуют связям балканских инсургентов с испанцами также потому, что рассматривают турецкие Балканы как собственную сферу влияния.

Наиболее значительной секретной операцией испанцев в Османской империи накануне Кипрской войны, осуществленной руками греков, была миссия Джованни, или Хуана Барелли, или Яниса Варелиса²⁹. Варелис был уроженцем Корфу и членом Мальтийского ордена. Его план тайной войны против Турции первоначально обсуждался с Великим магистром Мальтийского ордена Жаном де Ла-Валеттом, после смерти которого Варелис обращается к испанцам. Сподвижником Варелиса выступает греческий священник с острова Родос, проживающий на Сицилии, по имени «Джованни» или «Хуан» Акидас. Их секретная миссия включала несколько заданий, одно интереснее другого. В частности, речь шла об отравлении наследника турецкого султана, сожжении главной турецкой верфи в Стамбуле-Константинополе, похищении советника султана Селима и закланного врага Испании, знаменитого еврея Жоао Мигеса, он же Иосеф Наси, он же Иосиф Мендес. Эти меры брались осуществить греческий ренегат Мустафа Лампудис. Еще один ренегат Николай Черно-та, или Черно-та-Бей, бывший турецким архонтом Пелопоннеса, должен был поднять антитурецкое восстание на юге Греции. Наконец, Варелис и Акидас обещали связаться с патриархом Константинопольским Митрофаном III, с которым якобы тоже имелись какие-то договоренности. Секретная миссия провалилась в самом начале. Варелис и Акидас добрались только до Крита. Потом все пошло не так. Раздосадованные испанцы обвинили Яниса Варелиса в финансовых махинациях и растрате выделенных средств. Дело кончилось для него испанской тюрьмой, откуда он шлет новые письма с изложением грандиозных проектов. Эти события происходят с середины зимы до начала лета 1570 года.

Удивительно то, что в начале Кипрской войны испанцы уклоняются от сотрудничества с греками. Соперничества между Испанией и Венецией за то, кто воспользуется выступлениями

---

²⁹ Χασιώτης I. Ibid., σ. 48–76.

балканских инсургентов в своих интересах, не возникает год или полтора, потому что испанцы внезапно делают шаг назад. Поводов так думать много. В распоряжении исследователей имеется протокол переговоров о создании «Священной Лиги», которые шли в Риме на протяжении всего лета 1570 года. Он составлен венецианским послом Микеле Суриано для венецианского правительства, то есть это внутренний документ, которому можно верить. Тема возможного греческого восстания возникает в ходе обсуждения трижды³⁰. В первый день переговоров 1 июля папа упоминает его как аргумент в пользу наступательных действий, от которых испанцы поначалу хотят уклониться. На следующий день 2 июля та же тема звучит в устах испанского представителя кардинала Гранвеллы. Он не удовлетворен предлагаемой продолжительностью союза, заключаемого на 12 лет. По мнению кардинала, это расколдит тех, кто имеет намерение восстать немедленно. Наконец, на заседании 11 июля 1570 года обсуждался вопрос о выборе главнокомандующего, и венецианцы высказывают мнение, что им должен быть венецианец постольку, поскольку «в восточных морях венецианское знамя будет наиболее притягательным, дабы подвигнуть к восстанию тамошних христиан» («*che nei mari orientali la bandiera veneziana avrebbe esercitato una maggiore attrattiva, specialmente per indurre alla rivolta i cristiani di quei luoghi*»). Ответом испанцев было молчание («*queste ragioni non havessero replica*»). Венецианцы искренне считают отношения с греками своим козырем, особым преимуществом, которого лишены другие. Испанцы предпочитают промолчать.

В начале Кипрской войны к королю Филиппу II прибывает греческая делегация с просьбой о военном вторжении Испании на Балканы. Ее возглавляет Георгий Мизотерос, действующий от имени неких греческих заговорщиков и нашего старого знакомого патриарха Константинопольского Митрофана. Испанский король ответил отказом, однако грекам дали понять, что такое испанское вторжение может состояться в будущем. О настроении делегации говорит следующая история. Летом 1570 года со слов Георгия Мизотероса в Милане рассказывают о небесном знаме-

---

³⁰ Trattato fatto dal clarissimo N. N. intorno alla conclusione della lega fatta tra Pio papa V, il serenissimo re cattolico, et l'illustrissima signoria di Venetia // Tesoro politico, cioè relationi, istruzioni, trattati, discorsi vari di ambasciatori, pertinenti alla cognitione et intelligenza delli stati, interessi, et dipendente de i più grandi principi del mondo. Colonia, 1598 (1-е изд. — 1589). P. 316, 318, 335.

нии: якобы над Константинополем появилось три солнца, что, по его мнению, предвещает восшествие Филиппа II на троны Византийской и Трапезундской империй³¹. Нежелание испанцев ввязываться в балканские дела в 1570 году хорошо видно на примере событий в Северном Эпире. Находящиеся здесь город и область Химарра относились к тем территориям Балкан, где турецкая власть встречала активное противодействие местного населения. Традиционными союзниками местных предводителей были испанцы Неаполя. Но в 1570 году наступление в этом регионе предпринимают венецианцы. Они рассчитывают отвлечь силы Османской империи от гибнущего Кипра. В союзе с местным населением и в основном его руками Венеция действительно одерживает здесь ряд локальных побед, тогда как испанцы в эти бои почти не вмешиваются. Испанский исследователь Хосе Флористан описывает эту ситуацию в следующих выражениях: «Говоря образно, отношения Венеции с восставшими территориями Османской империи напоминают внезапный, короткий и страстный роман, который оканчивается горьким разочарованием и разрывом, тогда как отношения Испании похожи на долгие ухаживания с подарками и обещаниями, которые, однако, не приводят к свадьбе, о чем размечталась девушка»³².

Еще один примечательный факт: в начальный период Кипрской войны пропадают сведения о столкновениях венецианцев с испанскими агентами. Два таких случая происходят в 1568 году на венецианском острове Корфу, власти которого принимают суровые меры против тех местных греков, кто передает испанцам информацию о перемещениях турецкого флота и событиях на Балканах. Такова вызвавшая скандал история устранения агента испанских властей Неаполя по имени Андреа Аркудис. Венецианцы пытаются объяснить, что тот куда-то уехал, тогда как испанцы уверены, что их информатора с камнем на шее тайно бросили в море. Потому в другой раз агенту испанского губернатора Лечче, имевшему то же задание следить за перемещением турецких войск и обстановкой в Греции, просто велют убраться с Корфу под угрозой расправы³³. Исчезнувшие на время испанские агенты вновь появляются на Балканах после

³¹ Χασιώτης I. Ук. соч., с. 76–85 (посольство в Испанию), с. 196 (знамение).

³² Floristán Imízcoz J. M. Los contactos de la Chimarra con el reino de Nápoles durante el siglo XVI y comienzos del XVII // Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos. № 13. 1992. P. 57.

³³ Χασιώτης I. Ibid., с. 85–90.

победы христиан над турецким флотом в битве при Лепанто. Они действуют в интересах главнокомандующего флотом союзников Хуана Австрийского, который помышляет о том что создать себе королевство на Балканах, и не жалеет денег на тайные операции. Первый испанский агент, которого с начала войны задерживают венецианцы, — некто Хуан де Стай (так называют его испанские источники), в конце 1571 года направлявшийся на полуостров Мани, место активных выступлений греческих повстанцев, с которыми венецианцы имели свои договоренности³⁴.

Настоящее соперничество между Венецией и испанцами за греческих союзников вспыхивает только в 1571 году, и у венецианцев в этой борьбе нет шансов на успех. То, что испанцы вытесняют венецианцев в кругах балканских заговорщиков, становится очевидно в конце 1571 — начале 1572 года. Как ни странно, испанцы по-прежнему прикладывают к этому мало усилий. Для Филиппа II приоритетным остается североафриканский театр военных действий. Планы его сводного брата Хуана Австрийского о том, чтобы выкроить для себя королевство в Греции, Филиппа II злят. Зримая переориентация балканских инсургентов на испанскую корону — выбор греков на полуострове Мани и многих других местах. Победа при Лепанто резко увеличила престиж Испании и ее военной мощи. Это сопровождается падением влияния Венеции даже среди ее старых союзников. Греки упорно считают венецианцев если не друзьями турок, то, во всяком случае, людьми, которым нельзя доверять. Мы читали это между строк в записке Григория Малаксы, а теперь понимаем, насколько эта мысль сильна.

Возможно, читатель решит, что мы называем слишком много греческих имен, которые, естественно, никому ничего не говорят. Однако это стоило сделать. Дело в том, что едва ли не большинство упомянутых греков, связанных с испанцами, являются... венецианскими подданными. Барелли, или Варелис, — не просто уроженец острова Корфу, находящегося под властью венецианцев. Его родные — важные члены венецианской греческой общины. Георгий Мизотерос, он же по-венециански Дзордзи Грило, — еще один подданный венецианского дожа, мечтающий отдать троны «Греции и Трапезунда» испанскому королю Филиппу II, и т. д. И вот жемчужина открытий Яниса Хасиотиса: едва ли не самым ценным агентом испанских властей, поставляющим им информацию о ситуации на Балканах, является...

---

³⁴ Ibid., с. 192.

Мануил Грицунис³⁵, тот самый учитель арифметики и тайный агент венецианцев, посланный ими в мае 1570 года к патриарху Митрофану.

Как в Риме смотрели на желание Венеции возглавить восставшую Грецию и завязать отношения с правителем Московии? Как это отношение папской курии менялось в течение времени? Нам остается рассмотреть реакцию Св. Престола. В данном случае мы лишены надежной опоры в историографии. Отношения греков с Испанской монархией стали предметом доскональных исследований Я. Хасиотиса и Х. Флористана. Их труды настолько основательны, что мы имеем ясную картину. Со временем в ней могут появиться новые детали, но главные линии наверняка останутся неизменными. Отношение папства к волнениям и обещаниям восстаний в Греции подобным образом не изучено. Конечно, историография «Священной Лиги» 1570–1573 годов огромна, и многие исследователи касались интересующего нас вопроса. Мы узнаем из литературы отдельные тексты, однако не факт, что наша картина полна и мы не упускаем чего-то важного.

Несколько источников попадает в наше поле зрения. Речь идет о сочинениях, адресованных папе Римскому и излагающих план войны с «Турком». Один текст анонимный, он озаглавлен: «*Discorso dedicato al beatissimo et santissimo papa Pio Quinto circa il modo riuscibile et sicuro per far l'impresa et cruciata contro il gran Turco*». Мы снова не видели рукописи, а знаем об этом сочинении со слов отечественного исследователя В. В. Макушева и румынского историка и дипломата Т. Джуvara. Излагаемый план военных действий поистине грандиозен и предусматривает полную и окончательную победу христиан, включающую завоевание святых мест христианства в Палестине. Там уже придется действовать в союзе с «королем Персии». По поводу другого потенциального союзника на Востоке, легендарного государства «пресвитера Иоанна», автор высказывает надежду, что с него хватит Египта и Палестина останется за папой Римским. Поскольку в заглавии упомянут «крестовый поход» против «Великого Турка», *terminus post quem* — папская булла с объявлением крестового похода на два года. Она была обнародована в конце мая 1571 года. Впрочем, возможно, текст написан несколько позже. Такие мечтания могли возникнуть на волне надежд, внушенных победой при Лепанто 7 октября 1571 года. Новость

---

³⁵ Ibid., с. 32, 119, 120, 123, 130–131.

о грандиозной победе при Лепанто достигли Рима в первых числах ноября. Видимо, около этого времени неизвестный автор и берется за перо. Под конец текст кажется довольно вздорным, но сначала карнавальная праздничности в нем меньше, а больше деловых соображений об организации христианского вторжения. Оно должно начаться с Адриатического побережья Балканского полуострова. Прологом к нему послужит антитурецкое восстание местных христиан. По словам В. В. Макушева, «неизвестный автор предлагает произвести восстание христиан в Турции при помощи их единоплеменников, поселившихся во многих местах Италии и преимущественно в Неаполитанском королевстве и в Марке Анконской» (последняя относится к землям папского государства). Далее говорится о необходимости взять с собой не только священников, нужных при войске, но и проповедников «для скорейшего обращения еретиков (то есть православных) в католическую веру» («di modo che più presto unissero gli heretici con li catolici») ³⁶.

Мы не знаем в точности, как в папской курии могли отнестись к обещанию венецианцев сохранить православие после победы над «Турком». Тем не менее мы вправе предположить, что в курии не были этому рады. Т. Джуvara и В. В. Макушев ссылаются на один и тот же список сочинения, который хранится в миланской библиотеке Ambrosiana (шифр: R 121 sup., f. 233r — 249v). Выясняется, что другая копия была в личном архиве Антонио Мария Грациани ³⁷. Человек, о котором идет речь, — секретарь того самого кардинала Коммендоне, к которому обращаются венецианцы, пытаясь переслать свои письма в Москву. Архивом Грациани стали бумаги кардинала Коммендоне, его корреспонденция и другие служебные документы. Это твердое доказательство того, что сочинение в курии было прочитано и сообщено тем лицам, в чьих руках находились нити практической политики.

Другое сочинение похожего рода опубликовано. Его автор — некто Иероним Буккья, Бука или Бучич, довольно известная личность, уроженец города Котор, принадлежавшего Венеции, успевший в прошлом побывать тайным осведомителем множества

---

³⁶ Макушев В. В. Восточный вопрос в XVI–XVII веках // Славянский сборник. Т. 3. 1876. С. 2–3. Подробный пересказ содержания текста без упоминания заинтересовавших нас деталей: Djuvara T. G. Cent projets de partage de la Turquie, 1281–1913. Paris, 1914. P. 106–113.

³⁷ Gli archivi della storia d'Italia / a cura di G. Mazzatinti. Vol. IV. Rocca S. Casciano, 1904. P. 12 (со ссылкой: Archivio Graziani, n. 11).

правителей и других влиятельных лиц, как испанский шпион попавший однажды в венецианскую тюрьму, а в интересующий нас период, кажется, связанный с кардиналом Алессандро Фарнезе. Его текст интересен своей антивенецианской направленностью, которая выглядит востребованной в Риме. Мысль автора состоит в том, что его надо сделать «королем Боснии». По его заверениям, жители Балкан с радостью подчинятся своему соотечественнику. Венецианцам об этом плане знать не надо, все осуществится без их участия, силами одних испанцев при поддержке местного населения. Венеция должна быть поставлена перед свершившимся фактом³⁸. В Риме рассматривают другого кандидата в качестве будущего правителя земель, отвоеванных у турок, мечтающего утвердиться в обход венецианцев. Мы имеем в виду уже упомянутые притязания дон Хуана Австрийского. Один испанский историк рассказывает о прибытии к Хуану Австрийскому в Мессину во время подготовки к военной кампании 1572 года секретной миссии албанцев и греков с предложением стать их королем³⁹. Папский адмирал Маркантонио Колонна в письме от 9 июня 1572 года, упоминая этот факт, пишет так: папа об этом наверняка знает⁴⁰.

Вернемся в Венецию. Записка Малаксы не являлась единственным планом организации восстания на Балканах в пользу венецианцев. Таких обращений греков и албанцев к венецианским властям в начале Кипрской войны было несколько. Мы остановимся на одном. Вскоре после Григория Малаксы, в июне 1570 года, свой план военного десанта в Греции, которому должны были сопутствовать мятежи местного населения в Албании, Химарре, на полуострове Мани, представил Совету Десяти грек Андреа Лондано, или Лонданос, уроженец Нафплиона. Замысел предусматривал атаковать стратегический Корифский перешеек с последующей оккупацией Арголиды, а за ней всего Пелопоннеса. Уточнялись силы противника в разных крепостях, характер их укреплений, мобильные резервы турок, которые могли быть переброшены, чтобы отразить удар. По меньшей мере, два момента заслуживают быть отмеченными. Во-первых, текст Андреа Лондано оказался нужнее бумаги Малаксы. В 1570 и 1571 годах его вручают венецианским командирам. Во-вторых, мы снова

---

³⁸ Pometti F. Per la storia della marina italiana. Roma, 1898. P. 105–109.

³⁹ Van der Hamen y León L. Don Juan de Austria. Historia. Madrid, 1627. P. 151.

⁴⁰ Manfroni C. La lega cristiana nel 1572 con lettere di M. Antonio Colonna // Archivio della R. Società Romana di Storia Patria. T. XVI (1893). P. 377.

видим, как охотно греки делятся идеей антитурецкого восстания на Балканах со всеми, кто может им помочь. Очевидно, разочаровавшись в венецианцах, в феврале 1572 года Андреа Лондано излагает свой план великому герцогу Тосканскому⁴¹. Откуда взялся и куда пропал Григорий Малакса, нам остается только догадываться.

2. Поэмы Антонио Молино

В нашем распоряжении есть еще один, необычный источник. В общем, это литературные тексты. Мы бы так их назвали. Проблема в том, что привычного разделения «литературы» и «истории» в них нет. Нам придется в этом убедиться. Наверное, такое смешение «правды» и «вымысла» является довольно распространенным фактом венецианской культуры рассматриваемого времени. Поэзия и художественный вымысел, украшающие информацию, возникают там, где нам было бы привычно встретить документальное повествование. В другой ситуации, наверное, мы могли бы оставить подобные тексты без внимания как факт «литературы», потратив наше время на что-то более понятное. В данном случае так поступить нельзя, потому что заменить эти тексты нечем.

Автор — венецианец Антонио Молино по прозвищу Burchiello, имевший, кроме того, изрядное количество литературных псевдонимов. Интересующие нас тексты написаны от имени их главного героя — венецианского грека Маноли Блесси из Нафплиона. Язык этих сочинений в высшей степени необычный. Сам автор называет его «нашим греко-итальянским» (или «итальянизированным греческим», «Gresesca Talianao»). Мы бы сказали так: перед нами венецианский диалект с привнесением слов и оборотов новогреческого языка. Такая форма речи, по мысли автора, является комической имитацией языка стратиотов, солдат на службе венецианского государства албанского, славянского, греческого происхождения и традиционных героев венецианской комической литературы XVI века. Нужно добавить, что данный язык — сложная искусственная система, сконструированная для нужд поэзии и сцены. С реальными языковыми практиками он никак не связан. Такие выдуманные языки и использование

---

⁴¹ Dal Borgo M. La descrizione del Peloponneso di Andrea Londano alla Repubblica di Venezia (1570) // *Mediterranean World*. № 20. 2010. P. 135, 137.

диалектов в качестве средства комического изображения персонажей разного происхождения и общественного положения распространены в венецианской литературе. Достаточно вспомнить, что это один из главных изобразительных приемов в венецианской *commedia dell'arte*. Во времена Молино известны похожие смеси романской основы, которая темна сама по себе, с немецким, турецким и другими языками. Греческие слова и выражения кажутся самой простой частью лингвистического материала текстов, которые мы собираемся прокомментировать. Очевидно, в них тоже можно отыскать свои особенности, но они просты. Так, мы встречаем признак диалекта острова Крит — превращение «л» в «р» перед согласным: *αδελφός* — *αδερφός*. В текстах, которые хотим разобрать, определенную трудность представляют всего два или три греческих слова, о которых не ясно, греческие они или романские. Для автора — который действительно прожил несколько лет на Крите — греческий язык неродной, и в том, как он с ним обращается, нет особенной выдумки. Напротив, романская основа выглядит намеренно усложненной речью. В понимании некоторых мест нет единства даже среди специалистов по венецианской литературе.

Маноли Блесси — литературный герой самого известного сочинения Антонио Молино «*I fatti e le prodezze di Manoli Blessi Strathioto*», изданного в Венеции в 1561 году. Это эпическая поэма о совершенном рыцаре в десяти песнях, написанная октавами. Она навеяна «Неистовым Роландом» Ариосто и другими похожими сочинениями, однако является скорее бурлескной пародией на жанр рыцарских поэм. Содержание «*I fatti e le prodezze*» очень сложное, чтобы его можно было коротко пересказать. Хотелось бы указать только на ряд эпизодов, которые нам пригодятся в будущем. Один из подвигов Маноли Блесси — победа в бою с семиголовой гидрой и гарпиями, опустошавшими Арголиду. Видимо, из поэмы Боярдо «Влюбленный Роланд» автор заимствует образ могущественного правителя «великого султана Черкассии».

Автор не возвращался к своему герою около десяти лет. С началом Кипрской войны Антонио Молино от имени своего литературного персонажа пишет целый ряд поэм, которые представляют собой отклики на отдельные события войны. Первым таким текстом, очевидно, было сочинение «Маноли Блесси» о взятии турками столицы острова Кипр Никосии: «*Il vero successo della presa di Nicosia in Cipro di Manoli Blessi Strathiotto*» (Venezia, 1572). Греческий исследователь К. Сатас обращает наше внимание на то, что этот текст фактически автором дати-

рован: после «Il vero successo» в венецианском издании 1572 года следует стихотворное «Пророчество», датированное «тем же днем 1 сентября 1570 года»⁴². Принять эту дату, однако, никак нельзя. Никосия пала на самом деле только 9 сентября, и еще какое-то время потребовалось, чтобы новость достигла Венеции. Вместе с тем о взятии Фамагусты 4 августа 1571 года автор в этой поэме еще не знает. Следовательно, она действительно написана по горячим следам. Текст выглядит документальным отчетом о событии, и автор стремится убедить читателя в том, что так оно и есть. По его утверждению, он пишет со слов своего друга, участника обороны города, приславшего ему письмо. Но мы должны признать, что поэма не является строгим историческим документом, фиксирующим только факты. Так, исследователи отмечают, что десять стратиотов, названных в тексте по именам (строфы 4 и 5), — не реальные защитники Никосии, а легендарные солдаты, действовавшие в прошлом⁴³. За «Взятием Никосии» следуют другие поэмы, написанные Антонио Молино от имени стратиота Маноли Блесси. Это сочинение о победе христиан в битве при Лепанто: «Nella rotta dell'armata de Sultan Selin, ultimo re de Turchi» (Venezia, 1571). Оно оканчивается стихотворным обращением «Маноли» к турецкому султану Селиму: после такого поражения ему остается только обратиться в христианство. Отдельная поэма написана на взятие венецианцами крепости Маргарити в Эпире в том же году: «Sopra la presa di Margaritin» (Venezia, 1571). «Маноли Блесси» в предисловии сетует, что его не оказалось на острове Корфу в тот момент, когда оттуда к вражеской крепости выступил венецианский отряд. Все, что он может теперь, — достойно рассказать о произошедшем. Еще один поэтический отклик на Лепанто — «Диалог Селима с евреем Иосифом» «Dialogo de Selin, con Giosuf ebreo de Manoli Blessi» (Venezia, 1571). Удрученный султан жалуется своему советнику Иосефу Наси (который, по слухам, был инициатором турецкого завоевания Кипра) на трудности войны и большую цену, которую ему пришлось заплатить. Оптимистичный еврей в ответ уверяет Селима, что его дела обстоят совсем не так плохо.

Теперь перейдем к самому главному, для чего понадобились эти долгие предисловия. Между первым сочинением Антонио Молино о придуманном им стратиоте Маноли Блесси и этой странной

---

⁴² Sathas K. *Μνημεία της Ελληνικής ιστορίας*. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge. T. IX. Paris, 1890. P. 262.

⁴³ Χασιώτης I. *Ibid.*, σ. 135.

серией «репортажей с фронта» есть промежуточное звено, нечто среднее. Это текст с вымышленным сюжетом, но привязанный к конкретным событиям и наполненный такими подробностями, которые выглядят отсылками к реальным историческим фактам.

Вся информация дана в нем в таком виде, что его надо раскапывать, как археологический памятник. В нем все движется. Текст озаглавлен так: «Забавный рассказ о четырех товарищах-стратиотах из Албании, поклявшихся отправиться по свету куда глаза глядят, рассказанная их капитаном Маноли Блесси из Нафплиона»⁴⁴. Однако, открыв предисловие, мы тут же получаем другое описание темы сочинения. По словам автора, оно повествует «о путешествии [Маноли Блесси] в Московию и другие места с четырьмя товарищами-стратиотами, которые поклялись быть братьями» («*chesta mia barzalletta... de la viazo fatto in Muscovia e in aldri loghi cum catro cumbagni del Strathia zurandi da frandelli*»). Далее автор уверяет, что текст написан в марте 1570 года. Должно быть, отчасти это правда. Но на последних страницах сообщается о смерти дожа Пьетро Лоредана и новом доже Мочениго, то есть событиях начала и середины мая 1570 года. Положение Венеции за это время изменилось кардинально. До конца марта война оставалась угрозой. Часть венецианских политиков во главе с дожем Пьетро Лореданом ратовала за умиротворение турок путем уступок. Затем таких надежд не осталось. Если замысел поэмы был привязан к неким событиям, автору наверняка пришлось его корректировать. Мы должны быть готовы к тому, чтобы встретить в тексте и узнать фрагменты разных замыслов.

Наша гипотеза состоит в том, что сочинение Антонио Молино является своеобразным поэтическим откликом на обсуждавшуюся в Венеции мысль об отправке посольства в Московию, оно ответ на услышанные разговоры. Мы узнаем общественное настроение определенных групп, имеющих отношение к принятию решений. Его чувствуют те, кто находится рядом с ними. Тут надо перестать жаловаться на наш источник и сказать себе, что ни в каком другом месте такой информации нам не почерпнуть. Конечно, эти флюиды надо уметь интерпретировать, однако для подготовленного разведчика лучше информации не придумаешь. Кто эти люди, общавшиеся с Молино, можно только догадываться. Автор обращается в предисловии как к своему знакомому к человеку,

---

⁴⁴ Barzeletta de quattro compagni Strathiotti de Albania, zuradi di andar per il mondo alla ventura capo di loro Manoli Blessi da Napoli di Romania. Venezia, 1570.

по должности принимавшему участие в заседаниях Совета Десяти и Дзонты. Это великий канцлер Джованни Франческо Оттобон. Острота по поводу его имени кажется весьма фамильярной («*Ottobono anzi deca bono*»), то есть «не восемь, а все десять раз распрекрасный»). Кроме того, хотелось бы указать на приложенные к тексту «сонеты», адресованные разным лицам, в том числе новому дожу Мочениго и его супруге, новой догарессе Лоредане Марчелло. Им обоим автор напоминает, что их избрание на герцогский трон стало исполнением его поэтического пророчества. Пользуясь случаем, Молино хлопочет перед «синьорой Лореданой» за своего родственника, та должна взять его «в свою гвардию», то есть, похоже, они действительно знакомы.

Медленное чтение с карандашом — единственный способ разобраться в информации, которая запечатлелась в этой комической поэме. Маноли и его товарищи — венецианские солдаты на острове Крит. Сказано, что они получают плату от Венецианского государства. Они любители рыцарских турниров, но также защищают остров от турецких пиратов. С острова Крит они пускаются в некое путешествие, цель которого никак не объясняется. Первая мысль — речь идет о военном набеге. Известно, что венецианцы поддерживали тех греков с Корфу и Крита, кто занимался в турецких водах пиратством и набегами. Я. Хасиотис рассказывает несколько таких историй и называет до десятка имен. Среди них были буквально амнистированные преступники, искупающие таким образом свою вину перед Венецианским государством, но были также люди, снаряжавшие корабли по своей инициативе в надежде на добычу⁴⁵. Скорее всего Маноли и его товарищей нельзя отнести к их числу. Едва ли до войны в такие набеги посылали солдат или позволяли отправляться солдатам.

Путь Маноли Блесси и его спутников лежит из порта Хании в Грецию. Однако путешественники делают неожиданный крюк. Первым делом они сплавали на Сицилию и вернулись оттуда на Крит. Никакого внятного объяснения этому факту не приводится. У нас его тоже нет, кроме одной подробности, которая невольно приходит на память. Мы вспоминаем тайную миссию испанского агента Барелли-Варелиса, подготавливавшего серию антитурецких акций. Непосредственное руководство осуществлялось вице-королем Сицилии маркизом Пескара, и мы знаем, что корабль Яниса Варелиса отплыл с Сицилии на Крит в середине

---

⁴⁵ Χασιώτης I. Ibid., σ. 91–100.

января 1570 года. Антонио Молино, писавший в марте, теоретически мог об этом знать. Одной из причин провала операции было то, что на Крите Варелис вел себя крайне несдержанно, так что предприятие утратило всякую секретность. Разумеется, сказанное — пока не более чем наши домыслы. Они будут чего-то стоить, когда таких странных совпадений мы насчитаем много.

География перемещений Маноли и его друзей по Балканскому полуострову выглядит еще одной загадкой. Они высаживаются на полуострове Мани — одной из южных оконечностей Пелопоннеса. Там они находят товарищей, которых принимают в свой небольшой отряд. Герои садятся на коней и дальше все путешествие двигаются верхом. Следующими названными топонимами оказываются места, расположенные на севере Албании («*so passato havemo el Valli chie xè apresso del cao Palli*», это к северу от Дураццо). Это очень далеко. Чтобы доехать туда с юга Пелопоннеса, надо проделать огромный путь: перебраться через Истм, миновать Центральную Грецию, проехать весь Эпир. Дел у героев в этих краях, кажется, нет, но сказано, что отсюда «начинается набег» («*cumenzemo el correria*»). Маноли с друзьями приезжают на ярмарку в Масколури, на северо-запад Фессалии. Здесь происходит некое столкновение, в результате которого местный синьор прячется от героев в своем замке. Далее следует еще ряд стычек с турками, из которых Маноли и его товарищи выходят победителями.

Достаточно открыть проект военных действий венецианцев в Греции, представленный Совету Десяти и Дзонте греком Андреа Лондано, о котором мы писали выше, чтобы увидеть в этих хаотичных перемещениях элементы логики. Записка Лондано датирована 7 июня 1570 года, но в ней он ссылается на предложения, сделанные им раньше. Текст начинается с напоминания о тех мерах, которые он уже посоветовал предпринять, а именно совершить с острова Корфу набег на ярмарку в Масколури и заключить военный союз с жителями двух балканских регионов — «Химарры и Албании» и полуострова Мани, которые через него сами делают такие предложения («*risvegliai il sacco che con facilità si poteva dar a vinti di questo mese alla fiera di Moscolar vicina alla Parga per mezo Corfù, fiera d'una inestimabil importanza, et di far confederati i popoli della Cimera e dell'Albania, et dal Brazzo di Maina, avendomi anco in iscrittio offerto di dar di suoi proprii huomeni i quali non havriano mancato di far il tutto fedelmente*»)⁴⁶. Мы

---

⁴⁶ Dal Borgo M. Ibid. P. 141–142.

с удивлением видим, что вся география передвижений Маноли и его спутников, показавшаяся нам столь странной, уместилась у Андреа Лондано в одной фразе. Данное совпадение не может быть случайным. Возможно, Антонио Молино буквально держал в руках ту самую бумагу, на которую ссылается Андреа Лондано. Лондано излагает некий план. Поэма в форме художественных образов его показывает. Текст Лондано помогает увидеть несущности его поэтического переложения. Ярмарка в Масколури действительно уязвима для набега из Албании, но, разумеется, не из северной ее части, куда заехал Маноли, а с южных границ. Лондано называет в этой связи город Паргу, расположенный на территории современной Северной Греции. Кроме того, надо себе напомнить, что территории, ускользавшие из-под турецкого контроля, будь то полуостров Мани или какие-то районы Албании, — труднодоступные местности, где особо не поездишь. География этих мест и была главной причиной неспособности турецких властей эффективно их контролировать.

Затем Маноли с друзьями перемещаются еще южнее. Должно быть, они снова переезжают Истм, перешеек, отделяющий Пелопоннес от материковой Греции, потому что оказываются на родине Маноли Блесси в Арголиде. Здесь повторяется его подвиг, описанный автором десятью годами раньше в рыцарской поэме «I fatti e le prodezze di Manoli Blessi Strathioto». Он побеждает страшного дракона, терроризировавшего местное население. Вместе с ним погибли два других («do altri»), пораженные втроем одним ударом. Видимо, этот эпизод нужен для приобщения литературного персонажа к самому себе. Оттуда путь стратиотов снова лежит на север. С этого момента географические метания прекращаются. Маноли и его спутники минуют в правильной последовательности Македонию, Болгарию. Слава о победе над драконом бежит впереди них. Повсюду их приветствуют как героев. В Молдавии правитель некоего города зовет стратиотов к себе на службу и сулит им замок и положение сеньоров.

Из этого диалога впервые выясняется что-то о цели путешествия Маноли и его друзей. Друзья-товарищи благодарят местного сеньора, но отвечают, что остаться не могут, ибо едут выручать из плена двух несчастных греков, «которые находятся в России». Выехав из Молдавии, стратиоты прибывают к жителям Подолии («al Podoliani»). Здесь кончается турецкий мир. Здесь ценят греков и не любят мусульман. Но это зона перманентного военного конфликта. Герои поэмы вынуждены вступить в бой с напавшими на них «туркменами» («un Turcomano... con

decca altri»). Восемь из одиннадцати «туркмен» тотчас падают замертво, остальные спасаются бегством. Затем импровизированный отряд приезжает «в Россию». «Целых четыре дня» («carto zurni belli intreghi») они честно ищут там своих знакомых рабовеков, которых они хотят выкупить, но не находят, поскольку тех перевезли в Мингрелию. По тексту можно понять, что герои дальше собираются ехать туда, но этого не происходит. Внезапно для читателя эта тема забыта.

Стратиоты приезжают в Пруссию. Это и ряд других мест сочинения оставляют впечатление, что она сшита из отдельных кусков и авторский замысел заметно меняется. Тут, в Пруссии, кажется, экспедиция приобретает новые черты. Стратиоты делают себе знамя или некий штандарт с изображением льва, попирающего змея. Мы бы сказали, что данный образ выглядит смесью темы Георгия Победоносца с венецианским львом евангелиста Марка. На вопрос «пруссаков» («Prusiani»), что это обозначает, Маноли и его спутники дают ответ: их штандарт означает, что они венецианцы. Они неожиданно оказываются своего рода посольством, о чем до сих пор нельзя было догадаться. Видимо, такое впечатление складывается у «пруссаков», которые тут же спрашивают, не должны ли они дать своих людей для сопровождения Маноли Блесси и его спутников в Литву. Причин для этого две. Во-первых, служить стратиотам в пути для «пруссаков» было бы честью. Во-вторых, очевидно, имеются в виду подстерегающие героев опасности. Они предупреждены, что столкнутся в дороге с немалыми трудностями и испытаниями. Ответ: спасибо, нет. Им будет стыдно не победить всех встреченных драконов, раз их страшится вся Турция.

Здесь нам понадобится вспомнить все, что мы знаем о границе и «обрядках перехода» со времен Арнольда ван Геннепа. Путь из Пруссии в Литву лежит через горы и пустыни, где не живет никто и не найти еды. Герои снова попадают из реального мира в сказочный. Отряд достигает берега большого озера, через которое Маноли и его друзья должны переправиться. Они располагаются на ночлег в одной хижине. Тут возвращается ее хозяин, который ездил на ярмарку в страну Черкассию. Он привозит с собой черкашенку, которую сопровождают шесть стариков. Черкасы приветствуют героев на своем наречии, которое оказывается тюркским («Ne la disse, salamelecchi, / Lech salam, resposu fu»). Они мусульмане. Когда стратиоты грузятся на корабль, черкасы коварно на них нападают. Капитан Маноли и его солдаты одерживают над стариками верх. Черкашенка в бешенстве кричит,

что они убили ее мужа. Ее едва смогли скрутить и затащить к себе на корабль, поскольку «ее сила превышала любую другую». Делать это пришлось «всем вместе» («*olli*»). Потом она перестала быть против навязанной ей компании. Переплыв озеро, «в лесочке среди цветов» герои устроили завтрак, и влюбленный Маноли пил за ее здоровье. Вскоре у черкашенки начались роды, которые были тяжелыми. Голова плода оказалась огромной и никак не выходила из чрева. Стратиоты тянули дитя, за что могли («*chi j per rie, chi j per cossa*», «кто за ляжку, кто за голяшку»), но все было напрасно — ребенок родился мертвым. Чтобы к роженице вернулись силы, для нее сварили курицу. Она в крик, что ей этого мало. Тогда для нее сварили еще трех куриц и одного козленка, и ей стало лучше. Отряд смог снова пуститься в путь и встретился с татарами, которые потребовали отдать им черкашенку. Завязался бой, из которого стратиоты выходят победителями, но одна стрела случайно убивает их спутницу. Кажется, эту темную историю с черкашенкой надо считать еще одной авторской отсылкой к романному прошлому его главного персонажа. В нем было много женщин, чьими желаниями Маноли Блесси не интересовался.

Места, куда едут Маноли и его товарищи, не называются автором заранее. Мы узнаем о них по ходу дела. В рассказе о последнем бое сказано, что он случился «по дороге в Псков». Вещи нападавших герои погрузили на их лошадей, чтобы продать добычу в Пскове. Приехав в город и отвечая на расспросы о цели их путешествия, они рассказывают, что едут в Московию. Правитель Пскова устраивает рыцарский турнир, в котором стратиоты принимают участие, побеждают и получают в виде приза прекрасную рабыню-христианку. Московия, куда приезжает греческий отряд, — это город и столица страны, повелитель которой именуется «сеньором России». Там они снова застают праздник. Посреди площади поставлен столб, к которому привязана волчица, и всякий желающий может с ней сразиться. Маноли, естественно, убивает ее одним ударом. Затем герои преподносят князю Московскому в подарок красавицу рабыню. Услышав о том, что она христианка, князь берет ее в свой «сераль» («*serraggio*»). Он высказывает героям всяческое расположение и готовность принять их к себе на службу. Тут, к удивлению читателя, со слов Маноли и его друзей выясняется, что они прибыли в Московию проездом по дороге в Персию. Читатель, конечно, помнит о состоявшейся поездке в Персию Винченцо Алессандри и о запланированной, но неосуществленной — Ричарда Шелли. Первый добирался

в Персию инкогнито через Османскую империю. Второй должен был объехать турецкие территории с севера через Польшу и Московию. Путь Маноли совмещает в себе оба замысла. Далее Маноли Блесси и его спутники объявляют, что ехать в Персию они раздумали. Они узнали о войне у себя на родине и теперь вынуждены вернуться, чтобы сражаться с турками и защищать Венецию. Интересно заметить, что никаких предложений о военном союзе против Османской империи великий князь Московский от них не услышал, точно они приезжали не за этим или автор почему-то раздумал об этом сказать.

Ряд подробностей пребывания стратиотов в Московии восходят к тексту венецианца Амброджо Контарини. Написанное им сочинение «Путешествие в Персию» в том, что касается рассказа о Московии, было использовано еще одним венецианским автором Иосафатом Барбаро, который сам там не был и мало что смог прибавить. На вопрос, кого из них двоих знает и цитирует автор нашей поэмы, видимо, надо ответить: обоих. Сочинения Амброджо Контарини и Иосафата Барбаро всегда публиковались вместе. Антонио Молино мог знать издание «*Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli*», вышедшее в Венеции в 1543 году и повторенное в 1545 году. Он также мог воспользоваться другой книгой — вторым томом «Плаваний и путешествий» Рамузио. Это наиболее известный сборник повествований о путешествиях и далеких странах. Первое издание второго тома вышло в 1559 году.

В поэме Молино мы встречаем не всегда верное понимание этих известий о Московии. Так, Контарини пишет о том, что великий князь отпустил его из Москвы с приставом и приставы сменялись до самой границы. Мы знаем, что такова русская традиция. Антонио Молино воспринимает это как практическую необходимость. Отправляясь в обратный путь, его герои просят себе провожатых. Им надо знать безопасную дорогу, чтобы миновать леса, где прячутся разбойники. Маноли озабоченно смотрит на то, как на прощальном застолье назначенный им проводник злоупотребляет спиртным. Опасения оказались не напрасными. Провожатый крепко выпил и с похмелья завел их в самое логово русских черкассов («*un reduto del Cercassi del Rusia*»). Те «походили на драконов», но совладать с героями не смогли.

О направлении движения сказано, что Псков, Пруссия и Литва были «оставлены справа», так как Маноли и его спутники намеревались ехать через Польшу. В описании обратного пути из Московии автор обнаруживает большую зависимость

от Контарини. Это касается топонимики, но отчасти также рассказываемых историй. Иногда обращение к тексту Контарини является единственной возможностью разобраться в том, какие города поэт имел в виду. Первый упомянутый топоним — Троки (Тракай). Он означает выезд из Московского царства либо с некоей нейтральной территории. Она в этот момент неожиданно для читателя обозначается выражением «эти горы»: «Мы выбрались из этих гор». Горы и леса выступают традиционными символическими обозначениями границы. Троки, впрочем, у автора не населенный пункт, а некий смелый и воинственный народ. Здесь расслабляться рано. Не задерживаясь там, герои едут дальше и прибывают в некое место, названное «Ionicі». О нем сказано, что это уже «надежные места Польши». Достигнув «надежных мест», путники четыре дня отдыхают, а также меняют проводников на таких, которые смогу препроводить их в Германию. Их приводят в «Варшавскую землю, а потом в глубь Польши». Там они встречают польского короля, готового помогать всем путникам. Он зовет героев к себе и расспрашивает о цели их путешествия. (Это из Контарини, но его встреча с польским королем происходит в Троках.) Вдруг мы слышим то, что ожидали услышать от них в Московии, но так и не дождались. Маноли и его товарищи отвечают, что «они ищут конных и пеших, чтобы отовсюду начать войну с неверными турками». Они уверяют короля, что никаких мирных договоров турки не соблюдают, и призывают его немедленно отправиться в поход и «разорвать этих собак в клочья». Что ответил польский король, не сказано. Далее выясняется, что разговор происходил в «большом городе Польше», откуда герои отбывают с подарками, полученными от Его Величества. У Контарини также упоминается город Польша, куда он приехал из Варшавы.

Путники прибывают в место, «которое называется Месса Рига», по-польски Мендзыжеч. Дальше начинается Германия. Граница между Польшей и Германией — снова страшное место, край разбойников. Контарини, за которым следует автор, сообщает о своих страхах, но отважные стратиоты ничего и никого не страшатся, и опасения вложены в уста их проводника. Сначала на путников выскочила из леса огромная медведица, открыла пасть, чтобы сожрать Маноли Блесси, он сунул руку ей в глотку и вырвал сердце. Потом появились разбойники с мечами и пиками, но побоялись напасть и сделали вид, что смотрят в другую сторону. Преодолев этот рубеж, герои, наконец, вздохнули свободно, «возблагодарив Бога, что встретят народ, любящий

мальвазию». Они проезжают Франкфурт-на-Одере. В Нюрнберге они уже хвалят гостиницу. Путь становится удовольствием. Повсюду их принимают любезные синьоры и местные князья. Граница между Германией и Италией уже не внушает страха, хотя остается местом, где нормальный порядок вещей нарушен. Выхав из Инсбрука, стратиоты встречают цыган и останавливаются, чтобы спросить дорогу на Тренто. Это народ, сведущий в колдовстве, и Маноли Блесси пытается с их помощью узнать будущее. Его волнует вопрос, сумеют ли венецианцы победить «мусульман».

В Тренто Маноли и его спутники встречают «своего прошлого хозяина», которым оказывается «Gardenal de Lezadria». Кардиналов Римской курии не так много, чтобы мы не узнали в этом имени Микеле Бонелли, именуемого кардиналом Алессандрино. Это прозвище получено им по месту рождения (*nella provincia di Alessandria*). Данную информацию о связи Маноли и его друзей с кардиналом Алессандрино трудно назвать иначе, как обескураживающей. Микеле Бонелли являлся, по меньшей мере, одной из ключевых фигур в Риме, отвечавших за внешнюю политику курии и дела Лиги. Их связь остается понимать в том смысле, что Маноли Блесси, наряду с Венецией, оказывал услуги Риму. Не совсем понятно, зачем Антонио Молино подстраивает своим героям эту встречу. Вопреки его утверждению, кардинал Алессандрино — вовсе не здешний сеньор. Тренто управляется собственными князьями-епископами, и в данный момент настоящим сеньором Тренто, по идее, является кардинал Кристофоро Мадруцци.

Друзья окунаются в родную стихию всевозможных военных состязаний (они называются «кольцо», «чучело» и т. д.) и уезжают отсюда, нагруженные подарками кардинала Алессандрино. Дальше все описывается как знакомое и родное. Любопытно отметить, как герои срезают путь. Обычно въезжающие в Италию через перевал Бреннер и Тренто едут на Верону и уже оттуда сворачивают в сторону Венеции. Стратиоты сразу берут влево и двигаются горными тропами. Следующий большой город на их пути — Тревизо. Подеста (венецианский наместник) Тревизо назван автором правильно: с 1568 по 1571 год им был Джованни Гритти. Он тоже хороший знакомый, потому что еще с дороги стратиоты посылают ему сказать, чтобы он принял их в своем доме. Он немедленно принимает героя во дворце, сажает за стол и ест и пьет с ним со словами: «Брат Маноли, я и все, что у меня есть, ваше». Отметим, что эту сцену можно понять как выражение связи автора Антонио Молино с Джованни Гритти,

любящим его литературных героев. В Маргере Маноли Блесси и его спутники садятся на корабль и прибывают в Венецию. Они являются во Дворец дождей, но узнают, что дож умер. Через пять дней венецианским дожем избирается Мочениго, и герои снова спешат во дворец. На вопрос, откуда они прибыли, они отвечают, что побывали в России. Дальше в ходе этой аудиенции обсуждается только желание героев дальше послужить Венецианскому государству, и дож отправляет их на войну с турками.

Так поэма кончается. Подводя итог, можно сказать, что мы видим набор интересных эпизодов. В художественной форме автор показывает возможность тех или иных военно-политических акций, будь то грабительский набег на богатую ярмарку в Греции или отправка посольства в Московию или даже Персию. Чего-то наверняка мы просто не понимаем. К числу загадок следует отнести неожиданное появление кардинала Алессандрино. Очевидно, перед нами своеобразное отражение сложного процесса выработки политических решений в Венеции в начале Кипрской войны.

Настало время вернуться к «Взятию Никосии», следующему сочинению венецианца Антонио Молино, подписанному именем его литературного героя Маноли Блесси. Как мы уже сказали, оно отличается от только что разобранный поэмы о путешествии в Московию. В ней исторические данные погружены в художественную канву литературного произведения. Во «Взятии Никосии» ситуация обратная. Сюжет и многие детали подлинны, реально имевшие место, но к ним в неясной пропорции примешана литература. Литература — в любом случае, то, что нам надо. В ней открывается мир представлений венецианцев, которые транслируются в политике, накладывая на нее свой отпечаток.

Автор оплакивает гибель города и стольких людей, истребленных врагом с турецкой жестокостью, и ищет причины произошедшего. Причин много. Это не подошедший вовремя к берегам острова союзный флот. Вина за это возлагается на испанцев. Рокковые ошибки допущены венецианскими военачальниками. Роль греков объясняется двояко. С одной стороны, сказано, что греки-киприоты не встали на защиту острова от турецкого нашествия. Если бы между венецианцами и киприотами было согласие, турки не вошли бы в город. С другой стороны, их соотечественники стратиготы, составлявшие большую часть венецианского гарнизона Никосии, проявили при обороне города подлинный героизм. Не случаен рефрен поэмы, которым оканчивается каждая строфа: «О, бедняги-стратиготы!».

Маноли Блесси говорит, что греки могут быть вынуждены оставить Венецию и поступить на службу к великому князю Московскому. По его мнению, у правителя Московии он имел бы должность капитана. Эта мысль, вложенная в уста грека, на самом деле принадлежит венецианцу, автору поэмы Антонио Молино, который явно повторяет то, что говорят и думают в Венеции его влиятельные знакомые. О чем идет речь? Венецианцы верят в существование треугольника «Венеция — греки — Московское царство» и в то, что с помощью Московии им удастся удержать при себе греков. По этой логике, если венецианцы оказываются несостоятельными, греки должны поступить так, как сказал Маноли: Московия станет выбором греческого мира, если Венецианская Синьория продолжит сдавать города и оставлять врагу территории.

Представляется, что венецианцы себя обманывают. Такой «треугольник» существует разве что в их воображении. Он ими выдуман. На деле факты, с которыми мы познакомились, в эту схему не укладываются. Греки вовсе не чувствуют особенной связи с венецианцами. Благодаря Янису Хасиотису известно, что между Венецией и Испанией греки выбирают Испанию. Венецианцы в этом соревновании проигрывают. Что касается Московии, в контексте Кипрской войны сами греки о ней не помнят. Мы имеем много информации об антитурецких выступлениях в Греции и на Балканах в этот период и знаем еще больше всевозможных планов и разговоров такого рода. Тема Московского царства как потенциального союзника греков в борьбе с Османской империей появляется, кажется, один раз. Это глухое свидетельство турецких источников о неких письмах, перехваченных турками в Валахии в январе 1572 года. Они были написаны «солунскими епископами» царю Московии и королю Польши и содержали просьбу напасть на турок⁴⁷. Можно добавить, что Фессалоники не являлись регионом, фигурировавшим в планах венецианцев. Мы приходим к выводу, что написали статью о мечтах, которые никак не сходятся с жизнью.

---

⁴⁷ Yildirim O. The Battle of Lepanto and Its Impact on Ottoman History and Historiography // *Mediterraneo in armi (secc. XV–XVIII) / a cura di R. Cancila*. T. II. Palermo, 2007. P. 537–538.

И. В. ДУБРОВСКИЙ

ЛАТИНСКИЕ РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЙ

АЛЬБЕРТА ШЛИХТИНГА

Имя Альберта Шлихтинга хорошо известно специалистам. Ему приписывается важнейшее сочинение по истории правления Ивана Грозного периода опричнины «*De moribus et imperandi crudelitate Basili Moschoviae tyranni brevis enarratio*» («Краткое сказание о нраве и жестоком правлении тирана Московии Василия»). Альберт Шлихтинг попал в Россию в 1564 году в качестве военнопленного, но затем оказался переводчиком придворного врача, пока осенью 1570 года ему не удалось бежать в Литву¹. Не приходится сомневаться в том, что беглец был исключительно информированным человеком, видевшим или слышавшим многое фактически изнутри московского двора. Сочинение, о котором идет речь, безусловно, опирается на переданные им сведения. Об авторстве Альберта Шлихтинга, наверное, нельзя говорить с той же уверенностью. Написано ли оно им от начала и до конца самостоятельно, или над текстом

---

¹ Подробности биографии Шлихтинга см.: Grala H. Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrusland / Hg. H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000. S. 145 и сл.

поработали польские редакторы, или роль Шлихтинга свелась к тому, что он надиктовал кому-то материал, которым потом этот кто-то достаточно свободно манипулировал, — то, и другое, и третье возможно.

Где и как данный текст существует и оставляет след? Прежде всего уточним, какими рукописями мы располагаем. На существование большого сочинения Шлихтинга первым в современной науке указал Павел Пирлинг. Он ссылаясь на рукопись, хранящуюся в Секретном архиве Ватикана, но оговаривался, что другие списки сочинения имеются («едва ли не во всех римских библиотеках»: «On le trouve aux Archives du Vatican... et dans presque toutes les bibliothèques de Rome»). П. Пирлинг в своих работах повторил эту фразу два или три раза, но никаких пояснений так и не сделал². Какие библиотеки и рукописи он имел в виду, мы не знаем. Как ни странно, сама эта оговорка впоследствии была забыта. Общим мнением историков на протяжении ста лет было то, что латинский текст «Краткого сказания» сохранился в единственной рукописи, открытой П. Пирлингом, впервые подробно описанной Е. Ф. Шмурло и изданной А. И. Малеиным³. Мне удалось найти целый ряд других списков интересующего нас сочинения. Вместе с рукописью из Ватиканского архива их девять. Шесть из них содержат известный текст «De moribus et imperandi crudelitate Basilii Moschoviae tyranni brevis enarratio». Еще три — неизвестную новую редакцию сочинения, озаглавленную «Narratio de moribus et imperandi crudelitate Basilii Moscoviae magni ducis in anno 1569 usque ad 1570 partim». Эта повторная редакция выполнена в Италии с единственной целью приспособить текст к существующим каналам передачи политических новостей. Новых сведений о России, по сравнению с исходным текстом «Краткого сказания», она не содержит.

История рукописной традиции нуждается в дальнейшем исследовании. Это касается как найденных рукописей, так и отыскания новых, которые, безусловно, должны быть. Той информацией, которую удалось собрать мне, я поделился в своей

---

² Pierling P. Pie V et Ivan le Terrible: tentative pour établir des relations diplomatiques entre Rome et Moscou // *Revue des questions historiques*. Т. 31 (1882), p. 581; Idem. *Rome et Moscou (1547–1579)*. Paris, 1883. P. 148.

³ Шмурло Е. Ф. *Россия и Италия*. Т. 2, вып. 2. СПб., 1913. С. 227–251; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и примеч. А. И. Малеина. Л., 1934. 4-е изд., вышедшее в 1935 году, кроме перевода, включает также публикацию латинского текста.

предшествующей статье⁴ и повторю только некоторые моменты. Аргументацию и подробности читатель без труда найдет в указанном месте. Первое, что приходится отметить: перед нами разрозненные фрагменты рукописной традиции, не связанные между собой напрямую (за исключением двух списков из Валансьена, явно сделанных с одной рукописи). Потому для анализа разночтений все списки важны. Любой из них может содержать написание, утраченное в других рукописях. Ни один нельзя оставить без внимания. Тем не менее три манускрипта, видимо, имеют особую ценность. Они ближе всего к истоку традиции. Все три находятся в Риме. Скорее всего, это те самые копии сочинения Шлихтинга, которые имел в виду П. Пирлинг. Других в римских библиотеках мне пока найти не удалось.

Одной из важнейших, безусловно, является рукопись «Краткого сказания» из Ватиканского архива, которая была введена в научный оборот П. О. Пирлингом, Е. Ф. Шмурло и А. И. Малеиным. Она находится в бумагах Винченцо даль Портико, среди фрагментов его личного архива, разбросанного по разным фондам, однако частично реконструируемого. В интересующее нас время Портико был папским нунцием в Польше. Из письма нунция Портико своему руководителю кардиналу Рустикуччи мы знаем, что 19 сентября 1571 года он послал в Рим некую книгу «о свирепом нраве, дикости и бесчеловечности» правящего в Московии «тирана»⁵. Эта книга, по-видимому, не может быть не чем иным, как сочинением Шлихтинга. Историки издавна связывали это свидетельство с сообщением биографа папы Римского Пия V Джироламо Катены. У Катены рассказано о том, что накануне войны с Турцией, увенчавшейся великой победой в битве при Лепанто осенью 1571 года, папа рассчитывал привлечь к коалиции христианских держав правителя Московии и поручил начать переговоры с ним своему нунцию в Польше Портико. В руки Портико тем временем попадает «информация» Альберта Шлихтинга» о кровавых злодеяниях Ивана Грозного, которую тот пересылает в Рим («*mandate tutte l'informazioni a Pio havute da Alberto Szlychtin Pomerano, il quale havea veduto co gli occhi propri, et notate le crudelità del Gran Duca*»). Ужаснувшись прочи-

---

⁴ Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного // Русский Сборник. Т. XI. М., 2012. С. 25–41.

⁵ Письмо опубликовано дважды: Акты исторические, относящиеся к России / Сост. А. И. Тургенев. Т. 1. СПб., 1841. С. 222; Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Т. 2. Roma, 1861. P. 774.

танному, Пий велит Портико ни в какие переговоры не вступать. В подкрепление своих слов Джироламо Катена цитирует письмо, якобы написанное папой своему нунцию: «Ознакомившись с тем, что вы сообщаете о Московите, мы предписываем вам оставить приготовления к поездке в Московию, даже если польский король ее одобрит и будет ей содействовать, ибо мы не желаем иметь дела с таким ужасным и столь варварским народом»⁶. Я в свое время высказывал сомнения в подлинности описанной ситуации и письма, но был вынужден признать, что я ошибался, после того, как мне удалось найти данное письмо в Турине. Оно, естественно, написано не папой (папы нунциям писем не писали), а тем, кто и должен был быть его автором, а именно кардиналом Рустикуччи, руководившим внешней политикой папского государства от имени Св. Престола. Описание Джироламо Катены, таким образом, находит подтверждение, но только отчасти. Второе письмо Рустикуччи нунцию Портико, найденное в Турине, опровергает важную подробность его версии событий, принятую в историографии как факт. Мы узнаем, что посылка Портико оказалась запоздалой. Очевидно, кто-то успел прислать в Рим некое разоблачительное сочинение об Иване Грозном до него⁷. Не трудно предположить, кто бы это мог быть. Судя по всему, за первым появлением в римской курии книги Альберта Шлихтинга стоит польская корона, не скрывавшая своей заинтересованности в срыве переговоров папы с «Московитом». Поляки действуют как через папского нунция Портико, так и напрямую, используя свои связи и доброжелателей в Риме.

Список «Краткого сказания», принадлежавший Портико, вероятно, является копией, сделанной для себя, то есть повторяет рукопись Шлихтинга, которую он переправил в Рим. Понятна ценность данного списка для нас. Вместе с тем анализ разночтений убеждает в том, что две других римских рукописи сочинения не связаны с посылкой Портико, а обе имеют свою особую историю. Они попали в Рим отдельно, каждая своим путем. В частности, это касается списка из римской Библиотеки Angelica. Среди шести рукописей полной версии «Краткого сказания» он имеет наибольшие текстуальные отличия. Значительная часть

---

⁶ Catena G. Vita del gloriosissimo papa Pio quinto. Roma, 1586. P. 185–186.

⁷ О двух письмах кардинала Рустикуччи нунцию Портико из Туринского Государственного архива см. подробнее: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // Русский Сборник. Т. XIV. М., 2013. С. 7–12.

этих текстуальных особенностей выглядит не следами оригинального текста, утраченного в других списках, а вторичной литературной и стилистической правкой, выполненной не самым грамотным латинистом и местами приведшей к порче текста. Но есть кое-что удивительное. Вместо латинских транскрипций личных имен и топонимов, уместных в латинском тексте, список из Библиотеки Angelica систематически дает их польские написания. Такое написание имен — твердое доказательство того факта, что данная рукопись или ее протограф были присланы из Польши через голову Портико. Можно прибавить еще одну любопытную подробность. Джироламо Катена также приводит имя Альберта Шлихтинга в польской транскрипции, и она близко совпадает с написанием, имеющимся в этой рукописи (Alberto Szlychtin Pomerano у Катены и Albertus Szlychtink Pomeranus в списке из Библиотеки Angelica; два других римских списка дают написание: Schlichting). Видимо, Катена держал в руках и подразумевал в своем сообщении именно этот «польский» список или родственную ему копию, а вовсе не тот текст, который был прислан в курию Винченцо даль Портико.

Третья рукопись, найденная в Риме, — список, хранящийся в Ватиканской библиотеке. Его самостоятельное происхождение доказывается тем, что он не содержит некоторых ошибок, имеющих в других копиях сочинения. Стоит оговориться, что далеко не все ошибки переписчиков можно счесть такими бесспорными аргументами для реконструкции истории филиации списков. Большинство опусков всегда может быть исправлено внимательным копиистом, и только в особых случаях это не так. Таким особым, доказательным случаем являются ошибки в незнакомых топонимах. Так, в написании слова «Ладоба» в двух других римских списках мы видим характерную ошибку переписчика, а именно удвоение слога: «Vladodogie». Подобная ошибка, допущенная одним из переписчиков, механически копируется всеми следующими. Рукопись из «Ватиканы», напротив, дает корректное написание: «Vladogiae». Таким образом, можно не сомневаться в том, что и этот третий римский список «Краткого сказания» напрямую восходит к своему протографу в Польше.

Рукопись относится к числу лучших списков интересующего нас сочинения, то есть в наименьшей мере испорченных в рукописной традиции. Тем не менее, возможно, история этой копии отличается от истории двух других римских рукописей. Здесь я вооружен скорее подозрениями, чем фактами, но кое-что вынуждает задуматься. В частности, я говорю о копировании тек-

стов. Два других римских списка — список Портико из Ватиканского архива и «польский» список из Библиотеки Angelica, насколько я знаю, не находят ни прямого, ни косвенного продолжения в рукописной традиции. Родственных им копий в истории латинских рукописей Шлихтинга не существует. Они попадают в римские архивы и там бесследно теряются.

Единственным исключением теоретически может быть немецкий перевод «Краткого сказания». Существующий немецкий текст сочинения, впервые найденный в Мюнхене Г. В. Форстеном, затем потерянный и вновь открытый Х. Гралей, является вторичным по отношению к латинскому. Мюнхенская рукопись точно повторяет заглавие латинского оригинала: «Eine kurze Erzhlung von des Mostkowitischen Tyrannen Basilij Sitten und grausamen tyrannischem Regiment»⁸. Со слов Херонима Грали я знаю, что ему удалось найти следы еще одного неизвестного списка Шлихтинга в Швеции и что он, по-видимому, также является немецким. По мнению Х. Грали, сочинение Альберта Шлихтинга могло попасть в Мюнхен из Вены⁹. Я бы сказал так: это одна из правдоподобных версий. Суть ее аргументации сводится к тому, что другое небольшое сочинение Альберта Шлихтинга, о котором пойдет речь ниже, нашлось в Вене — его переслал из Польши ко двору императора его резидент при польском дворе аббат Цир — и что герцог Баварский, живо интересовавшийся событиями на востоке Европы, регулярно получал информацию из Вены, в том числе копии ряда писем аббата Цира. На это можно возразить, что баварский герцог Альбрехт V, которому, очевидно, принадлежала мюнхенская рукопись, поддерживал также самые тесные связи с Римом и в 1575 году даже приезжал в Рим. Я безуспешно пытался найти концы в корреспонденции герцога и папской канцелярии, однако, возможно, не приложил достаточных усилий. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Свое вполне убедительное доказательство вторичности немецкого перевода Х. Граля остроумно строит на сравнительном анализе форм написания личных имен и топонимов в немецком и латинском текстах. Пойдя по его стопам, я могу добавить, что наиболее близкой мюнхенскому списку является рукопись из Ватиканского архива. Список Портико или родственная ему копия может быть протографом немецкого перевода, тогда как другие копии находятся с ним в более отдаленном родстве.

---

⁸ BayHStA. KB ÄA. Bd. 4424, f. 1–37v.

⁹ Grala H. Op. cit. S. 142–145.

За исключением этого факта, или, вернее, нашего предположения, рукопись, найденная в бумагах Портико, и «польская» рукопись из Библиотеки Angelica остаются знанием, сокрытым в недрах римской курии, которым никто не спешит делиться. Интересующихся людей и библиофилов к этим документам не подпускают. Здесь нужно сказать хотя бы несколько слов о культурных тенденциях рассматриваемого времени, когда политические новости внезапно становятся всеобщим увлечением. Не случайно это время возникновения газет как общедоступного средства трансляции политической информации. Если два римских списка кажутся погребенными в ватиканских «спецхранах», то третья рукопись, которая хранится сегодня в Ватиканской библиотеке, наоборот, возникает для нас в довольно широком контексте параллельного существования других родственных списков. Это иная среда, как социальная, так и географическая. Ужасные истории, рассказанные Альбертом Шлихтингом, всюду копируются на севере Италии. К списку из «Ватиканы» ближе всего текстологически — хотя связь эта не прямая, а опосредованная — рукопись, которая находится в настоящее время в Библиотеке Падуанской семинарии. Как удастся выяснить, в первой половине XVII века падуанским кодексом владели монахи Виченцы. Его первый владелец, которого мы знаем, — местный антиквар Фортунато Скола, вступивший в монастырь San Felice di Vicenza в 1594 году и умерший в 1645 году. Сама рукопись содержит доказательство, что с нее снимали списки: внизу страниц мы встречаем итальянскую пометку «trascritto» («переписано»). Так же легко и убедительно устанавливается североитальянское, возможно, венецианское происхождение рукописи, оказавшейся в семье де Круи в Южных Нидерландах. Она стала протографом двух списков, которые хранятся сегодня в Муниципальной библиотеке французского Валансьена. Валансьенские копии тоже не напрямую, но вполне определенно, через некие общие протографы связаны с обеими названными рукописями из «Ватиканы» и Падуанской семинарии. Эти четыре списка образуют семью. Наконец, север Италии — место возникновения и распространения упомянутой выше новой, «итальянской» редакции сочинения Шлихтинга, представленной рукописями из Мантуи, Милана, а также библиотеки Йельского университета. Кому предназначались два последних списка, неясно. Мантуанская копия сделана по заказу одного из членов семьи Гонзага либо кого-то из их секретарей. Хотя текст находится в архиве герцогов Гонзага, в данном случае, возможно, мы не обязаны подразумевать правящего герцога

Гульельмо и его канцелярию. Адресатом списка, например, могла быть его супруга Элеонора Австрийская. Ее также интересовали политические новости, а в числе ее информаторов фигурирует небезызвестный уроженец Мантуи Антонио Поссевино. Анализ разночтений в рукописях, циркулировавших в Северной Италии, позволяет уверенно предполагать наличие еще, как минимум, нескольких неизвестных нам, но явно существовавших копий.

В своей предшествующей статье я высказал мысль, которая сегодня мне представляется поспешной. Речь идет о путях распространения копий большого сочинения Шлихтинга. Анализ разночтений в списках из «Ватиканы», Библиотеки Падуанской епископской семинарии и двух списках, хранящихся в Муниципальной библиотеке Валансьена, казалось бы, приводит к выводу о движении текста из Рима в Северную Италию и оттуда в Южные Нидерланды. Возможно, так оно и было, но, чтобы говорить об этом с уверенностью, надо быть уверенным в том, что список «Краткого сказания», который находится в Ватиканской библиотеке, или его протограф действительно римского, а не североитальянского, например, венецианского происхождения. В самом деле, текст мог появиться сначала в Венеции и уже оттуда попасть в Рим. Следовательно, мы обязаны прояснить историю манускрипта. К сожалению, пока мне похвастаться нечем. Информация есть, но ее недостаточно.

Рукопись, попавшая в Ватиканскую библиотеку довольно поздно, относится к знаменитому рукописному собранию, так называемым «Ста кодексам», или «Ста томам». Оно восходит к рукописной коллекции королевы Кристины Шведской. Королева Кристина оставила родину и в 1654 году поселилась в Риме, где прожила до своей смерти в 1689 году. После ее кончины ее прославленная библиотека была куплена папой Александром VIII и в 1690 году почти целиком передана в Ватиканскую библиотеку, где она составила отдельный фонд *Reginense*. Исключением были печатные книги, а также небольшая и наиболее ценная часть рукописей, те самые «Сто кодексов». Эту часть библиотеки королевы Кристины папа подарил своему внучатому племяннику кардиналу Пьетро Оттобони. В 1748 году библиотека семьи Оттобонов вошла в Ватиканскую библиотеку под названием фонда *Ottoboniani*, где и находится интересующая нас рукопись. Датировка манускрипта затруднена неудачной реставрацией XVIII века. Чтобы предохранить текст от разрушения, в те времена его заклеивали папиросной бумагой. Такая форма реставрации со временем имеет губительные последствия: текст рас-

плавается, а листы делаются хрупкими и лопаются, как тонкое стекло. К сожалению, таким образом было испорчено огромное число римских рукописей. Естественно, сегодня такие рукописи читателям не выдают. Мне остается поблагодарить директора Департамента рукописей Ватиканской библиотеки доктора Паоло Вьяна за сделанное для меня исключение. Благодаря его любезности и доверию, мне удалось сделать коллацию нужного мне сочинения. Со слов П. Вьяна я знаю о планах реставрации манускрипта. Видимо, она позволит размягчить страницы кодекса и вернуть его исследователям. Тем не менее любая реставрация всегда означает частичное разрушение памятника, и сколько текста будет потеряно, конечно, никто заранее сказать не может. По мнению П. Вьяна, в данном случае угроза утрат велика. Из-за расплывшихся чернил местами рукопись буквально едва прочитывается уже сейчас. Другим досадным последствием реставрации XVIII века стало то, что листы кодекса, пропитанные клеем, потеряли прозрачность, и водяные знаки перестали быть различимы. Датировать текст с помощью филигранных в данном случае невозможно, и нам остается ориентироваться на содержание рукописи. Она сшита из отдельных тетрадей и фрагментов, собранных вместе. Наиболее поздние документы в этой подборке относятся к первой трети XVII века. Почерк «Краткого сказания» напоминает руку, которой переписаны некоторые документы 10–20-х годов XVII века. Судя по содержанию, кодекс не принадлежал к той части рукописной коллекции королевы Кристины, которую она вывезла из Швеции. Он включает документы курии, которые не могли попасть в Швецию. Следовательно, рукопись была изготовлена в Риме. Вопрос о происхождении протографа включенного в нее списка остается открытым.

Северная Италия оказывается для сочинения Шлихтинга землей обетованной. За Альпами с ним снова творится что-то неладное. Судьба рукописи, попавшей в Нидерланды, заставляет вспомнить сказанное выше по поводу «ватиканских спецхранов». Кажется, история повторяется. Две копии рукописи, хранящиеся сегодня в Библиотеке Валансьена, до Французской революции принадлежали семье де Круи. Они определенно сделаны с одного списка. Копиисты разные, видимо работавшие в разное время. Один из них с такой регулярностью путает буквы «b» и «v», что можно не сомневаться в его испанском происхождении. Вместе с протографом одной семье герцогов де Круи, таким образом, принадлежало не меньше трех списков. Других следов сочинения Шлихтинга в Нидерландах нет. Моя гипотеза состоит в том,

что новые списки делаются по мере разрастания семьи для ее отделившихся ветвей. Новая ветвь получает копию семейного архива как доказательство причастности предков к большой политике. Наличие в Библиотеке Валансьена сразу двух рукописей интересующего нас сочинения, видимо, объясняется обратным процессом собирания архивов угасших линий. Символическая роль рукописей, очевидно, оказывается главной, тогда как чтение и информация о Московии не стоят на первом месте.

Рассказ о рукописной традиции, уверен, будет неполным без истории чтения и откликов на сочинение. Интересно заметить, что такой информации почти нет. Джироламо Катена остается для нас единственным автором, кто, вспоминая историю несостоявшегося посольства в Московию, уточняет ту роль, которую сыграло в его отмене сочинение Альберта Шлихтинга. Заслуживают внимания время и контекст переданной им информации. Его сообщение удается довольно точно датировать. Эпизод оканчивается сообщением о приезде в Рим русских «послов», поведение которых, по мнению автора, подтверждает негативную информацию Шлихтинга об этом народе. По тексту ясно, что речь идет о гонце Ивана Грозного Истоме Шевригине, который находился в Риме с конца февраля по март 1581 года. Автор еще не знает ни о следующем царском гонце Якове Молвянинове, который прибыл в Рим в сентябре 1582 года, ни о Ям-Запольском перемирии, заключенном при участии папского посланца Антонио Поссевино в январе 1582 года. В 1571 году из сочинения Шлихтинга в Риме узнали, что правитель Московии — кровавый «тиран», и сочли за благо не иметь с них никаких дел. Десять лет спустя курия буквально ухватывается за появление в Риме «послов Московита» как счастливый случай наладить связи с далекой страной. Ни о каком Шлихтинге никто, кроме Катены, больше не вспоминает.

Историк «посольств» Шевригина и Молвянинова, наверное, не может пожаловаться на недостаток исторических источников. Их действительно много. Мне удалось собрать около 650 неизвестных архивных документов, сообщающих о двух царских гонцах¹⁰. Вместе с опубликованными текстами таких материалов далеко за тысячу, возможно, около полутора тысяч. Я бы сказал, это серьезная документальная база. Сам Портико, бывший в это время префектом Рима, то и дело участвует в приеме Истомы

---

¹⁰ Дубровский И. В. Архивные материалы о русских посольствах в Италию в конце Ливонской войны // Средние века. Вып. 75 (1–2). М., 2014. С. 171–191.

Шевригина и Якова Молвянинова. После первой аудиенции Молвянинова у папы Римского Винченцо даль Портико дает пояснения папскому церемониймейстеру о том, что за народ московиты¹¹. Как глава города и городского суда Портико расследует нападение на московитов подвыпивших римлян; тем не понравилось, что Молвянинов попросил их не шуметь под окнами дворца, в котором он остановился¹². Наконец, сама кандидатура Портико как возможного посланца папы в Московию если не рассматривалась, то была где-то в поле зрения. Антонио Сергуиди, секретарь тосканского посольства в Риме, сообщал об этом во Флоренцию в письме от 11 марта 1581 года в следующих выражениях: «Есть много прелатов сильных в проповеди, кого можно отправить в Польшу в ответ на просьбу Московита, в том числе это монсиньор Санта Кроче, монсиньор Портико, епископ Сальвиати или епископ Мондови... Ясно, что кого-то надо туда послать, и вместе с ним (считается, что это уже точно) поедет иезуит Поссевино»¹³. Складывается впечатление, что литература о Московии и практические контакты с ней в основном существуют в параллельных мирах, видимо отвечая разным потребностям. Связывать эти сферы мало кому приходит в голову.

Мы не слышим ни слова о Шлихтинге даже от Поссевино. Существует составленный им список сочинений о Московии, с которыми он познакомился в процессе написания своих записок о путешествии к Ивану Грозному. В этом документе сказано, что Поссевино получил от Портико для ознакомления рукопись «о нраве великого герцога Московии и тамошнем народе», составленную послами польского короля Сигизмунда Августа¹⁴. Очевидно, имеется в виду сочинение «Il successo dell'imbasciaria del re di Polonia al principe di Moscovia a di 12 di Genaro 1570». Это первый текст знакомой нам рукописи Портико из Ватиканского архива, следом идет «Краткое сказание» Шлихтинга. По всей вероятности, речь идет именно об этой рукописи, которая, как это бывает, названа здесь по первому сочинению. Также лишено подробностей собственное сообщение Поссевино об отмене миссии Портико, приведенное в его книге «Московия». Он пишет,

---

¹¹ Акты исторические, относящиеся к России. Т. 1. С. 392.

¹² Об этом см.: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном. С. 70.

¹³ ASFi. MdP, filza 1185, без пагинации. См.: Дубровский И. В. Политика папства в отношении Московии: черновики инструкции Поссевино // Русский Сборник. Т. XVI. М., 2014. С. 19 и сл.

¹⁴ Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. С. 20.

что папа Пий V сначала поручил своему нунцию в Польше Винченцо даль Портико отправиться в Московию, «но впоследствии, прослышав о жестокости Московита, отвратился от этой мысли»¹⁵.

Я могу назвать всего одного человека, кто заинтересовался впоследствии этой историей. Однако он не читатель Шлихтинга, а читатель Катены, к тому же деятель другой эпохи. Это кардинал Маурицио Савойский, живший в первой половине XVII века. В его бумагах, оказавшихся сегодня в Туринском Государственном архиве, находится пространная выписка из книги Джироламо Катены с информацией о планах папы Пия V организовать посольство в Московию и последующем отказе от этих планов под влиянием Шлихтинга. Копии двух писем кардинала Рустикуччи, которые я упомянул выше, приложены к этой выписке как подтверждающие ее документы. Сочинения Шлихтинга кардинал Маурицио то ли не знал, то ли оно его не заинтересовало.

Приятно видеть, как расширяется круг нашего знания в деле, которое еще недавно казалось лишенным таких перспектив. Вместе с тем наиболее важный вопрос в истории сочинения Шлихтинга пока остается без ответа. У нас нет или пока не собрано достаточной информации о том, является ли Шлихтинг автором сочинения, которое ему приписывается. Я напому главные факты, на которых основаны такие сомнения. Существует как минимум два больших текста, родственных «Краткому сказанию». Во-первых, это известный текст итальянца на польской службе, командира рота в Витебске Алессандро Гваньини «О тириани великого князя Московии Иоанна Васильевича», также составленный на латыни. В отличие от «Краткого сказания», это сочинение не осталось в рукописи, а было опубликовано автором как часть его большого сочинения «Описание европейской Сарматии». Первое издание книги вышло в Кракове в 1578 году. Затем последовал еще целый ряд изданий и переводов на несколько европейских языков. Во-вторых, существует польская рукопись «Дело великого князя Московского, 1571 год» («Sprawa wielkiego kniazia Moskiewskiego, Roku 1571»). Хочу оговориться, что я не знаком с этой рукописью, а знаю о ее содержании только со слов других исследователей — И. П. Старостиной и Х. Грали¹⁶. Все три

¹⁵ Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586 (книга лишена сплошной пагинации).

¹⁶ Старостина И. П. Неизвестная польская редакция «Сказания» Альберта Шлихтинга // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвящ. 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто (19–22 апр. 1988 г.). М.,

сказанных сочинения, «Краткое сказание», Гваньини и «Дело великого князя Московского», имеют значительные текстуальные сходства. Вместе с тем полного совпадения материала между ними нет: некоторые факты, изложенные в польской рукописи «Дело великого князя Московского», могут фигурировать либо только у Гваньини, либо только в «Кратком сказании».

Есть два свидетельства современников, утверждающих, что Гваньини воспользовался чужим трудом, выдав его за свое сочинение. Первое принадлежит поляку Яну Лазицкому. В 1582 году он издал свой известный сборник материалов о России, где, в частности, говорилось, что о жестокостях Ивана Грозного в отношении своих подданных можно прочитать в «книге Александра Гваньини о Сарматии, написанной первоначально на польском языке для нашего короля Сигизмунда Августа немецким дворянином Альбертом Шлихтингом, который прожил в Московии семь лет»¹⁷. Второе свидетельство оставил также польский автор Матей Стрыйковский. В том же 1582 году в своей «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» Стрыйковский утверждал, что он и есть истинный автор книги, опубликованной Гваньини под своим именем. Там же напечатана «привилегия» польского короля Стефана Батория от 14 июля 1580 года, признающая авторские права Стрыйковского на его сочинения, в числе которых названо «Описание европейской Сарматии» («et alium librum De Sarmatia Europaea latine conscriptum») ¹⁸.

Исследуя судьбу известий Альберта Шлихтинга, И. П. Старостина и Х. Граля приходят к общей картине, которую можно суммировать в нескольких тезисах. Латинский текст «Краткого

1988. С. 100–106; Она же. К вопросу об авторстве «Сказания» Альберта Шлихтинга // Восточная Европа в древности и средневековье. V Чтения: Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 125–130; Она же. Иван Грозный в изображении Шлихтинга-Стрыйковского // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В. Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 1998. С. 112–117; Она же. Неизвестный Стрыйковский // Балты и Великое княжество Литовское: Историко-лингвистический взгляд / Конференция «Балты в древности и средневековье: Языки, история, культура» (11–12 дек. 2000 г.). М., 2007. С. 101–112; Grala H. Op. cit.

¹⁷ Łasicki J. De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. Spiraе, 1582. P. 103: «Legat qui potest de immemorabili istius hominis in suos subiectos crudelitate librum Alexandri Guagnini de Sarmatia, primo scriptum Polonice ad Sigmundum Augustum regem nostrum, ab Alberto Schlichtingo nobili Germano, qui in Moscovia septem vixit annos».

¹⁸ Подробнее об этих обвинениях см.: Старостина И. П. Неизвестный Стрыйковский.

сказания», по их мнению, является переводом с польского языка. Польская рукопись «Дело великого князя Московского» имеет прямое отношение к протографу известного нам латинского сочинения. В то же время перевод, очевидно, был сделан не с нее, а с другой редакции текста, которая остается нам не известной. Польский язык, по-видимому, не являлся для Шлихтинга родным. Согласно И. П. Старостиной и Х. Грале, он не мог быть автором большого литературного текста на польском языке. Следовательно, был кто-то, кто ему «помог». Хотя масштабов такой помощи мы не можем знать, фактическим автором польского текста признается М. Стрыйковский, а Альберту Шлихтингу отводится скромная роль его информатора.

Некоторые из этих тезисов мне кажутся справедливыми, другие вызывают вопросы. Я совершенно согласен с тем, что тезис о «Кратком сказании» как переводе с польского выглядит наиболее достоверным. Это подтверждается не только текстом «Дела великого князя Московского», но и целым рядом других прямых и косвенных свидетельств. Таково приведенное выше сообщение Лазицкого. Кроме того, существует письмо Портико от 19 сентября 1571 года, где также говорится, что сочинение Шлихтинга было переведено с польского языка на латинский¹⁹. Это известные факты, к которым я могу добавить некоторые свои наблюдения. В частности, стоит вспомнить рукопись «Сказания», найденную в римской *Biblioteca Angelica*. Личные имена и топонимы даны в ней в польских транскрипциях, чего не могло быть, если бы текст изначально был составлен на латыни. Вероятно, эта копия восходит к первой версии перевода, в спешке отосланной в Рим, которая впоследствии была заново отредактирована и приведена в надлежащий вид.

Роль поляка Стрыйковского, напротив, я бы назвал не столь очевидной и требующей дополнительных доказательств. Мысль о том, что именно он является фактическим автором сочинения, которое приписывают Шлихтингу, основывается на утверждениях самого Стрыйковского, обвинившего в плагиате своего витебского знакомого. Тем не менее замечу, что Стрыйковский, в данном случае, по-моему, тоже не выглядит человеком кристальной честности. Я хочу обратить внимание на целый ряд неувязок в его утверждениях. Можно допустить, что он является подлинным составителем записок Шлихтинга, украденных у него Гваньини. Но Стрыйковский заявляет, что он настоящий

---

¹⁹ Theiner A. Op. cit. P. 773.

автор не части текста, а всей книги «Описание европейской Сарматии», то есть приписывает себе в том числе те места, которые списаны явно не у него, а, например, у Герберштейна. Иными словами, либо он лжет по поводу своего авторства, либо сам является таким же плагиатором, крадущим большие куски чужого текста. Мы знаем Стрыйковского как автора сочинений на польском языке. Больших латинских текстов от него не осталось, и неизвестно, мог ли он написать большое сочинение на латыни. Если у него и были такие способности, он их не продемонстрировал. Наконец, примечательно отсутствие у Стрыйковского упоминаний Шлихтинга, точно того не существовало. Грубости, сказанные Стрыйковским в адрес Гваньини, характеризуют его самого. В его сетованиях на то, что «другие присвоили себе нашу славу», в карикатурном изображении Гваньини, который назван вороной, облачившейся в павлиньи перья, мы угадываем присущее ему понимание жизни и писательского труда. Видимо, имя Шлихтинга отброшено им как помеха, мешающая его славе. Где Стрыйковский кривит душой, а где говорит правду, без других источников не разобратся.

Должен сказать, мне не совсем понятно, почему И. П. Старостина и Х. Граля уверены, что Шлихтинг не мог знать польского языка настолько, чтобы писать по-польски. Подробности биографии Шлихтинга наводят на мысль, что он был человеком, способным к языкам. Попав в Москву в качестве военнопленного, Альберт Шлихтинг сумел стать переводчиком придворного врача-итальянца, причём был выбран на эту роль из большого числа своих товарищей по несчастью, чья участь была незавидной. Видимо, он знал или смог быстро выучить русский и знал другие языки, кроме немецкого, который предположительно был для Шлихтинга родным. Удержимся от гипотез, а перечислим факты. Фактом является то, что оба латинских текста — большое «Краткое сказание» и еще один текст меньшего размера, о котором пойдет речь ниже, — явно написаны от лица Альберта Шлихтинга, как его личные послания польскому королю. В предисловии к «Краткому сказанию» о Шлихтинге, правда, говорится в третьем лице, но в XVI веке в такой форме повествования о себе не было ничего необыкновенного. Так писали даже автобиографии. К тому же, возможно, это предисловие с информацией об авторе и происхождении переданных им сведений, вводящее читателя в курс дела, написано не им, а добавлено позднее неизвестным редактором. Так или иначе, сочинение оканчивается недвусмысленным заявлением: «То, что я пишу Вашему Королевскому Величеству, я видел

сам собственными глазами в городе Москве». Кто говорит и к кому обращается, по-моему, ясно. Наконец, все известные нам отзывы читателей — Портико, Лазицкого, Катены — без обиняков приписывают текст Шлихтингу. О «славе» Стрыйковского в этой связи никто из них, похоже, не догадывается.

Наши данные плохо увязываются в общую картину. Чтобы она состоялась, нужны новые исследования и открытия. В каше, которую заварил Шлихтинг, угадывается еще одно неизвестное перо. Я говорю о переводчике «Краткого сказания» на латинский язык, кому мы обязаны текстом, который есть в нашем распоряжении. Меня ставит в тупик заглавие сочинения. Царь Иван Грозный неожиданно назван в заглавии «тираном Василием». Это имя присутствует в названии всех списков, включая немецкий перевод. В самом тексте «Краткого сказания» московский «тиран» остается безымянным. Исключением являются списки «итальянской» редакции из Мантуи, Милана и библиотеки Йельского университета, где имя «тирана Василия» проникает в текст, но понятно, что оно взято из названия сочинения.

В Италии Ивана Грозного упорно называли Василием. Я уже писал об этом в предшествующей статье и потому ограничусь одним примером, который мне кажется весьма наглядным. В феврале 1581 года в Венецию проездом в Рим прибыл царский гонец Истома Шевригин. В переводе его проезжей грамоты с русского на итальянский язык имя правителя Московии венецианский переводчик, как смог, постарался передать с фонетической точностью: *Joan Vassilicovitz*. В официальном записи о приеме Шевригина венецианским правительством имя итальянизировано: *Giovanni Basiliovitz*²⁰. Тем не менее это, конечно, узнаваемое имя царя Ивана Васильевича. Запись находится в фонде Венецианского архива, который называется *Collegio, Esposizioni Principi*. Это фонд, специально посвященный приему иностранных посольств. Но то же сообщение существует в копии в так называемых «Анналах». Название не должно вводить в заблуждение: «Анналы», о которых идет речь, не хроника Венецианского государства, а сборник копий важнейших государственных актов. В интересующей нас копии отчета об аудиенции Шевригина имя правителя Московии внезапно меняется. Переписчик самовольно исправляет оригинал. Из двух имен: *Giovanni Basiliovitz*, первое

---

²⁰ Оба документа опубликованы П. Пирлингом: *Pierling P. Bathory et Possevino, documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves*. P., 1887. P. 25 (№ 1); P. 28 (№ 2).

«Giovanni» опущено, а второе «Basiliovitz» разделено надвое: Basilio Vit. Нам остается думать, что «Vit» — по мнению переписчика, это «фамилия» «великого князя Московского и могущественного императора Василия Вита»²¹. Похожих примеров загадочной веры в то, что правителя Московии зовут Василием, можно привести много. Но это Италия. Естественно, в Польше имя Ивана Васильевича Грозного должно было быть известно. Оно точно передано у Гваньини: Ioannes Basiliades (генетив: Ioannis Basiliadis)²². В названии другого сочинения Шлихтинга также нет путаницы. Текст озаглавлен: «Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de Principis Iwani vita et tyrannide». Кажется, нам остается думать, что человек, допустивший столь вопиющую оплошность в заглавии «Краткого сказания», был итальянцем.

Теперь обратимся к первому краткому отчету Шлихтинга о последних событиях в Московии, написанному вскоре после его бегства в Литву осенью 1570 года. До недавних пор он был известен только в немецком переводе, присланном ко двору императора его резидентом в Варшаве²³. Мне удалось найти латинский вариант данного текста. Все семь его списков, которые попались мне в руки, приложены к рукописям большого «Краткого сказания». Наличие подобного приложения, таким образом, является правилом, которое нарушают лишь две рукописи, содержащие большой текст Шлихтинга. Это, естественно, рукопись, которую относят к бумагам папского нунция в Польше Портико. Другое исключение — список из мантуанского Архива Гонзага. Но эта копия — особый случай: если сказать коротко, в ней просто не было свободного места. Видимо, отсюда можно заключить, что латинский текст первого послания мы узнаем примерно в том виде, каким он был в конце лета — осенью 1571 года. Его особенности нельзя приписать тому, что он был испорчен впоследствии в ходе последующего копирования. Отличия между латинским и немецким вариантами текста в минимальной мере связаны с рукописной традицией.

Немецкий текст, каким мы его знаем, также довольно ранний. Он приложен к депеше резидента императора при польском дворе

---

²¹ ASVe. Annali. T. 7, f. 63v.

²² Guagnini A. Sarmatiae europeae descriptio. Spiraе, 1581. P. 78, 79, 80b, 81, 83 etc.

²³ Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de principis Iwani vita et tyrannide // Scriptores rerum Polonicarum. T. I. Cracoviae, 1872. P. 145–147.

аббата Цира, которая датируется 27 ноября 1570 года, то есть примерно через полтора месяца после бегства Шлихтинга в Литву.

Немецкий и латинский тексты существенно различаются между собой. Я попытаюсь суммировать эти различия. Есть различия по содержанию. Кроме того, отчасти не совпадает порядок изложения. Информация немецкого текста, которой нет в латинском варианте, следующая:

- разрушительный татарский набег на московские земли весной 1570 года;

- численность опричного полка Ивана Грозного — 800 человек;

- истребление в июле 1570 года пленных, взятых в Изборске, числом 140 человек;

- фамилия Висковатого; в латинском тексте, а также в большом «Сказании» Шлихтинга, он фигурирует под именем Ивана Михайловича;

- датировка казни на Поганой Луже — июль 1570 года;

- указание на то, что польских пленных заставляют работать;

- назначение на все должности по два лица из-за недоверия царя к своим подданным;

- отказ Ивана Грозного принять гонцов Магнуса не только из страха перед чумой, которой они могли его заразить, но также потому, что царь разгневался на Магнуса, так как его посулы оказались пустыми.

Теперь перечислим факты, данные только в латинском тексте и отсутствующие в списке аббата Цира. Это, прежде всего, два больших куска текста. Первый — изложение подробностей о настрояниях в пользу Магнуса в Ливонии, а именно в Ревеле, Риге и Пернове. Второй фрагмент, выпущенный в немецком тексте, — эпизод с обменом пленными в Смоленске, а именно рассказ о задержании в московском плену князя Сергея Лукомского. Видимо, первый рассказ опущен как утративший актуальность. Наверное, стало ясно, что тайные сторонники Магнуса в Ливонии никаких городов ему передать не смогут. А рассказ о судьбе какого-то князя Лукомского был сочтен неважным. Ряд более мелких деталей:

- Магнус велит бить батогами тех, кто не признает его королевский титул;

- информация о том, что Шлихтинг состоял в Москве при враче тирана московитов;

- дата его бегства в Литву — я имею в виду заглавие латинского текста с датой 1 октября 1570 года;

- информация о выдаче денег русским послам;
- то, что Магнус является братом датского короля;
- упоминание Барятинского как одного из воевод в войске на Оке в 1570 году;
- нелюбовь к Грозному всех сословий и всеобщее желание перейти под власть польского короля; в немецком тексте, по-моему, так прямо об этом не сказано, а сообщается только о желании русских отдать своего царя в руки поляков;
- подробности соглашения царя с Магнусом: царь ударил с ним по рукам и подкрепил договор клятвой;
- и, наконец, последнее: сообщается, что гонца шведского короля не допустили к царю, а заставили отдать привезенное им письмо царевым дьякам.

В некоторых местах в немецком и латинском текстах факты изложены по-разному. Есть фактические различия, которые, по-видимому, являются ошибками переводчика или переписчика. По словам немецкого текста, в заговоре против царя участвуют 30 знатных людей; в латинском — 30 тысяч. 18 московских городов охвачены чумой в первом случае, и 28 во втором. Далее, немецкий текст сообщает об отправке царем в посольство к польскому королю «не очень приятных ему людей», лишившихся его расположения. Согласно латинскому тексту — «никчемных и безвестных».

Латинский текст переполнен очевидными ошибками. Некоторые из них вопиющие и смешные: так казначей Борис Сукин превратился в двух казначеев — Бориса и Сукина. То же «удвоение» происходит с крещеным татарским князем Иваном Камбаровым («Иван Камбаров и один крещеный казанский татарин»). Владимир Старицкий в одном месте назван родным братом царя, в другом месте — двоюродным. Много путаных фраз, заставляющих мучительно спрашивать, что же там было? Недоумение начинается с первых фраз и первого абзаца, где вроде бы говорится о некоем военном сборе на Оке, но тут же следуют пояснения, что выступление в поход было только намеренно пущенным слухом. В конце концов сказано, что войско было «распущено по домам и выслано вперед» под предводительством таких-то начальников. Какие факты автор пытается нам передать? Далее, нет уверенности в том, что Иван Грозный в самом деле велел Магнусу захватывать города, «прилегающие к ливонским землям», то есть не в самой Ливонии, а на ее границах. Мы знаем, что поход с участием Магнуса был на Ревель. Темно сказано о том, как московиты собираются освободиться от тирании сво-

его мучителя: не «наконечниками копий», а как-то «поворотив древка». Все эти ошибки и путанные фразы не оставляют сомнений в том, что латинский текст является переводом. Мы знаем, как текст может быть испорчен в рукописной традиции, но это явно не тот случай.

Теперь я хочу поспорить с самим собой. Я говорил и писал о том, что латинский и немецкий варианты текста, по моему мнению, являются переводами с польского языка. Первое послание Шлихтинга, вероятно, было написано по-польски. Я и сейчас допускаю такую мысль, но должен заметить, что надежных аргументов для такого утверждения мало. Фактов недостаточно.

В статье, опубликованной три года назад, я обратил внимание на то, что в немецком тексте содержится немалое количество русских слов, как-то: «князь», «бояре», «рубль», «деньги», «квас», «гонец», «опричники». Понятно их присутствие: они обозначают и иллюстрируют русский мир. В основном это также слова польского языка. Странно то, что эти слова даны не в фонетических транскрипциях, а в польских написаниях. По крайней мере, однажды такое слово употреблено невпопад: словом русского и польского языков «гонец» назван посланец шведского короля. В латинском тексте этих слов нет! Далее, я отметил, что в латинском тексте есть одно слово славянского происхождения, существующее сегодня как в русском, так и в польском языках. Это обозначение напитка «мед», — в латинском тексте в аблативе *medone*. Из этих фактов я и сделал вывод, что протографом немецкого и латинского текстов являлся текст, составленный на польском языке. Мне самому это уже не кажется убедительным. В частности, я должен признать, что слово *medo*, *medonis* не придумано латинским переводчиком Шлихтинга. Выяснилось, в средневековой латыни такое слово есть. В частности, этим словом пользуется Герберштейн. Моя мысль о польском протографе выглядит поспешной.

Следовательно, перед нами снова встает нерешенный вопрос, не является ли немецкий текст «*Nova ex Moscovia*» оригиналом. Текст аббата Цира, разумеется, не тот, с которого был сделан латинский перевод. Однако он может являться позднейшей редакцией того текста, который был также протографом латинского перевода. Здесь надо заметить, на каком языке ведется переписка Цира с императорским двором. Эта переписка ведется не на немецком языке, а на латыни. Данный факт, между прочим, объясняет, почему немецкому тексту дано латинское название. Название — всего лишь фраза из письма аббата Цира, данное им пояснение.

Тем не менее есть кое-какие подробности, мешающие считать немецкий текст вариантом оригинального текста, написанного Шлихтингом. Например — язык. Текст составлен на верхненемецком языке. Родным языком Альберта Шлихтинга, уроженца Померании, должен был быть нижненемецкий. Тут можно вспомнить, что Штаден написал свое сочинение на нижненемецком языке. Второй момент — это, как минимум, одна ошибка. Боярин Иван Петрович Федоров назван в тексте аббата Цира князем. В латинских текстах Шлихтинга этой ошибки нет. Впрочем, для убедительных выводов этих наблюдений, конечно, мало.

Новое критическое и полное издание текстов, восходящих к информации, переданной из Московии Альбертом Шлихтингом, — дело будущего. Естественно, в него должны войти как латинские, так и польские и немецкие тексты, а также весь комплекс необходимых сопроводительных материалов. Такое масштабное издание, требующее взаимодействия многих ученых, некогда входило в мои планы, но организовать его оказалось сложнее, чем я думал. Пока дело откладывается. Тем не менее, я этому рад. Думаю, спешить с таким изданием не следует. Слишком велик объем подготовительной работы, которую можно и нужно сделать. Так, выясняется, что списков сочинения намного больше, чем казалось еще недавно. Не приходится сомневаться в том, что девять латинских рукописей Шлихтинга, с которыми мне удалось поработать, найденные всего за несколько месяцев, — малая толика того, что было и, видимо, есть в европейских архивах. Еще раз приведем слова Павла Пирлинга, забытые историками: рукописи Шлихтинга, пишет он, есть «едва ли не во всех римских библиотеках». Иначе говоря, даже в Риме их должно быть не три, найденных нами, а больше.

Нас ждут новые открытия. До полноценного издания сообщений Шлихтинга нам пока далеко. Потому остается воспринимать и организовывать работу в этом направлении как процесс. Я публикую материалы, которые у меня есть, в надежде на то, что работа будет продолжена.

A = Рим, Archivio Segreto Vaticano. Miscellanea, Armadio II, Ms. 69, f. 17–39.

B = Рим, Biblioteca Apostolica Vaticana. Ottoboniani Latini, Ms. 2416, f. 558–578v.

C = Рим, Biblioteca Angelica. Ms. 154, f. 1–17.

D = Падуя, Biblioteca del Seminario vescovile di Padova, Ms. 189, f. 2–16v.

E = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 833 (615), f. 43–66.

F = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 834 (616), f. 47–63v.

De moribus et imperandi crudelitate Basilii Moschoviae tyranni²⁴ brevis enarratio

Mores et ingenium Basilii ducis Moschoviae quale fuerit, quae imperandi licentia, quae in subditos crudelitas, nemo ante scire poterat. Qui enim in Moschoviam²⁵ aliquando commeabant²⁶, solis mercaturae²⁷ negotiis intenti, ducem ipsum non videbant, aut si quando vidissent, nihil scrutari et indagare audebant propter metum tyranni²⁸, qui extraneos levissima etiam suspicione²⁹ inculpatos miris³⁰ ac inauditis cruciatibus torquere solebat³¹. Ipsius actiones tum demum illustres esse coeperunt, cum Poloczkm³² cepisset³³, a quo tempore bellis continuo durantibus partim ex captivis³⁴ refugientibus³⁵, partim³⁶ ex Moschis, qui tyranni³⁷ imperium nullo modo ferre potuerunt ac ad regis castra transierunt, ipsius crudelitas et

²⁴ tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

²⁵ Moschoviam *A B C D F*, Moschovium *E*

²⁶ commeabant *A C*, comeabant *B D E F*

²⁷ mercaturae *A B D*, mercature *C*, mercalurae *E F*

²⁸ tyranni *A B C D*, siranni *E*, syranni *F*

²⁹ suspicione *A*, suspitione *B C D E F*

³⁰ miris *A B C D*, imris *E F*

³¹ solebat *A B C D F*, solevat *E*

³² Poloczkm *A B D*, Polockum *C*, Poloczlcum *E F*

³³ cepisset *A B D E F*, caepisset *C*

³⁴ captivis *A B C D F*, ceptivis *E*

³⁵ refugientibus *A B D E F*, reffugientibus *C*

³⁶ partim *A B C E F*, partem *D*

³⁷ tyranni *A B D F*, tyrranni *C*, tiranni *E*

plusquam Neroniana tyrannis³⁸, quam ante hominum ignorantia contexerat, enituit. Inde effectum³⁹ est, ut Albertus Schlichting⁴⁰ Pomeranus vir alioqui militaris⁴¹ et probus, cum esset apud Iesierisca⁴² castellum⁴³ a Moschis captus et septennio⁴⁴ isthic⁴⁵ in aula Moschi detentus, pauca quaedam⁴⁶ illius tyranni⁴⁷ gesta notaret, ut notus esset orbi universo⁴⁸ tyrannus⁴⁹ non tam ipso nomine, quam actionibus suis alioqui sceleratissimis⁵⁰ et crudelissimis⁵¹. Non erat autem⁵² difficile⁵³ Alberto ea cognoscere, nam ob ingenii cultum et linguae Germanicae⁵⁴ Ruthenicaeque peritiam a medico Italo, qui tyranno⁵⁵ serviebat, impetratus est, ut eo uteretur servo et interprete. Is igitur medico septennium serviens, ubi vitae quoque suae insidias parari videt, connivente domino profugit⁵⁶ in Poloniam paululumque otii nactus haec de moribus et dominatu tyranni⁵⁷ pauca annotavit.

Poloczko⁵⁸ capto, ut fit in secundis⁵⁹ rebus fortunae successu⁶⁰ insolentior effectus tyrannus⁶¹, animo cogitare coepit, quomodo suos et eos maxime, qui nobilitate et vetustate familiae praecelebant⁶², extirparet, quod⁶³ sibi inimicos putaret, saepe suadentes, ut iusti

-
- 38 tyrannis *A B C D F*, tiranis *E*
39 effectum *A B C D*, esfectum *E F*
40 Schlichting *A B*, Szlychtink *C*, Schliching *D E*, Schlichtmg *F*
41 militaris *A B C E F*, imilitaris *D*
42 Iesierisca *A B C D*, Iesiorisca *E F*
43 castellum *A B D E F*, castellanum *C*
44 septennio *A B C*, septenio *D*, septemio *E F*
45 isthic *A B D E F*, isthinc *C*
46 quedam *A*, quaedam *B C D E F*
47 illius tyranni *A C*, tyranni *B D F*, tiranni *E*
48 universo *A B C D F*, uniberse *E*
49 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*
50 sceleratissimis *A B C*, sceleratissimus *D E F*
51 crudelissimis *A B C E F*, crudelissimus *D*
52 autem *A C*, ante *B D E F*
53 difficile *A B C D F*, dificile *E*
54 Germanicae *A B C D F*, Germaniae *E*
55 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*
56 profugit *A B C D F*, pefugit *E*
57 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*
58 Poloczko *A B C D*, Poloczleo *E F*
59 secundis *A B C D*, scundus *E*, secundus *F*
60 successu *A B C D F*, succesu *E*
61 tyrannus *A C D F*, tirranus *B*, tirannus *E*
62 praecelebant *A B C D*, precellevant *E*, precelebant *F*
63 quod *A B D E F*, quos *C*

principis imperium sequeretur, neque⁶⁴ sanguinem Christianum tantopere sitiret, supersederetque a bellis⁶⁵ iniustis et illicitis, contentus suis vitam viveret Christiano principe dignam. Si generosus et magnanimus⁶⁶ bellorumque studiosus esset, converteret potius animum armaque sua in hostes Christi crucis Tartaros et Turcas, a quibus vicinam Moschoviam infestari saepe videret. Haec invisa⁶⁷ consilia⁶⁸, ut pote ingenio suo contraria suspectaque dum ille putat, audacia⁶⁹ furens et scelus animo iam pridem conceptum anhelans in delendis magnis viris⁷⁰ et vetustate generis illustribus, ut pro libito⁷¹ tyrannidem⁷² exerceret⁷³, his artibus⁷⁴ et dolis⁷⁵ utitur.

Demetrius Owczina⁷⁶ comes sive dux, ut illi vocare solent, vir summa autoritate⁷⁷ in Moschovia⁷⁸, cuius pater ad Starodubum captus et in Lithuania⁷⁹ ad extremum vitae diem usque asservatus eo bello, quo Sigismundus⁸⁰ rex Poloniae magnam in Moschis stragem ediderat⁸¹ Starodubumque⁸² et multas alias civitates interceperat ac ducem Owczinam⁸³ exercituum⁸⁴ Moschi eo bello⁸⁵ imperatorem captivum in Lithwaniam⁸⁶ abduxerat. Hic igitur a tyranno⁸⁷ convivio exceptus erat ac inter epulas apprime rogatus, ut

---

64 neque *A B C E F*, necque *D*

65 bellis *A B C D F*, belis *E*

66 et magnanimus *B D E F* omit.

67 invisa *A B C D F*, in vissa *E*

68 consilia *A B C E F*, consilio *D*

69 audacia *A B D E F*, audatia *C*

70 viris *A B C*, iuris *D E F*

71 libito *A B C D F*, livito *E*

72 tyrannidem *A D F*, tyrranidem *B*, tyrannidem *C*, tirannidem *E*

73 exerceret *A B C D F*, excerceros *E*

74 artibus *B*, artib. *A C D F*, arbit *E*

75 dolis *A B C D F*, delis *E*

76 Owczina *A B D*, Owczynna *C*, Onczina *E F*

77 autoritate *A*, autoritate *B C D E F*

78 Moscovia *A*, Moschovia *B C D E F*

79 Lithuania *A B D E F*, Litwania *C*

80 Sigismundus *A B C D F*, Siguismundus *E*

81 ediderat *A B D E F*, aediderat *C*

82 Starodubumque *A D*, Starodubamque *B*, Staradubumque *C*, Starodeubumque *E*, Starodcubumque *F*

83 Owczinam *A B C D*, Onczmam *E F*

84 exercituum *A B D E F*, exercitum *C*

85 bello *A B C D*, bella *E F*

86 Lithwaniam *A*, Litwaniam *C*, Lithuaniam *B D E F*

87 tyranno *A B C D F*, tyranno *E*

craterem⁸⁸ mellis pro more et consuetudine patriae cocti uno haustu et spiritu ebiberet eoque poculo⁸⁹ declararet, quam charam salutem et incolumitatem principis sui⁹⁰ haberet, pro qua si non dubitaret vitam effundere, hoc poculo dulci et suavi in viscera effuso⁹¹ maxime⁹² testaretur. Erat autem crater⁹³ ille mellis⁹⁴ plenus continens in se mensuram quartariorum quasi sedecim⁹⁵. Demetrius tametsi⁹⁶ videret rem factu impossibilem⁹⁷, tamen libens assumit negotium bibendi, ita existimans, si⁹⁸ forte, quod certo futurum sciebat, non ebibisset, non laturum aegre⁹⁹ principem quin¹⁰⁰ potius collaudaturum eius¹⁰¹ animum promptum et alacrem in obsequendo. Bibit igitur inflatis buccis et distento¹⁰² gutture sic avide, ut potum repleta viscera evomerent, vix¹⁰³ tamen poculi dimidiam partem exhaustit. Tyrannus¹⁰⁴ fovens atroces¹⁰⁵ in pectore iras, rabiem tamen statim non evomuit¹⁰⁶, sed blandientis more canis leviter viri erga se benevolentiam¹⁰⁷ accusavit, dicens¹⁰⁸ se cognoscere utique quam eo utatur non usque adeo benevolo¹⁰⁹ servo. Et quia tum bibere non posset, eum rogavit, ut ad vinarias¹¹⁰ cellas, ubi potus tyranni¹¹¹ asservatur, iret, ibique quod liberet et quantum vellet quodve genus potus placeret, pro salute et incolumitate tyranni¹¹² biberet. Facit

88 craterem *A B C D F*, eraterem *E*

89 poculo *A C D*, potulo *B E F*

90 principis sui *A C*, sui principis *B D*, sue principis *E F*

91 effuso *A B C D F*, effuso *E*

92 maxime *A B C D F*, magime *E*

93 crater *A B C D*, orator *E*, orater *F*

94 mellis *A B C D F*, melis *E*

95 sedecim *A B D E F*, sexdecim *C*

96 tametsi *A B D E F*, tameti *E*

97 impossibilem *A B C D*, imposiblem *E F*

98 si *A B C E F*, se *D*

99 aegre *A B D E F*, egre *C*

100 quin *A B C D F*, qum *E*

101 eius *B D E F* omit.

102 distento *A B C*, destento *D E F*

103 vix *A B C D*, iux *E F*

104 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

105 fovens atroces *A C*, atroces fovens *B D E F*

106 evomuit *A B C D F*, ovemuit *E*

107 benevolentiam *A B C D F*, venevolentiam *E*

108 dicens *B C D E F*, dicens *A*

109 benevolo *A B C D F*, venevolo *E*

110 vinarias *A C*, universas *B D E F*

111 tyranni *A B D F*, tyrranni *C*, tiranni *E*

112 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

ille non invitus, quod mandat tyrannus¹¹³, existimans illum sincere¹¹⁴ locutum, et bene iam potō facile fuit persuadere. Ingreditur in cellas vinarias cum his qui eum iussu¹¹⁵ tyranni¹¹⁶ tam lauto excepturi erant convivio, ubi eum¹¹⁷ expectabant¹¹⁸ canum custodes praeparati et instructi a tyranno¹¹⁹, quam primum dux Owczina¹²⁰ ingrederetur, ut eum¹²¹ strangularent, quod consecutum¹²² est, non multum iussa¹²³ tyranni¹²⁴ detrectantibus¹²⁵ illis, et ita periit.

Causa vero eius secreto perdeni¹²⁶ ea fuit¹²⁷, quod inter iurgia¹²⁸ et contentiones cum Fiedoro¹²⁹ Bosmani filio¹³⁰ exprobrasset¹³¹ eidem scelus nefandum, quod patrare consuevisset¹³² cum tyranno¹³³. Huius enim Fiedori¹³⁴ tyrannus¹³⁵ abutebatur amore. Is vero Fiedorus¹³⁶ omnes fere in odium tyranni¹³⁷ solebat¹³⁸ adducere, quae causa fuit, ut Owczina¹³⁹ dux eum¹⁴⁰ propterea increpasset¹⁴¹, enumerans coram eo sua maiorumque suorum merita in principes et patriam¹⁴².

---

¹¹³ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

¹¹⁴ sincere *A B C D F*, sincere *E*

¹¹⁵ iussu *A B D E F*, iusu *C*

¹¹⁶ tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

¹¹⁷ eum *A B D E F*, cum *C*

¹¹⁸ expectabant *A B C D F*, expectavant *E*

¹¹⁹ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

¹²⁰ Owczina *A B*, Owczynna *C*, Oruczina *D F*, Oroczina *E*

¹²¹ eum *A B C D F*, cum *E*

¹²² consecutum *A B D E F*, consequutum *C*

¹²³ iussa *A B D*, vissa *E F*, *C omit.*

¹²⁴ tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

¹²⁵ detrectantibus *A B C D F*, detractantibus *E*

¹²⁶ perdeni *A B C D*, pordndi *E F*

¹²⁷ ea fuit *A B D E F*, fuit ea *C*

¹²⁸ iurgia *A B C D*, iusgia *E F*

¹²⁹ Fiedoro *A C D E F*, Fredoro *B*

¹³⁰ filio *A C D E F*, filis *B*

¹³¹ exprobrasset *A B C D*, exprobaset *E*, exprobasset *F*

¹³² consuevisset *A B C D F*, consuebisset *E*

¹³³ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

¹³⁴ Fiedori *A D E F*, Fiodori *C*, Foedori (?) *B*

¹³⁵ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

¹³⁶ Fiedorus *A B D E F*, Fiodorus *C*

¹³⁷ tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

¹³⁸ solebat *A B C D F*, solevat *E*

¹³⁹ Owczina *A D*, Onezina *B F*, Owczynna *C*, Onezina *E*

¹⁴⁰ eum *A B C D F*, cum *E*

¹⁴¹ increpasset *A B C D F*, inesepasset *E*

¹⁴² priam *A D F*, patriam *B C*, prium *E*

Fiedorus ira accensus ad tyrannum¹⁴³ lacrymans¹⁴⁴ abiit, Owezina-
que¹⁴⁵ accusavit, a quo tempore¹⁴⁶ iam ille¹⁴⁷ de Owezina¹⁴⁸ delendo¹⁴⁹
cogitare coepit. Patrata nece¹⁵⁰ (eo¹⁵¹ uti dictum est modo) postridie
misso in domum eius apparitore¹⁵² iubet eum ad se venire, simulans
se nihil prorsus de eo scire. Uxor Owezinae¹⁵³ respondit se ab he-
sterno¹⁵⁴ die maritum non vidisse¹⁵⁵, profectum ad magni ducis pala-
tium, necdum¹⁵⁶ adhuc rediisse¹⁵⁷. Sic eo modo Owezina¹⁵⁸ necavit
et innumeros alios, quorum aliquando sanguinem¹⁵⁹ sitisset¹⁶⁰.

Huius rei crudelitate permoti nobiles quidam simulque summus
sacerdos eum¹⁶¹ sibi monendum¹⁶² statuerunt, ut a sanguine subdito-
rum suorum innoxio sine causa et merito ullo tam atrociter effunden-
do¹⁶³ abstineret. Non convenire Christiano¹⁶⁴ principi¹⁶⁵ peraeque¹⁶⁶ in
homines ac in pecudes saevire, timeret iustum Dei supplicium¹⁶⁷, qui
sanguinem innocentem in tertia etiam generatione vindicare solet.
Hac admonitione non nihil percitus et verecundia inprimis¹⁶⁸ summi
sacerdotis perfusus, cum nullas excusandi causas inveniret, spem
emendandae¹⁶⁹ vitae dedit ac sex fere mensibus quietus fuit. Interim

---

¹⁴³ tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

¹⁴⁴ lacrymans *A*, lachrimans *B C*, lachymans *D*, lacrimans *E F*

¹⁴⁵ Owezinaeque *A B C D*, Onczinamque *E F*

¹⁴⁶ tempore *A B C D*, tempo *E F*

¹⁴⁷ ille *A B D E F*, illo *C*

¹⁴⁸ Owezina *A B C*, Owezyna *D*, Onczina *E*, Onczyna *F*

¹⁴⁹ delendo *A B C D F*, delondo *E*

¹⁵⁰ nece *A B C D*, nec *E F*

¹⁵¹ eo *A B C D F*, co *E*

¹⁵² apparitore *A B C D*, apparisore *E F*

¹⁵³ Owezinae *A B D*, Onczyne *C*, Onczine *E F*

¹⁵⁴ hesterno *A B C D*, externo *E F*

¹⁵⁵ vidisse *A B C D*, vidsse *E F*

¹⁵⁶ necdum *A B D E F*, nondum *C*

¹⁵⁷ rediisse *A B C D*, rednsse *E F*

¹⁵⁸ Owezina *A B D*, Owezynam *C*, Onczinam *E F*

¹⁵⁹ sanguinem *A B C D E*, sangiuinem *F*

¹⁶⁰ sitisset *A B C D*, fuisset *E F*

¹⁶¹ eum *A B C D*, cum *E F*

¹⁶² monendum *A B C D F*, monnedum *E*

¹⁶³ effundendo *A B C E F*, effudendo *D*

¹⁶⁴ Christiano *C D*, Chriano *A B*, Chiana *E F*

¹⁶⁵ principi *A B C D F*, principe *E*

¹⁶⁶ peraeque *A B D E F*, praeque *C*

¹⁶⁷ supplicium *A D F*, supplitium *C E*, iudicium *B*

¹⁶⁸ inprimis *A C*, imprimis *B D E F*

¹⁶⁹ emendandae *A B C D F*, emendanda *E*

cogitabat¹⁷⁰ in illo novo genere vitae, quomodo opricinam compararet, hoc est celeres sive milites corporis sui custodes vel potius fautores tyrannidis¹⁷¹ suae quasi sicarios, quorum satellitio munitus liberius debaccharetur¹⁷² in necem omnium. Simulavit autem quasi dominationis pertaesus¹⁷³, velle se principatum deponere, in recessu¹⁷⁴ et solitudine vivere¹⁷⁵, vitam sanctam et monasticam¹⁷⁶ agere. Vocatis igitur ad se primoribus¹⁷⁷, quod faciendum deliberarit¹⁷⁸, illis exponit, filios duos ostendit rectoresque imperii nominavit. Iam, inquit, satietas¹⁷⁹ imperandi coepit animum, imperare mihimet¹⁸⁰ ipsi placet ac abducere¹⁸¹ se a curis et illecebris mundi huius fugereque occasiones peccandi. Filios habetis et ingenio et aetate ad imperium aptos, his ducibus utamini¹⁸² his dominis et imperatoribus. Si quid unquam praeclarum, si quod laude dignum feci, hoc totum in eorum utilitatem redundet, quos vobis¹⁸³ et mearum virtutum et imperii haeredes¹⁸⁴ facio, constituo. Hi¹⁸⁵ vobiscum habitent, hi¹⁸⁶ dominantur, hi¹⁸⁷ iudicent, hi¹⁸⁸ bella gerant. Si quod arduum et viribus humerisque vestris grave negotium ingruerit, me consultorem in eo non longe a vobis habitantem habebitis¹⁸⁹. His ita dictis¹⁹⁰ ac¹⁹¹ ordinatis

-
- 170 cogitabat *A B C D F*, cogitavit *E*
171 tyrannidis *A B C D F*, tirannidis *E*
172 debaccharetur *A B D E F*, debacharetur *C*
173 pertaesus *A B D E F*, pertesus *C*
174 recessu *A B C D F*, recesu *E*
175 vivere *A B C D F*, cuvere *E*
176 monasticam *A B C D F*, monastioum *E*
177 primoribus *A B D E F*, primioribus *C*
178 deliberarit *A B D E F*, deliberavit *C*
179 satietas *A B D E F*, sacietas *C*
180 mihimet *A B C D*, imhimet *E F*
181 abducere *A B D E F*, abducare *C*
182 utamini *A B C D*, ut animi *E F*
183 vobis *A B C D F*, vovis *E*
184 haeredes *A B C D*, heredes *E F*
185 hi *A B C E F*, si *D*
186 hi *A B C E F*, si *D*
187 hi *A B C E F*, si *D*
188 hi *A B C E F*, si *D*
189 habueritis *A*, habebitis *B C D F*, habevitis *E*
190 dictis *A B C D*, dictus *E F*
191 ac *A B D E F*, et *C*

rebus mox¹⁹² aliquot millibus¹⁹³ tectorum¹⁹⁴ disiectis¹⁹⁵ locum palatio¹⁹⁶ designat in recessu¹⁹⁷ prope flumen Nehlinna¹⁹⁸, quod¹⁹⁹ alluit²⁰⁰ Kittay²⁰¹ castrum, influens etiam in celebre flumen Moscham, a quo Moschovia urbs ampla dicitur, quae Moschovitis²⁰² hoc nomen dedit, alio modo enim Russi sive Rutheni dicuntur. In eo loco igitur²⁰³ palatium amplum extruit altoque muro circumducit²⁰⁴, ubi habitaret solitarius. Castra etiam²⁰⁵ praecipua²⁰⁶ curiae illi vicina adiunxit²⁰⁷ opricinam, hoc est sicarios aggregare coepit, hosque arctissimo obedientiae vinculo sibi adiunxit.

Rex noster, ubi quem accersitum²⁰⁸ iubet, dictu mirum est, quam cor gestiat²⁰⁹, quam exultet animus, quam fortunatum ille se putat, quem vult princeps esse conventum, proptereaque spe plenus abit, ut gratiam in conspectu²¹⁰ domini obtineat. Quemadmodum vero sol a luna sic virtus et clementia regis nostri differt a tyrannide²¹¹ ducis Moschoviae. Qui dum senatorem nobilem sive militem ad se venire iubet, tum is eum conventurus²¹² valedicit uxori²¹³, natis²¹⁴, amicis quasi nunquam eos visurus esset, sperat enim certo vel a fustibus²¹⁵, vel a securi sibi esse pereundum, tametsi nullius culpae conscium

---

¹⁹² mox *A B C D F*, morum *E*

¹⁹³ millibus *A B C D F*, milibus *E*

¹⁹⁴ tectorum *A B D E F*, tectis *C*

¹⁹⁵ disiectis *A B C D*, disrectis *E F*

¹⁹⁶ palatio *A B D E F*, pallatio *C*

¹⁹⁷ recessu *A B C D F*, recesu *E*

¹⁹⁸ Nehlinna *A*, Neehlinna *B*, Neblina *C*, Nechlinna *D E F*

¹⁹⁹ quod *A B D E F*, quo *C*

²⁰⁰ alluit *A B D*, aluit *C*, aliut *E*, alliut *F*

²⁰¹ Kittay *A D E F*, Kyttay *B*, Kethy *C*

²⁰² Moschovitis *A B D E F*, Moscovitis *C*

²⁰³ loco igitur *A B D E F*, igitur loco *C*

²⁰⁴ circumducit *A C*, circunducit *B D E F*

²⁰⁵ etiam *A B C D F*, et *E*

²⁰⁶ praecipua *A B C D F*, precipua *E*

²⁰⁷ adiunxit *A B C D F*, advinxit *E*

²⁰⁸ accersitum *A B C D F*, accercitum *E*

²⁰⁹ gestiat *A B C D*, gestrat *E F*

²¹⁰ conspectu *A B C E F*, cospectu *D*

²¹¹ tyrannide *A B C D F*, tirannide *E*

²¹² conventurus *A B C D*, conventurs *E F*

²¹³ uxori *A B C D*, uxoris *E F*

²¹⁴ natis *A B C D*, natus *E F*

²¹⁵ vel a fustibus *E F omit.*

se esse intelligat. Est enim insita quaedam²¹⁶ malitia Moschovitis²¹⁷, ut tacite soleant se invicem accusare et invicem calumniari apud tyrannum²¹⁸, ac alter alterius odio flagrare, ita ut calumniis invicem se ipsi²¹⁹ confodiant. Tyranno²²⁰ autem haec omnia²²¹ allubescunt, nullosque²²² libentius²²³ audit quam delatores et calumniatores, falsi an veri sint²²⁴, nihil curat, dummodo occasionem habeant²²⁵ hominum perdendorum, tametsi multi²²⁶ de insimulatis criminibus ne cogitarint quidem. In eius aula tutum non est alloqui quemvis, clare an demisse dixerit quis sive mussitaverit²²⁷, riserit, aut rinxerit, hilaris vel tristis sit, mox interrogatur²²⁸ a tyranno, quamobrem rideat, gaudeat, ringatur, hilaris²²⁹, tristis²³⁰ sit, insimulans mox te sentire cum hostibus suis aut aliquid²³¹ contra eum sceleratum moliri. Nemo vero factum suum excusare potest, statim enim clamat opricinas siccarios²³² suos, ut talem capiant et mox in conspectu vel in frustra²³³ secent²³⁴ vel capite plectant vel submergant sive²³⁵ canibus aut ursis discerpendum obiiciant.

Extructa eum²³⁶ in modum curia, ibi habitare coepit cum numeroso²³⁷ opricinarum siccariorumve suorum grege, quem coegerat ex fece latronum. Cum²³⁸ enim quem audacissimum et sceleratissimum²³⁹

---

²¹⁶ quaedam *A B D*, quedam *C*, quodam *E*, quaedam *F*

²¹⁷ Moscovitis *A*, Moschovitis *B C D E F*

²¹⁸ tyrannum *A B C D F*, tyrannum *E*

²¹⁹ ipsi *A C*, ipsos *B D E F*

²²⁰ tyranno *A B C D F*, tyranno *E*

²²¹ omnia *A B C D F*, homnia *E*

²²² nullosque *A B C D*, nullosque *E F*

²²³ libentius *A C D F E*, libentius *B*

²²⁴ sint *C omit.*

²²⁵ habeant *A C*, habeat *B D E F*

²²⁶ multi *A B D E F*, nulla *C*

²²⁷ mussitaverit *A B F*, musitaverit *C E*, missitaverit *D*

²²⁸ interrogatur *A B D E F*, interrogatur *C*

²²⁹ vel tristis sit mox interrogatur a tyranno quamobrem rideat gaudeat ringatur hilaris *E omit.*

²³⁰ tristis *A C D*, tristisve *B*, tustis *E F*

²³¹ aliquid *A B C D*, alliquid *E F*

²³² siccarios *A B C D*, sucarios *E F*

²³³ frustra *A B D E F*, frustra *C*

²³⁴ secent *A B F*, secant *C*, fecent *D*, scent *E*

²³⁵ sive *A B C D F*, sibe *E*

²³⁶ eum *A B C D*, cum *E F*

²³⁷ numeroso *A B C D F*, numerosso *E*

²³⁸ cum *A B D E F*, eum *C*

²³⁹ sceleratissimum *A B C D F*, saeleratissimum *E*

alicubi subodorarat, mox in consortium allexit²⁴⁰ ministrumque fecit suae tyrannidis²⁴¹ et crudelitatis. Ubi satis se firmum tali praesidio animadvertit²⁴², iterum cogitare coepit, quod suadentibus nonnullis monente vero sacerdote summo²⁴³ simulata religione intermiserat²⁴⁴ de claris viris et vetustate²⁴⁵ familiae cum primis illustribus delendis. Quos enim in castris palatinos habet, ad eos ablegat equites opricinas sive siccarios²⁴⁶, ut simulata amicitia cum eo maneant et vivant, tempusque observent, si quando paucioribus servis stipatum viderent in templo sive domi aut ubicunque commodum putarent, ut²⁴⁷ eum captivarent ac deinde trucidarent et dissecarent²⁴⁸. Eo necato²⁴⁹ si quos affines, amicos et propinquos habet, sive²⁵⁰ in curia tyranni²⁵¹ habitent illi sive non, eos omnes necari²⁵² iubet, subordinatis siccaris²⁵³ dum in curiam proficiscuntur, ut²⁵⁴ interim impetu facto publice in via eos²⁵⁵ adorianatur ac occidunt. Quaerit deinde caedis autores²⁵⁶ quasi nihil²⁵⁷ conscius, neminem tamen indagare neque punire solet. Hoc genere caedis plurimos ex illustribus familiis delevit atque etiamnum²⁵⁸ delet²⁵⁹ virtutis humanitatisque prorsus oblitus.

Ducem Rostovium²⁶⁰, qui habitabat²⁶¹ in Novo castro inferiori, eodem fere modo necari iussit. Hic quod benignius²⁶² captivos tractare

---

²⁴⁰ allexit *A B D E F*, allecit *C*

²⁴¹ tyrannidis *A B C D F*, tirannidis *E*

²⁴² animadvertit *A C*, advertit *B D E F*

²⁴³ sacerdote summo *A C D E F*, summo sacerdote *B*

²⁴⁴ intermiserat *A B C D F*, intermisserat *E*

²⁴⁵ vetustate *A B D E F*, vetustatae *C*

²⁴⁶ siccarios *A B C D*, sicarios *E F*

²⁴⁷ ut *A B D E F*, et *C*

²⁴⁸ dissecarent *A D F*, disseccarent *B*, disecarent *C E*

²⁴⁹ necato *A B D E F*, nacto *C*

²⁵⁰ sive *A B C D F*, sibe *E*

²⁵¹ tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

²⁵² necari *A B C D*, necary *E F*

²⁵³ siccaris *A B C D*, sicariis *E F*

²⁵⁴ ut *A C D E F*, et *B*

²⁵⁵ in via eos *A B D E F*, eos in via *C*

²⁵⁶ autores *A*, authores *B C D E F*

²⁵⁷ nihil *A B D E F*, nil *C*

²⁵⁸ etiamnum *A B D E F*, etiam nunc *C*

²⁵⁹ delet *A B C D*, debet *E F*

²⁶⁰ Rostovium *A B C D*, Restovium *E F*

²⁶¹ habitabat *A B C D F*, habitavat *E*

²⁶² benignius *A B D*, benignus *C E F*

soleret nec immanis²⁶³ et²⁶⁴ ferus adversus eos diceretur²⁶⁵, insimulatus est propterea quasi ad regem Poloniae transfuga esse vellet eidemque salvum conductum palatinus Polocensis²⁶⁶ curaturum²⁶⁷ promississet²⁶⁸. Ad eum misit 30²⁶⁹ milites opricinas, uti²⁷⁰ eius caput abscisum portarent²⁷¹ ad sese²⁷², quod et²⁷³ factum est. Cum enim Rostovius²⁷⁴ in templum descendisset, ut oraret, mox accurrunt²⁷⁵ in templum sicarii²⁷⁶ ad eumque dicunt: O dux Rostovi²⁷⁷, captivus es iussu magni ducis. Miser autem proiecto baculo, quo utebatur pro insigni magistratus eius, quem gerebat, quasi magistratum deprensens. Est enim ea consuetudo, ut qui sint in magistratu, baculum gestare soleant, quem dat princeps in signum autoritatis²⁷⁸ et gubernationis. Capto eum in modum²⁷⁹ misero mox eum spoliarunt²⁸⁰ habitu, quem ferebat²⁸¹, ita ut nudus restiterit. Servos etiam²⁸² illius plus quadraginta similiter captivos²⁸³ in carcerem coniecerunt, Rostovium vero ligatum ac in rhedam²⁸⁴ impositum squalide coopertum secum abduxerunt. Cum autem a Novo castro quasi trium millium iter absolvissent, substiterunt illi, qui currum²⁸⁵ agebant ac glaciem²⁸⁶ in flumine securibus²⁸⁷ discindere incipiunt, ut foramen

---

263 immanis *A B C D*, innanis *E F*

264 et *A C*, ac *B D E F*

265 diceretur *A B C D F*, disceretur *E*

266 Polocensis *A*, Plocensis *B C D E F*

267 curaturum *A B D E F*, curatarum *C*

268 promississet *A B C D F*, promississet *E*

269 30 *A B D E F*, triginta *C*

270 uti *A B D E F*, ut *C*

271 portarent *A B D E F*, portarem *C*

272 sese *A B D E F*, se *C*

273 et *C omit.*

274 Rostovius *A B C*, Rostovius *D E F*

275 accurrunt *A B D E F*, accurrunt *C*

276 sicarii *A B C D*, sucarii *E F*

277 Rostovi *A B C D*, Rostui *E F*

278 autoritatis *A C*, autoritatis *B D E F*

279 eum in modum *A*, eo in modum *C*, in eum modum *B D E F*

280 spoliarunt *A B C D*, spogliarunt *E F*

281 ferebat *A B C D F*, ferevat *E*

282 etiam *C omit.*

283 captivos *A C*, captivos *B D E F*

284 rhedam *A B C D F*, redam *E*

285 currum *A B D E F*, carum *C*

286 glaciem *A B C D*, glatiem *E F*

287 securibus *A B C D*, secusibus *E F*

facerent. Quasi ex somno Rostovius experrectus²⁸⁸, erat enim ligatus ad rhedam in eiusque corpore duo desuper sedebant²⁸⁹, rogat quid²⁹⁰ facturi essent, respondent se adaquaturos equos esse. Non, inquit ille, equis haec paratur aqua, sed capiti meo. Nec fefellit²⁹¹ eum divinatio. Desiliens enim ex equo²⁹² unus ex siccariis²⁹³ mox illi caput amputavit et truncatum corpus eius in flumen²⁹⁴ proiici²⁹⁵ iussit²⁹⁶, caput secum abstulit illudque ad tyrannum²⁹⁷ usque portavit. Quo viso²⁹⁸ tyrannus²⁹⁹ quasi minatus illi et digito attingens haec verba protulit: O caput, caput satis³⁰⁰ superque sanguinis effudisti³⁰¹, cum vivebas³⁰², hoc etiam adhuc facies et nunc³⁰³ cum nasum aduncum³⁰⁴ geras! Calcato deinde capite et pede amoto iussit illud in profluentem proiici. Quo facto omne mox genus ipsius hominum plus 50 necavit. Ubicunque expiscari poterat vel affinem vel consanguineum statim perquisitum diligentissime³⁰⁵ trucidari mandavit³⁰⁶. Ex familia enim Rostoviorum erant quasi hominum sexaginta, quos omnes ad internationem³⁰⁷ usque delevit.

In reditu suo Moscham urbem eo tempore, cum rex Poloniae cum exercitu persequi eum³⁰⁸ volebat³⁰⁹ ad Radoscovium³¹⁰ castris metatis, cum putasset nonnullos sibi suspectos esse ex militibus

---

²⁸⁸ experrectus *A B D E F*, exerectus *C*

²⁸⁹ sedebant *A B C D*, sedebat *E F*

²⁹⁰ quid *A B C D*, quod *E F*

²⁹¹ fefellit *A B D*, feffellit *C*, fefelet *E*, fefellet *F*

²⁹² equo *A C D E F*, equus *B*

²⁹³ siccariis *A B C D F*, sicariis *E*

²⁹⁴ flumen *A B D E F*, flamen *C*

²⁹⁵ proiici *A B D E F*, proici *C*

²⁹⁶ iussit *A B D E F*, iusit *C*

²⁹⁷ tyrannum *A B D F*, tyrranum *C*, tirannum *E*

²⁹⁸ viso *A B C D F*, visso *E*

²⁹⁹ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

³⁰⁰ satis *C omit.*

³⁰¹ effudisti *A B C D F*, efudisti *E*

³⁰² vivebas *A B D F*, vixebas *C*, vivevas *E*

³⁰³ nunc *C omit.*

³⁰⁴ aduncum *A B C D*, aduneum *E F*

³⁰⁵ diligentissime *A B C D*, deligentissime *E F*

³⁰⁶ mandavit *A B D E F*, mandat *C*

³⁰⁷ internationem *A B C D F*, interneconem *E*

³⁰⁸ persequi eum *A C*, eum persequi *B D E F*

³⁰⁹ volebat *A B C D F*, volevat *E*

³¹⁰ Radoscovium *A B D E F*, Rodoscovium *C*

inter alios vero Ioannem Petri³¹¹ ducem palatinum Moschoviae³¹², quem inter alios³¹³ habebat prudentiorem et supremum gubernatorem omnium, quem etiam³¹⁴ in loco suo relinquere solitus erat in ubre Moscha, ubi eum³¹⁵ abesse propter bella contingebat. Huic igitur Ioanni³¹⁶ omnia, quaecunque³¹⁷ habuit, eripuit, auri, argenti, unionum³¹⁸, vestium totiusque suppellectilis³¹⁹ et rei domesticae ingentem magnitudinem, idque non semel, sed quater fecit, ita ut eum ex divite et locuplete pauperrimum³²⁰ effecerit. Quo facto iussit³²¹ eum in bellum contra Tartaros proficisci non habentem, quo se vestiat³²² aut in quo equitet. Ille emendicato³²³ apud quendam monachum³²⁴ equo profectus est in bellum. Reversus³²⁵ postea ad tyrannum³²⁶ accersitur, ubi etiam convocati erant omnes fere, quos tum habebat³²⁷ milites. Ioannes³²⁸ cum sibi ad supplicium³²⁹ eundum³³⁰ esse intelligeret, salute data uxori filiisque omnibusque³³¹ amicis et longo valedicto quasi nunquam eos visurus fuisset³³² ad tyrannum³³³ properavit. Cum autem venisset in palatium eumque³³⁴ tyrannus³³⁵

---

311 Petri *A B C D*, Rebri *E F*

312 Moscoviae *A*, Moschoviae *B C D E F*

313 alios *A B C D F*, alios *E*

314 etiam *A B C D E*, otiam *F*

315 eum *A B D E F*, enim *C*

316 Ioanni *A B C D F*, Ivanni *E*

317 quaecunque *A D*, quecunque *C E F*, quaeqq *B*

318 unionum *A D E F*, vinorum *B*, variarum *C*

319 supellectilis *A*, suppellectilis *B C D F*, suppelectilis *E*

320 pauperrimum *A B D E F*, pauperimum *C*

321 iussit *A B C D*, vissit *E F*

322 vestiat *A B C D*, vestrat *E F*

323 emendicato *A B C D*, emendatio *E F*

324 monachus *A*, Moscham *C*, Moschum *B D E F*

325 reversus *A B C D F*, rebersus *E*

326 tyrannum *A C D F*, tyrrannum *B*, tirannum *E*

327 habebat *A B C D F*, habibat *E*

328 Ioannes *A B C D E*, Iohannes *F*

329 supplicium *A B C D F*, suplicium *E*

330 eundum *A B D E F*, eundem *C*

331 omnibusque *A B D E F*, omnibus *C*

332 fuisset *A C D F E*, esset *B*

333 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

334 eumque *A B C E F*, cumque *D*

335 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

aspexisset³³⁶, mox illi vestes dari, quibus ipse³³⁷ utebatur³³⁸, iisque eum vestiri iussit³³⁹, sceptrum in manus dedit, quod principes gestare consueverunt³⁴⁰, mandavit deinde, ut in solium maiestatis ascenderet in eoque³⁴¹ locum caperet³⁴², ubi solebat³⁴³ dux magnus ipse³⁴⁴ sedere. Hoc ubi Ioannes³⁴⁵ frustra se³⁴⁶ excusans (neque enim licet se excusare tyranno³⁴⁷) fecisset in solioque maiestatis habitu³⁴⁸ ducis consedisset³⁴⁹, mox ipse³⁵⁰ tyrannus³⁵¹ exurgens stetit³⁵² ante eum et capite aperto honorem illi exhibuit inclinatis genibus eumque³⁵³ sic allocutus est: Habes, inquit, quod ambiebas³⁵⁴ et petebas, ut esses dux magnus Moschoviae³⁵⁵, et occupares³⁵⁶ locum meum³⁵⁷. Ecce³⁵⁸ dux magnus es³⁵⁹ nunc, gaude nunc et fruiere principatu, quem³⁶⁰ sitisti. Parvo deinde tempore interposito rursus incipit³⁶¹: Caeterum, inquit, quemadmodum est in mea potestate te in eo solio collocare, ita etiam in eadem est positum³⁶² te deponere. Et arreptum³⁶³ cultrum confestim in illius praecordia iecit aliquoties, et omnes, qui tum erant, milites cogebant eum fodere cultellis³⁶⁴, ita ut pectus

³³⁶ aspexisset *A B C D*, aspexisset *E F*

³³⁷ ipse *A B C D F*, ipsse *E*

³³⁸ utebatur *A B C E F*, usebatur *D*

³³⁹ iussit *A B C D*, vissit *E F*

³⁴⁰ consueverunt *A B C D F*, consueberunt *E*

³⁴¹ eoque *A B D E F*, eumque *C*

³⁴² caperet *A B D E F*, cuperet *C*

³⁴³ solebat *A B C D F*, solevat *E*

³⁴⁴ ipse *A B C D F*, ipsse *E*

³⁴⁵ Ioannes *A B C D F*, Ivannes *E*

³⁴⁶ frustra se *A B D E F*, se frustra *C*

³⁴⁷ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

³⁴⁸ habitu *A B C D F*, havitu *E*

³⁴⁹ consedisset *A B D E F*, conscedisset *C*

³⁵⁰ ipse *A B C D F*, ipsse *E*

³⁵¹ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

³⁵² stetit *A B C D F*, steti *E*

³⁵³ eumque *A B D E F*, eum *C*

³⁵⁴ ambiebas *A B C D F*, ambievas *E*

³⁵⁵ Moschoviae *A*, Moschoviae *B C D E F*

³⁵⁶ occupares *A B D E F*, occupans *C*

³⁵⁷ meum *A B C D F*, mium *E*

³⁵⁸ ecce *A B C D F*, exce *E*

³⁵⁹ es *A B C D*, ex *E F*

³⁶⁰ quem *A B C D F*, cuem *E*

³⁶¹ incipit *A B D E F*, inaeipit *C*

³⁶² positum *A B C D F*, possitum *E*

³⁶³ arreptum *A B D*, areptum *C E F*

³⁶⁴ cultellis *A B C D F*, cultelis *E*

et reliqua³⁶⁵ praecordia ex illo³⁶⁶ aspiciente tyranno³⁶⁷ cecidissent. Tum³⁶⁸ deinceps pedibus tractum undique per castellum et civitatem in medio foro³⁶⁹ crudele spectaculum omnibus proiectus est. Mox³⁷⁰ deinde servos illius primarios³⁷¹ ac deinceps reliquos alios omnes in profluentem proiici iussit.

In Colomno³⁷² castro, quod paulo ante dederat Ioanni³⁷³ palatino, erant multi peregrini cives, quos omnes (eorum autem erant plusquam trecenti) ³⁷⁴ in profluyente³⁷⁵ submergi iussit existimans eos³⁷⁶ esse conscios Ioannis palatini cogitationum, cum tamen ille ne suspicione³⁷⁷ quidem mala laboraverat fidelemque³⁷⁸ se patriae civem et tyranno³⁷⁹ servum praebuit³⁸⁰.

Eum in modum³⁸¹ Ioanne palatino, familia civibusque omnibus³⁸² trucidatis³⁸³ conscensis³⁸⁴ equis cum siccariorum comitatu eius vil- las, pagos et castella uno fere anno obequitabat omnia consumendo, vastando, trucidando. Nonnullos etiam milites et feudatarios captivos (erat enim iste Ioannes palatinus³⁸⁵ praedives homo) denu- dados in caveam sive domunculam³⁸⁶ includi sulfureque³⁸⁷ et pulvere submisso accendi, ita ut miserorum cadavera vi pulveris³⁸⁸ sublata

---

365 reliqua *A B D E F*, alia *C*

366 ex illo *A B C D F*, exhillo *E*

367 tyranno *A B D F*, tyranno *C*, tyranno *E*

368 tum *A B C E F*, iam *D*

369 foro *A B C D*, fore *E F*

370 mox *A B C D F*, mex *E*

371 primarios *A B C D*, primasies *E*, primaries *F*

372 Colomno *A D*, Colomno *B*, Colomno *C*, Colomno *E F*

373 Ioanni *A B C D F*, Ivanni *E*

374 quos omnes (eorum autem erant plusquam trecenti) *A D E F*, quos omnes (erant autem plusquam trecenti) *B*, eorum autem erat plusquam trecenti quos omnes *C*

375 in profluyente *C omit.*

376 eos *C omit.*

377 suspicione *A B D*, suspitione *C E F*

378 fidelemque *A B C D*, fidelimque *E F*

379 tyranno *A B C D F*, tyranno *E*

380 praebuit *A C*, praebuerat *B D E F*

381 in modum *A B D E F*, immo dum *C*

382 omnibusque *A*, omnibus *B C D E F*

383 trucidatis *A B C*, trucedatis *D E F*

384 conscensis *A B C D*, consensis *E F*

385 Ioannes palatinus *A*, palatinus Ioannes *B C D E F*

386 domunculam *A B C D*, domunculum *E F*

387 sulfureque *A B D F*, subfureque *C*, susfureque *E*

388 vi pulveris *A B*, in pulveres *C*, in pulveris *E F*, in puhvens *D*

in aere volare visa fuerint³⁸⁹. Qua re tyrannus³⁹⁰ valde delectabatur ac trophaei³⁹¹ triumphique³⁹² simulacrum³⁹³ nece hominum hac fecisse sibi videbatur. Iumenta, pecudes, equos omnes unum in locum adunatos in frusta³⁹⁴ secari iussit, nonnullos sagittis³⁹⁵ configi, ita ut ne bestiolam³⁹⁶ quidem vivam restare ullo in loco voluerit. Villas et frumentorum acervos succendebat ac in cinerem convertebat. Uxoribus et filiis eorum, quos trucidabat in conspectu³⁹⁷ suo, siccariorum vim inferre³⁹⁸ illisque pro libito³⁹⁹ uti ac deinde trucidare⁴⁰⁰ iubebat. Uxores vero agrestium denudatas in sylvas⁴⁰¹ quasi pecudes abigi iussit, positis⁴⁰² in occulto⁴⁰³ insidiis siccariorum⁴⁰⁴, qui palantes foeminas per sylvas⁴⁰⁵ fugientesque necarent, trucidarent et disseccarent⁴⁰⁶. Hoc genere crudelitatis usus est in vastandis⁴⁰⁷ pagis et villis Ioannis palatini Moschoviae⁴⁰⁸. Uxorem vero eius capillis abscisis⁴⁰⁹ in monasterium detrusit, ibique mortua est. Atque ita genus et familiam universam⁴¹⁰ tanti viri delevit, nullum penitus affinem sive consanguineum eius superstitem relinquens. Quae causa est⁴¹¹, ut ille in gratia⁴¹² habeat ducem Bielscensem et comitem Mscislaviensem⁴¹³, tametsi veneno fratrem eius et uxorem uno eodemque

---

389 fuerint *A B C D*, fuesint *E F*

390 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

391 trophaei *A B D E F*, trophei *C*

392 triumphique *A C D F*, tryumphique *B*, trihumphique *E*

393 simulacrum *A D E*, simulachrum *B D F*

394 frusta *A B D E F*, frustra *C*

395 sagittis *A B C D F*, sagitis *E*

396 bestiolam *A B C D F*, vestiolam *E*

397 conspectu *A B C E F*, cospectu *D*

398 vim inferre *A B C D F*, eum niferre *E*

399 libito *A C*, libitu *B D E F*

400 trucidare *A B C E F*, trucedare *D*

401 sylvas *A B D F*, silvas *C E*

402 positus *A B C D F*, possitis *E*

403 occulto *A B C E F*, oculo *D*

404 siccariorum *A B C D F*, siccasiurum *E*

405 sylvas *A B C D*, silvas *E F*

406 disseccarent *A B D E F*, desecarent *C*

407 vastandis *A B C D F*, bastandis *E*

408 Moschoviae *A B D E F*, Moscoviae *C*

409 abscisis *A B D E F*, abscissis *C*

410 universam *A B C D F*, universsam *E*

411 est *C omit.*

412 gratia *A C*, gracia *D*, gra *B E F*

413 Mscislavien *A C*, Miscislavien *B*, Mascislavien *D*, Miscissavien *E F*

die sustulisset. Et si quis duos hosce coram tyranno⁴¹⁴ accusat vel calumniari intendit, tum tyrannus⁴¹⁵ mox iubet tacere nec contra eos verbum ullum proloqui, ita dicens: Ego et duo illi tres columnae⁴¹⁶ Moschoviticae sumus. In nobis tribus imperium universum stat. Hac ratione multos alios primarios viros⁴¹⁷ et milites trucidat eorumque villas devastat⁴¹⁸.

Quid etiam fecerit tyrannus⁴¹⁹ thesaurario suo Chosaino⁴²⁰ Dubrovio non intermittendum videtur. Iussit enim ille genero suo comiti Michaeli Themunkovio⁴²¹, ut in eius domum impetu facto⁴²² vi⁴²³ eum raperet cum uxore et filiis metseptimum⁴²⁴, quod ille fecit eumque⁴²⁵ raptum deduxit in forum atque caput amputari iussit cum uxore et tribus filiis et filia⁴²⁶ quindecim⁴²⁷ annos agente. Et opes eius in praedam dedit genero⁴²⁸ suo. In illa vero domestica⁴²⁹ incursione cum forte filia se subduxisset atque clam latitasset, quaesita⁴³⁰ diligentissime et adducta⁴³¹ simul cum parentibus et fratribus securi percussa est. Fratrem praeterea thesaurarii huius simul necavit.

Quantum vero amet generum suum comitem Michaeli Temuncovium⁴³² adscribendum est. Is enim nullum plane⁴³³ intermittit⁴³⁴

---

⁴¹⁴ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

⁴¹⁵ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

⁴¹⁶ columnae *A B C E F*, collumnae *D*

⁴¹⁷ viros *A B C D F*, iuros *E*

⁴¹⁸ devastat *A B C D F*, devastat *E*

⁴¹⁹ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

⁴²⁰ Chosaino *A C*, Choisano *B D E F*

⁴²¹ Themunkovio *A*, Themunkonio *B*, Themumuncheovio *C*, Themunlionio *D E F*

⁴²² facto *A B C D F*, factu *E*

⁴²³ vi *A C D*, ut *B*, in *E F*

⁴²⁴ metseptimum *B omit.*

⁴²⁵ eumque *A B C E F*, cumque *D*

⁴²⁶ tribus filiis et filia *A B D E F*, et filia tribus *C*

⁴²⁷ quindecim *A B D E F*, 15 *C*

⁴²⁸ genero *A B C D*, genere *E F*

⁴²⁹ domestica *A B C D F*, demestica *E*

⁴³⁰ quaesita *A B D E F*, quesita *C*

⁴³¹ adducta *A B D E F*, aducta *C*

⁴³² Temuncovium *A B C*, Temuricovium *D E F*

⁴³³ planae *A B*, plane *C D E F*

⁴³⁴ intermittit *A B C D F*, intermitit *E*

officium⁴³⁵ illi gratiae⁴³⁶ suae declarandae⁴³⁷, id est⁴³⁸ viginti vel 30⁴³⁹ diebus, quibus non furit. Caeterum⁴⁴⁰ ubi fomes crudelitatis et iracundiae animum accendit, ligari ad portas⁴⁴¹ singulas iubet tres aut quatuor⁴⁴² ursos indomitos, quo facit⁴⁴³, ut miser non ipse modo, sed nemo etiam egredi audeat, idque necesse est, ut edat et bibat⁴⁴⁴, quod habet⁴⁴⁵ domi suae, aliunde enim quaerere⁴⁴⁶ difficile⁴⁴⁷ est, cum prae timore ursorum⁴⁴⁸ nemo audet domum illam ingredi, nec ex ea egredi. Hunc etiam ubi persentisset⁴⁴⁹ pecunias⁴⁵⁰ habere, iubet adduci⁴⁵¹ in eum locum, in quo debitores ceduntur⁴⁵² fuste ob debita⁴⁵³ non persoluta⁴⁵⁴, atque similiter fuste percuti, usque quod habet det. Et si nihil est quod det, tum illi⁴⁵⁵ numerare iubet aliquot aureos, quos deinde postea intercipit⁴⁵⁶, quando vult. Si autem a caedendo⁴⁵⁷ genero supersedere vult, tum rapere iubet servum eius nobiliorem⁴⁵⁸ et tamdiu⁴⁵⁹ percutere fuste⁴⁶⁰, quoad commiseratione⁴⁶¹ ductus sol-

---

435 officium *A B D E F*, offitium *C*

436 grae *A D*, gratiae *B C*, gre *E F*,

437 declarandae *A B D E F*, declarande *C*

438 id est *A B D E F*, in diem *C*

439 30 *A B D E F*, triginta *C*

440 caeterum *A C D E F*, ceterum *B*

441 portas *A B C D F*, portus *E*

442 quatuor *A C D E F*, quattuor *B*

443 facit *A B D E F*, fecit *C*

444 bibit *A B C D F*, vivat *E*

445 habet *A B C D F*, havet *E*

446 quaerere *A B D*, querere *C E F*

447 difficile *A B C D F*, dificile *E*

448 ursorum *A B C D F*, ussorum *E*

449 persentisset *A B C D*, presentiset *E*, presentisset *F*

450 pecunias *A B D E F*, peccunias *C*

451 adduci *A B D E F*, aduci *C*

452 ceduntur *A B D E F*, caeduntur *C*

453 debita *A B C D F*, devita *E*

454 persoluta *A B C D F*, perssoluta *E*

455 illi *A B C D E*, illo *F*

456 intercipit *A B D F*, intercept *C*, interoipit *E*

457 caedendo *A B D E F*, cedendo *C*

458 nobiliorem *A B C D F*, noviliorem *E*

459 tamdiu *A B C E F*, tandiu *D*

460 fuste *A B C E F*, fusto *D*

461 commiseratione *A B D E F*, comiseratione *C*

vat illud et det, quod iubet tyrannus⁴⁶². Magnam autem⁴⁶³ gratiam se declarasse iactat, ubi in cedendo⁴⁶⁴ servo parcit genero.

Semel accidit, ut auriga magni ducis Moschoviae⁴⁶⁵ vehens aquam obvium habuerit⁴⁶⁶ aurigam Michaelis Temuncovii⁴⁶⁷ generi tyranni⁴⁶⁸. Forte inter eos contentio exorta est, et Michaelis auriga verberavit⁴⁶⁹ magni ducis Moschoviae⁴⁷⁰ aurigam, qui gravatus iniuria ad superiorem curiae magistrum ivit eumque accusavit⁴⁷¹. Resque eo deducta est, ut magister curiae factum hoc⁴⁷² referret⁴⁷³ ad ipsum ducem Moschoviae. Qua re audita ille mox opricinas⁴⁷⁴ sicarios mittit in curiam generi eisque mandat, ut primarios servitores tres illius in porta curiae suspenderent⁴⁷⁵, quod factum est, cogebaturque⁴⁷⁶ ille domo quotidie egrediens quasi sub furcam servitorum suorum se submittere, pendebant autem eo in loco quatuordecim fere diebus.

Eodem fere anno reversus ex Magnis Lucis⁴⁷⁷ iussit opricinis sicariis⁴⁷⁸ suis, ut cancellarium Cosarinum⁴⁷⁹ Dubrovium in frusta⁴⁸⁰ disseccarent. Qui in domum eius impetu facto metu omni vacuum cum duobus filiis sedentem disseccarunt una cum filiis frustra⁴⁸¹ cadaverum in puteum domesticum iniecerunt. Causa⁴⁸² vero tam atrocis crudelisque necis non alia fuit, quam quod accusatus esset⁴⁸³ a rhedariis⁴⁸⁴ et subvectoribus dona capere solitum esse, fecisse

---

462 tyrannus *A B C D F*, tyrannus *E*

463 autem *A B D E F*, aut *C*

464 cedendo *A C*, caedendo *B D E F*

465 Moscoviae *A*, Moschoviae *B C D E F*

466 habuerit *A B C D F*, haverit *E*

467 Temuncovii *A B D E F*, Temunconii *C*

468 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

469 verberavit *A B C D F*, ververavit *E*

470 Moschoviae *B D E F* omit.

471 accusavit *A B C D F*, accusavit *E*

472 hoc *A B C D F*, hec *E*

473 referret *A B D E F*, referet *C*

474 opricinas *A B D E F*, oppricinas *C*

475 curiae suspenderent *A B D E F*, suspenderent curiae *C*

476 cogebaturque *A B C D F*, cogetaborque *E*

477 Lucis *A B D E F*, Lacis *C*

478 sicariis *A B C D*, sucasiis *E*, sucariis *F*

479 Cosarinum *A C*, Cosarimum *D*, Cosaimum *B E F*

480 frusta *A B*, frustra *C D E F*

481 frustra *A B D E F*, frustra *C*

482 causa *A C D E F*, caussa *B*

483 esset *A B D E F*, fuisset *C*

484 rhedariis *A B D E F*, redariis *C*

item, ut vectores ipsius ducis magni⁴⁸⁵ tormenta ipsi veherent, non autem militum et comitum.

Habebat unicum filium is cancellarius, qui mane eius diei, quo⁴⁸⁶ pater est hora quarta noctis⁴⁸⁷ occisus, profectus⁴⁸⁸ erat ad nuptias novam sponsam accepturus. Hic dum patrem et fratres necatos rescisset⁴⁸⁹, domum reverti ausus non est, sed more palantis ovis hinc⁴⁹⁰ inde vagabatur unum fere annum. Narratum⁴⁹¹ est tyranno⁴⁹² superstitem adhuc esse filium unum cancellarii vagarique per provinciam⁴⁹³, quo nuncio⁴⁹⁴ audito exanduit eumque ubique quaeri⁴⁹⁵ iussit⁴⁹⁶, inventum adductumque in quatuor partes tendiculis discerpi mandavit manibus et pedibus singulis fune alligatis ac deinde per vim tractis. Funem⁴⁹⁷ autem quemlibet quindecim⁴⁹⁸ tortores trahunt, ferreum⁴⁹⁹ etiamsi corpus sit⁵⁰⁰, facile⁵⁰¹ ut discerpi possit. O crudelitatem plus quam barbaricam⁵⁰²! Est autem usitatum tyranno⁵⁰³, ut oculis ipse⁵⁰⁴ suis spectet omnes, qui tormentis cruciantur et supplicio⁵⁰⁵ afficiuntur, accidat⁵⁰⁶ ut plerumque quod sanguis in faciem stillet⁵⁰⁷ nec tamen commoveatur, quinimo gaudeat et vo-

---

485 ducis magni *A D E F*, magni ducis *B C*

486 quo *A B C D*, que *E F*

487 noctis *C omit.*

488 profectus *A B C D F*, profictus *E*

489 rescisset *A B D E F*, resciiisset *C*

490 hinc *A B C D F*, inc *E*

491 narratum *A B C E F*, naratum *D*

492 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

493 provinciam *A B D F*, provintiam *C E*

494 nuncio *A E*, nuntio *B C D F*

495 quaeri *A B D E F*, queri *C*

496 iussit *A B C D F*, iusit *E*

497 funem *A B C D F*, furaem *E*

498 quindecim *A B D E F*, quindecem *C*

499 ferreum *A B D E F*, ferrum *C*

500 sit *A C D E F*, sic (?) *B*

501 facile *A B C D*, facele *E F*

502 barbaricam *A B D E F*, barbariem *C*

503 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

504 ipse *A B C D F*, ipsse *E*

505 supplicio *A B D E F*, supplitio *C*

506 accidat *A B D E F*, accidit *C*

507 stillet *A B D E F*, stilet *C*

ce acclamet⁵⁰⁸ gesticentis⁵⁰⁹ et gaudentis⁵¹⁰ more: Hoida, hoida⁵¹¹. Quem⁵¹² universa siccariorum⁵¹³ et militum fex imitata clamat etiam: Hoida, hoida⁵¹⁴. Si quem tacitum conspicatur conscius existimans, interrogatum prius, qui tristis⁵¹⁵ non hilaris⁵¹⁶ sit, mox in frustra⁵¹⁷ secari iubet.

Quotidiana vero illi est homicidii exercendi⁵¹⁸ consuetudo, quamprimum enim illucescit, apparent per omnes vicos et plateas⁵¹⁹ civitatis apparitores opricinae⁵²⁰ sive sicarii⁵²¹ et quemcumque⁵²² deprehendunt, iussum a tyranno⁵²³ occidi mox in frustra⁵²⁴ dissecant, ita ut videas in plateis fere singulis tres, quatuor, plures etiam aliquando dissecatos⁵²⁵ homines et cadaveribus copiosissime⁵²⁶ civitatem oppletam⁵²⁷. Ubi autem animadvertit⁵²⁸ populum tanta crudelitate commotum, alio se transfert, ut absentia leniat⁵²⁹ hominum dolorem, soletque ex Moscha urbe ad Alexandrinam⁵³⁰ curiam frequens commeare, quo in loco modum alium perdendorum hominum habere solet⁵³¹, quos scilicet⁵³² necandos constituit, hos ad se simulata benevolentia invitat, ita fit ut singulis diebus viginti, triginta⁵³³ et

---

⁵⁰⁸ acclamet *A B C D F*, acclamat *E*

⁵⁰⁹ gesticentis *A B C E F*, gesticentis *D*

⁵¹⁰ gaudentis *A B D E F*, gaudentis *C*

⁵¹¹ hoida hoida *A B C*, hoida hoida *D E F*

⁵¹² quem *A B D E F*, quae *C*

⁵¹³ siccariorum *A B C D F*, siccariorum *E*

⁵¹⁴ hoida hoida *A B C*, hoida hoida *D E F*

⁵¹⁵ tristis *A B C D*, tristis *E F*

⁵¹⁶ hilaris *A B C D*, hilarius *E F*

⁵¹⁷ frustra *A C D*, frustra *B E F*

⁵¹⁸ homicidii exercendi *A B D F*, homicidii exercendi *E*, exercitii homicidii *C*

⁵¹⁹ plateas *A B C D*, plateis *E F*

⁵²⁰ opricinae *A B C D F*, opricine *E*

⁵²¹ sicarii *A B C*, sicarii *D E F*

⁵²² quemcumque *A B C D*, quemcumque *F*, quemcumque *E*

⁵²³ tyranno *A B C D F*, tyranno *E*

⁵²⁴ frustra *A B D E F*, frustra *C*

⁵²⁵ dissecatos *A B C E F*, dissecatos *E*

⁵²⁶ copiosissime *A B C D F*, copiosissime *E*

⁵²⁷ oppletam *A B D E F*, repletam *C*

⁵²⁸ animadvertit *A B D E F*, animadvertit *C*

⁵²⁹ leniat *A B D E F*, leniat *C*

⁵³⁰ Alexandrinam *A B D E F*, Alessandrinam *C*

⁵³¹ habere solet *A B D E F*, solet habere *C*

⁵³² scilicet *A B C D*, scilicet *E F*

⁵³³ viginti triginta *A B D E F*, viginti tria *C*

quadraginta aliquando homines partim in frusta⁵³⁴ dissecari, partim submergi, partim tendiculis discerpi iubeat, prae⁵³⁵ nimio foetore⁵³⁶ cadaverum, ut in curiam aliquando proficisci vix⁵³⁷ possit.

Filium natu maiorem habet non dissimilem paternis virtutibus⁵³⁸. Etenim ubi corpora trucidatorum⁵³⁹ sive capita decollatorum obambulat sitientem animum maioris vindictae prae se ferens⁵⁴⁰ dentibus canis more⁵⁴¹ frendens oblatrat cadaveribus maledicit, baculo etiam confodens⁵⁴² ac percutiens omnia, exprobrans animos mobiles⁵⁴³ occisorum erga patrem suum magnum⁵⁴⁴ duces Moschoviae. Ubi expleverit oculos crudelitate ad eum tandem⁵⁴⁵ revertitur. Quoties autem aliquis invitatur a tyranno⁵⁴⁶, ut veniat ad se ad Alexandrinam curiam, tum vadit quasi ad extremum iudicium⁵⁴⁷, nemo enim inde revertitur. Et cui⁵⁴⁸ haec felicitas⁵⁴⁹ contingit⁵⁵⁰, ut superstes⁵⁵¹ inde evadat, tum⁵⁵² opricinas⁵⁵³ mittit⁵⁵⁴, qui itinera obsideant, redeuntes ut spolient et nudos domum dimittant⁵⁵⁵. Quod Fiedoro⁵⁵⁶ Humnio, quem oratorem ad regem Poloniae miserat, fecit. Hunc enim paucis interiectis diebus ad se venire iubet ornatum et vestitum, quasi ad epulum et convivium invitaretur. Venit ille comptus et elegans comitatus 40⁵⁵⁷ viris amicis et familiaribus suis ita ornatus,

---

⁵³⁴ frusta *A B D E F*, frustra *C*

⁵³⁵ prae *A B C D*, pre *E F*

⁵³⁶ foetore *A B D E F*, fetore *C*

⁵³⁷ proficisci vix *A B D E F*, vix proficisci *C*

⁵³⁸ paternis virtutibus *A B D E F*, virtutibus paternis *C*

⁵³⁹ trucidatorum *A C*, trucidandorum *B D E F*

⁵⁴⁰ prae se ferens *A B D*, praeferens *C E F*

⁵⁴¹ more *A B C D F*, mere *E*

⁵⁴² confodens *A C*, confodiens *B D F*, confediens *E*

⁵⁴³ mobiles *A B C D F*, mobiles *E*

⁵⁴⁴ suum magnum *A B D E F*, magnum suum *C*

⁵⁴⁵ tandem *A B D E F*, tamen *C*

⁵⁴⁶ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

⁵⁴⁷ iudicium *A B D E F*, iuditium *C*

⁵⁴⁸ et cui *A B D E F*, et hoc cui *C*

⁵⁴⁹ felicitas *A B D E F*, faelicitas *C*

⁵⁵⁰ contingit *A B D E F*, contigit *C*

⁵⁵¹ superstes *A B D E F*, superstis *C*

⁵⁵² tum *A B D E F*, cum *C*

⁵⁵³ opricinas *A*, oppricinas *B C D E F*

⁵⁵⁴ mittit *A B C D F*, mitit *E*

⁵⁵⁵ dimittant *A B C D F*, dimitant *E*

⁵⁵⁶ Fiedoro *A E F*, Fiedro *B D*, Theodoro *C*

⁵⁵⁷ 40 *A B D E F*, quadraginta *C*

ut voluntati⁵⁵⁸ principis satisfaceret ab eoque gratiam acquireret. In itinere tamen ille⁵⁵⁹ tristis spem vultu simulat, premit⁵⁶⁰ alto corde dolorem, non enim sperabat se vivum inde⁵⁶¹ rediturum. Cum venisset⁵⁶² ad Alexandrinam curiam cum aliis, quos secum adduxerat, legationis suae sociis, benigne a tyranno⁵⁶³ exceptus est atque⁵⁶⁴ comiter tractatus. Eum⁵⁶⁵ enim tyrannus⁵⁶⁶ laute exceptum vino ad crapulam usque ingurgitavit pellibusque⁵⁶⁷ et vestimentis⁵⁶⁸ maximi pretii⁵⁶⁹ donavit ac humanissime dimisit, Moscae urbis cura illi demandata una cum reliquis militibus. Prius autem quam abire eum⁵⁷⁰ iussisset⁵⁷¹, opricinas⁵⁷² siccarios tacite⁵⁷³ praemisit⁵⁷⁴, qui in itinere venientem caperent rebusque omnibus spoliatum nudum domum⁵⁷⁵ dimitterent⁵⁷⁶, quod factum est. Impetu enim in eos facto et res et equos illis⁵⁷⁷ abstulerunt, omnibus nudis relictis, adeo ut prae frigore⁵⁷⁸ (bruma enim tum erat) nonnulli pedes, aliqui manus, aliqui etiam vitam amiserint⁵⁷⁹. Ipse Humnius nactus palliolum⁵⁸⁰ satis sordidum⁵⁸¹ pedes⁵⁸² Moscham⁵⁸³ urbem iter usque⁵⁸⁴ fecit. Distat au-

-
- 558 voluntati *A B D E F*, voluntatis *C*
559 tamen ille *A B D E F*, ille tamen *C*
560 premit *A B D E F*, praemit *C*
561 vivum inde *A C*, inde vivum *B D E F*
562 venisset *A B C D F*, benisset *E*
563 tyranno *A B D F*, tyranno *C*, tyranno *E*
564 atque *C omit.*
565 eum *A B D E F*, cum *C*
566 tyrannus *A B D F*, tyrannus *C*, tyrannus *E*
567 pellibusque *A B D E F*, pellibus *C*
568 vestimentis *A B C D F*, vestimentis *E*
569 pretii *A B E F*, praetii *C D*
570 eum *A B C D F*, cum *E*
571 iussisset *A*, iussisset *B C*, visisset *D E F*
572 opricinas *A B E F*, oppricinas *C D*
573 tacite *A B C D F*, tacitae *E*
574 praemisit *A B C D F*, praemissit *E*
575 domum *C omit.*
576 dimitterent *A B C D F*, dimitterent *E*
577 illis *A*, illi *B C D E F*
578 frigore *A B C D F*, frigore *E*
579 amiserint *A C*, amiserunt *B D F*, amiserunt *E*
580 palliolum *A B D F*, paliolum *C E*
581 sordidum *A B C D*, sordidum *E F*
582 pedes *A B D E F*, pedestes *C*
583 Moscham *A B D E F*, Moscam *C*
584 iter usque *A B C D F*, iterique *E*

tem urbs⁵⁸⁵ Moscha ab Alexandrina⁵⁸⁶ curia triginta sex miliaribus⁵⁸⁷ Germanicis. Ea vero spolia sic abrepta⁵⁸⁸ ad tyrannum⁵⁸⁹ detulerunt, qui⁵⁹⁰ ea thesauro⁵⁹¹ inferri iussit.

De religione vero et pietate eius in Deum haec sunt animadvertenda. Habitans⁵⁹² in Alexandrina⁵⁹³ illa curia quasi aliqua carnificina induere solet cuculam vestem monachalem nigram et atram, qualem deferunt⁵⁹⁴ Basiliani fratres, eo modo tamen differt⁵⁹⁵ a monachorum cucula, quod subducta sit pellibus hedinis⁵⁹⁶. Eius exemplo coguntur⁵⁹⁷ senatores etiam et omnes alii cuculas induere ac monachi effici cuculatique incedere exceptis opricinis⁵⁹⁸ siccariis⁵⁹⁹, qui custodum et vigilum⁶⁰⁰ officio⁶⁰¹ funguntur. Omni igitur die ad matutinas preces dux magnus consurgit atque in templum cuculatus⁶⁰² se confert gerens in manu laternam⁶⁰³, cochlear⁶⁰⁴ et catinum. Hoc idem reliqui omnes faciunt. Qui non facit, fustibus percutitur. Vocantur autem omnes fratres ab eo, illi etiam magnum ducem⁶⁰⁵ non alio quam fratris appellant nomine. Victus interea rationem⁶⁰⁶ observare solet peraeque⁶⁰⁷ ac monachus. Prioris loco occupato manducat solus⁶⁰⁸ obsonium in catino, quod secum fert continue, idem faciunt omnes. Cibo sumpto⁶⁰⁹ abdit se in cellam sive cameram solitariam. Et alii

---

585 urbs *A B C D F*, urbi *E*

586 Alexandrina *A B C D*, Alessandrina *E F*

587 miliaribus *A B D E F*, milliariibus *C*

588 abrepta *A B D E F F*, arepta *C*

589 tyrannum *A B D F*, tyranum *C*, tirannum *E*

590 qui *A B C E F*, quia *D*

591 thesauro *A C*, thesaurario *B D E F*

592 habitans *A B C D F*, havitans *E*

593 Alexandrina *A B C E F*, Allexandrina *D*

594 deferunt *A B D E F*, defferunt *C*

595 differt *A B C D F*, difert *E*

596 hedinis *A B D F*, edinis *C*, hidinis *E*

597 coguntur *A B C D F*, cogunt *E*

598 opricinis *A D E F*, opricinis opricinis *B*, oppricinis *C*

599 siccariis *A B C D*, sucariis *E F*

600 vigilum *A B C D*, vigilium *E F*

601 officio *A B D E F*, offitio *C*

602 in templum cuculatus *A B D E F*, cuculatus in templum *C*

603 laternam *A C D E F*, lanternam *B*

604 cochlear *A C*, cochleae *D*, cochleae *B E F*

605 ducem *B omit.*

606 ronem *A E F*, rationem *B C*, romem *D*

607 peraeque *A B C E F*, peraequae *D*

608 solus *A B D E F*, solum *C*

609 cibo sumpto *A B D E F*, sumpto cibo *C*

similiter quisque suam ingreditur, sublato secum catino, cultello, laterna⁶¹⁰, quae omnia religio est non asportare. Hoc ubi per aliquot dies facit ac Deo reddit pietatis quasi debitum⁶¹¹, egreditur ex coenobio ad ingeniumque reversus iubet in forum duci hominum greges et alios⁶¹² decollari⁶¹³, alios suspendi, alios fustibus percuti, nonnullos in frusta⁶¹⁴ secari mandat, nullus dies ut sit, quo non aliquot decena hominum miris⁶¹⁵ et inauditis cruciatibus depereant.

Sed quibus suppliciis⁶¹⁶, qua crudelitate saevierit⁶¹⁷ in comitatum Novogrodensi⁶¹⁸ et Pskoviensi⁶¹⁹, tempus est, ut describamus⁶²⁰. Sanguinis humani siti adhuc laborans⁶²¹ severe inprimis⁶²² edixit, poena securis et fustis⁶²³ publicata, ne ex urbe Moscha quis via publica, qua itur⁶²⁴ Novogrodum⁶²⁵, auderet proficisci⁶²⁶ nemo neque vir neque mulier ad extremum ne canis quidem aut iumentum aliquod. Proficiscens autem ex Alexandrina curia Novogrodum⁶²⁷ sexcentos⁶²⁸ praemittebat equites, totidemque post se currendo⁶²⁹ relinquebat, similiter etiam a latere dextro et sinistro circumquaque⁶³⁰ dimittebat⁶³¹, ne quis Novogrodum iret. Si quem illi equites⁶³² offendebant, servus etiam et familiaris fuerit tyranni⁶³³ sive etiam ipse proficiscens habuisset aliquos, omnes occidebat, ne fama adventum suum

---

610 laterna *A C D E F*, lanterna *B*

611 debitum *A B C E F*, dobitum *D*

612 alios *A B C D*, allios *E F*

613 decollari *A B D*, decolari *C*, decollarum *E F*

614 frusta *A B D E F*, frustra *C*

615 miris *A B C D*, nimis *E F*

616 suppliciis *A B D E F*, supplitiis *C*

617 saevierit *A B D E F*, sevierit *C*

618 Novogroden *A B D E F*, Nowogroden *C*

619 Pskovien *A B*, Pschonien *C*, Pskoviens *D*, Pslcovien *E F*

620 describamus *A B C D F*, descrivamus *E*

621 laborans *A B C D F*, lavorans *E*

622 inprimis *A C*, inprimis *B D E F*

623 fustis *A B D E F*, fusti *C*

624 itur *A B C D*, igitur *E F*

625 Novogrodum *A B D E F*, Nowogrodum *C*

626 proficisci *A B C D*, profuiset *E F*

627 Novogrodum *A B D E F*, Nowogrodum *C*

628 sexcentos *A B C D*, secentos *E F*

629 currendo *A B D E F*, curendo *C*

630 circumquaque *A C D*, circunquaque *B E F*

631 dimittebat *A B C D F*, dimitebat *E*

632 equites *A B D E F*, milites equites *C*

633 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

praeverteret⁶³⁴. Atque ita Novogrodenses⁶³⁵ inopinantes⁶³⁶ et nihil de illo⁶³⁷ cogitantes facilius opprimeret. Idem faciebant, qui dextra et sinistra cornua tenebant, ita ut ne canis quidem praenuntius⁶³⁸ esse potuisset⁶³⁹ adventus sui. Iubebat autem omnes obvios occidere quasi parum etiam⁶⁴⁰ fidens suis, quos regi Poloniae bene affectos⁶⁴¹ sciebat. Et nisi rex Poloniae reversus fuisset ex Radoskowicze⁶⁴² bellumque intermisisset, omnino actum erat de eius vita et imperio subditis eius omnibus tantopere regi Poloniae addictis. Haec vero profectio ita secreta fuit, ut neque in urbe Moscha, neque Novogrodi, neque alibi sciretur, ubi terrarum⁶⁴³ esset quidve faceret dux Moschoviae⁶⁴⁴. Multo minus sciebat praecursor⁶⁴⁵ eius Basilius⁶⁴⁶ Husin, qui cum 300⁶⁴⁷ equitibus agmen praecedebat⁶⁴⁸ stativa parans. Hic quotidie mane accepta de manu ipsius tyranni⁶⁴⁹ chartula, in qua scriptus erat locus, ubi pernoctare debebat, interminatus, ne quo abiret cuiquam vel ostenderet vel diceret⁶⁵⁰. Durabat autem ea profectio hebdomadas fere decem, ita ut nemo scire potuisset, vivus ne esset an alicubi captivus detineretur⁶⁵¹. Neque Novogrodenses⁶⁵² sciebant, priusquam mille passibus⁶⁵³ ab urbe abesset, tunc enim iudicium⁶⁵⁴ extremum sibi⁶⁵⁵ adventare clamabant⁶⁵⁶. Solebat

---

⁶³⁴ praeverteret *A B C D F*, praeverterit *E*

⁶³⁵ Novogroden *A B C E F*, Nevogroden *D*

⁶³⁶ inopinan *A*, inopinantes *B D*, inopinatos *C*, inopmantes *E F*

⁶³⁷ illo *A B D E F*, eo *C*

⁶³⁸ praenuncius *A*, praenuntius *B C D E F*

⁶³⁹ potuisset *A B C D F*, potuisset *E*

⁶⁴⁰ parum etiam *A B D E F*, etiam parum *C*

⁶⁴¹ affectos *A B C D F*, afectos *E*

⁶⁴² Radoskowicze *A*, Radoskowycze *C*, Radoskeucicze *B D*, Radosleucicze *E F*

⁶⁴³ terrarum *A B D E F*, terrarum orbe *C*

⁶⁴⁴ Moschoviae *A B D E F*, Moscoviae *C*

⁶⁴⁵ praecursor *A B C D F*, praecursor *E*

⁶⁴⁶ Basilius *A B C D F*, Bassilius *E*

⁶⁴⁷ 300 *A B E F*, 30 *D*, trecentibus *C*

⁶⁴⁸ praecedebat *A B C D*, precedebat *E F*

⁶⁴⁹ tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

⁶⁵⁰ diceret *A B C D F*, disceret *E*

⁶⁵¹ detineretur *A B C D*, detmeretur *E F*

⁶⁵² Novogrodenses *A B C E F*, Novogradenses *D*

⁶⁵³ passibus *A B C D F*, pasibus *E*

⁶⁵⁴ iudicium *A B D E F*, iuditium *C*

⁶⁵⁵ extremum sibi *A C*, sibi extremum *B D E F*

⁶⁵⁶ clamabant *A B C D F*, clamavant *E*

autem qualibet⁶⁵⁷ statione sive oppido sive villa egressus⁶⁵⁸ homines et pecudes omnes occidere⁶⁵⁹, villas et tecta exurere. Idem faciebant reliqui omnes, quibus, ut dixi, ante⁶⁶⁰ et retro ac ab utroque latere circumseptus erat.

Ingressus in Novohrodensem⁶⁶¹ provinciam praemittebat⁶⁶² mille et amplius equites ex castris, quibus imperabat, ut milites⁶⁶³ illius provinciae omnes trucidarent, alios item in civitatem ablegabat⁶⁶⁴ praedatum. Ipse⁶⁶⁵ mille passibus a civitate in castris se continebat, aliquando excurrans in civitatem ad occidendos homines mirisque cruciatibus torquendos, dum alios secabat, alios lancea transverberabat, alios sagittis⁶⁶⁶ confodiebat. Usitatum vero supplicii⁶⁶⁷ genus tum habuit: locum amplum saepibus⁶⁶⁸ circumdari⁶⁶⁹ iussit, in eum hominum nobilium⁶⁷⁰ et mercatorum, quos praecellere⁶⁷¹ sciebat, ingentem catervam induci mandavit, equum conscendit⁶⁷² hastam⁶⁷³ in manibus gerens admotisque equo calcaribus hasta singulos confodiebat, filio suo ludicum⁶⁷⁴ hocce aspectante ludumque similiter exercente⁶⁷⁵. Equo lassato uno, alium sibi dari⁶⁷⁶ iubebat, ipse⁶⁷⁷ lassatus non autem satiatus⁶⁷⁸ ad opricinas sicarios⁶⁷⁹ voce sublata clamabat, ut passim necarent⁶⁸⁰ omnes, in frustaque⁶⁸¹ secarent,

---

657 qualibet *A B C D*, quaelibet *E F*

658 egressus *A B C D F*, egresus *E*

659 occidere *A B C D*, occidit *E F*

660 ante *A B D E F*, anto *C*

661 Novohrodens *A*, Novogroden *B C E F*, Novograden *D*

662 praemittebat *A B C D F*, praemittevat *E*

663 milites *A B C D F*, millites *E*

664 ablegabat *A B C D F*, ablegavat *E*

665 ipse *A B C D F*, ipsse *E*

666 sagittis *A B C D F*, sagittis *E*

667 supplicii *A B*, supplitii *C D E F*

668 saepibus *A B D E F*, sepibus *C*

669 circumdari *A B C D*, circundari *E F*

670 nobilium *A B C D F*, novilium *E*

671 praecellere *A B C D*, precellere *E F*

672 conscendit *A B C D*, consendit *E F*

673 hastam *A B C D F*, hastum *E*

674 ludicum *A B D E F*, ludricum *C*

675 exercente *A B C E F*, exercentem *D*

676 sibi dari *A B D E F*, dari sibi *C*

677 ipse *A B C D F*, ipsse *E*

678 satiatus *A C*, saciatus *D*, saciatur *B E F*

679 sicarios *A*, sicarios *B C D E F*

680 necarent *A B C E F*, neccarent *D*

681 frustaque *A B D E F*, frustra *C*

frusta⁶⁸² inde corporum ablata in profluentem proiiciebant. Excogitatus alius⁶⁸³ supplicii modus, in aquam glacie⁶⁸⁴ constrictam multitudine hominum deduci iussa glaciem⁶⁸⁵ omnem in circum securibus frangi iussit, quae⁶⁸⁶ deinde gravitate hominum pressa omnes in profundum demittebat⁶⁸⁷. Nullum genus crudelitatis in necandis⁶⁸⁸ hominibus intermisit eorumque in civitate Novogrod⁶⁸⁹ ex nobilioribus et ditioribus 2770 miris⁶⁹⁰ cruciatibus et tormentis⁶⁹¹ occisos necavit exceptis minorum gentium populis plebeque infinita quam omnem ad internecionem⁶⁹² usque delevit. Erant in provincia⁶⁹³ Novogrodensi citra vel ultra centum septuaginta⁶⁹⁴ monasteria, quae⁶⁹⁵ omnia spoliavit⁶⁹⁶ et depraedatus⁶⁹⁷ est monachosque et sacerdotes omnes in his trucidavit.

Cum iam tyrannus⁶⁹⁸ Moscoviae⁶⁹⁹ Novogradum⁷⁰⁰ introisset exceptus prandio ab episcopo illius urbis, nulla excusatione usus est. Vocati sunt quoque ad epulas easdem plerique abbates ex diversis monasteriis. Peracto prandio et sublatis iam mensis vocatis ad se satellitibus⁷⁰¹ iubet eos diripere ac⁷⁰² expilare⁷⁰³ templum S.⁷⁰⁴ Sophiae, quod erat⁷⁰⁵ in media urbe situm. Episcopo praeterea volens referre gratiam pro eius⁷⁰⁶ liberalitate, de capite ipsius ty-

---

682 frusta *A B D E F*, frustra *C*

683 alius *A B C D F*, alios *E*

684 glacie *A B D E F*, glatie *C*

685 glaciem *A B D E F*, glatiem *C*

686 quae *A B D E F*, que *C*

687 demittebat *A B C D F*, demitebat *E*

688 necandis *A B C E F*, neccandis *D*

689 Novogrod *A D E F*, Novogrodum *B*, Nowogrod *C*

690 miris *A B C D F*, mirris *E*

691 tormentibus *A*, tormentis *B C D E F*

692 internecionem *A*, internecionem *B D E F*

693 omnem ad internecionem usque delevit erant in provincia *C omit.*

694 sepuaiginta *A*, septuaginta *B D E F*, et septuaginta *C*

695 monasteria quae *A B D E F*, monasteriaque *C*

696 spoliavit *A B C D*, spogliavit *E F*

697 depraedatus *A*, depredatus *B C D E F*

698 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

699 Moscoviae *A*, Moschoviae *B C D E F*

700 Novogradum *A D E F*, Novogrodum *B*, Nowogrodum *C*,

701 satellitibus *A B D E F*, satellibus *C*

702 ac *A B D E F*, et *C*

703 expilare *A B D E F*, expillare *C*

704 S. *A B C D*, Ste *E F*

705 quod erat *B omit.*

706 eius *A C*, illius *B D E F*

ram⁷⁰⁷, quam gestabat, detrahi iubet simulque omni ornatu pontificio⁷⁰⁸ exutum dignitate quoque spoliat, dicens: Non convenit te esse episcopum, sed potius aulaedum⁷⁰⁹. Volo itaque tibi dare in matrimonium uxorem. Ad alios vero monachos conversus in haec verba prorupit: Rogo, velitis mihi adesse convivae. Sed volo, ut faciat quisque symbolum⁷¹⁰ pro apparatu nuptiarum harum. Adegitque, ut pro modulo suarum quisque facultatum summam pecuniae⁷¹¹ certam numeraret. Abbatum quilibet 2000 aureorum, praepositi⁷¹² 1000, reliqua turba monachorum alii 500, alii 300 coronatos numerarunt. Omnes itaque convivas⁷¹³ argento misere⁷¹⁴ spoliavit⁷¹⁵. Dato et facto symbolo⁷¹⁶ adduci equam ad nuptias iubet, inquiring ad episcopum: Eccam⁷¹⁷ uxorem habeto, conscende⁷¹⁸ iam⁷¹⁹, inequita et proficiscere⁷²⁰ in Moscoviam⁷²¹, tuumque nomen ibi fac inscribi in albo⁷²² aulaedorum⁷²³. Porro cum conscendisset equam, iubet alligari pedes insidentis⁷²⁴ ad terga⁷²⁵ iumentis, sicque exclusum urbe episcopatuque pulsum destinatum⁷²⁶ viam⁷²⁷ inire iubet. Iamque euntem iterum⁷²⁸ ad se revocari⁷²⁹ iubet datque illi in manus gestanda utres instrumentum musicum, lyram⁷³⁰ cum fidibus. Hanc artem exerce, inquit, nihil enim restat aliud, quod agas ducta praesertim⁷³¹ uxore. Ille

---

707 tyaram *A D F*, thiaram *B C*, tiaram *E*

708 pontificio *A B D E F*, pontifitio *C*

709 aulaedum *A B D E F*, aulicum *C*

710 symbolum *A B C D*, simbolum *E F*

711 pecuniae *A B D E F*, peccuniae *C*

712 praepositi *A B C D F*, prepossiti *E*

713 convivas *A B C D*, convivias *E F*

714 misere *A B C D F*, missere *E*

715 spoliavit *A B C D*, spogliavit *E F*

716 symbolo *A B C D F*, simbolo *E*

717 eccam *A B D E F*, equam *C*

718 conscende *A B C D*, consende *E F*

719 iam *A B C D F*, ium *E*

720 proficiscere *A B C E F*, proficescere *D*

721 Moscoviam *A*, Moschoviam *B C D E F*

722 albo *A B C D F*, alvo *E*

723 aulaedorum *A B D E F*, aulicorum *C*

724 insidentis *A B D*, insedentis *C*, insidenti *E F*

725 terga *A B C D*, erga *E F*

726 destinatum *A B C D*, desmatam *E F*

727 viam *A B C D*, iuum *E*, iuum *F*

728 iterum *A B C D F*, iteru *E*

729 revocari *A C*, vocari *B D E F*

730 lyram *A B D F*, liram *C E*

731 praesertim *A B C E*, psertim *D*, presertim *F*

episcopus equa vectus antehac⁷³² indoctus lyrae⁷³³, lyram⁷³⁴ pulsans et utres inflans iussu tyranni⁷³⁵ Moscham⁷³⁶ abiit. Reliquos monachos partim spoliavit⁷³⁷ omnibus bonis, partim misere⁷³⁸ enectos⁷³⁹ trucidavit.

His peractis excedens Novogrodia⁷⁴⁰ tentoria fixit dimidio miliari⁷⁴¹ ab urbe. Interea temporis iubet comprehendi quendam⁷⁴² nobilem ac illustrem virum Theodorum⁷⁴³ Sircowa⁷⁴⁴ archigrammateum⁷⁴⁵ Novogrodensem⁷⁴⁶, quem adductum ad se in longissimi⁷⁴⁷ funis extremitate⁷⁴⁸ alligari medium et constringi fortiter iubet et abiici in profluentem dictum Volhova⁷⁴⁹, alteram extremitatem funis retentam⁷⁵⁰ manibus prehendere⁷⁵¹ satellitibus⁷⁵² iubet, ne submersus in inum⁷⁵³ subito praefocaretur⁷⁵⁴. Cumque iam ille Theodorus aliquandiu innatasset aquis, miserum iterum extrahi iubet percontaturque⁷⁵⁵ numnam⁷⁵⁶ aliquid forte viderit⁷⁵⁷ in aquis. Ille vero respondit se vidisse spiritus malignos, qui degunt in aquarum profundo Volhova⁷⁵⁸ fluvii et in stagnis dictis Vladogie⁷⁵⁹ et Vsladogie⁷⁶⁰, iam

---

732 antehac *A B C D*, ante haec *E F*

733 lyrae *A B C D F*, lira *E*

734 lyram *A B C D F*, liram *E*

735 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

736 Moscham *A B D E F*, Moscam *C*

737 spoliavit *A B C D*, spogliavit *E F*

738 misere *A B C D F*, missere *E*

739 enectos *A B D E F*, erectos *C*

740 Novogrodia *A B D E F*, Nonogrodia *C*

741 miliari *A B C D*, miliarii *E F*

742 quendam *A B C D*, quenda *E F*

743 Theodorum *A B C D*, Theodorus *E F*

744 Sircowa *A*, Syrcova *B*, Hyrcova *E F*, Scicovae *C*

745 archigrammateum *A B E F*, archigramatum *D*, archigramatum *C*

746 Novogroden *A B E F*, Nowogroden *C*, Novigroden *D*

747 longissimi *A B D E F*, longissimis *C*

748 extremitate *A B C E F*, extremitare *D*

749 Volhova *A B D F*, Wolhova *C*, Volova *E*

750 retentam *C omit.*

751 prehendere *A B D E F*, apprehendere *C*

752 satellitibus *A B C D F*, latelletibus *E*

753 inum *A B D E F*, vivum *C*

754 praefocaretur *A B C D F*, praeficaretur *E*

755 percontaturque *A B D*, percontatur *C*, precontaturque *E F*

756 numnam *A C E F*, an *B*, num ne *D*

757 aliquid forte viderit *A B D E F*, viderit aliquid forte *C*

758 Volhova *A*, Volhova *B D E F*, Wolhova *C*

759 Vladogie *A C*, Vladogiae *B E F*, Vladegiae *D*,

760 Vsladogie *A*, Wzladodzie *C*, Vlsadogiae *B E*, Vlsadogie *F*, Vlsadegiae *D*

iamque brevi affuturos hic et erepturos animam tuo e corpore. Ille pro tali responso⁷⁶¹ eum reduci in castra et pedes ad genua usque in ahenum⁷⁶² impositos⁷⁶³ aqua bulliente⁷⁶⁴ excoqui mandat volens⁷⁶⁵ extorquere per tormenta ab eo pecuniam⁷⁶⁶, si habuisset alicubi locorum reconditam⁷⁶⁷. Erat enim vir dives adeo, ut XII⁷⁶⁸ monasteria proprio eius⁷⁶⁹ aere extracta et fundata conspiciantur. Extorsitque⁷⁷⁰ ab⁷⁷¹ misero⁷⁷² illo⁷⁷³ 12000⁷⁷⁴ argenteae⁷⁷⁵ monetae, cuius solius⁷⁷⁶ non alius apud eos usus est, et caetera⁷⁷⁷.

Post illa tormenta inaudita⁷⁷⁸, quibus saeviebat⁷⁷⁹ in Theodorum⁷⁸⁰, extortam pecuniae⁷⁸¹ magnam vim et possessiones⁷⁸² in fiscum suum retulit, corpus vero eius mortui⁷⁸³ in partes concidi⁷⁸⁴ et sic concisum in profluentem abiici mandavit. Eundem exitum habuit et frater germanus eiusdem Alexius nomine. Porro tantum damnus et iacturam⁷⁸⁵ rerum suarum acceperunt cives miseri Novogrodeneses⁷⁸⁶, ut iuste aestimatam⁷⁸⁷ vix aliquis hominum persolvere ac resarcire possit. Erat enim urbs antiquitus opulenta, mercatores in ea praepotentes ac divites, in quorum aedibus omnia loca referta

---

761 responso *A B C D F*, responsso *E*

762 ahenum *A B C D F*, abenum *E*

763 impositos *A B D E F*, imposito *C*

764 bulliente *A B D E F*, buliente *C*

765 volens *A B C D*, volen *E F*

766 pecuniam *A B D E F*, peccuniam *C*

767 reconditam *A B C D F*, reconditum *E*

768 XII *A B D E F*, duodecim *C*

769 eius *C omit.*

770 extorsitque *A B C*, extersitque *D*, retorsitque *E F*

771 ab *A B C*, a *D E F*

772 misero *A B C D F*, missero *E*

773 illo *A B D E F*, ille *C*

774 12000 *A C D E F*, 12 m. *B*

775 argenteae *A B D E F*, argentea *C*

776 solius *A B D E F*, solus *C*

777 et caetera *A B D E F omit.*

778 inaudita *A B C D F*, inauditae *E*

779 saeviebat *A B D E F*, seviebat *C*

780 Theodorum *A B C D*, Theodrum *E F*

781 pecuniae *A B D E F*, peccuniae *C*

782 possessiones *A B D F*, possessionem *E*, possessiones suas *C*

783 mortui *A B D E F*, mortuum *C*

784 concidi *A B D E F*, conscindi *C*

785 iacturam *A C D E F*, iaccuram *B*

786 Novogroden *A B D E F*, Nowogroden *C*

787 aestimatam *A B D*, estimatum *C*, exstimatum *E*, exstimatam *F*

erant ac plena variis mercibus, praeterea orbis caerarum ingentes, adipum et pinguedinum ex variis animantibus⁷⁸⁸ copia, globi⁷⁸⁹ praegrandes serici⁷⁹⁰ et preciosae⁷⁹¹ vestes, quae⁷⁹² omnia a 20⁷⁹³ annis congesta asservabantur⁷⁹⁴. Caeterum sericum omne suis satellitibus⁷⁹⁵ distribuit, argentum et aurum in fiscum principis illatum est. Reliquum mercium⁷⁹⁶ igni succensi⁷⁹⁷ oppidanorum aedibus⁷⁹⁸ absumptum⁷⁹⁹ est. Sic illa urbs antiqua Sclavorum⁸⁰⁰, principum Novogrodensium⁸⁰¹ sedes, diruta⁸⁰² ac solo aequata conspicitur.

Haec⁸⁰³ omnia egregia⁸⁰⁴ facinora patravit anno 1569 ante adventum legatorum S. R. Maiestatis⁸⁰⁵, quorum nomina haec sunt: palatinus⁸⁰⁶ Innovlodislaviensis⁸⁰⁷ dominus Talvos⁸⁰⁸, castellanus Minski⁸⁰⁹ dominus capitaneus Radzieoviensis⁸¹⁰ et dominus Andreas secretarius S. R. Maiestatis⁸¹¹.

Excisa urbe Novogrodensi⁸¹² misit 500 equites in Narvam emporium⁸¹³ celebre⁸¹⁴, illuc enim suas merces Novogrodenses⁸¹⁵ comportarant iussitque per praecones inclamari ubique, ne aliquis

---

⁷⁸⁸ animantibus *A B D E F*, animalibus *C*

⁷⁸⁹ globi *A B C D*, globi *E F*

⁷⁹⁰ serici *A B C*, servi (?) *D*, servi *E F*

⁷⁹¹ preciosae *A B*, praetiosae *C*, praeciosae *D F*, praeciosae *E*

⁷⁹² quae *A B C D E F*, quae *F*

⁷⁹³ 20 *A B D E F*, viginti *C*

⁷⁹⁴ asservabantur *A B C D F*, asservabantur *E*

⁷⁹⁵ satellitibus *A B D*, satellitibus *C E F*

⁷⁹⁶ mercium *A B F*, mertium *C*, mericum *D*, meruum *E*

⁷⁹⁷ succensi *A B C D*, succensi *E F*

⁷⁹⁸ aedibus *A B C D*, edibus *E F*

⁷⁹⁹ absumtum *A*, absumptum *B C D E F*

⁸⁰⁰ sclavorum *A B C D F*, sclavor *E*

⁸⁰¹ Novogrodensium *A*, Novogroden *B C D E F*

⁸⁰² diruta *A B D E F*, dirupta *C*

⁸⁰³ haec *A B C D F*, hec *E*

⁸⁰⁴ egregia *A B*, aegregia *C D E F*

⁸⁰⁵ mtis *C*, m. *A B D E F*

⁸⁰⁶ palatinus *A B C D*, palatini *E F*

⁸⁰⁷ Innovlodislavien *A*, Inowladislavien *C*, Innovlodavien *B D E F*

⁸⁰⁸ Talvos *A C*, Talvos *B D E F*

⁸⁰⁹ minski *A B C D*, minsui *E F*

⁸¹⁰ Radzieovien *A B E F*, Radzievien *C*, Radzreovien *D*

⁸¹¹ mtis *C*, m. *A B D E F*

⁸¹² Novogroden *A C*, Novogrodensi *B D*, Nevogrodensi *E F*

⁸¹³ emporium *A B C D*, emperium *E F*

⁸¹⁴ celebre *A B D F*, caelebre *C*, cellebre *E*

⁸¹⁵ Novogrodenses *A*, Novogroden *B C D E F*

commisceat suas merces cum Novogrodensibus⁸¹⁶. Quod ubi factum est, omnes igni mandari praecepit⁸¹⁷. Si qui contractus clancularii habiti convicti⁸¹⁸ fuerunt, eos quoque vivos secari iussit⁸¹⁹ et sectos in aquas⁸²⁰ abiici mercibus similiter exustis⁸²¹.

Tempore huius tyrannidis⁸²², quam⁸²³ exercuit in civitatem Novogrodensem, omnes mendicos extra urbem eiici mandavit eictosque sub dio, dum omnia canent nivibus⁸²⁴ et frigoribus rigent, degere coegit. Cives quoque volentes effugere cladem urbi imminentem, habitu mendicorum plerique induti, una cum mendicis passi sunt sese expelli, quorum plurimi⁸²⁵ fame⁸²⁶ et frigore enecti interierunt, plerique furtim⁸²⁷ in civitatem cadaveribus oppletam⁸²⁸ noctu ibant, furabanturque⁸²⁹ corpora interfectorum, quibus furtim ablatis vescebantur. Reliqua corpora, quae absumere non poterant, sale condita in doliis asservabant. Hoc cum accepisset Moschus⁸³⁰, percontatur causam⁸³¹, quamobrem corpora mortuorum condita in doliis servarent. Illi responderunt se fame adactos fecisse. At ille omnes comprehensos in aquis submergi praecepit.

Post excidium Novogrodi proficiscitur in Pskow⁸³² oppidum⁸³³. Cives miseri animum eius crudelem hospitalitate et liberalitate⁸³⁴ sua a proposito abducere volentes mensas ante domum quisque suam instructas mappisque tectas proferunt, quibus superponunt panem et sal. Singuli autem ex oppido effusi salutant et rogant, ne aspernaretur⁸³⁵ eorum tenuitatem, sed potius panem et sal, quem

---

⁸¹⁶ Novogroden *A B D E F*, Nowogroden *C*

⁸¹⁷ praecepit *A B C D F*, precepit *E*

⁸¹⁸ convicti *A C*, convicti *B D*, coneveti (?) *E F*

⁸¹⁹ iussit *A B C D F*, iusit *E*

⁸²⁰ aquas *A B D E F*, aqua *C*

⁸²¹ exustis *A B C D F*, exsustis *E*

⁸²² tyrannidis *A B C D F*, tirannidis *E*

⁸²³ quam *A B D E F*, qua *C*

⁸²⁴ nivibus *A B C D F*, nibibus *E*

⁸²⁵ plurimi *A B D E F*, plurium *C*

⁸²⁶ fame *A B C E F*, famae *D*

⁸²⁷ furtim *C omit.*

⁸²⁸ oppletam *A B D E F*, expletam (?) *C*

⁸²⁹ furabanturque *A B D E F*, furabantque *C*

⁸³⁰ Moschus *A B D E F*, Moscus *C*

⁸³¹ causam *A C D E F*, caussam *B*

⁸³² Pskow *A B C D*, Pslorio *E F*

⁸³³ oppidum *A B C D*, opidum *E F*

⁸³⁴ liberalitate *A B D*, libertate *C*, et liberalitate *E F omit.*

⁸³⁵ aspernaretur *A B D E F*, aspernaret *C*

offerunt, ut suscipiat aequo animo suaque illi omnia et se ipsos permittunt⁸³⁶, ius illi esse affirmantes⁸³⁷ in vitas et fortunas omnium. Tyrannus⁸³⁸ victus eorum humilitate⁸³⁹ et submissione pepercit quidem vitae, bona tamen eorum, aurum scilicet⁸⁴⁰ et argentum diripuit⁸⁴¹. In monachos vero furorem omnem et crudelitatem convertit, quorum alios partim in frusta⁸⁴² secari, partim in aquis suffocari⁸⁴³ templis expilatis⁸⁴⁴ et campanis omnibus sublatis iussit.

Fuit⁸⁴⁵ in aula tyranni⁸⁴⁶ nobilis quidam dux Ofanasci Wiasiemski⁸⁴⁷, qui erat tyranno⁸⁴⁸ intimus consiliarius. Hic⁸⁴⁹ Ofanasci⁸⁵⁰, cum esset⁸⁵¹ magnae autoritatis⁸⁵² vir tyrannoque⁸⁵³ percharus, Gregorium quendam Lowcik⁸⁵⁴ nomine commendavit⁸⁵⁵ et, ut gratosus esset principi, effecit⁸⁵⁶. Ille immemor⁸⁵⁷ beneficiorum⁸⁵⁸ accusavit⁸⁵⁹ falso⁸⁶⁰ Ofanascium apud tyrannum⁸⁶¹, quasi ille secreta sibi⁸⁶² communicata proderet deque Novogrodensium excisione consilium ininitum protulisset. Nulli enim communicaverat⁸⁶³ excidium⁸⁶⁴

---

836 permittunt *A B C D F*, permitunt *E*

837 affirmantes *A B C D F*, afirmantes *E*

838 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

839 humilitate *A B D E F*, humanitate *C*

840 s. *A B D E F*, *C omit.*

841 diripuit *A B C E F*, dirripuit *D*

842 frusta *A B D E F*, frustra *C*

843 suffocari *A B C D F*, sufocari *E*

844 expilatis *A B C D*, expelatis *E F*

845 fuit *A B C D F*, euit *E*

846 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

847 Wiasiemski *A*, Viasemski *C*, Inasiemski *B*, Tnasiemski *D*, Triasiemski *E F*

848 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

849 hic *A B C D*, hoc *E F*

850 Ofanasci *A B D E F*, Ofanaski *C*

851 esset *A B C E F*, eset *D*

852 autoritatis *A C*, authoritatis *B D E F*

853 tyrannoque *A B C D F*, tirannoque *E*

854 Lowcik *A D*, Ioncik *B*, Lowczik *C*, Loneile *E*, Loncile *F*

855 commendavit *A B C D*, comendavit *E F*

856 effecit *A B D*, efficit *C*, offecit *E F*

857 immemor *A B C*, imemor *D*, miemor *E F*

858 beneficiorum *A B D E F*, benefitiorum *C*

859 accusavit *A B C D F*, accussavit *E*

860 falso *A B C D F*, falsso *E*

861 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

862 sibi *B D E F omit.*

863 communicaverat *A B D E F*, commonicaverat *C*

864 excidium *A B D E F*, excidi- *C*

hoc, nisi praefato⁸⁶⁵ duci. Tanta in gratia et delitiis⁸⁶⁶ habebatur⁸⁶⁷ apud tyrannum⁸⁶⁸, ut et medicinam, si quando accepturus esset, non a medico homine Italo, quem charum habet maxime, sed ab Offanascio⁸⁶⁹ per manus traditam⁸⁷⁰ sumeret. Credidit tamen falsae⁸⁷¹ criminationi iussitque omnes servos eius per insidias interficere satellitibus⁸⁷² suis. Illi⁸⁷³ vero singulis diebus dum consultaret Ofanasci⁸⁷⁴ cum tyranno⁸⁷⁵, servos aliquot trucidarunt neque destiterunt iussa⁸⁷⁶ exequi, quoad⁸⁷⁷ omnes interfecissent. Ofanasci rediens a consiliis in area palatii occisorum⁸⁷⁸ corpora humi miserabiliter laniata conspicit quidem, sed dissimulato⁸⁷⁹ dolore ne verbo⁸⁸⁰ quidem indicium doloris significare audet. At⁸⁸¹ tyrannus⁸⁸² non satiatus sanguine servorum ipsius, verum fratres et totam familiam ex insidiis adortus⁸⁸³ interficit⁸⁸⁴ et omnibus bonis spoliatur.

Videns Ofanasci exitium⁸⁸⁵ iam sibi⁸⁸⁶ imminere conspectum fugiens tyranni⁸⁸⁷, apud doctorem medicum ducis magni Arnolpho cui nomen⁸⁸⁸ latitans quinque dies exegit⁸⁸⁹. Quem accersi iubens ad se, dixit: Vides tuos omnes⁸⁹⁰ inimicos conspirasse in tuam perniciem⁸⁹¹.

---

865 praefato *A B D E F*, isto *C*

866 delitiis *A C E F*, deliciis (?) *B*, deliciis *D*

867 habebatur *A B C D F*, habebatur *E*

868 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

869 Offanascio *A B E F*, Ofanatio *C*, Offanescio *D*

870 traditam *A B C*, traditum *D E F*

871 falsae *A B D*, falsa *C*, false *E F*

872 satellitibus *A B D E F*, satellibus *C*

873 illi *A B D E F*, ille *C*

874 Ofanasci *A B C F*, Offanasci *D E*

875 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

876 iussa *A B D E F*, mora *C*

877 quoad *A B C D*, quod *E F*

878 occisorum *A B C D F*, occissor *E*

879 dissimulato *A B D E F*, disimulato *C*

880 verbo *A B D E F*, verbum *C*

881 at *A B C D*, ad *E F*

882 tyrannus *A B D F*, tyrannus *C*, tirannus *E*

883 adortus *A B C D*, dortus *E F*

884 interficit *A B E F*, interfecit *C D*

885 exitium *A B C E F*, exitum *D*

886 iam sibi *A B D E F*, sibi iam *C*

887 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

888 Arnolpho cui nomen *A B D*, Arnolfho cui nomen *E F*, cui nomen Arnolpho *C*

889 exegit *A B D E F*, exiit *C*

890 omnes *B C D E F*, omnes omnes *A*

891 perniciem *A F*, perniciem (?) *B*, perniciem *C*, perniciem *D*, perniciem *E*

Sed tu si sapis, fuge in Moscham ibique meum adventum expectato. Qui parum fidens tyranno⁸⁹² ingressus iter versus Moscham obvios quosque insidias aliquas timens sternebat. Rediit quoque tyrannus⁸⁹³ parvo interiecto tempore in Moscham iussitque ducem Offanascium⁸⁹⁴ deduci in locum, ubi solent debitores caedi⁸⁹⁵, praecepitque eum fustibus cedere⁸⁹⁶ continuis diebus, extorquens ab eo quotidie 1000 aut 500 aut 300 argenteos. Cumque iam caederetur⁸⁹⁷ continue, coepit tuberibus intumescere corpus. Nec habens amplius, quod⁸⁹⁸ daret avaro tyranno⁸⁹⁹, prae timore miser⁹⁰⁰ calumniari cives ditissimos quosque coepit, illos sibi debere certas pecuniae summas⁹⁰¹ confingens. Miseri⁹⁰² cives⁹⁰³ debita⁹⁰⁴ indebita⁹⁰⁵ persolvere coguntur. Ille autem miser⁹⁰⁶ sine intermissione caeditur hucusque. Virgines 40⁹⁰⁷, quae in gynaeceao⁹⁰⁸ uxoris eius habebantur, quarum quaelibet⁹⁰⁹ auro laboratas⁹¹⁰ vestes⁹¹¹ acu⁹¹² pingere edocta consueverat⁹¹³, omnes in aulam suam rapuit. Hoc praemium⁹¹⁴ post summam⁹¹⁵ illam gratiam vir ille gravis⁹¹⁶ domi⁹¹⁷ forisque retulit, dum alienissimum principis animum in dies a se experitur.

---

⁸⁹² tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

⁸⁹³ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

⁸⁹⁴ Offanascium *A*, Ofan [...] cium *B*, Ofanascium *C E F*, Ofanascum *D*

⁸⁹⁵ caedi *A C D E F*, cedi *B*

⁸⁹⁶ cedere *A B D E F*, caedere *C*

⁸⁹⁷ caederetur *A C D E F*, cederetur *B*

⁸⁹⁸ quod *A B D E F*, quid *C*

⁸⁹⁹ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

⁹⁰⁰ miser *A B C D F*, misser *E*

⁹⁰¹ pecuniae summas *A B D E F*, peccunias *C*

⁹⁰² miseri *A B C D F*, misceri *E*

⁹⁰³ cives *A B C D F*, cibes *E*

⁹⁰⁴ debita *A B C D F*, devita *E*

⁹⁰⁵ indebita *A B C D F*, en devita *E*

⁹⁰⁶ miser *A B C D F*, misser *E*

⁹⁰⁷ 40 *A B D E F*, quadraginta *C*

⁹⁰⁸ gynaeceao *A B D F*, gynaeceo *C*, ginecaeao *E*

⁹⁰⁹ quaelibet *A B D*, quelibet *C E F*

⁹¹⁰ laboratas *A B C D*, laborata *E F*

⁹¹¹ vestes *D omit.*

⁹¹² acu *A B C D*, aut *E F*

⁹¹³ consueverat *A B C D F*, consueberat *E*

⁹¹⁴ praemium *A B C D*, premium *E F*

⁹¹⁵ summam *A B C D F*, sumam *E*

⁹¹⁶ gravis *A B C D*, gravius *E F*

⁹¹⁷ domi *A B C D*, doni *E F*

TORSK⁹¹⁸ ET TWERRA⁹¹⁹

In his oppidis eandem⁹²⁰ tyrannidem⁹²¹ exercuit, quam Novogro-
 di⁹²². Captivos Polonos, qui post captam Poloczko⁹²³ abducti erant,
 500 fere dissecuit⁹²⁴. Tartaros captivos 19 iussit quoque produci, qui
 auditis, quae acta essent cum Polonis, occularunt cultros in mani-
 cis. Dumque ordine⁹²⁵ positis⁹²⁶ frameas⁹²⁷ ad eos secandos⁹²⁸ strin-
 gunt, illorum quisque dato signo corripit suum cultrum satellitesque
 adortos confodiunt, praecipue⁹²⁹ vero tyrannidis⁹³⁰ huius magistrum
 tam atrociter confoderunt, ut viscera⁹³¹ ex eo profluerent. Qui iam
 saucius videns se in magno discrimine positum⁹³² nunciari⁹³³ iubet
 tyranno⁹³⁴, quid⁹³⁵ egerint⁹³⁶ Tartari. At ille accepto nuncio⁹³⁷ mittit⁹³⁸
 sclopettarios⁹³⁹ e vestigio iubens eos pilis sclopettorum⁹⁴⁰ confici ac
 inde confectos dissecari. Sic⁹⁴¹ulti⁹⁴² sunt Tartari interfectores suos.

Quando capta⁹⁴³ est Zborsko⁹⁴⁴ a Polonis, iussit omnes captivos,
 qui ante asservabantur in carceribus, in aquis submergi. Dux au-
 tem Ofanasci, de quo supra dictum est, ne fieret, disuasit, ne hoc

---

⁹¹⁸ Torsk *A B C E F*, Tosk *D*

⁹¹⁹ Twerra *A*, Twerza *C*, Zwera *B D*, Evvera *E F*

⁹²⁰ eandem *A B C D F*, eundem *E*

⁹²¹ tyrannidem *A B C D F*, tirannidem *E*

⁹²² Novogrodi *A B*, Nowogrodi *C*, Novogrodo *D*, Novogredu *E F*

⁹²³ Poloczko *A B C*, Polozko *D*, Poloczleo *E F*

⁹²⁴ dissecuit *A B C D*, dissecut *E F*

⁹²⁵ ordine *A B D E F*, ordinem *C*

⁹²⁶ positis *A B C D F*, possitis *E*

⁹²⁷ frameas *A B D E F*, frameis *C*

⁹²⁸ secandos *A B D E F*, secundos *C*

⁹²⁹ praecipue *A B C D*, precipue *E F*

⁹³⁰ tyrannidis *A B C D F*, tirannidis *E*

⁹³¹ viscera *A B C D F*, visera *E*

⁹³² positum *A B C D F*, possitum *E*

⁹³³ nunciari *A D E F*, nuntiari *B C*

⁹³⁴ tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

⁹³⁵ quid *A B C D*, quod *E F*

⁹³⁶ egerint *A B D*, aegerint *C*, egerint *E F*

⁹³⁷ nuncio *A*, nuntio *B C D E F*

⁹³⁸ mittit *A C*, misit *B D F*, missit *E*

⁹³⁹ sclopettarios *A*, sclopetarios *B C D E F*

⁹⁴⁰ sclopettorum *A*, sclopetorum *B C D E F*

⁹⁴¹ sic *A B C D*, hic *E F*

⁹⁴²ulti *A B C D*, ulli *E F*

⁹⁴³ capta *A B C D*, capita *E F*

⁹⁴⁴ Zborsko *A B C D*, Ieborsleo *E*, Zborsseo *F*

immane⁹⁴⁵ facinus⁹⁴⁶ et tanta crudelitas divulgaretur in toto orbe. Acquievit⁹⁴⁷ illi⁹⁴⁸ tyrannus⁹⁴⁹ destititque a proposito. Paulo post tamen deleti sunt. Per alias quoque arces misit⁹⁵⁰ satellites⁹⁵¹, videlicet in Iaroslavck⁹⁵², Pereslawck⁹⁵³, Rostow⁹⁵⁴, Kostron, Lasine⁹⁵⁵, ut in aquas praecipitarent omnes captivos. In ea castra⁹⁵⁶, ubi veniunt satellites, ex carcere eductis captivis compedes primum detrahunt⁹⁵⁷, dicentes⁹⁵⁸ oportere⁹⁵⁹ omnes vinctos ire et sistere se ante tribunal nobilium⁹⁶⁰, qui eosdem⁹⁶¹ libere dimissuri essent in Poloniam⁹⁶², permutaturi⁹⁶³ captivos pro captivis. Rogant illi, cur viros tantum ipsos⁹⁶⁴ relictis in carcere uxoribus et liberis, abducerent⁹⁶⁵. Satellites⁹⁶⁶ respondent uxores⁹⁶⁷ quoque subsequi statim cum liberis debere. Abductos tandem viros e conspectu mulierum manibus singulorum post terga revinctis⁹⁶⁸, in plaustra imponunt impositosque⁹⁶⁹ in glaciem⁹⁷⁰ adducunt⁹⁷¹, adductos per glaciei foramina, quae iam resecarant⁹⁷², in aquas praecipitant. Tertio post die quidam Moschus⁹⁷³ in carcerem veniens ad uxores et liberos submersorum

---

⁹⁴⁵ immane *A B*, imane *C*, innane *D*, nimiane *E*, ninnane *F*

⁹⁴⁶ facinus *A B C D*, facimus *E F*

⁹⁴⁷ acquievit *A B C D*, aquiebit *E*, aquievit *F*

⁹⁴⁸ illi *A B C E F*, ille *D*

⁹⁴⁹ tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

⁹⁵⁰ misit *A B C D F*, missit *E*

⁹⁵¹ satellites *A B D E F*, satelles *C*

⁹⁵² Iaroslavck *A C*, Iaroslavck *B D*, Iaroslavete *E F*

⁹⁵³ Pereslawck *A C*, Pereslavck *B D*, Pereslavete *F*, *E omit.*

⁹⁵⁴ Rostow *A B C D*, Rostoto *E F*

⁹⁵⁵ Lasine *A C E F*, Lasmе *B D*

⁹⁵⁶ in ea castra *A B C E F*, pro captivis *D*

⁹⁵⁷ detrahunt *A B C D*, detraunt *E*, detrhaunt *F*

⁹⁵⁸ dicentes *A B C D F*, discentis *E*

⁹⁵⁹ oportere *B D E F*, oportet *A*, aperte *C*

⁹⁶⁰ nobilium *A B C D F*, novilium *E*

⁹⁶¹ eosdem *A B C D F*, eordem *E*

⁹⁶² Poloniam *A B C D F*, Polonia *E*

⁹⁶³ permutaturi *A B C D*, permutari *E F*

⁹⁶⁴ ipsos *A B C D F*, ipso *E*

⁹⁶⁵ abducerent *A C E F*, adduceret *B*, abducerint *D*

⁹⁶⁶ satellites *A B C D F*, satelites *E*

⁹⁶⁷ uxores *A B C D*, uxorores *E F*

⁹⁶⁸ revinctis *A B C E F*, recinctis *D*

⁹⁶⁹ impositosque *A B C D F*, impositosque *E*

⁹⁷⁰ glaciem *A B D E F*, glatiem *C*

⁹⁷¹ adducunt *A*, abducunt *B C D E F*

⁹⁷² resecarant *A C*, resacarant *B D E F*

⁹⁷³ Moschus *A B D E F*, Moscus *C*

significat, quid actum esset cum maritis, hortatus simul, ut sese morti praeparent⁹⁷⁴. Miserae cum iam vident aliter fieri⁹⁷⁵ non posse, rogant obsecrant, uti⁹⁷⁶ liceat illis coram sacerdote confiteri peccata. Concessum⁹⁷⁷ est eis per satellites⁹⁷⁸ orandi spacium⁹⁷⁹ duarum horarum. Post orationes quaelibet⁹⁸⁰ liberos suos alligat ad humeros⁹⁸¹ sicque cum alligatis eunt ad supplicium⁹⁸². Cum in glaciem⁹⁸³ ventum est, satellites iubent, ut se ipsas⁹⁸⁴ praecipitent in aquas, ipsae⁹⁸⁵ vero nolebant⁹⁸⁶ sibi consciscere mortem. Quas arreptas⁹⁸⁷ nihil cunctati satellites binas aut ternas simul in aquas proiciunt⁹⁸⁸ una cum liberis sic alligatis. Populus commiseratione⁹⁸⁹ ductus lamentis et lacrymis⁹⁹⁰ prosequutus⁹⁹¹ est eorum vicem, quibus satellites interminati, ne eiulatus facerent temperarentque⁹⁹² a lacrymis⁹⁹³, nisi similes poenas effugere nolint⁹⁹⁴.

Timotheus⁹⁹⁵ Masalski⁹⁹⁶ capta Polocensi civitate a Moscho⁹⁹⁷ captus erat detinebaturque⁹⁹⁸ vinctus eo tempore cum Iwani⁹⁹⁹ Piotrowicz¹⁰⁰⁰ bona diriperentur¹⁰⁰¹. Dum haec fiunt, unus servorum

---

974 praeparent *A B D E F*, praepararent *C*

975 fieri *A B C D*, furi *E F*

976 uti *A B D*, ut *C*, ubi *E F*

977 concessum *A B C D F*, cancessum *E*

978 satellites *A B C D F*, satelites *E*

979 spacium *A*, spatium *B C D E F*

980 quaelibet *A B D E F*, quelibet *C*

981 humeros *A B D E F*, humoros *C*

982 supplicium *A B C D F*, suppliciant *E*

983 glaciem *A B D E F*, glatiem *C*

984 ipsas *A B D E F*, ipse *C*

985 ipsae *A B D F*, ipse *C*, ipssae *E*

986 nolebant *A B C D F*, nolevant *E*

987 arreptas *A B C D*, aseptas *E F*

988 proiciunt *A B D E F*, proiciunt *C*

989 commiseratione *A C D E F*, comiseratione *B*

990 lacrymis *A*, lachrymis *B D*, lachrimis *C E F*

991 prosequutus *A C*, prosecutus *B D E F*

992 temperarentque *A B C D*, temperaritque *E F*

993 lacrymis *A*, lachrymis *B D F*, lachrimis *C E*

994 nolint *A B C D*, noluit *E F*

995 Timotheus *A B E F*, Thimotheus *C*, Tpirotheus (?) *D*

996 Masalski *A B C D*, Masalslei *E*, Masasslei *F*

997 Moscho *A B D E F*, Mosco *C*

998 detinebaturque *A B C*, detimebaturque *D*, detmebaturque *E F*

999 Iwani *A C*, Iwanii *B D E F*

1000 Piotrowicz *A*, Pietrovitii *B*, Pietrowicz *C*, Piotrovicz *D F*, Piotrovict *E*

1001 diriperentur *A B D F*, deriperentur *C*, disiperentur *E*

Petrovitii¹⁰⁰², videns dominum spoliari omnibus abstulit quoque pro se loriam inauratam, quam occultavit aliquandiu¹⁰⁰³ nec ausus est alicui vendere. Interiecto¹⁰⁰⁴ tempore accedens ad carcerem, in quem coniectus erat dux Timotheus¹⁰⁰⁵, tradit¹⁰⁰⁶ asservandam¹⁰⁰⁷ loriam illam uni Moscho¹⁰⁰⁸ captivo in eodem carcere nomine Michaeli Dimow¹⁰⁰⁹ et alteri tanquam testi huius depositi Cosmae Cosow¹⁰¹⁰. Qui duo exploratores paulo ante fuerunt in Lithwania¹⁰¹¹. Eam istam loriam Michael oppignorat duci Timotheo¹⁰¹² in precio¹⁰¹³ trium¹⁰¹⁴ argenteorum¹⁰¹⁵. Timotheus¹⁰¹⁶ timens, ne aliquis furetur¹⁰¹⁷ loriam, tradit auferendam¹⁰¹⁸ domum¹⁰¹⁹ servo, quem nuper ab Anglis captum redemerat, frequens enim visebat¹⁰²⁰ herum¹⁰²¹ in carcere detentum. Accepta lorica iam abibat, quo tempore rescivit factum praefectus carceris, et revocato servo illo in carceremque coniecto, ereptam¹⁰²² loriam retinuit¹⁰²³ apud se. Asservabantur quoque duo in carcere sclopetarii¹⁰²⁴ Moschi, qui inire gratiam cupientes apud tyrannum¹⁰²⁵ rem produnt nobiles quibusdam dicentes¹⁰²⁶ carceris praefectum

---

1002 Petrovitii *A C*, Pietrovitii *B E F*, Pretrovitii *D*

1003 aliquandiu *A B D E F*, aliquamdiu *C*

1004 interiecto *A B C D F*, intierecto *E*

1005 Timotheus *A D E F*, Thimotheus *B C*

1006 tradit *A B D E F*, tradidit *C*

1007 asservandam *A B E F*, asservandum *C*, ad servandam *D*

1008 Moscho *A B D E F*, Mosco *C*

1009 Dimow *A B C D*, Dimoto *E*, Dimotv *F*

1010 Cosow *A C D*, Cosaw *B*, Cosoto *E*, Cosotv *F*

1011 Lithwania *A*, Litwania *C*, Lituania *B D E F*

1012 Timotheo *A B D E F*, Thimotheo *C*

1013 precio *A E F*, pretio *B C D*

1014 trium *A B C D*, triam *E F*

1015 argenteorum *A B C E F*, argenteorum *D*

1016 Timotheus *A B D E F*, Thimotheus *C*

1017 furetur *A B C D F*, furetur *E*

1018 auferendam *A B C D F*, auferendum *E*

1019 domum *A B C D F*, modum *E*

1020 visebat *A B D F*, visitabat *C*, vissevat *E*

1021 herum *A B D E F*, haerum *C*

1022 ereptam *A B C D*, eseptam *E F*

1023 retinuit *A B D E F*, detinuit *C*

1024 sclopetarii *A*, sclopetarii *B C D F*, selopetarii *E*

1025 tyrannum *A B D F*, tyrannum *C*, tirannum *E*

1026 dicentes *A B D E F*, dicendo *C*

loricam Ivani¹⁰²⁷ Petrowicz¹⁰²⁸ furto¹⁰²⁹ sublatam ab¹⁰³⁰ Timotheo¹⁰³¹ Masalski¹⁰³² ereptam occultasse. Nobiles¹⁰³³ vero emissis¹⁰³⁴ sclopettariis¹⁰³⁵ ex carcere mittunt¹⁰³⁶ ad tyrannum¹⁰³⁷ in Alexandrinam curiam cum illis caeteris vinctis, quos eo nomine statim in quaestionem¹⁰³⁸ rapit tyrannus¹⁰³⁹, scire cupiens, num aliquid Ivani¹⁰⁴⁰ Petrovicz¹⁰⁴¹ rerum amplius absconderint. Sed illos confessos nihil amplius se habere, iubet suffocari¹⁰⁴² in aquis cum duce Thimotheo¹⁰⁴³ sabbato¹⁰⁴⁴ ante sacrum Pascha¹⁰⁴⁵. Praefectum vero carceris remissum Moscham securi percussit. Sagittariorum¹⁰⁴⁶ misertus eos e carcere dimittit. Pro una lorica 6¹⁰⁴⁷ hominum periere¹⁰⁴⁸.

Demetrius Basili, qui praefectus erat tormentis bellicis, hic¹⁰⁴⁹ iniuriam¹⁰⁵⁰ faciebat sclopettariis¹⁰⁵¹, stipendia illorum non persolvebat¹⁰⁵². Fuerunt quoque aliquot abducti e Poloczko¹⁰⁵³ Poloni sclopettarii¹⁰⁵⁴, quos tyrannus¹⁰⁵⁵ adhibuit suis tormentis, hi quoque ob iniuriam acceptam profugiunt, profugi iterum capti, in quaestio-

---

1027 Ivani *A*, Ioanni *CE*, Ivanii *BD*, Ivanni *F*

1028 Petrowicz *AC*, Petrovicz *BD F*, Petrovict *E*

1029 furto *CE F* omit.

1030 ab *A*, a *BCDEF*

1031 Timotheo *ABDEF*, Thimotheo *C*

1032 Masalski *ABCDF*, Masalsii *E*

1033 nobiles *ABCDF*, noviles *E*

1034 emissis *AE*, emis *BD F*, ommissis *C*

1035 sclopettariis *A*, sclopetariis *BCDEF*

1036 mittunt *ABCDF*, mitunt *E*

1037 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*

1038 quaestionem *ABDEF*, questionem *C*

1039 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*

1040 Ivani *A*, Ivanii *B*, Ioanni *CE*, Ivanni *DF*

1041 Petrovicz *ABDF*, Petrowicz *C*, Petrovict *E*

1042 suffocari *ABCDF*, sufocari *E*

1043 Thimotheo *AC*, Timotheo *BDEF*

1044 sabbato *ABDEF*, sabatho *C*

1045 Pascha *AC*, Pasch[...] *B*, Paschae *DEF*

1046 sagittariorum *ACDEF*, sclopetariorum *B*

1047 6 *AD*, octo *B*, sex *C*, et *EF*

1048 periere *ABEF*, periere *CD*

1049 hic *ABDF*, is *C*, it *E*

1050 iniuriam *ABCD*, insiriam (?) *EF*

1051 sclopettariis *A*, sclopetariis *CE F*, sclopetariis *D*

1052 persolvebat *ABCD*, praesolvebat *E*, presolvebat *F*

1053 Poloczko *ABC*, Poloczko *D*, Poloczleo *EF*

1054 sclopettarii *A*, sclopetarii *BCDEF*

1055 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*

nem¹⁰⁵⁶ rapti causam afferunt¹⁰⁵⁷ fugae, quod scilicet Basilius eos in Lithuaniam¹⁰⁵⁸ ablegarit. Quo accepto vocat eum ad se tyrannus¹⁰⁵⁹ et torqueri iubet, ille impatiens¹⁰⁶⁰ torturae¹⁰⁶¹ crimen admissum confitetur¹⁰⁶². Quem statim tyrannus¹⁰⁶³ imponi iubet in vehiculum atque eo allegari¹⁰⁶⁴ vehique¹⁰⁶⁵ ab equo effossis¹⁰⁶⁶ equo¹⁰⁶⁷ inprimis¹⁰⁶⁸ oculis coecumque agi in stagnum cum Basilio alligato, in quod cum equo praecipitatus est¹⁰⁶⁹. Quem tyrannus¹⁰⁷⁰ aspiciens innatantem¹⁰⁷¹ in aquarum superficie, iam proficiscere, inquit, ad regem Poloniae, ad quem profecturus¹⁰⁷² eras, en habes equum et vehiculum¹⁰⁷³. Innatansque¹⁰⁷⁴ aliquandiu aquis submersus est.

Quodam tempore notarius tyranni¹⁰⁷⁵ apparat convivium vocatque multos amicos et socios ad coenam. Inter epulas veritus, ne obsequium aliquod neglectum per se stetisset, mittit puerum in palatium tyranni¹⁰⁷⁶ percunctatum¹⁰⁷⁷, quidnam ageret. Puer accurrit in arcem, interim vero tyrannus¹⁰⁷⁸ cum Ofanascio secreto loquebatur¹⁰⁷⁹, conspectoque puero tyrannus¹⁰⁸⁰ abdidit se ipsum iubetque¹⁰⁸¹

-
- 1056 quaestionem *ABD*, questionem *CEF*
 1057 afferunt *ABDEF*, asserunt *C*
 1058 Lithuaniam *ABDEF*, Litwaniam *C*
 1059 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*
 1060 impatiens *ABCDF*, inpatiens *E*
 1061 torturae *ABCDF*, torture *E*
 1062 confitetur *ABCDF*, confititur *E*
 1063 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*
 1064 allegari *A*, all[...]gari *B*, alligari *CDEF*
 1065 vehique *ABDEF*, vehi quoque *C*
 1066 effossis *A*, effosis *BCEFF*
 1067 equo *ABC*, equis *corr. in equo D*, equis *EF*
 1068 inprimis *AC*, imprimis *BDEF*
 1069 est *C omit.*
 1070 tyrannus *ABDF*, tyranus *C*, tirannus *E*
 1071 innatantem *ABDF*, inatantem *C*, imiatantem *E*
 1072 profecturus *ABCDF*, proficturus *E*
 1073 vehiculum *ABCDF*, vehiculum *E*
 1074 innatansque *ABCD*, innatarisque *EF*
 1075 tyranni *ABCDF*, tiranni *E*
 1076 tyranni *ABCDF*, tiranni *E*
 1077 percunctatum *ABDEF*, percunctantem *C*
 1078 tyrannus *ABDF*, tyranus *C*, tirannus *E*
 1079 loquebatur *ABCDF*, locuebatur *E*
 1080 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*
 1081 iubetque *ABCEF*, iubitque *D*

puerum rogare, quid vellet. Puer respondet¹⁰⁸², se missum ab hero¹⁰⁸³ suo percunctatum, quid agat¹⁰⁸⁴ dux magnus. Auditis his tyrannus¹⁰⁸⁵ iubet retineri puerum, dominum vero ipsius cum omnibus convivis ad se adduci mandat¹⁰⁸⁶. Cumque adducti essent, rapi iubet in quaestionem¹⁰⁸⁷ omnes rogans, cur miserit¹⁰⁸⁸ puerum percunctatum de¹⁰⁸⁹ se, quae causa¹⁰⁹⁰ fuerit huius convivii, numnam aliquem sermonem de se habuerint. Ita vero crudeliter eos torqueri iussit, ut plerique¹⁰⁹¹ eorum expirarint¹⁰⁹² prae tormentis, caeteros omnibus facultatibus spoliavit¹⁰⁹³. Ex eo tempore nemo audet percunctatum mittere, quid agat tyrannus¹⁰⁹⁴, sed si cui negocium¹⁰⁹⁵ est, ipse¹⁰⁹⁶ immediate veniat.

Ducem Horinski¹⁰⁹⁷, qui huc proficisci decreverat gratiam et fidem imploraturus S. R. M., in finibus Lithuaniae¹⁰⁹⁸ iam euntem¹⁰⁹⁹ comprehendi¹¹⁰⁰ iubet et palo affigi. Servitores quoque eius 50 fere in crucem egit¹¹⁰¹. Elapsus erat unus servorum, hunc accepit pro suo Petrus Zaiacow¹¹⁰² satelles tyranni¹¹⁰³. Ut rescivit superesse adhuc unum servitorum¹¹⁰⁴, eundem captum suspendi quoque iubet cum aliis duobus servitoribus¹¹⁰⁵ Petri Zaiacow¹¹⁰⁶. Suspensique sunt

1082 respondet *ABD*, respondit *C*, respodet *EF*

1083 hero *ABDEF*, haero *C*

1084 agat *ABC*, agit *DEF*

1085 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*

1086 mandat *AC*, iubet *BDEF*

1087 quaestionem *ABDF*, questionem *CE*

1088 miserit *ABCDF*, misserit *E*

1089 de *ABDC*, ad *EF*

1090 causa *ACDEF*, caussa *B*

1091 plerique *ABDEF*, plerisque *C*

1092 expirarint *ABD*, expirarent *C*, expriarint *EF*

1093 spoliavit *ABDC*, spoliarunt *EF*

1094 tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*

1095 negocium *A*, negotium *BCDEF*

1096 ipse *ABCDF*, ipsse *E*

1097 Horinski *ABDF*, Chorinski *C*, Horinssii *E*

1098 Lithuaniae *ABD*, Litwaniae *C*, ithumae *EF*

1099 euntem *ABDC*, eventem *EF*

1100 comprehendi *BDEF*, comprehendit *C*, comprehendit *corr. in* comprehendi *A*

1101 egit *ABDEF*, aegit *C*

1102 Zaiacow *A*, Zaicow *BCD*, Zaiecoto *E*, Zaiecotv *F*

1103 tyranni *ABCDF*, tiranni *E*

1104 servitorum *ABD*, servitorem *CEF*

1105 servitoribus *ABDEF*, servittoribus *C*

1106 Zaiacow *A*, Zaicow *BD*, Zaiencow (?) *C*, Zaiecato *E*, Zaiecatv *F*

pro foribus domus heri¹¹⁰⁷ sui pendebantque¹¹⁰⁸ hebdomad. ¹¹⁰⁹ aliquot, ut¹¹¹⁰ si quando vellet intrare vel exire domum, sub cadavera mortuorum eundum¹¹¹¹ illi esset.

Ducis Sziczki¹¹¹² servitores ulcisci volens ipsum ducem (cui¹¹¹³ succensebat) in atrio domus eiusdem suspendi iubet, qui tamdiu¹¹¹⁴ pendebant, donec eos tolli tyrannus¹¹¹⁵ praecepit.

TYRANNIS¹¹¹⁶ EIUS IN MULIERES

Multos habet tyrannus¹¹¹⁷ iste clancularios¹¹¹⁸ delatores, qui deferunt, si quae mulierum¹¹¹⁹ de magno duce tyranno¹¹²⁰ male¹¹²¹ loquitur. Statimque omnes abripi et adduci ad se etiam e¹¹²² cubiculo maritorum iubet, adductas si placet retinet apud se quamdiu¹¹²³ vult¹¹²⁴, sin minus, constuprare¹¹²⁵ eam iubet sclopettariis¹¹²⁶ suis in conspectu suo sicque constupratam reddere marito. Si autem constitutum habet occidere maritum mulieris, statim eam iubet¹¹²⁷ in aquis suffocari. Quod fecit ante annum cuidam scribae suo, rapta enim uxore eius cum pedissequa ipsius retinuit eam per longum tempus stupratamque utramque¹¹²⁸ post¹¹²⁹ iubet suspendi pro foribus mariti. Tamdiuque pendebant, donec praecidi iussisset¹¹³⁰. Similiter fecit cuidam aulicorum suorum, acceptam enim uxorem eius apud

---

¹¹⁰⁷ heri *ABDEF*, haeri *C*

¹¹⁰⁸ pendebantque *ABDEF*, pendebant *C*

¹¹⁰⁹ hebdomad. *A*, hebdomadis *BDEF*, hebdomadas *C*

¹¹¹⁰ ut *ABDEF*, et *C*

¹¹¹¹ eundum *ABDC*, eundem *EF*

¹¹¹² Sziczki *ABDF*, Scziczki *C*, Snczlei *E*

¹¹¹³ cui *ABCDF*, ecui *E*

¹¹¹⁴ tamdiu *ABDEF*, tandiu *C*

¹¹¹⁵ tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*

¹¹¹⁶ tyrannis *ABDEF*, tiiranis *C*

¹¹¹⁷ tyrannus *ABCDF*, tirannus *E*

¹¹¹⁸ clancularios *ABDC*, calancularios *EF*

¹¹¹⁹ mulierum *ACDEF*, mulieres *B*

¹¹²⁰ tyranno *ABCDF*, tiranno *E*

¹¹²¹ male *ABDC*, mali *EF*

¹¹²² e *ABEF*, in *D*, *C*?

¹¹²³ quamdiu *ABDEF*, quamdiu *C*

¹¹²⁴ vult *ABCEF*, mult *D*

¹¹²⁵ constuprare *ABDEF*, construprare *C*

¹¹²⁶ sclopettariis *A*, sclopetariis *BCDEF*

¹¹²⁷ eam iubet *ACDEF*, iubet eam *B*

¹¹²⁸ utramque *ABDC*, utranque *EF*

¹¹²⁹ post *ABDEF*, postea *C*

¹¹³⁰ iussisset *ABDEF*, iussisset *C*

se asservavit, iamque ad satietatem¹¹³¹ potitus¹¹³² ea, viro remittit et remissam super mensam e trabe¹¹³³ suspendi iubet, ubi vir eius cum familia cibum sumere consueverat¹¹³⁴. Tamdiu¹¹³⁵ autem pendebat, quamdiu tyranno¹¹³⁶ placuit.

Cum vastaret possessiones Ivani¹¹³⁷ Petrowicz¹¹³⁸ palatini, in castris habuit mulieres lectissimas¹¹³⁹ praestantis formae¹¹⁴⁰ 50¹¹⁴¹ fere, quae in lecticis vehebantur. Quarum in custodiam¹¹⁴² adhibuit 500 equites¹¹⁴³. Quibus ille pro libidine sua¹¹⁴⁴ abutebatur, quae placuit illi¹¹⁴⁵, eam retinuit, quae autem displicere coepit, in profluentem conici iussit¹¹⁴⁶.

INTERPRES SOMNIORUM¹¹⁴⁷ TYRANNUS¹¹⁴⁸

Detinebatur¹¹⁴⁹ in carcere unus¹¹⁵⁰ filius nobilis cuiusdam¹¹⁵¹ viri. Cumque iam miserum¹¹⁵² taederet¹¹⁵³ carcerum¹¹⁵⁴, gratiam inire tyranni¹¹⁵⁵ cupiens, finxit se somniasse somnium quasi captivum regem Polonum¹¹⁵⁶ et ad tyrannum¹¹⁵⁷ adductum¹¹⁵⁸. Vocatumque e

1131 satietatem *A B D E F*, sacietatem *C*

1132 potitus *A B D C*, potius *E F*

1133 trabe *A B C D F*, trave *E*

1134 consueverat *A B C D F*, consueberat *E*

1135 tamdiu *A B C E F*, tandiu *D*

1136 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

1137 Ivani *A B D F*, Iwani *C*, Ioanni *E*

1138 Petrowicz *A C*, Petrovicz *B D F*, Petrovict *E*

1139 lectissimas *A B D E F*, electissimas *C*

1140 formae *A B D E F*, forme *C*

1141 50 *A B D E F*, quinquaginta *C*

1142 custodiam *A B C D F*, custodia *E*

1143 equites *A B C D*, eques *E F*

1144 sua *A B C D*, fua *E F*

1145 illi *A B D E F*, ei *C*

1146 iussit *A B D E F*, iusit *C*

1147 somniorum *A D E F*, somniorum *C*

1148 tyrannus *A C D E F*, tirannus *E*; interpres somniorum tyrannus *B omit*.

1149 detinebatur *A B D C*, penitebatur *E F*

1150 unus *A B D C*, imus *E F*

1151 cuiusdam *A B D C*, cuius clam *E F*

1152 miserum *A B C D F*, misserum *E*

1153 taederet *A B D E F*, tederet *C*

1154 carcerum *A B C E F*, carcerem *D*

1155 tyranni *A D F*, tyranno *B*, tyrani *C*, tiranni *E*

1156 captivum regem Polonum *A B E F*, captivum regem Poloniae *D*, regem Polonum captivum *C*

1157 tyrannum *A B D F*, tyrranum *C*, tirannum *E*

1158 adductum *E F omit*.

carcere rogat, quidnam somniasset ille. Respondit se per somnium vidisse¹¹⁵⁹ regem Poloniae captum et ad te adductum in compedi- bus stetisse. Quo audito in quaestionem¹¹⁶⁰ rapit miserum expiscari causam¹¹⁶¹ volens illius somnii conficti. Adeoque tortus est, ut vix¹¹⁶² vivus¹¹⁶³ remanserit prae tormentisque fateri coactus commentum fuisse, ut beneficio¹¹⁶⁴ eius¹¹⁶⁵ posset¹¹⁶⁶ liberari. Sed miserum¹¹⁶⁷ fe- fellit¹¹⁶⁸ spes. Nam iterum in carcerem eum intrudi iubet dicens¹¹⁶⁹ tamdiu¹¹⁷⁰ detinendum¹¹⁷¹ fore, quoad adducatur ad se rex Poloniae captivus et somnium verificetur.

Quodam tempore venit ad tyrannum¹¹⁷² quidam senex¹¹⁷³ Boris Titi vocitatus¹¹⁷⁴ offenditque sedentem tyrannum¹¹⁷⁵ post mensam suffultum cubito. Intravit ille salutaturque tyrannum¹¹⁷⁶, ille quoque amice¹¹⁷⁷ resalutat dicens: O salve plurimum serve fidelis. Ego te pro tua fide munere aliquo remunerabo¹¹⁷⁸. Heus accede propius et asside mihi. Titus ille accessit¹¹⁷⁹ propius tyrannum¹¹⁸⁰, quem iubet inflectere¹¹⁸¹ caput deorsum arreptoque cultro, quem gestabat¹¹⁸², prehensam¹¹⁸³ auriculam abscidit misero seni. Ille suspiria ducens

-
- 1159 vidisse *ABDC*, vidisse *EF*
 1160 quaestionem *ABD*, questionem *CEF*
 1161 causam *ACDEF*, caussam *B*
 1162 vix *ABCDF*, iux *E*
 1163 vivus *ABDEF*, unus *C*
 1164 beneficio *ABDEF*, beneficio *C*
 1165 eius *AC*, illius *BDEF*
 1166 posset *ABC*, possit *DEF*
 1167 miserum *ABCD*, misseram *E*, miseram *F*
 1168 fefellit *ABDEF*, feffellit *C*
 1169 dicens *ABCDF*, discens *E*
 1170 tamdiu *ABEF*, tandiu *CD*
 1171 detinendum *ABDEF*, detinendur *C*
 1172 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*
 1173 senex *AC*, senex ex *BDEF*
 1174 vocitatus *ABDEF*, vocatus *C*
 1175 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*
 1176 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*
 1177 amice *ABCDF*, amisse *E*
 1178 remunerabo *ABDC*, remunerato *EF*
 1179 accessit *ABDE*, accessit *CF*
 1180 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*
 1181 inflectere *ABDC*, inflectori *E*, inflectore *F*
 1182 gestabat *ABDEF*, gestiebat *C*
 1183 prehensam *ADEF*, praehensam *B*, apprehensam *C*

dolore dissimulato¹¹⁸⁴ gratias egit tyranno¹¹⁸⁵: Gratias ago¹¹⁸⁶ tibi domine mi¹¹⁸⁷, quod me castigas tuum fidelem subditum. Respondit tyrannus¹¹⁸⁸: Grato animo accipe id quicquid¹¹⁸⁹ est muneris, posthac te maiori afficiam.

Wlodimirum¹¹⁹⁰ quoque palatinum, qui in carcerem coniectus asservabatur diu multumque cum Polonis captivis, hunc iubet ad se adduci in Alexandrinam curiam, adductum torqueri iubet. Audiebat enim, quod servum ducis Krupski¹¹⁹¹ in aquis submersum¹¹⁹² iussu tyranni¹¹⁹³ misericordia motus sepeliri¹¹⁹⁴ fecit¹¹⁹⁵, putabatque cum Krupski¹¹⁹⁶ aliquam conspirationem fecisse, litteras¹¹⁹⁷ denique scriptitasse¹¹⁹⁸ falso¹¹⁹⁹ criminatus¹²⁰⁰ est. Qui miser¹²⁰¹ prae dolore in tormentis obiit, corpus mortui in aquas abiicit.

Anno 1566 convenerunt insimul multi nobiles aulici etiam ipsius tyranni¹²⁰², quorum numerus erat plus quam 300 virorum, ut eum alloquerentur¹²⁰³ taliaque verba ad eum¹²⁰⁴ habuerunt: Illustrissime¹²⁰⁵ caesar¹²⁰⁶ domine noster, quare fratres¹²⁰⁷ nostros innocentes interfici iubes? Nos omnes fideliter tibi servimus, sanguinem nostrum pro te fundimus. Tu vero¹²⁰⁸ pro meritis hanc nobis refers gratiam? Instituisti in cervices nostras satellites tuos, qui e medio

1184 dissimulato *A C*, simulato *B D E F*

1185 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*

1186 ago *A B C D F*, ego *E*

1187 mi *B omit.*

1188 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1189 quicquid *A D E F*, quidquid *B*, quicquid *corr. in* quidquid *C*

1190 Wlodimirum *A B D E F*, Wlodymirum *C*

1191 Krupski *A B D F*, Krupsky *C*, Krupssei *E*

1192 submersum *A B D E F*, submersum *C*

1193 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

1194 sepelirir *A*, sepeliri *B C D F E*

1195 fecit *C omit.*

1196 Krupski *A B D*, Krubski *C*, Krupsky *E F*

1197 lras *A D E F*, litteras *B*, literas *C*

1198 scriptitasse *A B D E F*, scriptas se *C*

1199 falso *A B C D F*, falsso *E*

1200 criminatus *A B C D*, oriminatris *E F*

1201 miser *A B C D F*, misser *E*

1202 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

1203 alloquerentur *A B C D F*, alloquerentor *E*

1204 eum *A B C D F*, cum *E*

1205 illme *A B D*, illmae *C*, illrme *E F*

1206 caesar *A B C D F*, cesar *E*

1207 fres *A B D F*, fratres *C*, fros *E*

1208 vero *A B C D F*, bero *E*

nostrum fratres et consanguinitatem nostram rapiunt, iniuriis afficiunt, pulsant, caedunt¹²⁰⁹, opprimunt ad extremum et interficiunt. Tyrannus¹²¹⁰ iratus omnes in carcerem coniiicit¹²¹¹ detinenturque ibi quinque diebus. Postea educere iubet, quorum aliis linguas, aliis pedes et manus simul praecidit¹²¹², alios fustibus cedit¹²¹³, alios vero¹²¹⁴ dimittit¹²¹⁵. Sed qui fuerant dimissi, paulo post recordatus et indigne ferens admonitionem iubet comprehendi ac¹²¹⁶ in frusta¹²¹⁷ concidi¹²¹⁸.

Accipe quoque venationem¹²¹⁹ tyranni¹²²⁰. Hiberno¹²²¹ tempore, ubi aliqua frequentia hominum solet convenire in forum ad comparandas res necessarias¹²²², tyrannus¹²²³ statim iubet ursos indomitos in mediam turbam hominum clam emittere. Homines ex improvise¹²²⁴ nihil tale suspicantes visis¹²²⁵ ursis diffugiunt, ursi vero insequi fugientes¹²²⁶ arreptosque homines prosternunt ac dilaceratos ad necem interficiunt.

Uxores motruorum si iniuriam acceptam ab ursis queruntur apud tyrannum¹²²⁷, iubet eis numerare¹²²⁸ precium¹²²⁹ capitis tres argenteos. Si aliquis flagitium esse dicat homines sic misere¹²³⁰ proteri et¹²³¹ dilacerari a bestiis, respondent¹²³² gnatones¹²³³ nihil esse flagitii,

---

1209 caedunt *ABDEF*, cedunt *C*

1210 tyrannus *ABCDF*, tyrannus *E*

1211 coniiicit *ABCEFF*, coiicit *D*

1212 praecidit *A*, praecidit *BCEFF*, praecedit *D*

1213 cedit *A*, caedit *BCDFE*

1214 vero *ABCDF*, vera *E*

1215 dimittit *ABCDF*, dimitit *E*

1216 ac *ABDEF*, et *C*

1217 frusta *ABDEF*, frustra *C*

1218 concidi *ABDEF*, secari *C*

1219 quoque venationem *ABDEF*, venationem quoque *C*

1220 tyranni *ABDF*, tyrani *C*, tiranni *E*

1221 hiberno *ABDEF*, hyberno *C*

1222 necessarias *ABCEFF*, necessarias *D*

1223 tyrannus *ABCDF*, tyrannus *E*

1224 improvise *ABCDF*, improvise *E*

1225 visis *ABCDF*, vassis *E*

1226 fugientes *ABCD*, fugrentes *EF*

1227 tyrannum *ACDF*, tirm *B*, tirannum *E*

1228 numerare *ACDEF*, numerari *B*

1229 precium *A*, pretium *BCDEF*

1230 misere *ABCDF*, missere *E*

1231 et *AC*, ac *BCDEF*

1232 respondent *ABDEF*, respondet *C*

1233 gnatones *ABCDF*, gcnatones *E*

sed potius delitias¹²³⁴ principis et filiorum eius, qui cupide perfruuntur talibus spectaculis.

In Alexandrina curia, si¹²³⁵ venatione oblectari animum¹²³⁶ libet¹²³⁷, iubet aliquem nobilium in pellem ursi insuere, insutum quadrupedem¹²³⁸ manibus et pedibus incedere. Tandem canes monstrosae¹²³⁹ magnitudinis emittit, qui miserum putantes esse feram discerpunt et¹²⁴⁰ laniant¹²⁴¹ in oculis¹²⁴² ipsius tyranni¹²⁴³ et filiorum. Haec sunt ipsius spectacula et venationes.

Moschi omnes abhorrent¹²⁴⁴ a carne vitulina grandeque¹²⁴⁵ flagitium existimant, si quis ea vescatur¹²⁴⁶. Accidit cum eius rustici villani¹²⁴⁷ ad extruendam arcem Volohdam¹²⁴⁸ missi essent¹²⁴⁹, miseri ob magnam famem et comeatus penuriam nihil habentes, quod manducarent, emptis vitulis vescebantur. Quod cum accepisset tyrannus¹²⁵⁰, iubet aliquos vivos amburi¹²⁵¹, quod vescerentur carnibus, ingens piaculum esse carnibus vitulinis vesci, minus¹²⁵² vero¹²⁵³ carnibus equinis, quas omnibus praeferunt¹²⁵⁴.

Ibidem in Alexandrina curia venit¹²⁵⁵ quidam rusticus ad notarium tyranni¹²⁵⁶ dono ferens illi piscem lucium. Quod cum vidisset¹²⁵⁷

1234 delitias *A C E F F*, delicias *B D*

1235 si *A B D E F F*, se *C*

1236 oblectari animum *A C*, animum oblectari *B D E F*

1237 libet *A B D E F F*, libenter *C*

1238 quadrupedem *A B D E F F*, quadrupedum *C*

1239 monstrosae *A B C D*, monstrossae *E*, monstrose *F*

1240 et *A C D E F F*, ac *B*

1241 laniant *A B C D F*, saniant *E*

1242 oculis *A B C E F F*, oculis *D*

1243 tyranni *A B C D*, tiranni *E F*

1244 abhorrent *A B C E F F*, abhorent *D*

1245 grandeque *A B C E F F*, grandique *D*

1246 vescatur *A B D E F F*, vescitur *C*

1247 villani *A B C E F F*, villanni *D*

1248 Volohdam *A B D E F F*, Volchdam *C*

1249 essent *A B C D F F*, esent *E*

1250 tyrannus *A B D F F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1251 amburi *A B E F F*, comburi *C D*

1252 minus *A B C D*, nimus *E F*

1253 vero *A C D F E*, tamen *B*

1254 praeferunt *A B D E F F*, proferunt *C*; Quod cum accepisset tyrannus ingens piaculum esse carnibus vitulinis vesci, minus vero carnibus equinis, quas omnibus proferunt, iubet aliquos vivos comburi, quod vescerentur carnibus *C*

1255 venit *A B C D F F*, benit *E*

1256 tyranni *A B C D F F*, tiranni *E*

1257 vidisset *A B C D F F*, iudisset *E*

quidam monachus¹²⁵⁸, qui illic forte aderat, notarii acerrimus¹²⁵⁹ inimicus, accessit ad tyrannum¹²⁶⁰, accusat notarium¹²⁶¹ his verbis: Illustrissime princeps, hic tuus notarius comedit magnos pisces, minutis abstinet, quos ille piscari solet ex tuis piscinis. Tyrannus¹²⁶² audita accusatione, ut est facilis ad¹²⁶³ credendum, accersit notarium. Ipse vero venit et salutavit principem suum capite procidens pro more gentis. Tyrannus¹²⁶⁴ obiurgans eum¹²⁶⁵ inquit: Tu sceleste comedis pisces magnos ex meis piscinis, cum ibi reperiri¹²⁶⁶ possunt¹²⁶⁷ et minuti. Vade itaque¹²⁶⁸ et comedas utrosque magnos et parvos. Iubetque miserum ob unum piscem credulus¹²⁶⁹ falso¹²⁷⁰ criminanti¹²⁷¹ monacho¹²⁷² in stagno suffocari.

In eadem Alexandri¹²⁷³ curia, cum¹²⁷⁴ redemptum palatinum Moschovitam¹²⁷⁵, quem Poloni expugnata Zborsko¹²⁷⁶ ceperant¹²⁷⁷, ad se revertisse ex Polonia acceperat, iubet palum in medio areae¹²⁷⁸ arcis illius in terram infigi eumque¹²⁷⁹ palatinum cum duobus nobiles aligari ad palum¹²⁸⁰. Consensusque equis cum filiis¹²⁸¹ suis tyrannus¹²⁸² cursitans circumcirca palum hostiliter exprobrans dicebat¹²⁸³: Nesci-

---

1258 monachus *A B C D*, manachus *E F*

1259 acerrimus *A B C D*, acerimus *E F*

1260 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1261 notarium *A B C D E*, notorium *F*

1262 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1263 ad *E F* omit.

1264 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1265 eum *A B C D*, cum *E F*

1266 reperiri *A B C D F*, riperiri *E*

1267 possunt *A B D F*, possint *C*, pussunt *E*

1268 itaque *A B C D F*, ytaque *E*

1269 credulus *A C D E F*, crudelus *B*

1270 falso *A B C D F*, falsso *E*

1271 criminanti *A B C D*, criminati *E F*

1272 monacho *A C D E F*, monaco *B*

1273 Alexandri *A D E F*, Alexandrina *B C*

1274 eum *A B C D*, cum *E F*

1275 Moschovitam *A B D E F*, Moscovitam *C*

1276 Zborsko *A B C F*, Zborzko *D*, Zborslio *E*

1277 ceperant *A B D F E*, caeperant *C*

1278 areae *B D F E* omit.

1279 eumque *A B C D F*, cumque *E*

1280 palum *A B C E F*, pallum *D*

1281 filiis *A B C D*, filii *E F*

1282 tyrannus *A B D F*, tyrranus *C*, tirannus *E*

1283 dicebat *A B C D F*, discebat *E*

vistis tueri arcem et vosmetipsos Polonis et Lithwanis¹²⁸⁴ oppugnantibus, nunc itaque vos docebo¹²⁸⁵, coepitque¹²⁸⁶ sagittis¹²⁸⁷ configere miseros una cum omnibus¹²⁸⁸ satellitibus arciferis, et ita sagittis¹²⁸⁹ confixi sunt, ut non poterant corpora dignosci prae multitudine sagittarum inhaerentium¹²⁹⁰. Sic confectos iubet alligato fune¹²⁹¹ ad pedes extrahere¹²⁹² ex arce¹²⁹³. Hanc mercedem palatinus retulit¹²⁹⁴, quem praestiterat in Polonia¹²⁹⁵ exulare¹²⁹⁶, quam in¹²⁹⁷ patriam¹²⁹⁸ reversum turpiter interire.

Tartaros, qui tyranno¹²⁹⁹ militabant, erant autem numero aliquot centena equitum, hoc quoque dolo aggressus¹³⁰⁰ est. Iubet omnes per arces divisim¹³⁰¹ hibernatum ire, cumque¹³⁰² in arces assignatas pervenissent, e vestigio iussu tyranni¹³⁰³ in aquis submersi sunt, quorum maiore parte sublata pauci admodum supersunt.

Dux¹³⁰⁴ Osif Scerbatoï¹³⁰⁵ et Georgius Boratinski¹³⁰⁶, qui in Polonia pro Haraburda et Ostrovicio¹³⁰⁷ permutati sunt, cum venissent in Moscoviam¹³⁰⁸, alacri animo eos excepit¹³⁰⁹ rogavitque, ut secum pranderent. Dumque sederent apud mensam, donavit utrique ve-

---

1284 Lithwanis *A*, Lithuanis *B D F*, Litwanis *C*, Lichuanis *E*

1285 docebo *A B C D F*, docevo *E*

1286 coepitque *A C D E F*, cepitque (?) *B*

1287 sagittis *A B D F*, sagitis *C E*

1288 omnibus *B omit.*

1289 sagittis *A B D F*, sagitis *C E*

1290 inhaerentium *A B D F E*, inherentium *C E*

1291 fune *A B C D*, sunt *E*, sunt *corr. in fune F*

1292 extrahere *A B C D*, extrahore *E F*

1293 arce *A B D E F*, arcae *C*

1294 retulit *A B D E F*, retullit *C*

1295 Polonia *A B D E F*, Poloniam *C*

1296 exulare *A B D E F*, exalare *C*

1297 in *B D E F omit.*

1298 patriam *A B C D*, patruam *E F*

1299 tyranno *A B D F*, tyrano *C*, tiranno *E*

1300 aggressus *A B D E F*, agressus *C*

1301 divisim *A B C D F*, divissim *E*

1302 cumque *A B C D*, cunque *E F*

1303 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

1304 dux *A B C E F*, rux *D*

1305 Scerbatoï *A B D*, Serbatoï *C*, Scerbatori *E F*

1306 Boratinski *A C D F*, Boratniski *B*, Boratinslii *E*

1307 Ostrovicio *A B D E F*, Ostrovitio *C*

1308 Moscoviam *A*, Moschoviam *B C D F E*

1309 excepit *A B D E F*, excipit *C*

stem¹³¹⁰ auratam subductam¹³¹¹ cebellinis¹³¹² pellibus et pileis mardurinos¹³¹³ praebibitque illis gratulans reditum pateris argenteis percontans de rebus Polonicis. Osif Scerbato¹³¹⁴, quae vera et ad rem illius temporis accommodata¹³¹⁵ videbantur, referebat¹³¹⁶. Dux vero Georgius Boratinski¹³¹⁷ videri volens cui res Polonicae¹³¹⁸ magis notiores essent, quicquid in buccam venit, impudenter¹³¹⁹ pro veris affirmabat. Inter caetera dixit adeo timere trepidum regem Polonum arma ducis Moscoviae¹³²⁰, ut iam quo se vertat, non habeat, et id genus alia. A prandio surgit tyrannus¹³²¹ a mensa¹³²². Illi vero reduces¹³²³ palatini, qua transiturus erat tyrannus¹³²⁴ constiterunt. Quibus visis substitit quoque et falsum fictumque esse cognoscens vocat Boratinski¹³²⁵: Ehodum dicas iam¹³²⁶ mihi, quam terribilis sim regi¹³²⁷ Polono. Ille respondit: Non tantum, illustrissime¹³²⁸ caesar, tuam personam pertimescit, sed si quis palatinorum tuorum cum signis tuis conspectus in finibus Lithuaniae¹³²⁹ fuerit, trepidus dat terga. Imparem enim agnoscit se, qui tecum armis contendat¹³³⁰. Cumque iam multa incredibilia supra modum referret, mox tyrannus¹³³¹ adulatione cognita respondet¹³³²: Miseret me regis Poloni, quod adeo¹³³³ timidus sit, nec moratus converso¹³³⁴ sermone ad Bo-

1310 vestem *A C D E F*, vellem *B*

1311 subductam *A C D E F*, subduceam *B*

1312 cebellinis *A D E F*, cebillinis *B*, zibellinis *C*

1313 mardurinos *A B E F*, marturinos *C*, marduinos *D*

1314 Scerbato¹³¹⁴ *A B*, Scerbati *C*, Scerbatus (?) *D*, Scerbatos *E F*

1315 accomodata *A D*, accomodata *B C E F*

1316 referebat *A B D E F*, referebantur *corr. in referet (?) C*

1317 Boratinski *A F*, Boratinski *B*, Boratius *C*, Baratinski *D*, Boratinsky *E*

1318 Polonicae *A B C D F*, Poloniae *e E*

1319 impudenter *A B D E F*, imprudenter *C*

1320 Moscoviae *A*, Moschoviae *B C D F*, Moschovie *E*

1321 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1322 mensa *A B C D F*, mensa *E*

1323 reduces *A B D E F*, duces *C*

1324 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1325 Boratinski *A C D F*, Boratinski *B*, Boratinsky *E*

1326 iam *C omit.*

1327 regi *A B C*, rege *D F E*

1328 illme *A B D E F*, illmae *C*

1329 Lithuaniae *A C D F*, Lituaniae *B*, Lithuanie *E*

1330 contendat *A B C D F*, contindat *E*

1331 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1332 respondet *A B D E F*, respondit *C*

1333 adeo *A B C D F*, adio *E*

1334 converso *A B C D F*, conversso *E*

ratinium¹³³⁵ incessit eum¹³³⁶ maledictis¹³³⁷. Perfide, inquit, agnosco tuas versutias et dolos. Arreptoque¹³³⁸ fuste dedolavit caput et terga ipsius, vestem illam donatam excutiens pulveribus¹³³⁹. Qui supplex procidit¹³⁴⁰ ad genua ipsius gratias agens pro castigatione, dicens se noluisse¹³⁴¹ deserere tyrannum¹³⁴², sed semper cupidum fuisse eius, cui etiam vellet operam suam navare perpetuo. Tyrannus respondit: Scio, quod iam me non desereres, non enim te patiar a me abire¹³⁴³. Iterumque verba illa repetens fuste pulsavit terga ipsius, Perfide, inquit, novi tuas technas¹³⁴⁴ et dolos. Alter prudentius consuluit¹³⁴⁵ et vitae et existimationi¹³⁴⁶ suae¹³⁴⁷. Nam interrogatus¹³⁴⁸ parce de rebus Polonicis respondebat, ut omnia possent auditoribus probari. O praeclara munera!

Post discessum¹³⁴⁹ legatorum S. R. Maiestatis¹³⁵⁰ principio Trzeciak¹³⁵¹ fratrem Wiscovati¹³⁵² extorta ab eo pecunia¹³⁵³ securi percussit. Uxoreque¹³⁵⁴ eius comprehensa¹³⁵⁵ iubet adduci ad se. Quae procidit¹³⁵⁶ ad genua tyranni¹³⁵⁷ iussitque eam elevari, dicens: Surge intueri me, pileumque, quem capiti superposuerat, scutica deiecit¹³⁵⁸, quaerens¹³⁵⁹,

---

1335 Boratinum *A B D E F*, Boratinum *C*

1336 eum *A B C E F*, cum *D*

1337 incessit eum maledictis *C omit.*

1338 arreptoque *A B D E F*, areptoque *C*

1339 donatam excutiens pulveribus *A B D F*, donatum excutiens pulveribus *E*, excutiens pulveribus donatam *C*

1340 procidit *A B C E F*, procedit *D*

1341 noluisse *A*, noluisse *B C D E F*

1342 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1343 abire *A B C D*, labire *E F*

1344 technas *A B C D*, tecsnas *F*, fiesnas *E*

1345 consuluit *A C*, respondit *B D E F*

1346 existimationi *A B D E F*, existimationis *C*

1347 suae *A B C*, eius *D E F*

1348 interrogatus *A B C E F*, interrogatus *D*

1349 discessum *A B C D F*, discesum *E*

1350 S. R. Mtis *A*, S. R. M. *B C D E F*

1351 Trzeciak *A C*, Trzeciak *B D E F*

1352 Wiscovati *A*, Viscovati *B C D E F*

1353 pecunia *A B D E F*, peccunia *C*

1354 uxoreque *A B C E F*, uxorique *D*

1355 comprehensa *A B C D F*, comprehensa *E*

1356 procidit *A B E F*, procedit *C D*

1357 tyranni *A B D F*, tyrrani *C*, tiranni *E*

1358 deiecit *A B C D*, derecit *E F*

1359 quaerens *A B D E F*, querens *C*

cuius esset¹³⁶⁰ filia, ex qua familia oriunda. Illa indicavit, cuius esset. Audiens haec manu sublata innuit¹³⁶¹ in satellites. Illi nihil cunctati miseram¹³⁶² vestibus detractis denudant, alius vero¹³⁶³ fune ligatam¹³⁶⁴ insidens equo pertrahit ad profluentem¹³⁶⁵ et suffocat¹³⁶⁶ in aquis.

Theodorus Baskin¹³⁶⁷ nobilis vir in carcerem coniectus erat pro Evangelio Christi. Cumque rescivit tyrannus¹³⁶⁸, iubet eum sisti¹³⁶⁹, obiurgat eum Lutheranismi¹³⁷⁰, promittens multa illi¹³⁷¹ se daturum¹³⁷², si abnegare vellet professam Evangelii doctrinam. Ille respondens ait: Dux magne, ego non curo bona isthaec temporanea gratiamque tibi habeo pro ea liberalitate et munificentia. Magis enim curare nos oportet vitam illam sempiternam, quam praeparavit Filius Dei in se credentibus. Haec debet merito¹³⁷³ esse praecipua¹³⁷⁴ curarum¹³⁷⁵. Ego quoque millies emori malim, quam propter bona ista transitoria amittere aeterna. Tyrannus¹³⁷⁶ instinctu Sathanae iubet eum abripi, dicens: Quandoquidem Evangelicam¹³⁷⁷ doctrinam amplecteris, ibis in ignem. Eductumque extra arcem in¹³⁷⁸ caveam¹³⁷⁹ ligneam impositum¹³⁸⁰ ustulare iubet.

Porro ad mensam tyranni¹³⁸¹, ut quisque obscoenissimus¹³⁸² et impudentissimus est, ita quoque hoc nomine acceptissimus et gra-

---

1360 esset *A C D E F*, esse *B*

1361 innuit *A B D E F*, inuit *C*

1362 miseram *A B C D F*, misserum *E*

1363 vero *C omit.*

1364 ligatam *A B C D F*, ligatum *E*

1365 profluentem *A C*, fluentem *B D E F*

1366 suffocat *A B C D F*, sufocat *E*

1367 Baskin *A B C E F*, Bastkin (?) *D*

1368 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1369 eum sisti *A B D E F*, consisti *C*

1370 Lutheranismi *A C*, Luteranismi *B*, Lutheramsmi *D E F*

1371 illi *C omit.*

1372 daturum *A B C D F*, adaturum *E*

1373 debet merito *A B D E F*, merito debet *C*

1374 praecipua *A B C D F*, praesipua *E*

1375 curarum *A B D E F*, cura *C*

1376 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1377 Evangelicam *A B D E F*, Evangelium *C*

1378 in *B D E F omit.*

1379 caveam *A B C D*, caucam *E F*

1380 impositum *A B C F*, impositam *D*, impositum *E*

1381 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

1382 obscoenissimus *A B D E F*, obscenissimus *C*

tissimus aulicus¹³⁸³ existit¹³⁸⁴. Fuerunt apud tyrannum¹³⁸⁵ duo fratres germani duces Hwozdzowic¹³⁸⁶, alter egit magistrum curiae, sed iam¹³⁸⁷ pestilentia extinctus est post discessum¹³⁸⁸ legatorum S. R. Maiestatis¹³⁸⁹, alter vero agebat cubicularium ducis Moschi, frequensque ad mensam ludere et iocari solitus erat adeo illiberaliter et impudenter, ut prae obscoenitate¹³⁹⁰ et rei turpitudine scribere non deceat¹³⁹¹. Quodam tempore, cum supra modum iocandi genere turpi¹³⁹² et obscoeno¹³⁹³ admodum uteretur, iubet eum a mensa¹³⁹⁴ tyrannus¹³⁹⁵ recedere. Qui cum declinavit a mensa¹³⁹⁶, interea allatum est olus fervens, iterum eum¹³⁹⁷ revocari¹³⁹⁸ ad seque propius tyrannus¹³⁹⁹ accedere iubet. Qui ut accessit¹⁴⁰⁰, inclinavit caput in terram, tyrannus¹⁴⁰¹ olere illo ferventi caput eius perfundit. At ille prae dolore exclamans: Proh¹⁴⁰² Deum, caesar maxime. Vultque secedere a mensa. Tyrannus¹⁴⁰³ cultro correpto apprehendit¹⁴⁰⁴ brachium ipsius cultroque confodit. Acceptoque vulnere saucius labitur in terram, quem¹⁴⁰⁵ astantes¹⁴⁰⁶ sublatus efferunt¹⁴⁰⁷ in atrium. Coepit poeni-

---

1383 aulicus *A C*, aulicis *B D E F*

1384 existit *A B C D*, exestit *E F*

1385 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1386 Hwozdzowic *A*, Hwozdzovic *B D*, Hwozdowicz *C*, Hirozdzoiucz *E*, Hwozdzoiucz *F*

1387 iam *A C D E F*, etiam *B*

1388 discessum *A B C D F*, discesum *E*

1389 S. R. M. *A B D E F*, S. R. Mtis *C*

1390 obscoenitate *A B D E F*, obscenitate *C*

1391 deceat *A B D E F*, liceat *C*

1392 turpi *A B C D*, tarpi *E F*

1393 obscoeno *A D E F*, obscoen[...] *B*, obsceno *C*

1394 a mensa *A B C D F*, amenssa *E*

1395 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1396 a mensa *A B C D F*, amenssa *E*

1397 eum *A B D E F*, illum *C*

1398 revocari *A B D F*, revocare *C*, rebocari *E*

1399 tyrannus *A B D F*, tyrano *C*, tirannus *E*

1400 accessit *A B C D F*, accesit *E*

1401 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1402 proh *A B D E F*, proch *C*

1403 tyrannus *A B D F*, tyrnnus *C*, tirannus *E*

1404 apphendit *A*, appraehendit *B*, apprehendit *C D E F*

1405 quem *A B C D*, quam *E F*

1406 astantes *A B C D*, astentes *E F*

1407 efferunt *A B D F*, afferunt *C*, efferrunt *E*

tere¹⁴⁰⁸ facti tyrannum¹⁴⁰⁹, sed sero, quod miserum¹⁴¹⁰ confodisset, accersitoque medico curam eius haberi¹⁴¹¹ praecipit¹⁴¹². Medicus dum vult medicari¹⁴¹³, offendit¹⁴¹⁴ eum iam mortuum. Reditque ad ducem tyrannum¹⁴¹⁵. Orat iterum tyrannus¹⁴¹⁶, ut illi medeatur. Medicus respondit: Deum¹⁴¹⁷ animam semel infudisse¹⁴¹⁸ homini, se vero cum iam corpus reliquerit, revocare in corpus nulla ratione posse¹⁴¹⁹. Tyrannus¹⁴²⁰ manu innuens¹⁴²¹ dicit: Auferat itaque eum diabolus, quandoquidem noluit reviviscere.

Amor fratrum apud eos nullus, charitas et mutua benevolentia extincta. Fratres enim sese invicem infensis odiis petunt, calumniantur, falso¹⁴²² criminantur apud tyrannum¹⁴²³. Insurgit filius¹⁴²⁴ in patrem, patres vicissim¹⁴²⁵ in filios. Raro videas aliquos familiariter loqui, ita aversantur¹⁴²⁶ sodalitates et convictus amicos omnes¹⁴²⁷. Erant quoque in aula tyranni¹⁴²⁸ duo fratres germani, quorum alter paulo impudentior¹⁴²⁹ histrionem egit, alter habitus¹⁴³⁰ est in numero nobilium. Forte fortuna in colloquiis¹⁴³¹ habitis frater maior¹⁴³² natu iocans appellavit¹⁴³³ histrionem illum nomine eius patrio¹⁴³⁴ Obolin-

---

1408 poenitere *A B C E F*, poemitere *D*

1409 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1410 miserum *A B C D F*, misserum *E*

1411 haberi *A B D E F*, habere *C*

1412 praecipit *A B*, praecepit *C D E F*

1413 medicari *A C*, mederi *B D E F*

1414 offendit *A B D E F*, ostendit *C*

1415 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1416 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1417 Deum *A C D E F*, Deus *B*

1418 infudisse *A B D E F*, infundisse *C*

1419 posse *A B D E F*, potest *C*

1420 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1421 innuens *A B D E F*, innens *C*

1422 falso *A B D*, false *C*

1423 tyrannum *A B D*, tyrrannum *C*

1424 odiis petunt calumniantur falso criminantur apud tyrannum insurgit filius *E F* omit.

1425 vicissim *A B C D F*, vicissem *E*

1426 aversantur *A B C E F*, adversantur *D*

1427 omnes *A B C D*, omes *E F*

1428 tyranni *A B D F*, tyrani *C*, tiranni *E*

1429 impudentior *A B D E F*, impudientior *C*

1430 habitus *A B C D F*, abitus *E*

1431 colloquiis *A B C E F*, cololquiys *D*

1432 maior *A C D E F*, maior maior *B*

1433 appellavit *A B C D*, appelavit *E*, corr. in appllavit *F*

1434 patrio *A B D E F*, primo *C*

ski¹⁴³⁵. Ille indigne ferens id nominis (nam posteaquam¹⁴³⁶ ascriptus est in aulam tyranni¹⁴³⁷, mutato et spreto nomine avito¹⁴³⁸ et paterno vocari se iussit Prozorowski¹⁴³⁹) questus¹⁴⁴⁰ est iniuriam coram tyranno¹⁴⁴¹, quasi famam¹⁴⁴² eius prosciderit¹⁴⁴³, dum eum appellat nomine patrio¹⁴⁴⁴. Tyrannus¹⁴⁴⁵ utrumque¹⁴⁴⁶ remittit¹⁴⁴⁷ ad tribunal nobilium iuris reddundi¹⁴⁴⁸ causa. Morio, ut solitus erat, ducit secum ursum, ibique in iudicio¹⁴⁴⁹ apud iudices emittit ursum in fratrem. Ursus efferus pro innata feritate coepit hominem lacerare et laniare¹⁴⁵⁰ unguibus, illi iudices pugnis¹⁴⁵¹ et fustibus cedere, donec ursus eum dimitteret. Interim vero recedente urso, accurrens¹⁴⁵² morio et suram pedis fratris¹⁴⁵³ prostrati¹⁴⁵⁴ cultro aperit, sanguineque, qui ex vulnere emanavit copiosus, fauces ursi tingit. Ursus gustato sanguine¹⁴⁵⁵ humano irritatus iterum adoritur hominem, arripit, prosternit, lacerat. Tandem misericordia permotus morio fratrem eripere¹⁴⁵⁶ e faucibus ursi conatus est, sed iam furibundum¹⁴⁵⁷ repellere non poterat, traxitque miserum ille ursus in palatium aliud, ubi nuncii¹⁴⁵⁸ principum solent excipi¹⁴⁵⁹. Hanc insignem contumeliam compensare ac resarcire volens frater morio, commendat germanum laniatum¹⁴⁶⁰

1435 Obolinski *A D*, Obolniski *B C*, Obolinsui *E F*

1436 posteaquam *A C*, postquam *B D E F*

1437 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

1438 avito *A B C D*, aiuto *E F*

1439 Prozorowski *A C*, Prosorowski *B D F*, Prosorosossi (?) *E*

1440 questus *A B D E F*, quaeustus *C*

1441 tiranno *A B C D F*, tiranno *E*

1442 famam *A B C D F*, fama *E*

1443 prosciderit *A B D E F*, praesciderit *C*

1444 patrio *A B D*, primo *C*, patico *E F*

1445 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1446 utrumque *A C D E F*, utrunque *B*

1447 remittit *A B C D F*, remittit *E*

1448 reddundi *A D F*, reddendi *B C*, redundi *E*

1449 iudicio *A B D E F*, iuditio *C*

1450 et laniare *D omit.*

1451 pugnis *A B C D*, pinguis *E F*

1452 accurrens *A C D E F*, accurens *B*

1453 pedis fratris *A B D E F*, fratris pedis *C*

1454 prostrati *A B C D F*, postrati *E*

1455 gustato sanguine *A C*, sanguine gustato *B D E F*

1456 eripere *A B C E F*, erripere *D*

1457 furibundum *A B C D F*, fusibundum *E*

1458 nuncii *A B D E F*, nuntii *C*

1459 excipi *A B C E F*, excepi *D*

1460 laniatum *A B C E F*, lainatum *D*

ac laceratum tyranno¹⁴⁶¹. Ascriptusque est in numerum aulicorum tyranni¹⁴⁶².

Erga captivos Polonos¹⁴⁶³ post discessum legatorum S. R. Maie-
statis¹⁴⁶⁴ in die S. Eliae¹⁴⁶⁵ prophetae, quos asservabat¹⁴⁶⁶ in Moscha
urbe tribus turribus inclusos, quo modo sese gessit¹⁴⁶⁷. Prandio iam
incepto¹⁴⁶⁸ post secundas epulas prosilit a mensa tyrannus¹⁴⁶⁹ accla-
mansque¹⁴⁷⁰: Eia Eia¹⁴⁷¹. Omnes se sequi iubet. Propripiunt se omnes
satellites¹⁴⁷² et aulici¹⁴⁷³ et alii¹⁴⁷⁴ mille et quingenti hyposclopeta-
rii¹⁴⁷⁵ ex aula effusi certatim tyrannum¹⁴⁷⁶ insequuntur. Perventum
est ante curiam Petri¹⁴⁷⁷ Serebni¹⁴⁷⁸ imperatoris Moscoviticorum
exercituum¹⁴⁷⁹ mittit Malutam, ut extractum ex aedibus¹⁴⁸⁰ educat,
id quod fecit impiger produxitque miserum¹⁴⁸¹ in aream curiae ibi-
que amputavit caput ipsius et pueri captivi¹⁴⁸² Lithuani¹⁴⁸³ herum¹⁴⁸⁴
subsequentis¹⁴⁸⁵. Quo occiso¹⁴⁸⁶ bona omnia¹⁴⁸⁷ in fiscum tyranni¹⁴⁸⁸
relata sunt. In aliam plateam urbis misit praefectum equorum Bula-

---

1461 tyranno *AB C D F*, tiranno *E*

1462 tyranni *AB C D F*, tiranni *E*

1463 Polonos *AB C D*, Polones *E F*

1464 S. R. M. *AB D E F*, S. R. M. *C*

1465 Eliae *A C D E F*, Heliae *B*

1466 asservabat *AB C D F*, asservavat *E*

1467 gessit *AB C D F*, gesset *E*

1468 incepto *A C*, incepto *B D E F*

1469 tyrannus *AB C D F*, tyrannus *E*

1470 acclamansque *AB D E F*, acclamans *C*

1471 eia eia *AB C D*, erarea (?) *E F*

1472 satellites *AB D E F*, satelles *C*

1473 aulici *AB C D*, avilici *E F*

1474 et alii *C omit.*

1475 hipposclopettarii *A*, hyposclopettarii *B C D*, syposclopettarii *E F*

1476 tyrannum *AB D F*, tyrranum *C*, tirannum *E*

1477 Petri *AB C D*, Petu *E F*

1478 Serebni *AB E F*, Srebni *C*, Serebini *D*

1479 Moscoviticorum exercituum *A*, Moschoviticorum exercituum *B*, Moscovitorum ex-
ercituum *C*, Moschoviticorum *i* (1?) exercituum *D E F*

1480 aedibus *AB C D*, adibus *E F*

1481 miserum *AB C D F*, misserum *E*

1482 captivi *B D E F omit.*

1483 Lithuani *AB D E F*, Litwani *C*

1484 herum *AB D E F*, haerum *C*

1485 subsequentis *AB* subsequentes *C*, subsequentis (?) *D F*, subsiquents *E*

1486 occiso *AB C D F*, occisso *E*

1487 bona omnia *AB D E F*, omnia bona *C*

1488 tyranni *AB C D F*, tiranni *E*

th¹⁴⁸⁹ nomine ad quendam nobilem virum, cuius uxorem ante annum pro foribus suspendi fecerat. Hunc quoque capite truncat, necis¹⁴⁹⁰ artifices caput utriusque ad tyrannum¹⁴⁹¹ adferunt dicentes: Dux maxime¹⁴⁹², factum est, ut imperasti. Ille ovans¹⁴⁹³ exclamat: Hoyda, Hoyda¹⁴⁹⁴, acclamante eidem reliqua turba carnificum.

Ex eo loco profectus ad ergastula, ubi detinebantur captivi¹⁴⁹⁵ Poloni, cumque non procul abesset a carcere, occurrit¹⁴⁹⁶ illi mercator quidam, visoque tyranno¹⁴⁹⁷ retulit gradum, quem prosequi miserum¹⁴⁹⁸ tyrannus¹⁴⁹⁹ iubet prehensumque¹⁵⁰⁰ secari in partes. Progressus ulterius sub ipsis¹⁵⁰¹ turribus¹⁵⁰² obviam factus est custos carceris, qui conspecto tyranno¹⁵⁰³ similiter refugit, iussit eum quoque capi. Quaerens causam¹⁵⁰⁴ fugae, ille respondit prae¹⁵⁰⁵ timore fecisse. Ne timeas amplius, dixit, efficiam, iubetque eum dissecari¹⁵⁰⁶ ante oculos.

Ubi ventum est ad carceres, in quibus erant capti Poloni, custodes iubet ocyus¹⁵⁰⁷ reserare carcerem. Ille tremulis manibus vix reserare prae metu potest¹⁵⁰⁸, iterum inclamat: Aperi, aperi ocyus¹⁵⁰⁹. Apertis foribus accedunt nobiles, qui custodiebant vinctos, dicitque ad eos: Huc huc educite¹⁵¹⁰ vinctos, illi vero corripiunt, quicumque¹⁵¹¹

-
- 1489 Bulath *A*, Balath *B C D E F*
 1490 necis *A B C D*, neces *E F*
 1491 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*
 1492 maxime *A B C D F*, magime *E*
 1493 ovans *A B C E F*, ocrans *D*
 1494 hoyda, hoyda *A B D F*, hoida, hoida *C*, hoida *E*
 1495 captivi *A B C D*, captim *E F*
 1496 occurrit *A B D E F*, occurit *C*
 1497 tyranno *A B D F*, tyrano *C*, tiranno *E*
 1498 miserum *A B C D F*, misserum *E*
 1499 tyrannus *A B C D F*, tirannos *E*
 1500 praehensumque *A B C*, prehensumque *D E F*
 1501 ipsis *A B D E F*, ipsius *C*
 1502 turribus *A B D E F*, turibus *C*
 1503 tyranno *A B C D F*, tiranno *E*
 1504 causam *A C D E F*, caussam *B*
 1505 prae *A B C E F*, pro *D*
 1506 dissecari *A B D F*, disecari *C*, dissecari *E*
 1507 ocyus *A*, ocius *B D E F*, otius *C*
 1508 prae metu potest *A C D E F*, potest prae metu *B*
 1509 ocyus *A*, ocius *B D E F*, otius *C*
 1510 educite *A C*, producite *B D E F*
 1511 quicumque *A B C D F*, quicumque *E*

se offert¹⁵¹² citra delectum¹⁵¹³, producuntque Paulum Bykowski¹⁵¹⁴. Tyrannus¹⁵¹⁵ e vestigio lanceam intorsit¹⁵¹⁶ in pectus eius. Ille miser¹⁵¹⁷ manibus adactam lanceam conabatur¹⁵¹⁸ eripere multum luctatus e¹⁵¹⁹ manu tyranni. Tyrannus¹⁵²⁰ vocat filium in auxilium, qui lancea alia, quam gestabat, transfixit pectus ipsius¹⁵²¹, qui in terram concidens moritur.

Deinde alterum educunt Albertum Boguczki¹⁵²², hunc quoque lancea transfigit tyrannus¹⁵²³. Tertio educunt Bezam¹⁵²⁴ Bohemum¹⁵²⁵, hunc quoque lancea perforavit. Hisce tribus interfectis¹⁵²⁶ exclamat: Hoyda, hoyda¹⁵²⁷, acclamantibus quoque circumstantibus satellitibus similiter¹⁵²⁸.

Intromissis satellitibus¹⁵²⁹ in carcerem secari¹⁵³⁰ iubet omnes qui supererant captivi¹⁵³¹. Sectique sunt 55. Dum illi¹⁵³² satellites occupantur¹⁵³³ interficiendis illis, tyrannus¹⁵³⁴ proficiscitur ad alteram turrim¹⁵³⁵ ibique principio tres ipse¹⁵³⁶ manu propria confodit. Primum Racusam¹⁵³⁷ nobilem virum et generum ipsius Iacobum

---

1512 offert *A B C D F*, ofert *E*

1513 delectum *A B D E F*, delictum *C*

1514 Bykowski *A B D F*, Bikowski *C*, Bikoroski *E*

1515 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1516 intorsit *A B C D*, introsit *E F*

1517 miser *A B C D F*, misser *E*

1518 conabatur *A B C D F*, conavatur *E*

1519 e *A B F*, a *C D E*

1520 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1521 ipsius *A B C D F*, ipius *E*

1522 Boguczki *A C*, Bogucki *B D E F*

1523 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1524 Bezam *A B D E F*, Bezem *C*

1525 Bohemum *A B D*, Bochemum *C*, Boemum *E F*

1526 interfectis *A B C D F*, interfectis *E*

1527 hoyda, hoyda *A B D E F*, hoida, hoida *C*

1528 circumstantibus satellitibus similiter *A C*, similiter circumstantibus satellitibus *B*, circumstantibus satellitibus similiter *D E F*

1529 intromissis satellitibus *A C D F*, quibus intromissis *B*, intromissis satellitibus *E*

1530 secari *A B C E F*, seccari *D*

1531 captivi *A B C E F*, captivis *D*

1532 illi *A C D E F*, illis *B*

1533 occupantur *A B C D F*, occupantur *E*

1534 tyrannus *A B D E F*, tyranus *C*

1535 turrim *A B D E F*, turim *C*

1536 ipse *A B C D F*, ipsse *E*

1537 Racusam *A C F*, Ratusam *B D*, Raecusam *E*

Molscium alterum, tertium vero quendam¹⁵³⁸ ignobilem. Reliquos satellites dissecarunt, quorum¹⁵³⁹ erant numero quoque 55 cum uxoribus et liberis. Nam et infantibus vix ante triduum¹⁵⁴⁰ aeditis in lucem non pepercit¹⁵⁴¹.

Ad tertiam turrim¹⁵⁴² venit et¹⁵⁴³ ex ea omnes captivos similiter interficit¹⁵⁴⁴ numero 55¹⁵⁴⁵.

Post patratam huiusmodi crudelitatem recipit¹⁵⁴⁶ se in arcem ac ibi usque¹⁵⁴⁷ ad vesperam totum¹⁵⁴⁸ diem laetus peragit¹⁵⁴⁹ in tubis et tympanis¹⁵⁵⁰ canere iubens. Corpora interfectorum sole occiduo¹⁵⁵¹ sub primam facem missis rusticis in plaustra imponi et ad cimiterium¹⁵⁵², ubi peregrinorum sepultura¹⁵⁵³ fit, deduci et sepeliri iubet. Mulier quaedam¹⁵⁵⁴ latitans inter cadavera viva remanserat rogavitque rusticos illos, ut eam paterentur libere abire, sed precibus¹⁵⁵⁵ irritis ipsam quoque vivam inter cadavera mortuorum iniectam sepeliunt¹⁵⁵⁶.

Superfuerunt adhuc duo¹⁵⁵⁷ captivi Poloni, alter servitor capitanei Ciecierski¹⁵⁵⁸ nomine Andreas Moczarszewski¹⁵⁵⁹, alter¹⁵⁶⁰ vero servus domini Stabrowski¹⁵⁶¹. Quam primum eos superesse rescivit, postero die capite eos plecti iussit.

1538 quendam *A C D F*, quemdam *B*, quenbam *E*

1539 quorum *A C D E F*, qui *B*

1540 triduum *A B C D*, tuduum *E F*

1541 pepercit *A B C D F*, pepereit *E*

1542 turrim *A B D E F*, turim *C*

1543 et *C E F* omit.

1544 interficit *A B E F*, interfecit *C D*

1545 55 *A B D E F*, quinquaginta quinque *C*

1546 recipit *A B D F*, recepit *C*, rescipit *E*

1547 usque *B D E F* omit.

1548 totum *A B D E F*, totam *C*

1549 peragit *A B D E F*, peregit *C*

1550 tympanis *A B D F*, tibicinis timpanis *C*, timpanis *E*

1551 occiduo *A B C D*, ocriduo *E F*

1552 cimiterium *A D E F*, caemiterium *B*, cemiteria *C*

1553 sepultura *A B C D*, sopultura *E F*

1554 quaedam *A B D E F*, quedam *C*

1555 precibus *A B D E F*, praecibus *C*

1556 sepeliunt *A B D E F*, sepelivit *C*

1557 duo *B D E F* omit.

1558 Ciecierski *A B F*, Cziecierski *C*, Ciecirski *D*, Ciecierstei *E*

1559 Moczarszewski *A C*, Moczarszewski *B*, Moczarszewski *D*, Moczarszewski *E F*

1560 alter *A B C D*, aler *E F*

1561 Stabrowski *A B C*, Stabrenski *D*, Stabronski *E*, Stabronski *F*

TYRANNIS¹⁵⁶² IN NOBILES¹⁵⁶³

Die festo S. Iacobi apostoli mittit¹⁵⁶⁴ spiculatores¹⁵⁶⁵ in forum urbis Moschae, qui iussi¹⁵⁶⁶ infodere palos in terram plus minus 20 praegrandes¹⁵⁶⁷, illis palis alligabant¹⁵⁶⁸ tigna¹⁵⁶⁹ transversum extremitatibus utrinque vicinum palum contingentibus. Populus civitatis rei novitate perterritus¹⁵⁷⁰ abscondere se coepit¹⁵⁷¹. Carnifices pone¹⁵⁷² palos ignem accendunt¹⁵⁷³ ahenumque pensile seu lebetem aqua repletum super igne appendunt, bullitque aqua horis aliquot. Ponunt quoque e regione lebetis hydriam¹⁵⁷⁴ aquae frigidae. Praeparatis his venit tyrannus cum suis aulicis et satellitibus in forum urbis armatus, lorica indutus¹⁵⁷⁵, galea super caput posita cum arcu et pharetra atque securi. Satellites¹⁵⁷⁶ quoque ipsius similiter armantur¹⁵⁷⁷. Quos subsequebantur¹⁵⁷⁸ 1000 et quingenti¹⁵⁷⁹ hipposclopettarii¹⁵⁸⁰ equites¹⁵⁸¹ steteruntque¹⁵⁸² omnes circumcirca in circuitu. Ipse vero tyrannus in corona illorum in parte illa stetit, ubi pendeat¹⁵⁸³ ahenum¹⁵⁸⁴ cum aqua. Continuo¹⁵⁸⁵ adducunt 300 Moschos vinetos viros nobiles¹⁵⁸⁶ ex antiquis¹⁵⁸⁷ familiis progenitos, plerosque miserabile visu, ita debi-

---

1562 tyrannis *A B D E F*, tiiranus *C*

1563 nobiles *A B C D F*, noviles *E*

1564 mittit *A B C D F*, mitit *E*

1565 spiculatores *A C D E F*, speculatores *B*

1566 iussi *A B E F*, iussit *C D*

1567 praegrandes *A B D E F*, pregrandes *C*

1568 alligabant *A B C D F*, alligabat *E*

1569 tigna *A B D*, signa *C*, ligna *E F*

1570 perterritus *A B D E F*, perteritus *C*

1571 coepit *A B C D F*, saepit *E*

1572 pone *A B D E F*, penes *C*

1573 accendunt *A B C E F*, accedunt *D*

1574 hydriam *A*, hidriam *B C D E F*

1575 indutus *A B C E F*, inductus *D*

1576 satellites *A B C D F*, satellitis *E*

1577 armantur *A B C D*, animantur *E F*

1578 subsequebantur *A B D E F*, subsequebant *C*

1579 1000 et quingenti *A C D E F*, 1500 *B*

1580 hipposclopettarii *A*, hyposclopettarii *B E F*, hyposclopettarii *C*, hysposclopettarii *D*

1581 equites *A B C D F*, equitis *E*

1582 steteruntque *A C*, sternunturque *B D E F*

1583 pendeat *A B C D F*, pendeat *E*

1584 ahenum *A B C*, ahemuni *D*, ahemuni *E F*

1585 continuo *A C D*, continue *B E F*

1586 nobiles *A B C D F*, noviles *E*

1587 ex antiquis *E F omit.*

litatos ac pene enectos¹⁵⁸⁸, ut vix spirare potuerint, aliis pedes, aliis manus praefractas in tortura videres. Quos omnes sistunt coram tyranno¹⁵⁸⁹. Qui populum videns trepidum aversantemque tantam crudelitatem discurrebat¹⁵⁹⁰ in equo populum adhortans, ne timeret, iubet, ut accedant propius spectatum. In animo constituisse quidem omnes civitatis incolas perdere¹⁵⁹¹, sed iram iam ab eis recessisse¹⁵⁹² suam. Auditis his populus¹⁵⁹³ propius accedit, alii vero tecta aedium ascendunt. Iterum redit ad plebem¹⁵⁹⁴, stansque in medio plebis¹⁵⁹⁵ rogat, num recte faciat, quod suos proditores sit puniturus. Populus acclamat voce magna: Vive caesar optime, bene facis, qui secundum opera in proditores animadvertis¹⁵⁹⁶. Ille reversus in loco suo constitit¹⁵⁹⁷ iubetque produci in medium 184 viros dixitque ad suos nobiles, qui remotius stabant ab¹⁵⁹⁸ illa corona satellitum: En habetis, hos dono vobis¹⁵⁹⁹, accipite, abducite¹⁶⁰⁰ vobiseum, nihil iuris habeo in ipsos. Dimissique¹⁶⁰¹ sunt ex corona illa circumstantium¹⁶⁰² ad cohortem¹⁶⁰³ nobilium.

Statim prodiit¹⁶⁰⁴ in medium Basilius Scolcanow¹⁶⁰⁵ notarius tyranni¹⁶⁰⁶ cum catalogo¹⁶⁰⁷ bene longo recensens ex ordine inscriptos. Producique¹⁶⁰⁸ in conspectum iubet Ioannem Michalovicz¹⁶⁰⁹ secretarium tyranni¹⁶¹⁰ ac vicethesaurarium, obiiciens illi iuxta¹⁶¹¹ se-

1588 enectos *ABDEF*, erectos *C*

1589 tyranno *ABCDF*, tiranno *E*

1590 discurrebat *ABDEF*, discurebat *C*

1591 perdere *ABCD*, perperdere *EF*

1592 recessisse *ABD*, recepisce *C*, rescessisse *E*, recessisse *F*

1593 populus *ABCDF*, populos *E*

1594 plebem *ABCDF*, plevem *E*

1595 plebis *ABCDF*, plevis *E*

1596 animadvertis *ABCD*, admadvertis *EF*

1597 constitit *ABCD*, consistit *EF*

1598 ab *ABDEF*, ubi *C*

1599 vobis *ABCDF*, vovis *E*

1600 accipite abducite *ABDEF*, accipite et abducite *C*

1601 dimissique *ABCDF*, dimisique *E*

1602 circumstantium *ACDEF*, circumstantium *B*

1603 cohortem *ACDEF*, coronam *B*

1604 prodiit *ABCEF*, prodidit *D*

1605 Scolcanow *ABC*, in Scolcanow *D*, Scolcancto *E*, Scolcanotu (?) *F*

1606 tyranni *ABC*, tyrannus *corr. in* tyranni *D*, tiranni *E*

1607 catalogo *ABDEF*, cathalogo *C*

1608 producique *ABCDF*, productique *E*

1609 Michalovicz *ABD*, Michalowicz *C*, Michaloivct *E*, Michaloivcz *F*

1610 tyranni *ABCDF*, tiranni *E*

1611 secretarium tyranni ac vicethesaurarium obiiciens illi iuxta *C omit.*

riem catalogi¹⁶¹² perfidiam et fraudem, quaerens¹⁶¹³ occasionem¹⁶¹⁴ et causam¹⁶¹⁵ mortis in hunc modum: Ioannes secretarius magni ducis perfidus perfide egit¹⁶¹⁶. Scripsit enim ad regem Poloniae, tradere promittens illi¹⁶¹⁷ arces Novogrodensem¹⁶¹⁸ et Pscoviensem¹⁶¹⁹. Haec est prima tuae fraudis et perfidiae nota, percussitque illius caput scutica, vocans eum perfidum et infidelem. Altera nota perfidiae et fraudis: scripsisti¹⁶²⁰ ad caesarem Turcarum¹⁶²¹ monens, ut mitteret exercitus ad Casan et ad Chaystarochan¹⁶²², haec est altera fraus et perfidia¹⁶²³ tua. Tertio scripsisti ad caesarem Praecopensem¹⁶²⁴ seu Tauricum, ut vastaret igni¹⁶²⁵ et ferro ditiones ducis magni¹⁶²⁶. Ille cum exercitu irruptione¹⁶²⁷ facta magnum damnum dedit incolis¹⁶²⁸ terrae¹⁶²⁹ Moscoviae¹⁶³⁰. Tuque cum sis autor¹⁶³¹ tanti mali convictus es perfidiae et fraudis factae¹⁶³² in principem¹⁶³³ tuum¹⁶³⁴, tertioque¹⁶³⁵ caecidit¹⁶³⁶ eum flagello.

Respondit Ioannes Michalowicz¹⁶³⁷: Deum testor, maxime¹⁶³⁸ caesar, me huius criminis, cuius accusor¹⁶³⁹, non esse reum¹⁶⁴⁰ neque

-
- 1612 catalogi *A B D E F*, cathalogi *C*
1613 quaerens *A B D F*, querens *C E*
1614 occasionem *A B C D F*, ocasionem *E*
1615 causam *A C D E F*, caussam *B*
1616 egit *A B D E F*, aegit *C*
1617 promittens illi *A C*, illi promittens *B D E F*
1618 Novogroden *A B D E F*, Nowogroden *C*
1619 Pscovien *A B C D F*, Pescovien *E*
1620 scripsisti *A C*, scripsit *B D*, scriptit *E*, scrip...t (?) *F*
1621 Turcarum *A B D E F*, Tartarum *C*
1622 Chaystarochan *A B*, Chaystarahan *C*, Chaystarocham *D E F*
1623 perfidia *A B C D*, perfida *E F*
1624 Praecopen *A B D F*, Precopen *C*, Praecopem *E*
1625 igni *A C D E F*, igne *B*
1626 magni *A B C D F*, magne *E*
1627 irptione *A*, irruptione *C*, irreptione *B D E F*
1628 intolis *A*, incolis *B C D F*, incollis *E*
1629 terrae *A B C D F*, terre *E*
1630 Moscoviae *A B D F*, Moschoviae *C E*
1631 autor *A C*, author *B D E F*
1632 factae *A B C D*, facte *E F*
1633 principem *A B D E F*, patriam *C*
1634 tuum *A B D E F*, tuam *C*
1635 tertioque *A B D E F*, tertio *C*
1636 caecidit *A B D E F*, cecidit *C*
1637 Michalowicz *A C*, Michalovicz *B D F*, Michaloviet *E*
1638 maxime *A B D E F*, maximae *C*
1639 accusor *A B C E F*, acusor *D*
1640 reum *A B C D*, rerum *E F*

conscium, sed semper fideliter, ut decet¹⁶⁴¹ fidelem subditum tibi¹⁶⁴² serviri¹⁶⁴³. Deo ego committo, cui peccavi¹⁶⁴⁴, causam meam, illi iudicium¹⁶⁴⁵ permitto¹⁶⁴⁶, qui meam causam et tuam iudicabit¹⁶⁴⁷ in futuro saeculo¹⁶⁴⁸. Tu vero quoniam sitis meum sanguinem, effunde hunc licet innocentem, ede et bibe ad satietatem¹⁶⁴⁹. Satellites accedunt, hortantur, confiteri potius velit delictum, imploretque¹⁶⁵⁰ gratiam et misericordiam principis. Ille respondet¹⁶⁵¹: In rem malam vos abite cum vestro tyranno¹⁶⁵², vos qui estis pernities¹⁶⁵³ hominum et potatores¹⁶⁵⁴ sanguinis humani. Vestrum est mendacium¹⁶⁵⁵ dicere et criminari¹⁶⁵⁶ innocentes, sed et vos iudicabit¹⁶⁵⁷ Deus, proque vestris operibus luetis poenas condignas in futuro saeculo¹⁶⁵⁸.

Dat manu signum tyrannus¹⁶⁵⁹ dicens: Prehendite¹⁶⁶⁰ eum. Illi acceptum exuunt¹⁶⁶¹ vestibis alligantque sub alas ad contignationes¹⁶⁶² sicque pendulum relinquunt. Accedit ad tyrannum Maluta rogans: Quinam de eo deberet sumere¹⁶⁶³ supplicium¹⁶⁶⁴? Tyrannus¹⁶⁶⁵ respondet: Perfidus quisque perfidum occidat¹⁶⁶⁶. Accurrensque¹⁶⁶⁷ Maluta

-
- 1641 decet *A B C D F*, decit *E*
 1642 tibi *A B C D F*, tivi *E*
 1643 serviri *A C*, servivi *B D E F*
 1644 peccavi *A B C D F*, pecavi *E*
 1645 iudicium *A B D E F*, iuditium *C*
 1646 permitto *A B C D F*, permito *E*
 1647 iudicabit *A B C D F*, iudicavit *E*
 1648 saeculo *B D E F*, seculo (?) *A C*
 1649 satietatem *A B D*, sacietatem *C*, sanitatem *E F*
 1650 improretque *A*, imploretque *B C D F E*
 1651 respondet *A B D E F*, respondit *C*
 1652 tyranno *A B D F*, tyrano *C*, tiranno *E*
 1653 pernities *A*, perniciēs *B C E F*, permicies *D*
 1654 potatores *A B D E F*, peccatores *C*
 1655 mendacium *A B D E F*, mendatium *C*
 1656 et criminari *A B C E F*, etriminari (?) *D*
 1657 iudicabit *A B C D F*, iudicavit *E*
 1658 saeculo *B C*, seculo *A D E F*
 1659 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*
 1660 phendite *A*, praehendite *B*, apprehendite *C*, prehendite *D E F*
 1661 exuunt *A B C D*, exiunt *E F*
 1662 contignationes *A B D E F*, consignationes *C*
 1663 sumere *A B D*, summere *C E F*
 1664 supplicium *A B D E F*, supplitium *C*
 1665 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*
 1666 occidat *A B D E F*, occidat *C*
 1667 accurrensque *A B C D*, occurrensque *E F*

pendenti abscidit nasum conscenditque equum¹⁶⁶⁸. Alter accurrit¹⁶⁶⁹ et abscidit auriculam eius, itaque ordine¹⁶⁷⁰ singuli¹⁶⁷¹ procedentes membratim illum proscindunt. Postremo accurrens quidam scriba tyranni¹⁶⁷² Ivan¹⁶⁷³ Renuth¹⁶⁷⁴ praecidit illi virilia subitoque miser expiravit. Quo viso¹⁶⁷⁵ inclamavit tyrannus¹⁶⁷⁶ videns eum absciso¹⁶⁷⁷ membro emori dicens: Tu quoque brevi bibiturus es eundem calicem, quem ipse¹⁶⁷⁸ bibit. Coniectura enim colligebat Renutam misertum illius virilia praecidisse¹⁶⁷⁹, ut eo citius moreretur¹⁶⁸⁰. Periturusque erat ipse eodem mortis¹⁶⁸¹ genere, nisi ante tempus¹⁶⁸² peste mortuus fuisset. Corpore itaque illo religato¹⁶⁸³ depositoque caput eius mutilatum auribus et naso praeciditur¹⁶⁸⁴, corpus reliquum satellites concidunt in frustra¹⁶⁸⁵.

Nicolaus Funicow¹⁶⁸⁶ vicethesaurarius¹⁶⁸⁷ ipsius tyranni¹⁶⁸⁸ alter collega huius interfecti, ex antiqua familia ortus, qui loco et¹⁶⁸⁹ dignitate anteibat¹⁶⁹⁰ caeteros, hunc produci iubet notarius praedictus¹⁶⁹¹ recitatque eius malefacta perfidiae similiter accusans. Ille miser respondit breviter se quidem deliquisse¹⁶⁹² in Deum, sed in

-
- 1668 equum *A B C D F*, equam *E*
 1669 accurrit *A B D E F*, accurit *C*
 1670 ordine *A B D E F*, ordinatione *C*
 1671 singuli *A B D E F*, singulari *C*
 1672 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*
 1673 Ivan *A B D E F*, Iwan *C*
 1674 Renuth *A B D E F*, Rewth *C*
 1675 viso *A B C D F*, visso *E*
 1676 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*
 1677 absciso *A B C D F*, abscisso *E*
 1678 ipse *A B D F*, ipsi *C*, ipsse *E*
 1679 praecidisse *A B C D F*, praesidisse *E*
 1680 moreretur *A B D E F*, moriretur *C*
 1681 mortis *A B C*, mortis (?) *D*, mortem *E F*
 1682 tempus *C omit.*
 1683 religato *A B C E F*, religato *D*
 1684 praeciditur *A B D E F*, praecidit *C*
 1685 frustra *A D E F*, frustra *C*, frust... (?) *B*
 1686 Funicow *A B C D*, Funicotr *E F*
 1687 vicethesaurarius *A B C D*, vicethesauneri *E F*
 1688 tyranni *A B D F*, tyrranni *C*, tiranni *E*
 1689 et *A B C D*, de *E F*
 1690 anteibat *A B C D*, anteiebat *E F*
 1691 pdictus *A*, pdus *B*, praedictus *C D F*, predictus *E*
 1692 deliquisse *A B D E F*, delinquisse *C*

principem nullum unquam¹⁶⁹³ crimen admisisse¹⁶⁹⁴ nec conscium¹⁶⁹⁵ esse ullius criminis, cuius accusatur. Animam tyranni¹⁶⁹⁶ passuram esse, quod se occidat innocentem. Respondit tyrannus¹⁶⁹⁷ inquit: Non mea manu peribis neque meo¹⁶⁹⁸ instinctu¹⁶⁹⁹ aut potius auctore¹⁷⁰⁰, sed collegae tui¹⁷⁰¹, illi enim¹⁷⁰² audiens fuisti, ex illo pendebas totus. Etiam si nihil deliqueris¹⁷⁰³, nihilominus gessisti¹⁷⁰⁴ illi morem, pereundum est itaque utrique. Signo dato carnifices eum¹⁷⁰⁵ abreptum ad supplicium¹⁷⁰⁶ alligant similiter, sicut et ante eius collegam, acceptoque cantaro aquae satelles frigidae¹⁷⁰⁷ perfundit eum, alter vero aqua bullienti tamque atrociter perfundunt nunc frigida nunc¹⁷⁰⁸ calida, quousque expiravit.

Produci tertium¹⁷⁰⁹ iubet cocum suum eodemque mortis genere multat¹⁷¹⁰ calumniatus eum, quod accepisset 50 argenteos a Wlodimiro fratre, ut tyrannum¹⁷¹¹ veneno necaret. Cuius in animum miseri nunquam¹⁷¹² id subierat, immo¹⁷¹³ ipse tyrannus¹⁷¹⁴ veneno dato interfecit fratrem patruelem Wlodimirum suo crimine in cocum reiecto, quem occidi quoque iussit.

Quartum producent Gregorium Sabkinum¹⁷¹⁵ notarium cum uxore et duobus filiis, descenditque ex equo dux Basilius¹⁷¹⁶ Temkin¹⁷¹⁷,

---

1693 unquam *A B C D*, imquam *E F*

1694 admisisse *A B C D F*, admississe *E*

1695 conscium *A B C D F*, consiium *E*

1696 tyranni *A C*, ipsius tyranni *B D F*, ipsius tiranni *E*

1697 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1698 meo *A B C D*, mea *E F*

1699 instinctu *A B C D*, instructu *E*, instinctu *corr. in instructu F*

1700 auctore *A*, authore *B C D F E*

1701 tui *A B D E F*, tu *C*

1702 illi enim *A B D E F*, enim illi *C*

1703 deliqueris *A B D E F*, delinqueris *C*

1704 gessisti *A B C D*, gesisti *E F*

1705 eum *A B C D F*, cum *E*

1706 supplicium *A B D E F*, supplitium *C*

1707 satelles frigidae *A B D*, frigidae satellites *C*, satelles frigide *E F*

1708 nunc *A B C E F*, nuc *D*

1709 tertium *A C D E F*, turtium (?) *B*

1710 multat *A D E F*, multtat (?) *B* multtat *C*

1711 tyrannum *A B D F*, tyranum *C*, tirannum *E*

1712 nunquam *A B D E F*, unquam *C*

1713 immo *A C*, imo *B D E F*

1714 tyrannus *A B C D F*, tirannus *E*

1715 Sabkinum *A B D E F*, Sabcinum *C*

1716 Basilius *A B C D F*, Bassilius *E*

1717 Temkin *A B E F*, Themhim *C*, Tenkim *D*

qui permutatus erat pro captivo palatino Polocensi¹⁷¹⁸ Dowoyna¹⁷¹⁹,
frameaque¹⁷²⁰ districta abscidit caput Gregorii et uxoris cum duobus
filiis ordineque truncatos reposuit ante pedes tyranni¹⁷²¹.

Quintum producunt Ioannem Bolhakowa¹⁷²² notarium¹⁷²³ cum
uxore, quem Ioannes Petrovicz¹⁷²⁴, qui nunc profectus est¹⁷²⁵ ad
obsidendam Revaliam¹⁷²⁶ cum Magno, capite truncavit cum uxore
nudatumque utrumque¹⁷²⁷ ad talos usque ante tyrannum¹⁷²⁸ reposuit.

Sextum producit nobilem notarium tyranni¹⁷²⁹ Basilium Stepha-
ni. Descendit quoque alius ex equo¹⁷³⁰ et caput eius abscidit¹⁷³¹.

Sic ex ordine iuxta seriem catalogi¹⁷³² producebantur interficien-
di vincti, quorum ceciderunt 116. Quilibet autem satellitum¹⁷³³ capite
absciso viri ibat triumphans¹⁷³⁴ ad tyrannum¹⁷³⁵ extensa¹⁷³⁶ framea
sanguinolenta.

Novissime vero adducunt quendam¹⁷³⁷ senem semimortuum¹⁷³⁸
prae timore, quem in manibus satellitum haerentem, non poterat
enim subsistere pedibus, tyrannus¹⁷³⁹ hasta transegit. Non contentus
uno ictu, qui letalis¹⁷⁴⁰ illi seni fuit, sedecim ictus ingeminavit. Post¹⁷⁴¹

1718 Polocen *A C*, Plocen *B D*, Nocen *E F*

1719 Dowoyna *A B D F*, Dowoina *C*, Donoina *E*

1720 frameaque *A B C E F*, frameoque *D*

1721 tyranni *A B C D F*, tiranni *E*

1722 Bolhakowa *A B C D F*, Bolhakotra *E*

1723 notarium *C omit.*

1724 Petrovicz *A B D F*, Petrovicz *C*, Petroviet *E*

1725 est *E F omit.*

1726 Revaliam *A B C D F*, Rebaliam *E*

1727 utrumque *A B C D*, utrumque *E F*

1728 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1729 tyranni *A B D F*, tyrani *C*, tiranni *E*

1730 ex equo *A B C D*, ex quo *E F*

1731 abscidit *A B C D*, abscidet *E F*

1732 catalogi *A D E*, cataloghi *B*, cathalogi *C*, catulogi *F*

1733 satellitum *A B C D*, satellitem *E*, satellitem *corr. in* satellitum *F*

1734 capite absciso viri ibat triumphans *A B F*, ibat triumphans capite absciso viri *C*, ca-
pate absciso viri ibat tryumphans *D F*, capite abscisso viri ibat triumphans *E*

1735 tyrannum *A B C D F*, tirannum *E*

1736 extensa *A B C D F*, extenssa *E*

1737 quendam *A C E F*, quemdam *B*, quendum *D*

1738 semimortuum *A B C D*, seminortuum *E F*

1739 tyrannus *A B D F*, tyranus *C*, tirannus *E*

1740 letalis *A*, lethalis *B D E F*, laetalis *C*

1741 post *A B D E F*, postea *C*

iussit caput abscidi. Hanc autem tyrannidem¹⁷⁴² intra 4¹⁷⁴³ horarum spatium¹⁷⁴⁴ patravit. His confectis¹⁷⁴⁵ proficiscitur in curiam suam. Corpora autem interfectorum spoliata ac nudata iacebant humi in medio foro ad vesperam, quae postea iussit extra civitatem asportari¹⁷⁴⁶, in unamque foveam abiici sepelienda.

Tertio die post crudelitatem istam iubet¹⁷⁴⁷ adduci¹⁷⁴⁸ in eandem aream¹⁷⁴⁹ novem filios nobilium¹⁷⁵⁰ iuvenes admodum, quibus Maluta cum aliis aulicis caput praecidit. Corpora eorum iacebant in septimum usque diem non sepulta, praedaque fuere canibus, nam dilaniata ac¹⁷⁵¹ discerpta passim inter canes inveniebantur.

Paulo post comprehendi¹⁷⁵² quoque iubet uxores et filias¹⁷⁵³ interfectorum 80¹⁷⁵⁴ fere, quas in aquas¹⁷⁵⁵ praecipitari mandavit. Reliqua pars captivorum quo quo se verterit cum¹⁷⁵⁶ aula ducitur. Suntque numero fere¹⁷⁵⁷ 500, quorum singulis diebus pro arbitrato suo aliquando viginti¹⁷⁵⁸, aliquandoque¹⁷⁵⁹ triginta¹⁷⁶⁰ interfici iubet vario genere mortis miseris¹⁷⁶¹ excrucians¹⁷⁶².

Breviter Moscham civitatem ita depopulatus est igni¹⁷⁶³ et ferro, ut aliquot millia¹⁷⁶⁴ aedium¹⁷⁶⁵ desertarum¹⁷⁶⁶ conspiciantur, cum

-
- 1742 tyrannidem *ABDF*, tyranidem *C*, tirannidem *E*
 1743 4 *ACDEF*, 4or *B*
 1744 spacium *A*, spatium *BCDEF*
 1745 confectis *ABCD*, confectus *EF*
 1746 asportari *ABCEF*, apportari *D*
 1747 iubet *ABDEF*, iussit *C*
 1748 adduci *ABCDF*, abduci *E*
 1749 aream *ABCF*, areani *D*, auream *E*
 1750 nobilium *ABCDF*, novilium *E*
 1751 ac *ABDEF*, et *C*
 1752 comphendi *A*, compraehendi *B*, comprehendi *CDEF*
 1753 filias *ABCDF*, filius *E*
 1754 80 *ABDEF*, 30 *C*
 1755 aquas *ABCEF*, aqua *D*
 1756 cum *ABCD*, eum *EF*
 1757 numero fere *ADEF*, fere numero *BC*
 1758 viginti *ACDEF*, 20 *B*
 1759 aliquandoque *ABEF*, aliquando *CD*
 1760 triginta *AC*, 30 *BCDEF*
 1761 miseris *ABCEF*, inseros (?) *D*
 1762 excrucians *ABEF*, excrutians *C*, exorucians (?) *D*
 1763 igni *ACDEF*, igne *B*
 1764 millia *ABCD*, milia *EF*
 1765 aedium *ABCDF*, edium *E*
 1766 desertarum *ADEF*, desertarrum *B*, disertarum *C*

in eis non sit, qui inhabitet. Homines quoque prae fame¹⁷⁶⁷ invadunt¹⁷⁶⁸ noctu habitatas¹⁷⁶⁹ et alter alterum occidens eius cadavere veseitur. Fluvius¹⁷⁷⁰, qui alluit¹⁷⁷¹ urbem, plenus cadaveribus, aquam inspidam¹⁷⁷² et non salubrem¹⁷⁷³ omnibus reddit. Verumque¹⁷⁷⁴ illud est, quod dicitur¹⁷⁷⁵, Deum, quando punire vult aliquam gentem ob scelera eius, non una clade et poena, sed multis simul et variis afficere¹⁷⁷⁶ solere¹⁷⁷⁷. Tanta autem vastitas est in urbe, ut vix¹⁷⁷⁸ Hierosolymam¹⁷⁷⁹ talem expertam fuisse crediderim.

Accidit quoque interea temporis, dum opprimit¹⁷⁸⁰ filios nobilium et alios innocentes homines, habuit quendam accusatum, quem aservandum dedit et custodiendum aulico uni suo¹⁷⁸¹. Dumque sub custodia esset, coepit ille vinctus conqueri coram aulico de hac ista impietate et tyrannide¹⁷⁸² principis, quod effundat sanguinem innocentem adfuturam¹⁷⁸³ brevi ultionem divinam praedicans neque abiturum¹⁷⁸⁴ hoc scelus impunitum. Aulicus ille nihil respondens tacuit. At ille vinctus veritus, ne forte ob illud silentium ab aulico accusaretur¹⁷⁸⁵ apud tyrannum¹⁷⁸⁶, antevertit illum scriptaque epistola ad tyrannum¹⁷⁸⁷ dat illi aulico custodi suo perferendam, quam reddidit. Scriptum autem erat velle se aliquid dicere¹⁷⁸⁸ secretioris

---

1767 fame *ABDEF*, famae *C*

1768 invadunt *ABDEF*, invadiunt *C*

1769 habitatas *ABDEF*, habitatus *C*

1770 fluvius *ABCD*, fluius *EF*

1771 alluit *ABCD*, alliit *EF*

1772 inspidam *ABDEF*, insapidam *C*

1773 salubrem *ACDEF*, salutarem (?) *B*

1774 verumque *ABDEF*, verum *C*

1775 dicitur *ABCDF*, discitur *E*

1776 afficere *AC*, affecere *B*, affuere *DEF*

1777 solet *AC*, solere *BDEF*

1778 vix *ABC*, vox *DEF*

1779 Hierosolymam *ABD*, Hyerosolimam *C*, Hierosolimam *E*, Hyerosolymam *F*

1780 opprimit *ABCEF*, opprimit *D*

1781 uni suo *ABDEF*, suo uno *C*

1782 tyrannide *ABCDF*, tirannide *E*

1783 adfuturam *ABEF*, atfuturam *C*, adfuturum *D*

1784 abiturum *ABDEF*, habiturum *C*

1785 accusaretur *ABCEF*, accuseretur *D*

1786 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*

1787 tyrannum *ABCDF*, tirannum *E*

1788 dicere *ABCDF*, discere *E*

principi ideoque, admitti¹⁷⁸⁹ ut possit, orat. Tyrannus¹⁷⁹⁰ pellecta¹⁷⁹¹ epistola iubet admitti ad se illum vinctum, qui verborum suorum querelam¹⁷⁹² in aulicum innoxium reiecit¹⁷⁹³ criminaturque talia verba contra principem locutum fuisse. Tyrannus¹⁷⁹⁴ quaerit¹⁷⁹⁵, num ita res se¹⁷⁹⁶ habeat. At ille aulicus confessus¹⁷⁹⁷ est¹⁷⁹⁸ metu, se quidem dixisse, sed nulla malevolentia, imo¹⁷⁹⁹ misericordia permotum innocentis sanguinis, qui singulis diebus effunditur¹⁸⁰⁰ copiosus. Statimque iubet eum in partes dissecari et sectum in aquas iniici¹⁸⁰¹, illum autem vinctum et caeteros in vinculis retentos libere dimisit.

DIVINATIO TYRANNI¹⁸⁰² SEU AUGURIUM¹⁸⁰³

Eadem hyeme¹⁸⁰⁴ cum¹⁸⁰⁵ proficisceretur¹⁸⁰⁶ in Novogradiam¹⁸⁰⁷ exterminandam, cum iam itineri se committere¹⁸⁰⁸ deberent, Ofanasii¹⁸⁰⁹ Wiasemski¹⁸¹⁰ famulus habuit equum Thracium¹⁸¹¹ admodum generosum ornatum gemmis et auro, qui forte freno¹⁸¹² praefracto¹⁸¹³ erupit, discurrentemque¹⁸¹⁴ inter agmina tyranni¹⁸¹⁵ ille servus insequitur.

-
- 1789 admitti *AB C D F*, admiti *E*
 1790 tyrannus *AB D F*, tyranus *C*, tirannus *E*
 1791 pellecta *A*, perlecta *B C D E F*
 1792 querelam *AB D E F*, querellam *C*
 1793 reiecit *AB D E F*, reiicit *C*
 1794 tyrannus *AB D F*, tyranus *C*, tirannus *E*
 1795 quaerit *AB D E F*, querit *C*
 1796 res se *AB D E F*, se res *C*
 1797 confessus *AB C D F*, confesus *E*
 1798 est *E F* omit.
 1799 imo *AB C D F*, sino *E*
 1800 effunditur *AB C D F*, efunditur *E*
 1801 iniici *AB C*, inici *D*, imici (?) *E F*
 1802 tyranni *A D F*, tirani *C*, tiranni *E*
 1803 divinatio tyranni seu augurium *B* omit.
 1804 hyeme *AB C D*, hyme *E F*
 1805 cum *A C*, dum *B D E F*
 1806 proficisceretur *A C*, proficiscitur *B D E F*
 1807 Novogradiam *AB D F*, Nowogrodiam *C*, Novogrodiam *E*
 1808 committere *AB C F*, comittere *D*, commitere *E*
 1809 Ofanasii *A C*, Ofanasci *B D E F*
 1810 Wiasemski *A D F*, Wiasemsky *C*, Wiasemski (?) *E*, *B* omit.
 1811 Thracium *AB D E F*, Tratium *C*
 1812 freno *A C D E F*, fraeno *B*
 1813 praefracto *AB C D F*, praefructo *E*
 1814 discurrentemque *AB D E F*, discurentemque *C*
 1815 tyranni *AB C D F*, tiranni *E*

Tyrannus¹⁸¹⁶ interea¹⁸¹⁷ temporis egrediebatur e foribus curiae. Quem ubi conspexit cursu currentem viamque transeuntem, iubet capi equum et servum illum dissectoque¹⁸¹⁸ utroque servo et equo in paludem abiici, existimans id¹⁸¹⁹ sinistrum¹⁸²⁰ omen esse, si aliquis ante profectionem ducis viam transierit. Quod iam multis accidit, quos similiter male multavit¹⁸²¹.

Ludibrio et dedecore afficit¹⁸²² quoque mulieres, si forte quas in via obvias habet. Si enim mulier¹⁸²³ aliqua nobilis seu palatini uxor aut alicuius alterius conditionis et status proficiscitur¹⁸²⁴, conspecta ea statim praemittit¹⁸²⁵ rogatum ab ea, quae sit. Si dicit se uxorem eius esse, cui ille infensus¹⁸²⁶ est, statim eam descendere e lectica¹⁸²⁷ iubet et sic sublata veste pudenda exhibere¹⁸²⁸ omnibus spectanda. Quam non licet loco se movere, quoad¹⁸²⁹ viderit tyrannus¹⁸³⁰ cum omni suo comitatu nudatam¹⁸³¹.

Ea quae scribo M. V. R. ipse meis oculis¹⁸³² vidi in Moscha civitate acta. Quae autem alias per urbes, oppida, arces geruntur, ea vix volumina capere possint.

1816 tyrannus *ABDF*, tyranus *C*, tirannus *E*

1817 interea *ABCD*, interrea *EF*

1818 dissectoque *ABDEF*, disecto *C*

1819 id *ABDEF*, ad *C*

1820 sinistrum *ABC*, sinistrim (?) *DEF*

1821 multavit *ABDEF*, mutavit *C*

1822 afficit *AB*, affectit *CD*, assicit *EF*

1823 mulier *D omit.*

1824 proficiscitur *ABCDF*, profiscitur *E*

1825 praemittit *ABCDF*, praemitit *E*

1826 infensus *ABDEF*, offensus *C*

1827 descendere e lectica *AC*, e lectica descendere *BDEF*

1828 exhibere *ABCD*, exhibere *EF*

1829 quoad *ABDEF*, quando eam *C*

1830 tyrannus *ABCF*, tirannus *E*

1831 quam non licet loco se movere quoad viderit tyrannus cum omni suo comitatu nudatam *D omit.*

1832 meis oculis *ACDEF*, oculis meis *B*

G = Милан, Biblioteca Ambrosiana, Ms. Z 145 sup., f. 317–370.

H = Мантуя, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 562, fascicolo 2.

I = Нью-Хейвен, Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Ms. 960, f. 1–11v.

**Narratio de moribus et imperandi crudelitate
Basilii Moscoviae¹⁸³³ magni ducis in¹⁸³⁴ anno 1569 usque
ad¹⁸³⁵ 1570¹⁸³⁶ partim¹⁸³⁷**

Basilii magni ducis Moschoviae¹⁸³⁸ ingenium et crudelem¹⁸³⁹ imperandi licentiam nemo ante scire poterat. Qui enim in Moschoviam¹⁸⁴⁰ aliquando commeabant, solis mercaturae negociis¹⁸⁴¹ intenti aut ducem ipsum non videbant, aut si vidissent, nihil scrutari audebant propter metum tyranni¹⁸⁴², qui extraneos levissima etiam suspicione¹⁸⁴³ inculpato¹⁸⁴⁴ inauditis cruciatibus torquere solet. Ipsius actiones notae esse coeperunt¹⁸⁴⁵, cum Poloczum¹⁸⁴⁶ cepisset¹⁸⁴⁷, quo tempore captivi fugientes Moschique transfugae crudelitatem illius praedicare¹⁸⁴⁸ coeperunt¹⁸⁴⁹. Eo oppido capto insolentior factus coe-

---

1833 Moscoviae *G*, Moschovie *H*, Moscovie *I*

1834 in *G I*, ab *H*

1835 usque *G*, usque ad *H I*

1836 1571 *G*, 1570 *H I*

1837 partim *I* omit.

1838 Moscoviae *G*, Moschoviae *H*, Moschovie *I*

1839 crudelem *G I*, crudelitatis *H*

1840 Moscoviam *G*, Moschoviam *H I*

1841 negociis *G H*, negotiis *I*

1842 tyranni *G I*, tirani *corr. in* tyrani *H*

1843 suspicione *G*, suspitione *H I*

1844 inculpato *G*, inculpato *H I*

1845 coeperunt *G*, ceperunt *H I*

1846 Poloczum *G*, Poloczum *H I*

1847 coepisset *G I*, ceperunt *H*

1848 praedicare *G H*, predicare *I*

1849 coeperunt *G H*, ceperunt *I*

pit¹⁸⁵⁰ cogitare de perdenda nobilitate, cuius monitis¹⁸⁵¹ et¹⁸⁵² consiliis fere quotidie a saevitia¹⁸⁵³ illa deterrebatur.

Albertus Schliching captivus in oppido Iesirisca¹⁸⁵⁴ factus per septennium¹⁸⁵⁵ servus medici Itali in Moschovia¹⁸⁵⁶ et demum fugiens haec¹⁸⁵⁷ annotavit.

Demetrius¹⁸⁵⁸ Onczina¹⁸⁵⁹ dux in Moschovia¹⁸⁶⁰ magnae auctoritatis¹⁸⁶¹ convivio exceptus a Basilio et inter epulas apprime rogatus, ut craterem mellis uno haustu et¹⁸⁶² spiritu bibens declararet, quam charam¹⁸⁶³ salutem sui principis haberet (continebat autem crater in se mensuram quartariorum¹⁸⁶⁴ quasi XVI), cum assumpsisset negotium¹⁸⁶⁵ bibendi, potum¹⁸⁶⁶ repleta viscera exvermuerunt¹⁸⁶⁷ et vix dimidiam partem exhaustit. Id quod tyrannus¹⁸⁶⁸ leviter¹⁸⁶⁹ accusavit, Demetrii erga se benevolentiam carpens et quia cum bibere non posset, petiit ab eo, ut ad universas cellas ipsius accedens ibi, quod liberet¹⁸⁷⁰, pro¹⁸⁷¹ salute¹⁸⁷² magni ducis biberet. Fecit ille non invitus, existimans syncerum¹⁸⁷³ tyranni animum, at is ebrius in cellis a canibus invasus et a¹⁸⁷⁴ satellitibus strangulatus est. Causa perdendi huius ducis fuit Fiedorus Bosmani¹⁸⁷⁵ filius, cui Demetrius

---

1850 coepit *G*, cepit *HI*

1851 monitui *G*, monitis *HI*

1852 et *G H*, at *I*

1853 saevitia *G H*, sevitia *I*

1854 Iesirisca *G*, Ilsirischa *H*, Sesirisca *I*

1855 septennium *G*, septennium *HI*

1856 Moscovia *G*, Moschovia *HI*

1857 haec *G H*, hec *I*

1858 Demetrius *G I*, Dametrius (?) *H*

1859 Onczima *G I*, Onczina *H*

1860 Moscoviae *G*, Moschovia *HI*

1861 auctoritatis *G*, autoritatis *HI*

1862 et *G I*, ac *H*

1863 caram *G*, charam *HI*

1864 quartariorum *G I*, quarturiorum *H*

1865 negocium *G*, negotium *HI*

1866 potum *G H*, potu *H*

1867 exvermuerunt *G*, eximuerunt *H*, exarvercint *I*

1868 tyrannus *G*, tirannus *HI*

1869 loeviter *G*, leviter *HI*

1870 liberet *G H*, biberet *I*

1871 pro *G H*, per *I*

1872 salute *G H*, salutem *I*

1873 syncerum *G I*, sincerum *H*

1874 a *H* omit.

1875 Bosmani *G I*, Bosmanni *H*

exprobrarat¹⁸⁷⁶ stuprum nefandum, quod cum¹⁸⁷⁷ tyranno pateretur. Basilius postridie huius necis patratae¹⁸⁷⁸ mittit domum¹⁸⁷⁹ Onczime¹⁸⁸⁰ scitatum¹⁸⁸¹, cur dux ad se non veniat, uxor autem negat e palatio eum¹⁸⁸² redivisse, ex quo simulatio elusa est.

Hac crudelitate permoti nobiles quidam summusque sacerdos¹⁸⁸³ eum monuerunt, ut a innoxio¹⁸⁸⁴ sanguine suorum subditorum tam atrociter effundendo¹⁸⁸⁵ abstineret. Qua admonitione et imprimis¹⁸⁸⁶ verecundia summi sacerdotis motus sex mensibus fere quievit¹⁸⁸⁷ simulansque se quasi dominationis pertesum velle¹⁸⁸⁸ vitam sanctam et monasticam¹⁸⁸⁹ agere filiosque suos imperatores constituere, aliquot¹⁸⁹⁰ millibus tectorum disiectis locum palatio designat, in secessu prope flumen Nechlina¹⁸⁹¹, quod alluit Kittai¹⁸⁹² castrum, influens etiam in celebre flumen Moscham, a quo Moscovia¹⁸⁹³ urbs ampla dicitur, quae¹⁸⁹⁴ Moschis nomen dedit, alio enim modo Russi sive Rutheni¹⁸⁹⁵ dicuntur¹⁸⁹⁶. In eo igitur loco palatium amplum¹⁸⁹⁷ extractum alto muro circumduxit¹⁸⁹⁸, ubi habitaret solitarius. Castra etiam praecipua¹⁸⁹⁹ curiae illi vicina adiunxit opricinam, hoc est sicarioum sentinam aggregans hocque freno¹⁹⁰⁰ obedientiae¹⁹⁰¹ sub me-

-
- 1876 exprobrat *G I*, exprobarat *H*
1877 cum *G I*, ab *H*
1878 patracae *G*, patratae *H*, patrare *I*
1879 domi *G*, domum *HI*
1880 Onczimae *G*, Onczime *H*, Onczine *I*
1881 sciratam *G*, scitatum *H*, scitarum *I*
1882 cum *G*, eum *HI*
1883 sacerdos *G I*, sacerdos *H*
1884 innoxio *G I*, innoxio *H*
1885 effundendo *G I*, effundendo *H*
1886 imp[erato]ris *G*, imprimis *H*, imperatis *I*
1887 quievit *G H*, quievit *I*
1888 nelle *G*, velle *HI*
1889 monasticam *G I*, monasticham *H*
1890 aliquot *G I*, aliquod *H*
1891 Neclina *G*, Nechlina *HI*
1892 Kittai *G I*, Rittai *H*
1893 Moscovia *G*, Moscovia *HI*
1894 quae *G I*, que *H*
1895 Rutheni *G*, Recsseni (?) *H*, Ruteni *I*
1896 dominantur *G*, dicuntur *HI*
1897 amplum *G I*, amplam *H*
1898 circumduxit *G H*, circumduxit *I*
1899 praecipuae *G*, praecipue *H*, praecipua *I*
1900 fraeno *G*, freno *HI*
1901 obedientiae *G H*, obedientie *I*

tu maiore¹⁹⁰² subdictos coercens. Quicumque vel nobilis vel senator milesve a Basilio accersitur, is valedicit uxori, natis, amicis quasi nunquam eos¹⁹⁰³ revisurus. Est enim insita quaedam¹⁹⁰⁴ malitia Mo-schis invicem se accusandi et falso calumniandi apud tyrannum¹⁹⁰⁵, ita ut quamvis nullius culpae sibi consci, pereundum tamen sibi cum accersuntur¹⁹⁰⁶ intelligant. Non est tutum in ipsius aula gaude-re et tristem esse, statim insimulat se¹⁹⁰⁷ sentire cum hostibus suis neque vacat excusare in clamatis statim opricinis sicariis, qui te¹⁹⁰⁸ dissecent¹⁹⁰⁹ aut aquis submergant¹⁹¹⁰ canibusve et ursis obiiciant¹⁹¹¹.

Extracta¹⁹¹² illic¹⁹¹³ curia numerosum¹⁹¹⁴ opricinarum gregem coegit ex faece¹⁹¹⁵ latronum, audacissimum quemque¹⁹¹⁶ et scelera-tissimum¹⁹¹⁷ allexit ministrumque fecit suae¹⁹¹⁸ tyrannidis¹⁹¹⁹. Quo praesidio¹⁹²⁰ tutus palatinos, quos habuit in castris, paulatim inter-fecit, missos aliquos ex suis sicariis iusserat, ut simulata amicitia cum palatinis cum his¹⁹²¹ habitantes viverent¹⁹²² tempusque obser-varent, si quando paucioribus servis stipati¹⁹²³ domi, in templo et ubivis capi interficique ab ipsis possent, quo facto illorum amicos et propinquos¹⁹²⁴ in curiam proficiscentes subordinatis¹⁹²⁵ sicariis

---

1902 maiore *G I*, moiore *H*

1903 nunquam eos *G I*, eos nunquam *H*

1904 quedam *G I*, quaedam *H*

1905 tyrannum *G H*, tirannum *I*

1906 accersitur *G*, accersuntur *H I*

1907 te (?) *G*, se *H I*

1908 te *G H*, se *I*

1909 disserent *G*, dissecent *H I*

1910 submergantur *G*, submergant *H I*

1911 obiiciant *G*, obiiciant *H I*

1912 extracta *G*, eixtracta (?) *H I*

1913 ille *G I*, illic *H*

1914 numerosum *G H*, numerosum *corr. in immensum I*

1915 fece *G I*, faece *H*

1916 quenque *G I*, quemque *H*

1917 scelleratissimum *G*, sceleratissimum *H*, scelestissimum *I*

1918 suae *G I*, sue *H*

1919 tyrannidis *G H*, tirannidis *I*

1920 praesidio *G H*, presidio *I*

1921 his *G H*, iis *I*

1922 viveret *G*, viverent *H I*

1923 stipari *G*, stipati *H I*

1924 propiinquos *G*, propinquos *H I*

1925 subordinariis *G*, subordinatis *H I*

in via trucidari curabat. Quaerit¹⁹²⁶ deinde caedis autores¹⁹²⁷ quasi nihil conscius, neminem tamen indagare aut punire consuevit, quo pacto¹⁹²⁸ multas illustres¹⁹²⁹ familias delevit.

Ducem Rostonium¹⁹³⁰, quod benignius captivos tractare solet, insimulatum quasi ad regem Poloniae¹⁹³¹ transfugere vellet salvumque conductum a palatino Plocensi expectaret, necari iussit missis ad eum triginta¹⁹³² opricinis, qui caput eius abscissum ad se portarent. Cum¹⁹³³ igitur in templum ad sacra euntem¹⁹³⁴, inclamarent, quod magni ducis captivus esset atque is proiecito baculo, quo utebatur¹⁹³⁵ pro insigni¹⁹³⁶ magistratus (solet¹⁹³⁷ enim magistratibus baculum princeps dare in signum autoritatis¹⁹³⁸ et gubernationis), primum ab iis¹⁹³⁹ sede¹⁹⁴⁰ spoliatus, deinceps¹⁹⁴¹ detruncatus proiectusque est in amnem¹⁹⁴² glacie¹⁹⁴³ secata. Tyrannus¹⁹⁴⁴ autem caput aspectans et inquiens: O caput, caput, nasum aduncum geris et multum profundi¹⁹⁴⁵ sanguinem, cum viveres, ut nunc¹⁹⁴⁶ etiam facis, proiecique iussit in profluentem prius calcatum contritumque¹⁹⁴⁷ pedibus. Mox eius familiae¹⁹⁴⁸ ferme sexaginta Rostovios¹⁹⁴⁹ multosque alios ipsius clientes trucidari fecit.

-
- 1926 quaerit *GH*, querit *I*
1927 autores *GI*, auctores *H*
1928 pacto *GH*, facto *I*
1929 illustres *GH*, illisres (?) *I*
1930 Rostovium *G*, Rostonium *HI*
1931 Poloniae *GH*, Polonie *I*
1932 30 *G*, XXX *H*, triginta *I*
1933 cum *GH*, eum *I*
1934 eundem *G*, euntem *HI*
1935 verberatur *G*, utebatur *HI*
1936 insogni *G*, insigni *HI*
1937 solent *GI*, solet *H*
1938 autoritatis *GI*, authoritatis *H*
1939 his *G*, iis *HI*
1940 foede *G*, sede *HI*
1941 deinceps *G* omit.
1942 ammen *G*, amnem *HI*
1943 glacie *G*, glaciae *HI*
1944 tyrananus *G*, tyrannus *HI*
1945 perfundisti *G*, profundisti *H*, perf...disti *I*
1946 nunc *GI*, mane (?) *H*
1947 contritumque *GI*, contusumque *H*
1948 familiae *GH*, familie *I*
1949 Rostovios *GI*, Rostorias (?) *H*

Cum post bellum rediisset Moschoviam¹⁹⁵⁰, cum iniuste suspectum haberet Ioannem Petri ducem palatinum Moschoviae¹⁹⁵¹ ac primarium, quem inter alios habebat prudentiorem et supremum gubernatorem omnium, quem suo loco relinquere solitus erat in ubre Moscha¹⁹⁵², cum propter bella aberat¹⁹⁵³, tota suppellectile ac rebus omnibus mobilibus spoliavit, deinde pauperrimum¹⁹⁵⁴ contra Tartaros¹⁹⁵⁵ et equum usui emendicantem ire coegit, et¹⁹⁵⁶ reversum cum victoria accersit, is valedicto¹⁹⁵⁷ uxori et liberis in aulam venit, ubi a principe in solio regio constituitur regiis vestitus¹⁹⁵⁸ indumentis (Ioanne hoc frustra deprecante), ante quem¹⁹⁵⁹ tyrannus¹⁹⁶⁰ exurgens¹⁹⁶¹ stetit inclinatisque genibus eum sic allocutus¹⁹⁶² est: Habes, quod ambivisti, ut esses dux magnus¹⁹⁶³ Moschoviae¹⁹⁶⁴ et occupares locum meum, gaude nunc et fruire principatu, quem¹⁹⁶⁵ sitisti. Interiecto¹⁹⁶⁶ autem spatio rursus ait: Sicut potui te istic¹⁹⁶⁷ collocare, ita possum te deponere. Et¹⁹⁶⁸ arreptum cultrum in illius praecordia¹⁹⁶⁹ repetitis vicibus coniecit. Opricinae autem sicarii discerptum ac sede¹⁹⁷⁰ raptum per urbem in amnem¹⁹⁷¹ proiecerunt, totam ipsius paulo post familiam caedi ac submergi in aquis fecit. Qui in Colomnum¹⁹⁷² castrum Ioannis palatini refugerant¹⁹⁷³, pulvere bombardico per¹⁹⁷⁴

-
- 1950 Moscoviam *G*, Moschoviam *HI*
 1951 Moscoviae *G*, Moschoviae *HI*
 1952 Mosca *G*, Moscha *HI*
 1953 abierat *G*, aberat *HI*
 1954 pauperrimum *G*, pauperimum *HI*
 1955 Tartaro *G*, Tartaro (?) *H*, Tartaros *I*
 1956 et *HI* *omit.*
 1957 valedicto *GH*, valaedicto (?) *I*
 1958 vestibus *G*, vestitus *HI*
 1959 quam *GI*, quem *H*
 1960 tyranus *G*, tyrannus *HI*
 1961 asurgens *G*, exurgens *HI*
 1962 allocutus *G*, allocu... *H*, alloquutus *I*
 1963 dux magnus *GH*, magnus dux *I*
 1964 Moscoviae *G*, Moschoviae *HI*
 1965 quem *GH*, quoniam (?) *I*
 1966 interiectu *G*, interiecto *HI*
 1967 istic *GI*, isthic *H*
 1968 et *H* *omit.*
 1969 praecordia *GH*, precordia *I*
 1970 sedem *G*, sede *H*, se... *I*
 1971 ammem *G*, amnem *HI*
 1972 Colomnum *G*, Colomnum *H*, Colonium *I*
 1973 refugerant *GI*, refugerunt *H*
 1974 per *H* *omit.*

aera ferri iussit, annum integrum diripiendis ac vastandis eiusdem terris et oppidis consumpsit. Agricolas¹⁹⁷⁵ nudos cum uxoribus expulit. Uxorem Ioannis palatini capillis abscissis¹⁹⁷⁶ in monasterium contrusit¹⁹⁷⁷, nullum illius affinem et consanguineum superstitem relinquens. Propterea huius facinoris¹⁹⁷⁸ hortatores in gratia¹⁹⁷⁹ habet ducem Bielseensem¹⁹⁸⁰ et comitem Mascislaviensem¹⁹⁸¹, tametsi veneno¹⁹⁸² fratrem uxoremque huius uno die sustulisset. Hos duos si quis accusat tyranno¹⁹⁸³, eum iubet tacere¹⁹⁸⁴, dictitans se et illos duos esse columnas Moscoviticas¹⁹⁸⁵ in seque tribus universum stare imperium.

Chrisanum Duprovium¹⁹⁸⁶ suum thesaurarium a comite¹⁹⁸⁷ Michaele Themunliovio¹⁹⁸⁸ suo genero¹⁹⁸⁹ derepente¹⁹⁹⁰ sine causa invadi ac in forum protractum spoliatumque, omnibus¹⁹⁹¹ cum fratre¹⁹⁹² et filiis et liberis utriusque¹⁹⁹³ sexus et reliqua familia obtruncari iussit, praeda¹⁹⁹⁴ dicto suo genero concessa.

Porro hunc suum generum triginta ferme diebus in anno omni gratia solet prosequi, caeterum eum¹⁹⁹⁵ furit, iubet ad portas illius domus ligari tres aut quatuor ursos indomitos, ita ut neque gener, neque alius ullus egredi audeat, compellaturque edere et bibere quod habet domi suae, neque aliunde¹⁹⁹⁶ quaerere¹⁹⁹⁷ facile est propter ur-

---

1975 agricolas *G H*, agriculas *I*

1976 obsessis *G*, abscissis *HI*

1977 contrunsit *G*, contrusit *HI*

1978 sacinoris *G*, facinoris *HI*

1979 gratia *GI*, charos *H*

1980 Bielseen *GI*, Bielen *H*

1981 Mascislavien *GI*, Massislavien *H*

1982 veneno *G omit.*

1983 tyranno *GH*, tiranno *I*

1984 facere *G*, tacere *H*, face *corr. in tacere I*

1985 Moscoviticar (?) *G*, Moschvitarum *H*, Moscoviticas *I*

1986 Dutrovium *G*, Dubronium *H*, Duprovium *I*

1987 comiite (?) *G*, comite *HI*

1988 Themuliovio *G*, Themuntionio (?) *H*, Themukliovio (?) *I*

1989 henero *G*, genero *HI*

1990 derepenti *G*, derepente *HI*

1991 omnibus *GH*, obiit *I*

1992 fratre *GH*, patre *I*

1993 uxoresque *G*, utriusque *HI*

1994 praeda *GH*, preda *I*

1995 eum *G*, cum *HI*

1996 aliunde *GH*, unde *I*

1997 quaerere *GH*, querere *I*

sos. Unde periclitatur, ne fame¹⁹⁹⁸ pereat. Hunc, cum persentisset¹⁹⁹⁹ pecunias habere, adductum, ubi debitores caeduntur²⁰⁰⁰, iussit tandiu²⁰⁰¹ fustibus dedolari donec omnia corrasa²⁰⁰² illi²⁰⁰³ tradidisset, et ipse semimortuus auferretur²⁰⁰⁴, quem paucis aureis donatum solita clementia complexus, pro ipso²⁰⁰⁵ ipsius²⁰⁰⁶ nobiliores ministros caedi²⁰⁰⁷ atque interfici curat. Aliquando etiam tres ex iis primos suspendit ante portam sui generi, quod auriga illius aurigam tyranni verberasset, cogeatur autem gener egrediens porta se submittere propter servos illic diutissime pendentes.

Eodem tempore reversus ex magnis nemoribus suum cancellarium Cosarinum²⁰⁰⁸ Dubrovium²⁰⁰⁹, quod dona quaedam²⁰¹⁰ accepisset, per opricinas cum duobus²⁰¹¹ filiis in mensa²⁰¹² discumbentem secari et frustra²⁰¹³ corporis²⁰¹⁴ in puteum domesticum proiici iussit. Eiusdem cancellarii superstitem filium, qui²⁰¹⁵ mane inerat ad sponsam ducendam, et²⁰¹⁶ cum audisset²⁰¹⁷ patrem cum fratribus quarta hora noctis sequentis occisum, domum reverti non ausum, sed per annum in provincia vagantem, audisset tyrannus²⁰¹⁸, inquiri omnibus in locis iussum captumque ac quatuor partes tortis²⁰¹⁹ funibus disiectum²⁰²⁰ spectare (ut solitus erat²⁰²¹) tormenta voluit, acclamans

---

1998 fame *G*, fame *HI*

1999 praesentisset *G*, persentisset *HI*

2000 ceduntur *GI*, caeduntur *H*

2001 tandiu *G*, tandiu *HI*

2002 corrasa *G*, contusa *H*, corrosa *I*

2003 illi *G* omit.

2004 auferretur *GI*, auferretur *H*

2005 ipso *GI*, ispo *H*

2006 ipsius *GI*, eius *H*

2007 caedi *GH*, cedi *I*

2008 Cosarinum *G*, Cosoimum *H*, Corsorinum *I*

2009 Dubrovium *GI*, Dabruium *H*,

2010 quaedam *G*, qdam *H*, quedam *I*

2011 duobus *GI*, duobas *H*

2012 mensam *G*, mensa *HI*

2013 frustra *G*, frustra *HI*

2014 corpora *G*, corporis *HI*

2015 quod *G*, qui *HI*

2016 et *H* omit.

2017 audisset *GH*, auvisset *I*

2018 tyrannus *GH*, tirannus *I*

2019 tortis *H* omit.

2020 dissectum *GI*, disiectum *H*

2021 est *GI*, erat *H*

voce festiva²⁰²²: Hoida, hoida, guttis sanguinis in ipsius faciem perfusis²⁰²³, et suclamantibus itidem Hoida suis opricinis, si quem enim tristem conspiceret interrogatum²⁰²⁴, cur non sit²⁰²⁵ hilaris, secari facit.

Quotidie exercet homicidium. Opricinae²⁰²⁶ enim primo mane quoscunque in viis et plateis comperiunt²⁰²⁷, trucidant. Ipse, ut populum commotum leniat, in curiam Alexandrinam migrat ibique aliunde spetie²⁰²⁸ benevolentiae²⁰²⁹ convocatos homines²⁰³⁰ quotidie²⁰³¹ ad triginta iugulat secatque²⁰³².

Filium natu maiorem habet sui non dissimilem, obambulat²⁰³³ enim corpora trucidatorum atque insultat, animum maioris vindictae sitibundum prae se ferens²⁰³⁴, oblatrans²⁰³⁵ et maledicens cadaveribus, baculo ea²⁰³⁶ confodiens et exprobrans, quod displicuerunt²⁰³⁷ patri suo mango duci Moschoviae²⁰³⁸. Ubi explevit oculos, ad patrem revertitur.

Quoties aliquis invitatur in curiam Alexandrinam, vadit is quasi ex extremum supplicium²⁰³⁹, nemo revertitur, et cui felicitas²⁰⁴⁰ contingit²⁰⁴¹, ut inde abeat²⁰⁴², ab opricinis tamen spoliatur. Quod Fiedro Hummio, quem oratorem ad regem Poloniae miserat, accidit²⁰⁴³. Hunc enim reversum ad se princeps venire iussit ornatum et vestitum quasi ad convivium invitatum. Venit ille comptus²⁰⁴⁴ et elegans

---

2022 foestiva *G*, festiva *HI*

2023 profusis *G*, pfusis *H*, perfusis *I*

2024 interrogatum *G*, interrogatum *HI*

2025 sic *G*, sit (?) *H*, sit *I*

2026 opricinae *G H*, opricine *I*

2027 coperiunt *G*, comperiunt *HI*

2028 spetie *G*, spetie *HI*

2029 benevolentiae *G H*, benevolentia *I*

2030 populos *G*, homines *HI*

2031 quotidie *G I*, quattidie *H*

2032 secatque *G I*, trucidatque *H*

2033 ambulabat *G*, obambulat *HI*

2034 praeferens *G*, praeseferens *H*, prepreferens *I*

2035 oblatras *G*, oblatrans *HI*

2036 ea *G* omit.

2037 displicuerunt *G I*, displicuerant *H*

2038 Moscoviae *G*, Moschovia *H*, Moschoviae *I*

2039 suplicium *G*, supplicium *HI*

2040 faelicitas *G H*, felicitas *I*

2041 contingit *G*, contigit *HI*

2042 habeat *G*, abeat *HI*

2043 accidit *G H*, occidit *I*

2044 complus *G I*, comptus *H*

comitatus 40²⁰⁴⁵ viris et familiaribus suis, ut voluntati illius satisfaceret ab eoque gratiam acquireret. Quamvis²⁰⁴⁶ spe exigua, exceptus tamen est cum suis a tyranno benigne, vinoque²⁰⁴⁷ ingurgitatus²⁰⁴⁸ pellibusque et vestimentis maximi²⁰⁴⁹ pretii²⁰⁵⁰ donatus, humanissime dimissus, Moscae²⁰⁵¹ etiam urbis cura accepta. Priusquam tamen retrocesserit, misit²⁰⁵² tyrannus opricinas²⁰⁵³, ut in itinere eum rebus omnibus spoliarent, quod et factum est, nudique relictis sunt omnes et aliqui propter frigus²⁰⁵⁴ membra et vitam etiam perdidierunt. Ipse²⁰⁵⁵ Hunnius²⁰⁵⁶ sordido palliolo²⁰⁵⁷ reperto Moscam²⁰⁵⁸ pedes usque perexit. Distat autem urbs Moscha²⁰⁵⁹ ab Alexandrina curia triginta sex²⁰⁶⁰ miliaribus²⁰⁶¹ Germanicis. Ea vero spolia ad tyrannum delata in aerarium inferri iussit.

Religio ac pietas Basilii haec est. In illa curia Alexandrina certis temporibus induere solet cuculam²⁰⁶² vestem monachalem nigram et atram, sicut Basiliani fratres, et differt²⁰⁶³ tamen²⁰⁶⁴ a monachorum²⁰⁶⁵ cucula²⁰⁶⁶, quod subducta sit pellibus haedinis. Sic facere coguntur senatores et alii. Qui non facit, fustibus ceditur, soli²⁰⁶⁷ opricinae²⁰⁶⁸ liberi sunt, ut sint vigiles. Omni igitur die ad matu-

---

2045 40 *GH*, quadraginta *I*

2046 quamvis *GI*, quumvis *H*

2047 viroque *G*, vinoque *HI*

2048 virginitas *G*, ingurgitatus *HI*

2049 maximi *GI*, magni *H*

2050 praecii *GH*, pretii *I*

2051 Moscae *GI*, Moschae *H*

2052 missit *G*, misit *HI*

2053 opricinos *G*, opricinas *HI*

2054 frigus *GI*, fugam *H*

2055 ipse *GI*, ispse *H*

2056 Hunnius *GH*, Hummius *I*

2057 palliolo *G*, pallio *H*, paliolo *I*

2058 Moscam *GI*, Moscham *H*

2059 Mosca *G*, Moscha *HI*

2060 35 *G*, XXXV *H*, triginta sex *I*

2061 miliaribus *GH*, miliaribus *I*

2062 cuculam *GI*, cucullam *H*

2063 differt *GH*, difert *I*

2064 tamen *GH*, tantum *I*

2065 monacorum *G*, monachorum *HI*

2066 cucula *GI*, cuculla *H*

2067 solum *G*, so[...] *H*, soli *I*

2068 opricinae *GH*, opricini *I*

tinum²⁰⁶⁹ consurgit, in templum cuculatus²⁰⁷⁰ se confert gerens in manu laternam, cochleare²⁰⁷¹ et catinum. Hoc faciunt reliqui, quos ipse tantisper appellat fratres et ipsi mutuo²⁰⁷² eum fratrem dicunt sub nomine prioris et ideo solus manducat obsonium, quod in catino continuo fert secum, ut reliqui²⁰⁷³. Cibo sumpto abdit se in cellam, ut et alii, sublato catino, cultello et lanterna, quae religio est non portare. Hoc ubi pietatis nomine per aliquot dies fecit²⁰⁷⁴, redit ad ingenium et consuetam carnificinam hominum.

DE CRUDELITATE IN COMITATU²⁰⁷⁵ NOVOGRADIENSI²⁰⁷⁶

Inprimis edixit poena securis et fustis publicata, ne ex urbe Mosca²⁰⁷⁷ quis via publica, qua itur Novogradum, auderet proficisci, nemo neque vir, neque mulier, ne canis quidem, aut iumentum²⁰⁷⁸ aliquod proficiscens ex Alexandrina curia Novogradum, sexcentos²⁰⁷⁹ praemittebat²⁰⁸⁰ equites, totidem post se currendo²⁰⁸¹ relinquebat, similiter a latere dextro et sinistro circumquaque dimittebat, ne quis Novogradum iret. Si quem²⁰⁸² illi offendebant, quicumque esset, etiam servus tyranni²⁰⁸³, occidebant, ne fama adventum illius perverteret²⁰⁸⁴, neque suis quidem fidebat²⁰⁸⁵. Et nisi rex Poloniae²⁰⁸⁶ bellum intermisisset²⁰⁸⁷ reversusque fuisset ex Roloscovicze²⁰⁸⁸, omnino actum erat de eius vita et imperio, subditis nempe bene²⁰⁸⁹ regi

-
- 2069 macutinum *G*, matutinum *HI*
2070 cuculans *GI*, cucullatus *H*
2071 cochleare *GI*, cocleare *H*
2072 mutuo *H omit.*
2073 reliqui *GH*, vel quod *I*
2074 sensit *G*, fecit *HI*
2075 comitatum *G*, comitatu *HI*
2076 Novogradien *GI*, Novegradien *H*
2077 Mosca *GI*, Moscha *H*
2078 iunctum *GI*, iumentum *H*
2079 *G omit.*, sexcentos *H*, Dc.os *I*
2080 permittebat *G*, praemittebat *H*, premittebat *I*
2081 currendo *GI*, curendo *H*
2082 quem *GH*, quoniam *I*
2083 tyranni *GH*, tiranni *I*
2084 perverteret *G*, preverteret *HI*
2085 fedebat *G*, fidebat *HI*
2086 Poloniae *GH*, Polonie *I*
2087 intermisisset *G*, intermisisset *HI*
2088 Radosconvicze *G*, Roclosconvicze *H*, Radosconvicze *I*
2089 bene *H omit.*

Polono affectis. Tam secreta fuit haec²⁰⁹⁰ profectio²⁰⁹¹, ut nemo hominum sciverit, ubi Basilius esset quidve ageret. Ne Basilius quidem Husin²⁰⁹² praecursor²⁰⁹³ ad stativa²⁰⁹⁴ paranda, mittebat tamen²⁰⁹⁵ huic quotidie chartulam²⁰⁹⁶, ubi pernoctare deberet, interminatus ne cuiquam eam²⁰⁹⁷ ostenderet vel daret. Duravit ea profectio²⁰⁹⁸ decem²⁰⁹⁹ hebdomadas²¹⁰⁰, quibus nescitum est an esset vivus. Novogradienses²¹⁰¹ nesciverunt²¹⁰², priusquam accessisset²¹⁰³ mille passus et sic²¹⁰⁴ extremum²¹⁰⁵ sibi iudicium adventare clamabant²¹⁰⁶. Solebat in qualibet statione et oppido, ubi steterat, omnes homines et pecudes²¹⁰⁷ occidere, tecta et villas exurere²¹⁰⁸. Idem illi supradicti equites faciebant.

Ingressus in Novogradiensem provinciam omnes incolas trucidari²¹⁰⁹ voluit, populum urbanum variis cruciatibus excarnificavit, atque inter alios locum amplum saepibus²¹¹⁰ circumdatum, ingredi nobilium et mercatorum praecellentium catervas iubens, ipse conscenso equo²¹¹¹ admotisque calcaribus hasta singulos confodiebat, uno equo lasso alterum atque alterum admittebat, spectatore et collusore²¹¹² filio²¹¹³, lassus equis lassus ipse non satur, opricinas²¹¹⁴ im-

---

2090 haec *G*, hec *HI*

2091 profectio *G*, profectio *HI*

2092 Husir *G*, Husin *HI*

2093 precursor *GI*, praecursor *H*

2094 sacra *G*, stativa *HI*

2095 tamen *GH*, tantum *I*

2096 cartulum *G*, chartulam *H*, cartulam *I*

2097 eum *G*, eam *HI*

2098 profectio *G*, persecutio *HI*

2099 decem *GI*, *XH*

2100 laedomodas *G*, habdonadas *H*, hebdomadas *I*

2101 Neogradiante *G*, Neogradienses *H*, Novogradienses *I*

2102 nesciverat *G*, nesciverunt *HI*

2103 accessisset *GH*, accessisset *I*

2104 tunc *G*, hic *H*, sic *I*

2105 estremum *G*, extremum *HI*

2106 clamabat *G*, clamabunt *H*, clamabant *I*

2107 pecudus *G*, pecudes *HI*

2108 exurere *GH*, exhareere *I*

2109 trucidari *GI*, tracidari *H*

2110 sepibus *G*, saepibus *H*, sepi *I*

2111 egro *G*, equo *HI*

2112 collasore *G*, collusore *HI*

2113 silio *G*, filio *HI*

2114 opricinas *GH*, opricinos *I*

mittebat²¹¹⁵, qui reliquos in frustra²¹¹⁶ secarent²¹¹⁷, sectos in profluentem iacerent²¹¹⁸, alios²¹¹⁹ in aquam glacie constrictam multitudine hominum deduci iussa glaciem omnem in circum²¹²⁰ securibus frangi iussit, unde omnes interibant²¹²¹. Ita, ut Neogardiae²¹²² ex nobilioribus et ditioribus²¹²³ 2770 cruciatibus variis modisque necati fuerint²¹²⁴ praeter²¹²⁵ infinitam plebis aliorumque multitudinem consumptam²¹²⁶. Spoliata ac depraedata²¹²⁷ sunt centum septuaginta monasteria monachis²¹²⁸ omnibus²¹²⁹ interfectis.

Ingressum urbem Novogradum episcopus eum²¹³⁰ convivio excepit avitis²¹³¹ plerisque abbatibus²¹³² ex diversis monasteriis²¹³³. Peraceto prandio princeps thiam e capite episcopi detrahit²¹³⁴, dicens²¹³⁵: Non convenit te²¹³⁶ esse episcopum, sed potius aulaedum²¹³⁷. Volo tibi dare uxorem. Et conversus ad alios monachos²¹³⁸: Rogo, inquit, vos, velitis adesse mihi convivae, sed unusquisque afferat²¹³⁹ symbolum pro apparatu nuptiarum. Sicque²¹⁴⁰ adegit abbates afferre²¹⁴¹ 2000 aureorum, praepositos²¹⁴² 1000, reliquos monachos²¹⁴³ alios 500, alios

2115 immittebat *GH*, immitebat *I*

2116 frustra *G*, frusta *HI*

2117 secarent *GI*, sencarent *H*

2118 iaceret *G*, iacerent *HI*

2119 alias *G*, alios *H*, alius *I*

2120 circum *GI*, cirum *H*

2121 inseribant *G*, interibant *HI*

2122 Neogordiae *G*, Neogardiae *H*, Neogardie *I*

2123 dictioribus *G*, ditioribus *HI*

2124 modisque necati fuerint *H*, undique necari fecerit *I*, *G* omit.

2125 praeter *GH*, preter *I*

2126 consumptam *GI*, conscriptam *H*

2127 depradata *GI*, depraedata *H*

2128 monachis *GI*, manachis *H*

2129 omnibus *H* omit.

2130 cum *G*, eum *HI*

2131 avitis *GH*, avitis *corr. in* avisis *I*

2132 abatibus *G*, abbatibus *HI*

2133 monasteriis *GI*, manasteriis *H*

2134 detraxit *G*, detrahit *H*, dethrait *I*

2135 dominus *GI*, dicens *H*

2136 se *G*, te *HI*

2137 aulaedum *G*, auledum *corr. in* aulicum *H*, auledum *I*

2138 monacos *G*, monachos *HI*

2139 affert *G*, afferat *HI*

2140 hocque *GI*, sicque *H*

2141 afferre *GI*, afferre *H*

2142 praepositos *G*, prepositos *HI*

2143 monacos *G*, monachos *HI*

300 coronatos²¹⁴⁴, ita corraso²¹⁴⁵ omnium argento adductam equam tradit episcopo, ut conscendat, uxorem ipsius inquires. Quam²¹⁴⁶ ubi episcopus conscendisset, iubet alligari ipsius pedes²¹⁴⁷ ad terga iumenti, sicque pulsum urbe et episcopatu²¹⁴⁸, Moscoviam²¹⁴⁹ ire atque ibi in aulaedorum²¹⁵⁰ numero ascribi iubet. Euntem iterum revocat, dat utres²¹⁵¹ inflandos²¹⁵² musicum instrumentum et lyram pulsandam, quam²¹⁵³ is nunquam²¹⁵⁴ didicerat. Hanc artem exerce²¹⁵⁵, inquit, hac ducta uxore. Sic ille abiit, reliqui monachi partim spoliati²¹⁵⁶ omnibus, partim enecti²¹⁵⁷ sunt.

Post hoc²¹⁵⁸ excedens urbe iubet comprehendi²¹⁵⁹ quendam illustrem virum Theodorum Syrcena²¹⁶⁰ archigrammaticum²¹⁶¹ Novogradiensem, quem adductum et alligatum longissimo²¹⁶² funi iaci in flumen iubet, cum diu natasset²¹⁶³, retrahi et quid in aquis viderit, interrogat²¹⁶⁴. Ille malignos, inquit, spiritus habitantes in profundo Valhovae²¹⁶⁵ et Ulsadogtae²¹⁶⁶ fluvii, qui iam iam aderunt erepturi tuam²¹⁶⁷ animam. Idcirco²¹⁶⁸ iubet eum dimidia²¹⁶⁹ parte imponi in aquam bullientem²¹⁷⁰ ibique excoqui et ab eo multam pecuniam ex-

---

2144 300 toraneos *G*, 300 coronatus *H*, coronatos 700 *I*

2145 corraso *G H*, erraso *I*

2146 quam *G H*, quoniam *corr. in quem I*

2147 pede *G*, pedes *H I*

2148 epam *G*, ipam *H*, episcopatu *I*

2149 Moscoviam *G I*, Moschoviam *H*

2150 aulaedorum *G I*, auledorum (?) *corr. in aulicorum H*

2151 utres *G H*, vers (?) *I*

2152 erflardos *G*, inflandos *H*, enflandos *I*

2153 qm *G*, quam *H*, quoniam *corr. in quem I*

2154 nunquam *G I*, munquam *H*

2155 exercere *G*, exercere *corr. in exerce H*, exerce *I*

2156 spoliari *G*, spoliati *H I*

2157 erecti *G*, enecti *H I*

2158 hoc *G I*, haec *H*

2159 comprehendi *G I*, comprehendi *H*

2160 Nycova *G*, Syrcena *H*, Sircona *I*

2161 archigram. tm *G*, archigram. um *H*, archigrammaticum *I*

2162 longhiss.o *G* longiss *H*, lunghissimo *I*

2163 natasse *G*, natasset *H I*

2164 interrogat *G I*, interogat *H*

2165 Valchonae *G* Valhonae *H*, Valhovae *I*

2166 Ulsaldograe *G* Ulsadogtae *H*, Ulsadogte *I*

2167 suam *G*, tuam *H I*

2168 iccirco *G I*, idcirco *H*

2169 dimedia *G*, dimidia *H I*

2170 bullientem *G I*, ebullientem *H*

torqueri. Erat enim dives²¹⁷¹, ita ut XII²¹⁷² monasteria eius aere constructa fuerint. Extorsit igitur 1200²¹⁷³ argenteae²¹⁷⁴ monetae, cuius usus solus et non alius apud²¹⁷⁵ eos²¹⁷⁶ est, mortuum et concisum²¹⁷⁷ in frustra²¹⁷⁸ iussit in amnem proici²¹⁷⁹ atque huiusmodi calamitatem subiit²¹⁸⁰ et frater ipsius²¹⁸¹ Alexius nomine. Haec²¹⁸² omnia facta sunt²¹⁸³ anno Domini 1569 ante adventum legatorum Polonorum.

Rogavitque, ut secum pranderent, dumque sederent apud²¹⁸⁴ mensam, donavit utrique vestem auratam subductam cebellinis pellibus et pileos mardurinos praebibitque²¹⁸⁵ illis gratulans reditum pateris argenteis percontans de rebus Polonicis. Osif Scerbatoj²¹⁸⁶, quae vera et ad rem illius temporis accommodata videbantur, referebat. Dux vero Georgius Boratensui videri volens²¹⁸⁷ cui res Polonicae²¹⁸⁸ notiores essent, quicquid in buccam venit, impudenter pro veris affirmabat. Inter coetera dixit adeo timere²¹⁸⁹ trepidum regem Polonum arma ducis Moscoviae, ut iam quo se vertat, non habeat, et id genus alia. A prandio surgit tyrannus²¹⁹⁰ a mensa. Illi vero reduces palatini, qua transiturus erat tyrannus²¹⁹¹ constiterunt. Quibus visis substitit quoque et falsum fictumque esse cognoscens vocat Boratinski²¹⁹²: Eodum dicas iam mihi, quam terribilis sim regi Polono. Ille respondit: Non tantum, illustrissimus caesar, tuam personam pertimescit, sed si quis palatinorum tuorum cum signis

---

2171 divus *G*, dives *HI*

2172 12 *G*, XII *H*, duodecim *I*

2173 1200 *G I*, 1200 num[...] *I*

2174 argentea *G*, argentrae *H*, argentee *I*

2175 apud *G I*, apod *H*

2176 nos *G*, eos *HI*

2177 concisum *G H*, excisum *I*

2178 frustra *G*, frustra *HI*

2179 proici *G I*, proiici *H*

2180 subeit *G*, subiit *HI*

2181 eius *G*, ipsius *HI*

2182 haec *G H*, hec *I*

2183 sunt *G omit.*

2184 apud *G*, ad *I*

2185 praebibitque *G*, prebbitque *I*

2186 Scerbator *G*, Scerbatoii (?) *I*

2187 nolens *G*, volens *I*

2188 Polonicam *G*, Polonicae *I*

2189 timore *G*, timere *I*

2190 tyrannus *G*, tirannus *I*

2191 tyrannus *G*, tirannus *I*

2192 Borantisui *G*, Borantinsui (?) *I*

tuis conspectus in finibus Lithuaniae²¹⁹³ fuerit, trepidus dat terga. Imparem enim agnoscit se, qui tecum armis contendat. Cumque iam multa incredibilia supra modum referret, mox tyrannus²¹⁹⁴ adulatione cognita respondet²¹⁹⁵: Miseret me regis²¹⁹⁶ Poloni, quod adeo timidus sit, nec moratus converso sermone ad Boratinium incessit cum maledictis. Perfide, inquires, agnosco tuas versutias²¹⁹⁷ et dolos. Arreptoque fuste dedolavit caput et terga eius, vestem illam donatam excutiens pulveribus. Qui supplex²¹⁹⁸ procidit ad genua ipsius gratias agens pro castigatione, dicens se noluisse deserere tyrannum²¹⁹⁹, sed semper cupidum fuisse eius, cui etiam vellet operam suam navare perpetuo. Tyrannus²²⁰⁰ respondit: Scio, quod iam me non desereres²²⁰¹, non enim te patiar a me abire. Iterumque verba illa repetens fuste pulsavit terga²²⁰² ipsius, Perfide, inquires, novi tuas technas et dolos. Alter respondit prudentius et vitae et existimationi eius. Nam interrogatus parce de rebus Polonicis respondebat, ut omnia possent auditoribus probari. O praeclara²²⁰³ munera²²⁰⁴!

Post discessum legatorum S. R. M. principio Vrzevach²²⁰⁵ fratrum Viscovati²²⁰⁶ extorta ab eo pecunia securi percussit. Uxoreque eius comprehensa iubet adduci ad se. Quae procidit ad genua tyranni²²⁰⁷ iussitque eam elevari, dicens: Surge intueri me, pileumque, quem capiti superposuerat²²⁰⁸, scutica deiecit²²⁰⁹, quaerens²²¹⁰, cuius esset filia, ex qua familia oriunda. Illa indicavit, cuius esset. Audiens haec²²¹¹ manu sublata innuit in satellites²²¹². Illi nihil cunctati miseram

---

2193 Lithuaniam *G*, Lithuaniae *I*

2194 tyrannus *G*, tirannus *I*

2195 respondit *G*, respondet *I*

2196 regi *G*, regis *I*

2197 virtutes *G*, versutias *I*

2198 suplex *G*, supplex *I*

2199 tyrannum *G*, tirannum *I*

2200 tyrannus *G*, tirannus *I*

2201 deseros *G*, deseret *I*

2202 targa *G*, terga *I*

2203 praeclara *G*, preclara *I*

2204 monera *G*, munera *I*

2205 Vrsenach *G*, Vrzevach *I*

2206 Visconati *G*, Viscovati *I*

2207 tyranni *G*, tiranni *I*

2208 superposuerat *G*, supposuerat *I*

2209 dixit *G*, deiecit *I*

2210 quaerens *G*, querens *I*

2211 haec *G* omit.

2212 satellitos *G*, satellites *I*

vestibus detractis denudant, alius vero fune ligatam insidens equo pertrahit ad fluentem et suffocat in aquis.

Theodorus Bastrin²²¹³ nobilis vir in carcerem coniectus erat pro Evangelio Christi. Cumque rescivit tyrannus²²¹⁴, iubet eum sisti, obiurgat eum²²¹⁵ Lutheranismum promittens multa illi se daturum, si abnegare vellet professam Evangelii doctrinam²²¹⁶. Ille respondens ait: Dux magne, ego non curo bona isthec²²¹⁷ temporalia gratiamque tibi ago pro ea liberalitate et munificentia. Magis enim curare nos oportet²²¹⁸ vitam illam sempiternam, quam praeparavit²²¹⁹ Filius Dei in se credentibus. Haec debet²²²⁰ merito esse praecipua²²²¹ curari. Ego quoque millies emori malim, quam propter bona ista transitoria amittere aeterna. Tyrannus²²²² instinctu Sathanae²²²³ iubet eum abripi, dicens: Quandoquidem Evangelicam doctrinam amplecteris, ibis in ignem. Eductumque extra arcem caveam ligneam impositum ustulare²²²⁴ iubet.

Porro ad mensam tyranni, ut quisque obscenissimus et impudentissimus est, ita quoque hoc nomine acceptissimus et gratissimus²²²⁵ aulicus existit²²²⁶. Fuerunt apud tyrannum duo fratres germani duces Hreozdzuicz alter egit magistrum curiae²²²⁷, sed iam pestilentia²²²⁸ extinctus²²²⁹ est post discessum S. R. M., alter vero agebat cubicularium ducis Moschi, frequensque ad mensam ludere et iocari solitus erat adeo illiberaliter et insolenter, ut prae²²³⁰ obscenitate²²³¹ et rei turpitudine scribere non deceat. Quodam tempore, cum supra

---

2213 Bastrin *G*, Bastrins *I*

2214 tyrannus *G*, vyrannus *I*

2215 cum *G*, eum *I*

2216 doctrina *G*, doctrinam *I*

2217 ista (?) *corr.* in isthec *G*, ista (?) *I*

2218 oportet *G*, oportet *I*

2219 praeparavit *G*, prepara... *I*

2220 debent *G*, debet *I*

2221 praecipua *G*, precipua *I*

2222 tyrannus *G*, thirannus *I*

2223 Sathana *G*, Sathanae *I*

2224 sustulere *G*, ustulare *I*

2225 ingratiss. *G*, gratissimus *I*

2226 extitit *G*, existit *I*

2227 curiam *G*, curiae *I*

2228 pestilentiae *G*, pestilentia *I*

2229 extintus *G*, extinctus *I*

2230 prae *G* omit.

2231 obscanitate *G*, obscenitate *I*

modum iocandi genere turpi et obscaeno²²³² admodum uteretur, iubet eum a mensa²²³³ tyrannus recedere. Qui cum declinavit a mensa, interea allatum est ollus fervens, iterum eum revocari²²³⁴ ad seque propius²²³⁵ tyrannus accedere iubet. Qui ut accessit, inclinavit caput in terram, tyrannus olere²²³⁶ illo ferventi caput eius perfundit. At ille prae²²³⁷ dolore exclamans: Proh²²³⁸ Deum, caesar maxime. Vultque recedere a mensa. Tyrannus²²³⁹ cultro correpto apprehendit brachium²²⁴⁰ ipsius cultroque confodit. Acceptoque vulnere saucius labitur in terram, quem adstantes sublato efferunt in atrium. Coepit²²⁴¹ poenitere²²⁴² facti tyrannum²²⁴³, sed sero²²⁴⁴, quod miserum confodisset, accersitoque medico curam eius haberi praecepit. Medicus dum vult mederi, offendit eum iam mortuum. Reditque ad duces tyrannum²²⁴⁵. Orat iterum tyrannus²²⁴⁶, ut illi medeatur. Medicus²²⁴⁷ respondit: Deum animam semel impedisse homini, se vero cum iam corpus reliquerit, revocare in corpus nulla ratione posse. Tyrannus²²⁴⁸ innuens dicit: Auferat itaque eum diabolus, quandoquidem noluit reviviscere. Amor fratrum²²⁴⁹ apud eos nullus, charitas et mutua benevolentia extincta. Fratres enim sese invicem infensis odiis petunt, calumniantur²²⁵⁰, falso criminantur apud tyrannum²²⁵¹. Insurgit filius in patrem, patres vicissim in filios. Raro videas aliquos familiariter loqui, ita aversantur sodalitates et convictus amicos omnes. Erant quoque in aula tyranni²²⁵² duo fratres germa-

---

2232 obsceno *G*, obscaeno *I*

2233 mensa *G*, menza *I*

2234 revocari *G*, revocare *I*

2235 propius *G*, propius *I*

2236 olere *G*, ollere *I*

2237 pro *G*, prae *I*

2238 pro *G*, proh *I*

2239 tyranno *G*, tirannus *I*

2240 bracchium *G*, brachium *I*

2241 coepit *G*, cepit *I*

2242 poenitere *G*, penitere *I*

2243 tyrannum *G*, tirannum *I*

2244 sed sero *G* omit.

2245 tyrannum *G*, tirannum *I*

2246 tyrannus *G*, tirannus *I*

2247 medicus *G* omit.

2248 tyrannus *G*, tirannus *I*

2249 fratrum *G*, fratruum *I*

2250 calumniatur *G*, calumniantur *I*

2251 tyrannum *G*, tirannum *I*

2252 tyranni *G*, tiranni *I*

ni, quorum alter paulo impudentior hystrionem egit, alter habitus est in numero nobilium. Forte fortuna in colloquiis²²⁵³ habitis frater maior natu iocans appellavit histrionem²²⁵⁴ illum nomine eius patrio Obolinsui. Ille indigne ferens id nominis (nam postquam adscriptus est in aulam tyranni²²⁵⁵, mutato et spreto nomine avito²²⁵⁶ et paterno vocari se iussit Prosorovvry²²⁵⁷) quaestus est iniuriam coram tyranno²²⁵⁸, quasi famam eius prosciderit, dum eum appellat²²⁵⁹ nomine patrio. Tyrannus²²⁶⁰ utrumque²²⁶¹ remittit ad tribunal nobilium iuris reddendi causa. Morio, ut solitus erat, ducit secum ursum, ibique in iudicio²²⁶² apud iudices emittit ursum in fratrem. Ursus efferus pro innata feritate coepit²²⁶³ hominem lacerare et dilaniare unguibus, illi iudices pugnis et fustibus coedere, donec ursus eum dimitteret. Interim vero recedente urso²²⁶⁴ accurrens morio et suram pedis fratris prostrati cultro aperit, sanguineque, qui ex vulnere emanavit copiosus, fauces ursi tingit. Ursus sanguine gustato humano irritatus iterum adoritur hominem²²⁶⁵, arripit, prosternit, lacerat. Tandem misericordia permotus morio fratrem eripere e faucibus ursi conatus est, sed iam furibundum repellere non poterat, traxitque miserum ille²²⁶⁶ ursus in palatium aliud, ubi nuntii principum solent excipi. Hanc insignem contumeliam compensare et resarcire volens frater morio commendat²²⁶⁷ germanum²²⁶⁸ laniatum et laceratum tyranno²²⁶⁹, ascriptusque²²⁷⁰ est in numerum aulicorum tyranni²²⁷¹.

2253 colloquiis *G*, colloquiis *I*

2254 hystrionem *G*, histrionem *I*

2255 tyranni *G*, tiranni *I*

2256 aiuto *G*, avito *I*

2257 Prosororesui *G*, Prosorovvry *I*

2258 tyranno *G*, tiranno *I*

2259 appellat *G*, apellat *I*

2260 tyrannus *G*, tirannus *I*

2261 utrumque *G*, utrumque *I*

2262 iudicio *G*, iuditio *I*

2263 coepit *G*, cepit *I*

2264 ursa *G*, urso *I*

2265 adoritur hominem *G*, hominem adoritur *I*

2266 illam *G*, ille *I*

2267 comendat *G*, commendat *I*

2268 hermanum *G*, germanum *I*

2269 tyranno *G*, tiranno *I*

2270 ascriptusque *G*, escriptusque *I*

2271 tyranni *G*, tiranni *I*

Erga captivos Polonos post discessum legatorum S. R. M. in die sancti Heliae prophetae²²⁷², quos asservabat in Mosca urbe tribus turribus inclusos, quo modo sese gessit. Prandio iam incepto post secundas epulas prosilit a mensa tyrannus²²⁷³ acclamansque²²⁷⁴: Eia Eia. Omnes se sequi iubet. Propripiunt se omnes satellites et aulici et alii mille et quingenti hiposchopetarii²²⁷⁵ ex aula effusi certatim tyrannum²²⁷⁶ insequuntur²²⁷⁷. Perventum est ante curiam Petri Se-rebrni imperatoris Moscovitorum exercituum mittit Milutam, ut extractum ex aedibus educat, id quod fecit impiger produxitque miserum in aream curiam ibique amputavit caput ipsius et pueri Lithuani herum²²⁷⁸ subsequentis. Quo occiso bona omnia in fiscum tyranni²²⁷⁹ relata sunt. In aliam plateam urbis misit²²⁸⁰ praefectum²²⁸¹ equorum Balath nomine ad quendam nobilem virum, cuius uxorem ante annum pro foribus suspendi fecerat. Hunc quoque capite truncat, necis artifices caput utriusque ad tyrannum²²⁸² adferunt dicentes: Dux maxime, factum est, ut imperasti. Ille ovans exclamat: Hoyda, Hoyda²²⁸³, acclamante eidem reliqua turba carnificum.

Ex eo loco profectus ad ergastulum, ubi detinebantur captivi Poloni, cumque non procul abesset a carcere, occurrit illi mercator quidam visoque tyranno²²⁸⁴ retulit gradum, quem prosequi miserum tyrannus²²⁸⁵ iubet prehensumque²²⁸⁶ secari in partes. Progressus ulterius sub ipsis turribus obviam factus est custos carceris, qui conspecto tyranno²²⁸⁷ similiter aufugit, iussit eum quoque capi. Qua-

---

2272 prophetae *G*, profetae *I*

2273 tyrannus *G*, tirannus *I*

2274 acclamansque *G* omit.

2275 hyoschopetarii *G*, hiposchopetarii *I*

2276 tyrannum *G*, tirannum *I*

2277 insecuntur *G*, insequuntur *I*

2278 horum *G*, herum *I*

2279 tyranni *G*, tiranni *I*

2280 missit *G*, misit *I*

2281 praefectum *G*, prefectum *I*

2282 tyrannum *G*, tirannum *I*

2283 hoyda hoyda *G*, hoida hoida *I*

2284 tyranno *G*, tiranno *I*

2285 tyrannus *G*, tirannos *I*

2286 praehensumque *G*, prehensumque *I*

2287 tyranno *G*, tiranno *I*

erens²²⁸⁸ causam fugae, ille respondit²²⁸⁹ pre²²⁹⁰ timore fecisse. Ne timeas amplius, dixit, efficiam, iubetque eum disecari²²⁹¹ ante oculos.

Ubi ventum est ad carceres, ubi erant capti Poloni, iubet ocius reserare carcerem. Ille tremulis manibus vix reserare prae²²⁹² metu potest, iterum inclamat: Aperi, aperi, ocius. Apertis foribus accedunt nobiles, qui custodiebant vinctos²²⁹³, dicitque ad eos: Huc huc producite²²⁹⁴ vinctos²²⁹⁵, illi vero corripiunt, quicumque²²⁹⁶ se offert citra delectum, producuntque Paulum Bycoresas²²⁹⁷. Tyrannus²²⁹⁸ e vestigio lanceam intorsit in pectus eius. Ille miser manibus adactam lanceam conabatur eripere multum luctatus e manu tyranni²²⁹⁹. Tyrannus²³⁰⁰ vocat filium in auxilium, qui lancea alia, quam gestabat, transfixit pectus ipsius, qui in terram concidens²³⁰¹ moritur.

Deinde alterum educunt Albertum Boguchi, hunc quoque lancea transfigit tyrannus²³⁰². Tertio educunt Brezam²³⁰³ Bohemum, hunc quoque lancea perforavit. Hisce tribus interfectis exclamat: Ohida, ohida, acclamantibus quoque circumstantibus²³⁰⁴ satellitibus similiter. Intromissis satellitibus in carcerem²³⁰⁵ secari iubet omnes qui supererant captivi. Sectique sunt quinquaginta sex²³⁰⁶. Dum illi satellites occupantur in interficiendis illis, tyrannus²³⁰⁷ proficiscitur ad alteram turrim ibique principio tres²³⁰⁸ ipse manu propria confodit. Primum Rathusam nobilem virum et generum ipsius, Iacobum Molscium²³⁰⁹ alterum, tertium vero quendam ignobilem. Reliquos

---

2288 quaerens *G*, querens *I*

2289 respondit *G*, respondet *I*

2290 pro *G*, pre *I*

2291 disecari *G*, disecari *I*

2292 pre *G*, prae *I*

2293 iunctos *G*, vinctos *I*

2294 producente *G*, producite *I*

2295 iunctos *G*, vinctos *I*

2296 quicumque *G*, quicumque *I*

2297 Bycorosas *G*, Bycoresas *I*

2298 tyrannus *G*, tirannus *I*

2299 tyranni *G*, tiranni *I*

2300 tyrannus *G*, tirannus *I*

2301 considens *G*, concidens *I*

2302 tyrannus *G*, tirannus *I*

2303 Brexam *G*, Brezam *I*

2304 circumstantibus *G*, circumstantibus *I*

2305 carcem *G*, carcerem *I*

2306 56 *G*, quinquaginta sex *I*

2307 tyrannus *G*, tirannus *I*

2308 tres tres *G*, tres *I*

2309 Molsicum *G*, Molscium *I*

satellites disecarunt²³¹⁰, quorum erant numero quoque quinquaginta sex²³¹¹ cum uxoribus et liberis. Nam et infantibus vix ante triduum in lucem aeditis²³¹² non pepercit. Ad tertiam turrim venit et ex ea omnes captivos similiter interficit²³¹³ numero etiam quinquaginta quinque²³¹⁴.

Post patratam huiusmodi crudelitatem recipit se in arcem ac ibi ad vesperam totum²³¹⁵ diem laetus peragit in tubis et timpanis canere iubens. Corpora interfectorum sole occiduo sub primam facem missis rusticis in plaustra imponi et ad cemetarium²³¹⁶, ubi peregrinorum sepultura fit, deduci et sepeliri iubet. Mulier quaedam latitans inter cadavera vivens remanserat rogavitque rusticos illos, ut eam paterentur libere²³¹⁷ abire, sed precibus²³¹⁸ irritis ipsam quoque vivam inter cadavera mortuorum iniectam sepeliveunt²³¹⁹. Superfuerunt adhuc captivi Poloni alter servitor capitanei Ciecierski²³²⁰ nomine Andreas Mocarzewsechi²³²¹, alter vero servus domini Stubrewschi. Quam primum eos superesse rescivit, postero die capite eos plecti iussit.

TYRANNIS IN NOBILES²³²²

Die festo²³²³ sancti Iacobi apostoli mittit spiculatores in forum urbis Moschae, qui iussi infodere²³²⁴ palos in terram plus minus 20²³²⁵ praegrandes²³²⁶, illis palis alligabant²³²⁷ tigna transversum²³²⁸ extremitatibus utrinque vicinum palum contingentibus. Populus civitatis

---

²³¹⁰ disseccarunt *G*, disecarunt *I*

²³¹¹ 56 *G*, quinquaginta sex *I*

²³¹² aeditis *G*, editis *I*

²³¹³ interfecit *G*, interficit *I*

²³¹⁴ 55 *G*, quinquaginta quinque *I*

²³¹⁵ tutum *G*, totum *I*

²³¹⁶ caemeterium *G*, cemetarium *I*

²³¹⁷ liberi *G*, libere *I*

²³¹⁸ praecibus *G*, precibus *I*

²³¹⁹ sepeliveunt *G*, sepeleveunt *I*

²³²⁰ Ciecierski *G*, Cierierski *I*

²³²¹ Mocarzereschi *G*, Mocarzewsechi *I*

²³²² tyrannis in nobiles *I omit.*

²³²³ foesto *G*, festo *I*

²³²⁴ in federe *G*, infodere *I*

²³²⁵ 20 *G*, viginti *I*

²³²⁶ praegrandes *G*, pregrandes *I*

²³²⁷ alligabat *G*, alligabant *I*

²³²⁸ transversum *G*, transversorum *I*

rei novitate perterritus²³²⁹ abscondere se coepit²³³⁰. Carnifices pene palos ignem accendunt ac vas pensile seu labetem²³³¹ aqua repletum super igne appendunt, bullitque aqua horis aliquot. Ponunt quoque e regione lebetis hydriam²³³² aquae frigidae. Praeparatis²³³³ his venit tyrannus²³³⁴ cum suis aulicis et satellitibus in forum urbis armatus, lorica indutus, galea super caput posita cum arcu et²³³⁵ pharetra atque securi. Satellites quoque ipsius similiter armantur. Quos subsequebantur mille quingenti hyposchopetarii equites sternunturque omnes circumcirca in circuitu. Ipse vero tyrannus²³³⁶ in corona illorum in parte illa stetit, ubi pendet²³³⁷ aenum cum aqua. Continuo adducunt 300²³³⁸ Moschos²³³⁹ vinctos viros nobiles ex antiquis familiis progenitos, plerosque miserabile visu, ita debilitatos ac pene enecatos, ut vix spirare potuerint, aliis pedes, aliis manus prefractas²³⁴⁰ in tortura videres. Quos omnes sistunt coram tyranno²³⁴¹. Qui populum videns trepidum aversantemque tantam crudelitatem discurrebat in equo populum adhortans, ne timeret, iubet, ut accedant propius²³⁴² spectatum. In animo constituisse quidem omnes civitatis incolas perdere, sed iram iam ab eis recessisse suam. Auditis his populus proprius accedit, alii vero tecta aedium ascendunt. Iterum redit ad plebem stansque in medio plebis rogat, num recte faciat, quod suos proditores sit puniturus. Populus acclamat voce magna: Vive caesar optime, bene facis, qui secundum opera in proditores animadvertis. Ille reversus in loco suo consistit iubetque produci in medium 184²³⁴³ viros dixitque ad suos nobiles, qui remotius stabant ab illa corona satellitum: En habetis, hos dono vobis, accipite, adducite vobiscum, nihil iuris habeo in ipsos. Dimissique sunt ex corona illa circumstantium²³⁴⁴ ad cohortem nobilium.

2329 perterritus *G*, perteritus *I*

2330 coepit *G*, cepit *I*

2331 labetem *G*, labeton *I*

2332 hydriam *G*, hidriam *I*

2333 praeparatis *G*, preparatis *I*

2334 tyrannus *G*, tirannus *I*

2335 atque *G*, et *I*

2336 tyrannus *G*, tirannus *I*

2337 ubi pendet *G omit*.

2338 300 *G*, trecentum *I*

2339 Moscos *G*, Moschos *I*

2340 prefractas *G*, prefractus *I*

2341 tyranno *G*, tiranno *I*

2342 propius *G*, propius *corr in* proprius *I*

2343 184 *G*, centum octocaginta (?) quatuor *I*

2344 circumstantium *G*, circumstantium *I*

Statim prodiit in medium Basilius Scolanezu notarius tyranni²³⁴⁵ cum catalogo²³⁴⁶ bene longo recensens in ordine inscriptos. Producique in conspectum iubet Ioannem Michalovecz secretarium tyranni²³⁴⁷ ac vicethesaurarium, obiiciens²³⁴⁸ illi iuxta seriem catalogi perfidiam et fraudem, quaerens²³⁴⁹ occasionem et causam mortis in hunc modum: Ioannes secretarius magni ducis perfidus perfide egit. Scripsit enim ad regem Poloniae, tradere illi promittens²³⁵⁰ arces Novogrodensem et Pscoviensem²³⁵¹. Haec²³⁵² est prima tuae fraudis et perfidiae²³⁵³ nota, percussitque illius caput scutica, vocans eum perfidum et infidelem. Altera nota perfidiae et fraudis: scripsit ad caesarem Turcarum monens, ut mitteret exercitus ad Casam et ad Chaystarochan²³⁵⁴, haec²³⁵⁵ est altera fraus et perfidia tua. Tertio scripsisti ad caesarem Praecopensem²³⁵⁶ seu Tauricum, ut vastaret igne et ferro ditiones²³⁵⁷ ducis magni. Ille cum exercitu irruptione facta magnum damnum²³⁵⁸ dedit incolis terrae Moscoviae. Tuque cum sis author²³⁵⁹ tanti mali convictus es perfidiae et fraudis factae²³⁶⁰ in principem tuum, tertioque caecidit²³⁶¹ cum flagello.

Respondit Ioannes Daichalovicz²³⁶²: Deum testor, maxime caesar, me huius criminis, cuius accusor, non esse reum neque conscium, sed semper fideliter, ut decet fidelem subditum, tibi servivi. Deo ego committo, cui ego peccavi, causam meam, illi iudicium²³⁶³ permitto, qui meam causam et tuam iudicabit in futuro saeculo²³⁶⁴. Tu vero quoniam sitis meum sanguinem, effunde hunc licet innocentem, ede

---

²³⁴⁵ tyranni *G*, tiranni *I*

²³⁴⁶ cathalogo *G*, catalogo *I*

²³⁴⁷ tyranni *G*, tiranni *I*

²³⁴⁸ obiciens *G*, obiiciens *I*

²³⁴⁹ quaerens *G*, querens *I*

²³⁵⁰ promittens *G*, promitens *I*

²³⁵¹ Novogroden et Pscovien *G*, Novogradienses et Pscovien *I*

²³⁵² haec *G*, hec *I*

²³⁵³ perfidia *G*, perfidiae *I*

²³⁵⁴ Chaystarochan *G*, Chaystarochan *I*

²³⁵⁵ haec *G*, hec *I*

²³⁵⁶ Praecopen *G*, Precopen *I*

²³⁵⁷ dictiones *G*, ditiones *I*

²³⁵⁸ dannum *G*, damnum *I*

²³⁵⁹ author *G*, auctor *I*

²³⁶⁰ facta *G*, factae *I*

²³⁶¹ caecidit *G*, cecidit *I*

²³⁶² Drichaloviz *G*, Daichalovicz *I*

²³⁶³ iudicium *G*, iuditium *I*

²³⁶⁴ saeculo *G*, seculo *I*

et bibe ad satietatem. Satellites accedunt, hortantur, confiteri potius velit delictum impleretque gratiam et misericordiam principis. Ille respondit: In rem malam vos abite cum vestro tyranno²³⁶⁵, vos qui estis pernicies hominum et potatores sanguinis humani. Vestrum est mendacium dicere et criminari innocentes, sed et vos iudicabit Deus proque vestris operibus luetis poenas²³⁶⁶ condignas in futuro seculo. Dat manu signum tyrannus²³⁶⁷ dicens: Prehendite²³⁶⁸ eum. Illi acceptum exuunt vestibus alligantque²³⁶⁹ sub alas ad contignationes sicque pendulum relinquunt²³⁷⁰. Accedit ad tyrannum²³⁷¹ Maluta rogans: Quod nam de eo deberet sumere supplicium²³⁷²? Tyrannus²³⁷³ respondit: Perfidus quisque perfidum occidat. Accurrensque Maluta pendenti abscidit nasum conscenditque equum. Alter accurrit et abscidit auriculam eius, itaque ordine singuli procedentes membratim illum proscindunt. Postremo accurrens quidam scriba tyranni²³⁷⁴ Ivan Renuth praecidit illi virilia subitoque miser expiravit²³⁷⁵. Quo viso inclamavit tyrannus²³⁷⁶ videns eum absciso²³⁷⁷ membro mori dicens: Tu quoque brevi habiturus es eundem calicem, quem ipse bibit. Coniectura enim colligebat Renutam misertum illius virilia praecidisse²³⁷⁸, ut eo citius moreretur. Periturusque erat ipse eodem mortis genere, nisi ante tempus peste mortuus fuisset. Corpore itaque illo religato depositoque caput eius mutilatum auribus et naso praeciditur²³⁷⁹, corpus reliquum satellites concidunt²³⁸⁰ in frustis²³⁸¹.

Nicolaus Funicula²³⁸² vicethesaurarius ipsius tyranni²³⁸³ alter collega huius interfecti, ex antiqua familia ortus, qui loco et dignita-

---

2365 tyranno *G*, tiranno *I*

2366 poenas *G*, penas *I*

2367 tyrannus *G*, tirannus *I*

2368 praehendite *G*,prehendite *I*

2369 ligantque *G*, alligantque *I*

2370 relinquunt *G*, relinquunt *I*

2371 tyrannum *G*, tirannum *I*

2372 suplicium *G*, supplicium *I*

2373 tyrannus *G*, tirannus *I*

2374 tyranni *G*, tiranni *I*

2375 espiravit *G*, expiravit *I*

2376 tyrannus *G*, tirannus *I*

2377 absciso *G*, abscisso *I*

2378 praecidisse *G*, procidisse *I*

2379 praesciditur *G*, preciditur *I*

2380 concidunt *G*, concidunt *I*

2381 frustra *G*, frustis *I*

2382 Funicoza *G*, Funicula *I*

2383 tyranni *G*, tiranni *I*

te anteibat caeteros, hunc produci iubet notarius praedictus recitatque eius malefacta perfidiae similiter accusans. Ille miser respondit breviter se²³⁸⁴ quidem deliquisse in Deum, sed in principem nullum unquam crimen admisisse²³⁸⁵ nec²³⁸⁶ conscius esse ullius criminis, cuius accusatur, animam ipsius tyranni²³⁸⁷ passuram esse, quod se occidat innocentem. Respondit tyrannus²³⁸⁸ inquit: Non mea manu peribis neque meo instinctu aut potius autore²³⁸⁹, sed collegae tui, illi enim audiens fuisti, ex illo pendebas totus. Etiam si nihil deliqueris²³⁹⁰, nihilominus²³⁹¹ illi gessisti²³⁹² morem, pereundum est itaque utriusque. Signo dato carnifices eum abreptum ad supplicium alligant similiter, sicut et ante eius collegam, acceptoque cantaro aquae satelles²³⁹³ frigidae perfundit eum, alter vero aqua buliente²³⁹⁴, tamque²³⁹⁵ atrociter perfundunt nunc frigida nunc calida, quousque expiravit. Produci tertium iubet cocum²³⁹⁶ suum eodemque mortis genere mulctat calumniatus eum, quod accepisset quinquaginta argenteos a Modimiro²³⁹⁷ fratre, ut tyrannum²³⁹⁸ veneno necaret. Cuius in animum miseri nunquam id subierat, imo ipse²³⁹⁹ tyrannus²⁴⁰⁰ veneno dato interfecit fratrem patrualem Wlodimirum²⁴⁰¹ suo crimine in cocum²⁴⁰² reiecto, quem occidi quoque iussit.

Quartum producunt Gregorium Sabkinum²⁴⁰³ notarium cum uxore et duobus filiis, descenditque ex equo dux Basilius Temkin²⁴⁰⁴, qui permutatus erat pro captivo palatino Plocensi Dotroina²⁴⁰⁵, fra-

---

2384 si *G*, se *I*

2385 admississe *G*, admisisse *I*

2386 sed *G*, nec *I*

2387 tyranni *G*, tiranni *I*

2388 tyrannus *G*, tirannus *I*

2389 authore *G*, autore *I*

2390 deliqueris *G*, debiqueris *I*

2391 nihilominus *G*, nihilominus *I*

2392 gessisti illi *G*, illi gessisti *I*

2393 satellites *G*, satelles *I*

2394 bullente *G*, buliente *I*

2395 tanque *G*, tamque *I*

2396 cocum *G*, coquum *I*

2397 Modimiro *G*, Modimizo *I*

2398 tyrannum *G*, tirannum *I*

2399 ipse *G*, ipsi *I*

2400 tyrannus *G*, tirannus *I*

2401 Wlodimirum *G*, Wlodimirum *I*

2402 cocum *G*, coquum *I*

2403 Sabkinum *G*, Labkinum *I*

2404 Temkin *G*, Temkim *I*

2405 Dotroina *G*, Dotroinu *I*

meaque districta abscidit caput Gregorii et uxoris cum duobus filiis ordineque truncatos reposuit ante pedes tyranni²⁴⁰⁶.

Quintum producunt Ioannem Bolakozoa²⁴⁰⁷ notarium cum uxore, quem Ioannes Petrovicz²⁴⁰⁸, qui nunc profectus est ad obsidendam Revaliam cum Magno, capite truncavit cum uxore nudatumque utrumque²⁴⁰⁹ ad talos ante tyrannum²⁴¹⁰ reposuit.

Sextum producit nobilem notarium tyranni²⁴¹¹ Basilium Stephani²⁴¹². Descendit quoque alius ex equo et caput eius abscidit. Sic ex ordine iuxta seriem catalogi producebantur interficiendi vincti, quorum ceciderunt 118. Quilibet autem satellitum capite absciso²⁴¹³ viri ibat triumphans²⁴¹⁴ ad tyrannum²⁴¹⁵ extendens framea²⁴¹⁶ sanguinolenta.

Novissime vero adducunt quendam²⁴¹⁷ senem semimortuum²⁴¹⁸ prae²⁴¹⁹ timore, quem in manibus satellitum haerentem, non poterat enim subsistere pedibus, tyrannus²⁴²⁰ hasta transegit. Non contentus uno ictu, qui laethalis²⁴²¹ illi seni fuit, sexdecim ictus ingeminavit. Post iussit caput abscindi. Hanc autem tyrannidem²⁴²² intra quatuor horarum spatium²⁴²³ patravit. His confectis proficiscitur in curiam suam. Corpora autem interfectorum spoliata ac nudata iacebant humi in medio foro ad vesperam, quae²⁴²⁴ postea iussit extra civitatem asportari in unamque foveam abiici sepelienda.

2406 tyranni *G*, tiranni *I*

2407 Bolachozoa *G*, Bolakozoa *I*

2408 Petroviz *G*, Petrovicz *I*

2409 utrumque *G*, utrunque *I*

2410 tyrannum *G*, tirannum *I*

2411 tyranni *G*, tiranni *I*

2412 Stephani *G*, Stefani *I*

2413 triumphans *G*, triumfans *I*

2414 tyranni *G*, tiranni *I*

2415 tyrannum *G*, tirannum *I*

2416 framea *G*, phramea *I*

2417 quemdam *G*, quendam *I*

2418 serrum (?) mortuum *G*, semimortuum *I*

2419 pre *G*, prae *I*

2420 tyrannus *G*, tirannus *I*

2421 laethalis *G*, laetalis *I*

2422 tyrannidem *G*, tirannidem *I*

2423 spacium *G*, spatium *I*

2424 quem *G*, quae *I*

Tertio die post crudelitatem istam iubet adduci in eandem²⁴²⁵ aream²⁴²⁶ novem filios nobilium iuvenes admodum, quibus Maluta cum aliis aulicis caput praecidit. Corpora eorum iacebant in septimum usque diem non sepulta praedaque²⁴²⁷ fuere canibus, nam dilaniata ac discerpta passim inter canes inveniebantur.

Paulo post comprehendi²⁴²⁸ quoque iubet uxores et filias interfectorum 80 fere, quas in aqua praecipitari²⁴²⁹ mandavit. Reliqua pars captivorum quoquo se vertit cum aula ducitur. Suntque numero fere 500, quorum singulis diebus pro arbitrato suo aliquando viginti²⁴³⁰, aliquando triginta²⁴³¹ interfici iubet vario genere mortis miseros exerucians.

Breviter Moscham²⁴³² civitatem ita depopulatus²⁴³³ est igni et ferro, ut aliquot millia aedium desertarum conspiciantur, cum in eis non sit, qui inhabitet. Homines quoque prae²⁴³⁴ fame invadunt noctu habitatas et alter alterutrum occidens eius cadavera vescitur. Fluvius, qui alluit urbem, plenus cadaveribus aquam insipidam et non salubrem omnibus reddit. Verumque illud est, quod dicitur, Deum, quando punire vult aliquam gentem ob scelera²⁴³⁵ eius, non una clade et poena, sed multis simul et variis afficere solere. Tanta autem vastitas est in urbe, ut vix Hierosolimam²⁴³⁶ talem expertam²⁴³⁷ fuisse crediderim.

Accidit quoque interea temporis, dum opprimit filios nobilium et alios innocentes homines, habuit quandam accusatum, quem asservandum dedit et custodiendum aulico uni suo. Dumque sub custodia esset, coepit²⁴³⁸ ille vincitus conqueri²⁴³⁹ coram aulico de hac ista impietate et tyranide²⁴⁴⁰ principis, quod effundat sanguinem innocentem adfuturam brevi ultionem divinam praedicans neque

---

2425 eadem *G*, eandem *I*

2426 arcam *G*, aream *I*

2427 praedaque *G*, predaque *I*

2428 comprehendi *G*, comprehendi *I*

2429 praecipitari *G*, precipitari *I*

2430 20 *G*, viginti *I*

2431 30 *G*, triginta *I*

2432 Moscam *G*, Moscham *I*

2433 depopulata *G*, depopulatus *I*

2434 prae *G*, pre *I*

2435 scellera *G*, scelera *I*

2436 Hyerosolymam *G*, Hierosolimam *I*

2437 exportam *G*, expertam *I*

2438 coepit *G*, cepit *I*

2439 conqueri *G*, conquaeri *I*

2440 tyranide *G*, tirannide *I*

abiturum hoc scelus²⁴⁴¹ impunitum. Aulicus ille nihil respondens tacuit. At ille vinctus veritus, ne forte ob illud silentium ab aulico accusaretur apud tyrannum²⁴⁴², antevortit illum scriptaque epistola ad tyrannum²⁴⁴³ dat illi aulico custodi suo perferendam, quam reddidit²⁴⁴⁴. Scriptum autem erat velle se aliquid dicere secretioris principi ideoque, admitti ut possit, orat. Tyrannus²⁴⁴⁵ perfecta epistola iubet admitti ad se illum vinctum, qui verborum suorum querelam²⁴⁴⁶ in aulicum innoxium²⁴⁴⁷ reiecit criminaturque talia verba contra principem locutum²⁴⁴⁸ fuisse. Tyrannus²⁴⁴⁹ quaerit²⁴⁵⁰, num ita se res habeat. At ille aulicus confessus est maetu, se quidem dixisse, sed nulla malevolentia, imo misericordia permotum innocentis sanguinis, qui singulis diebus effunditur copiosus. Statimque iubet eum in partes dissecari²⁴⁵¹ et sectum in aquas²⁴⁵² iniici, illum autem vinctum et caeteros in vinculis retentos libere dimisit²⁴⁵³.

DIVINATIO TYRANNI²⁴⁵⁴ SEU AUGURIUM

Eadem hyeme²⁴⁵⁵ dum proficiscitur in Novogradiam exterminandam, cum iam itineri²⁴⁵⁶ se committere deberent, Ofanasci Wiasemsty famulus habuit equum Thracium admodum generosum ornatum gemmis et auro, qui forte freno praefracto erupit discurrentemque inter agmina tyranni²⁴⁵⁷ ille servus insequitur.

Tyrannus²⁴⁵⁸ interea temporis egrediebatur e foribus curiae²⁴⁵⁹. Quem ubi conspexit cursu currentem viamque transeuntem, iubet

---

2441 scaelus *G*, scelus *I*

2442 tyrannum *G*, tirannum *I*

2443 tyrannum *G*, tirannum *I*

2444 reddidit *G*, redidit *I*

2445 tyrannus *G*, tirannus *I*

2446 quaerelam *G*, querelam *I*

2447 innexium *G*, innoxium *I*

2448 locutum *G*, loqutum *I*

2449 tyrannus *G*, tirannus *I*

2450 quaerit *G*, querit *I*

2451 dissecari *G*, disecari *I*

2452 aqua *G*, aquas *I*

2453 dimissit *G*, dimisit *I*

2454 tyranni *G*, tiranni *I*

2455 hyeme *G*, hieme *I*

2456 itinere *G*, itineri *I*

2457 tyranni *G*, tiranni *I*

2458 tyrannus *G*, tirannus *I*

2459 curiam *G*, curiae *I*

capi equum et servum illum dissectoque²⁴⁶⁰ utroque servo et equo in paludem abiici, existimans id sinistrum omen esse, si aliquis ante profectionem ducis viam transierit. Quod iam multis accidit, quos male mulctavit.

Ludibrio et dedecore afficit quoque mulieres, si forte quas in via obvias habet. Si enim mulier aliqua nobilis seu palatini uxor seu alicuius alterius conditionis et status proficiscitur, conspecta ea statim premitit rogatum ab ea, quae sit. Si dicit se esse uxorem eius, cui ille infensus est, statim eam e lectica descendere iubet et sic sublata veste pudenda exhibere omnibus spectanda. Quam non licet loco se movere, quoad viderit tyrannus²⁴⁶¹ cum omni suo comitatu nudatam.

Ea quae scribo M. V. R. ipse meis oculis vidi in Moscha²⁴⁶² civitate acta. Quae autem alias per urbes, oppida et arces geruntur, ea vix volumina²⁴⁶³ capere possent.

Modo exponam alia, quae secuntur digna notatu²⁴⁶⁴.

---

²⁴⁶⁰ dissectoque *G*, disectoque *I*

²⁴⁶¹ tyrannus *G*, tirannus *I*

²⁴⁶² Mosca *G*, Moscha *I*

²⁴⁶³ volamia *G*, volumina *I*

²⁴⁶⁴ modo exponam alia quae secuntur digna notatu *I* omit.; «*De his quae nunc in Moschovia agantur*» sequitur.

- b* = Рим, Biblioteca Apostolica Vaticana. Ottoboniani Latini, Ms. 2416, f. 579–582v
c = Рим, Biblioteca Angelica, Ms. 154, f. 17–19v.
d = Падья, Biblioteca del Seminario vescovile, Ms. 189, f. 17–19v.
e = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 833 (615), f. 67–70v.
f = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 834 (616), f. 63–65v.
g = Милан, Biblioteca Ambrosiana, Ms. Z 145 sup., f. 371–389.
i = Нью-Хейвен, Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Ms. 960, f. 12–16.

**De his quae nunc in Moschovia²⁴⁶⁵ agantur anno Domini²⁴⁶⁶
 1570 r²⁴⁶⁷ Octobris**

Magnus dux Moschoviae²⁴⁶⁸ ipse in persona²⁴⁶⁹ sua cum toto aulico comitatu²⁴⁷⁰ traiecit flumen Occam, cumque abesset²⁴⁷¹ 20²⁴⁷² millibus passuum²⁴⁷³, sub Colonium²⁴⁷⁴ rumore sparsit²⁴⁷⁵ se ire cum exercitu²⁴⁷⁶ in Cremski²⁴⁷⁷, sed volens evitare pestilentiam non itineribus publicis aut semitis proficiscitur²⁴⁷⁸, sed per avia loca²⁴⁷⁹ per silvas²⁴⁸⁰ evagatur et nulla in arce neque in aula subsistit. Exercitum

---

²⁴⁶⁵ Moschovia *c*, Moschovia *b d e f i*, Moscovia *g*

²⁴⁶⁶ anno Domini *b c e f i*, anno *d*, Domini *g*

²⁴⁶⁷ 1 *b c d e f*, primo *g i*

²⁴⁶⁸ Moschoviae *b c d g f i*, Moschovii *e*

²⁴⁶⁹ persona *b c d f g i*, perssona *e*

²⁴⁷⁰ comitatu *b c d f g e*, commitatu *i*

²⁴⁷¹ abesset *b c d f g i*, abessit *e*

²⁴⁷² 20 *b c d e f*, viginti *g i*

²⁴⁷³ passuum *b c d f g i*, pasuum *e*

²⁴⁷⁴ Colonium *b c*, Colonnium *d e f*, Columnium *g i*

²⁴⁷⁵ rumore sparsit *b c d e f*, sparsit rumore *g*, sparrit rumore *i*

²⁴⁷⁶ exercitu *b c d e i*, exorcitu *f*, exercitum *g*

²⁴⁷⁷ Cremski *b d e f*, Crenski *c*, Cremesti *g i*

²⁴⁷⁸ proficiscitur *b c d f g i*, pificiscitur *e*

²⁴⁷⁹ per avia loca *b d e f*, per alia loca *c*, pervia *g i*

²⁴⁸⁰ silvas *c e i*, sylvas *b d g f*

vero dimisit²⁴⁸¹, qui constabat ex 20 000²⁴⁸² tironum²⁴⁸³ non exercitatorum, praemisitque²⁴⁸⁴ cum eodem exercitu duces²⁴⁸⁵ Bielsky²⁴⁸⁶, Mscislawski²⁴⁸⁷ et Boratinski²⁴⁸⁸ et alios nobiles²⁴⁸⁹.

Legati, qui designati sunt²⁴⁹⁰ ad S. R. M., sunt hi: Hrihorei²⁴⁹¹ Miesterski²⁴⁹², Iwan²⁴⁹³ Kambarow²⁴⁹⁴ et Tartarus Kozanensis baptizatus²⁴⁹⁵ cum duce Hrehorio²⁴⁹⁶ Puciatin²⁴⁹⁷, Osif Niepieia²⁴⁹⁸ diak²⁴⁹⁹, quem nostri vocant²⁵⁰⁰ scribam seu notarium.

His pecunia²⁵⁰¹ data est, ut se itineri quamprimum²⁵⁰² committant²⁵⁰³, sed grassante²⁵⁰⁴ peste in civitate Moscha praepediti²⁵⁰⁵, quisque eorum²⁵⁰⁶ legatorum in loca diversa abiere. Sunt autem²⁵⁰⁷ 18²⁵⁰⁸ civitates et oppida²⁵⁰⁹, in quibus²⁵¹⁰ pestis saevit²⁵¹¹ maxime, pra-

---

2481 dimisit *b c d i*, dimissit *e f g*

2482 ex 20000 *b c d e f*, viginti millibus *g i*

2483 tiron *c*, tyronum *b f g*, tyronnum *d*, tyrannu *e*, tironum *i*

2484 praemisitque *b c d f*, praemisitque *e*, premissitque *g*, premissitque *i*

2485 duces *b c d e f*, ducis *g i*

2486 Bielsky *c*, Bielski *b e f*, Bialski *d*, Bielsry *g i*

2487 Msczislawski *c*, Mscislawski *b d*, Mscislanski *e f*, Micilawstri *g i*

2488 Boratinski *c*, Bosanisky *d*, Boratniski *e*, Boratniski *b f*, Boratnipzi *g*, Boratiupri *i*

2489 nobiles *b c d f g i*, noviles *e*

2490 designati sunt *b d e f g i*, sunt destinati *c*

2491 Hrihorei *b d e f g*, Hrichorei *c*, Hriorei *i*

2492 Miesterski *b d e f*, Mietews... *c*, Miestersty *g i*

2493 Ivan *b d*, Iwan *c g i*, Iwam *f*, Tiram *e*

2494 Kambarow *b c d*, Kambarato *e f*, Kabarozu *g*, Kambarozu *i*

2495 baptizatus *b c d f g i*, bapcticatus *e*

2496 Hrehoiio *b*, Herhorio *c*, Hrehorio *d e f g i*

2497 Puciatin *b g i*, Puciatin *c*, Puerathin *d*, Puciatim *e*, Puciatim *f*

2498 Niepieia *b c e f g i*, Nieperia *d*

2499 diak *b c g i*, drak *d f*, drack *e*

2500 vocant *b c d e f g i*, vocam *i*

2501 pecunia *b d e f g i*, peccunia *c*

2502 quamprimum *b c d e f g i*, quumprimum *i*

2503 committant *c g i*, comittant *b d e f*

2504 grassante *b c d f g i*, grasante *e*

2505 praepediti *b c d e f g i*, prepediti *i*

2506 eorum *b d e f g i*, orum *c*

2507 autem *b c d f g i*, aut *e*

2508 18 *b c d e f g*, decem octo *i*

2509 oppida *b c d g i*, opida *e f*

2510 quibus *c*, quae *b d e f g*, que *i*

2511 saevit *b d e f g*, sevit *c i*

ecipue autem²⁵¹² atrocissime²⁵¹³ viget in civitate²⁵¹⁴ Moscha, adeo²⁵¹⁵ ut in singulos dies plus minus²⁵¹⁶ 600 capita aut etiam aliquando 1000²⁵¹⁷ absumantur. Praefecti civitatis²⁵¹⁸ Moschae²⁵¹⁹ sunt hi²⁵²⁰: Basilius²⁵²¹ Masalski²⁵²² ac vicethesaurarius eiusdem Borisz²⁵²³ cum Sukino²⁵²⁴ suo collega. Duo enim hoc²⁵²⁵ tempore habentur vicethesaurarii, penes quos summa rerum omnium est.

DE MAGNO

Cum iam dimitteretur a Moscho Magnus dux Holsatiae frater Daniae²⁵²⁶ regis, rumorem²⁵²⁷ hunc sparsit²⁵²⁸ circumquaque²⁵²⁹ ipsi²⁵³⁰ esse tradita²⁵³¹ omnia castella Livonica et arces²⁵³² et salutari²⁵³³ debere regem. Vetuitque, qui non dignaretur eum nomine regio Livoniae²⁵³⁴, hunc imponi debere super taurum et fustibus²⁵³⁵ caedi²⁵³⁶. Porro promisit²⁵³⁷ eidem Magno se daturum in matrimonium

---

2512 autem *b d e f g i*, aut *c*

2513 atrocissime *b c e f g i*, atrocissime *d*

2514 civitate *b c d g i*, civitate *e f*

2515 adeo *b c d f g i*, aded *e*

2516 in singulos dies plus minus *b d g i*, plus minus in singulos dies *c*, singulos dies plus minus *e f*

2517 1000 *b c d e f*, missi *g*, mille *i*

2518 civitatis *b d e f g i*, civitates *c*

2519 Moschae *b c d f g i*, Mosche *e*

2520 hi *b c g i*, si *e f*, Io. *d*

2521 Basilius *b c d f g i*, Bassilius *e*

2522 Maszalski *b e f*, Masalski *c*, Blaszałski *d*, Masczałsty *g*, Maszłsty *i*

2523 Borisz *b c d*, Boriss *e f*, Borise *g i*

2524 Sukino *b d e f*, Salcino *g i*, Luchino *c*

2525 hoc *b c d e f g*, hoc hoc *i*

2526 Daniae *c d e f*, Damae *b*, Damiz *g*, Damiae *i*

2527 rumorem *b c d g i*, rumore *e f*

2528 sparsit *b d f g i*, sparsi *c*, sparcit *e*

2529 circumquaque *b*, circumquaque *c d e f g i*

2530 ipsi *d omit*.

2531 tradita *b c e f g i*, traddita *d*

2532 arces *b c d*, neces *e f g i*

2533 salutari *b c e f g i*, sabutari *d*

2534 Livoniae *b c e f i*, Livonia *d*, Livoniam *g*

2535 fustibus *b c d e f*, frustibus *g i*

2536 caedi *b c d e f g*, cedi *i*

2537 promisit *b c d f i*, promissit *e g*

filiam patrualem²⁵³⁸, Wladimiri²⁵³⁹ fratris²⁵⁴⁰ germani filiam, quem²⁵⁴¹ veneno ante necaverat cum uxore ipsius et matre. Promissis vero non prius satisfacturum se recepit²⁵⁴², nisi capta²⁵⁴³ Revalia. Qua ut primum potitus fuerit Magnus, redire eum in Moschoviam²⁵⁴⁴ iussit, ibique²⁵⁴⁵ nuptias celebrare instituit.

Cumque paulo post interiecto²⁵⁴⁶ tempore Magnus convenisset salutatum²⁵⁴⁷ filiam Wlodimiri²⁵⁴⁸, dono dedit ei 3000 argenteorum²⁵⁴⁹ et aliquot vestes subductas²⁵⁵⁰ preciosis²⁵⁵¹ pellibus cebellinis²⁵⁵² et pileos marturinos²⁵⁵³ aliquot, in summa plurimas vestes laneas et lineas²⁵⁵⁴ ab eadem²⁵⁵⁵ accepit. Magnus vicissim antidono²⁵⁵⁶ eandem²⁵⁵⁷ remuneravit nempe torque²⁵⁵⁸ aurea valoris 500²⁵⁵⁹ coronatorum.

His peractis excessit²⁵⁶⁰ Moschovia²⁵⁶¹ civitate cum suis militibus et equitibus Germanis, quorum numerus non excedebat 200²⁵⁶² equites²⁵⁶³. Sed in Pskow²⁵⁶⁴ oppido adventum eius expectabant²⁵⁶⁵

2538 patrualem *b c e f g*, patroielem *d*, patraelem *i*

2539 Wladimiri *b e f g*, Wlodomiri *c*, Wladinniri *d*, Wladimizi *i*

2540 fratris *b c d g i*, fratres *e f*

2541 quem *b c d g i*, quam *e f*

2542 non prius satisfacturum se recepit *b c d e f*, se non prius satisfacturum recepit *g i*

2543 capta *b c d g i*, capita *e f*

2544 Moschoviam *c d e f i*, Moscoviam *b g*

2545 ibique *b c d e f i*, ibi *g*

2546 paulo post interiecto *b c d g*, Paulo pos interiectio *e f*

2547 salutatum *b c d f g i*, salutatem *e*

2548 Wlodimiri *b c d e f*, Wldomiri *g i*

2549 argenteorum *b c d f i*, argentiorum *e*, argentorum *g*

2550 subductas *c d f g i*, subducta *b*, sub ductus *e*

2551 preciosis *b d e f i*, praetiosis *c*, praeciosis *g*

2552 cebellinis *b d e f g i*, zibellinis *c*

2553 marturinos *c*, mardurinos *b d e f*, marduimos *g i*

2554 laneas et lineas *b d e f g i*, lautas et laneas *c*

2555 eadem *b c d g i*, eodem *e f*

2556 antidono *c*, antidoro *b d e f g i*

2557 eandem *b*, eandem *c d e f g i*

2558 torque *b c e f*, torqui *d g i*

2559 500 *b c d e f*, quingentum *g i*

2560 excessit *b c d g i*, excessit *e f*

2561 Moschovia *b c d e*, Moscovia *f g i*

2562 200 *b d e f*, CC *g i*

2563 Germanis quorum numerus non excedebat 200 equites *c omit*.

2564 in Pskow *b c d e f*, Pskore *g i*

2565 expectabant *b c d f g i*, expectavant *e*

Iurgi Iokmakow²⁵⁶⁶ cum 3 000²⁵⁶⁷ armatorum, hos deinde sequutus²⁵⁶⁸ est Ioannes Petrovicz²⁵⁶⁹ Chironis²⁵⁷⁰, qui collecto exercitu circiter 7 000²⁵⁷¹ cum Magno iunctis copiis²⁵⁷² ad obsidendam²⁵⁷³ Revaliam profecti sunt²⁵⁷⁴. Et ecce nunc misit²⁵⁷⁵ Magnus nuntios²⁵⁷⁶ ad tyrannum²⁵⁷⁷, quorum unum antecedere, alterum e vestigio subsequi iussit. Caeterum²⁵⁷⁸ tyrannus²⁵⁷⁹ non passus est eos ad se admitti²⁵⁸⁰ veritus²⁵⁸¹ infectionem aliquam pestiferam²⁵⁸². Magnus interea temporis obsidet Revaliam²⁵⁸³ sperans ea se potiturum esse per deditio- nem²⁵⁸⁴ quorundam²⁵⁸⁵ Revalensium²⁵⁸⁶ civium.

EX PERNAVA²⁵⁸⁷

Multi milites Germani profecti²⁵⁸⁸ sunt ad Magnum. Qui vero relictis sunt in Pernava²⁵⁸⁹, nihil aliquid expectant, quam quid²⁵⁹⁰ fiat cum Revalia. Etsi²⁵⁹¹ (quod²⁵⁹² absit) Revaliam caeperit²⁵⁹³, Parnawam sine periculo aliquo deditioni paratam experietur.

²⁵⁶⁶ Iokmakon (?) *b*, Iokmakow *c*, Iokmokow *d*, Iokmakctr *ef*, Iokmackzre *g*, Iokmackz- ze *i*

²⁵⁶⁷ 3000 *c*, tribus millibus *b d g i*, tribus militibus *ef*

²⁵⁶⁸ sequutus *b c d e f*, secutus *g*, sequutus *i*

²⁵⁶⁹ Petrovicz *b e f g i*, Potrovicz *d*, Petrovic *c*

²⁵⁷⁰ Chironis *b d e f g i*, Chittonis *c*

²⁵⁷¹ septem millia *c*, septem mille *g i*, 7000 *b d*, 700 *ef*

²⁵⁷² copiis *b c d f g i*, cepiis *e*

²⁵⁷³ obsidendam *b c e f g i*, obsidiendam *d*

²⁵⁷⁴ sunt *b omit*.

²⁵⁷⁵ misit *b c d f g i*, missit *e*

²⁵⁷⁶ nuntios *b c d e f i*, nuncios *g*

²⁵⁷⁷ tyrannum *b c d f g*, tirannum *e i*

²⁵⁷⁸ caeterum *c d e f g i*, ceterum *b*

²⁵⁷⁹ tyrannus *b c d f g*, tirannus *e i*

²⁵⁸⁰ admitti *b d f g i*, admitti *e*, mitti *c*

²⁵⁸¹ veritus *b c d e f i*, veritas *g*

²⁵⁸² pestiferam *b d g i*, paestiferam *c*, pestiferum *ef*

²⁵⁸³ Revaliam *b c d f g i*, Rebaliam *e*

²⁵⁸⁴ potiturum esse per deditioem *b c d e f i*, positurum esse perditionem *g*

²⁵⁸⁵ quorundam *b c d e f*, quorumdam *g i*

²⁵⁸⁶ Revalensium *b f g i*, Revaliensium *c*, Revalentium *d*, Rebalensium *e*

²⁵⁸⁷ Pernava *c*, Parnawa *b d e f g i*

²⁵⁸⁸ profecti *b c d f g i*, proficti *e*

²⁵⁸⁹ Pernawa *c*, Parnawa *b d f g i*, Parnastra *e*

²⁵⁹⁰ quid *b c d e f*, quod *g i*

²⁵⁹¹ etsi *b d e f g i*, etisi *c*

²⁵⁹² quod *b c e f g i*, quid *d*

²⁵⁹³ caeperit *b c d e f g*, ceperit *i*

RIGA

Similis est virgini nubili²⁵⁹⁴ seu maturae²⁵⁹⁵. Moscus²⁵⁹⁶ enim misit²⁵⁹⁷ Magno per Ioannem Petrowicz²⁵⁹⁸ Chironem 20000²⁵⁹⁹ argenteorum²⁶⁰⁰, qua pecunia²⁶⁰¹ Rigae²⁶⁰² curat comparari et coemi²⁶⁰³ necessaria²⁶⁰⁴ quaeque²⁶⁰⁵ ad comeatum²⁶⁰⁶, equos denique et arma. Expectant omnes, dum quid agatur in²⁶⁰⁷ Revalia. Sunt enim plerique cives, qui conspirarunt²⁶⁰⁸ cum Magno. Hoc tantum verentur quidam Rigenses²⁶⁰⁹, ne S. R. Maiestas²⁶¹⁰ obsessis²⁶¹¹ viis²⁶¹² intercludere comeatum²⁶¹³ iubeat, qui defertur in castra Magni, facile autem possent intercipi, si S. R. Maiestas²⁶¹⁴ obsideri vias curaverit.

DE REVALENSIBUS²⁶¹⁵

Qui deditionem²⁶¹⁶ promiserant²⁶¹⁷ Magno urbis suae, spes est bona fore²⁶¹⁸, ut resipiscant et animum alienent ab eodem. Didicerunt enim, quae acta sint cum captivis nostris post discessum S. R. Maiestatis²⁶¹⁹, quos omnes ad unum interfecit. Neque adhuc promis-

---

2594 nubili *b c d f*, nobili *g i*, mibili *e*

2595 maturae *b c d e f i*, maturam *g*

2596 Moscus *c g*, Moschus *b d e f i*

2597 misit *b c d f g i*, missit *e*

2598 Petrowicz *c e f*, Petrovicz *b d*, Petoieriz *g*, Petowicz *i*

2599 20 m. *b*, 2000 *c d e f g i*

2600 argenteorum *b c d e f i*, argentorum *g*

2601 pecunia *b d e f g i*, peccunia *c*

2602 Rigae *b c d e f g*, Riga *i*

2603 et coemi *b d e f g i*, omnia *c*

2604 necessaria *b c f g i*, neccessaria *d*, necessaria *e*

2605 quaeque *b d e f*, queque *c g i*

2606 comeatum *b c d e f g*, commeatum *i*

2607 in *b d e f g i*, cum *c*

2608 conspirarunt *b c d e f*, conspirant *g i*

2609 Rigenses *b c d e f g*, Rigones *i*

2610 Mtas *b c d e f*, M. *g i*

2611 obsessis *b c d f g i*, obsesis *e*

2612 viis *b c e f g i*, viris *d*

2613 commeatum *d e f g i*, comeatum *b c*

2614 R. S. Mtas *b*, S. R. Mtas *c d e f*, S. R. M. *g i*

2615 Revalen *c*, Revalens *d e f*, Revalensib *g*, Revalenses *i*

2616 deditionem *b c d f g i*, dicionem *e*

2617 promiserant *b c d f i*, promisserant *e g*

2618 fore *b d g i*, fere *c e f*

2619 Mtis *b c d e f*, M. *g i*

siones illae²⁶²⁰ Moschi ad finem perductae²⁶²¹ sunt, alitur promissis Magnis hucusque. Acceperunt enim Revalienses idque sperant fore Magnum in²⁶²² Livonico patibulo stupea corona coronandum iri²⁶²³.

AMOR ET STUDIUM SUBDITORUM IN EUNDEM

Quod²⁶²⁴ attinet ad res Moschoviticās²⁶²⁵, in summis, mediis et infimis²⁶²⁶ neminem²⁶²⁷ reperias, qui bene cupiat duci magno Moschoviae²⁶²⁸. Omnes enim exacerbato²⁶²⁹ corde et animo sunt in eum²⁶³⁰, nihil aequae²⁶³¹ in votis²⁶³² habent, quam ut aliquis principum eis subsidio praesto²⁶³³ adesse et velit et possit, cui adherere²⁶³⁴ tuto et sub eius tutela conquirere²⁶³⁵ liceat²⁶³⁶. Defectionem²⁶³⁷ omnes²⁶³⁸ ab²⁶³⁹ Moscho meditantur exceptis paucis hominibus improbis, qui etiam non recusarent idem facere, sed nullus sese²⁶⁴⁰ offert, sub cuius fidem et protectionem se cum suis omnibus²⁶⁴¹ recipere debeant. In tanta enim multitudine hominum videre est omnes moerore²⁶⁴² confectos quasi exanimis incedere et assidue Deum precari²⁶⁴³, ut S. R. Maiestas²⁶⁴⁴ Moscho bellum inferre velit. Illi perosi²⁶⁴⁵ tantae

---

2620 illae *bg*, ille *cdefi*

2621 perductae *bcdefg*, perducte *i*

2622 in *bcdefg*, a *c*

2623 iri *gi* omit.

2624 quod *bc dgi*, quot *ef*

2625 Moschoviticās *bcdefi*, Moscoviticās *g*

2626 infimis *bc dgi*, infinitis *ef*

2627 neminem *bcdef*, nominem *gi*

2628 Moschoviae *bcei*, Moscoviae *dfg*

2629 exacerbato *bcdef*, exarcebato *gi*

2630 in eum *bcdefi*, meum *g*

2631 aequae *bcdefg*, eque *i*

2632 votis *bcdefi*, notis *g*

2633 praesto *bdfg*, presto *cei*

2634 adherere *dgi*, adhaerere *bef*

2635 conquirere *bc dgi*, concurescere *e*, conquirecere *f*

2636 liceat *bc dgi*, livat *ef*

2637 defectionem *bd fgi*, deffectionem *c*, defictionem *e*

2638 omnes *bc fgi*, omnis *d, c* omit.

2639 ab *bcdefi*, a *gi*

2640 sese *bcdefi*, se *g*

2641 suis omnibus *bcdefgi*, omnibus suis *c*

2642 moerore *bc dfi*, in cerore *e*, moerere *g*

2643 precari *bcdefi*, praecari *c*, praecare *g*

2644 M. *cgi*, Mtas *bcdef*

2645 perosi *bcdefgi*, pertesi *c*

tyrannidis²⁶⁴⁶, ut cupidi libertatis non hastarum (ut aiunt) cuspidibus, sed potius obversis manubriis²⁶⁴⁷ hastilium²⁶⁴⁸ pugnatuos²⁶⁴⁹ eminus sese promittunt.

DE INDUCIIS

Sed quoniam percussit S. R. Maiestas²⁶⁵⁰ foedus cum Moscho, non aequo animo ferunt nobiles et eorum filii. Verentur enim ne stante hoc foedere reliquias²⁶⁵¹ nobilium, quae²⁶⁵² supersunt, omnino²⁶⁵³ extirpet. Nec credunt S. R. Maiestatem²⁶⁵⁴ foedus hoc servaturam propterea, quod insigniter turpi contumelia legatos²⁶⁵⁵ ad se missos affecit. Et quos legatos²⁶⁵⁶ sub hoc tempus mittit²⁶⁵⁷ ad S. R. Maiestatem²⁶⁵⁸, mittit quasi iam iam perituros, selegit²⁶⁵⁹ enim tales nihili²⁶⁶⁰ homines et ignobiles, ut etiam non curet, si²⁶⁶¹ omnes interfici deberent. Et hi²⁶⁶² magno cum timore huc proficiscuntur ad S. R. M. verentes, ne induciae istae²⁶⁶³ rumpantur, propter opprobria²⁶⁶⁴ et turpissimas contumelias, quas acceperunt legati S. R. M. ab hoc impio tyranno²⁶⁶⁵ Moschovitico²⁶⁶⁶.

Edixit quoque sub poena²⁶⁶⁷ capitis mercatoribus, qui sunt in confinibus, ne aliquis audeat inferre merces aliquas in regnum Poloniae, regiis nihilominus mercatoribus liberum²⁶⁶⁸ est intrare in ipsius ditonem.

2646 tyrannidis *b d f g*, tyrannidis *c*, tyrannidis *e i*

2647 manibus *c*, manubriis *b d e f*, manubiis *g i*

2648 hostilium *c g i*, hastilium *b d e f*

2649 pugnatuos *b c d f g i*, pugnawros *e*

2650 M. *c g i*, Mtas *b d e f*

2651 reliquias *b c d e f g*, reliquius *i*

2652 quae *b d e f g i*, qui *c*

2653 omnino *c d e f g i*, omnia *b*

2654 Mtem *b c d e f*, M. *g i*

2655 legatos *b c d e f g*, legutos *i*

2656 legatos *b c d f g*, ligatos *e*, legutos *i*

2657 mittit *c d e f g i*, mittit *b*

2658 Mtem *b c d e f*, M. *g i*

2659 selegit *b c d e f*, elegit *g i*

2660 nihili *b c d*, nihil *e f*, nobili *g*, nobiles *i*

2661 si *b c d e f i*, se *g*

2662 hi *b c g i*, si *d e f*

2663 istae *b d f g i*, iste *c e*

2664 opprobria *b d e f*, obrobria *c g i*

2665 tyranno *b c d f g*, tyranno *e i*

2666 Moschovitico *b d e f g i*, Moscovitico *c*

2667 poena *b c d g i*, pena *e f*

2668 liberum *b c d g i*, librorum *e f*

MAGNO MOSCHUS

Manu stipulata recepit et iuramento confirmavit se illi daturum tantum pecuniae²⁶⁶⁹ et exercitus, quantum opus fuerit, dicens: Meis exercitibus iam non ut meis, sed ut tuis²⁶⁷⁰ utare²⁶⁷¹ volo. Ego ad extremam usque inopiam non te deseram²⁶⁷², immo²⁶⁷³ omnibus rationibus te adiuvabo. Tu vero Magne²⁶⁷⁴ oppugnare non dubites omnes arces et urbes, oppida denique, quae adiacent terrae Livonicae.

Moschi omnes intentos oculos habent in id, ne forte (quod Deus avertat²⁶⁷⁵) aliquam urbem capiat, sperant²⁶⁷⁶ enim, etiamsi pollicitus²⁶⁷⁷ fuerit tam²⁶⁷⁸ magnifice²⁶⁷⁹ Moschum, non Magni, sed potius sua praesidia²⁶⁸⁰ in urbibus et oppidis captis collocarentur²⁶⁸¹.

DE LEGATO REGIS SVETIAE²⁶⁸²

Legatus iste, qui in carcerem coniectus est in civitate Moscha, magna inopia premitur²⁶⁸³. Pro commeatu enim 57²⁶⁸⁴ virorum non magis quam 3²⁶⁸⁵ florenos exponi iussit in singulos dies. Plerique eorum iam fame²⁶⁸⁶ extincti sunt. Hac²⁶⁸⁷ enim paucula²⁶⁸⁸ pecunia²⁶⁸⁹ esculenta miseri comparare coguntur. Adde, quod non cervisia²⁶⁹⁰ nec medone, sed aqua restinguere sitim eos²⁶⁹¹ oporteat²⁶⁹².

2669 pecuniae *b d e f g i*, peccuniae *c*

2670 tuis *b e f g i*, suis *c d*

2671 utare *b d e f g i*, utere *c*

2672 te deseram *b c g i*, te deferam *d*, desseram *e*, deseram *f*

2673 imo *b e f g i*, immo *c d*

2674 Magne *b d e f g i*, Magnae *c*

2675 avertat *b d e f i*, advertat *c*, avvertat *g*

2676 sperant *b d e f g i*, sperat *c*

2677 pollicitus *b d e f g i*, policitus *c*

2678 tam *b d e f g i*, tum *c*

2679 magnifice *b d e f g i*, magnificae *c*

2680 perfidia *b d e f*, praesidia *c g*, presidia *i*

2681 collocarentur *b d i*, collocaturum *c*, collocarentur *e f*, collocarent *g*

2682 Svetiae *b c d f g i*, Gretiae *e*

2683 premitur *b d e f i*, praemittitur *c g*

2684 57 *b d e f g i*, 53 *c*

2685 tres *c g i*, 3 *b d e f*

2686 fame *b c e f i*, famae *d g*

2687 hac *b c d e f*, haec *g*, hec *i*

2688 paucula *b d e f g i*, parvula *c*

2689 pecunia *b d e f g i*, peccunia *c*

2690 cervisia *b c d f g i*, cervissia *e*

2691 eos *b c d e f i*, eis *g*

2692 oporteat *b c d e f i*, oporteat *g*

DE NUNTIO²⁶⁹³ EIUSDEM REGIS²⁶⁹⁴

Post discessum²⁶⁹⁵ legatorum S. R. Maiestatis²⁶⁹⁶ accersi²⁶⁹⁷ eum iussit ex hospitio per quendam scribam. Hic autem nuntius²⁶⁹⁸ met quintus²⁶⁹⁹ venerat, vir egregiae²⁷⁰⁰ staturae, barbam prolixam gerens semicanam, adegitque²⁷⁰¹ ipsum scriba ille pileum detractum ex capite²⁷⁰² sub cingulum insertum gestare, literas²⁷⁰³ autem manu altera²⁷⁰⁴ extensa in altum praeferre²⁷⁰⁵, altera iussit²⁷⁰⁶ corrigiam²⁷⁰⁷ dependentem ab ephippio equi prehendere²⁷⁰⁸ et sic²⁷⁰⁹ adhaerentem²⁷¹⁰ equo illius²⁷¹¹ scribae, cui insidebat, pedibus curriculo currentem equum miserum²⁷¹² oportuit²⁷¹³ sequi²⁷¹⁴ cum literis²⁷¹⁵ illis sublatis ad arcem usque, postquam vero reddidisset literas²⁷¹⁶ secretariis (non enim passus²⁷¹⁷ est eum ad se admitti²⁷¹⁸), iussit eum incarcerationi cum aliis²⁷¹⁹ Suetiae²⁷²⁰ regis legatis.

2693 nuntio *b c d e f i*, nuncio *g*

2694 regis Sueti. *b*, regis *c*, regis S. *d e f*, regis Suetiae *g i*

2695 discessum *b c d f g i*, discesum *e*

2696 M. *b c g i*, Mtis *d f*, Mtas *e*

2697 accersi *b c d f*, accerssi *e*, accersiri *g i*

2698 nuntius *b c d e f i*, nuncius *g*

2699 quintus *b c e f g i*, quantus *d*

2700 vir egregiae *b c d e f*, aegregiae *g*, egregiae *i*

2701 adegitque *b d e f g i*, adeitque *c*

2702 e capite *b e f i*, ex capite *c*, a capite *d*, capite *g*

2703 lras *d e f*, literas *c g*, litteras *i*

2704 altera *b c d g i*, attera *e f*

2705 praeferre *b c d e f g*, preferre *i*

2706 altera iussit *b d e f g i*, iussit altera *c*

2707 corrigiam *b g i*, corrigium *c*, corigiam *d e f*

2708 prehendere *b d e f g*, apprehendere *c*, praehendere *i*

2709 sic *b d e f g i*, se *c*

2710 adhaerentem *b d e f g*, adherentem *c i*

2711 illius *b c d f g i*, alius *e*

2712 miserum *b c d f g i*, misserum *e*

2713 oportuit *b c d e f*, oportuit *g i*

2714 sequi *c d e f g i* omit.

2715 Iris *c d e f*, literis *g*, litteris *i*

2716 literas *b c d e f*, literis *g*, litteris *i*

2717 passus *b c d f g i*, pasus *e*

2718 admitti *b c d f g i*, admitti *e*

2719 incarcerationi cum aliis *b d e f g i*, cum aliis incarcerationi *c*

2720 Suetiae *b c g i*, Sveciae *d e f*

DE CAPTIVIS²⁷²¹

Qui detinebantur captivi apud Moschum²⁷²² super duobus castellis circiter 500, hos iussit deduci in arcem Smolensceam²⁷²³, qui captivi²⁷²⁴ tandiu²⁷²⁵ detineri debent ibidem, donec permutatio captivorum facta fuerit. In discessu²⁷²⁶ autem legatorum²⁷²⁷ a S. R. Maiestatem²⁷²⁸, nisi permutatio²⁷²⁹ captivorum fuerit concessa²⁷³⁰, certum est illos omnes²⁷³¹ interficiendos variis modis fore aut in aquas²⁷³² furore huius tyranni²⁷³³ praecipitandos²⁷³⁴. Quod ne fiat, misericordia et solita gratia et pietate in subditos S. R. M. Vestrae²⁷³⁵, ne sanguis eorum innocens effundatur, occurrendum²⁷³⁶ est.

Detinetur²⁷³⁷ ibi captivus S. R. M. Vestrae²⁷³⁸ nomine dux Syrhey²⁷³⁹ Lukomski²⁷⁴⁰, pro cuius permutatione et redemptione dati sunt 200²⁷⁴¹ coronati, quos misit dominus²⁷⁴² Flon²⁷⁴³ capitaneus Orsanensis²⁷⁴⁴ in Smolensceam²⁷⁴⁵ arcem²⁷⁴⁶ per famulum suum, acceptaque illa pecunia²⁷⁴⁷ palatinus Smolenscensis²⁷⁴⁸ tradidit ma-

---

2721 de captivis *c omit.*

2722 Moschum *b d e f g i*, Moscham *c*

2723 Smolensceam *b d*, Smollenscam *c*, Sinolensceam *e f*, Smolonsecam *g*, Smolonseorm (?) *corr. in Smolonfream (?) i*

2724 captivi *b c d g i*, capturi *e f*

2725 tandiu *b c d e f i*, tandiu *g*

2726 discessu *b c d g i*, descusu *e*, descusu *f*

2727 legatorum *b d e f g i*, legatorum suorum *c*

2728 Mtem *b d e f*, M. *c g i*

2729 permutatio *b c d e g i*, permutatio *f*

2730 concessa *b d e f g i*, cecessa *c*

2731 illos *b d e f g i*, illos omnes *c*

2732 aquas *b c d e f g*, aqccas *i*

2733 tyranni *b c d f g*, tiranni *e i*

2734 praecipitandos *b c d e f g*, precipitandos *i*

2735 Vrae *b c d e f*, Vestrae *g*, Vestre *i*

2736 occurrendum *b c d e g i*, occurendum *f*

2737 detinetur *b c d g i*, detmetur *e f*

2738 Vrae *b c e f*, Vestrae *g i*, Vram *d*

2739 Syrhey *b d e f g*, Syrchei *c*, Sirehi *i*

2740 Lukomski *b c d*, Lukomsty *e f*, Lucomsty *g i*

2741 200 *b c d e f*, CC *g i*

2742 dnus *b g i*, d. *c*, dominus *d e f*

2743 Flon *b c d f g i*, Non *e*

2744 Orsanen *b c e f g i*, Orsanem *d*

2745 Smolensceam *b e f*, Smolesca *c*, Smolensream *d*, Smolenszeam *g*, Smolonseam *i*

2746 arcem *b d e f g*, arce *c*, arcem (?) *i*

2747 pecunia *b d e f g i*, peccunia *c*

2748 Smolenscen *b c d g f*, Smolenscer *e*, Smolonsren *i*

numissum²⁷⁴⁹ ducem Lukomski²⁷⁵⁰ famulo²⁷⁵¹ domini²⁷⁵² Floni. Cum autem iam vellet dux ille²⁷⁵³ conscenso²⁷⁵⁴ equo discedere²⁷⁵⁵, iterum illum retinuit palatinus Smolenscensis²⁷⁵⁶ nec voluit dimittere²⁷⁵⁷, causam adferens²⁷⁵⁸ esse captivum apud regem Polonum quendam suorum Moschum nomine Mamay²⁷⁵⁹ Chlistoph²⁷⁶⁰ cum suis commilitonibus²⁷⁶¹ iam redemptionis beneficio²⁷⁶² quoque liberum, quem²⁷⁶³ si liberum²⁷⁶⁴ ad nos redire feceritis, vester quoque hic dux Syrhey²⁷⁶⁵ Lukomski²⁷⁶⁶ sine omni mora ad vos remittetur.

Quodam tempore cum Ivan²⁷⁶⁷ Michalovicz²⁷⁶⁸ vicecancellarius Moschi eum²⁷⁶⁹ admonisset libere inter caetera²⁷⁷⁰, cur oblitus Dei et subditorum suorum tam immaniter²⁷⁷¹ saevire²⁷⁷² in populum sibi subiectum et nobiles eos crudeliter interficiendo, de medio tollere²⁷⁷³ non desistat²⁷⁷⁴, addens et hoc: Quicum²⁷⁷⁵ postea imperium defendes²⁷⁷⁶ tuum omnibus interfectis²⁷⁷⁷. Ille respondit se modo non penitus²⁷⁷⁸ omnes perdidisse, imo perdere caepisse, curaturum autem, ut

---

2749 manumissum *b c d f g i*, manumisum *e*

2750 Lukomski *b c d e f*, Luchosty *g i*

2751 famulo *b c d e f g*, famalo *i*

2752 *d. b c d e f*, dni *g*, domini *i*

2753 vellet dux ille *b d e f g i*, dux ille vellet *c*

2754 conscenso *b c d g i*, consenso *e f*

2755 discedere *b c d e f i*, descendere *g*

2756 Smolenscen *b c d e f*, Smoloscens *g i*

2757 dimittere *b c d e f g*, demittere *i*

2758 adferens *b c d e f*, afferens *g i*

2759 Mamay *b d e f g*, Mamai *c i*

2760 Chlistoph *b c d f*, Chleistoph *e*, Chliscoph *g*, Pliscoph *i*

2761 commilitonibus *b e f i*, comilitonibus *c g*, commiletonibus *d*

2762 beneficio *b d e f g*, beneficio *c i*

2763 quem *b d e f g i*, quos *c*

2764 liberum *b d e f g i*, libere *c*

2765 *b omit.*, Syrhey *c e f*, Syrsey *d*, Syrty *g*, Syrsty *i*

2766 Luchomski *b*, Lukomski *c e f*, Lukomsk *d*, Lukomhy *g*, Luhomsi *i*

2767 Ivan *b d*, Iwan *c*, Ioan *g i*, Tuam *e f*

2768 Michalovicz *b d e f g i*, Michalowicz *c*

2769 eum *b c e f g i*, cum *d*

2770 caetera *b c d e f g*, cetera *i*

2771 immaniter *b c d e f i*, inhumaniter *g*

2772 seuire *b c*, saevire *d e f g i*

2773 tollere *b c d e f i*, tollere *g*

2774 desistat *b c d e f g*, desistut *i*

2775 quicum *b d e f g i*, cum quo *c*

2776 defendes *b c d g*, defendens *e f*, defen... *i*

2777 tuum omnibus interfectis *b d e f g i omit.*

2778 penitus *b d e f* paenitus *c*, poenitus *g i*

omnes²⁷⁷⁹ funditus tollat et in perniciem adducat, addens et hoc: Si Deus forte ulciscens meam crudelitatem hostem aliquem potentem contra me excitaverit, malim²⁷⁸⁰ hosti me submittere et victas²⁷⁸¹ dare manus, quam risui²⁷⁸² exponi apud vos vilissima²⁷⁸³ mancipia mea²⁷⁸⁴.

CAUSA MORTIS IOANNIS²⁷⁸⁵ PIOTROWICZ²⁷⁸⁶
PALATINI²⁷⁸⁷ MOSCHOVIAE²⁷⁸⁸

Et eorum omnium, qui illi subscripserant²⁷⁸⁹, circiter 30 000²⁷⁹⁰ hominum se unanimi voto²⁷⁹¹ tradere velle regi ducem magnum Moschoviae²⁷⁹², si cum exercitu intrasset rex in terram Moschoviae, sed cum acceperunt regem exercitum reduxisse, cavebant²⁷⁹³ quisque sibi, ne proderentur²⁷⁹⁴ nimirum in tanta multitudine conspiratorum²⁷⁹⁵. Omnem enim spem et fiduciam abiecerant²⁷⁹⁶, posteaquam regem ex itinere reversum acceperunt. In quorum numero erat dux Wlodimir²⁷⁹⁷ frater patruelis Moschi, dux Bielski²⁷⁹⁸, dux Msczislawski²⁷⁹⁹ complices eiusdem conspirationis. Hi itaque authores²⁸⁰⁰ (ut dictum est) coniurationis praefatae²⁸⁰¹, audito regem ex itinere revertisse, rogarunt Petrovicium²⁸⁰², ut ipsis facere²⁸⁰³ copiam vellet

---

2779 omnes *b c d f g i*, eos *e*

2780 malim *b c d e f g*, malem *i*

2781 victas *b c d e f g*, victus *i*

2782 risui *b c d g i*, re sui *e f*

2783 vilissima *b c d g i*, villissima *e f*

2784 mea *d omit*.

2785 Ioan. *b f*, Ioannis *c i*, Ioan *d e g*

2786 Piotrowicz *b*, Piotrowicz *c d e f g i*

2787 palatini *b c e f g*, palatim *d*, palutini *i*

2788 Moschoviae *d e f g i*, Moschowiae *c*, Moscae *b*

2789 subscripserant *b c d e f*, subscripserunt *g i*

2790 30000 *b d e f g i*, 3000 *c*

2791 voto *b c d g i*, vote *e f*

2792 Moschoviae *b c d e f g*, Moschovia *i*

2793 cavebant *b c g i*, canebant *d e f*

2794 proderentur *b d e f g i*, prodirentur *c*

2795 conspiratorum *b c f g i*, eospiratorum *e*

2796 abiecerant *b c d e f i*, abyecerant *g*

2797 Wlodimir *b d f g i*, Vlodimir *c e*

2798 Bielski *b c e f*, Bulski *d*, Bulsry *g i*

2799 Msczislawski *c*, Mscislawski *d f*, Mscislaroski *b e*, Mscistawisty *g i*

2800 authores *b c d e f g*, autores *i*

2801 praefatae *b c d e f g*, prefatae *i*

2802 Petrovicium *b c d e f g*, Petroviczium *i*

2803 facere *b c d f g i*, facerem *e*

catalogi²⁸⁰⁴ nomina plurium in album conspiratorum inscribendi. Petrovicius nihil suspicans mali communicavit²⁸⁰⁵ catalogum²⁸⁰⁶ ducibus praefatis. Illi e vestigio gratiam quandam cupientes apud²⁸⁰⁷ magnum tyrannum²⁸⁰⁸ hortantur²⁸⁰⁹, domum ut²⁸¹⁰ quam primum revertatur²⁸¹¹, nisi malit²⁸¹² perire, iam enim tradendus erat in manus²⁸¹³ regis Poloniae, adveniente exercitu regio. Ille admonitus itinere²⁸¹⁴ desistit²⁸¹⁵ et in Moscham prope contendit pervenitque eo in spatio²⁸¹⁶ unius diei et noctis cum eodem itinere, quo venerat, tendens in illud²⁸¹⁷ oppidum²⁸¹⁸ intra 7²⁸¹⁹ dies vix pervenire potuerit. In fuga hac igni et ferro depopulatus est terram Moschoviae²⁸²⁰ hostili et pene Scythico²⁸²¹ animo. Vix perventum est Moscham, offerunt²⁸²² illi catalogum²⁸²³, qui habebat nomina coniuratorum, iuxta cuius seriem Moschus furore²⁸²⁴ percitus exterminare coepit²⁸²⁵ utriusque sexus homines, occidendo quosvis in territoriis²⁸²⁶ Pskoviensi²⁸²⁷ et Novogrodensi²⁸²⁸ et aliis plurimis locis in omnes saeviens²⁸²⁹, qui coniurationis eius fuerunt conscii²⁸³⁰. Porro Petrovicium palatinum

---

2804 catalogi *b d e f g i*, cathalogi *c*

2805 communicavit *b c d e f*, comunicavit *g i*

2806 catalogum *b d e f g i*, cathalogum *c*

2807 apud *b*, ad *d e f g i*, *c omit.*

2808 tyrannum *b c d f g*, tirannum *e i*

2809 hortantur *b c g i*, fortantur *corr. in hortantur d*, fortant *e*, fortantur *f*

2810 domum ut *b c d e f*, ut domum *g i*

2811 revertatur *b c d f g i*, rebertatur *e*

2812 malit *b c d e f g*, mali *i*

2813 manus *b d e f*, manu *c*, manibus *g i*

2814 itinere *b d e f g i*, itineri *c*

2815 desistit *b d g i*, desestit *e f*, discessit *c*

2816 spatio *b c d e f i*, spacio *g*

2817 in illud *c i*, in lud *b d f*, in iud *e*, illud *g*

2818 oppidum *b c d e f i*, opidum *g*

2819 7 *b c d e f*, septem *g i*

2820 Moschoviae *b d e f i*, Moscoviae *c g*

2821 Schytico *b*, Scythico *c g*, Scytico *d e f*, Scithico *i*

2822 offerunt *b d f g i*, afferunt *c*, oferunt *e*

2823 catalogum *b d e f g i*, cathalogum *c*

2824 furore *b c d e f g*, furere *i*

2825 coepit *b c d e f*, cepit *g i*

2826 territoriis *b d e f*, territorii *c*, territorio *g i*

2827 Pskovien *b d*, Pscovien *c*, Pskoiven *e f g*, Pckoiven *i*

2828 Novogroden *b e f*, Novogrodens *g*, Novograden *d i*, Nowogrodensi *c*

2829 saeviens *b d e f g*, seviens *c i*

2830 conscii *b c d f g i*, consii *e*

propria manu inter epulas cultro confossum²⁸³¹ trucidavit. Sed in alio opere²⁸³² de eius morte S. R. Maiestati²⁸³³ Vestrae²⁸³⁴ copiosius perscribam.

Haec²⁸³⁵ autem, quae offero²⁸³⁶ breviter perscripta M. Vestrae²⁸³⁷ Illustrissimae²⁸³⁸, Deum testor me scripsisse veram historiam²⁸³⁹, non fictam. Omnia enim haec ipse²⁸⁴⁰ meis oculis vidi et auribus audivi²⁸⁴¹, libere versando inter omnes cum medico Moschorum²⁸⁴² tyranni²⁸⁴³. Caeterum maiora²⁸⁴⁴ M. V. R.²⁸⁴⁵ mittam, historiam²⁸⁴⁶ videlicet rerum, quae intra hoc septennium²⁸⁴⁷ acta sunt, de occisione videlicet senatorum et plurimorum filiorum nobilium²⁸⁴⁸. Item quo genere mortis necaverit cancellarium suum et vicethesaurarium post discessum²⁸⁴⁹ legatorum S. M. Vestrae²⁸⁵⁰ e civitate Moscha, omnia, quae vidi, perscribam S. R. Maiestati²⁸⁵¹ Vestrae²⁸⁵². Multa enim huius argumenti mihi perscribenda sumpsit. Amen²⁸⁵³.

Laus Deo trino et uno²⁸⁵⁴.

2831 confossum *b d e f g i*, confosum *c*

2832 opere *b c g i*, opera *e*, operae *d f*

2833 *M. b d e f g i*, *Mti c*

2834 *Vrae b c d e f*, *Vestrae g i*

2835 *haec b c d e f g*, *hec i*

2836 offero *b c d f i*, ofero *e*, offerre *g*

2837 *V. c g i*, *Vrae b d e f*

2838 *Illmae b d e f*, *Serme c*, *Illme g i*

2839 *historiam b c d e f i*, *hystoriam g*

2840 *ipse b c d f g i*, *ipsse e*

2841 *audivi b c d g i*, *audii e f*

2842 *Moscorum b g d f*, *Moschorum c e i*

2843 *tyranni b c d f g*, *tiranni e i*

2844 *maiora b c d f g i*, *mayora e*

2845 *M. V. R. b d e f g i*, *R. M. V. c*

2846 *historiam c d e f i*, *hystoriam b g*

2847 *septennium b c f*, *septenium d i*, *septenurium e*, *septemnum g*

2848 *rerum quae intra hoc... plurimorum filiorum nobilium b d e f g*, *rerum quae intra hoc... plurimorum nobilium filiorum i*, *de senatorum et plurimorum filiorum nobilium occisione quae intra hoc septennium acta sunt c*

2849 *discessum b c d e f g*, *descessum i*

2850 *Vrae b c d e f g*, *V. i*

2851 *Mti d e f*, *M. b g i*

2852 *Vrae b d e f g*, *V. i*, *e civitate Moscha omnia quae vidi perscribam S. R. Mti Vrae c omit.*

2853 *amen c d e f g i omit.*

2854 *laus Deo trino et uno b d e f*, *finis huius operis c*, *laus Deo finis g, i omit.*

Альберт Шлихтинг
**Что говорят о последних событиях в Московии,
1 октября 1570 года**

Великий князь Московии самолично со всем своим двором перешел через реку Оку, и, когда он был миль за 20, под Коломной он распустил слух, что идет с войском на крымского хана. Однако, желая убежать от чумы, он двигается не по дорогам и проселкам, а рыскает по лесам и бездорожью и не останавливается ни в каких замках и дворцах. Что касается войска, состоявшего из 20 тысяч необученных новобранцев, то он его отослал и выслал вперед с тем самым войском князей Бельского, Мстиславского и Барятинского и других знатных людей.

Послами к Его Королевскому Величеству назначены Григорий Мещерский, Иван Камбаров и один крещеный казанский татарин вместе с князем Григорием Путятиным и Осипом Непеем, дьяком, то есть по-нашему писцом или нотарием.

Им выдали деньги, чтобы они побыстрее отправились в путь, но из-за эпидемии чумы они застряли в городе Москве, и все послы разъехались по разным местам. Чума сильно свирепствует в 18 больших и малых городах, но особенно ужасающе в городе Москве, где ежедневно умирает человек шестьсот, а то и тысяча. Начальники в Москве следующие: Василий Масальский и вице-казначей его Борис вместе со своим сослуживцем Сукиным. Ибо у москвитов нынче два вице-казначая, в чьих руках находятся все дела.

О Магнусе

Когда Магнус, герцог Гольштинии и брат датского короля, уже был отпущен Москвитом, он распустил повсеместно слух, что ему переданы все замки и крепости Ливонии и что его следует приветствовать как короля. И повелел: того, кто гнушается называть его королем Ливонии, класть на быка и бить батогами. Он, кроме того, пообещал отдать в жены тому самому Магнусу свою племянницу, дочь его родного брата Владимира, которого до того он убил ядом вместе с его женой и матерью. Исполнить обещанное он посулил не раньше, чем будет взят Ревель. Как только Магнус им овладеет, он повелел ему вернуться в Московию и предписал сыграть свадьбу там.

И когда немного времени спустя Магнус встретился с дочерью Владимира, она подарила ему 3 000 серебряных монет, несколько дорогих соболиных шуб и несколько кунных шапок. Всего он

получил от нее много шерстяных и льняных платьев. Магнус подарил ей в ответ золотое ожерелье стоимостью 500 крон.

После этого он уехал из города Москвы со своими немецкими солдатами и всадниками, число которых не превышало 200 конных. Однако в городе Пскове его прибытия ожидал Юрий Токмаков с 3 000 воинов. Потом вслед им отправился Иван Петрович Хирон. Собрав войско численностью около 7 000 и соединив силы с Магнусом, они выступили на завоевание Ревеля. И в это самое время Магнус послал к тирану гонцов, приказав одному отправиться первым, а другому ехать следом за ним. Однако тиран не захотел, чтобы они были к нему допущены, опасаясь некоей эпидемии чумы. Магнус тем временем осадил Ревель в надежде, что он завладеет им благодаря тому, что ему сдадутся некоторые из горожан.

Из Пернова

Многие немецкие воины отправились к Магнусу. Те же, кто остался в Пернове, только и ждут того, что будет с Ревелем. Если он, не дай Бог, он возьмет Ревель, Пернов будет готов сдать ему без всякой осады.

Рига

Она подобна созревшей девице. Московит послал Магнусу через Ивана Петровича Хирона 20 тысяч серебряных монет. На эти деньги он должен снарядиться для похода на Ригу и закупить все необходимое в том, что касается съестных припасов, лошадей и оружия. Все ждут, чем кончится дело в Ревеле. Ибо многие горожане тайно сговорились с Магнусом. Кое-кто из рижан опасается только, как бы Его Королевское Величество не повелел перекрыть дороги, чтобы воспрепятствовать подвозу продовольствия, которое доставляется в лагерь Магнуса. Их было бы просто перерезать, если бы Его Королевское Величество позаботился о том, чтобы завладеть дорогами.

О жителях Ревеля

Есть надежда, что те, кто пообещал Магнусу сдачу своего города, еще одумаются и отвратятся от него. Они узнали, что стало с нашими пленными после отъезда [послов] Его Королевского Величества. Московит истребил их всех до единого. Кроме того, он до сих пор не выполнил того, что посулил, и Магнус все еще кормится обещаниями. Жители Ревеля приняли это к сведению и уповают на то, что Магнус будет коронован веревкой на ливонской виселице.

Какая к нему любовь и какое рвение подданных

Что касается московских дел, ты не найдешь никого из высших, средних и низестоящих, кто был бы расположен к великому князю Московии. Сердцем и душой все озлоблены против него, ничего не желают больше, чем того, чтобы какой-нибудь государь захотел и смог прийти им на помощь, кому они могли бы без опаски предаться и зажить спокойно под его рукой. Все думают о том, как бы отложиться от Московита, за исключением кучки мерзавцев, хотя и те не отказались бы сделать то же самое, но нет никого, чье подданство вместе со всеми своими людьми они могли бы принять. Посреди такого множества народу можно видеть, что все терзаются скорбью, почти убиты и беспрестанно молят Бога, чтобы Его Королевское Величество пожелал пойти на Московита войной. Они так ненавидят эту тиранию, что алчут свободы не (как это говорят) наконечниками копий, а обещают скорее повернуть древка в другую сторону и помочь королю издать.

О перемирии

А поскольку Его Королевское Величество заключил договор с Московитом, знатные люди и их дети принимают это с досадой. Они опасаются, что, продлись это перемирие, Московит уничтожит под корень остатки знати, которые уцелели. Они не верят в то, что Его Королевское Величество станет соблюдать сей договор, так как отправленных к нему послов Московит необыкновенно уязвил гнусным бесчестьем. И послов, которые нынче едут к Его Королевскому Величеству, он посылает точно на смерть, ибо он выбрал таких никчемных и безвестных людей, что ему не будет дела, если их всех перебьют. И те отправляются сюда к Его Королевскому Величеству в превеликом страхе, опасаясь того, как бы это перемирие не было разорвано из-за обид и гнуснейших бесчестий, которые претерпели послы Его Королевского Величества от этого нечестивого московского тирана.

Он объявил также купцам, которые находятся в пределах его государства, чтобы под страхом смертной казни никто не смел ввозить какие-либо товары в королевство Польское, однако королевским купцам позволяется въезжать в его владения.

Слова московита, сказанные Магнусу

Он ударил с ним по рукам и подкрепил договор клятвой, что даст тому столько денег и войска, сколько потребуется. Он сказал: «Хочу, чтоб моими войсками ты пользовался уже не как моими, а как своими собственными. Я тебя не оставлю до самой

последней возможности и даже всеми способами тебе помогу. А ты, Магнус, должен без колебаний завоевывать все крепости и города, которые прилегают к ливонским землям».

Московиты смотрят во все глаза, не возьмет ли он ненароком (не дай Бог!) какой-нибудь город. Они надеются, что, вопреки щедрым посулам, во взятых городах и замках Московит поставит свои гарнизоны, а не Магнуса.

О после шведского короля

Этот посол, которого в городе Москве бросили в тюрьму, терпит великую нужду. На пропитание 57 человек Московит повелел выдавать ежедневно не больше 3 флоринов. Многие из них уже умерли от голода, ибо несчастные вынуждены покупать пищу на эти ничтожные деньги. К тому же, жажду им приходится утолять не пивом или медом, а водой.

О гонце того же короля

После отъезда послов Его Королевского Величества Московит повелел одному писцу вызвать гонца из его жилища. Гонец прибыл с четырьмя спутниками, это был высокий человек с окладистой наполовину седой бородой. И тот писец заставил его снять с головы шапку и носить ее засунутой за пояс. Он приказал одной рукой, поднятой вверх, показывать письмо, другой схватить ремень, свисавший с седла его коня, и так несчастный, держась за коня, на котором восседал писец, пеший бегом за скачущим всадником должен был следовать с поднятым письмом до самой крепости. После того, как гонец отдал письмо секретарям (поскольку Московит не позволил допустить его к нему), он повелел заключить его тюрьму вместе с остальными послами шведского короля.

О пленных

Пленных у Московита в двух замках содержалось около 500. Он приказал перевести их в крепость Смоленск. Эти пленные должны содержаться там до тех пор, пока не состоится обмен пленными. После того, как послы уедут от Вашего Королевского Величества, если обмен пленными не будет позволен, всех пленных наверняка разными способами перебьют, либо тиран, беснуясь, повелит бросить их в омут. Не дай Бог, это случится. Вы, Ваше Королевское Величество, с Вашим милосердием, всегдашним снисхождением и отеческой заботой о подданных, не должны допустить того, чтобы пролилась невинная кровь этих людей.

Там содержится в плену слуга Вашего Королевского Величества по имени князь Сергей Лукомский. Ради его выкупа были даны 200 крон, которые прислал в крепость Смоленск через своего слугу староста Оршанский Филон. Взяв эти деньги, смоленский воевода освободил князя Лукомского и передал его слуге господина Филона. Но когда этот князь, сев на коня, уже собирался уехать, смоленский воевода снова его задержал и не захотел отпустить, сославшись на то, что у польского короля находится в плену один из его людей москвит по имени Мамай Хлистов [?] со своими товарищами. За его освобождение также уже был заплачен выкуп. Воевода сказал: «Если вы дадите ему свободно к нам вернуться, тогда и этот ваш князь Сергей Лукомский будет тотчас к вам отослан».

Однажды вице-канцлер Московита Иван Михайлович открыто его увещевал, вопрошая среди прочего, почему тот не прекратит, забыв Бога и своих подданных, свирепствовать против подвластного ему народа и жестокими убийствами губить знать, прибавив такие слова: «С кем потом ты будешь защищать твою империю, если всех перебьешь?!» Тот ответил, что он погубил еще далеко не всех, а только начал губить, но что он постарается извести всех под корень и обречь на смерть, и добавил: «Если Бог, мстя за мою жестокость, возбудит против меня некоего могущественного врага, я предпочту скорее быть побежденным врагом и сдаться ему на милость, чем быть посмешищем для вас, ничтожные мои холопы».

Причина смерти московского воеводы Ивана Петровича

Всех примкнувших к нему было около 30 тысяч. Они единодушно желали передать великого князя Московского в руки короля, когда король вступит с войском в земли Московии. Но когда узнали, что король отвел свое войско, каждый испугался за себя, как бы при таком множестве заговорщиков их кто-нибудь не выдал. Они оставили всякую надежду и доверие друг к другу, когда до них дошла новость, что король вернулся из похода. В их числе был князь Владимир, двоюродный брат Московита, и князь Бельский и князь Метиславский были замешаны в этом заговоре. И вот эти, так сказать, творцы сказанного заговора, прослышав о том, что король вернулся из похода, просят Петровича, чтобы он соблаговолил сделать для них копию списка заговорщиков якобы для того, чтобы они могли вписать туда много новых имен. Петрович, не подозревая ничего дурного, поделился списком со сказанными князьями. Те тотчас, желая стяжать не-

кую милость у великого тирана, побуждают его как можно скорее вернуться домой, если он не хочет погибнуть, ибо его собираются передать в руки польского короля, когда тот прибудет со своим войском. Предупрежденный таким образом, Московит прервал поход и стремглав бросился в Москву. Он доскакал туда всего за один день и одну ночь, хотя той же дорогой, которой приехал, до того города, где он находился, он едва смог добраться за неделю. В этом бегстве он опустошил огнем и мечом земли Московии, точно неприятель и сущий скиф. Едва он прибыл в Москву, ему вручили список с именами заговорщиков. В ярости на этих людей, Московит начал истреблять народ обоего пола, убивая всех подряд в псковских и новгородских землях и многих других местах, неистовствуя против всех, кто знал о том заговоре. Воеводу Петровича он убил потом собственноручно, пронзив его ножом на пиру. Но о его смерти я напишу Вашему Королевскому Величеству более подробно в другом сочинении.

Бог свидетель, эти кратко изложенные мной факты, которые я сообщаю Вашему Величеству, не выдуманная, а подлинная история. Все это я сам видел своими глазами и слышал своими ушами, свободно находясь среди людей, когда я состоял при враче тирана московитов. Впрочем, я расскажу Вашему Королевскому Величеству еще больше, а именно напишу историю того, что случилось за эти семь лет, в том числе об убийстве бояр и многих детей боярских. Также о том, какой смертью он умертвил своего канцлера и вице-казначея после отъезда послов Вашего Величества из города Москвы, я напишу Вашему Королевскому Величеству все, что видел. Думаю, я должен рассказать об этом еще многое. Аминь.

Хвала Богу Единому в Трех Лицах.

Б. Н. ФЛОРЯ

ПАВЕЛ АЛЕППСКИЙ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Записки Павла Алеппского, молодого сирийца, посетившего со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием, Россию в середине 50-х гг. XVII в., уже давно оценены исследователями, как важный источник о жизни русского общества этого времени. Меньше внимания привлекают встречающиеся в этом сочинении экскурсы в русское прошлое. Наиболее интересным из этих экскурсов представляется помещенный в записках его рассказ об Иване Грозном. Чтобы оценить это сообщение Павла Алеппского, его следует сопоставить с представлениями русского общества об исторической роли этого правителя.

Какие представления об Иване IV и его исторической роли фигурировали в сознании русского общества первой половины XVII в.? Речь должна идти прежде всего об исторических сочинениях людей, переживших Смуту. Представитель образованной верхушки духовенства Авраамий Палицын в начальной редакции своего сочинения с осуждением писал о разгроме Новгорода в 1570 г., отметив саркастически, что царю не было помощи «от плена святых икон, и книг, и колоколов». «Отмщение от Бога» привело к разорению Москвы татарами — «тогда седмицею злейши Новагорода разтление бысть»¹.

Краткая, но достаточно определенная оценка правления Ивана IV содержится в Хронографе ред. 1617 г. — памятнике, воз-

---

¹ Сказание Авраамия Палицына. М., 1955. С. 278.

никшем в среде кремлевского белого духовенства². Здесь читаем о царе, что «превратися многомудренны ево нрав на нрав яр», в результате он убил многих «от сродства своего», а кроме того «крамолу межуsobную возлюбил... едины люди на другая пусти»³.

Резко отрицательные оценки правления Ивана IV обнаруживаются в «Летописной книге», созданной в кругу аристократии, пострадавшей от гонений этого правителя (в разных списках памятник атрибутируется то кн. И. М. Катыреву-Ростовскому, то кн. С. И. Шаховскому). Здесь говорится, что царь «супротивен обретесе», «наполнися гнева и ярости», разделил своих подданных на две части «и заповеда своей части оную часть людей насилovati и смерти предавати... даже до сущих младенец». Царь «не усрамися же ся святительского чину, овых убивая, овых заточению предавая». Вплоть до самой смерти «нрава же своего никако пременися»⁴.

В Архивском 2-м списке Псковской III летописи, записанной в среде посадского населения Пскова, с осуждением говорилось о разгроме Новгорода в 1570 г., когда «бысть туга и скорбь в людях веля, и святыя обители и церкви божия и села запустеша». Эти действия царя летописец объяснял влиянием на него «лютого волхва» Бомелия. Под его влиянием царь убил многих людей «роду боярского и княжеска» и хотел «бежети в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои... бояри оставши побити», но его самого «смерти предаша, да не до конца будет Руское государство разорено и вера христианская»⁵.

Мнения еще одной части общества, приказной бюрократии, можно искать во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, видного представителя этого общественного слоя. Годы Смуты И. Тимофеев провел в Новгороде. Неудивительно, что в его суждениях обнаруживается много общего с высказываниями псковского горожанина. Для него царь также человек, который без каких-либо причин разрушил традиционный порядок, «едины люди раздели» и одну их часть, «яко чюжи отрину». Опричники для него — «бесоподобные слуги» царя. Царь не только казнил Владимира Старицкого с семьей и его слуг, но и «женску же полу всяко наругался срамне». Как и Авраамий Палицын, он видел в разорении

---

² Об атрибуции памятника см.: Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 88–89, 93–94.

³ Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1909. Стб. 1275–1276.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. XIII. Стб. 561–562.

⁵ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 262.

Москвы татарами в 1571 г. божье наказание за разгром Новгорода — «греховного... поползения самого всех главы», то есть царя. Действия царя, как и псковский горожанин, И. Тимофеев объяснял влиянием на царя иностранцев, которые «ненавидение ему на люди его нанесоша»⁶.

С приказной средой связывают и возникновение такого памятника летописания первой половины XVII в., как «Пискаревский летописец»⁷. В нем говорится о «видении» митрополита Макария, что «грядет нечестие и кровозлияние и разделение земли». Это «видение» сбылось с установлением опричнины, когда «возъярился царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное христианство по злых людей совету... и бысть в людех ненависть на царя от всех людей»⁸.

Современник Павла Алеппского подьячий Г. Котошихин в 60-е гг. XVII в. записал, что Иван IV правил страной «в ярости и во злобе силне... пленил подданных своих, единоверных христиан и многи мучительства над князи и бояры своими и простыми людьми показа»⁹.

Таким образом, сочинения, написанные в первой половине XVII в. представителями разных общественных слоев, говорят о существовании общего представления об Иване IV как человеке, беспричинно разрушавшем традиционный общественный порядок, прибегая к самым жестоким мерам. Закреплению такого представления, конечно, способствовало торжественное перенесение в Москву в 1652 г. останков митрополита Филиппа Кольчечева, удаленного с митрополичьей кафедры, а затем убитого по приказу Ивана IV. За останками митрополита ездил на Соловки сам Никон, в то время новгородский митрополит. В грамотах, адресованных святому от царя и Никона, порицались действия Ивана IV. В царском послании говорилось, что царь выступил против митрополита «неразумно завистию и неудержанием ярости», а в послании Никона, что он «возненавиде» митрополита за правду и поступил с ним «неправедно»¹⁰.

---

⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 72, 78.

⁷ Солодкин Я. Г. Указ. соч. С. 67.

⁸ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190.

⁹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 1.

¹⁰ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 180–182; см. также: Полознев Д. Ф. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

В сочинении Павла Алеппского читаются подробные рассказы о переносе останков¹¹ святого, которые он слышал, конечно, в окружении патриарха Никона. Как отметил Павел, в 1655 г. в четверг Сырной недели царь и патриарх вместе молились у этих останков в Успенском соборе. Обращает на себя внимание, что у Павла Алеппского никак не объясняется, чем была вызвана «мученическая кончина» митрополита.

Нет оснований полагать, что Павел Алеппский как-то специально интересовался русским прошлым. Так, например, у него ничего не говорилось о событиях Смуты. Однако текст «Путешествия» содержит достаточно обширный рассказ об Иване IV¹², который находится в резком противоречии с теми представлениями, которые охарактеризованы выше. Правда, некоторые общие черты обнаруживаются. И для Павла Иван IV — человек «весьма склонный к гневу, любящий пролитие крови», но за это Павел его не осуждает, так как этот правитель совершил поистине великие деяния.

До вступления Ивана IV на трон Русского государства практически не существовало — «вся страна московитов была в руках князей, из коих каждый владел отдельной областью (по наследию) от отцов и дедов, что походило на положение страны ляхов и их правителей». Иван IV «хитростью заманил к себе семьдесят князей, кои правили всей страной московитов... всех их умертвил и завладел их сокровищами, богатствами и войсками». Так Иван IV создал единое Русское государство. Но этим дело не ограничилось. Как заявляет Павел, «все порядки правления были установлены этим царем... И они остаются без изменений до настоящего времени», то есть до середины XVII века.

Как духовное лицо, Павел особо отметил, что именно Иван IV сумел подчинить власти московского митрополита 12 кафедр (включая кафедру архиепископа Сибири). Каждому из иерархов царь «выстроил в городе Москве палаты с церковью и каждому из них назначил земли, доходы и милостыню».

Объединив под своей властью русские земли, Иван IV принял обширные завоевания, целью которых стало распространение христианской веры. 12 лет царь осаждал Казань, пока не

---

¹¹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанные его сыном Павлом Алеппским. М., 2005. С. 297–298.
О совместной их молитве у останков митрополита Филиппа и в следующем году см.: Там же. С. 485.

¹² Путешествие... С. 306–309.

разрушил ее стены с помощью подкопов. Из захваченной ханской казны было взято золото, которым покрыли купола Успенского и Благовещенского соборов, а также «высокой колокольни» и золотой крест на Благовещенском соборе. «Он существует доселе, — записал Павел, — горит, как солнце». Затем царь занял Астрахань и потом «овладел всем Персидским морем Каспием... отнял у персов город Тарки» (крупный центр на территории совр. Дагестана), «отвоевал от страны узбеков множество городов, наложив на них ежегодную дань леопардами и львами».

Царь обратился также на запад — «победил еще 12 кралей франкских, завладел их сокровищами и странами, а их всех умертвил». В этой связи Павел упоминает некое «повествование» об Иване IV. Рассказывая о торговле с европейскими купцами в Архангельске, Павел отметил, что город «прежде был в руках англичан, но отоеван у них царем Иваном»¹³.

«Совершив все эти славные деяния», он решил стать царем, и «цезарь, император немцев и германцев, послал ему корону и даровал титул царя». Иван IV правил 80 лет, из них только 3 года находился в Москве, а остальные 77 вел войны «из любви к христианской вере».

Перед нами апология Ивана IV, находящаяся в очевидном противоречии с суждениями о нем в разных слоях русского общества. Ясно, что Павел Алеппский, практически очень мало знавший о русском прошлом, не мог самостоятельно сочинить подобное повествование. Очевидно, он более или менее добросовестно записал то, что он слышал. К какой же общественной среде могли относиться возможные собеседники Павла? Конечно, антиохийский патриарх, отец Павла, поддерживал постоянные контакты с духовными людьми из окружения Никона. Но в окружении патриарха — инициатора переноса в Москву мощей митрополита Филиппа — вряд ли могли находиться горячие почитатели Ивана IV. Кроме того, ряд особенностей рассказа — упоминание о 70 князьях, казненных царем, о 80 годах его правления, о 12-летней осаде Казани — говорит о том, что собеседник Павла явно не принадлежал к образованной части древнерусского общества. Духовные лица могли рассказать Павлу, как представляется, лишь об украшении кремлевских соборов за счет казанской добычи. Правда, в официальной летописи правления Ивана IV указывалось, что все «сокровища Казаньская» царь приказал раздать воинству, не оставив себе «не единыя медни-

---

¹³ Путешествие... С. 320.

цы»¹⁴, но в среде кремлевского духовенства могла со временем сформироваться иная традиция¹⁵.

Что касается других частей рассказа Павла Алеппского, то обращает на себя внимание, что Иван IV выступает в нем прежде всего как великий воитель. Особенно важна в этом плане фраза, что из 80 лет своего правления царь 77 лет провел в войнах. Вместе с тем обращает на себя внимание, что если о войнах «с кралями» франков Павел Алеппский говорит в самых общих выражениях, то характеристика завоеваний царя на востоке гораздо более конкретна — упоминается и город Тарки на территории Дагестана, и некие грады в земле узбеков. Всё это позволяет искать информаторов Павла в среде служивших царю военных, гораздо лучше знакомых с восточным миром, чем с западным. И такие люди среди собеседников Павла обнаруживаются. Так, на пути в Москву в Кашире Павел встретился с воеводой этого города, который оказался арабом из Дамаска, имевшим за плечами богатую биографию¹⁶. Добившись важных постов на службе султану, он попал в плен к полякам во время Хотинской войны (1621), из Речи Посполитой он бежал в Россию, где побывал воеводой в таких городах, как Кашира, Коломна и Серпухов. Встречей в Кашире их контакты не ограничились, так как, по словам Павла, позднее в Москве «мы часто наслаждались его беседой».

Личность этого собеседника Павла определяется достаточно точно. Это Федор Черкизов сын Сулейманов Дамаскин. Он был достаточно заметной фигурой в «государеве дворе» сер. XVII в. Его именем открывается в Боярской книге 1658 г. список иноземцев, которые несли службу с московскими дворянами¹⁷. В 40–50-х годах XVII в. он неоднократно бывал воеводой в Кашире¹⁸, где, по свидетельству Павла Алеппского, построил храм на свои деньги.

У Павла Алеппского и его спутников были и другие светские собеседники. В самой Москве он познакомился с двумя братьями, выходцами из Румелии, Анастасием и Федором, сыновьями румелийского паши, которые в то время несли в Москве проти-

---

¹⁴ ПСПЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 220.

¹⁵ В одном из пассажей «Путешествия» отмечено, что сам Никон сообщил антиохийскому патриарху, что крест на Благовещенском соборе и его купола сделаны из золота. — Путешествие... С. 443.

¹⁶ Путешествие... С. 218–219.

¹⁷ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 252.

¹⁸ Русская историческая библиотека. Т. 10. СПб., 1886. С. 307; РГАДА. Ф. 1126. Оп. 2. № 4. Л. 1.

вопожарную службу («головы от огня»). Они «часто прихаживали» к патриарху, а также «принимали» Павла и его товарищей в «своих дворцах и сообщали... о многом». Их биография тоже была богатой. Попав в плен к персам во время ирано-османской войны, они сумели бежать и добраться через Грузию в Молдавию, где их крестил иерусалимский патриарх Феофан и отправил в Москву, где их взяли на службу еще при жизни патриарха Филарета, которому они поклялись никогда не говорить по-турецки. Они рассказывали Павлу об административном устройстве русского государства¹⁹.

Эти собеседники Павла опознаются как «князь Анастас да князь Федор Алебековы дети Македоняне». В записной книге Московского стола Разрядного приказа 1638–1639 гг. они упоминаются в списке «стряпчих», которым предписывалось «на государеве дворе дневать и ночевать», а к 1646–1647 гг. их положение на службе повысилось, они упоминаются среди иноземцев, несших службу с московскими дворянами²⁰. После долгой службы они, как и Федор Черкизов, смогли занять в «государеве дворе» достаточно заметное место. Заслуживают внимания слова Павла, что от братьев он услышал то, о чем не мог узнать от жителей России и переводчиков.

В передаче говоривших с Павлом выходцев с Востока рассказ об Иване Грозном подвергся каким-то изменениям. На их счет следует, возможно, относить некоторые хронологические указания и сообщения о том, как Иван IV обложил данью землю узбеков. С их творчеством следует связывать и резко расходящееся с древнерусской исторической традицией утверждение, что «император немцев» послал Ивану IV корону «и даровал ему титул царя». Федор Черкизов до бегства в Россию некоторое время нес службу при польском королевском дворе и мог там слышать рассказы о том, как император Оттон III дал королевский титул и корону польскому правителю Болеславу Храброму. На московской почве такое представление мог подкрепить рассказ, приведенный в записках Арсения Элассонского, что Лжедмитрий I венчался короной, которую прислал его отцу Ивану IV «великий царь Алемании»²¹. Однако сам апологетический рассказ о грозном

---

¹⁹ Путешествие... С. 415–416.

²⁰ Русская историческая библиотека. Т. 10. С. 118, 211, 334.

²¹ Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 104–105. В действительности речь шла о короне, изготовленной мастерами Рудольфа II для Бориса Годунова (Лав-

царе никак не может рассматриваться как их сочинение. Очевидно, что выходцы с Востока усвоили такую версию прошлого в той среде, в которой они вращались до своего повышения, — в низших слоях «государева двора». Само такое повествование возникло, вероятно, в среде служилых людей, возвышенных в свое время Иваном IV, и продолжало жить в их сознании и сознании их потомков, подвергаясь, вероятно, разным переменам в процессе длительной устной передачи, но не теряя своей основной направленности. Такая традиция сохранялась вплоть до 50-х гг. XVII в., когда ее записал приезжий араб. Так благодаря Павлу Алеппскому сохранился важный компонент общественного сознания древнерусского общества конца XVI — первой половины XVII в., не нашедший отражения в современной письменной традиции.

Знакомство с записями Павла Алеппского о положении в современной ему России позволяет высказать соображения о том, почему этот рассказ об Иване IV существовал и получил хождение в это время.

Во время пребывания в пограничной (в то время) русской крепости — Путивле — Павел Алеппский записал рассказ, в котором противопоставлялись порядки, существовавшие в годы правления царя Михаила Федоровича, и порядки, установившиеся с приходом к власти Алексея Михайловича²². При Михаиле Федоровиче в Путивле распоряжались «притеснители, обидчики и взяточники», так как царь Михаил «был милосерден, не жесток и скуп на пролитие крови». Когда пришел к власти Алексей Михайлович, он «казнил все этих неправедных воевод и правителей» и поставил вместо них других, «которые постоянно трепещут перед ним, ибо он склонен к пролитию крови и весьма грозен».

И это не единственное свидетельство, в котором противопоставляются слабый отец и сын, обладающий чертами «настоящего» «грозного» правителя. Уже в записях, относящихся к его пребыванию в Москве, Павел отметил, что Михаил Федорович был «человек простодушный, мягкий, слабого сложения, не любивший кровопролития и войны или подобного, так что его звали монахом»²³. Негативные черты в характеристике родоначальника династии Романовых в этом тексте еще более

рентьев А. В. Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I. Его государственные печати, наградные знаки и медали. СПб., 2011. С. 174 и сл.).

²² Путешествие... С. 201.

²³ Путешествие... С. 330.

усилены. В отличие от своего отца Алексей Михайлович «обуздал и смирил вельмож в конец и многих из них казнил». «Нам рассказывали, — записал Павел, — что в самое недавнее время он убил собственной рукой одного из вельмож среди дивана» — вельможа был уличен в том, что за взятки освобождал служилых людей от военной службы²⁴.

В тексте «Путешествия» читается и рассказ о том, что случилось с боярами, которые запоздали к заутрене. Царь «тотчас записал имена тех, которые не явились, и послал привести их из дому со связанными руками, отвел их на берег Москвы-реки... и велел их бросить всех в реку». Записав этот рассказ, Павел отметил, что о царе «существует много подобных рассказов»²⁵.

Таким образом, некоторые из собеседников Павла настойчиво пытались изобразить Алексея Михайловича, как правителя, который в своих действиях явно шел вослед Ивану IV. Сообщая о выступлении Алексея Михайловича в поход на Польшу, Павел отметил, что после смерти Ивана IV «ни один из московских царей не ходил ни на кого войной»²⁶. Следовательно, и в этом отношении Алексей Михайлович продолжал политику Ивана IV.

Если говорить о Михаиле Федоровиче, то, по-видимому, такие оценки соответствовали сложившемуся представлению, соответствовали и реальным фактам. В челобитной московского мира, поданной Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г., говорилось о милости царя Михаила «не токмо к благим кротким, но и строптивым» и о его «долготерпении» по отношению к злодеям²⁷. Позднее и Котошихин писал, что Михаил Федорович правил государством «тихо и благополучно»²⁸ и «хотя самодержцем писался, однако, без боярского совету не мог делати ничего»²⁹.

Однако с Алексеем Михайловичем дело обстояло иначе. Документальные источники не содержат каких-либо сведений о казнях представителей знати по приказу царя. Уже упоминавшийся Котошихин, современник Павла Алеппского, находясь в Швеции, за пределами России, записал, что с Алексея Михайловича при его вступлении на трон не брали никаких присяг, «потому что разумели его гораздо тихим»³⁰.

---

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 331.

²⁶ Так же. С. 369.

²⁷ Материалы по истории СССР. Вып. 3. М., 1989. С. 146–147.

²⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 4.

²⁹ Там же. С. 126.

³⁰ Котошихин Г. О России... С. 126.

Конечно, нельзя отрицать, что со сменой на троне, а еще более с началом самостоятельного правления Алексея Михайловича после событий 1648–1649 гг. могли иметь место и действительно имели место конфликты между царем и отдельными представителями правящей элиты, но они явно не носили такого резкого характера, как в записанных Павлом рассказах.

Как представляется, в среде служилых людей, некогда возвышенных царем Иваном и отодвинутых на периферию политической жизни при Борисе Годунове, жили надежды на появление нового «грозного» царя, который снова возвысит их в противовес неверным вельможам. Царь Михаил, судя по отзывам, приведенным Павлом, совсем не оправдал этих надежд, но они явно оживились со сменой на русском троне. Появились надежды, что Алексей Михайлович станет новым «грозным» царем. Отсюда и появление рассказов о его «грозных» поступках и оживление памяти об Иване IV. Выходцы с Востока также могли рассчитывать на возвышение в случае создания подобной ситуации, отсюда их внимание к подобным рассказам и к традициям эпохи Ивана IV.

АЛЕКСАНДР ФЕДУТА

ГЕНРИК РЖЕВУССКИЙ О ВОССТАНИИ 1831 Г.:
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С С. П. ШЕВЫРЕВЫМ

В фонде известного русского литературного деятеля первой половины XIX века Степана Петровича Шевырева (1806–1864) в Российской Национальной Библиотеке сохранились два письма выдающегося польского писателя, волынского помещика, графа Генрика Ржевусского (1791–1866). Нам будет интересно одно из них, поскольку оно представляет Ржевусского в несколько неожиданном свете.

Воссоздадим контекст переписки.

Об авторе письма скажем чуть подробнее, поскольку его персона недостаточно известна российскому читателю. Генрик Ржевусский — представитель аристократической польской семьи, вписавшей многие яркие страницы в трагическую и насыщенную событиями историю Речи Посполитой. Среди его предков — два великих коронных гетмана (фактических главнокомандующих польской армией), несколько известных литераторов. Отец, Адам Вавжинец Ржевусский, в 27 лет был послом Польши в Дании, стал сенатором; оставил ряд известных политических сочинений. Брат, Адам, дослужился до звания генерала от кавалерии, командовал Киевским военным округом.

Особую известность snискали сестры Генрика Ржевусского. Одна из них, Каролина, по первому мужу — Собаньская, стала объектом воздыхания двух гениальных поэтов — Адама Мицкевича и Александра Пушкина. Пушкин посвятил ей замечательное стихотворение «Что в имени тебе моем?», Мицкевич — несколько великолепных сонетов из крымского цикла.

Вторая сестра, Эвелина, вышла замуж за волынского помещика Вацлава Ганского, и под фамилией первого мужа осталась в истории мировой литературы — как последняя любовь великого Бальзака, женившегося на ней после того, как возлюбленная, с которой он много лет переписывался, овдовела.

Итак, 1831 год, июнь. Оба корреспондента пребывают в Италии. Степан Шевырев — в качестве воспитателя князя Александра Волконского — единственного сына княгини Зинаиды Волконской (1789–1862), «Царицы муз и красоты»¹, как назвал ее А. С. Пушкин. Зинаида Александровна Волконская приняла в конце 1820-х гг. (точная дата неизвестна) католицизм, что вызвало крайнее недовольство императора Николая, и без того не благоволившего к Волконской, не раз демонстрировавшей позицию, отличную от официальной (напомним, что она организовала торжественные проводы в Сибирь своей невестки М. Н. Волконской, отъезжавшей из Москвы к сосланному мужу-декабристу С. Г. Волконскому). В 1829 году княгиня Зинаида навсегда покидает Россию, перед этим успев выхлопотать для ссыльного Адама Мицкевича разрешение отправиться в европейское путешествие.

Неудивительно, что римский дом княгини-католички становится центром притяжения для польскоязычных российских подданных. А хорошо образованный воспитатель ее сына, к тому же — пытающийся переводить с польского языка, — желанный собеседник. У нас есть словесный портрет С. П. Шевырева, составленный позже еще одним его корреспондентом — другом Мицкевича и его спутником в европейских странствиях поэтом Антониєм Эдвардом Одыньцем (1804–1885): « [...] но вместо Адама входит какой-то незнакомый юноша, с бледным, худым, девичьим лицом и рекомендуется по-французски: Шевырѳв. Я уже знал от Адама, что это российский учёный литератор и поэт, его добрый знакомый по Москве, который занимается воспитанием молодого князя Волконского. [...] Шевырѳв прекрасно знает и продолжает изучать римские древности и обязуется быть нашим чичероне в Риме; взамен я пообещал ему помочь в изучении польского языка — и прежде, чем мы вышли из кареты, союз был заключен и скреплен рукопожатием»².

---

¹ Цит. по: Пушкин А. С. Княгине Зинаиде Волконской при посылке ей поэмы «Цыганы» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 54.

² Цит. в нашем переводе по изд.: Odyniec A. E. Listy z podróży. T. 2. Warszawa, 1961. Str. 13.

Генрик Ржевусский оказался за пределами Российской империи несколько раньше — еще в 1823 году он был причислен к российской дипломатической миссии в Мюнхене (Бавария), где служил вместе с Ф. И. Тютчевым³. 32-летнему польскому аристократу слишком поздно делать дипломатическую карьеру: скорее всего, для графа Ржевусского служба — лишь повод, чтобы легально уехать за границу.

Высока вероятность того, что с Шевыревым Ржевусский познакомился благодаря своей дружбе с А. Мицкевичем. Отсюда очевиден и уровень доверия его к корреспонденту. Во всяком случае, если первое письмо, от 16 июня 1831 года, интересно исключительно биографам Ржевусского (граф сообщает из Неаполя Шевыреву о своей лихорадке, просит его ходатайствовать перед Зинаидой Волконской о помощи и переслать письма родных, если таковые пришли), то второе — от 24 июня того же года — интересно уже как документ особого рода. Огласим его целиком в переводе с французского языка, любезно выполненном для нас Н. М. Сперанской.

«Дорогой г. Шевырев, огромная благодарность вам за ваш ответ. Это утешило меня в моих горестях, потому что если физически я восстановил свои силы, то нравственно я страдаю так, как только можно себе представить. Моя страна <?> в огне, у меня нет никаких известий о моих близких, глава моей семьи убит, мои лучшие друзья либо погибли, либо находятся в заточении, которое, возможно, закончится их смертью, мое имение полностью уничтожено, и старая вражда между народами, происходящими от единого корня и которые уже начинали любить друг друга — кто может предвидеть, чем это кончится.

Письмо, которым вы удостоили меня и которое доставило мне столько удовольствия, вместе с тем меня и обеспокоило. Вы пишете, что наша сиятельная Княгиня отослала все пришедшие на мое имя письма в русскую миссию. Я получил только одно; на почте я ничего не нашел от г. Кьявери⁴, и понятия не имею, кто та русская дама, которая везет для меня пакет. Вообрази-

---

³ См.: Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 1. М., 1999. С. 59. Повторно Ржевусский представлен как чиновник той же миссии в Министерство иностранных дел Баварии в 1827 г. (Там же. С. 75).

⁴ Как можно судить из содержания предыдущего письма к С. П. Шевыреву, Луиджи Кьявери — римский поверенный Г. Ржевусского.

те же себе мое беспокойство, особенно в момент, когда я лишен каких бы то ни было вестей из дома.

Покорнейше прошу вас, дорогой г. Шевырев, осведомиться у Кьявери, как зовут эту русскую даму. Я понимаю, что веду себя дерзко, но *res sacra miser...*⁵

Между нами говоря, я скучаю в Неаполе, но здоровье жены⁶ здесь лучше, чем где бы то ни было, климат здесь хорош, жару переносить легко, но Рим, Рим, для нас нет другого города кроме него, и как только жары спадают, мы вернемся туда. — Добрый князь Гагарин⁷, достойнейший из благородных людей, оказал мне такую услугу, за которую я буду ему благодарен всю жизнь. Он написал, без всякой просьбы с моей стороны, письмо к хитрому старику⁸, представляющему здесь нашего Государя⁹, в котором сказал обо мне в самом выгодном свете, и теперь Штак<ельберг> окружает меня всеми любезностями и вниманием, и только вчера я узнал о той деликатной услуге, которую оказал мне Князь. В самом деле, что бы ни случилось, я всегда буду повторять вместе с [2 нрзб], что вы, русские — славные люди, — конечно, я говорю о настоящих русских...

До свидания, милый и добрый г. Шевырев. Мы не можем изменить хода вещей, но будем делать все от нас зависящее, чтобы поддержать согласие между двумя нашими народами, и не будем забывать, что общее благо рождается из частных усилий.

С искренним почтением остаюсь вашим преданным слугой

Г. Ржевуский

Передайте мое почтение нашей Княгине и [2 нрзб] поклон князю Александру¹⁰».

---

⁵ Несчастный свят... (*лат.*).

⁶ Юлия (Идалия) Ржевуская (урожденная Грохольская; 1791–1867) — жена Г. Ржевуского, покровительница известного польского литератора Я. Баршевского.

⁷ Гагарин Григорий Иванович (1782–1837) — князь, русский дипломат. В 1827–1832 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Риме.

⁸ Фон Штакельберг Густав Оттонович (1766–1850) — граф, русский дипломат. В 1818–1835 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Неаполе.

⁹ Николай I (1796–1855) — император всероссийский с декабря 1825 г.

¹⁰ Речь идет о сыне З. А. Волконской — князе Александре Никитиче Волконском (1811–1878), воспитаннике С. П. Шевырева, впоследствии тайном советнике и камергере.

В этом письме нас, разумеется, интересуют те оценки, которые дает Генрик Ржевусский недавно прошедшей русско-польской войне 1830–1831 гг. — так было принято в российской имперской прессе именовать с трудом подавленное ноябрьское восстание.

Очевидно, что для Ржевусского случившееся — колоссальная личная трагедия. Именно так он оценивает ее: «Моя страна <?> в огне, у меня нет никаких известий о моих близких, глава моей семьи убит, мои лучшие друзья либо погибли, либо находятся в заточении, которое, возможно, закончится их смертью, мое имение полностью уничтожено, и старая вражда между народами, происходящими от единого корня и которые уже начинали любить друг друга — кто может предвидеть, чем это кончится».

Глава семьи, упоминающийся графом Генриком, — старейший в тот момент представитель рода Ржевусских, легендарный «Эмир» — Вацлав Ржевусский (1785–1831), путешественник по странам Востока, драматург, видный политический деятель; граф Генрик приходится ему внучатым племянником — родство для польской аристократии весьма близкое. Но гибель старика «Эмира», как и аресты близких друзей, — не самое страшное. Генрика Ржевусского пугает будущее.

Заглянем в него.

Достаточно близко знавший Ржевусского князь Петр Андреевич Вяземский позже писал о нем:

«Граф Гейнрих Ржевусский, польский писатель, прославившийся своими историческими романами, в которых воскрешал он нравы и быт старой Польши, был сам кровный и *щирый* поляк. Он принадлежал старой *ойчизне* душою, преданиями и убеждениями, пожалуй, и предубеждениями, ложно-историческими и клерикально-религиозными. Но все эти убеждения, смешанные с предубеждениями, входили в плоть и кровь его. Воля ваша, должно уметь мириться и с подобными людьми, а не забрасывать их укоризнами и камнями риторического патриотизма. Можно быть политическим противником их, но и в борьбе должно уважать честного врага. В этой среде Ржевусский был единомышленником собратий своих, но и отличался от них. В нем были патриотические сожаления и скорби, но не было безумных упований и самонадеянных требований. Рассудок его не щетинился перед силою вещей и приговором совершившихся событий»¹¹.

---

¹¹ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. 8. С. 262. Курсив П. А. Вяземского.

Генрик Ржевусский действительно был патриотом Польши — той, которую он знал и любил по семейным преданиям, — причем не Польши даже, а Речи Посполитой обоих народов. Ржевусский идеализировал уклад жизни литовских магнатов и шляхты и воспел жизнь Великого княжества Литовского в своих гениальных романах — «Воспоминания Соплицы» и «Ноябрь». Обе книги принесут ему славу и бессмертие, однако и слава эта, и бессмертие будут поставлено под сомнение уже современниками автора: Ржевусский высмеял надежды на возрождение Речи Посполитой в своих публицистических книгах — и прежде всего в «Теофрасте Польском» и «Житейских мелочах Яроша Бейлы». Его «Ярош Бейла» стал для радикальной части польских патриотов символом ренегатства и чуть ли не продажности. Настолько, что искренность автора «Воспоминаний Соплицы» была поставлена под сомнение.

Публикуемое нами письмо свидетельствует, что Ржевусский действительно воспринял восстание как катастрофу. Уже в предыдущем письме он писал Шевыреву: «Меня постигли новые и тяжкие беды — всё, что происходит у нас; я стараюсь не думать об этом, но не могу». Ржевусский принадлежал к числу тех польских интеллектуалов, кому создание «Kongressówki» — Царства Польского в династическом союзе с Российской империей казалось шансом: вынужденно приплыв «под опеку» одного из главных европейских «хищников» конца XVIII века, Речь Посполитая навсегда должна была быть избавлена от посягательств других. Россия представлялась Ржевусскому оптимальным «опекуном» его родной Польши: в конце концов, речь шла о славянских народах, «братство» которых подразумевалось им, как и многими иными его современниками — например, А. С. Пушкиным. Но 1830 год продемонстрировал Ржевусскому, что шанс не использован. Восстание стало катастрофой.

Впрочем, графу Генрику Адамовичу Ржевусскому, в будущем чиновнику для особых поручений при наместнике в Царстве Польском фельдмаршале И. Ф. Паскевиче и главному редактору правительственной газеты в Царстве Польском, предстоит стать свидетелем куда более страшной трагедии — трагедии 1863 года, когда его родной брат, граф Адам Ржевусский, будет командовать артиллерией, расстреливающей из пушек восставшую Варшаву. Но о том, что думал старый друг Мицкевича и корреспондент Шевырева тогда, мы, вероятно, никогда не узнаем. Разве что в архиве кого-либо из его российских корреспондентов будет обнаружено новое неопубликованное письмо этого странного и противоречивого человека.

АЛЕКСЕЙ КРИВОПАЛОВ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НЕИСТОВОГО ОРЛАНДО:
O. FIGES. CRIMEA. THE LAST CRUSADE. L., 2011.

«Увлекательно», «замечательно», «великолепно» (!!!) — такими комментариями к первому изданию монографии Орландо Файджеса «Крым. Последний крестовый поход» пестрит обложка второго издания этой весьма примечательной книги. Не ограничиваясь краткими репликами, там же на обложке издатели поместили более пространные и столь же восторженные цитаты из рецензий на первое издание «Крестового похода». Макс Хастингс из газеты «Sunday Times» сообщает: «Файджес рисует яркую картину кровавого и бессмысленного конфликта (...) он знает о России больше любого другого историка». Ему вторит Норманн Стоун, в прошлом крупный исследователь Первой мировой войны: «Замечательная во всех отношениях тема, которая в лице О. Файджеса обрела историка, достойного её широты и глубины». Тристрам Хант в «Ежегодном книжном обозрении» именует Файджеса не иначе как «блистательным историком». Сам же «блистательный историк», как следует из введения, считает свой труд первой комплексной работой в европейской историографии, синтезировавшей источники всех враждовавших держав¹.

Я возьму на себя смелость выйти за пределы стандартной рецензии и попробую последовательно и максимально подробно разобраться в том, что же представляет собой столь громко про-

---

¹ Figes O. Crimea. The last Crusade. L., 2011. P. XXI.

рекламированный труд исследователя, который «знает о России больше любого другого историка».

В сущности, намерение автора рассказать именно о «Крестовом походе» следует уже из названия книги. Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. в представлении Франции и Великобритании являлась «Крестовым походом в защиту свободы и европейской цивилизации от варварской и деспотичной угрозы со стороны России, чей агрессивный экспансионизм создавал угрозу не только для Запада, но и для всего христианского мира»². Файджес указывает на то, что за решением каждого правительства о вступлении в войну могли стоять различные мотивы, однако практически исключительная вина за развязывание войны почему-то возлагается автором лично на императора Николая I.

Двухвековое противостояние России и Турции, а также сложный комплекс международных проблем на Балканах и в Провансах, связанный с неуклонным ослаблением и приближающимся распадом Османской империи и традиционно именуемый в историографии «Восточным вопросом», — всё это британский историк смело редуцирует до таких сравнительно простых понятий, как «крестовый поход» и «религиозная война»³.

Файджес не просто постулирует в качестве гипотезы, а сразу же безапелляционно утверждает, что император Николай I стремился расширить пределы Российской империи до Царьграда и Иерусалима. Не приводя в своей книге никакого анализа историографии, не утруждая себя даже реферативным ее обзором, профессор Файджес смело заявляет, что «историки традиционно недооценивали религиозный подтекст Восточной войны»⁴.

Царская Россия, по мнению профессора, являлась цивилизацией, «построенной на мифе о православной преемственности с Византийской империей»⁵. Экспансионистской России, преследовавшей мусульман на недавно завоеванных территориях, в определенной степени противопоставляются относительно веротерпимые османы, признававшие за «райей» право на некоторую автономию⁶. С точки зрения Файджеса, особенно ярко религиозный характер русской экспансии проявился именно в Крыму и на Кавказе. Христианизация Кавказа определяется автором

---

² Ibid. P. XXII.

³ Ibid. P. 9.

⁴ Ibid. P. XXIII.

⁵ Ibid. P. 25.

⁶ Ibid. P. 27–28.

как главная цель русской политики в регионе. Там же сказано, что в первой половине XIX в. проводил эту «христианизацию» лично русский наместник в Закавказье и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант Алексей Петрович Ермолов, зачем-то именуемый в тексте Файджеса — «Александром»⁷.

Элементарное сравнение правового положения христиан в Османской империи и мусульман в Российской империи не позволяет согласиться с версией, предложенной Файджесом. Для начала, мусульмане никогда не составляли половины населения России, тогда как в Турции к середине XIX в. из 35 млн подданных султана 13,5 млн являлись православными христианами. Отношение османов к христианам было напрямую связано с тем, какое место занимала в османском обществе религия. Турецкая держава оставляла вопросы образования, семейной, культурной и общественной жизни на усмотрение конфессиональных сообществ, требуя взамен, чтобы те соблюдали закон, платили налоги и были лояльны по отношению к султану. Данный компромисс лежал в основе так называемой системы «милетов» — охраняемых законом немусульманских общин. Османская империя, несомненно, была мусульманской страной, где мусульмане являлись главным и правящим сообществом. Но в XIX в. рост благосостояния и уверенности в своем положении османских христиан и усиление мощи их зарубежных союзников подрывали основные посыпки, на которых строилась система «милетов», что привело к серии кровопролитных межнациональных и межконфессиональных конфликтов⁸.

Политическая реформа, разработанная в 1856 г. для создания единого для всех подданных турецкого султана османского гражданства, оказалась неприемлема как для христиан, намеревавшихся сохранить свою автономию, так и для мусульман, оскорбленных низведением на один уровень с «неверными»⁹.

До политической реформы 1856 г. христиане не имели права служить в турецкой армии даже рядовыми, хотя, в принципе, никогда особенно и не стремились на военную службу¹⁰. Исключение составляли лишь формирования из казаков-некрасовцев,

---

⁷ Ibid. P. 18–20.

⁸ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века и до наших дней. М., 2007. С. 255, 258.

⁹ Там же. С. 261.

¹⁰ Stavrianos L. S. The Balkans since 1453. L., 2000. P. 317.

а также созданный в ходе Крымской войны Польский легион¹¹. В России же вполне допускалась служба мусульман в императорской армии не только на рядовых и унтер-офицерских, но даже на офицерских должностях. Лейб-гвардии Кавказско-горский и лейб-гвардии Крымско-Татарский эскадроны с конца 1820-х годов входили в состав Собственного Его Императорского Величества конвоя. При этом наряду с мусульманами-суннитами в императорском конвое служили также мусульмане-шииты¹².

Даже пресловутая Кавказская война 1816–1864 гг. не сопровождалась противостоянием России единому фронту всего местного мусульманского населения. Шииты Закавказья, к примеру, не поддерживали антирусские выступления суннитов Чечни и Дагестана. Более того, на стороне России постоянно сражались различные подразделения, сформированные из мусульман-суннитов Северного Кавказа, среди которых особенно отличился конно-иррегулярный полк¹³.

Глубину интеграции мусульманских общин России в единое общеимперское целое достаточно ясно характеризует уже один тот факт, что в 1853 г., когда стала очевидна близость очередной русско-турецкой войны, османское правительство и военное командование не имели каких-либо четких планов использования недовольства крымских татар и ногайцев своим положением внутри Российской империи¹⁴.

На протяжении всей монографии профессор Файджес юридически возвращается к теме «русского национализма», который якобы служил основой для политики насильственной христианизации мусульманских окраин Российской империи¹⁵. «Национализм», по-видимому, представляется историку статичным и имманентно существовавшим в России политическим явлением. К сожалению, британский автор не пояснил, как же именно в первой половине XIX столетия должен был выглядеть этот пресловутый русский национализм внутри многонациональной сословной и династической империи, когда неизбежная конкуренция на национальной почве еще не приобрела той остроты,

---

¹¹ Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden-Boston, 2010. P. 50–51.

¹² Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 79–80.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ Badem C. Op. cit. P. 85.

¹⁵ Figes O. Op. cit. P. 35, 422.

которая превращает национальный вопрос в проблему внутренней политики.

Кем же был император Николай Павлович, «более чем кто-либо ответственный за развязывание Восточной войны»? Орlando Файджес уверенно отвечает: «(...) с возрастом он становился все более раздражительным и нетерпеливым, проявив склонность к безрассудному поведению и вспышкам гнева, поскольку страдал наследственным психическим заболеванием»¹⁶, так же как и его старшие братья. В подтверждение своих слов профессор ссылается на хорошо известные отечественные работы А. М. Зайончковского и Л. В. Выскочкова, а также исторический сборник под редакцией М. О. Гершензона¹⁷. Легко, однако, убедиться в том, что указанная литература вообще не содержит сведений о психическом расстройстве императора Николая. Несколько забегая вперед, отмечу, что некорректное оформление справочного аппарата и пустые ссылки у Файджеса будут встречаться неоднократно. Типичным приемом «блистательного историка» является доказательство скандального тезиса с помощью ссылки на страницу книги действительно серьезного ученого, в которой, на самом деле, доказательство данного тезиса не содержится. В научном труде извинительны опечатки и отчасти даже фактические ошибки, с пониманием можно отнестись к смелым, хотя и недостаточно обоснованным гипотезам. Здесь же речь идет о сознательной подтасовке. В таком случае, если коллеги господина Файджеса не иронизируют и всерьез считают его лицом британской академической науки, остается лишь искренне пожалеть последнюю.

Определенный недостаток эрудиции виден у профессора даже в такой мелочи, как описание внешнего облика 29-летнего императора, вступившего на престол в декабре 1825 г. «Высокий, импозантный с большой лысеющей головой, длинными баками и офицерскими усами (...)»¹⁸. О том, что свои знаменитые усы, судя по портретам, император Николай отпустил примерно в 1832 г., Файджес не знает, хотя, например, тот же Л. В. Выскочков, ссылкой на которого британский профессор обосновывал

---

¹⁶ Ibid. P. 36. То же см.: P. 66.

¹⁷ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913; Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001; Гершензон М. О. Эпоха Николая I. М., 1911.

¹⁸ Figes O. Op. cit. P. 36.

тезис о «психическом расстройстве» императора, достаточно подробно описывал обстоятельства данной истории¹⁹.

Рисуя краткую историю русско-турецких отношений в XIX столетии, Файджес не обошел своим вниманием события войны 1828–1829 гг. Профессор объясняет причины тяжелых санитарных потерь русской армии на Дунайском театре одним лишь безразличным отношением офицеров и генералов к здоровью и жизни крепостных солдат²⁰. При этом в списке литературы у Файджеса значится блестящая работа американского исследователя Ф. Кэган, которая посвящена малоизученной проблеме реформирования центральной военной администрации России в 1820–1830-е гг. Две из девяти глав книги — это скрупулезное исследование недостатков русского военного планирования и ошибок интендантства в ходе войны 1828–1829 гг²¹. Поскольку Кэган не владел методикой расчета боевых и санитарных потерь по коэффициенту сервизизма солдатских масс, ему пришлось внимательно изучить особенности Придунайского театра военных действий. В Молдавии и Валахии практически отсутствовали условия для нормального развертывания крупных войсковых соединений, страна была бедна продовольственными и транспортными ресурсами, а тяжелый климат благоприятствовал развитию эпидемий. Эти, в сущности, очень простые вещи были прекрасно известны не только Кэгану, но нескольким поколениям русских военных историков до него²². Сам же Кэган на богатом фактическом материале, используя неопубликованные источники Российского Государственного Военно-Исторического Архива, наглядно показал, как отсутствие единства военного планирования, недостаток взаимопонимания между командованием Дунайской армии, Военным министерством и Главным штабом, а также неудовлетворительная работа военной администрации

---

¹⁹ Выходков Л. В. Николай I. М., 2006. С. 489.

²⁰ Figes O. Op. cit. P. 39.

²¹ Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999. P. 77–131.

²² См.: Араговский В. Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831, 1848, 1849 и 1853–1855 годах. СПб., 1874; Епанчин Н. А. Очерк похода 1829 года в европейской Турции. Ч. 1–3. СПб., 1905–1906; Затлер Ф. К. Несколько слов о продовольствии войск в Придунайских княжествах в 1853 и 1854 гг. СПб., 1863; Затлер Ф. К. Суд над полевым интендантством в 1856–1859 году. Лейпциг, 1877; Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Том 1–3. СПб., 1885–1887; Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. Т.1–2. СПб., 1890.

всех уровней привели к дезорганизации тыла, срыву нормального снабжения войск продовольствием и значительному увеличению санитарных потерь. Данные обстоятельства предопределили малоудачный исход кампании 1828 года, а работа над ошибками повлекла за собой серьезные военные реформы и возникновение той системы высшего военного управления, с которой Россия вступила в Крымскую войну. Вопрос, зачем Файджесу потребовалось писать откровенную ерунду и почему для преодоления своего незнания он не воспользовался работой из собственной же библиографии, остается для меня открытым.

События польского мятежа 17 ноября 1830 г. и последовавшей затем русско-польской войны «блистательный историк» изложил столь же обстоятельно. После перехода польской армии на сторону мятежников и постановления польского сейма о лишении Николая I и его наследников права на польский престол русские войска в январе 1831 г. перешли административную границу Царства Польского. По версии Файджеса, русским главнокомандующим с самого начала войны уже являлся генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский²³. О том, что Паскевич принял действующую армию лишь после неожиданной смерти фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского в мае 1831 г., автор, очевидно, запямятовал либо просто не знал.

Польская кампания 1831 г. именуется Файджесом «карательной»²⁴, профессор с негодованием отмечает страшную жесткость русских войск, не указывая, правда, в чем же конкретно эта жесткость выразилась. Оно и понятно, поскольку под видом «карательной кампании» 1831 года преподносится вполне обычная полевая война в духе наполеоновской эпохи, в которой, в отличие от восстания 1863–1864 гг., сражались две регулярные армии при сохранении достаточно четкого деления на комбатантов и некомбатантов²⁵.

Венгерский поход 1849 г., как утверждает Файджес, также сопровождался «жестокими репрессиями против населения»²⁶ со стороны русских войск, хотя никаких конкретных фактов

---

²³ Figes O. Op. cit. P. 79.

²⁴ Ibid. P. 96–97.

²⁵ Подробнее см.: Смит Ф. фон. История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1–3. СПб., 1863–1864; Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. Т. 1–2. СПб., 1890; Окунев Н. А. История второй половины Польской войны 1831 года. СПб., 1835.

²⁶ Figes O. Op. cit. P. 97.

и доказательств этому опять же не приводится²⁷. Британский историк отдает должное прагматизму русской внешней политики и указывает, что в своем стремлении оказать Австрийской империи военную помощь Николай I отчасти руководствовался государственными интересами России, так как опасался распространения восстания на земли Царства Польского²⁸.

Когда Файджес переходит к рассуждениям о русско-британских противоречиях в 1830–1840-е гг., то, по очевидной причине, сразу же начинает демонстрировать более уверенное владение материалом. Проследивая генезис русофобии в Великобритании, Файджес заявляет, что в годы, предшествовавшие Восточной войне 1853–1856 гг. Россия никогда не вынашивала планов вторжения в Индию²⁹.

По мнению Файджеса, и здесь я полностью с ним согласен, император Николай I в силу ряда причин так до конца и не уяснил ту роль, которую в британской внешней политике играли Парламент, оппозиционные партии, пресса и общественное мнение. Состоявшийся в 1844 г. визит императора в Великобританию несколько не развеял накопившееся десятилетиями недоверие к России, несмотря на то, что угроза британским интересам со стороны Петербурга в действительности была минимальной. Файджес делает вывод, что во второй четверти XIX в. русофобия даже в большей степени, чем франкофобия, сделалась ключевым элементом взгляда Великобритании на окружающий мир³⁰. Более того, русофобия британского общественного мнения питалась не столько фантомными страхами за Индию или Турцию, сколько симпатиями в отношении угнетенных поляков³¹.

Завершив свой захватывающий рассказ о «религиозной природе русской имперской экспансии», профессор Файджес переходит непосредственно к освещению событий международного кризиса начала 1850-х гг. С его точки зрения, к концу 1852 года Николай I принял окончательное решение о территориальном

---

27 Подробнее см.: Ореус И. И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880; Очерк Венгерской войны 1848–1849 годов. СПб., 1850; Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849 г. СПб., 1851; Непокойчицкий А. А. Описание войны в Трансильвании в 1849 году. Б.м. 1866; Меньков П. К. Материалы для истории Венгерской войны // Военный Сборник. 1875. № 6. С. 191–216.

28 Figes O. Op. cit. P. 96.

29 Ibid. P. 48.

30 Ibid. P. 70.

31 Ibid. P. 78–79.

расчленении Османской империи³². Данный тезис преподносится в обычной для Файджеса безапелляционной манере, хотя вопрос об истинных целях внешней политики России в отношении Османской империи вплоть до настоящего времени является предметом широкой научной дискуссии как в отечественной, так и в англо-американской историографии³³.

Файджес ссылается на мемуары саксонского посланника при русском дворе графа К. Фитцума фон Экштедта, суждения которого о внешнеполитических планах Николая I в действительности были достаточно сдержанными. Молодой германский дипломат несколько раз лично беседовал с императором, внимательно наблюдал характер взаимоотношений в придворной среде и ближайшем окружении монарха, был лично знаком с находившимися в Петербурге послами великих европейских держав. Из Петербурга он наблюдал за крупнейшими внешнеполитическими событиями начала 1850-х годов: провозглашением Второй Империи во Франции, Восточным кризисом 1851–1853 гг. и началом Крымской войны 1853–1856 гг.

В воспоминаниях Фитцума фон Экштедта император Николай в последние годы жизни предстает решительным и самоуверенным человеком, прочно вжившимся в роль вершителя судеб Европы. Не ускользнуло от внимания саксонского дипломата и то крайне важное обстоятельство, что министр иностранных дел России канцлер К. В. Нессельроде не пользовался широкой

---

³² Ibid. P. 108.

³³ См.: Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006; Афанасьев Г. Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885; Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. Т. 1–2. СПб., 1888; Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004; Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. М., 2009; Делор Т. История Второй империи во Франции. Т. 1–2. СПб., 1870–1871; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913; История дипломатии. Т. 1–3. М., 1941–1945; Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1–2. М.–Л., 1941–1944; Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958; Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden-Boston, 2010; Curtiss J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979; Curtiss J. S. Russian Army under Nicholas I, 1825–1855. Durham, N. C., 1965; Daly J. C. K. Russian Seapower and The Eastern Question, 1827–41. Annapolis, 1991; Goldfrank D. The origins of the Crimean war. L., 1995; Lambert A. D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester, N.-Y., 1990; Ponting C. The Crimean war. The truth behind the myth. L., 2004; Rich N. Why the Crimean war. N.-Y., 1985 и др.

самостоятельностью в своих служебных делах и фактически был низведен императором до положения простого исполнителя уже принятых решений. Граф Нессельроде, по мнению Фитцума фон Экштедта, с большим опасением относился к планам Николая I по достижению русско-английского соглашения в Восточном вопросе. «Никто более его не был проникнут убеждением, что завоевание Турции, если бы оно и удалось, было бы безумием, которое могло бы поставить на карту самое существование русского государства»³⁴.

Таким образом, данный источник едва ли подтверждает тезис профессора Файджеса о безусловном стремлении николаевской России к расчленению Османской Турции. Сам Фитцум фон Экштедт никогда не высказывался столь категорично. Напротив, он писал: «(...) считаю возможным сомневаться в том, чтобы он (Николай I. — *А. К.*) действительно намеревался покорить Константинополь. Намерение его состояло в том, чтобы опутать Турцию всякими договорами и трактатами и подчинить совершенно своему авторитету»³⁵.

Помимо мемуаров саксонского дипломата в качестве доказательства неперемного желания Петербурга положить конец существованию «больного человека» Файджес использует монографию Д. Голдфрэнка³⁶. Как уже было сказано выше, в англо-американской и русской историографии вопрос об истинных целях внешней политики России на Востоке является предметом научной дискуссии, но Файджес, видимо, не признает этого. Профессор В. В. Дегоев, анализируя англо-американскую литературу, посвященную проблеме перерастания Восточного кризиса в Крымскую войну³⁷, и в частности книгу Голдфрэнка, писал: «(...) Автор воссоздал запутанную и глубоко противоречивую картину генезиса войны. Добросовестное стремление найти в ней логику лишней раз подтверждает, что ее там, зачастую, не было»³⁸. Голдфрэнк отчасти снимал ответственность с Наполеона III и Палмерстона за перерастание дипломатического кризиса в войну, но при этом признавал ненадежность Лондонских кон-

---

³⁴ Фитцум фон Экштедт К. Ф. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах, 1852–1855 гг. // Русская Старина. 1887. № 5. С. 389.

³⁵ Там же. С. 384.

³⁶ Goldfrank D. The origins of the Crimean war. L., 1995.

³⁷ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 460, 476, 480, 491–492.

³⁸ Там же. С. 485.

венций 1840–1841 гг., с точки зрения обеспечения безопасности юга России, а значит, пусть и косвенно, но признавал за Россией право отстаивать в Восточном вопросе свои интересы.

Американский исследователь Д. Дейли анализировал взаимоотношения России и Турции после подписания Адрианопольского трактата в 1829 г. в контексте общей истории Восточного вопроса. Он пришел к выводу, что сущность внешней политики Николая I и канцлера К. В. Нессельроде была не наступательной, а оборонительной, так как оба прекрасно сознавали: «(...) любая попытка овладеть Константинополем вовлечет Россию в большую войну с Европой, коалиционную войну, которую Россия не могла надеяться выиграть»³⁹.

Такие известные исследователи, как Э. Ламберт⁴⁰ и Н. Рич⁴¹, работы которых указаны Файджесом в списке литературы, придерживались версии об отсутствии у Николая I желания разрушить Османскую империю. По мнению Ламберта, сущность весьма осторожной по своей природе русской политики в Причерноморье не была понята Великобританией правильно по причине «ошибочности тех методов, которыми она осуществлялась»⁴². Выдающийся английский историк А. Тэйлор, книга которого опять же указана Файджесом в библиографии, утверждал, по сути, то же самое: «(...) Сколько бы русские не говорили о грядущей гибели и разделе Турецкой империи, их фактическая политика за предшествовавшие двадцать лет заключалась в поддержке Оттоманской империи как буферного государства, обеспечивавшего безопасность Черного моря; неотъемлемым условием такой политики было то, что Турция должна была бояться России больше, чем какой-либо другой державы. Теперь турки показали, что они боятся Франции больше, чем России. (...) Через год, когда вспыхнула война, английское правительство опубликовало документы о переговорах Сеймура вместе с составленным в 1844 г. планом раздела Турции. Тогда именно и возник миф, будто Россия стремится к расчленению Турецкой империи. Это было неверно. Какие бы отдаленные планы не лелеял царь, практической задачей русской политики

---

³⁹ Daly J. C. K. Russian Seapower and The Eastern Question, 1827–41. Annapolis, 1991. P. 180.

⁴⁰ Lambert A. D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester, N.-Y., 1990.

⁴¹ Rich N. Why the Crimean war. N.-Y., 1985.

⁴² Lambert A. D. Op. cit. P. 6.

в начале 1853 г. было восстановление преобладающего влияния России в Константинополе, утраченного в результате успеха Франции в вопросе о «Святых местах»⁴³. Итак, профессор Файджес выдает спорное и дискуссионное за общепризнанное, а литературу из собственной же библиографии в значительной степени — игнорирует, изобретая вместо этого различные фантомы типа религиозного характера русской экспансии или исключительного влияния религиозного императива на внешнюю политику России. Незачем набрасывать идеологическую тень на преимущественно прагматический плетень конкуренции великих держав в Восточном вопросе. «Вопрос о Святых местах и все, что к нему относится, — признавался министр иностранных дел Франции Э. Друэн-де-Люис, — не имеет никакого действительного значения для Франции. Весь этот Восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому (французскому. — *А. К.*) правительству лишь средством расстроить континентальный союз, который в течение почти полувека парализовал Францию (...)»⁴⁴.

Небрежность проскальзывает у Файджеса и в мелочах. Генерал А. А. Непокойчицкий назван начальником штаба IV пехотного корпуса⁴⁵, хотя в реальности он возглавлял штаб V корпуса генерал-адъютанта А. Н. Лидерса, но, возможно, это всего лишь опечатка.

Далее, летом 1853 г. после разрыва дипломатических отношений с Турцией по приказу императора Николая I в залог исполнения требований, предъявленных Турции в ходе миссии А. С. Меншикова, «две армии»⁴⁶ переходят в тексте Файджеса Прут и оккупируют Придунайские княжества. Естественно, никаких «двух армий» в Княжествах не было и в помине. Силы, находившиеся под командованием генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова, состояли преимущественно из войск III, IV и частично V пехотных корпусов. Также при описании начавшейся кампании Файджес постоянно использует заимствованное из военного лексикона XX века понятие «фронт» вместо более уместного применительно к оперативному искусству XIX века понятия «театр военных действий».

---

⁴³ Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 91–92.

⁴⁴ История дипломатии. Т. 1. М.-Л., 1941. С. 436.

⁴⁵ Figes O. Op. cit. P. 108.

⁴⁶ Ibid. P. 116.

С началом Дунайской кампании русское командование за чем-то сосредотачивает под Браиловым «20 000 гренадеров»⁴⁷, хотя в 1854 г., как следует из общеизвестных боевых расписаний, ближайшие к Дунайскому театру гренадерские дивизии находились под Варшавой.

Профессор утверждает, что русская оккупация Княжеств в основе своей имела репрессивный характер. Он пишет о жестоких реквизициях транспорта и продовольствия, фактически не ссылаясь при этом ни на какие источники⁴⁸.

Русские войска на Дунае, утверждает Файджес, несли огромные потери от болезней. Им приводятся рассказы французского офицера и немецкого доктора об отвратительном качестве хлеба, выдаваемого солдатам⁴⁹. А. М. Зайончковский, который подробно разобрал вопрос провиантского обеспечения русских войск на Дунайском театре, отметил в целом вполне удовлетворительную работу русского интендантства. Несмотря на дефицит подвод и сознательный отказ русского командования от проведения реквизиций, задача снабжения Дунайской армии продовольствием была успешно решена⁵⁰. То же самое писал и А. А. Поливанов, офицер Генерального штаба и будущий военный министр России в годы Первой мировой войны. Он последовательно рассмотрел работу русского интендантства на Придунайском театре в ходе всех русско-турецких войн XIX в. Сравнив эффективность работы тыла в 1806–1812, 1828–1829, 1853–1854 и 1877–1878 гг., Поливанов доказал, что наименьшие затруднения с продовольствием и фуражом русская Дунайская армия испытывала именно в 1853–1854 гг.⁵¹.

Тем не менее русская армия объявляется Файджесом самой отсталой армией Европы. В начавшейся войне на Дунайском театре, как и в 1828–1829 гг., по причине безразличного отношения начальников к жизни вверенных им солдат, войска будто бы начали нести тяжелые санитарные потери⁵². Стрелковое вооружение русской армии якобы также было отсталым, из-за этого в войсках насаждался культ штыка, а нарезные ружья были будто бы заказаны лишь после начала боевых действий. О том,

---

47 Ibid. P. 168.

48 Ibid. P. 138.

49 Ibid. P. 169.

50 Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1913. С. 751–798.

51 Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894.

52 Figes O. Op. cit. P. 117–118.

что уже к концу 1840-х годов в каждом пехотном корпусе русской армии имелся штатный стрелковый батальон, а в полках — отдельные команды штуцерных, вооруженные 17,78 мм нарезными Литтихскими штуцерами образца 1843 г. либо штуцерами системы Гартунга и Эрнрота, соответственно, образцов 1848 и 1851 гг.⁵³. — профессор, по всей видимости, не знает.

Файджес еще раз напоминает о том, какие огромные санитарные потери неизменно несли русские войска на протяжении всех войн в царствование императора Николая I, особенно в ходе Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг., Русско-Польской войны 1830–1831 гг. и Венгерского похода 1849 г. Историк, как нетрудно догадаться, сочувственно объясняет это сервизлизмом одних и равнодушием других⁵⁴.

О причинах, повлекших тяжелые санитарные потери русских войск на Дунае в 1828–1829 гг., как уже говорилось выше, достаточно подробно написал Ф. Кэган. Польская же кампания разворачивалась в 1831 г. на фоне общеевропейской холерной эпидемии и потому сопровождалась исключительно тяжелыми неболевыми потерями. В 1831 г. погибли 113 655 чел., или $\frac{1}{7}$ всей армии, тогда как с 1826 по 1851 г. во всех регулярных войсках средние боевые потери и смертность от болезней составляли в среднем 43 723 чел. в год⁵⁵.

Файджес с ссылкой на Дж. Ш. Кёртисса — автора монографии, посвященной армии Николая I, указывает, что даже в мирное время в русской армии ежегодно продолжали заболеть примерно 655 чел. из 1 000⁵⁶. Файджес полагает, что эта цифра должна свидетельствовать об ужасном санитарном состоянии русской армии, хотя в западноевропейских армиях того времени заболеваемость была столь же высокой. По данным Л. Ильяшевича, например, в бельгийской армии начала 1860-х гг. ежегодно заболевали 654 чел. на 1 000, поэтому Ильяшевич в силу различных причин официальные данные русских военно-медицинских отчетов считал даже несколько заниженными⁵⁷.

---

⁵³ Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Т. 1. М., 1938. С. 37–45.

⁵⁴ Figes O. Op. cit. P. 119.

⁵⁵ Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. С. 55.

⁵⁶ Figes O. Op. cit. P. 119; Curtiss J. S. The Russian army under Nicholas I, 1825–1855. Durham, 1965. P. 248–249.

⁵⁷ Ильяшевич Л. Статистическое исследование смертности нашей армии // Военный Сборник. 1863. № 2. С. 400.

В результате военных преобразований 1830–1840-х гг. смертность в войсках сократилась, хотя и продолжала оставаться сравнительно высокой. В год от болезней погибало примерно по 37 чел. из 1 000 человек списочного состава. Численность умерших в русской армии в мирное время в почти два раза превышала число умерших в европейских армиях. Например, в австрийской армии, по данным на 1857 г., умирало в среднем 19,2 на 1 000 чел.⁵⁸ Однако и среди гражданского населения России смертность от болезней была в среднем на четверть выше, чем в Европе⁵⁹.

Кёртисс, в отличие от британского профессора, провел достаточно подробное исследование причин столь высокой заболеваемости и смертности, связав ее в том числе и с тяжелыми условиями квартирования основной массы русских войск. Поэтому совершенно неудивительно, что по причине бедности западных губерний в Большой Действующей армии фельдмаршала И. Ф. Паскевича, которая была развернута на западном стратегическом направлении и включала в себя главные силы армейской пехоты, в мирное время смертность была выше, чем в войсках, стоявших в Центральной России, хотя и значительно ниже, чем в войсках на Кавказе.

Возросшие возможности русского интендантства были продемонстрированы в ходе Венгерского похода 1849 года. Несмотря на эпидемию холеры и то обстоятельство, что венгерская равнина была основательно опустошена австрийскими и венгерскими войсками еще до вступления на нее русской армии, последняя потеряла 708 чел. убитыми и 2 447 ранеными. От болезней, главным образом холеры, умерли 10 885 чел.⁶⁰ По сравнению с жертвами в ходе войн 1828–1831 гг. такие потери выглядели достаточно умеренными.

Переговоры в Вене летом и осенью 1853 г. не смогли остановить эскалацию конфликта. Россию, как утверждает Файджес, упорно подозревали в желании завладеть Придунайскими княжествами на постоянной основе. Намерение австрийского правительства позволить Николаю I выйти из затруднительного положения, сохранив лицо, он оценивает, как практически невыполнимое⁶¹.

---

⁵⁸ Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 42.

⁵⁹ Наумова Ю. А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. С. 77–78. См. также: Ильяшев Л. Указ. соч. С. 364.

⁶⁰ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 88.

⁶¹ Figes O. Op. cit. P. 124.

Файджес вслед за Э. Ламбертом придерживается той точки зрения, что британский посол в Константинополе Ч. Стратфорд-Каннинг не подталкивал турок к отклонению Венской ноты. Долгое время в британской историографии преобладало мнение, будто бы русофобия и личная неприязнь посла к Николаю I побудили его действовать вопреки инструкциям британского кабинета, что в конечном итоге и вызвало «никому не нужную» войну. В реальности же, утверждает Файджес, летом 1853 г. политическое влияние Стратфорда-Каннинга в Константинополе неуклонно снижалось по мере того, как Стамбул захлестывался демонстрациями религиозных фанатиков, требовавших немедленно объявить России «джихад»⁶².

Сущность противоречий британской политики и стратегии в годы Крымской войны Файджес также во многом объясняет с опорой на работу Э. Ламберта. Речь шла о том, что политическое стремление Великобритании к подрыву могущества России далеко не всегда удавалось воплотить на уровне конкретной военной стратегии⁶³. Фактически даже непримиримый Г. Палмерстон умел внятно формулировать только лишь политические, но не военно-стратегические цели войны. «Стратегия же, — писал Ламберт, — не может быть сформулирована без признанных военных целей. (...) Или же в политическом вакууме»⁶⁴.

В любом случае, после сражения в Синопской бухте вступление морских держав в войну на стороне Турции стало практически неизбежным. Объединенный англо-французский флот вошел в Черное море с тем, чтобы воспрепятствовать возможным действиям русского Черноморского флота. При этом запрет на плавание по Черному морю не касался Турции.

Комментируя знаменитый обмен письмами между Наполеоном III и Николаем I, Файджес пишет о том, что отрицательный ответ Николая на мирные предложения Наполеона стал роковой ошибкой русского императора⁶⁵. Очевидно, именно «страдавший психическими патологиями» Николай I является в представлении профессора главным виновником срыва мирного урегулирования. В действительности же письмо Наполеона III содержало, скорее,

---

⁶² Ibid. P. 126. См. также: Lambert A. D. Op. cit. P. 47, 50, 61; Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden-Boston, 2010. P. 93–95, 117.

⁶³ Figes O. Op. cit. P. 196; Lambert A. D. Op. cit. P. XIX, 83, 86, 97, 197, 199, 303.

⁶⁴ Lambert A. D. Op. cit. P. 97.

⁶⁵ Ibid. P. 155.

не мирные предложения, а ультиматум. В условиях военной демонстрации и фактического выступления англо-французского флота на стороне турок, русскому императору предлагалось очистить Придунайские княжества. От Николая I сложно было ожидать уступок в условиях грубого шантажа и недвусмысленных военных угроз.

«Установление блокады русских черноморских портов, — писал В. В. Дегоев, — было представлено Петербургу как оборонительная акция. Николай I, не понимавший такой логики, имел все основания прийти к выводу, что ему брошен открытый вызов, на который он просто не мог не ответить. Самое удивительное, быть может, в том, что даже в этой ситуации русский император предпринимает последнюю попытку сохранить мир с Англией и Францией, которая больше напоминала жест отчаяния. Превозмогая чувство негодования, Николай I уведомил Лондон и Париж о своей готовности воздержаться от толкования их акции, как фактического вступления в войну на стороне Турции. Он предлагал англичанам и французам официально объявить, что их действия нацелены на нейтрализацию Черного моря (то есть на нераспространение войны на его акваторию и побережье) и поэтому в равной степени служат предупреждением и России, и Турции. Это было беспрецедентное унижение для правителя Российской империи вообще, и для такого человека, как Николай I, в частности. Можно лишь догадываться, чего ему стоил такой шаг. Отрицательный ответ Англии и Франции был равен шлепку по руке, протянутой для примирения. Царю отказали в самой малости — в возможности сохранить лицо»⁶⁶.

Файджес невысоко оценивает качество стратегического мышления Николая I. По мнению профессора, русский император имел преувеличенное представление о военных возможностях России. Победа в Отечественной войне 1812 г. будто бы породила у него иллюзию того, что Россия может в одиночку противостоять Европе на поле боя⁶⁷. Вывод звучит странно, особенно в контексте монографии Ф. Кэгана, которую Файджес указал в списке литературы, но читал, по всей видимости, невнимательно. Кэган же на конкретном историческом материале и с использованием неопубликованных архивных источников убедительно показал, что за военными реформами 1830–1840-х гг. стояло, в первую

---

⁶⁶ Дегоев В. В. Указ. соч. С. 187.

⁶⁷ Figes O. Op. cit. P. 156.

очередь, четкое понимание Николаем I естественных пределов военных возможностей России и ограниченности ее ресурсов. Преобразования 1830–1840-х гг. действительно превратили русскую армию в первую по своей мощи боевую силу на европейском континенте, которой в одиночку не могла бросить вызов ни одна из великих держав. Нет, однако, никаких оснований подозревать Николая I и его советников в том, что они не понимали истины, справедливость которой была доказана всем ходом европейской военной истории XVII–XX веков: даже сильнейшая армия Европы не имела никаких шансов победить коалицию в условиях дипломатической изоляции со стороны всех остальных великих держав⁶⁸.

Рассказ о Восточном кризисе начала 1850-х гг., о сложных перипетиях отношений России с Турцией и великими державами, о том, как не вызывавший поначалу тревоги конфликт стремительно перерос в Русско-Турецкую войну, а затем — в противостояние изолированной России с мощной западноевропейской коалицией, по вполне очевидной причине получился у Файджеса достаточно сумбурным. Изначально сформулированный автором тезис о легкомысленном решении полусумасшедшего Николая I развязать религиозную войну было просто невозможно встроить в существующую европейскую историографию по причине его явной бездоказательности.

Файджес полагает, что «Меншиков и другие старшие военачальники» до последнего стремились отговорить императора от оккупации Княжеств и развязывания войны⁶⁹. В данном утверждении спорно или ошибочно практически всё. Едва ли справедливо столь категорично ставить знак равенства между решением Николая I оккупировать Придунайские княжества и решением спровоцировать войну с Османской империей и морскими державами. В научной литературе до сих пор продолжается полемика относительно того, что же именно следует считать точкой невозврата на пути перерастания кризиса в войну: провал миссии Меншикова, занятие русскими войсками Княжеств, срыв переговоров в Вене или же битву в Синопской бухте. С одной стороны, как признавался

---

⁶⁸ Кривопапов А. А. Севастополь в стратегических планах фельдмаршала И. Ф. Паскевича в 1853–1855 гг. // Вестник Московского университета. Серия. 8 История. 2013. № 3. С. 58–69; Он же. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 238–272.

⁶⁹ Figes O. *Op. cit.*

французский наблюдатель, «по переходе русскими Прута война стала делом решенным»⁷⁰. С другой стороны, переговоры в Вене, несмотря на вступление русских войск в Княжества, внушали надежду на мирное завершение кризиса.

Решение о вводе войск в Молдавию и Валахию Николай I принял лишь после консультаций со своими ближайшими военными советниками, но в их кругу единое мнение по поводу дальнейших внешнеполитических шагов России отсутствовало. Пользовавшийся огромным доверием монарха главнокомандующий Большой Действующей армией фельдмаршал И. Ф. Паскевич не «отговаривал», как полагает Файджес, а прямо посоветовал Николаю I оккупировать Княжества в качестве залога исполнения предъявленных Турции требований⁷¹. С другой стороны, морской министр князь А. С. Меншиков наиболее эффективным средством давления на Турцию считал занятие не Дунайских княжеств, а северо-восточной Анатолии, поскольку такая акция не задевала интересы западноевропейских держав и препятствовала складыванию союза Турции с Англией и Францией. Николай I отверг предложение Меншикова о превентивном наступлении в Малой Азии и попытке овладеть внезапным ударом крепостями Карс, Батум и Баязет именно потому, что весной — летом 1853 г. война с Турцией вообще не входила в его планы⁷².

При этом вплоть до конца 1853 г. Николай I и фельдмаршал Паскевич не имели объективных оснований считать столкновение России с западноевропейскими державами фатально неизбежным, и точно также вплоть до февраля 1854 г. не было объективных оснований предполагать, что такое столкновение будет проходить в условиях практически полной международной изоляции России со стороны всех остальных великих держав. Летом и осенью 1853 г. Николай I столкнулся с такими изменениями внешнеполитической и военно-стратегической обстановки, которые с трудом поддавались прогнозированию, но едва ли возможно отыскать в его действиях признаки «легкомыслия», «религиозно-детерминизма» и уж тем более «психического расстройства».

Англия и Франция, заключив между собой союз, выступили на стороне Турции и весной 1854 г. объявили России войну.

---

⁷⁰ Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 11.

⁷¹ Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 682.

⁷² Дегоев В. В. Указ. соч. С. 177, 489.

Австрия и Пруссия — ближайшие союзники Петербурга в Европе — отказались дать гарантии нейтралитета, а в апреле 1854 г. заключили против России оборонительный союз, который в определенных условиях мог превратиться в наступательный. К этому времени Австрия начала перевод своей армии на военное положение и приступала к разворачиванию главных ее сил на русских границах. В первую очередь в тылу Дунайской армии, осаждавшей турок в Силистрии. Теперь Россия в одиночку сражалась против могущественной коалиции, не имея ни единого союзника в Европе.

В таких условиях князь Варшавский признавал продолжение Дунайской кампании всё менее целесообразным. Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Удар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному поражению русских войск. Файджес признает опасения фельдмаршала Паскевича вполне основательными⁷³.

С точки зрения профессора, турки смогли удержать Силистрию главным образом благодаря помощи британских офицеров⁷⁴, хотя в условиях ширококомасштабных военных приготовлений Австрии овладение крепостью превращалось для русского командования из тактической проблемы в проблему стратегического масштаба. Факт же контузии фельдмаршала Паскевича под стенами Силистрии британский профессор отрицает⁷⁵.

Файджес полагает, что в кампанию 1854 г. среди русских войск на Придунайском театре резко возросла смертность от болезней. К апрелю 1854 г. из 210 000 чел., имевшихся в составе Дунайской армии, 90 000 чел. якобы были больны⁷⁶. Цифры, прямо скажем, фантастические и не имеющие подтверждения в источниках. По данным генерал-штаб-доктора Дунайской армии, с ноября 1853 г. по март 1854 г. среднее соотношение заболевших к наличному составу войск в течение месяца было 1 : 27, среднее отношение умерших к числу заболевших за тот же период было равно 1 : 25⁷⁷. Во время осады Силистрии болезненность увеличилась в полтора раза по сравнению с предыдущим полугодием, однако среднее отношение умерших к числу заболевших практически не изменилось и равнялось 1 : 23⁷⁸. Смертность повысилась лишь

---

⁷³ Figes O. Op. cit. P. 170.

⁷⁴ Ibid. P. 183.

⁷⁵ Ibid. P. 175.

⁷⁶ Ibid. P. 169.

⁷⁷ Наумова Ю. А. Указ. соч. С. 111.

⁷⁸ Там же. С. 115.

в осенние месяцы, что было связано с усиленной транспортировкой больных. Отношение умерших к числу заболевших достигало тогда 1:11. В ходе эвакуации русских войск из Княжеств, по разным подсчетам, было вывезено от 12 000 до 27 018 чел. больных и раненых. К 1 ноября 1854 г. в постоянных и временных госпиталях бывшей Дунайской армии состояли 13 856 чел. и еще 3 870 чел. находились на излечении в полковых лазаретах. За всю Дунайскую кампанию в госпиталях и лазаретах побывали 194 675 чел., из которых умерли 13 947⁷⁹.

Для сравнения можно привести безвозвратные потери армии союзников за время ее стоянки в Варне и неудачной экспедиции в Добруджу. На 17 июля 1854 г. численность развернутых там войск достигла примерно 19 000 чел. у англичан и 41 000 чел. у французов. Общие безвозвратные потери, по данным британской периодики и французской санитарно-медицинской службы, составили от 15 000 до 17 000 чел. Очевидно, что удельный вес союзных потерь в общей численности их войск намного превосходил этот показатель у армии М. Д. Горчакова, находившейся в тех же самых неблагоприятных климатических условиях и к тому же имевшей боевые столкновения с неприятелем, чего у англичан и французов не было⁸⁰.

После снятия осады Силистрии и начала отступления из Княжеств русские войска, по мнению Файджеса, оказались деморализованы. Тысячи раненых и больных были якобы оставлены на милость турок⁸¹. Фактически же фельдмаршал И. Ф. Паскевич, отдав приказ о снятии осады Силистрии и общем отступлении из Княжеств, немедленно распорядился вывезти в Россию всех находящихся в госпиталях. В Бухаресте было оставлено лишь 38 чел. из числа тяжелораненых, помещенных в больнице Филантропии⁸².

Затем Файджес пишет, что 7 июля 1854 г. в сражении под Журжей, где некоторыми турецкими отрядами командовали британские офицеры, русские потеряли 3 000 чел.⁸³ А. М. Зайончковский и А. Н. Петров приводили более точные данные русской квартирмейстерской службы: 342 чел. убитыми, 22 офи-

---

⁷⁹ Там же. С. 120–122.

⁸⁰ Там же. С. 127.

⁸¹ Figes O. Op. cit.. P. 185–186.

⁸² Наумова Ю. А. Указ. соч. С. 118.

⁸³ Figes O. Op. cit. P. 186.

цера и 653 нижних чина ранеными⁸⁴. Потери турок были оценены в 6 000 убитых и раненых из 45 000 чел. задействованных в бою. Вполне возможно, эти данные являются завышенными. В любом случае, проверить их по турецким источникам пока еще не удалось. Современный турецкий историк К. Бадем не сообщает никаких сведений о потерях армии Омера-паши в боях 5–7 июля 1854 г.⁸⁵

События французской экспедиции генерала Э.-Ш.-М. Эспинаса в Добруджу излагаются Файджесом весьма странно. Говоря о ней, Файджес почему-то описывает лишь действия отряда спагов под командованием Ж. Вантини по прозвищу «генерал Юсуф», хотя главные силы экспедиции были представлены пехотой. При этом цели операции Файджес раскрывает достаточно четко. Французы прибегли к этой демонстрации, поскольку питали недоверие к своему потенциальному австрийскому союзнику, войска которого вступили в Княжества после ухода армии Горчакова. В то же время французский главнокомандующий маршал Ж. Л. Сент-Арно в преддверии будущей десантной операции в Крыму стремился очистить от русских войск хотя бы часть Черноморского побережья⁸⁶.

О результатах экспедиции в Добруджу Файджес говорит достаточно обтекаемо. Данные о потерях он не приводит, зато сообщает, что к 7 августа 1854 г. в Варну возвратились лишь 1 500 чел. Французский современник об итогах этого безрезультатного предприятия высказывался более откровенно: 6 000 чел. из состава дивизии погибли от болезней, 2 000 чел. «вследствие болезней навсегда сделались неспособными к службе, (...) к 15 августа вместо победной весте приходилось послать к императору донесение о 14 000 умерших»⁸⁷. По всей видимости, природные условия Дунайского театра военных действий приводили к тяжелым санитарным потерям не только в русской армии.

Иногда Файджес окончательно уходит в жанр «pop-history» и тогда для создания соответствующего колорита многих героев своего повествования начинает именовать «казаками». Именно казаки неизменно выступают у Файджеса субъектом прово-

---

⁸⁴ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1913. С. 1050; Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т. 2. 1854 год. СПб., 1890. С. 210.

⁸⁵ Vadem С. Op. cit. P. 186.

⁸⁶ Figes O. Op. cit. P. 189–190.

⁸⁷ Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 38–39.

дившегося русскими террора на территории оккупированных Княжеств. Герой обороны Одессы прапорщик А. П. Щеголев оказывается у Файджеса «казачьим офицером»⁸⁸. В реальности Щеголев в 1852 г. из Дворянского полка был выпущен прапорщиком в полевую артиллерию и командовал в Одессе батареей из четырех 24-фунтовых орудий с 28 чел. прислуги из состава батареи № 14 5-й артиллерийской дивизии, которая организационно входила в состав регулярной армии, а не казацких войск⁸⁹.

Файджес также заявляет, что именно батарея Щеголева в ходе бомбардировки расстреляла севший на мель английский фрегат «Tiger». Здесь у профессора два события сливаются в одно: англо-французский флот бомбардировал Одессу 10/22 апреля 1854 г., а «Tiger» сел на мель и был захвачен спустя почти три недели — 30 апреля /12 мая. При этом его вынудила сдаться не батарея Щеголева, а два орудия из батареи поручика Абакумова, входившей в состав 16-й артиллерийской бригады⁹⁰.

Защитники Одессы, по словам Файджеса, с большим размахом отпраздновали свой успех. Профессор не ссылается на какие-либо источники, но заявляет, что немедленно после пленения экипажа фрегата в Одессе началась пьяная оргия, в ходе которой было убито несколько человек⁹¹.

Рассказ о Крымской кампании Файджес предваряет характеристикой сухопутных армий Англии и Франции. Профессор считает, что французская армия во всех отношениях превосходила британскую. Она была полностью перевооружена нарезными ружьями системы Минье, ее командный состав имел богатый тактический опыт, приобретенный в ходе длительной войны в Алжире, тогда как англичанам соответствующего боевого опыта остро не хватало. «Культура и военное мышление британской, равно как и русской армии, — заключает Файджес, — находилось на уровне XVIII в.»⁹².

Здесь мы имеем дело с достаточно устойчивыми стереотипами, накопившимися за многие десятилетия в западной и советской военно-исторической литературе. В России в силу многих причин дореволюционная и советская историографии переоценивали

---

⁸⁸ Figes O. Op. cit. P. 171.

⁸⁹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2. СПб., 1876. С. 126.

⁹⁰ Там же. С. 129.

⁹¹ Figes O. Op. cit. P. 171.

⁹² Ibid. P. 178–180.

боевые возможности французской армии в тактическом, техническом и организационном плане.

Реальность была не столь однозначной. В отличие от вооруженных сил России, Пруссии и Австрии, французская армия не располагала в мирное время не только корпусами, но даже дивизиями постоянного состава. Самым большим тактическим соединением в мирное время оставался полк. В отличие, например, от Пруссии, во французской армии практически отсутствовали обученные резервы⁹³. Военная система, доставшаяся Наполеону III в наследство от Июльской монархии, была способна на сравнительно быструю организацию крупных заморских экспедиций, однако ее эффективность в условиях большой европейской войны вызывала обоснованные сомнения.

Переоценивать уровень технического оснащения французской пехоты подобно тому, как это делает Файджес, также нет оснований. Всю французскую армию перед войной профессор успеваает «перевооружить» нарезными ружьями системы Минье, на деле же в начале Крымской кампании ружья этой системы у французов вообще отсутствовали. Основная масса французской линейной пехоты вооружалась гладкоствольным капсюльным ружьем образца 1842 г. По своим техническим характеристикам ружье было очень близко как к русскому гладкоствольному капсюльному ружью образца 1845 г., так и аналогичному английскому капсюльному ружью образца 1842 г. К началу Крымской войны наряду с обычными сферическими пулями французская пехота начала использовать для своих гладкоствольных ружей специальные продолговатые пули системы Нейслера, которые повышали дальность эффективного огня примерно вдвое: с 300 до 600 шагов⁹⁴.

Легкая пехота французской армии — знаменитые зуавы и венсенские стрелки — к началу 1850-х гг. вооружалась опять же не ружьями Минье, а нарезными штуцерами более ранней модели. Всего во французской армии к началу Крымской кампании успели сформировать до двадцати таких батальонов. На поле боя они предназначались для выстраивания цепи застрельщиков впереди ротных и батальонных колонн вооруженной гладкоствольными ружьями линейной пехоты. Главным оружием фран-

---

⁹³ McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 35. См. также: В. Я. Французская конскрипция // Военный Сборник. 1858. № 3. С. 63.

⁹⁴ Федоров В. Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904. С. 144–146. Он же. Эволюция стрелкового оружия. Т. 1. М., 1938. С. 55.

цузских стрелков в Крыму был стержневой штуцер системы Ту-венена образца 1846 г. под 18-мм пулю системы Тамизье. И лишь в январе 1855 г. в осаждавшую Севастополь французскую армию поступила первая партия из 3 600 новейших 18-мм нарезных ружей системы Минье. В первую очередь ими вооружили четыре полка гренадеров и вольтижеров воссозданной Наполеоном III императорской гвардии⁹⁵.

Пропорцию использования различных типов боеприпасов для стрелкового оружия можно проиллюстрировать следующими примерами. В битве на Альме французская пехота расстреляла 30 180 патронов с обычной сферической пулей и 12 453 патрона под пулю Нейссера и Тамизье. В битве при Инкермане было израсходовано 34 650 патронов под сферическую пулю, 15 750 патронов — под пулю Нейссера и 26 520 патронов — под штуцерную пулю Тамизье. К началу 1855 г. во французском осадном лагере под Севастополем был накоплен 15 594 291 патрон со сферической пулей, 1 046 525 патронов — под пулю Нейссера и 4 023 530 патронов — под штуцерную пулю Тамизье⁹⁶. Таким образом, на полях сражений Крымской войны основным французским ружьем по-прежнему оставался заряжавшийся с дула гладкоствольный мушкет, правда, в отличие от наполеоновской эпохи, он был уже не кремневый, а капсюльный.

Странно, почему Файджес пишет откровенную нелепость про полное перевооружение французской армии ружьями системы Минье еще до начала войны. Следует добавить, что в его списке литературы приводится монография известного британского военного историка Х. Строна, на страницах которой перевооружение французской армии в предвоенные годы описано достаточно подробно⁹⁷. Рискну предположить, что профессор читал эту книгу невнимательно либо не читал вообще.

Файджес считает, что британская армия, в отличие от французской, испытывала нехватку боевого опыта, а ее аристократический офицерский корпус в профессиональном отношении стоял много ниже французского, закаленного длительной войной

---

⁹⁵ К. Ш. Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854–1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 163; Федоров В. Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. С. 144. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 5. Новое время. М., 1937. С. 25.

⁹⁶ К. Ш. Указ. соч. С. 136–137, 155, 163.

⁹⁷ Strachan H. From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815–1854. Cambridge, 1985. P. 39–40.

в Алжире. В целом это, конечно, справедливо. Основной массе британских войск, расквартированных в мирное время в метрополии, действительно не хватало боевого опыта. Явным анахронизмом, подрывавшим профессионализм офицерского корпуса, выглядела практика торговли офицерскими патентами, позволявшая покупать чины до подполковника включительно, после чего дальнейшее чинопроизводство следовало уже по выслуге лет. Однако ряд важных нюансов здесь, с моей точки зрения, Файджесом был всё же упущен.

Х. Строн не случайно обратил внимание на то обстоятельство, что во второй четверти XIX в. боевой опыт как британской, так и французской армии вытекал не столько из Наполеоновских, сколько из колониальных войн⁹⁸. Британская Индийская армия в Англо-Сикхских войнах 1840-х годов получила разноплановый организационный и тактический опыт, во многом не уступавший французскому опыту, добытому в Алжире. Другое дело, что, в отличие от Франции, опыт британской Индийской армии оказался практически никак не востребован в метрополии. В 1815–1853 гг. командование британской армии и, в первую очередь, сам герцог А. Веллингтон относились к офицерам из Индии с подозрением, недоверием и высокомерием. Ветеранов Сикхских войн в штабе отправившейся в Крым армии лорда Д. Раглана практически не было⁹⁹.

Несмотря на предубеждение и снобизм в отношении офицеров колониальных войск, армия, расквартированная непосредственно на Британских островах, в 1830–1840-е гг., по мнению Строна, подверглась достаточно интенсивному, хотя во многом и поверхностному реформированию.

В преддверии Крымской войны качество тактической подготовки войск удалось несколько улучшить за счет широкомасштабных маневров в учебном лагере около г. Чобем. Ряд отдельных полков и батальонов в пяти пехотных дивизиях, составлявших экспедиционную армию Д. Раглана, имели опыт Первой Опиумной войны 1839–1842 гг., завоевания Синда в 1843 г., Гвалиорской кампании 1843 г., Первой Англо-Сикхской войны 1845–1846 гг. и Кафрских войн 1846–1847 и 1850–1853 гг.¹⁰⁰

---

⁹⁸ Ibid. P. 14.

⁹⁹ Adkin M. The charge. The real reason, why the Light brigade was lost. L., 1996. P. 31.

¹⁰⁰ Суитман Д., Мерсер П. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М., 2011. С. 136–138.

С точки зрения развития тактики, Крымская война во многом оказалась затянувшимся эндшпилем наполеоновской эпохи. Однако благодаря герцогу Веллингтону, оказывавшему огромное влияние на британскую армию вплоть до своей кончины в 1852 г., тактика английской пехоты в Крыму оставалась устаревшей даже по меркам Наполеоновских войн. Сомкнутые линии пехоты Раглана на Альме практически ничем не отличались от боевых порядков самого Веллингтона при Ватерлоо, своими корнями они явно уходили в XVIII в.¹⁰¹ Не случайно, наблюдая за атакой англичан на Альме, французский генерал воскликнул: «(...) как при Фонтенуа!».¹⁰²

Архаичность тактической доктрины своей пехоты Великобритания отчасти могла компенсировать лишь за счет отличной выучки солдатского и унтер-офицерского состава на индивидуальном уровне, а также с помощью широкомасштабного перевооружения на новые образцы стрелкового оружия.

Благодаря огромным финансово-экономическим возможностям Великобритании, а также за счет относительно небольшой численности британской экспедиционной армии, ее насыщенность современным нарезным стрелковым оружием была выше, чем у французской. Четыре из пяти высадившихся в Крыму английских дивизий были вооружены 18-мм нарезным ружьем системы Минье образца 1851 г. Лишь в дивизии генерала Д. Каткарта пять из шести пехотных батальонов были вооружены 19-мм гладкоствольным капсюльным ружьем образца 1842 г.¹⁰³ Если русские и французские гладкоствольные ружья времен Крымской войны были техническим развитием знаменитого Шарлевильского мушкета образца 1777 г., то английское ружье образца 1842 г. было наследником Браун-Бесса — не менее известного мушкета 1730-х годов.

Зимой 1855 г. британская армия под Севастополем в больших количествах начала получать еще более современные ружья системы Энфилда образца 1853 г. под пулю системы Притчетта. В отличие от 18-мм ружья Минье, винтовка Энфилда была значительно облегчена за счет уменьшения калибра до 14,7 мм¹⁰⁴. В августе 1855 г., к моменту падения Севастополя, 20 батальонов британской армии в Крыму имели на вооруже-

---

¹⁰¹ McElwee W. Op. cit. P. 24.

¹⁰² Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 26.

¹⁰³ Он же. С. 52.

¹⁰⁴ Glover M. Warfare from Waterloo to Mons. L., 1980. P. 73–74.

нии Энфилды, а 29 батальонов оставались с винтовками системы Минье¹⁰⁵.

Поскольку профессор Файджес не стал глубоко вникать в проблемы технического прогресса в области вооружений, он не смог высказать ничего, кроме очевидных банальностей о превосходстве нарезного оружия над гладкоствольным и рассыпного строя над сомкнутой пехотной колонной. Хотя именно попытка ретроспективно разобраться в соотношении прогресса техники и тактики приводила ряд исследователей к парадоксальным, на первый взгляд, выводам. Если абсолютная эффективность практически любого вооружения по ходу технического прогресса естественным образом растет, то его относительная эффективность от поколения к поколению, напротив, снижается. Собственно, именно это подразумевал, к примеру, А. А. Керсновский, когда напоминал, что в 1812 г. на Бородинском поле 100 000 чел. пало с обеих сторон за каких-нибудь восемь часов, тогда как под Верденом в 1916 г. 700 000 чел., но за восемь месяцев¹⁰⁶. «Новая техника, — доказывал Керсновский, — влечет за собой не новую тактику, а всего лишь новые тактические навыки. Тактика может измениться коренным образом от причин, совершенно не зависящих от техники (например, при переходе вербовочных армий на систему вооруженных народов). Природа тактики совершенно не должна измениться от технических условий, ибо она лежит вне досягаемости техники, будучи производной величиной военной доктрины»¹⁰⁷.

Взаимосвязь техники и тактики имела, таким образом, нелинейный характер. В середине XIX в. спор о сравнительной важности дальноточности и скорострельности стрелкового оружия еще не получил окончательного разрешения. В 1813 г. в битве при Виттории, где британская пехота вела огонь из гладкоствольных кремневых мушкетов Браун-Бесс, лишь одна пуля из 459 поражала цель, в битвах на Альме и при Инкермане в 1854 г., где она же использовала нарезные винтовки Минье, в цель попадала уже одна пуля из 16.¹⁰⁸ Однако скорострельность у винтовок Минье составляла два выстрела в минуту, против трех выстрелов в минуту у старых гладкоствольных ружей¹⁰⁹, что обуславливало более высокую эффективность последних в ближнем

---

¹⁰⁵ Strachan H. Op. cit. P. 46.

¹⁰⁶ Керсновский А. А. Философия войны. М., 2010. С. 43–44.

¹⁰⁷ Там же. С. 76.

¹⁰⁸ Strachan H. Op. cit. P. 54.

¹⁰⁹ Ibid. P. 31, 41. См. также: Суитман Д., Мерсер П. Указ. соч. С. 136.

бою. Поэтому в битве при Инкермане результаты боевой работы 4-й пехотной дивизии генерала Д. Каткарта, вооруженной преимущественно гладкоствольными ружьями образца 1842 г., были не хуже, чем у остальной британской пехоты, стрелявшей из нарезных винтовок Минье.

«Еще до окончания Крымской войны, — писал британский военный историк П. Грифит, — возникли подозрения, что «Chasseurs a Pied» (Венсенские стрелки. — *А. К.*) были чем-то вроде фанатической секты на периферии действительного тактического спора. С полей сражений стали приходиться убедительные свидетельства, которые наводили на мысль, что требования по части точности огня на большой дистанции фактически не возникали, и даже если бы такие требования возникли, нарезное ружье не могло ему соответствовать на необходимом уровне. В Итальянской войне 1859 года французы нанесли поражение вооруженным нарезным оружием австрийцам не благодаря дальнобойной стрельбе, а с помощью энергичного огня и стремительных штыковых атак в ближнем бою. Егеря, скорее, использовались как элитные ударные отряды, нежели в качестве застрельщиков, и в целом тактика уповала на небольшие колонны, взаимодействовавшие на относительно ограниченном пространстве с узкими секторами ведения огня. Они не выглядели бы неуместными в Итальянской кампании Бонапарта в 1796–1797 гг.»¹¹⁰

В этой связи первоначальный тезис Файджеса о том, что культура и военное мышление британской, равно как и русской армии, находились на уровне XVIII в. нуждается, как минимум, в серьезном уточнении¹¹¹. «Культура и военное мышление» являются неконкретными и трудноопределимыми категориями. Применительно к армии обычно говорят о тактике, вооружении и организации. Во всём, кроме вооружения, британские сухопутные войска, действительно, напоминали армию XVIII в. Но справедливо ли это в отношении русской армии второй четверти XIX в.?

Военные реформы, предпринятые Николаем I в 1830–1840-е гг., были логическим продолжением организационных перемен, произошедших в русской армии в эпоху Наполеоновских войн. К середине 1830-х гг. сбалансированные и постоянные по своему составу пехотные (армейские) корпуса, сформированные из трех родов войск, стали основой военной организации. Численность

---

¹¹⁰ War in the age of technology: Myriad faces of modern armed conflict. N. Y., — L., 2001. P. 27.

¹¹¹ Figes O. Op. cit. P. 178–180.

каждого из шести пехотных корпусов доходила до 50 000 чел. Корпус становился полностью автономным боевым соединением, возможности которого позволяли ему самостоятельно действовать на отдельном стратегическом направлении. Наличие в составе корпуса резервных и запасных войск позволяло поддерживать штатную численность полков в условиях неизбежных боевых и санитарных потерь. В отличие от линейной тактики британской пехоты, основой типовых боевых порядков в русской армии второй четверти XIX в. была сомкнутая батальонная колонна, которая на поле боя взаимодействовала с передовой цепью застрельщиков. По условиям местности на Крымском театре батальонная колонна для удобства обычно расчленялась на несколько ротных колонн. Таким образом, в организационном и тактическом отношении армия Николая I выросла из творческого переосмысления опыта Наполеоновских войн. Едва ли в этом смысле что-либо всерьез напоминало в ней армию XVIII столетия.

Кроме того, боевой опыт русской армии не исчерпывался тяжелой войной против иррегулярного противника на Кавказе. Практически весь ее командный состав являлся ветеранами Русско-Польской войны 1830–1831 гг. Польская кампания именуется Файджесом («карательной»), в реальности же она представляла собой полевую войну в традициях наполеоновской эпохи. Сражения при Вавре, Грохове, Остроленке и Варшаве были классическими столкновениями регулярных армий, насчитывавших десятки тысяч человек. Венгерский поход 1849 г. не сопровождался столь крупными полевыми сражениями, как Русско-Польская война, однако и он стал для русской армии серьезной боевой школой. III, IV и V пехотные корпуса, то есть большая часть крупных войсковых соединений, задействованных в 1853–1855 гг. на Дунае и в Крыму, в 1849 г. участвовали в войне против венгерского революционного правительства.

Вооружение русской пехоты на Крымском театре военных действий в целом, конечно, уступало вооружению союзников, но Файджес серьезно ошибается, говоря о вооружении ее лишь «мушкетами» и практически полном отсутствии нарезного стрелкового оружия¹¹². Само понятие «мушкет» используется в данном случае некорректно. Классические кремневые ружья оставались в годы Крымской войны на вооружении лишь у резервных и запасных войск второй линии. Основная масса русской, как, кстати, и французской, пехоты вооружалась в начале 1850-х гг.

---

¹¹² Ibid. P. 118.

гладкоствольными ударными, то есть капсюльными, ружьями. Ружье образца 1845 г. калибром 18,03 мм и его незначительная модификация образца 1852 г. позволяло вести прицельный огонь сферической пулей на дистанции примерно в 300 шагов. В 1855 г. в русской армии начали распространяться полукруглые пули, созданные по образцу трофейных французских пуль системы Нейсслера¹¹³, которые увеличивали дальность прицельного огня гладкоствольных ружей до 600 шагов.

Также в русской армии постепенно увеличивалось и число пехотинцев, вооруженных нарезными штуцерами. Помимо отдельных стрелковых батальонов корпусного подчинения к 1854 г. каждый пехотный батальон насчитывал 26 солдат со штуцерами. К осени 1855 г. 26 солдат со штуцерами приходилось уже на каждую роту¹¹⁴. Основным вооружением русских стрелков был 17,78-мм нарезной так называемый Литтихский штуцер образца 1843 г., заряжавшийся пулей системы Куликовского. Реже использовались штуцера системы Гартунга и Эрнрота. Нарезное оружие русской армии имело эффективную дальность в 1200 шагов и по тактико-техническим характеристикам примерно соответствовало французскому штуцеру системы Тувенена. Однако новейшим винтовкам Минье и Энфилда оно уступало, — в первую очередь, по удобству заряжения.

Общая численность легкой пехоты в России и Франции была сравнима, однако, пользуясь неуязвимостью своих национальных границ, союзники смогли сконцентрировать значительную ее часть непосредственно на Крымском театре военных действий¹¹⁵.

«Если мы возьмем в соображение общее число нарезного оружия, — писал выдающийся деятель русского Генерального штаба Н. Н. Обручев, — бывшего тогда во всей нашей армии, то увидим, что число его едва ли многим уступало тому количеству, которое имела армия французская. Разница была только в том, что французы, ведя войну наступательную, будучи у себя дома безопасными, могли и лучшие войска свои, и лучшее оружие собрать на том пункте, где происходили военные действия; тогда как мы и то, и другое вынуждены были раздробить»¹¹⁶.

---

¹¹³ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 61–63.

¹¹⁴ Там же. С. 79, 85.

¹¹⁵ Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // XIX век в истории России. М., 2007. С. 293.

¹¹⁶ Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 7.

Накануне Крымской войны в действующих французских войсках насчитывалось 248 300 чел., в запасных и резервных войсках — 204 670 чел. Первоначальный состав французской экспедиционной армии на Востоке насчитывал 34 000 чел. пехоты и 1 400 чел. кавалерии¹¹⁷. Впоследствии данный контингент был многократно увеличен. При этом из двадцати отдельных батальонов легкой пехоты французской армии в Причерноморье было отправлено девять, и этим девяти стрелковым батальонам в битве на Альме противостояло только два русских стрелковых батальона¹¹⁸. Главные силы русской армии находились на западной границе и по внешнеполитическим и военно-стратегическим условиям не могли быть сконцентрированы на Крымском театре. Тут еще раз необходимо обратиться к монографии американского историка Ф. Кэгана, которую Файджес указал в библиографии, но, видимо, не сумел использовать по назначению. Кэган весьма убедительно доказывал, что проигрыш Россией Крымской войны не являлся следствием военного поражения, а был обусловлен изначальной безнадёжностью ее стратегического положения. Ни техническая отсталость, ни слабость военной администрации не имели принципиального значения, потому что исход борьбы был предрешен прочной дипломатической изоляцией России и географической разобщенностью потенциальных театров военных действий.

Намекая на неудовлетворительную работу разведки союзников, Файджес отмечает, что накануне Крымской десантной операции они имели достаточно отрывочные сведения о характере русских военных приготовлений на полуострове. Численность развернутых там русских войск оценивалась весьма приблизительно, в диапазоне от 45 000 до 80 000 чел.¹¹⁹ При этом Файджес все же завышает силы армии А. С. Меншикова в битве на Альме. С его точки зрения, русские войска держали там оборону под прикрытием более 100 орудий, что совершенно не подтверждается по источникам. Более того, профессор вкладывает в уста Меншикова мысль о том, что он рассчитывал удерживаться на высотах вдоль реки в течение минимум одной недели¹²⁰.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1042. Лл. 2–5.

¹¹⁸ Енишерлов М. Сражение при Альме (с планом сражения) 8 сентября 1854 г. // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 9, 28. Ляшук П. М., Сундуков С. Ф. Сражение на берегах Альмы. Сборник документов и материалов. Симферополь, 2007. С. 49–51.

¹¹⁹ Figes O. Op. cit. P. 197.

¹²⁰ Ibid. P. 206.

В данном случае Файджес не побрезговал вольным толкованием первоначального смысла источника. В воспоминаниях дезертировавшего из русской армии поляка капитана Р. Ходасевича, на которые ссылается профессор, говорится, что мысль о возможном удержании позиций на Альме в течение недели, на самом деле высказывалась отнюдь не князем Меншиковым. Данную идею в виде предположения в беседе со своими полковыми товарищами озвучивал сам Ходасевич, который командовал на Альме ротой¹²¹.

Файджес зачем-то именует Ходасевича «капитаном казачьего полка»¹²², хотя через несколько страниц указывает, что до перехода на сторону противника Ходасевич служил в четвертом батальоне Тарутинского полка¹²³. Непостижимым образом «казаками» оказываются и русские застрельщики, ведущие по союзникам огонь из садов вдоль реки¹²⁴, хотя, как отлично известно из литературы, в передовой цепи находились роты 6-го стрелкового батальона и отдельного морского батальона.

Хотя профессор Файджес не стал заострять внимание на том факте, что Ходасевич являлся дезертиром и перебежчиком, воспоминания бывшего капитана, как и воспоминания любого другого дезертира о службе в той армии, из рядов которой он перешел на сторону противника, в силу очевидных причин являются не слишком надежным источником. Любопытно, что в 1856 году английский редактор книги воспоминаний Ходасевича счел нужным как бы заблаговременно предупредить читателей о том, что для поляков дезертирство из русской армии было не позором и воинским преступлением, за которое в середине XIX в. без лишних разговоров вешали в любой уважающей себя армии, а всего лишь формой эмиграции¹²⁵.

В судьбе поляка Роберта Ходасевича, практически как в зеркале отразилась мнимая «репрессивная сущность русской имперской экспансии». Он родился в Вильно в 1832 г. и был третьим сыном участника мятежа 1830–1831 гг. За участие в восстании его отец был сослан в одно из военных поселений под Новгородом, где служил сельскохозяйственным администратором. В соответ-

---

¹²¹ Hodasevich R. A voice from within the walls of Sebastopol: A narrative of the campaign in the Crimea and the events of the siege. L., 1856. P. 62.

¹²² Figes O. Op. cit. P. 203.

¹²³ Ibid. P. 262.

¹²⁴ Ibid. P. 210.

¹²⁵ Hodasevich R. Op. cit. P. VII.

ствии с приговором суда отцу было предложено по достижении сыновьями 9- или 10-летнего возраста определить мальчиков в военную школу. Несмотря на то, что юный Ходасевич «ненавидел всё русское», в 1852 г. он успешно окончил училище¹²⁶. Точное название данного военно-учебного заведения из текста воспоминаний понять невозможно, имеется указание лишь на то, что располагалось оно в столичном Петербурге¹²⁷. В начавшейся войне Ходасевич служил в качестве ротного командира, инженера и картографа. За Альминскую битву он был награжден орденом Святого Владимира, затем под руководством Э. И. Тотлебена участвовал в строительстве севастопольских укреплений и картографической съемке позиций союзников. При Инкермане Ходасевич был ранен и вскоре произведен в капитаны. Имея возможность под предлогом проведения разведки, не вызывая подозрений, приближаться к расположению неприятеля, Ходасевич 5 марта 1855 г. перешел на его сторону. Новоиспеченный капитан имел при себе до 15 различных карт и планов, он раскрыл противнику сведения о численности и диспозиции русских войск, за что был немедленно зачислен в штат английской разведки в Крыму. Полковник Стил, военный секретарь лорда Раглана, свидетельствовал, что «Ходасевич сослужил нам самую прекрасную службу»¹²⁸. В дальнейшем Ходасевич успел послужить в турецкой армии, принять участие в Гражданской войне в США (1861–1865), а также в Парагвайской войне 1864–1870 гг. Подполковник Р. Ходасевич, о похождениях которого впору писать приключенческий роман, тихо окончил свои дни в Буэнос-Айресе 17 августа 1896 г.

8 сентября 1854 г. произошла битва на Альме, в которой русская армия численностью примерно 35 000 чел. при 96 орудиях встретилась с армией союзников, насчитывавшей 33 000 чел. французов и турок, а также 27 000 чел. англичан при 134 полевых орудиях¹²⁹.

Описывая ход сражения, Файджес полагает, что на высотах левого фланга 28-и русским орудиям противостояло 12 французских. Французская пехота была вооружена винтовками Минье, а русская — мушкетами¹³⁰. В реальности, как уже было

---

¹²⁶ Harris S. M. *British military intelligence in the Crimean war. 1854–1856*. L. — Portland, 1999. P. 72–74.

¹²⁷ Hodasevich R. *Op. cit.* P. IV.

¹²⁸ Harris S. M. *Op. cit.* P. 72–74.

¹²⁹ Ляшук П. М., Сундуков С. Ф. Указ. соч. С. 79, 81.

¹³⁰ Figes O. *Op. cit.* P. 209.

сказано выше, ружей Минье у французской армии на Альме не было вовсе. Из 96 русских орудий на Альме 40 находилось на французском, а 56 на английском участке фронта¹³¹. Сорока русским легким 6-фунтовым пушкам и четвертьпудовым единогогам французы противопоставили тридцать крупнокалиберных 12-фунтовых гаубиц, чем обеспечили себе значительный огневой перевес. Выполнявший обход русского левого фланга генерал П-Ф-Ж. Боске и главнокомандующий маршал Ж. Л. Сент-Арно приписывали артиллерии главную роль в успешном окончании сражения¹³². П. Мерсер также признавал, что на полях сражений Крымской войны артиллерия по-прежнему наносила сражавшимся основные потери¹³³.

Командира 17-й пехотной дивизии В. Я. Кирьякова профессор Файджес презрительно именует «одним из самых некомпетентных генералов царской армии»¹³⁴. На поле боя Кирьяков якобы был нетрезв и командовал Минским полком с бутылкой шампанского в руках, а затем спьяну приказал открыть огонь по Киевскому гусарскому полку. В подтверждение всего этого вздора прямых ссылок профессор, естественно, не приводит.

Файджес рассуждает об огромной эффективности, с которой ружья системы Минье выводили из строя расчеты русских орудий¹³⁵. Однако стоявшая в эполементе русская батарейная № 1 батарея, по которой в ходе сражения вели огонь не только неприятельские стрелки, но и артиллерия, из 397 чел. личного состава потеряла 7 чел. убитыми и 22 чел. ранеными¹³⁶. Профессор некритически подходит к устоявшимся историческим клише о будто бы решающем превосходстве нарезного стрелкового оружия над гладкоствольной артиллерией, хотя роль последней на полях сражений Крымской войны по-прежнему оставалась значительной. Также Файджес не говорит ни слова об огне французской артиллерии во фланг Казанскому и Владимирскому полкам, который во многом решил исход боя на британском участке фронта. Несмотря на столь неточный пересказ хода сражения, вывод профессора звучит решительно и безапелляционно: русские потерпели поражение, так как оказались сломлены

---

¹³¹ Ляшук П. М., Сундуков С. Ф. Указ. соч. С. 79.

¹³² К. Ш. Указ. соч. С. 128, 136–137.

¹³³ Суитман Д., Мерсер П. Указ. соч. С. 138.

¹³⁴ Figes O. Op. cit. P. 210.

¹³⁵ Ibid. P. 215.

¹³⁶ Ляшук П. М., Сундуков С. Ф. Указ. соч. С. 71.

морально. Само собой разумеется, что в изложении профессора Файджеса их отступление с поля боя было «беспорядочным»¹³⁷.

Далее профессор помещает неподражаемый рассказ с описанием захваченных союзниками трофеев, в числе которых находился экипаж князя Меншикова. «На вершине Телеграфной горы, — пишет Файджес, — французы захватили брошенный экипаж князя Меншикова. (...) В экипаже они нашли полевую кухню, письма царя, 50 000 франков, французские порнографические романы, генеральские сапоги и женское нижнее белье»¹³⁸. В подтверждение этой отдающей наследием Э. Фрейда истории Файджес ссылается на книгу Н. Ф. Дубровина¹³⁹, но ссылка опять оказывается липовой. Никакого рассказа о женском белье в оригинальном тексте генерала Дубровина, разумеется, нет. Файджес так увлекся проблемой морального облика русского главнокомандующего, что забыл о том, как ранее сам же приводил сплетни о якобы случившейся в войну 1828–1829 гг. кастрации Меншикова ядром¹⁴⁰. С учетом явно нездорового интереса Файджеса к данной теме, странно, что он не задался вопросом, а для чего, собственно, кастрату потребовались порнографические романы?

Затронул профессор и проблему трагической участи раненых воинов русской армии. «Те, кто не мог идти, — пишет Файджес, — примерно 1 600 раненых русских солдат, были оставлены на поле боя, где они лежали на протяжении нескольких дней до тех пор, пока британцы и французы, убрав своих раненых, не позаботились о них, похоронив умерших и переправив раненых в госпитали Скутари в окрестностях Константинополя»¹⁴¹. При этом профессор ссылается на сообщение известного русского врача Х. Я. Гюббенета. Здесь мы имеем дело с сознательным искажением смысла первоисточника, поскольку в оригинале у Гюббенета дословно написано совсем другое: «(...) Под Альмою на поле сражения осталось не убранных до третьего и четвертого дня *русских и английских раненых до 1600 чел.*»¹⁴². И далее: «(...) Одно только не подлежит сомнению, — сообщает доктор Гюббенет, — что по истечении нескольких дней найдены

---

¹³⁷ Figes O. Op. cit. P. 216–217.

¹³⁸ Ibid. P. 218.

¹³⁹ Его ссылка выглядит так: «Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1900. С. 267–268».

¹⁴⁰ Figes O. Op. cit. P. 107.

¹⁴¹ Ibid. P. 220–221.

¹⁴² Гюббенет Х. Я. Слово об участии народов в попечении о раненых воинах и несколько воспоминаний из Крымской кампании. Киев, 1868. С. 15.

еще на поле сражения и отправлены в Севастополь 240 раненых. Кроме того, на французском пароходе перевезено в Одессу 423 раненых при Альме»¹⁴³. Таким образом, ни о каких 1 600 брошенных на милость противника раненых русских солдатах в тексте доктора Гюббенета речь не идет.

Решение союзного командования обойти Севастополь с тем, чтобы выйти к его южной стороне, Файджес считает роковой ошибкой¹⁴⁴. Это мнение является достаточно распространенным, в своих более ранних обзорных монографиях Э. Ламберт и К. Понтинг придерживались той же точки зрения¹⁴⁵.

Повествуя о битве при Балаклаве, Файджес указывает совершенно фантастические данные о численности задействованных в сражении русских войск — 60 000 чел.¹⁴⁶ Историк М. Адкин в книге, специально посвященной данному сражению, обратившись к русским источникам, оценил численность сводного отряда генерала П. П. Липранди значительно скромнее. По его подсчетам, русские штурмовали Шоссейные высоты силами примерно 14 000 чел. при 36 орудиях¹⁴⁷. В обзорной монографии К. Понтинга, которую Файджес указывает в своей библиографии, сообщается, что общая численность русской армии, сражавшейся в районе Балаклавы, составляла примерно 15 000 чел. пехоты, 4 000 чел. кавалерии и 78 полевых орудий¹⁴⁸. Таким образом, для того, чтобы удовлетворительно прояснить данный вопрос, Файджесу в теории даже не требовалось обращаться к работам на русском языке.

Причина, по которой русская армия не довела штурм Балаклавы до конца, по мнению профессора, заключается в недостаточной уверенности русского командования в своих силах после поражения в битве на Альме. Основанное на источниках объяснение этого вопроса в «Истории Крымской войны» Н. Ф. Дубровина сводилось к тому, что прорыв к Балаклавской бухте, в принципе, не входил в боевую задачу отряда генерала Липранди¹⁴⁹. Однако Файджес с ходу отменяет это объяснение и объявляет его

---

¹⁴³ Гюббенет Х. Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. СПб., 1870. С. 4.

¹⁴⁴ Figes O. *Op. cit.* P. 224–225.

¹⁴⁵ Lambert A. D. *Op. cit.* P. 126; Ponting C. *The Crimean war. The truth behind the myth.* L., 2004. P. 121.

¹⁴⁶ Figes O. *Op. cit.* P. 241.

¹⁴⁷ Adkin M. *Op. cit.* P. 81–82.

¹⁴⁸ Ponting C. *Op. cit.* P. 126.

¹⁴⁹ Дубровин Н. Ф. *Указ. соч.* Т. 2. С. 118.

бездоказательным¹⁵⁰. В то же самое время М. Адкину, как специалисту по Балаклавскому сражению, данное объяснение несостоятельным не кажется, и он соглашается с тем, что русское командование по причине ограниченности своих сил не могло вынашивать столь амбициозных планов¹⁵¹.

Файджес вполне традиционно описывает бой 93-го Шотландского полка генерала К. Кэмпбелла (знаменитой «тонкой красной линии») и контратаку британской Тяжелой бригады под командованием генерала Д. Скарлетта. Профессор считает, что превосходящие силы русской кавалерии были опрокинуты после ожесточенной рукопашной схватки¹⁵².

В свою очередь М. Адкин вообще ставит под сомнение реальность боя «тонкой красной линии» как такового. Легендарная «thin red line» состояла из располагавшихся на Кадыкойских высотах 550 солдат 93-го полка, примерно 1000 служивших в османской армии тунисских арабов, около 100 самовольно оставивших балаклавский госпиталь больных и раненых англичан, а также батареи из шести 9-фунтовых пушек. В направлении Кадыкия наступали четыре сотни уральских казаков, которые не наблюдали противника, залегшего на обратном скате высот. Казаки попытались захватить британские орудия, но, как только солдаты Кэмпбелла дали залп, они немедленно осознали свою ошибку и беспрепятственно отошли в направлении с. Комары. Шотландцы потерь не имели, с русской стороны было ранено несколько всадников и лошадей¹⁵³.

Картина боя Тяжелой бригады Скарлетта на сегодняшний день также воссоздана достаточно подробно. Тяжелая бригада численностью 750–800 чел. атаковала русскую гусарскую бригаду под командованием генерала И. И. Рыжова численностью примерно 1600 чел. Поскольку англичане шли в атаку в гору, их лошади двигались шагом. Едва ли англичанам удалось опрокинуть русскую конницу с учетом соотношения сил, движения в гору и минимальных потерь с обеих сторон. В течение всего боя Рыжов находился под огнем британской конной артиллерии, поэтому в конечном итоге он отступил, но сделал это, по свидетельству английских же наблюдателей, сохранив относительный порядок¹⁵⁴.

---

¹⁵⁰ Figes O. Op. cit. P. 244.

¹⁵¹ Adkin M. Op. cit. P. 101.

¹⁵² Figes O. Op. cit. P. 244–246.

¹⁵³ Adkin M. Op. cit. P. 104.

¹⁵⁴ Ibid. P. 108–111; Ponting C. Op. cit. P. 129.

Сводный Уланский полк А. А. Еропкина, который участвовал в бою против английской Легкой бригады, непонятно зачем назван Файджесом «польскими уланами»¹⁵⁵, несмотря на то что в реальности состоял из укомплектованных новобранцами резервных эскадронов шести легких кавалерийских дивизий русской армии¹⁵⁶.

Описывая легендарную атаку Легкой бригады, профессор пустился в рассуждения о том, что ошибкой была не сама атака, а то, что англичане не довели ее до конца. С его точки зрения, совместный удар Тяжелой и Легкой бригад должен был привести к поражению всего отряда генерала Липранди¹⁵⁷. Данное мнение представляется, мягко говоря, необоснованным. Численность обеих бригад в совокупности не превышала 1500 чел. Как именно полторы тысячи всадников должны были опрокинуть 15-тысячный русский отряд, который к тому же занимал позиции на высотах, профессор не сообщает. М. Адкин, со своей стороны, отмечал хорошее взаимодействие различных родов войск внутри отряда Липранди и бесспорность его тактической победы в Балаклавском бою¹⁵⁸.

В описании вооружения французских зуавов в Инкерманской битве у Файджеса снова фигурируют смертоносные ружья Минье¹⁵⁹, которых у них на самом деле не было. В неудачном исходе сражения помимо общей отсталости русской армии, по мнению профессора, был виноват командир русского VI-го пехотного корпуса князь П. Д. Горчаков, который не поддержал главную атаку. В данном случае едва ли справедливо высказывать Файджесу серьезные претензии. В своей, по сути, насквозь вторичной работе он лишь воспроизвел общие места русской историографии Инкерманского сражения. «Блистательный историк» не стал вникать в детали и не задался вопросом, как же именно генерал Горчаков со своими шестнадцатью батальонами должен был штурмовать 100-метровую Сапун-гору, которую защищали 10–12 французских батальонов и тяжелые артиллерийские батареи с орудиями калибром до 30 фунтов? На подобные упреки в свой адрес Горчаков в личном письме автору официальной француз-

---

¹⁵⁵ Figes O. Op. cit. P. 251.

¹⁵⁶ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13 октября 1854 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1859. Т. 7. № 5. С. 147–148.

¹⁵⁷ Figes O. Op. cit. P. 252.

¹⁵⁸ Adkin M. Op. cit. P. 82, 223.

¹⁵⁹ Figes O. Op. cit. P. 265.

ской истории Крымской войны Л. Герену давал по-солдатски прямой ответ: «(...) В приписываемых же мне ошибках могу сознаться только тогда, когда мне будет доказано, что я должен и мог атаковать Балаклаву (...), атаковать Сапун-гору (...), когда мне скажут, какого рода маневр следовало мне сделать, чтобы скрыть от генерала Боске мою существенную слабость»¹⁶⁰. На неприступность Сапун-горы со стороны с. Комары также указывал начальник штаба севастопольского гарнизона полковник князь В. И. Васильчиков¹⁶¹.

Далее Файджес приводит известную британскую легенду о том, как два тяжелых 18-фунтовых орудия смогли принудить к молчанию всю русскую артиллерию, сконцентрированную в ходе Инкерманского боя на Казачьей высоте¹⁶². В русской военно-исторической литературе, а также в опубликованных источниках признавались определенные недостатки боевой работы русской артиллерии при Инкермане¹⁶³, однако они не содержат упоминаний о сколь-нибудь серьезных потерях в результате британского контрбатареинного огня. При Инкермане, в отличие от Альмы, русская артиллерия, по всей видимости, понесла основные потери, в первую очередь, вследствие действия неприятельских стрелков, однако она всё равно продолжала вести огонь вплоть до окончания сражения.

По мнению профессора, зимой 1854–1855 гг. русская армия имела «прекрасную возможность» перейти в наступление и одержать победу. Но после Инкермана у русского командования уже «не было инициативы», так как оно «утратило веру в свои силы»¹⁶⁴. В чем конкретно заключалась эта «прекрасная возможность», Файджес, к сожалению, не поведал. Русские войска действительно понесли при Инкермане тяжелые потери. Вплоть до весны 1855 г. серьезных подкреплений Крымская армия не получала. Полевые укрепления союзников на Сапун-горе постоянно совершенствовались. Где, как и какими силами должны были перейти в наступление русские войска, чтобы прорвать осаду Севастополя? При этом сам же Файджес признает, что ввиду ав-

---

¹⁶⁰ Перевод письма князя Петра Дмитриевича Горчакова к автору «Сочинения о Крымской войне» г. Герену // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 458.

¹⁶¹ Васильчиков В. И. Севастополь. Записки начальника штаба севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский Архив. 1891. № 6. С. 202–203.

¹⁶² Figes O. Op. cit. P. 267.

¹⁶³ См., например: К. Ш. Указ. соч. С. 153–154.

¹⁶⁴ Figes O. Op. cit. P. 319.

стрийской мобилизации главные силы русской армии оставались скованными на западном стратегическом направлении¹⁶⁵. В любом случае, нет оснований упрекать Крымскую армию в бездействии. В феврале—марте 1855 г. с целью фланкирования осадных работ союзников началось строительство передовых укреплений впереди Корабельной стороны Севастополя: Камчатского люнета, а также Вольнского и Селенгинского редутов. Сил и средств, чтобы сбросить осадную армию противника в море, защитники Севастополя не имели, но способность к упорной обороне и атакам с ограниченными целями по-прежнему сохраняли.

С опорой на фундаментальное исследование Ф. Кэгана профессор Файджес показывает распределение русских войск по различным театрам. Из 1 200 000 чел. активных штыков русской армии 260 000 чел. было сконцентрировано на побережье Балтийского моря, 293 000 чел. — на территории Царства Польского и Вольни, 121 000 чел. — в Бессарабии и на Черноморском побережье, и еще 183 000 чел. — на Кавказе¹⁶⁶.

Файджес полагает, что высокая огневая мощь вооруженной нарезным оружием англо-французской пехоты, продемонстрированная в битвах на Альме и при Инкермане, являлась главным козырем союзников в Крыму, поскольку русские инженерные войска и артиллерия, как минимум, не уступали противнику. Однако в условиях осадной войны под Севастополем данное преимущество было невозможно реализовать в полной мере¹⁶⁷. Поэтому профессор считает, что союзное командование допустило серьезную ошибку, отказавшись от высадки в районе Алушты и наступления в центральной части Крыма с целью взятия Симферополя. «Имея превосходство в стрелковом вооружении, — пишет Файджес, — и пользуясь поддержкой татарского населения на равнине, имелись серьезные основания предположить, что кампания завершится взятием Симферополя и перехватом основной коммуникационной линии русских на полуострове. (...) Именно этого сценария русские опасались более всего»¹⁶⁸. Как представляется «блистательному историку», именно по этой причине, то есть с целью снятия угрозы русским коммуникациям, император Николай I незадолго до кончины настаивал на штурме Евпатории.

---

¹⁶⁵ Ibid. P. 320.

¹⁶⁶ Ibid. P. 334.

¹⁶⁷ Ibid. P. 340.

¹⁶⁸ Ibid. P. 341.

Выдающийся немецкий военный историк Г. Дельбрюк, видимо, не ошибался, когда, имея в виду агрессивно невежественных дилетантов, предостерегал: «(...) не следует рассуждать о военных событиях подобно слепым о красках». Во-первых, нет никаких объективных данных в пользу того, чтобы недооценивать артиллерию и признавать решающую роль в исходе полевых сражений Крымской войны именно за пехотой. Несмотря на то что дальность эффективного ружейного огня значительно возросла, основные боевые потери воюющим сторонам по-прежнему причиняли снаряды гладкоствольных орудий. Во-вторых, необходимо разобраться в том, какие шансы на успех могло иметь возможное наступление союзников от Алушты к Симферополю в условиях продолжавшейся осады Севастополя.

В отличие от французов, английская армия на Крымском театре военных действий не располагала организованным обозом, а потому практически не могла действовать в отрыве от флота. Поэтому неудивительно, что на протяжении всей кампании британское командование упорно воздерживалось от любых движений в глубь неприятельского побережья. Численности же французского контингента в Крыму не хватало для того, чтобы параллельно вести и маневренную войну в центральной части полуострова, и поддерживать осаду Севастополя. «При существующей в действительности обстановке, — писал Э. Даниэльс, — русские были обеспечены от обхода союзниками. Они стояли между Чатыр-дагом с одной стороны и Черным морем — с другой, подобно тому, как армии Антанты в мировую войну между Швейцарией и Немецким морем»¹⁶⁹. Французский главнокомандующий маршал Ж.-Ж. Пелисье полагал, что взять русские позиции в Крымских горах было бы еще труднее, чем валы Севастополя¹⁷⁰.

Описывая новое нарезное оружие защитников города, Файджес без ссылок на источники упоминает какие-то совершенно фантастические ружья с коническими пулями «длиной 5 сантиметров»¹⁷¹. Из контекста ясно, что речь у профессора идет об обычных винтовках, а не о специальных крупнокалиберных «крепостных ружьях». Но, с учетом весьма туманных представлений «блистательного историка» о стрелковом вооружении второй четверти XIX в., едва ли стоит этому удивляться.

---

¹⁶⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 95.

¹⁷⁰ Грегуар Л. История Франции в XIX в. Т. 3. М., 1896. С. 523.

¹⁷¹ Figes O. Op. cit. P. 376.

Как бы то ни было, к весне 1855 г. начал отчетливо сказываться перевес средств осады над средствами обороны. В апреле 1855 г. в ходе второй бомбардировки Севастополя союзники выпустили по городу примерно 160 000 снарядов из 500 орудий, защитники ответили только 88 751 снарядом из 409 пушек и 57 мортир¹⁷². В мае 1855 г. состоялся штурм передовых укреплений Севастополя, при этом Файджес достаточно подробно описывает взятие Камчатского люнета, но опускает бой за Волынский и Селенгинский редуты¹⁷³.

По мере наступления агонии осажденного города, считает профессор, в рядах севастопольского гарнизона наметился значительный рост числа дезертиров. Кроме этого, Файджес передает слухи о якобы имевших место расстрелах взбунтовавшихся солдат севастопольского гарнизона. «Не только гражданские покидали Севастополь, — пишет исследователь. — В течение летних месяцев солдаты дезертировали в возрастающих количествах. Те, кто перебежал к союзникам, рассказывали, что дезертирство было массовым явлением, и это подтверждается фрагментарными данными и донесениями русской военной администрации. Донесение от августа 1855 г., например, указывало, что количество дезертирств «сильно возросло», начиная с июня, особенно среди тех резервных частей, которые были переброшены в Крым: сотни человек бежали из 15-й резервной пехотной дивизии, также поступало трое из четырех новобранцев, присланных из Варшавского военного округа. Из самого Севастополя ежедневно перебежало до 20 человек, в основном во время вылазок и бомбардировок, когда солдаты находились под менее пристальным присмотром своих командиров»¹⁷⁴.

Процитированный фрагмент текста Файджеса примечателен в нескольких отношениях. Во-первых, в нем почему-то идет речь о «Варшавском военном округе», который был образован только в 1862 г., в результате реформ Д. А. Милютина. Во-вторых, данные о дезертирстве $\frac{3}{4}$ новобранцев, взятых в русскую армию из западных губерний, требуют документального подтверждения, а не указания на слухи. Поляки, дезертировавшие из русской армии, на допросе у англичан при желании могли рассказать и не такое. В-третьих, выглядят неправдоподобно, а потому опять же требуют документального подтверждения, сведения о значительном дезертирстве именно в 15-й резервной пехотной

---

¹⁷² Ibid. P. 359.

¹⁷³ Ibid. P. 361–364.

¹⁷⁴ Ibid. P. 379.

дивизии. Приложения к книге доктора Х. Я. Гюббенета, к примеру, содержат сведения о потерях Модлинского полка, входившего в 15-ю резервную дивизию. На момент прибытия в Севастополь в полку состояло 2 355 чел., потери к концу осады составили 2 205 чел., в качестве пополнения полк получил 82 чел., выздоровели и вернулись из госпиталя 379 чел¹⁷⁵. Иными словами, Модлинский полк, находясь в гарнизоне Севастополя, был перемолот практически в полном составе. Этот факт ставит под сомнение данные Файджеса относительно низкой моральной устойчивости подразделений 15-й резервной пехотной дивизии. В исторической науке существуют общепринятые правила работы с письменным источником, которые требуют точности цитаты и точного указания выходных данных архивного документа. Поскольку справочный аппарат в книге профессора далеко не всегда отвечает этим требованиям, подчас бывает затруднительно отделить текст первоисточника от интерпретаций и откровенных домыслов автора.

«Русские, — пишет Файджес, — несли гораздо более тяжелые потери, чем союзники. К концу июля в Севастополе было убито и ранено до 65 000 русских солдат, — более чем вдвое больше, нежели у союзников, не считая потерь от болезней»¹⁷⁶. К концу осады союзники ежедневно выпускали по крепости до 75 000 снарядов, осажденные могли отвечать лишь одним выстрелом на четыре. Летом 1855 г. русские ежедневно теряли до 800 чел. Профессор ссылается на показания русского пленного и считает, что это было вдвое больше, чем главнокомандующий М. Д. Горчаков докладывал в столицу.

История с сознательным занижением потерь в рапортах генерал-адъютанта М. Д. Горчакова выглядит не слишком правдоподобно. По источникам и литературе хорошо известно, что после потери передовых укреплений 26 мая 1855 г. главнокомандующий уже не рассчитывал удержать обреченный город, хотя прямо заявить об этом Александру II он так и не решился¹⁷⁷.

По мере приближения неизбежной развязки Горчакову не было никакого резона специально занижать потери вверенных ему войск. Более того, если окончательно становиться на скользкую почву конспирологических домыслов, то логичнее было бы предпо-

---

¹⁷⁵ Гюббенет Х. Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. Приложение. С. 4.

¹⁷⁶ Figes O. Op. cit. P. 376–377.

¹⁷⁷ Горчаков М. Д. Сражение при Черной // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 161–171; Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб., 1904. С. 52.

ложить обратное: чтобы избежать ответственности за неудачный исход борьбы, фальсифицированные данные о потерях главнокомандующему следовало не занижать, а, напротив, — завышать. Но русский главнокомандующий, несмотря на все его недостатки как полководца, предпочитал говорить правду. В письмах, адресованных военному министру князю В. А. Долгорукову в августе 1855 г., Горчаков доносил, что с 5 по 11 августа гарнизон потерял 5 743 чел., то есть около тысячи человек в сутки¹⁷⁸.

Файджес даже не попытался разобраться в причинах сравнительно более тяжелых потерь севастопольского гарнизона в людях и орудиях во время осады и не обратил внимания на неравные условия огневой дуэли. В последние месяцы обороны 2-й, 3-й, 4-й бастионы и Малахов курган, в отличие от батарей союзников, находились под сосредоточенным перекрестным обстрелом. По данным Э. И. Тотлебена, у противника в ходе осады было подбито и повреждено 609 орудий, на русских батареях примерно 900 орудий¹⁷⁹. Но на потерях живой силы тактическое несовершенство севастопольских позиций сказывалось гораздо тяжелее. Относительно слабый профиль земляных укреплений и малая площадь обороняемого периметра не позволяли эшелонировать резервы в глубину и укрывать их от огня. «Резервы, — вспоминал флигель-адъютант капитан Д. А. Столыпин, — всегда были наготове, оставаясь под чистым небом без всякой крыши и укрытия от неприятельских снарядов; а потому по мере приближения и умножения неприятельских осадных работ стрельба и бомбардировка делались всё более смертоносны, потери были громадны, и требовалось на пополнение гарнизона всё более и более войска в Севастополь»¹⁸⁰.

После взятия французами передовых севастопольских укреплений 26 мая 1855 г., необходимость держать пехотные резервы на случай внезапного штурма в непосредственной близости от бастионов стала еще более очевидной. Начальник 3-го отделения севастопольской оборонительной линии контр-адмирал А. И. Панфилов в разговоре с командиром Камчатского егерского полка И. П. Голевым вполне резонно заметил, что «у нас так перебьют много народа». На что полковник Голев отвечал: «(...) Со-

---

¹⁷⁸ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 4. С. 70.

¹⁷⁹ Тотлебен Э. И. Описание обороны г. Севастополя. Ч. 2. Отд. 2. СПб., 1872. С. 314–315.

¹⁸⁰ Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной) // Русский Архив. 1874. Кн. 1. № 5.

вершенно верно, но что же делать? Одно что-нибудь: жалеть людей или Севастополь!»¹⁸¹ Принятое решение позволило 6 июня 1855 г. успешно отразить первый штурм Севастополя, но обрекло гарнизон на тяжелые потери от артиллерийского огня.

Уже в первую бомбардировку в октябре 1854 г., несмотря на то что русская артиллерия на два неприятельских выстрела отвечала пятью своими, гарнизон потерял 1 100 чел. против 344 у противника¹⁸². В ходе последующих бомбардировок города эта невыгодная для защитников пропорция оставалась неизменной, в то время как в абсолютном исчислении потери постоянно увеличивались. Во время второй бомбардировки в апреле 1855 г. защитники потеряли 6 130 чел., а союзники только 1 850 чел.¹⁸³ В ходе финальной, шестой бомбардировки в августе 1855 г. гарнизон потерял 18 000 чел., тогда как союзники 3 860 чел.¹⁸⁴

При этом в ходе первого и второго штурма, когда русская артиллерия и пехота имели возможность действовать непосредственно по атакующим колоннам, столь невыгодная для защитников диспропорция потерь уже не наблюдалась. Штурм передовых укреплений Севастополя, предпринятый союзниками 26 мая 1855 г., стоил французам 5 554 чел., а британцам 693 чел. убитыми и ранеными, тогда как гарнизон лишился примерно 5 000 чел.¹⁸⁵ Четвертая бомбардировка Севастополя 5 июня 1855 г., с учетом потерь в ходе неудачного для союзников штурма, на следующий день, 6 июня, стоила русским войскам 5 446 чел. убитыми и ранеными против примерно 6 700 чел. у англичан и французов¹⁸⁶. Генеральный штурм 27 августа 1855 г. стоил союзникам 10 067 чел., тогда как защитники потеряли 12 913 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. По данным Н. Ф. Дубровина, из этого числа примерно 2 000 чел. русские потеряли в день штурма от неприятельской бомбардировки еще до начала атаки¹⁸⁷.

---

¹⁸¹ Алабин П. В. Иван Петрович Голев // Русская Старина. № 4. С. 886–887.

¹⁸² Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.–Л., 1928. С. 57.

¹⁸³ Гейсман П. А. Оборона Севастополя. По поводу сочинения Алабина: Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856 и 1877–1878 годах. Ч. 3. Защита Севастополя (1854–1856). СПб., 1893. С. 14–15.

¹⁸⁴ Герсевич Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867. С. 64–65.

¹⁸⁵ Тотлебен Э. И. Указ. соч. Ч. 2. Отд. 1. СПб., 1868. С. 308.

¹⁸⁶ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1900. С. 270.

¹⁸⁷ Герсевич Н. Б. Указ. соч. С. 64–65; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 427; Тотлебен Э. И. Указ. соч. Ч. 2. Отд. 2. СПб., 1872. С. 229–230.

В условиях столь невыгодного соотношения потерь на бастионах, прибывавшие русские резервы расходовались, в первую очередь, для пополнения севастопольского гарнизона. По этой причине возможности полевой русской армии в Крыму по нанесению эффективного деблокирующего удара увеличивались крайне медленно. Находясь на гребне Сапун-горы за мощными укреплениями, союзная армия могла успешно отражать удары извне. В таких условиях, несмотря на героическую стойкость обороны, падение южной стороны становилось лишь вопросом времени. Последняя попытка спасти город привела к безнадежному фронтальному наступлению полевой армии на укрепленные позиции союзников у Черной речки 4 августа 1855 г.

Обоснованные сомнения в целесообразности наступления выражали многие генералы Крымской армии, сам главнокомандующий практически не верил в успех, но общественное мнение столицы, которое ожидало немедленных решительных действий, князь Горчаков игнорировать так и не решился¹⁸⁸. 29 июля /10 августа 1855 г. состоялся военный совет, фактически подтвердивший обреченность готовившегося сражения. «Большинство мнений, — вспоминал очевидец, — склонялось к тому, что наступательные действия наши при численном превосходстве союзников и крайности их позиции не могли иметь другого результата, кроме поражения. (...) На военном совете, предшествовавшем сражению, большинство мнений было против нападения, но мотивировались они слабо и неубедительно»¹⁸⁹.

Русская армия могла перейти в наступление либо непосредственно из Севастополя против осадных линий союзников, либо против внешнего фронта их обороны, который проходил по Сапун-горе и прикрывался со стороны р. Черной передовыми укреплениями на Федохиных высотах, Телеграфной горе и горе Гасфорта. В конечном итоге, Горчаков решил штурмовать Федохины высоты, хотя многим была очевидна бессмысленность подобного шага¹⁹⁰.

---

¹⁸⁸ Ильинский Д. В. Из воспоминаний и заметок севастопольца // Русский Архив. 1893. Кн. 1. № 4. С. 325.

¹⁸⁹ Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 53, 55.

¹⁹⁰ Меньков П. К. Записки Петра Кононовича Менькова. Т. 1. Дунай и немцы. (Восточный вопрос 1853–1855). СПб., 1898. С. 391; Хрущов А. П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888. С. 119–123; Ш-ов Е. Р. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858. С. 235–236.

На военном совете высказались десять человек¹⁹¹. Идею штурма передовых позиций противника на Федюхиных высотах с некоторыми оговорками поддержали двое: начальник артиллерии Южной и Крымской армии генерал-лейтенант А. О. Сержпутовский и генерал-квартирмейстер штаба армии генерал-лейтенант С. П. Бутурлин. Другие сразу предлагали штурмовать Сапун-гору, несмотря на то что тактически она была еще более сложной целью. Провести это наступление от с. Чоргун советовали начальник штаба армии генерал-адъютант П. Е. Коцебу и командир VI-го пехотного корпуса генерал-лейтенант П. П. Липранди, хотя последний выражал сомнения в успехе. Нанести удар по Сапун-горе одновременно с мощной вылазкой севастопольского гарнизона предлагали начальник инженеров Южной и Крымской армии генерал-лейтенант А. Е. Бухмейер, командир 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. К. Ушаков и начальник войск, оборонявших Корабельную сторону Севастополя, генерал-лейтенант С. А. Хрулев. Генерал Хрулев явно колебался, а потому в двух записках представил главнокомандующему взаимоисключающие мнения. Начальник 1-го и 2-го отделения севастопольской оборонительной линии генерал-лейтенант К. Р. Семьякин рекомендовал оставить обреченный город и не рисковать полевой армией. Его поддержал командующий севастопольским гарнизоном генерал-адъютант Д. Е. Остен-Сакен, который честно заявил: «(...) Всякое предприятие, не ведущее к снятию осады, есть мера бесполезного кровопролития!»¹⁹² Вице-адмирал Ф. М. Новосильский, исправляющий должность командира Севастопольского порта и военного губернатора, не предложил чего-либо конкретного. Раненый генерал Э. И. Тотлебен не мог присутствовать на совете, но также высказывался против наступления¹⁹³.

Генерал А. П. Хрущов, командовавший в Севастополе пехотной бригадой, считал успешную вылазку гарнизона неосуществимой. Ее проведению мешала, во-первых, близость осадных батарей противника, а во-вторых, невозможность в короткие летние ночи быстро вывести войска через узкие проходы в оборонительных верках, не говоря уже о том, чтобы выстроить ко-

---

¹⁹¹ О мнениях участников военного совета см.: Тотлебен Э. И. Указ. соч. Ч. 2. Приложение. С. 203–247.

¹⁹² Остен-Сакен Д. Е. Военный совет при обороне Севастополя. 29 июля 1855 г. // Русская Старина. 1874. Т. 11. № 10. С. 336.

¹⁹³ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 4. С. 13–14.

лонны для атаки. С внешней же стороны Сапун-гора, по мнению Хрущова, была неприступна. Пусть и в несколько утрированной форме ветеран севастопольской обороны высказал весьма точную мысль, что поражение 4 августа 1855 г. фактически стало спасением от еще более тяжелой неудачи. Потому как, займи Горчаков Федюхины высоты, писал Хрущов, на следующий день он бы начал штурм Сапун-горы, где французы неизбежно разбили бы его наголову¹⁹⁴.

По мнению начальника штаба III пехотного корпуса генерала П. В. Веймарна, смысл предстоящего сражения сводился к необходимости выиграть время для завершения строительства огромного понтонного моста через Северную бухту, необходимого для эвакуации гарнизона¹⁹⁵. «Даже в случае успеха, — полагал генерал Веймарн, — если мы овладеем высотами, то к ночи всё-таки должны отступить; предприятие же наше можно объяснить тем, что мост через Севастопольскую бухту поспеет только к 15 августа, что опасаются неприятельского штурма до окончания постройки моста, а потому предполагают этим наступлением отвлечь на время внимание неприятеля от Севастополя»¹⁹⁶. О важности выиграть время для завершения строительства моста вспоминал также адъютант главнокомандующего И. И. Красовский¹⁹⁷.

М. Д. Горчаков и Александр II, с точки зрения Файджеса, в равной степени отвечали за неудачный исход сражения. Численность перешедшей в наступление русской армии оценивается профессором в 47 000 чел. пехоты, 10 000 кавалерии и 270 полевых орудий. Противостояло же им всего лишь 18 000 французов и 9 000 сардинцев¹⁹⁸. «Как бы то ни было, — выносит свой суровый вердикт Файджес, — русские умудрились проиграть сражение противнику, который уступал им в численности более чем вдвое»¹⁹⁹.

Каким же образом бестолковые русские «умудрились» потерпеть поражение? Участник битвы на р. Черной французский

---

¹⁹⁴ Хрущов А. П. Указ. соч. С. 122, 132.

¹⁹⁵ Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне и о земледельческих порядках. М., 1874. С. 10.

¹⁹⁶ Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной). С. 1362.

¹⁹⁷ Красовский И. И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг. Дело на Черной речке. М., 1874. С. 12; Он же. По поводу статьи «Военного Сборника»: «Шесть месяцев в Севастополе» // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 461–462.

¹⁹⁸ Figes O. Op. cit. P. 381.

¹⁹⁹ Ibid. P. 384.

офицер Ж. Эрбе полагал, что внешний фронт позиции союзников, и без того труднодоступный по природным условиям, после возведения на нем полевых укреплений фактически стал неприступен. «(...) Нас нелегко выбить, — записал Эрбе в дневнике накануне сражения, — так как наши позиции прикрываются рекой, которую можно перейти вброд только в некоторых нешироких местах и разве еще лишь у водопровода. Обход этих препятствий не был бы удобен ввиду почти 40-тысячного войска, включая сюда турок и сардинцев, более чем со 100 орудиями»²⁰⁰. На первом этапе лишь часть указанных Файджесом русских войск могла участвовать в сражении. К. Понтинг, работа которого, судя по библиографии, профессору известна, полагает, что в момент завязки боя их численность не превышала 30 000 чел.²⁰¹ В дальнейшем и русские, и союзники получили значительные подкрепления, но говорить о более чем двукратном численном перевесе русской армии всё равно не приходилось. Поскольку р. Черная не везде была проходима вброд, русские батальоны были вынуждены вести наступление в тесно сомкнутых (взводных) колоннах²⁰², что неизбежно влекло тяжелые потери от артиллерийского и штуцерного огня. При Инкермане, к примеру, условия местности позволяли русской пехоте двигаться в атаку строем ротных колонн²⁰³.

По свидетельству одного из очевидцев, накануне битвы русские офицеры находились в состоянии обреченной решимости умереть без всякой надежды на успех²⁰⁴. Подобный пессимизм сильно контрастировал с приподнятым настроением русской армии накануне Инкермана, когда успех многим казался несомненным²⁰⁵.

Наступление Горчакова вылилось в лобовой штурм мощных полевых фортификаций, расположенных на Федюхиных высотах,

---

²⁰⁰ Эрбе Ж. Французы и русские в Крыму. Минск, 1894. С. 241.

²⁰¹ Ponting С. *Op. cit.* P. 288.

²⁰² Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне и о земледельческих порядках. С. 16–17; Он же. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной). С. 1365. Святополк-Мирский Д. И. Воспоминания о сражении при Черной речке 4 августа 1855 г. Пенза, 1897. С. 10.

²⁰³ Егерь. Несколько частных воя время Инкерманского дела на нашем левом фланге. (Из записок унтер-офицера) // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 9. С. 210, 214.

²⁰⁴ Святополк-Мирский Д. И. Указ. соч. С. 9.

²⁰⁵ Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной). С. 1359.

и завершилось неудачей. «Из двух больших дел 24 октября на Инкерманских высотах и 4 августа на реке Черной, — вспоминал генерал Хрущов, — первое по идее было превосходно, а по исполнению дурно; второе же как по исполнению, так и по идее было совершенно нелепо. При этом нельзя не принять во внимание, что князь Меншиков не имел ни штаба, ни советников, а князь Горчаков имел и то, и другое»²⁰⁶.

«Успех ее (битвы. — *А. К.*) для неприятеля был не более как отбитый штурм», — писал впоследствии доктор Х. Я. Гюббенет²⁰⁷. В схожих тактических условиях точно такой же неудачей и тяжелыми потерями завершились оба предпринятых британцами штурма Третьего бастиона. Однако Файджес не видит этих очевидных параллелей и не вопрошает, почему вдруг после многодневных бомбардировок англичане «умудрились» не взять полуразрушенное укрепление. После битвы, пишет Файджес без указания источника, русские даже не пытались подобрать своих раненых на поле боя²⁰⁸. Однако доктор Гюббенет свидетельствовал, что для помощи раненым были приложены все возможные в той ситуации усилия. В донесении французского главнокомандующего маршала Ж.-Ж. Пелисье утверждалось, что русские отвели с поля боя около 6000 раненых, а французы подобрали только 1814 чел.²⁰⁹

Вскоре после победы на Черной союзники предприняли второй штурм, в результате которого французы овладели Малаховым курганом, после чего русская армия по наведенному инженерами генерала А. Е. Бухмейера почти километровому понтонному мосту отошла на северную сторону Севастополя. Файджес указывает, что в городе было брошено около 3000 раненых, хотя ссылок на источники по традиции не приводит²¹⁰. Профессор полагает, что при оставлении тяжелораненых, которые бы просто не пережили транспортировку на северную сторону, доктор Гюббенет руководствовался самыми гуманными побуждениями и потом сильно переживал случившееся. Доктор не мог предвидеть, что в результате сильных пожаров, охвативших Севастополь, союзники промедлят со вступлением в город целых четыре

---

²⁰⁶ Хрущов А. П. Указ. соч. С. 132.

²⁰⁷ Гюббенет Х. Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. С. 138.

²⁰⁸ Figes O. Op. cit. P. 384.

²⁰⁹ Гюббенет Х. Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. С. 138.

²¹⁰ Figes O. Op. cit. P. 394.

дня и что раненные будут столь долгое время находиться вообще без всякой помощи. При этом в своих воспоминаниях доктор Гюббенет точного числа оставленных раненных не указывал²¹¹. К. Понтинг, к примеру, считал, что в городе было оставлено не более 500 чел., а не три тысячи и что эвакуация гарнизона проходила на редкость организованно²¹².

В декабре 1855 г. австрийское правительство предъявило России ультиматум, требуя вступить с союзниками в мирные переговоры на основе так называемых «четырёх пунктов». В противном случае Австрия угрожала разорвать с Петербургом дипломатические отношения. Четыре пункта как основа для будущего мира были впервые сформулированы Англией, Францией, Австрией и Пруссией 8 августа 1854 г. Они предполагали замену русского покровительства над Дунайскими княжествами коллективным покровительством пяти держав, свободу судоходства по Дунаю, пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. в пользу союзников и замену русского покровительства над православными подданными султана коллективной гарантией их прав, данной европейскими державами²¹³.

В вопросе принятия австрийского ультиматума император Александр II испытывал серьезные колебания, поэтому в декабре 1855 — январе 1856 г. в Зимнем дворце состоялись два политических совещания. Министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, по словам Файджеса, поддержал сторонников мира, «(...) добавляя, что народ на Волыни и в Подолии на Украине, вероятно, также восстанет против русского владычества, как финны и поляки, если война продолжится и австрийские войска приблизятся к этим западным приграничным территориям»²¹⁴.

В реальности же на втором совещании в Зимнем дворце, состоявшемся 3 января 1856 г., Киселев сказал следующее: «Области, присоединенные к империи около полувека назад, не успели ещё слиться с нею. Глухое недовольство распространяется на Волыни и в Подолии агентами польской эмиграции»²¹⁵.

---

²¹¹ Гюббенет Х. Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. С. 152–153; Он же. Слово об участии народов в попечении о раненых воинах и несколько воспоминаний из Крымской кампании. С. 19.

²¹² Ponting С. *Op. cit.* P. 297.

²¹³ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 199.

²¹⁴ Figes O. *Op. cit.* P. 407–408.

²¹⁵ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 187.

А в дневнике самого графа Киселева его выступление на втором совещании вообще не нашло отражения²¹⁶. Таким образом, рас-суждая о возможном «восстании», Файджес вновь сознательно искажает текст источника.

После окончания войны, пишет профессор, началось жесто-кое преследование крымских татар со стороны русских военных властей. Управлявший югом империи граф А. Г. Строганов, в от-личие от более либерального М. С. Воронцова, будто бы «начал практиковать насильственную христианизацию Крыма»²¹⁷. Фай-джес проводит прямые параллели со сталинской депортацией и утверждает, что Александр II и граф Строганов фактически поощряли выселение крымских татар. В 1856–1863 гг. 150 000 та-тар и, возможно, 50 000 ногайцев, то есть примерно $\frac{2}{3}$ татарско-го населения Крыма и юга России, переселились в Османскую империю. Профессор добавляет, что имеются основания пола-гать, будто в реальности эти цифры были значительно выше. В 1856–1867 гг. Крым, по его мнению, покинули 104 211 мужчин и 88 149 женщин, опустели 784 деревни и 457 мечетей²¹⁸.

После рассказов Файджеса об ужасах религиозно детермини-рованной русской имперской экспансии так и подмывает задать вопрос: а сколько же татар вообще осталось в Крыму после всего случившегося? При такой арифметике возникает подозрение, что русские каратели перестарались, выселив больше мусульман, чем фактически проживало на территории Крыма к моменту окончания военных действий. Ведь не секрет, что, по данным русской военной статистики, в 1848 г. на полуострове проживали всего лишь 280 000 чел. всех наций и вероисповеданий²¹⁹.

На Крымском театре военных действий русское правитель-ство, по данным современного российского историка, предприня-ло такую превентивную меру, как высылку за пределы Тавриды наиболее «подозрительных» в смысле их лояльности представи-телей местной мусульманской элиты — дворян, представителей духовных кругов, торговцев и др., с постепенным возвратом их домой после завершения войны²²⁰.

---

²¹⁶ Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1882. С. 3–5.

²¹⁷ Figes O. Op. cit. P. 421–422.

²¹⁸ Ibid. P. 422.

²¹⁹ Обручев Н. Н. Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 247.

²²⁰ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 99.

Эпилог монографии Орландо Файджеса посвящен анализу разнообразных политических, экономических и культурных последствий Восточной войны. Основным военно-стратегическим и внешнеполитическим последствием Восточной войны стало резкое снижение влияния России в центральной и западной Европе. «Россия, — полагает Файджес, — не вернула те доминирующие позиции, которые она занимала в Европе, вплоть до 1945 года»²²¹. Едва ли можно спорить с этим фактом, как и с тем, что в преддверии Великих реформ моральная атмосфера в русской армии и обществе резко изменилась²²².

Но рядом со зрелыми суждениями у Файджеса, как обычно, присутствует чушь, так как главным идеологом военной реформы в России он почему-то назначил писателя Л. Н. Толстого. Генерал-адъютант Ф. В. Ридигер, председатель комиссии «Для улучшения по военной части», которая должна была устранить недостатки уставов и боевой подготовки русской армии, по мнению Файджеса, руководствовался в своем программном меморандуме именно соображениями автора «Севастопольских рассказов»²²³. В докладной записке, подготовленной для императора Александра II в августе 1855 г., генерал Ридигер советовал монарху расформировать боевое управление Большой действующей армии под тем предлогом, что оно «сковывало инициативу корпусных командиров»²²⁴. Таким образом, в силу различных объективных и субъективных причин этот опытный военачальник фактически предлагал ликвидировать основную несущую конструкцию военной системы, созданной Николаем I, фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем и военным министром А. И. Чернышевым в 1830–1840-х годах. В литературном наследии молодого артиллерийского офицера, кем являлся Л. Н. Толстой в середине 1850-х гг., при всём на то желании невозможно отыскать следов каких-либо рассуждений по вопросам организационной эволюции институтов высшего военного управления в императорской России. Подобные «мелочи», как это хорошо известно, никогда не интересовали гения русской литературы и не вписывались в его народническую философию.

Вторым сторонником радикальных военных преобразований в России у Файджеса выступает либеральный военный министр

---

²²¹ Figes O. Op. cit. P. 442.

²²² Ibid. P. 445–447.

²²³ Ibid. P. 448–449.

²²⁴ Столетие Военного министерства, 1802–1903. Т. 1. Данилов Н. А.. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 388.

граф Д. А. Милютин. Профессор именует его «блестящим аналитиком», потому что именно Милютин «понял необходимость реформировать и модернизировать армию по образцу западных вооруженных сил, которые столь явно разгромили отсталую русскую крепостную армию»²²⁵.

Напомним, что по ходу книги профессора Файджеса знаменитые нарезные ружья системы Минье выступают своеобразным аналогом «кощевой смерти», поэтому на завершающем этапе Кавказской войны для оснащения армии, задействованной в боях против горцев, главнокомандующий князь А. И. Барятинский якобы заказал за границей 10 000 таких ружей²²⁶. В реальности же, по данным Главного Артиллерийского Управления 6-линейных (15,24 мм) ружей образца 1856 г., за границей было заказано в десять раз меньше²²⁷.

Д. А. Милютин, занимавший после окончания Крымской войны должность начальника штаба Кавказской армии, предпринял в ней реформы, которые, как представляется Файджесу, отталкивались от стандартов «западного военного мышления». К сожалению, профессор не раскрыл, чем же именно «западное военное мышление» отличалось в середине XIX в. от «северного», «южного» или «восточного». Из контекста следует, что под «западным мышлением» он понимает такие, видимо, чисто «западные» вещи, как право командиров на местах распоряжаться ресурсами и действовать, соображаясь с местными условиями. Можно лишь отметить, что николаевский «Устав для управления армиями в мирное и военное время» 1846 года наделял главнокомандующего на театре войны не менее широкими полномочиями²²⁸.

По справедливому замечанию Файджеса, в основе преобразований Д. А. Милютина, который в 1861 г. занял пост военного министра, лежала концепция гражданина-воина. К солдату перестали относиться как к крепостному, физические наказания были отменены, хотя неформально практиковались вплоть до 1917 г.²²⁹ Всесословная воинская повинность была введена в России в 1874 г. Файджес пишет: «(...) Организованная в соответствии с территориальной системой военных округов (...) новая

---

²²⁵ Figes O. Op. cit. P. 450.

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 131.

²²⁸ ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.

²²⁹ Figes O. Op. cit. P. 452.

русская армия походила на современные конскрипционные армии других европейских государств, хотя в царской России, где правительственные финансы были неадекватны, а классовая, религиозная и этническая иерархии продолжали существовать (...) всеобщий принцип комплектования никогда в полной мере не реализовывался»²³⁰.

В сущности, уже в 1830-е гг. при сохранении традиционного названия рекрутской повинности система комплектования русской армии приобрела многие черты западноевропейской конскрипции. Традиционная конскрипция предполагала наличие общей очереди, а также жеребьевый порядок отбора и широкую систему льгот, отсрочек и заместительства²³¹. Основных отличий от классической конскрипции в русской системе комплектования при Николае I было два. Во-первых, воинская повинность продолжала отбываться пословно, во-вторых, владельческие права помещиков позволяли им сдавать крестьян в солдаты в нарушение очереди. Очевидно, что полному введению в Российской империи конскрипции мешало сохранение крепостного права, поэтому ее распространение началось с государственной деревни²³².

Увлекательный рассказ о религиозном детерминизме русской имперской экспансии Файджес завершает описанием завоевания Средней Азии и войны 1877–1878 гг.²³³ Ибо «(...) с самого начала русское наступление на Балканах приняло характер религиозной войны»²³⁴.

В вопросах внешней политики твердый сторонник Священного союза министр иностранных дел канцлер К. В. Нессельроде противопоставляется у Файджеса прагматичному преемнику — А. М. Горчакову. Соответственно, внешняя политика императора Николая I и Нессельроде с ее избыточной идеологической нагрузкой противопоставляется внешнеполитическому курсу Александра II и Горчакова, который, по мнению профессора, был шагом на пути к русской версии «Realpolitik»²³⁵.

Но известно, что еще в середине XIX в. в заочной полемике с М. П. Погодиным канцлер К. В. Нессельроде, отвечая на упрек в идеализме внешнеполитического курса николаевской России

---

²³⁰ Ibid. P. 451.

²³¹ В. Я. Указ. соч. С. 57–79. См. также: РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Л. 44–45.

²³² Кухарук А. В. Указ. соч. С. 81.

²³³ Figes O. Op. cit. P. 454–455.

²³⁴ Ibid. P. 460–464.

²³⁵ Ibid. P. 434.

как в отношении ее консервативных германских союзников, так и в Восточном вопросе, задавал риторический вопрос: «(...) Можно подумать, что в этот долговременный период императорский кабинет был волен в выборе иного принципа и иных союзов?»²³⁶ С точки зрения бывшего министра иностранных дел, легко было убедиться в том, что «и этот принцип, и эти союзы были, напротив, делом не выбора, но необходимости», так как император Николай I «менее, нежели кто-либо из его предшественников, мог принять иную систему»²³⁷. По мнению Нессельроде, император «нисколько не жертвовал Россию выгодам Австрии или Пруссии. Он только отстаивал свой собственный дом, утешая пожар у соседей»²³⁸. Канцлер вполне отчетливо понимал то, что далеко не всегда сознавало общественное мнение России: внешнеполитический курс империи определялся не столько абстрактными желаниями и предпочтениями правителей, сколько реалиями военно-стратегической обстановки и действительным соотношением сил внутри клуба великих европейских держав. Поэтому «настоящее положение дел, — отвечал Нессельроде своим критикам, — отличается от того, к которому применялась действовавшая донныне политика, требует и отличного от прежнего образа действий. Но из этого нисколько не следует, чтобы средства, употребленные при других обстоятельствах, были дурны в свое время или, что эти средства породили настоящее положение дел»²³⁹.

Помимо политики и стратегии, в заключительной главе своей книги Файджес пытается рассуждать и об экономических проблемах. Ему представляется, что после окончания Крымской войны «экономические аргументы в пользу освобождения крестьян стали неопровержимы»²⁴⁰. В данном случае мнение профессора опровергается самой историографической традицией, сложившейся по теме отмены крепостного права в России. Если бы «экономические аргументы» действительно были «неопровержимы», то едва ли на протяжении 150 лет историки могли ломать копыя, стремясь разобраться в том числе и в проблеме соотношения «идеологических» и «экономических» предпосылок реформы

---

²³⁶ Нессельроде К. В. Защита политики России и положения, принятого ею в Европе // Русская Старина. 1873. Т. 8. № 11. С. 800.

²³⁷ Там же. С. 800–801.

²³⁸ Там же. С. 801.

²³⁹ Там же. С. 804.

²⁴⁰ Figes O. Op. cit. P. 447.

1861 года²⁴¹. Исследователи, как правило, не спорят и не полемизируют в тех вопросах, где и так всё очевидно.

Отражение Крымской войны в культуре также интересует Файджеса. Профессор полагает, что в конечном итоге война привела к политической победе среднего класса внутри британского общества²⁴². Она же спровоцировала возникновение в Англии двух устойчивых национальных мифов, которые по сей день имеют весьма широкое хождение. Легенда о «рядовом Томми Аткинсе», который практически всегда одерживает победу вопреки некомпетентности верховного командования, успешно пережила обе мировые войны. При этом в условиях тотальных войн XX столетия задача мобилизации общественного мнения внутри Великобритании успешно решалась благодаря мифу о «Джоне Булле», который неизменно заступается за слабого: за Турцию в 1854 г., за Бельгию в 1914 г. и за Польшу в 1939 г.²⁴³

По мнению Файджеса, в национальной памяти французов Восточная война оказалась запечатлена значительно слабее, чем в сознании русского народа²⁴⁴. Уже в пореформенную эпоху можно было наблюдать, как в историографии невольно складывалось противопоставление народного героя адмирала П. С. Нахимова различным «менее народным» историческим деятелям из окружения императора Николая I²⁴⁵.

Идеологическая машина сталинского государства впоследствии двигалась в том же направлении. Файджес достаточно удачно проиллюстрировал это посредством разбора художественного фильма «Адмирал Нахимов», снятого режиссером В. И. Пудовкиным в 1946 г. Кроме того, Файджес отлично разобрался с проблемой

---

²⁴¹ См., например: Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905; Струве П. Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России XVIII и XIX веков. Б. м., 1913; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1954; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г.: Черноземный центр. 1861–1892. М., 1972; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984; Готтрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992; Шевченко М. М. Указ. соч. С. 283; Emmons T. The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. Cambridge, 1968; Field D. The end of serfdom: Nobility and bureaucracy in Russia. Cambridge, 1976.

²⁴² Figes O. Op. cit. P. 469.

²⁴³ Ibid. P. 468, 479.

²⁴⁴ Ibid. P. 482, 484.

²⁴⁵ Ibid. P. 490.

возникновения «научно-идеологической» схемы²⁴⁶, придуманной и блестяще реализованной академиком Е. В. Тарле на страницах его «Крымской войны»²⁴⁷, суть которой фактически сводилась к незамысловатой антитезе: «хороший народ — плохое самодержавие».

Поскольку в последнее время Файджес неоднократно выражал обеспокоенность антидемократическими тенденциями во внутриполитическом курсе нашей страны, он с нескрываемой иронией воспринял и своеобразную историческую «реабилитацию» Николая I в путинской России. Ее символом послужила состоявшаяся в 2006 г. конференция, приуроченная к 150-летию заключения Парижского мирного договора. Профессор откровенно насмехается над ее итоговой резолюцией, провозгласившей Крымскую войну «моральной победой» России²⁴⁸. Смеяться, действительно, есть над чем, но тут, как говорится, — «чья бы корова мычала»...

Итак, можно, наконец, подвести некоторые итоги.

«Крестовый поход» Орландо Файджеса производит тяжелое впечатление. Попытка отыскать в данной монографии зрелые умозаключения, обоснованные анализом источников и литературы, будет сопряжена с просеиванием такого количества «шлака», что невольно уподобится извлечению изюма из булочки. Громкая, обозначенная еще во введении заявка на синтез источников всех воевавших сторон и подготовку первой в европейской историографии «комплексной работы» на проверку оказывается пустой декларацией. В сущности, ничего принципиально нового в книге Файджеса нет.

Как исследование по истории внешней политики и стратегии «Крестовый поход» является очевидным шагом назад по сравнению, например, с фундаментальными работами А. Тэйлора, Э. Ламберта и Ф. Кэгана²⁴⁹. Как исследование по истории вооруженных сил, военного искусства и боевой техники творение Файджеса не выдерживает никакого сравнения с трудами М. Адкина, а особенно У. МакЭлви и Х. Строна²⁵⁰. Как обзорная монография, вводящая читателя в общую проблематику истории Крымской

---

²⁴⁶ Ibid. P. 491.

²⁴⁷ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1–2. М.; Л., 1941–1944.

²⁴⁸ Figes O. Op. cit. P. 492.

²⁴⁹ Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958; Lambert A. D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester, N. Y., 1990; Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999.

²⁵⁰ Adkin M. The charge. The real reason, why the Light brigade was lost. L., 1996; McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L., 1974; Strachan H.

войны, «Крестовый поход» безоговорочно уступает работам К. Понтинга и Д. Ш. Кёртисса²⁵¹. Книги большинства вышеперечисленных авторов Файджес поместил в библиографию, но не смог переработать в той мере, какая позволила бы ему синтезировать научные достижения предшественников и результаты собственной работы с источниками. Поскольку Файджес толком не владеет не то что русской, но даже своей родной английской историографией, изображенная им попытка работать с богатейшими фондами РГВИА приобрела вид профанации. Новых неопубликованных источников он в научный оборот практически не ввел.

Возможно, профессиональная несостоятельность «блистательного историка» определила и то, что к исследованию Восточной войны Файджес подошел в соответствии с канонами жанра «pop-history», нацеленного на развлечение обывателя, мучительно скучающего в современном постиндустриальном обществе. Коль скоро такой текст обязан выглядеть ярко, хлестко и задорно, автор не остановился перед шаманством со справочным аппаратом и сознательным искажением текста источников при их цитировании. По-видимому, с той же целью профессору потребовалось сочинять бред о сумасшествии императора Николая I и пресловутых религиозных императивах его внешней политики, записывать в казаки офицеров русской армии, смаковать мнимые подробности травматической кастрации и сексуальных перверсий князя А. С. Меншикова, снисходительно рассуждать о сервилизме крепостных солдат и обличать репрессивную природу русской имперской экспансии.

Вульгаризация сложной исторической проблемы вне зависимости от того, в каких целях она осуществляется, несовместима с традициями академической науки. Файджес заслуженно высмеял нелепую резолюцию конференции 2006 года, провозгласившую исход Восточной войны «моральной победой» России, но, объективно говоря, абсурдность этой резолюции ничем не уступает тезису британского профессора о религиозном детерминизме русской внешней политики. Зеркальные отражения всегда похожи.

В результате на свет появилось нечто до отвращения поповское и в то же время, как ни парадоксально, до боли знакомое. Многие

From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815–1854. Cambridge, 1985.

²⁵¹ Ponting C. The Crimean war. The truth behind the myth. L., 2004; Curtiss J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979; Curtiss J. S. Russian Army under Nicholas I, 1825–1855. Durham, N. C., 1965.

эмоциональные оценки, штампы, мифы и клише отечественной историографии Крымской войны, очевидно, очень «пригодились» Файджесу в его работе. Скрещивание постмодернистского эпатажа с идеологическим тезисом о «гнилости и бессилии крепостной России» дало здесь весьма причудливые плоды. Как известно, классическая монография академика Е. В. Тарле отводила русско-британскому конфликту ключевое место в Восточном кризисе начала 1850-х годов. На сегодняшний день это представляется одним из наиболее спорных моментов в концепции советского историка, но Файджес, как ни странно, уверенно движется по стопам сталинского академика. В «Крестовом походе» фактически не нашлось места для анализа французской и австрийской политики в Восточном вопросе. Такие важные для понимания генезиса войны сюжеты, как попытка Николая I положить конец опасному для интересов России расширению французского влияния в Константинополе, австро-турецкий конфликт из-за Черногории, знаменитая миссия графа Х. Ф. Лейнингена, Файджес практически не затронул. Несмотря на то что одной из центральных идеологических задач монографии Е. В. Тарле было разоблачение «империализма» великих держав, традиция романтично-восторженного отношения русской революционной интеллигенции к Франции всё равно давала о себе знать, а потому на французский «империализм» советский историк традиционно смотрел как бы более снисходительно, чем на английский. Файджес чутко уловил у Тарле идеологическую формулу в виде антитезы «хороший народ — плохое самодержавие», но «почему-то» не придал значение другой формуле: «хорошая Франция — плохая Англия».

Единственное, что Файджесу можно бесспорно поставить в заслугу, так это то, что он напомнил англоязычной аудитории о факте существования корпуса опубликованных русских источников личного происхождения²⁵². Мемуары, дневники,

---

²⁵² Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 годах. Самара, 1888; Андриянов А. Инкерманский бой и оборона Севастополя. СПб., 1903; Бабенчиков П. День и ночь в Севастополе. Сцены из боевой жизни (из записок артиллериста) // 1875. Т. 104. № 8. С. 315–364; Барятинский В. И. Воспоминания князя Виктора Ивановича Барятинского. М., 1904; Берг Н. Записки об осаде Севастополя. М., 1858; Бобровский П. О. Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае в 1853 и 1854 годах. Из дневника П. Б. СПб., 1887; Богьянов М. И. Воспоминания севастопольца и кавказца 45 лет спустя. Витебск, 1899; Витгентштейн Э. Воспоминания князя Эмилия Витгентштейна // Русская Старина.

письма и воспоминания ветеранов Крымской войны печатались в пореформенной России как отдельными книгами, так и на страницах периодических изданий. В большинстве своем они были хорошо известны таким историкам старой школы, как, например, Д. Ш. Кёртисс, но в современных англо-американских работах ссылки на них встречаются достаточно редко. У Файджеса выходные данные таких публикаций зачастую указаны с ошибками, поэтому я взял на себя малый труд их исправить. Сей печаль-

---

1900. Т. 101. № 3. С. 661–683. Т. 102. № 4. С. 187–201. № 5. С. 425–453. № 6. С. 655–681; Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 671–708; Т. 17. № 9. С. 145–170; № 12. С. 811–830; Воспоминание об одном из доблестных защитников Севастополя // Морской Сборник. 1857. Т. 27. № 2. С. 357–378; Восточная война 1853–1856 гг. Письма князя И. Ф. Паскевича к князю М. Д. Горчакову // Русская Старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 163–191. № 2. С. 388–401. № 3. С. 659–674; Вроченский М. А. Севастопольский разгром. М., 2011. (Первое изд. Киев, 1893); Вязмитинов А. А. Севастополь от 21 марта по 28 августа 1855 г. // Русская Старина. 1882. № 4. С. 1–70; Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии 1855–1856 гг. Владимир, 1900; Гюббенет Х. Я. Очерки медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. СПб., 1870; За много лет. Записки неизвестного 1844–1874 годов. СПб., 1897; Из крымских воспоминаний последней войны // Русский архив. 1869. Кн. 1. № 2. С. 381–026; Клемм Т. Воспоминания старого солдата, рассказанные сыну, кадету VII класса Пековского кадетского корпуса // Источник. 1998. № 1. С. 32–55; Колчак В. И. Война и плен // В. И. Колчак, А. В. Колчак. Избранные труды. СПб., 2001. С. 21–117; Кондратьев И. Д. Письма Севастопольца. Новочеркасск, 1876; Красовский И. И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг. Дело на Черной речке. М., 1874; Крупская А. Воспоминания сестры Крестовоздвиженской общины 1854, 1855 и 1856 годов // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 417–448; Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны по архивным материалам. Симферополь, 1903; Михно Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 3. СПб., 1872. С. 1–37; Отставной. Воспоминания о войне на Дунае в 1853 и 1854 годах // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 8. С. 391–438; Подпалов П. А. Воспоминания Прокофия Антоновича Подпалова, участника в Дунайском походе 1853–1854 гг. и в севастопольской обороне. Киев, 1904; Раков В. С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны. Евпатория, 1904; Рачинский А. В. Походные письма ополченца из южной Бессарабии 1855–1856 гг. М., 1858; Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М., 1855; Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых. СПб., 1865; Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне и о земельных порядках. М., 1874; Хрущов А. П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888; Ш-ов Е. Р. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858.

ный факт наводит на подозрения, что в реальности профессор читал далеко не все из этих книг и статей. Однако часть массива опубликованных источников личного происхождения он, несомненно, проработал. И, надо признать, эти материалы позволили Файджесу добиться неплохих результатов в изучении истории повседневности. Ярким и образным языком он смог показать, как жили, сражались и умирали люди, воспитанные в другой, ныне безвозвратно ушедшей в прошлое патриархальной культуре. По ходу чтения «Крестового похода» меня не покидало ощущение, что британского профессора в большей степени занимает не политический и военно-стратегический, а культурно-бытовой и антропологический аспект Крымской войны. Поэтому вполне возможно, что, взявшись за написание монографии по серьезной научной теме, которая требует от исследователя высокой квалификации, добросовестности и профессиональной эрудиции, он изначально принялся не за свое дело.

АЛЕКСАНДР КОТОВ

ПЕРВАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
БИОГРАФИЯ И. С. АКСАКОВА:

А. А. ТЕСЛЯ. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ «ОТЦОВ»:
БИОГРАФИЯ ИВАНА АКСАКОВА. СПБ., 2015

Иван Аксаков еще долго останется одним из самых актуальных отечественных публицистов конца XIX столетия. Причина подобной «живучести» — в нерешенности и, возможно, нерешаемости волновавших его «великих вопросов» русского модерна: об отношениях власти и общества; о «народности», ее содержании и необходимости «осознания» последнего; о причинах неспособности к этому местной либеральной интеллигенции. Наследие Ивана Сергеевича активно осваивается современными исследователями: Т. Ф. Пирожковой, Д. А. Бадаляном, С. В. Мотиным и многими другими. За пределами академической среды интерес к Аксакову также присутствует — однако для постсоветских почвенников публицист проходит скорее по ведомству «наших дорогих покойников», чье место — на книжной полке, в тесном строю пыльных серийных обложек прочих собратьев по «антизападному лагерю».

Андрей Тесля поставил своей задачей избавить авторитетного классика равно и от академического нафталина, и от партийной «капусты в бороде». Под слоем оставшихся от былых времен субстанций автор находит и предъявляет публике диковинное создание — «красивого русского человека», «со своей своеобразной, не местной красотой — как, в принципе, и все славянофильство («московское направление»), поздний плод высокой дворянской культуры» (С. 7). Подобный отстраненно-благожелательный энтомологический эстетизм — редкость в наших широтах, и он,

пожалуй, стал главной причиной того, что книга удалась. Но сказанное не отнимает у «первого опыта интеллектуальной биографии И. С. Аксакова» и других достоинств: богатой источниковой базы, живого языка, живой (хоть и растекающейся временами по древу) авторской мысли. Поэтому не может быть сомнений в том, что «Последний из “отцов”» будет прочитан не только специалистами.

Тем более, что, раскрывая общественно-политический контекст эпохи, Тесля не отказывает себе в невинном удовольствии выбрать свою сторону «баррикад». Перед читателем предстает *либеральный* Аксаков — и это непривычно, т. к., несмотря на все высказывания Леонтьева, Ленина, Бердяева и множества советских историков, мы так и не свыклись с мыслью о том, что славянофилы суть подлинные российские либералы, на многие десятилетия опередившие тех, кого мы привыкли называть этим словом. Либерализм своего героя Тесля иллюстрирует многочисленными цитатами, свидетельствующими о критическом отношении своего героя к разнообразным свинцовым мерзостям любезного отечества. Так, описывая жизнь беглых русских мужиков в Молдавии, Иван Сергеевич отмечает в письме к будущей супруге: «Россия является для них страшилищем, страну холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, и крепостное право, расстилающееся над Россией свинцовой тучей, пугает их невыразимо» (С. 109).

Однако портрет Аксакова-либерала представляется недостаточно рельефным без упоминания одной важной его черты, высказанной несколько лет спустя в письме к тому же адресату и, к сожалению, отсутствующей в книге: «Я не люблю южной природы за ее чувственность, как не люблю южных — страстных и чувственных людей. На юге человек делается сам частью природы, красивым животным, а не господином ее, как он является на севере. Вообще я не люблю, когда в человеке слишком много породы, ...слишком много физичности; в нашем северном человеке, в его облике гораздо более общечеловеческого, более духовности. В южной женщине много страсти — но нет нежности, нет доброты. А выше всего доброта!.. В Бессарабии, я помню, мне случалось встречать в толпе валахов, цыган и молдаван с черными сверкающими, как уголь глазами, с горбатыми носами, с черными, как смоль волосами, с мохнатую раскрытую грудью — одним словом, картинными людьми; думаешь — вот сила, вот герои, — встречать между ними белобрысого, белокурого, невысокого русского мужичка с благообразной физиономией, спокойной, доброй, разумной — и чувствовалось: вот сила, ...вот господин,

которому... должны подчиняться, — оно так и есть. Выше всего дух, а дух в южном человеке угнетен природой, и душа у него какая-то чувственная».

Этот неполиткорректный по нынешним временам фрагмент характеризует, разумеется, не «южан» и «северян», но личные предпочтения самого размышлявшего. Далее в том же письме Аксаков («честный, как Аксаков», — говорили тогда) уточняет, что «на Юге точно так же возможно освобождение духа, как на Севере его огрубение, но мы говорим про тип» — и этот «тип» в русских северянах (и особенно в северянках) он сознательно идеализирует, «потому что без идеализации невозможны никакие личные отношения к людям. Т. е. это значит, что в каждом человеке есть его идеал, — его же внутренняя истинная физиономия, его тип, его лучшее, относительно которого сам человек может быть неверен»¹.

Стремление видеть в человеке «тип» вообще характерно для той выросшей из немецкого идеализма эпохи. Вспомним хотя бы характеристику, данную сподвижником сопернику Аксакова — М. Н. Каткову: «мир, в котором жил Михаил Никифорович, не был тот мир, который в данную минуту окружал его в действительности... Он имел обыкновенно дело не с людьми и вещами в их реальной полноте существования, а с образами людей и вещей, как стояли они перед его могущественным умственным прозрением, при освещении той или другой мысли, всецело поглощавшей его в данную минуту... В своих резких очертаниях существа эти нередко представлялись действующими более сознательно, полно и совершенно — в хорошую или дурную сторону — чем те действительные люди, с их слабостями и непоследовательностями в добре и зле, которым эти черты принадлежали»².

Поэтому, вероятно, не только мертвому, но и живому Аксакову было бы совершенно безразлично то, о чем с грустной иронией передавал Ю. С. Карцов: «Могилу Ивана Сергеевича старушка (А. Ф. Аксакова. — А. К.) обсаживала цветами. К ее огорчению, крестьяне топтали и рвали цветы. Анна Федоровна припадала к могиле и кричала: — Иван Сергеевич, слышишь! Ты их любил, им отдавал свою жизнь, а они твоей могилы не уважают, топчут цветы и обрывают»³. Несмотря на все славянофильские разговоры про «правду жизни», по-настоящему реальным для Аксакова

¹ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. СПб. 1896. С. 154–155

² Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. С. 123.

³ Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке: 1879–1886. СПб., 1906. С. 252.

был именно «тип». Любые отклонения от последнего только подтверждали его «типичность», были несущественными радиопомехами, никогда полностью не заглушавшими звучащую мелодию. Собственно, эта особенность восприятия и стала одной из причин того «отсутствия озлобления», что Тесля верно подмечает в Аксакове (С. 618).

С ней же соотносится и то специфическое аксаковское рыцарство, с анализа которого автор начинает книгу. Сам Иван Сергеевич, как известно, презирал *стиль* европейского рыцарства, в котором видел «красивое употребление грубой силы по самым узким, условным понятиям о чести, вместе с грубейшим презрением к простому народу»⁴. Однако Тесля совершенно справедливо связывает это с тем, что «“рыцарство” для Аксакова недостаточно человечно и “рыцарственно”» (С. 8). И отчасти в подтверждение приводит слова Константина Леонтьева о славянофилах: «Это люди были все русские дворяне, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, европеизмом пресыщенные: благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта» (С. 6). Таким образом, обаяние аксаковской «национал-демократии» — производное от обаяния «аристократа, пошедшего в демократию». И неудивительно, что — сравнительно с его проповедью — публицистика эпигонов звучала, по выражению К. Н. Леонтьева, как «бешеный панславистический вой».

По мнению автора, на Иване Аксакове славянофильство, в сущности, закончилось: Аксаков «был “последним из “отцов”», поскольку исчезла сама среда, в которой могли сформироваться “славянофилы”» (С. 9). Однако нам этот вывод представляется, как минимум, требующим известных оговорок. Действительно, Иван Сергеевич «стал душеприказчиком интеллектуального наследия своего брата — и, вместе с Самариним, попечителем над трудами Хомякова» (С. 167). Однако, превратив славянофильство «в явление общественной жизни России 1860-х годов» и «фактически присвоив себе право говорить от имени “славянофилов”» (С. 170), публицист если и завершил путь развития славянофильства, то только как кружка. Превратив тем самым умершее зерно последнего в нечто большее — в то, что Карл Манхейм, говоря о консерватизме, называл *стилем мышления*⁵.

⁴ Аксаков И. С. Сочинение в 6 тт. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 129–130.

⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572.

Стиль этот не требовал от своих носителей общего социального происхождения — поэтому нам и представляется бессмысленным проводить границу между «аристократическим» «старым славянофильством» и «плебейским» национализмом Сергея Шарапова и Платона Кулаковского. Национализм, как известно, и не должен порывать с аристократическими правами и ценностями — он скорее распространяет их на народ. Поэтому суть происходившего в середине 1880-х перелома в славянофильстве лучше всех сформулировал Кулаковский: «Пора романтической эпохи славянского возрождения миновала, — наступило время практического действия, сурового труда, медленного и настойчивого, но зато более плодотворного»⁶.

Не требовал аксаковский стиль и полного практического единomyслия — что подмечает и сам автор книги: «единства по современным вопросам в славянофильском направлении не существовало — каждый актуальный вопрос вызывал веер оценок, как правило, более близких друг к другу, чем с представителями других направлений, но далеких от единства — а нередко единство было единством “языка обсуждения”» (С. 175).

Над этим языком в свое время смеялся Ю. С. Карцов: «В продолжение своей речи я на Ивана Сергеевича поглядывал и не без внутреннего страха наблюдал за действием, которое мои слова на него производят. Я сознавал — передо мной опасный маньяк: при малейшей с моей стороны оплошности он закусит удила, заткнет уши, — и все мои расчеты и надежды разлетятся прахом. Иногда, я замечал, лицо его омрачалось, брови сдвигались, а в глазах загорался огонь. Тотчас я спешил свое реалистическое вино разбавить славянофильским елеем и, к моему удовольствию, неприятное впечатление проходило, чело у Ивана Сергеевича прояснялось; он вновь делался добродушен и весел»⁷. Между тем наличие своего политического языка в данном случае и есть самое важное — и в других исторических обстоятельствах И. С. Аксаков мог стать для русской политики тем же, чем Пушкин стал для русской литературы. Или — как минимум — создателем русского «гражданского национализма» и подлинной, не милюковской «оппозиции его величества».

Но тем более важно сейчас, как нам кажется, говорить об Аксакове на современном языке — и с этой задачей автор блестяще

---

⁶ Кулаковский П. А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян. Варшава, 1885. С. 52.

⁷ Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке: 1879–1886. С. 254.

справился. В «Последнем из “отцов”», разумеется, есть элементы авторского субъективизма. Есть там и не нужные, на наш взгляд, отступления и длинноты. Есть мелкие опечатки и столь же мелкие редакторские погрешности — так, не все издания, на которые есть сокращенные ссылки в тексте, можно найти и расшифровать в списке литературы. Но историография русской мысли без этой книги будет уже, без сомнения, не полна.

ОЛЬГА КОНОНОВА

МОЛОДЫЕ ГОДЫ С. В. ЗУБАТОВА

Сергей Васильевич Зубатов родился в Москве 26 марта 1864 года. О семье, в которой он рос, известно предельно мало. «Выходец из обер-офицерских детей» — так обозначено его происхождение в формулярном списке о службе¹. Люди, знавшие Зубатова в молодые годы, сообщают достаточно противоречивую информацию о социальном положении будущей легенды политического сыска. Перед нами встает то «способный юноша, бывший в крайней нужде»², проживающий на окраине Москвы в «жалкой квартирке», то «сын управляющего большим домом на Тверском бульваре, человека далеко не бедного»³. На сегодня-

---

¹ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 46. Ед. хр. 739. Л. 1 об. Указ от 16 января 1721 установил, что «все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки, суть дворяне и надлежит им дать патент на дворянство» (см.: Канунников А. В. Младший офицерский чин в Российской армии в XVIII–XIX вв. // Военно-исторический журнал. № 1. М., 2000. С. 96).

² Аргунов П. А. Московский кружок «Милитаристов» // Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 93.

³ Там же см. сноску-уточнение К. М. Терешковича. В своих воспоминаниях о Зубатове Терешкович сообщает точный адрес дома: Тверской бульвар, 18. См.: Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х гг. и С. В. Зубатов. М., 1928. С. 19. Гоц М. Р. сообщает, что «только забор отделял дом, где жил Зубатов, от дома московского оберполицмейстера». См.: Гоц М. Р. С. В. Зубатов // Былое. 1906. № 9. С. 63. В конце XIX столетия дом обер-полицмейстера имел № 22 по Тверскому бульвару.

шний день открытыми остаются вопросы: кем были его родители, каков был уровень их достатка, из кого семья состояла.

Не менее просто реконструировать события, связанные с его юношескими увлечениями, степенью вовлеченности в революционное подполье, агентурной работой в самом начале его карьеры. В справке о служебной деятельности Зубатова от 6 мая 1913 г. так и говорится: «Восстановить по делам Департамента полиции все сведения о деятельности Зубатова в качестве секретного сотрудника ... представляется крайне затруднительным, так как большинство совершенно секретных документов по сему делу уничтожено»⁴. Тем не менее, основываясь на сохранившихся документах, попытаемся это сделать, уделяя особое внимание изучению мотивов и причин, приведших его на службу в Московское охранное отделение.

Сергей Зубатов обучался в 5-ой московской гимназии, которая располагалась на Поварской улице⁵. Характерной особенностью гимназической среды в 1870-х — нач. 1880-х гг. была высокая степень распространения в ней антимонархических идей, имела хождение запрещенная литература. Властителями дум молодежи были М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, П. А. Кропоткин и др., а также западные авторы — К. Маркс, Ф. Лассаль, Л. Блан и др.⁶ Будучи человеком от природы общительным, Зуба-

⁴ ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 3.

⁵ В журнале «Освобождение» мы находим сообщение о том, что Зубатов обучался в 5-й гимназии лишь два года, с 1880-го по 1882-й, т. е. с 5-го по 7-й класс. А до этого посещал прогимназию. См.: Молодые годы Зубатова // Освобождение. № 22. Штутгарт-Париж, 1903. С. 393.

⁶ 11 марта 1875 г. 3-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии рассылает секретный циркуляр начальникам губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог, в котором, в частности, говорится о «противоприветственной пропаганде», которая обнаруживает себя в «разных местах Империи». Причем особое внимание уделяется борьбе с печатными изданиями, «запрещенными к обращению в публике». В этом же году 3-е Отделение подготовило записку, где с большой озабоченностью указывает на популярность так называемых «кружков саморазвития» в молодежной среде, которые с 1873 г. постепенно начинают превращаться в «сходки» социального свойства». Революционная пропаганда «весьма быстро проникает в высшие, средние и низшие учебные заведения, в семинарии, гимназии и сельские народные школы», — говорится в записке. Авторы объясняют этот факт тем, что «нравственные основы воспитания... не развиты у многих... молодых людей, не обладающих при поступлении в школы никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности». См.: ГА РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–21. Интересные воспоминания о гимназических кружках, образованных

тов сумел объединить вокруг себя других гимназистов в кружок, занимающийся самообразованием в области социальной мысли. Он обладал явным талантом пропагандиста, любил привлекать к себе внимание. Например, не стеснялся спорить на уроках закона Божьего с преподавателем, чем вызывал поначалу смех, но достаточно быстро заслужил уважение соучеников⁷.

Зубатову удалось закончить 7 классов. По закону, с 1875 года гимназический курс в Российской Империи состоял из 8 классов. До сих пор неизвестно, что послужило причиной прекращения образования. Должны были быть какие-то веские основания, чтобы бросить обучение за год до окончания курса. Те, кто был знаком с Сергеем Зубатовым в молодые годы и оставил о нем воспоминания, указывают на факт исключения⁸. Сам же Зубатов утверждает следующее: «Не учебное начальство исключило меня из гимназии, а родной отец в минуту раздражения на моих «товарищей»...»⁹. Под «товарищами» он подразумевает молодежь из тайных кружков. В частности, речь идет о О. Г. Рубинке¹⁰, который, по словам Зубатова, «явился невольной причиной оставления ... гимназии»¹¹. Но не только Рубинка был его политически неблагонадежным знакомым.

В воспоминаниях К. М. Терешковича мы обнаруживаем информацию о том, что его старший брат, Иосиф, был одноклассником Зубатова, который часто бывал у них дома, в Овчинниковском переулке¹². Оба брата считали себя последователями народолюбцев. В 1886 г. (уже будучи агентом полиции) Зубатов именно

в Нижнем Новгороде в начале 1880-х гг., можно обнаружить в мемуарах революционера Мицкевича С. И. (Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940. С. 46–52).

⁷ Молодые годы Зубатова. С. 393.

⁸ Гоц говорит о нем, как об «исключенном из... гимназии», Терешкович пишет, что «Зубатов оказался исключенным из 6-го класса... московской пятой гимназии, как говорили, за неблагонадежность» (Гоц М. Р. С. В. Зубатов. С. 64; Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х годов и С. В. Зубатов. С. 5).

⁹ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. М., JL, 1928. С. 54.

¹⁰ Рубинка О. Г. — студент, активный деятель московского подполья 1880-х — член центральной московской группы народолюбцев. Арестован в 1884 г. и сослан в Якутскую область. Гоц выражает сомнение по поводу близких отношений Рубинка и Зубатова: «...третий член нашего кружка, Рубинка, кажется, и не знакомился с ним» (Гоц М. Р. С. 65).

¹¹ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 54.

¹² Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х годов и С. В. Зубатов. С. 4.

через своего старого гимназического знакомого С. Я. Стечкина выходит на студентов Петровской академии, заинтересованных в получении запрещенной литературы¹³. Близкими друзьями Зубатова были и дети из семьи Д. Г. Вигилева, регента Московского синодального хора. Младший сын, Владимир, активный участник т. н. группы милитаристов¹⁴, также обучался в 5-й гимназии. Его родные сестры, Ольга и Олимпиада, принимали деятельное участие в жизни московского подполья.

Итак, мы видим, что в гимназической среде, к которой принадлежал Зубатов, процветали антимонархические настроения. Более того, мы можем утверждать, что именно в гимназии завязались его тесные отношения с радикально настроенными молодыми людьми, многие из которых очень скоро (кто-то позже, кто-то раньше) станут позиционировать себя как преемники партии «Народная воля».

В сентябре 1884 г. постановлением Московского губернского правления Зубатов определяется на службу канцелярским служителем в Московскую дворянскую опеку¹⁵. Прослужив там два года, в декабре 1886 г. через своего знакомого, помощника начальника Смоленского почтово-телеграфного округа, Зубатов устраивается на службу в Управление городских телеграфов Москвы на должность телеграфиста III разряда. Работает на Московской центральной станции, а затем его переводят на станции высшего разряда — «Славянский базар» и «Окружной суд». Зубатов занимает должность телеграфиста довольно-таки долго, до 1888 года, — «благодаря... протекции, своим знаниям и безукоризненному поведению», как он сам о себе пишет¹⁶. С января 1889-го он уже официально поступает на службу в полицию с прикомандированием к московскому охранному отделению¹⁷.

---

¹³ Молодые годы Зубатова. С. 393.

¹⁴ Т. н. группы милитаристов, как правило, малочисленные, начали возникать в 1882–1883 гг. Наиболее заметной была группа под руководством В. Т. Распопина, студента Московского Университета. Милитаристы не имели общей стройной идеологии. Каждая группа имела особенности в своей программе, отличавшие ее от других. Объединяющими признаками были: негативное отношение к пропаганде среди рабочих, идея организации военного переворота, выдвигание на передний план революционной борьбы военнослужащих, среди которых и должна была, по мнению милитаристов, вестись наиболее активная агитационная работа.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 46. Ед. хр. 739. Л. 1 об.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 46. Ед. хр. 739. Л. 2 об.

Молодость Зубатова пришлась на 1880-е годы. Это было время разгрома партии «Народная воля», спада революционной активности, время реакции и свертывания начатых Александром II реформ. Так называемый «белый террор» загонял в угол любые начинания несогласных с существующим политическим строем. На страницах легальной прессы невозможно было обнаружить даже упоминание о каких-либо протестных явлениях в обществе. Исключение, пожалуй, составляли крайне реакционные издания, такие как «Гражданин», «Русский вестник» и «Московские ведомости», у которых не было цели объективно освещать события. Но они использовали любой повод, чтобы «обругать столь ненавистных для них «нигилистов»¹⁸. Народнический журнал «Отечественные записки» был закрыт в апреле 1884 г. «за крайне вредное направление». Это был последний оплот всех «сколько-нибудь заинтересованных в русском прогрессе, от радикального юноши до либерального старца»¹⁹. Та же участь постигла и радикально-демократический журнал «Дело». Каждый, кто попадал в поле зрения полиции, скорее всего, отправлялся за решетку или на каторгу — независимо от степени своего участия в незаконных действиях. Подавляющее большинство политических дел решалось в административном порядке. «...Мы знаем, что вы не революционер, но вы могли быть революционером, если бы вас оставили на воле!»²⁰ — таков был основополагающий принцип властей в борьбе с революционным движением при Александре III.

Сильный деморализующий эффект на ряды народнической оппозиции оказала прогремевшая в 1884 г. история с провокаторм С. П. Дегаевым. Это был тяжелейший удар для членов партии «Народная воля» непосредственно и для всех сочувствующих. Благодаря его агентурной деятельности, множество революционеров было отправлено в тюрьмы. Сам факт обнаружения провокатора такого уровня среди «своих» не мог не повлиять на веру в товарищей, веру в успех подпольной борьбы (позже, в 1908 г., разоблачение Азефа произведет сходный эффект — партия социалистов-революционеров будет практически повержена морально).

---

¹⁸ Белый террор при Александре III. Женева, 1891. С. 1.

¹⁹ Гоц М. Р. Московская центральная группа партии «Народная Воля» (1883–1885 гг.) // Народовольцы после 1-го марта 1881 года. Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения. М., 1928. С. 99.

²⁰ Белый террор при Александре III. С. 11.

В этих условиях в интеллигентской среде стали приобретать популярность идеи легального культурничества, которые получили практическое отображение в активной благотворительной работе в интересах малоимущего населения (открытие пунктов питания и врачебных участков, организация летних яслей и библиотек-читален в деревнях, проведение различного рода статистических исследований по вопросам санитарии и т. д.). Наравне с этим получили широкое распространение индивидуалистические настроения и проповедь отвлеченных этических интересов²¹. В народничестве активизировалось либеральное направление. Большой популярностью пользовалось «толстовство» — по рукам ходили только что вышедшие в нелегальных изданиях «Исповедь» и «В чем моя вера» Л. Н. Толстого²². Нельзя сказать, чтобы молодежь в массе своей испытывала стремление к подпольной деятельности — многим она просто перестала казаться целесообразной. Подполью противопоставлялась некая творческая работа, продиктованная правильным пониманием гражданского долга. Верный путь усматривался в кропотливом повседневном общественном строительстве как форме выполнения гражданской повинности²³.

Политическая активность московской молодежи 1880-х гг. зачастую носила только внешний характер, это было модно. Из воспоминаний К. Терешковича: «Почти не было семьи в большом кругу моих знакомых, в которой имелся бы ученик одного из средних учебных заведений и которая не «пострадала» бы от этого движения... Движение носило вначале характер увлечения идеями Писарева, а внешним образом выражалось в форме, иногда смешной. Так, какой-нибудь сын богатых родителей сменял свой обычный костюм на красную или синюю рубашку и широчайшие плисовые шаровары, ходил в дырявых сапогах; я уже не говорю о неизменном атрибуте молодых «нигилистов», широкополой шляпе и толстой дубине. Надо отметить, что большинство, увлеченное вначале этой, больше эффективной, стороной движения, вскоре совершенно отступалось от него»²⁴. Царское

---

²¹ Активно распространяла подобные настроения газета «Неделя». Особенно проявило себя правонародническое направление с приходом И. И. Каблицы, который в 1878–1884 гг. являлся ведущим публицистом газеты.

²² «Исповедь» — впервые трактат был опубликован в журнале «Общее дело» в 1881–1884 гг. (Женева); «В чем моя вера» — первое издание 1884 (Москва).

²³ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 169–170.

²⁴ Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х годов и С. В. Зубатов. С. 3–4.

правительство не собиралось заниматься поисками границы, разделяющей теорию и практику. В результате многие, осознавая перспективу оказаться в тюрьме или на каторге, принимали решение вообще прекратить всякие «заигрывания» с социалистическими идеями.

Разрозненные малочисленные народовольческие кружки не имели на тот момент стройной объединяющей идеологии. Они зарождались, как правило, внутри сообщества учащейся молодежи, спонтанно, по инициативе какого-нибудь юноши (или девушки), решивших «помогать» делу освобождения народа. Само собой, разбитая партия просто была не в силах взять под контроль весь этот процесс. Тем не менее в 1883 г. видный деятель «Народной воли» Г. А. Лопатин прибыл в Россию для постановки работы, примирения различных идейных направлений и объединения молодых сил. Но уже в октябре 1884 г. он был арестован. Это событие серьезно замедлило работу по обновлению народовольческой идеологии. М. Гоц, активный участник московского подполья тех лет, вспоминает: «Трудно сказать, чтобы я тогда отдавал себе вполне ясный отчет в программе партии («Народная воля». — *О. К.*), тем труднее, что к тому времени по поводу этой программы, царил уже страшная разногласица»²⁵. Практические дела (организация типографий, распространение распечатанной литературы и т. д.) молодых московских последователей «Народной воли» оттесняли их теоретические разногласия на второй план. По воспоминаниям В. Бурцева именно в Москве подпольные кружки функционировали «особенно деятельно»²⁶. Что же касается идеологии, то, условно, ее можно разделить на два направления, между приверженцами которых и возникали споры: одни настаивали на скорейшем захвате власти, другие полагали, что на тот момент важнее и актуальнее требование политических реформ (конституция, свобода печати и т. д.). Внутри партии появились сторонники перехода к расширению террористической деятельности, которая должна была, по их мнению, затрагивать не только высшую администрацию, но и помещиков и фабрикантов — непосредственных притеснителей народа. Приверженцы этого направления считали, что пропаганда в рабочей среде не дает должных результатов, а революционная литература интересна только интеллигентам.

---

²⁵ Гоц М. Р. Московская центральная группа партии «Народная Воля» (1883–1885 гг.). С. 102.

²⁶ Бурцев В. Л. Из моих воспоминаний // Свободная Россия. № 1. Женева, 1889. С. 50.

С каждым годом становилось все больше и больше тех, кто считал, что «теперь разговаривать можно только бомбами». Знакомый Зубатова Рубинок был как раз «фанатиком новых идей», в отличие от другого знакомого — Гоца, не поддерживавшего новое направление «полного анархизма»²⁷.

В 1880-е гг. марксизм еще только начинал распространяться в России. В указанное время в Москве и Санкт-Петербурге не существовало хоть сколько-нибудь серьезных ни социал-демократических, ни народнических организаций.

В письме В. Бурцеву от 22 ноября 1906 г. Зубатов, говоря об увлечениях своей молодости, называет себя «писаревцем, культурником-идеалистом», а деятельность свою характеризует как «библиотечную реформаторскую»²⁸. Определение «писаревец», с одной стороны, подчеркивает непричастность к революционной деятельности, а с другой — говорит о приверженности «химическим», а не «механическим» преобразованиям²⁹. В той же переписке с Бурцевым можно обнаружить следующие слова Зубатова: «Я верил, что развивающееся равновесие общественных сил сделает излишним механический фактор»³⁰. Здесь, безусловно, прослеживается писаревская риторика — программа «химического пути» была изложена Писаревым в статье «Посмотрим!» (1865). В качестве основных ее пунктов мы можем обозначить следующие: выработка необходимой для преобразования общества научной теории, выявление функций интеллигенции, отыскание путей для пробуждения политического сознания масс, поиск стыкующего звена между «мыслящим пролетариатом и народными массами». Писарев советовал заботиться о росте экономического потенциала страны, который повлечет за собой повышение материального благосостояния, а оно, в свою очередь, не замедлит отразиться на уровне развития личности. Все это вместе и должно обеспечивать общественный прогресс. Важно вспомнить и то (в связи с будущей деятельностью самого Зубатова), что Писарев видел спасение рабочих от беспощадной эксплуатации в создании рабочих ассоциаций и в просвещении

---

²⁷ Гоц М. Р. Московская центральная группа партии «Народная Воля» (1883–1885 гг.). С. 106–108.

²⁸ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 53.

²⁹ См. статьи Писарева Д. И. «Популяризаторы отрицательных доктрин» (1866), «Генрих Гейне» (1867), где автор, не отказываясь в принципе от революционного метода, все же считает наиболее вероятным постепенный процесс социальных изменений — «химическое воздействие».

³⁰ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 69.

рабочих. «Механический фактор» — насильственное свержение власти — Писарев сравнивает с вынужденным убийством в целях самообороны. Насилие не может быть самоцелью. Это поступок, который нельзя не совершить в критической ситуации, но о котором не хочется вспоминать и невозможно желать его повторения (см. статью «Генрих Гейне»).

Существует свидетельство уже упомянутого нами Терешковича, которое несколько иначе представляет сферу интересов молодого Сергея Зубатова: «Осталась довольно небольшая группа, внимание которой было устремлено в более серьезную сторону от Писарева с его апологией исключительно естественных наук и индивидуалистической его идеологией, перешедшая к другим учителям и к другим более широким общественным идеалам. С. В. Зубатов принадлежал к числу захваченных движением и, казалось, оставался ему верным»³¹. Под «другими учителями», прежде всего, подразумеваются П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский — кумиры молодежи 1880-х. И особенно Лавров. С его нравственными идеалами, защитой интересов «страждущего большинства» и «самоценности личности» от подавления как государством, так и революционерами-радикалами. Но в то же время и с поддержкой «Народной воли», которую он официально выразил в конце 1881-го года.

Гоц безапелляционно называет Зубатова «молодым радикалом», превратившимся в «бессовестного провокатора»³². Здесь же можно привести строки из воспоминаний С. Ю. Витте (учитывая их неоднозначную историческую достоверность в целом). Он пишет о том, что в 1880-е гг. Зубатов был «анархистом-революционером».³³ «Анархистом» Зубатов, безусловно, не был. Витте употребляет в данном случае этот термин некорректно, не углубляясь в идеологические тонкости и уравнивает, скорее всего, по значению с термином «нигилист». И еще одно свидетельство, исходящее от него же, зафиксировано в дневнике генерала Куропаткина: «...Витте рассказал мне удивительную историю по рабочему вопросу. По его словам, в 1881 году в каземате по политическим делам сидели два лица: Тихомиров и Зубатов»³⁴.

³¹ Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х годов и С. В. Зубатов. С. 4.

³² Гоц М. Р. С. В. Зубатов. С. 63.

³³ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 623.

³⁴ Дневник А. Н. Куропаткина. (С 7 марта 1903 г. по 19 августа 1903 г.) // Красный архив. Т. II. 1922. С. 81.

Стоит ли относиться серьезно к этим сведениям? Л. А. Тихомиров, в 1881 г. — член исполнительного комитета «Народной воли», до мая этого года находился в Петербурге в связи с подготовкой покушения на Александра II, которое в конце концов партии удалось осуществить. В мае вместе с соратниками по партии Тихомиров перебирается в Москву. Нет свидетельств о его задержании. Вряд ли участник покушения на императора мог бы оказаться на свободе после этого. В начале 1882-го он обнаруживает за собой слежку. Сказались контакты с неопытной в подпольной работе московской молодежью. (Мы можем лишь предположить, что 15-летний гимназист Зубатов случайно пересекался с профессиональным революционером Тихомировым у кого-то на квартире, в одном из народовольческих кружков. В данном контексте стоит упомянуть московский кружок милитаристов, о котором ниже будет говориться более подробно. Зубатов был тесно связан дружескими отношениями с его лидерами. Успел познакомиться с ними и Тихомиров за время своего пребывания в Москве. В одном из писем Г. Лопатину, отправленных из Парижа в 1884 г., он пишет: «Пожалуйста, ...не обижайте наших «сибиряков» (буду их так называть) ...Мы с них получили немного капитала, но в будущем вероятно получим больше. Сверх того, это люди все порядочные, едва ли даже нужно наводить справки»³⁵. Тихомиров называет милитаристов «сибиряками», т. к. у основания общества стояли студенты, выходцы из Сибири (в основном из Томска), приехавшие обучаться в Москву. Из слов письма становится очевидным — Тихомиров вступал в непосредственные отношения с милитаристами. Утверждает это и Лопатин в своих показаниях на допросе 14 декабря 1884 г.³⁶). В феврале 1882 г. Тихомиров со своей семьей покидает Москву. В данном случае нас интересует не сам Тихомиров (с которым Зубатов, действительно, был знаком еще до начала их официального сотрудничества в рамках московского охранного отделения). Первое упоминание о Зубатове в дневнике Тихомирова относится к 1896 году. 15 декабря он делает запись: «Был утром неожиданно Сергей Васильевич Зубатов»³⁷. Действительно ли Зубатова задерживали в 1881–1882 гг.? Ответа на этот вопрос на данный момент нет. Если такой факт и имел место быть, все документы, касающиеся

---

³⁵ Цит. по: Анатольев П. Общество переводчиков и издателей // Каторга и ссылка. М., 1933. С. 90.

³⁶ Там же. С. 91.

³⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп.1. Д. 6. Л. 68.

компрометирующего события, скорее всего, были бы уничтожены при поступлении Зубатова на службу в полицию.

Насколько Зубатов был «отравлен» социализмом? Был ли он действительно близок революционным идеям в молодости и участвовал ли непосредственно в московском революционно подполье 1880-х гг.?

Не подлежит сомнению — Зубатов прекрасно ориентировался в запрещенной литературе того времени. В библиотеке жены Зубатова, А. Н. Михиной, «можно было доставать весь необходимый материал для самообразования, который указывался в радикальных систематических каталогах того времени»³⁸. Т. е. там можно было получить практически всех авторов, которые были включены правительством в известный *index librorum prohibitorum*, выпущенный в 1884 году. Это — Бакунин, Дарвин, Спенсер, Чернышевский, Плеханов и др. По-видимому, Зубатов был знаком с содержанием большинства книг. Впоследствии, при общении с задержанными, он будет ошеломлять их своей осведомленностью в теоретических разногласиях социалистов. Оказавшись в полиции, он не бросит заниматься самообразованием и всегда будет в курсе новых изданий, появления каких-то новых идей, особенно, если они касались темы рабочего движения. Козьмин Б. П., подготовивший к изданию корреспонденцию Зубатова, отмечает, что «его начитанность и наличность у него интереса к книге... стоят вне всякого сомнения». И «несмотря на перегруженность розыскной работой, Зубатов находил время для того, чтобы знакомиться с русской и иностранной литературой по интересовавшим его вопросам»³⁹. Привычка, оставшаяся у него на всю жизнь.

Говоря о библиотеке Михиной и о той роли, которую Зубатов в ней играл, нельзя не обратиться к воспоминаниям видного деятеля партии социалистов-революционеров П. А. Аргунова, тесно связанного с московскими радикалами в начале 1880-х. Он утверждает, что непосредственно Зубатов занимался переплетом запрещенной литературы, издаваемой различными подпольными кружками, которая распространялась, в том числе, и через библиотеку на Тверском бульваре. В личной библиотеке Аргунова долгое время хранилась книга, переплетенная лично Сергеем Зубатовым⁴⁰. Описываемое

---

³⁸ Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х годов и С. В. Зубатов. С. 5.

³⁹ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 3.

⁴⁰ Аргунов П. А. Московский кружок «Милитаристов» // Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 93.

в указанных воспоминаниях знакомство и непродолжительное общение с ним датируется в 1883 годом, т. е. Зубатов еще не являлся на тот момент агентом полиции. Соответственно переплетом нелегальных изданий он занимался по собственной инициативе, а не по указанию соответствующих органов.

Анонимный автор статьи «Молодые годы Зубатова», опубликованной в «Освобождении» в 1903 г., сообщает о том, что в 1882–1883 гг. Зубатов руководил «революционным кружком», сосредоточенным около библиотеки Михиной. Для участников данного кружка, гимназистов, существовал специальный дешевый абонемент, по которому выдавалась как разрешенная, так и запрещенная литература⁴¹. Район, прилежавший к Тверскому бульвару, именовавшийся в просторечье Козихой (расположенный вокруг Большой и Малой Бронных улиц), был плотно заселен студенчеством. Библиотека Михиной была ориентирована именно на эту аудиторию. А где было студенчество, там не могло не быть свободымыслия и «крамольных» идей.

В этой связи большое сомнение вызывает информация, исходящая от самого Зубатова. Он утверждает, что подпольщики обратили библиотеку его жены в «очаг конспирации», о чем он не догадывался. Тем самым Зубатов объясняет свое согласие стать агентом «охранки» в 1886 г.: «Я дал себе клятву бороться впредь всеми силами с этой вредной категорией людей, отвечая на их конспирацию контр-конспирацией, зуб за зуб, вышибая клин клином. Охранное отделение тут же предложило мне и практический способ осуществления моих намерений»⁴². Странно было бы предположить, что Зубатов не был в курсе того, что происходит в библиотеке собственной жены, и еще более странно было бы допустить, что сама Михина не знала о запрещенной ли-

---

⁴¹ Молодые годы Зубатова. С. 393.

⁴² Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 53–54. Видимо, это была «официальная» версия событий, которой Зубатов и придерживался с момента дачи письменных объяснений о своей агентурной деятельности в Департамент полиции в мае 1888 г. Там он пишет: «...Охранному Отделению было известно, что в нашу библиотеку ходила масса лиц, из коих многие считались за выдающихся революционеров, и кроме того наблюдением было замечено, что библиотека была посещаемая и лицами нелегальными, бывавшими в Москве. Начальник отделения был крайне удивлен, что я целям революционеров никогда не сочувствовал и сочувствую, с большинством посещавших библиотеку не знаком и не имел понятия о том, что библиотека могла служить местом для свиданий, а мне приписывалось участие в революционной партии и что меня это обстоятельство крайне возмутило» (см.: ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 16).

тературе и о собиравшихся там кружках. Зубатов до конца своих дней прожил с Анной Михиной, и «разоблачение» библиотечного подполья не послужило поводом для расставания с ней, что, казалось бы, естественным в сложившейся ситуации.

В Москве в те годы действовала т. н. группа милитаристов (под руководством студента московского университета В. Т. Распопина), основная политическая цель которых заключалась в необходимости организации военного заговора для свержения самодержавия. Путь к осуществлению своей цели они видели в теоретической подготовке — с одной стороны, и определенной революционной работе (создание надежных военных организаций) — с другой. Подгруппа милитаристов, «Общество переводчиков и издателей», занималась публикациями разного рода оригинальных и переводных сочинений, затрагивавших социальную тематику и пользовавшихся популярностью в молодежной среде (Толстой, Л. Блан, Энгельс и др.), стараясь тем самым «содействовать увеличению числа людей, сознательно относящихся к важнейшим вопросам русской жизни, и суммы умственных сил, направленных к их разрешению»⁴³. Зубатов был в дружеских отношениях с одним из лидеров этого движения, Владимиром Вигилевым, с которым обучался ранее в одной гимназии. Он часто бывал у Вигилевых дома, на Большой Никитской (отец Владимира был управляющим синодальной капеллой). Революционер П. А. Аргунов, также участник означенного кружка (его жена, Ольга, приходилась родной сестрой Владимиру Вигилеву), пишет в своих воспоминаниях, что именно они посоветовали обратиться к Зубатову с просьбой о переплете книг⁴⁴. Круг был очень тесен.

Компания, сформировавшаяся вокруг Гоца, именовалась «кружком юных реалистов» (в честь писаревского «мыслящего реалиста»). Но в 1882 году молодые люди переживают «кризис», как пишет Гоц. Одностороннее увлечение идеями Писарева и «Русским Словом»⁴⁵ проходит после знакомства с «Историческими письмами» Лаврова и статьями Михайловского. Молодежь всецело признавала талант Писарева, его заслуги в деле отстаи-

⁴³ Социалистическое знание. Сборник. М., 1884. С. 1.

⁴⁴ Народовольцы после 1-го марта 1881 года. С. 93.

⁴⁵ «Русское Слово» — литературно-ученый журнал, выходил в Петербурге в 1859–1866 гг., ежемесячно. В 1866 г. вышел один номер. С 1863 г. — «Литературно-политический журнал». С декабря 1860 г. по ноябрь 1865 г. в журнале сотрудничал Д. И. Писарев, которому принадлежала ведущая роль в формировании идейного направления журнала.

вания прав человека, веру в разум и науку. Но, тем не менее, начинала уже критично оценивать абсолютное свержение авторитетов прошлого, отрицание таких величин, как Пушкин, Толстой, его скептическое отношение к искусству в целом. Зубатов и Гоц в это время еще не были знакомы. Знакомство произошло в квартире Зубатова, на Тверском бульваре, где, как утверждает Гоц, собирався кружок по изучению политической экономии. Молодые люди штудировали работы Дж. С. Милля и вышедшую в 1861 г. работу Чернышевского «Очерки из политической экономии (по Миллю)». В письмах Зубатова Бурцеву в ответ на опубликованную статью Гоца мы не обнаруживаем опровержения этих слов.

Гоц вспоминает, что Зубатов «не попал в Московскую народовольческую организацию», в то время как их кружок стал «все теснее и теснее сближаться с действующими московскими народовольцами»⁴⁶. Он объясняет это разрывом отношений между ним и Зубатовым. Конфликт между ними произошел, в том числе, из-за «разности мировоззрений», на что и указывает Зубатов⁴⁷. Конечно, последователи народовольцев посещали библиотеку Михиной (участники кружка Гоца и Фондаминского), но это не доказывает того, что Зубатов был их идейным единомышленником.

Итак, скорее всего, Зубатов все же не состоял ни в одном из кружков последователей «Народной воли» — он все время находился рядом, «в орбите этой организации»⁴⁸ (благодаря библиотечной деятельности), но непосредственным участником не был. Провокатор Л. П. Менщиков⁴⁹, раскрывая подробности захвата народовольческой типографии в Туле в 1887 году (Зубатов уже являлся агентом охранного отделения), приводит отрывок из письма Бердяева в Департамент полиции, из которого выясняется, что Зубатов (агентурная кличка «Сергеев») известен в подпольной среде как человек, «не сочувствующий программе «На-

⁴⁶ Гоц М. Р. С. В. Зубатов. С. 65.

⁴⁷ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 53.

⁴⁸ Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: воспоминания о восьми лидерах. М., 2007. С. 223.

⁴⁹ Менщиков Л. П. (1869–1932) — в молодости был членом народовольческого кружка, в 1887 г. дал признательные показания и согласие сотрудничать с «охранкой». Сделал карьеру в полиции. В 1907 г. вышел в отставку. Известен последовавшими за этим шумевшими разоблачениями агентов и провокаторов (Каплинского И. М., Житомирского А. Я., Серебряковой А. Е., Тарова Н. Ю. и др.).

родной Воли»⁵⁰. Кстати, этот факт значительно затруднил работу по раскрытию типографии, т. к. излишняя заинтересованность с его стороны выглядела подозрительной. Разговор между Гоцем и Зубатовым, произошедший в 1886 году на Страстном бульваре (описанный Гоцем и Черновым⁵¹), являлся шагом к примирению со стороны Зубатова, с целью получения информации о типографии, о деятельности центральной группы, одним из лидеров которой был Гоц, и о кружке Петровской академии. Зубатов, например, не скрывал свою заинтересованность студентом академии М. Л. Соломоновым, отвечавшим за пропаганду в рабочей среде. Гоц, испытывая личную неприязнь к «старому знакомому» (тогда еще Зубатов не вызывал никаких подозрений у своих товарищей), не поддержал инициативу продолжить общение. Но юному провокатору все-таки удалось выйти на кружок «Народоволец» через одного из своих знакомых, бывшего ученика 7 класса VI гимназии В. Н. Морозова, радикала — сторонника террористической деятельности, с которым, судя по словам Зубатова, они иногда по-дружески полемизировали на тему «крайних убеждений»⁵².

Трудно сказать, когда именно началось их общение. Но, скорее всего, само знакомство произошло все в той же библиотеке Мухиной. В октябре 1886 г. Морозов, опасаясь ареста (в феврале у него уже был проведен обыск), уезжает из Москвы в Тамбовскую губернию. После его отъезда руководство делами кружка принимают на себя Гоц и И. Тихомиров⁵³. К этому моменту Зубатов и Морозов уже были знакомы. Более того, Морозов сам предложил Зубатову вступить в «революционную партию». Будучи уже в имении тамбовской помещицы Богушевской (к которой ему удалось устроиться на работу в качестве репетитора), через жену общего знакомого С. Я. Стечкина Морозов получает письмо от Зубатова, в котором тот просит связать его с «серьезными лицами». В результате ему удается заполучить контакты активистов-народовольцев (Денисова, Селихова, Ломакина и др.). Данная ситуация лишний раз доказывает тот факт, что, несмотря на наличие связей с подпольем (братья Терешковичи, Стечкин, Гоц и др.), Зубатов не знал, кто являлся руководящей верхушкой,

⁵⁰ Меньшиков Л. П. Охрана и революция. Ч. 1. М., 1925. С. 23.

⁵¹ См.: Гоц М. Р. С. В. Зубатов. С. 66–67; Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: воспоминания о восьми лидерах. С. 213–216.

⁵² ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

⁵³ ГА РФ. Ф. 63 (1886 г.). Оп. 6. Д. 25 (1). Л. 26–26 об.

не был связан с ними непосредственно в «доагентурный» период, но заинтересовался ими уже исходя исключительно из «профессиональных» соображений.

Осенью 1886 г. группа народовольцев, к которой был причастен Гоц, практически вся была арестована. Приказ начальника московской «охранки» Бердяева о проведении обыска дома у Гоца датируется 24 октября 1886 г.⁵⁴ Зубатов впоследствии будет утверждать, что «к катастрофе М. Р.» (Гоца. — *О. К.*) он непричастен. Но, безусловно, есть все основания подозревать, что именно благодаря его агентурной работе подпольная группа прекратила свое существование.

Осенью же 1886 г. Зубатов начинает активный поиск контактов с группой народовольцев, сконцентрированной вокруг Петровской Академии, составлявшей отдельную фракцию, связанную, тем не менее, общими контактами с народовольческим кружком Гоца. М. И. Фондаминский, имевший к ней непосредственное отношение, дает понять, что не желает иметь общих дел. С Гоцем отношения также не складывались. Наконец, снова через Стечкина Зубатов находит необходимые связи. Вообще, представляется достаточно трудным однозначно отделить деятельность Зубатова-кружковца от деятельности Зубатова-provokatora. Важно обратить внимание на следующий факт. Зубатов датирует начало своего сотрудничества с охранным отделением июнем 1886 г.⁵⁵ Тем не менее некоторые архивные источники говорят о том, что не в 1886-м, а «в 1885 г. Зубатов вошел в сношения с бывшим начальником Московского охранного отделения Бердяевым»⁵⁶. Гоц полагает, что Зубатов стал сотрудничать в конце 1884-го или начале 1885-го. Возможно, в официальном источнике дата была сдвинута на год, в целях списать с Зубатова участие в каких-то противозаконных действиях, произошедших в 1885 г. Но, в любом случае, поиск тесных контактов с кружком Петровской академии, который имел место летом этого же года, должен быть рассмотрен уже не как его личная инициатива и интерес, а как спецзадание. «В начале 1887 года библиотека г-жи Михиной-Зубатовой представляла складочное место для революционных изданий, которые рассылались оттуда целыми кипами.

---

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 63 (1886 г.). Оп. 6. Д. 179. Т. 1 (1). Л. 41.

⁵⁵ В письме В. Л. Бурцеву от 22 ноября 1906 г. Зубатов сообщает: «Впервые я был вызван в охранное отделение 13 июня 1886 г.» (Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 52).

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 2 об.

Этим главным образом ограничивались сношения С. В. Зубатова с революционным кружком Петровской академии», — вспоминает анонимный источник⁵⁷. О каких революционных изданиях идет речь? В том числе и о сборнике «Социалистическое знание», издаваемое уже упомянутой группой милитаристов, с которыми Зубатов поддерживал близкие отношения. В секретной записке московского отделения по охранению порядка мы обнаруживаем следующую информацию: «В Отделении агентурным путем получены сведения, что в недавнее время в Петровской Академии ходил по рукам первый корректурный лист готовящегося к изданию нового ежемесячного нелегального издания «Социалистическое знание», с целью собрать подписчиков»⁵⁸. Скорее всего, речь идет о сведениях, полученных от Зубатова. Слишком много совпадений — близость к милитаристам, интерес к кружку Петровской Академии, использование библиотеки Михиной в качестве склада. Обыски по данному делу начались уже в январе 1886 г. Но массовые аресты были произведены только осенью.

В конце 1886-го — начале 1887-го Зубатов продолжает вращаться в подпольной среде с целью сбора сведений для охранного отделения. Но подозрений у большинства своих знакомых пока не вызывает: «...сомневаться в политической честности Зубатова у меня не было оснований, и я завязал с ним деловые сношения. Сначала они касались организации и руководства кружками, которые составились в том время с моей помощью и в которых Зубатовым были очень довольны. Мы при частых встречах наших обсуждали программу занятий в этих кружках, вели теоретические беседы, знакомились с новинками по общественным вопросам. Так, помню, мы с ним читали, в немецком переводе нашумевшую тогда новую книгу американского писателя Генри Джорджа «Социальные проблемы»⁵⁹. Эти слова Терешковича позволяют нам лишний раз удостовериться в том, что Зубатов имел отношение к неким кружкам, которые, по всей видимости, и концентрировались вокруг библиотеки (что вполне естественно, учитывая ее направленность).

Скорее всего, Зубатов действительно не желал иметь отношений с радикалами, и его личные взгляды отличались от взглядов Гоца и его друзей. (Хотя Гоц в тот момент не поддерживал террор,

---

⁵⁷ Молодые годы Зубатова. С. 394.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 63 (1886 г.). Оп. 6. Д. 179. Т. 1 (1). Л. 5.

⁵⁹ Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х гг. и С. В. Зубатов. С. 10–11.

занимался изучением общетеоретических основ научного социализма и поддерживал сторонников политических реформ.) Об этом пишет и он сам, и люди, хорошо его знавшие⁶⁰. Молодые люди высоко ценили нравственное учение Лаврова и Михайловского. Возможно, Сергей Зубатов был одним из многих, увлекающихся в те годы Писаревым и политэкономией, которые и не помышляли о серьезной политической деятельности. И, оказавшись в кабинете начальника московского охранного отделения Н. С. Бердяева, он тут же попытался объяснить свою непричастность к революционному движению. Ведь в те годы, как уже отмечалось выше, не пытались увидеть разницу между профессиональными революционерами, радикалами и вполне мирно настроенными «культурниками», умеренными либералами, а то и просто не имеющими внятной самостоятельной позиции юнцами. (Позже, находясь уже сам в должности начальника Московского охранного отделения, Зубатов будет стараться проводить это различие.) И тем не менее. Что позволило ему принять предложение о сотрудничестве с охранным отделением? Был ли это страх или нечто другое?

Когда в 1885 или 1886 г. (оставим этот вопрос открытым) Зубатов был вызван в Московское охранное отделение на допрос, он сразу заявил начальнику «охранки» Бердяеву: «Я целям революционеров никогда не сочувствовал и не сочувствую, с большинством посещавших библиотеку не знаком.., а потому я был очень рад доказать фактически, что я всегда стоял на стороне существующего порядка и никогда не был противоправительственным человеком, почему и согласился быть сотрудником отделения...»⁶¹. Так пишет о себе сам Зубатов в дошедшей до наших дней записке. С удивительной быстротой он принимает предложение Бердяева. Видимо, были причины, которые позволили ему пойти на сделку с собственной совестью. Ведь Зубатов прекрасно осознавал неприглядность такого поступка. Надо иметь достаточные моральные основания (или их отсутствие), чтобы обречь на каторгу людей из своего ближайшего окружения.

Причины, побудившие Зубатова стать агентом полиции, мы можем попытаться обнаружить в морально-этической концепции, которой он придерживался в юности, а возможно, и на про-

---

⁶⁰ См.: Гоц М. Р. Московская центральная группа партии «Народная Воля» (1883–1885 гг.). С. 102; Гоц М. Р. С. В. Зубатов. С. 63–64; Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: воспоминания о восьми лидерах. С. 220.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.

тяжении всей жизни. Из воспоминаний Гоца: «Как-то Зубатов прочел мне свое произведение, в котором он излагал собственную теорию нравственности. Все в этой теории основывалось на выработке сильной воли, для чего требовалось совершенно сознательно совершить ряд гадостей, о которых в печати даже и говорить неудобно. Совершать эти гадости человек должен был, вполне понимая их значение, но, заставляя себя идти против усвоенных нравственных понятий и этим, упражняя свою «волю»⁶². Гоц рассказывал Чернову о своем общении в молодости с Зубатовым. И Чернов в своих воспоминаниях также достаточно подробно говорит о поисках морально-этических пределов будущей звездой политического сыска, ссылаясь на информацию, полученную в свое время от Гоца. Т. н. «система «новой морали» существовала не просто в виде обрывочных фантазий в голове Зубатова, но была изложена на бумаге — и у Гоца, и у Чернова мы находим упоминание о некоей тетради, где было записано данное сочинение. Центром системы, созданной молодым Зубатовым, являлась сверхсильная волевая личность. Перед культом воли должна была померкнуть значимость общепризнанной морали и нравственности. По теории Зубатова, боязнь попрания нравственных норм есть жалкое малодушие. Причем нарушаться эти нормы должны не из любви к пороку, что есть проявление слабости (а это очень плохо), но отдавая себе полный отчет в том, что совершается гадость для того, чтобы возвыситься над привычными всем представлениями о добре и зле. В описываемом Черновым диалоге, произошедшем между Гоцем и Зубатовым осенью 1886 г. в Москве, Зубатов утверждает, что его теория — своего рода эксперимент, «разведка в неведомые дебри нравственности без божественных приказов, вообще без короткой привязи, остающейся в руках у какого-то верховного авторитета — небесного или земного, церковного или светского»⁶³.

Аргунов вспоминает о том, что, едва познакомившись, Зубатов начал излагать ему «свои мысли какого-то общего, неуловимого характера». В чем они заключались конкретно, Аргунов не сообщает, он лишь выносит общее впечатление — сумбурность и желание собеседника продемонстрировать свою «ученость» и «речистость»⁶⁴.

---

⁶² Гоц М. Р. С. В. Зубатов. С. 65.

⁶³ Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: воспоминания о восьми лидерах. С. 214–215.

⁶⁴ Аргунов П. А. Московский кружок «Милитаристов». С. 93.

Идеи молодого Зубатова не отличались оригинальностью и имели совершенно очевидные первоисточники. В середине XIX века в российском обществе широко обсуждалась книга, написанная Наполеоном III, «История Юлия Цезаря», в которой автор рассуждал о двух видах законов: для обыкновенных людей и для так называемых «героев» и «мировых гениев»⁶⁵. Начало идее о «сверхчеловеке», который выполняет божественное предназначение, было положено британцем Т. Карлейлем и его концепцией «героя и толпы». Большой популярностью в российской образованной среде пользовался М. Штирнер с его теорией личности как центра мироздания, полным отрицанием нравственного долга — т. н. анархия силы противопоставлялась анархии угнетенности и слабости. В этот же ряд (не столько смысловой, сколько оказавший влияние на формирование нигилистического мировоззрения) мы можем поставить этическое учение И. Бентама, утверждающее «принцип пользы», согласно которому понятие морали должно выводиться через понятие полезности, выгоды, удовольствия; вульгарный материализм К. Фогта; отчасти работы по статистике А. Кетле и Ф. Гальтона, где объектом исследования выступают личности «средние» и «выдающиеся», и др. Несколько позже эти идеи будут в полной мере развернуты и раскрыты в произведениях Ф. Ницше, пик его популярности в России придется на начало XX в.⁶⁶

Своеобразным ответом на все эти «странные «недоконченные» идеи, которые носятся в воздухе»⁶⁷, стал роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», впервые вышедший в свет в 1866 году. Автор разоблачает теорию о «сверхличности», которая имеет право возвыситься над обычной моралью. Эта «странная» теория, собственно, и явилась движущей силой всего романа⁶⁸. Неосознанное желание господства (а в случае Зубатова желание господства над массами будет вполне осознанным) над «всеим человеческим муравейником» приводит к убийству. Достоевский указывает на то, что банальное стрем-

---

⁶⁵ Русский перевод книги был издан в 1865 г.

⁶⁶ Зубатов не мог быть знаком с работами Ф. Ницше. В России немецкий философ был под цензурой. Первый полноценный перевод книги «Рождение трагедии из духа музыки» был опубликован в 1899 г., а «Так говорил Заратустра» — в 1898 г.

⁶⁷ В 1865 г. в известном письме М. Н. Каткову Достоевский делится замыслом своего нового романа (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 28. Кн. II. Л., 1985. С. 136).

⁶⁸ Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1971. С. 299.

ление к власти лежит в основании всех подобных рассуждений. Главный герой «Преступления и наказания», будучи личностью сложной, диалектической, совершая зло, все же думает о том, какое добро он посредством этого зла сумеет совершить. (Зубатов полагал, что своими манипуляциями и провокацией он несет пользу обществу и государству.) Двойственность натуры Раскольников, склонность к душевным переживаниям и поиску блага для людей, его окружающих, дают ему возможность последующего раскаяния в содеянном преступлении. После убийства человека, на которое его толкнули «идеи», Раскольников вынужден «примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разьединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его»⁶⁹. (Зубатов до конца своих дней был невысокого мнения о людях в принципе.) Итак, гений Достоевского опроверг теорию «абсолютной воли личности как верховного закона бытия»⁷⁰. М. И. Туган-Барановский видит порочность идей, овладевших Раскольниковым, в том, что они утверждают изначальную неравноценность людей (что абсурдно для социалиста): «Для него весь род человеческий делится на две неравные части: большинство, толпу обыкновенных людей, являющихся сырым материалом истории, и немногочисленную кучку людей высшего духа, делающих историю и ведущих за собой человечество»⁷¹.

В «теории» Зубатова достаточно четко прослеживается влияние Писарева. Понятия «нигилизм» и «нигилист» являются ключевыми для понимания истоков подобных рассуждений на тему этики и морали. Блестяще разобранный образ Базарова в одноименной критической статье, скорее всего, и был взят на вооружение Зубатовым. Писарев говорит о главном герое романа И. С. Тургенева как о человеке, отличном от других, от «массы». «Человек массы» проживает свою жизнь, не используя свою личную волю и даже «не заподозрив в себе ее существования». Но среди этих людей, рассуждает Писарев, попадаются более умные, чем все остальные. Тех, кто в состоянии «оторваться от стада», критик подразделяет на три категории. Первые, не имея образования и, соответственно, понятия о лучшей жизни, остаются

---

⁶⁹ Ф. М. Достоевский. Т. 28. Кн. II. С. 137.

⁷⁰ Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. С. 303.

⁷¹ Туган-Барановский М. И. Три великих этических проблемы (нравственное мировоззрение Достоевского) // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996. С. 25.

в одиночестве, в стороне, «в пустом пространстве», просто не зная, что им делать. Вторые — умные и образованные, подвергают образ жизни «массы» сознательной критике, но у этих людей дальше слов дело не идет: им не хватает твердости характера. И третьи — те, кто смело противостоит массе всеми своими поступками, «всем образом жизни». Им нет дела до того, поймет ли их общество, поддержит ли. Как пишет Писарев, «они полны собою, своею внутреннею жизнью и не стесняют ее в угоду принятым обычаям и церемониалам»⁷². И только так, смело отвергая все правила, признанные в «массе», личность может достигнуть максимальной свободы и самостоятельности. В этом видит автор статьи проявление «свежей силы и неподкупного ума» нарождающегося поколения, которое еще проявит себя в «минуту тяжелых испытаний», за которым будущее.

Мы можем утверждать, что идеи о «сверхчеловеке» и «сильной волевой личности» глубоко укоренились в сознании Зубатова. Скорее всего, именно они и привели его сначала в агенты охраны, а в дальнейшем явились катализатором разработки «полицейского социализма» — политики по созданию легального, подконтрольного охранительным органам и лично Зубатову рабочего движения. Убежденность в том, что народ — серая необразованная масса, которая пойдет туда, куда ее погонят, — вопрос лишь в том, кто будет погонять, — зародилась в голове Зубатова еще в юности под влиянием вышеозначенных идей.

Кажется интересным и важным в данном контексте провести параллель с другим, существовавшим в реальной жизни и вошедшим в историю человеком — Сергеем Геннадиевичем Нечаевым. Ведь и он пытался воплотить в жизнь те самые «странные идеи».

Известный лидер организации «Народная расправа», Нечаев проповедовал презрение и ненависть к общественному мнению, к общественной нравственности («во всех побуждениях и проявлениях»), призывал «не на словах только, а на деле» порвать «со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями»⁷³. Об этом он пишет в «Катехизисе революционера». Он считал, что революционер во имя борьбы должен убить в себе всю человеческую мораль и руководствоваться лишь понятием пользы для дела. (Зубатов предлагал сделать то же самое, но для са-

---

⁷² Писарев Д. И. Базаров («Отцы и дети», роман И. С. Тургенева) // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 2001. С. 176.

⁷³ Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 48.

моразвития, самовоспитания.) Нашумевшее убийство студента И. И. Иванова в ноябре 1869 г., одного из участников «Народной расправы», было организовано Нечаевым для поднятия собственного авторитета, для укрепления связей внутри организации, в конце концов, для практического подкрепления тезиса: «Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-нибудь человека...»⁷⁴. Рамки данной работы не предполагают углубление в исследование феномена Нечаева, но отметим, что он полностью следовал собственным заветам: ложь, подлог, клевета, вымогательство и в конце концов убийство. Таковым было воспитание революционной воли Сергея Нечаева, который оказался изгоем в русском революционном подполье. Его методы презирались. Известная народоволка Фигнер В. Н. дает однозначную оценку предводителю «Народной расправы»: «Мы, новое поколение, относились отрицательно к личности Нечаева и к приемам, к которым он прибегал при вербовке членов в свои кружки. Его теория — цель оправдывает средства — отталкивала нас...»⁷⁵.

В 1912 году вышла в свет книга «Активное народничество семидесятых годов» В. Я. Богучарского⁷⁶. Первое серьезное и обстоятельное исследование феномена Нечаева было проделано в рамках именно данной работы. В связи с личностью Зубатова крайне интересна оценка, которую дал Богучарский руководителю «Народной расправы»: «Сложись для Нечаева обстоятельства иначе, и в русских условиях из него мог бы выйти бравый шеф жандармов и начальник III отделения, смотревший на мир теми же самыми глазами, но только обрекавший на истребление другие общественные элементы»⁷⁷. Богучарский обвинял общественно-политический строй России в появлении людей с уродливой моралью.

Личные качества Сергея Зубатова (в которых он, кстати, признается сам) позволили его сознанию органично воспринять

---

⁷⁴ Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. С. 51.

⁷⁵ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964. С. 129.

⁷⁶ Богучарский (Яковлев) В. Я. (1860–1915) — писатель, журналист, публицист, издатель, историк революционного движения в России, археограф, переводчик, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы», политический деятель: народник, легальный марксист.

⁷⁷ Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 147.

аморальные идеи. В той же переписке с Бурцевым он «проговаривается»: «Нас (с Гоцем. — *О. К.*) разделяли обоюдная властность характера, ревность к кружковой гегемонии»⁷⁸. Очевидно, что между этими юношами был некий конфликт, возникший на почве борьбы за влияние в московском молодежном подполье. Амбиции, стремление к лидерству, убежденность в собственной правоте, желание подчинять — вот те качества, которые позволяли Зубатову идти на сделку с совестью, отменять морально-этические нормы, которые, собственно, и поспособствовали его карьере в полиции. Ведь лозунг охранителей монархии был: «Без нас не обойдутся». А значит, можно делать все, что заблагорассудится, лишь бы во имя монархии. Не взирать на законы и общечеловеческие нормы. Автор заметки «Охрана и охранительная политика», вышедшей в эмиграционной газете «Будущее» (№ 2), проводит любопытное сравнение Зубатова с Иудушкой — персонажем произведения Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»: «...Мелкий злец, своего рода щедринский Иудушка. Но в то время, как даже в Пошехоньи от Иудушки все бегали, как от чумы, в высших московских, а затем и в петербургских правительственных сферах с Зубатовым долго носились и чуть не обнимались. И было время, когда он делал русскую внутреннюю политику»⁷⁹. Но, в отличие от Иудушки Головлева, Сергей Зубатов до конца своих дней не будет сомневаться в правильности и порядочности всего содеянного.

Важно отметить — не только «нигилизм» формировал личность Сергея Зубатова. Возможно, стоит говорить о том, что становление политического мировоззрения отца-основателя «полицейского социализма», «монархиста самобытного, на свой салтык», готового «иссохнуть» по идее монархии (как писал о себе сам Зубатов)⁸⁰, происходило в значительной степени и под влиянием либеральной мысли.

В 1886 году, когда Зубатов уже вступил в сношения с охранным отделением, он начинает общаться с известным в то время ученым, публицистом, оратором, «рыцарем конституционной идеи в России»⁸¹, В. А. Гольцевым. Характер этого общения

---

⁷⁸ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 52–53.

⁷⁹ Охрана и охранительная политика // Будущее. № 2. Париж, 1911. С. 3. Автор допускает ошибку: Пошехония — место действия другого произведения Салтыкова-Щедрина М. Ф., «Пошехонская старина».

⁸⁰ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 90.

⁸¹ Памяти В. А. Гольцева (статьи, воспоминания, письма). М., 1910. С. III.

сложно определить однозначно. Сам Гольцев пишет, что Зубатов заходил к нему за книгами по поручению студентов Петровской академии. Он забирал литературу и оставлял ее в библиотеке своей невесты Михиной. Речь шла и о запрещенных изданиях в том числе. Вот как описывает их встречи сам Гольцев: «Явился ко мне г. Зубатов и произвел приятное впечатление. Он брал книги, возвращал их, получал другие. Иногда он оставался на короткое время и высказывал печальные мысли о современном положении вещей. Я утешал его...»⁸².

Зная общительность Гольцева и зубатовскую способность располагать к себе собеседника, кажется вполне вероятным, что между ними происходили достаточно откровенные продолжительные беседы. Речь идет о 1886 годе и о поручениях студентов Петровской академии. В этот период Зубатов уже являлся, как говорилось выше, агентом московской «охранки». Но кажется вполне вероятным, что Гольцев вызвал у него неподдельный интерес. Следует вкратце обрисовать политические взгляды Гольцева, чтобы обосновать влияние с его стороны на Зубатова и его дальнейшее развитие.

В. А. Гольцев родился в 1850 году. В 1868 окончил Тульскую гимназию, поступил в Московский Университет на юридический факультет, который успешно закончил в 1872. Несмотря на периодическое участие в различных студенческих сходках, он никогда не был народником. В 1875 году Гольцев женится и уезжает за границу. Там он знакомится с сочинениями немецких экономистов, теоретиков Государственного социализма. Речь идет о Лоренце фон Штейне, родоначальнике понятия «социальное государство», и катедер-социалисте Адольфе Вагнере, стороннике государственно-христианской версии социалистического учения. Оба автора отстаивали позицию взаимозависимости всех членов общества, всех его социальных страт. Из чего следовало, что насильственные методы не применимы для развития, т. к. насилие над одним повлечет неизбежный ущерб для другого. Политическая и социальная революции оказываются неприемлемыми. Государство, и только оно, должно осуществлять экономический и общественный прогресс. В таком случае оно будет именоваться социальным. Вагнер писал о том, что рабочий класс должен быть полностью интегрирован в государство.

---

⁸² Гольцев В. А. Первый арест. Знакомство с Зубатовым // Русская Мысль. 1906. № 11. С. 116.

Гольцев прямо называл себя учеником Лоренца фон Штейна. Он «ценил в нем теоретика социальной роли государства, как имеющего целью восстановить социальные справедливости по отношению к слабым и бедным». Кроме того, как опять же утверждает биограф Гольцева, «не менее отвечали настроениям В. А. (Гольцева) и социально-правовые воззрения Вагнера, с тенденциями государственного социализма»⁸³. Очевидно, Гольцев и познакомил Зубатова с идеей надклассовой роли государства. Будущее сотрудничество начальника Московского охранного отделения с Л. А. Тихомировым, который попытался переформатировать эту теорию под русское самодержавие, лишней раз указывает на близость Зубатову этой концепции.

Провокатор Меньщиков, близкий знакомый и протеже Зубатова, вспоминает, что их знакомство началось в 1887 г., в компании общих товарищей, «собиравшихся иногда потолковать о политике». В тот вечер Зубатов принес с собой «рукопись «О Земском Собрании» (творение Гольцева), которую и стал читать»⁸⁴.

Как приверженец идеи «социального государства», Гольцев — категорический противник насильственных способов борьбы. Он выступает за организацию широких кругов общественного мнения, но не для того, чтобы «спускать пар», а в интересах осуществления конституции. В 1881 году в «Русской Мысли» он пишет: «Создать условия для ... развития в настоящее время может только высшее правительство»⁸⁵. Для развития «свободной личности, честно, законно работающей на общую пользу»⁸⁶. Но, говоря о роли власти, Гольцев считает, что в полной мере исполнить свое предназначение она сможет, лишь находясь в союзе с обществом. Причем этот союз должен быть «не в мистической форме, не на пустословии основанный, а крепкий, честный и открытый»⁸⁷.

Для Гольцева идея социального государства была неразрывно связана с политической свободой внутри него, которая являлась не просто желательной, но необходимой для реализации этой идеи. Как мы увидим, Зубатов эту важную мысль не воспринял. Он не хотел замечать, как и очень многие его современники, политического аспекта проблемы с рабочими в России. Ведь

---

⁸³ Памяти В. А. Гольцева. С. 9.

⁸⁴ Меньщиков Л. Охрана и революция. С. 26.

⁸⁵ Гольцев В. А. Внутреннее обозрение // Русская Мысль. 1881. № 5. С. 79.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Голос. 1881. № 114.

западный опыт накапливался и работал в совершенно других политических условиях.

Одновременно с публицистической деятельностью, Гольцев активно участвует в деятельности различных общественных организаций. В нашем контексте следует отметить его участие в комиссии, учрежденной в конце 1870-х гг. московским генерал-губернатором кн. Долгоруким, созданной для осмотра фабрик и заводов в Москве, с последующей выработкой фабричного устава. (Кстати, там же вместе с Гольцевым работал И. И. Янжул — в будущем он будет способствовать зубатовской кампании по объединению рабочих в союзы.) Комиссия разработала программу исследования фабричного быта, которое и было произведено в апреле 1881 года. Это была первая работа подобного рода, проведенная в России. Гольцев занимался переводом извлечений из фабричных законодательств западных стран. Кроме работы в вышеозначенной комиссии, Гольцев «с особой охотой» читал лекции для рабочих с пречистенских курсов, «до конца своих дней уделяя внимание этой организации»⁸⁸.

Гольцев прекратил свои сношения с Зубатовым, как только пошел слух о его провокаторской деятельности. Случилось это весной 1887 г., когда кто-то из студентов Петровской академии, к тому моменту заключенных под стражу, передал из тюрьмы письмо на волю с обвинением Зубатова в аресте кружка. Скорее всего, с этого момента и начала распространяться в московском подполье информация о связях Зубатова с охранным отделением. По версии Гольцева, именно к нему в редакцию «Русской Мысли» явилась неизвестная дама с разоблачительным письмом от студентов-заключенных. Через 2–3 недели на квартиру Гольцева пришел сам Зубатов⁸⁹. Он обвинил редактора в распространении слухов, которые наносят вред его, Зубатова, репутации. На тот момент он еще не знал о существовании письма, но, как только Гольцев его предъявил, «торопливо удалился, прибавляя, что это несправедливо»⁹⁰. В письме к Бурцеву от 27 ноября 1906 г. Зубатов с заметной злостью комментирует опубликованные воспоминания (на которые мы здесь и ссылаемся) покойного уже

---

⁸⁸ Памяти В. А. Гольцева. С. 47.

⁸⁹ Зубатов утверждает, что он пришел на квартиру присяжного поверенного В. К. Оленина, организатора рабочего кружка (см.: ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 14).

⁹⁰ Гольцев В. А. Первый арест. Знакомство с Зубатовым // Русская Мысль. 1906. № 11. С. 117.

к этому времени Гольцева: «Дело относится к концу моей контр-конспиративной деятельности. Я знал, что слухи (вернее шип) идут от него (Гольцева. — *О. К.*) и пошел в открытую, узнать точно от него: по своей хитрости, ловкости и трусости он отрекся. Теперь же он выставляет себя героем. Само собой понятно, что если бы он только посмел сознаться предо мною в своих конспиративных сношениях с тюрьмой, ему бы уже никогда потом не крестить своих незаконных детей в редакции “Русской Мысли”»⁹¹. Конечно, причин быть напуганным у Зубатова было гораздо больше, нежели у Гольцева. Полиция не гарантировала безопасность своим агентам. Более того, смотрела на них свысока и с некоторой долей презрения. Несмотря на то, что «...Зубатову обещано было, под честным словом, что он от службы в Охранном Отделении не пострадает», это были всего лишь слова⁹². Его судьба могла сложиться по-разному, ведь, кроме прямого начальника и покровителя Бердяева, она зависела от вышестоящих должностных лиц и инстанций. А история с провокатором Дегаевым была у всех на слуху, любая информация о сотрудничестве с полицией могла вызвать у подпольщиков только чувство ненависти, желание скорейшей расплаты за посаженных товарищей. Тем более, что прецедент уже был. Осенью 1887 г. лидеры одного из московских рабочих кружков (В. К. Оленин, И. А. Корольков и В. А. Колонистов) подыскали для Зубатова, известного им под псевдонимом «Лебедев», убийцу⁹³. Кружковцы заподозрили его после ареста товарищей (Л. Кузнецова и В. Денисова, того самого, который говорил Меньщикову: «Если меня заберут — это Зубатов»⁹⁴). Лишь благодаря секретному агенту «Ладыгину» (на данный момент его личность не установлена), удалось предотвратить покушение. Гольцев же рисковал, максимум, своим журналом.

В 1888 г. Зубатов проходил по «Делу Терешковича и сына сенатора Зарудного». Директор Департамента полиции П. Н. Дурново настоял на том, что «допрос Зубатова при московском губернском жандармском управлении в качестве лица, привлеченного к дознанию, представляется безусловно, необходимым с формальной стороны производства дела»⁹⁵, несмотря на то,

---

⁹¹ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 57–58.

⁹² ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 13.

⁹³ ГА РФ. Ф. 102. 3 ДП. 1887 г. Д. 664. Л. 15–15 об.

⁹⁴ Меньщиков Л. П. Охрана и революция. С. 23.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 2. Ч. 1. Т. 2. Л. 287.

что и Бердяев, и московский обер-полицмейстер Е. К. Юрковский поддержали просьбу Зубатова не привлекать его к дознанию. За «политическую неблагонадежность» начальник Управления московских городских телеграфов Б. К. фон Фик уже предложил Зубатову подать в отставку. Секретный сотрудник всерьез обеспокоился своим будущим. Благоволивший к нему Юрковский в письме к Дурново от 10 мая 1888 г., обращает внимание на то, что после признания, сделанного Гольцеву и Оленину, «деятельность Зубатова в качестве секретного сотрудника уже невозможна». Он просит ходатайства Дурново о зачислении Зубатова по телеграфному ведомству (так как ему оставалось всего три месяца до получения чина), а потом о причислении Зубатова к Министерству внутренних дел, считая, что он «может быть полезен в деле раскрытия революционных действий»⁹⁶.

Вероятно, возможность поступления Зубатова на службу в охранное отделение обсуждалась между ним и Бердяевым или Юрковским ранее. Авансом ему были даны какие-то обещания. Ведь, по словам Юрковского, при последней своей встрече с Олениным Зубатов объявил последнему, что ему «предложили поступить на службу, на что он ... с удовольствием принял предложение ротм<истра> Бердяева»⁹⁷. Хотя в апреле 1888 г. еще ничего не было известно о его дальнейшей участи. Похоже на то, что Зубатов пошел ва-банк не просто так, а надеясь на серьезную поддержку. Но это могла быть только надежда.

В мае 1888 Зубатов подготовил Объяснительную записку о своей агентурной деятельности, потребовавшуюся в свете указанных выше событий. Ее основная задача была убедить руководство Департамента полиции в абсолютной непричастности к каким бы то ни было противоправным действиям вне заданий, поступающих от Н. Ф. Русинова⁹⁸, Юрковского и Бердяева. Понимая, что арестованные с его помощью бывшие знакомые и приятели могут сообщить в полиции сведения, способные сильно навредить его репутации верноподданного, Зубатов предусмотрительно оговаривается: «...Я очень хорошо знаю, что на меня со стороны членов партии теперь будут

---

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

⁹⁷ Там же. Л. 14.

⁹⁸ Русинов Н. Ф. — действительный статский советник, управляющий 3-м делом производством Департамента полиции (1881–1891). Инструктировал Зубатова по агентурной работе.

сыпаться всевозможные обвинения...»⁹⁹. На момент написания данной записки подавляющее большинство подпольщиков, чью деятельность освещал Зубатов, было задержано. Он сам говорит об этом: «Все мои сношения и разговоры были исключительно с теми лицами, которых в настоящее время уже нет на свободе»¹⁰⁰. Но они все еще могли представлять опасность для своего бывшего «соратника» и именно в тот момент, когда в Департаменте полиции должна была решаться его участь. Еще раз хочется подчеркнуть, когда Зубатов говорит о том, что он «в душе никогда не сочувствовал террору», — нет причин не верить его словам, скорее всего именно так и было, о чем уже говорилось подробно. Но, когда он пытается представить себя стоящим в стороне библиотекарем-реформатором, как, например, он делает это в 1906 г. в письме Бурцеву, тут же встает закономерный вопрос — а разве распространение запрещенной литературы не свидетельствовало о причастности к подпольному движению? Разве не были ему знакомы все эти люди, сторонники и не сторонники террора, но одинаково жаждущие перемен, до прихода в охранное отделение? И разве можно было в такой ситуации «ничего не понимать»¹⁰¹? Добавим, что в более поздней «Справке о служебной деятельности отставного надворного советника С. В. Зубатова», датированной 6 мая 1913 г., все же говорится следующее: «В 80-х годах прошлого столетия Зубатов состоял членом Московского народовольческого кружка и квартира его служила явочным местом для революционеров; в публичной библиотеке же, которою заведовала его жена, хранилась нелегальная литература»¹⁰². Мы видим, что в данном случае официальная информация не совсем совпадает с версией самого Зубатова, на которой он настаивал всю свою жизнь.

27 ноября Зубатов подал прошение министру внутренних дел о принятии его на государственную службу с причислением к МВД и откомандированием в распоряжение московского обер-полицмейстера. 10 января 1889 г. начальник Московского охранного отделения ходатайствовал перед обер-полицмейстером о зачислении Зубатова с 1-го января 1889 г. в штат полиции, с откомандированием его в охранное отделение»¹⁰³. С этого момен-

---

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.

¹⁰⁰ Там же. Л. 19.

¹⁰¹ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 53.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 2 об.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 2. Ч. 2. Т. 2. Л. 287.

та он официально служит в отделении чиновником по особым поручениям.

Так завершился первый этап деятельности Зубатова на охранительном поприще, названный им самим «контр-конспиративным». В дальнейшем это станет его профессией.

В заключение хотелось бы отметить следующее. В последнее время исследователи¹⁰⁴ уделяют значительное внимание практической деятельности Зубатова в охранительных органах (создание новых охранных отделений, работа по организации рабочих союзов, внедрение новых принципов политического сыска, работа с агентурой и т. д.). Акцент смещается зачастую на техническую сторону вопроса (в отличие, например, от советской историографии, где заострялась тема идеологическая), оставляя незатронутой или, вернее сказать, неоцененной, морально-этическую сторону деятельности данного исторического лица. Но ведь, если речь идет об идеях человека, обладающего властными полномочиями, а следовательно, ресурсом для воплощения этих идей в жизнь (что неизбежно будет отражаться на судьбах людей), мы не можем не задаваться вопросом о системе ценностей, присущей данному лицу. Попытка разобраться не столько в психологических особенностях (что не является основной задачей историка), сколько в мировоззренческих установках, нравственных идеалах либо их отсутствии, жизненных ориентирах — вот что необходимо для полной оценки жизни и деятельности того или иного героя. Такая попытка и была нами предпринята.

---

¹⁰⁴ См. работы З. И. Перегудовой, Ю. Ф. Овченко, С. В. Медведева.

О. В. ЭДЕЛЬМАН

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. ДЖУГАШВИЛИ. ТИФЛИС, 1899–1901

Покинув семинарию, лето 1899 г. Иосиф Джугашвили провел вне Тифлиса, в родном Гори. Там же жил летом Михаил Давиташвили, приезжал Ладо Кецохели. Можно не сомневаться, что тема революции занимала значительное место в их разговорах. По утверждению А. В. Островского, тем летом Сосо впервые мог столкнуться с фактом полицейского обыска в своем ближайшем окружении — в доме отца своего друга, священника Давиташвили, что должно было стать «важным моментом в его биографии»¹. Впрочем, Островский признает, что не удалось обнаружить никаких документов, свидетельствующих об этом обыске. Архивы местных жандармских управлений неизвестны, а следов донесения в Петербург нет. Представляется весьма сомнительным, что обыск действительно имел место, ведь священник Давиташвили политикой не занимался. Более того, в те годы жандармы только-только начинали осознавать проблему и еще не развернули активного преследования революционеров. Обыск упомянут в мемуарах одного из членов семьи Давиташвили, а мы знаем, насколько ненадежным источником являются воспоминания очевидцев молодых лет Сталина. Ими двигало желание представить его борцом с самодержавием с самых ранних лет и приобщить себя самих и ближайших родственников

---

¹ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 153.

к летописям этой борьбы, оттенив ее изображением жандармов как носителей иррационального злого начала.

Этому вряд ли достоверному, да и маловажному, эпизоду я уделила внимание потому, что такого рода фантомные свидетельства, относящиеся уже к самому Сталину, встречаются на каждом шагу. Только собрав их воедино, понимаешь вполне, насколько они однотипны, незатейливы и зыбки.

К осени 1899 г. Джугашвили вернулся в Тифлис. К тому времени он уже год как состоял членом «Месаме-даси», а «Месаме-даси» вошла в состав новой партии — РСДРП. Однако это не означало, что круг тифлисских социал-демократов сделался однородным. Три года спустя товарищ прокурора местной судебной палаты Хлодовский, анализируя состояние дел в 1900–1901 годах, заметил, что имели место, по существу, «два совершенно отдельные, самостоятельные и независимые один от другого кружка»². Один — русский, другой — грузинский. Русский (где наиболее активными были поначалу Ипполит Яковлевич Франчески, Иван Иванович Лузин, Осип Аркадьевич Коган) состоял из ссыльных, знакомых между собой по ранним социалистическим кружкам. Правительство, движимое стремлением удалить неблагонадежные элементы из столиц, по давнему обыкновению неосмотрительно продолжало ссылать их на Кавказ, распространяя тем самым споры революционного движения на этот и без того беспокойный край. Грузинский — это группа «Месаме-даси» (Ной Жордания, Сильвестр Джибладзе, Севериан Джугели, Исидор Рамишвили, Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Александр Цулукидзе, Николай (Карло) Чхеидзе, Василий Цабадзе, Нестор и Рожден Каладзе, Владимир (Ладо) Кецохели и др.). К ней принадлежал и Иосиф Джугашвили. Среди основателей «Месаме-даси», многие из которых превосходили его по возрасту, социальному происхождению и образованию, авторитету, стажу пребывания в группе, Джугашвили тогда мог быть только на вторых ролях. Любые позднейшие заявления о его лидерстве совершенно несуразны.

Хотя они и вошли в одну партию, в идейном отношении тифлисские социал-демократы были не вполне едины. Русский кружок, по-видимому, как и РСДРП в целом придерживался убеждения в примате социально-классовых отношений, его участники были интернационалистами. Грузины же колебались между марксистским взглядом на борьбу классов и приверженностью националистической линии: должны ли пролетарии всех

---

² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 124. 1901 г. Л. 72, 124 об. — 125 об., 128–130.

национальностей объединиться ради борьбы с буржуазными классами, или же следует прежде всего добиваться независимости Грузии, тогда всех грузин, невзирая на классовую принадлежность, надо рассматривать как естественных союзников в этой борьбе³. Уже на ранних этапах среди месамедасистов имелись те, кто в большей мере склонялся к национализму, впоследствии, после раскола партии, они образовали ядро тифлисских меньшевиков, главным идеологом этого направления был Ной Жордания. Имелись и более радикальные марксисты, которые позднее стали большевиками, — Михаил (Миха) Цхакая, Филипп Махарадзе, Александр Цулукидзе и, конечно, Иосиф Джугашвили.

В многонациональном Тифлисе членами РСДРП становились, разумеется, не только русские и грузины. Но описанные группы, по-видимому, задавали тон. Третьим политически активным местным элементом были армяне, но здесь у РСДРП имелся сильный конкурент в лице оформившейся в начале 1890-х гг. энергичной, настроенной на боевые действия партии «Дашнакцутюн», также сочетавшей социалистические и националистические настроения.

Обе группы, русская и грузинская, стремились завязать отношения с передовыми рабочими. Причем русские, не владевшие грузинским языком, делали ставку на русских рабочих, концентрировавшихся в первую очередь на крупнейшем предприятии Тифлиса — в железнодорожных ремонтных мастерских. В роли связующего звена между кружковцами и рабочими мастерских выступали работавший там Владимир Джибладзе и месамедасист Сильвестр Джибладзе. Грузинские социалисты устанавливали связи с грузинскими рабочими, прежде всего табачных и обувных фабрик. Надо сказать, что Тифлис, административный и торговый центр, был не самым развитым промышленным городом; помимо железнодорожных мастерских, прочие предприятия были не крупные и мелкие, имелись машиностроительный и чугунолитейный завод, но преобладали табачные и обувные фабрики. Как и в других местах в Закавказье, местные жители становились в основном чернорабочими, квалифицированные рабочие кадры были преимущественно русскими. Поэтому неудивительно, что эпицен-

---

³ В отечественной историографии до сих пор нет серьезного и объективного анализа взглядов ни месамедасистов, ни наследовавших им грузинских меньшевиков. Как ни странно, более-менее внятно они были охарактеризованы в докладе Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (М., 1952. С. 10–17. Первое издание: 1935), за неимением лучшего к нему мы и отсылаем читателя.

тром начавшегося рабочего движения стали именно мастерские Закавказской железной дороги, в марте 1896 г. там была замечена первая (или одна из первых) в Тифлисе листовка⁴, а в декабре 1898 г. там произошла первая в городе по-настоящему крупная забастовка⁵. Несколько позднее, ближе к 1900 г., на работу в мастерские поступило несколько ссыльных рабочих, членов РСДРП. В их числе нужно отметить Сергея Яковлевича Аллилуева, Михаила Ивановича Калинина, Мирона Демьяновича Савченко.

Иосиф Джугашвили был среди тех социал-демократов, кто вел занятия в рабочих кружках. Сам он в одном из позднейших выступлений сказал, что «впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских» в 1898 г.⁶ Он нем как молодом пропагандисте, еще носившем семинарскую форму, вспоминали рабочие тифлисского депо, табачной фабрики⁷ (Сологашвили Ц. С., Литанишвили А. И.). В докладе Л. П. Берия перечислены 8 рабочих кружков, в которых в 1898–1900 гг. вел занятия Джугашвили, это количество за три года кажется правдоподобным, учитывая, что после выхода из семинарии у Сосо было достаточно свободного времени. Кружки эти существовали на табачных фабриках Базарджанца (Бозарджанца), Энфианджанца, на заводе стройматериалов Карапетянца, обувной фабрике Адельханова, ткацкой фабрике Мирзоева, масляном заводе Толле, среди рабочих типографских мастерских⁸.

Был у Сосо, по-видимому, кружок и в железнодорожных мастерских, но, конечно, он был знаком не со всеми тамошними

---

⁴ Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г.: Хроника. Вып. II: 1896 г. СПб., 1993. С. 150–151.

⁵ Бастовали в Тифлисе и раньше, но не столь масштабно. 24 июня — 9 июля 1897 г. прошла стачка работниц (около 70 человек) табачной фабрики Энфиоджанца (Рабочее движение в России. Вып. III: 1897 г. СПб., 1995. С. 87), в июле—августе 1898 г. бастовали рабочие табачной фабрики Базарджанца (Рабочее движение в России. Вып. IV: 1898 г. СПб., 1997. С. 134). Волнения двух с половиной сотен рабочих, занятых на строительстве железной дороги, имели место в апреле 1896 г. в Борчалинском уезде, в августе — в Горийском уезде, в октябре 1897 г. — в Карской обл. (Рабочее движение в России. Вып. II: 1896 г. С. 45, 88; Вып. III. С. 123).

⁶ Сталин И. В. Ответ на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. С. 174; Гаглоев Г. П. Любимый учитель // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937. С. 110.

⁷ РГАСПИ.Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 121–122, 76–78.

⁸ Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. С. 23–24.

рабочими партийцами. С Сергеем Аллилуевым он познакомился лично только после возвращения из первой ссылки в начале 1904 г., но Аллилуев еще прежде слышал об энергичном молодом пропагандисте Сосо⁹. Неизвестно, когда Джугашвили впервые встретился с будущим «всероссийским старостой» М. И. Калининым. Они вполне могли быть знакомы по Тифлису 1900–1901 гг., хотя тому нет прямых свидетельств; могли они тогда просто слышать друг о друге, а встретиться на десяток лет позже в Петербурге.

Позднее Сталин с показной скромностью заявлял, что считает себя «одним из учеников передовых рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса»¹⁰. За этим его специфическим кокетством на самом деле было немало истины. Он учился разговаривать с аудиторией и добиваться нужного отклика, дирижировать реакцией слушателей. В последующие годы мы встретимся с воспоминаниями уже других его рабочих слушателей, описывавших, как мастерски он умел на собраниях и публичных дискуссиях с меньшевиками выдержать паузу, переждать выступления оппонентов, взять слово в точно рассчитанный момент, и в результате рабочая аудитория голосовала за его предложения. Всему этому нужно было научиться, и школой были действительно тифлиские рабочие кружки. Тогдашние их слушатели доносят до нас содержание бесед. Можно поверить, что как агитатор Сосо и вправду имел успех, потому что сложно придумать иное объяснение его продвижению в партии, особенно на том раннем этапе. Уже тогда он сумел воспользоваться козырем, данным самой судьбой: мемуаристы признаются, что Сосо им нравился именно тем, что *не был похож на интеллигента*. Этот мотив повторяют затем рабочие, знавшие его по Баку. Он был просто и бедно одет, не проявлял никакого сословного высокомерия, был своим, говорил понятно и доходчиво, избегал заумных, непонятных слов, наконец, понимал, что выступление должно быть кратким. Когда позднее партийные краснобай, и прежде всего Л. Д. Троцкий,

---

⁹ Аллилуев С. Встречи с товарищем Сталиным // Пролетарская революция. М., 1937. № 8. С. 154. Существуют разные версии воспоминаний С. Я. Аллилуева, который сначала опубликовал рассказ, где прямо сообщил, что не был лично знаком с Джугашвили до 1904 г., затем в книге воспоминаний присочинил свое более раннее знакомство с ним.

¹⁰ Сталин И. В. Ответ на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г. // Сочинения. Т. 8. С. 173; Гаглоев Г. П. Любимый учитель // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 110.

объявляли Сталина плохим оратором, они были по-своему правы; но они не хотели принять во внимание, что именно эта ораторская стратегия обеспечила ему успех.

Роль агитатора в рабочих кружках принесла еще один результат, очень важный для понимания движущих мотивов участников революционного подполья и совершенно упущенный его исследователями. Руководя кружками, приобретя уважение и авторитет среди рабочих, Сосо Джугашвили упрочивал свое положение в партии, апеллировавшей к пролетариату. Он был выходцем из социальных низов, до самой революции по документам числился «из крестьян селения Диди-Лило». В явной, легальной жизни и сословной структуре Российской империи у него не было перспектив, потолком его возможностей могло стать место сельского священника или учителя, мелкого конторского служащего, то есть положение классического «маленького человека». Но революционная среда создавала параллельную, теневую реальность со своей собственной иерархией, в которой молодой человек типа Сосо Джугашвили мог добиться пусть не житейского процветания (к которому он никогда и не стремился), но уважения и значительного места в этой иерархии. В этой системе координат для него была открыта перспектива лидерства, своего рода карьера, чем он и не преминул воспользоваться. Причем настоящая карьера в партии начиналась с того момента, когда благодаря усилиям жандармов революционер переходил в нелегалы. Попутно это означало и решение материальной проблемы: нелегал не мог зарабатывать на жизнь и получал содержание от организации.

Парадоксальным образом успешное продвижение в революционной организации приводило даже к повышению статуса в глазах чинов полиции. Читая их справки о деятельности тифлиских социалистов в 1900–1901 гг., обнаруживаем, что там Иосиф Джугашвили именуется не «крестьянином», а «интеллигентом», по его месту и функциям в партии. Конечно, звание интеллигента он заслуживал также и по полученному образованию, но неизвестно, сколь долго ему бы пришлось доказывать свое право на этот статус, выбери он легальные пути в жизни.

Чем Иосиф Джугашвили занимался помимо революционной пропаганды и на что существовал в то время? Поначалу, как гласит его официальная биография, он «перебивался уроками»¹¹.

---

¹¹ Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография) // Большевик. М., 1939. № 23–24.

Видимо, так и было, поскольку один его тогдашний ученик нам известен. Уроженец Гори армянин Семен Аршакович Тер-Петросян в 1898 г. был исключен из горийского училища и приехал пытаться счастья в Тифлис. Он поселился у тетки и стал готовиться в юнкерское училище, репетиторов нашел по рекомендациям горийских родственников: Джугашвили и Вардаянца¹². В результате этих занятий вместо юнкерского училища Тер-Петросян оказался в РСДРП и прославился под кличкой Камо.

28 декабря 1899 г. Иосиф Джугашвили и Михаил Давиташвили поступили на работу лаборантами в Тифлисскую физическую обсерваторию¹³. Обсерватория занималась метеорологическими наблюдениями, лаборанты-наблюдатели дежурили поочередно и должны были регулярно снимать показания измерительных приборов. В архивном фонде Сталина ныне хранятся журналы и таблицы обсерватории с записями метеонаблюдений, температуры почв и показаний магнитометров, сделанными рукой И. Джугашвили¹⁴. Наблюдатели жили при обсерватории. Их заработная плата в 20–25 рублей (к тому же с казенной квартирой, отоплением и освещением), которую они называли мизерной, по тем временам соответствовала заработку квалифицированного рабочего (кормившего семью), а несколькими годами позднее примерно столько же содержания получали от партии революционеры-нелегалы. В обсерватории Джугашвили проработал до 28 марта 1901 г.

А. В. Островский, ссылаясь на воспоминания Г. Елисабедашвили, говорит о первом, непродолжительном аресте Джугашвили в начале 1900 г., предполагая, что арест мог быть связан с забастовкой тифлисской конки¹⁵. Воспоминания Елисабедашвили весьма фантазийны и заслуживали мало доверия даже по мнению самого И. В. Сталина¹⁶. Об упомянутом аресте нет упоминаний

---

¹² С. Ф. Медведева-Тер-Петросян. Герой революции («Товарищ Камо»). М.; Л., 1925. С. 15–16.

¹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 67.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5094, 4902, 5101, 4906, 5100, 5102–4905, 5103.

¹⁵ Островский. С. 158–160. Впрочем, из текста Островского вопреки авторскому суждению и используемой терминологии вытекает, что речь могла идти не об аресте, а о простом вызове в полицейский участок по далекому от политики поводу — из-за налоговых недоимок, числившихся за Виссарионом Джугашвили.

¹⁶ Сохранилась записка Сталина по поводу написанной Г. Елисабедашвили книги о его детстве: «Против опубликования. Кроме всего прочего, автор безбож-

в официальной биографии, что само по себе ничего не доказывает. Что важнее, нет никаких следов и в документах Департамента полиции, который получал донесения обо всех мало-мальски серьезных происшествиях. Нет указаний на этот арест в полицейских справках со сведениями о привлеченном в последующие годы к дознанию Джугашвили, т. е. в картотеках Департамента это событие отражено не было. Наконец, даже в докладе Л. П. Берии тифлисская конка не фигурирует среди предприятий, где И. Джугашвили имел кружки¹⁷. Конка была охвачена рабочим движением, там имелась довольно решительно настроенная группа передовых рабочих, но и впоследствии не прослеживается их непосредственной связи с Джугашвили. Это была не его сфера действий. Представляется, что арест Джугашвили в начале 1900 г. следует отнести к числу событий фантастических.

Первая громкая забастовка в Тифлисе произошла 14–20 декабря 1898 г. в железнодорожных мастерских. Участвовали все занятые в мастерских рабочие, порядка 2200 человек, из-за забастовки прекратилось движение поездов на станции Тифлис и было нарушено на некоторых участках Закавказской железной дороги¹⁸.

Забастовочное движение было новостью и для пролетариев, и для властей. Воспоминания рабочих доносят до нас фрагменты бесед с молодым пропагандистом Сосо, который призывал их бастовать, бороться за свои права, объяснял, как это сделать. Из этих, по-видимому реалистичных, зарисовок тут же прорастают и преувеличения. Рассказам о том, что уже в 1898 г. забастовками руководил Сосо или что накануне стачки в железнодорожных мастерских он приходил туда «ознакомиться с настроением рабочих», верить конечно же не следует. Равно как и навязываемому читателю впечатлению, что уже тогда он был местной потайной знаменитостью, как, например, в рассказе Н. Выгорбина: «— Коля, ты знаешь, кто со мной ходил по цехам? — Наверное, Сосо... — Правильно!»¹⁹

Кстати, из массы воспоминаний, относящихся к тому промежутку времени, получается, что тогда Иосиф Джугашвили был известен в революционных кругах как Сосо. Кличка «Коба»,

---

но наврал. И. Сталин» (Цит. по: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. С. 61).

¹⁷ Берия. С. 23–24.

¹⁸ Рабочее движение в России. Вып. IV: 1898 г. СПб., 1997. С. 161.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 24–28.

которую употребляют некоторые мемуаристы, говоря о Тифлисе первых лет XX века, является анахронизмом, ее Джугашвили изобрел позднее. Как литературный псевдоним подпись «Коба» впервые появилась 13 июля 1906 г.²⁰, но, вероятно, к тому моменту он уже некоторое время пользовался этой кличкой в подпольном быту и подписал статью так, чтобы посвященные узнали авторство. С. Я. Аллилуев утверждал, что «Кобой» Джугашвили назвал себя после побега из первой ссылки, в начале 1904 г., и это представляется правдоподобным²¹.

Сосо — это домашнее, уменьшительное от «Иосиф». Так его с детства называли близкие и друзья. Бытование этой клички служит лишним свидетельством относительно наивной фазы развития подполья. Равно как и замечание другого Сосо — Иосифа Иремашвили — о том, что в ту пору его тогда еще друг Джугашвили «носил характерный для социал-демократа красный галстук»²². Партийные активисты пока не столь глубоко конспирировали и даже могли себе позволить внешне обозначать свою идейную принадлежность.

Говоря о внешних, выраженных в одежде кодах, нужно обратить еще внимание на рассказ Э. Сартания о разительной перемене в стиле одежды и поведения грузинских передовых рабочих после 1896 г. Те же люди, кто только что щеголял в черкесках с кинжалами и пистолетами, отплясывал лезгинку и кутил в духанах, вдруг переоделись в синие рубахи и шляпы, то есть в европеизированную одежду, какую носили русские пролетарии в больших городах, остригли волосы бобриком и перестали появляться в духанах²³. Это означает появление группы грузинских пролетариев, манифестировавших ориентацию не на местное национальное, но на общероссийское социалистическое движение. Среди них Сартания назвал имена близких сотоварищей Джугашвили: Ваню Стуруа, И. Копалейшвили, В. Джигладзе, З. Чодришвили, М. Бочоридзе. Да и самого Иосифа Джугашвили редко видели в традиционной грузинской одежде, зачастую она ему служила средством маскировки, переодевания, чтошний раз свидетельствует о необычности для него этого образа.

Состав тифлиских социал-демократов не был стабилен: кто-то уезжал, кто-то возвращался, появлялись новые лица.

---

²⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 1. С. 246.

²¹ Аллилуев С. Я. Пройденный путь. М., 1956. С. 80.

²² Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. М., 2008. С. 26.

²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 112–113.

В начале 1900 г. после забастовки конки²⁴ уехал в Баку организовавший ее Ладо Кецховели. Как принято было писать в историко-партийной литературе, он отправился развивать бакинскую ячейку РСДРП. На деле, конечно, главным было желание уже к тому времени жившего на нелегальном положении Кецховели избежать ареста.

Одним из новшеств наряду с забастовками стало празднование 1 мая как дня пролетарской солидарности. Из-за разницы русского и европейского календарных стилей и необходимости назначать маевку на воскресенье, на нерабочий день, русский первомай отмечался в разные дни в конце апреля. В 1900 г. тифлисское собрание было устроено 22 апреля за городом, на Соленом озере. Было оно, конечно, нелегальным, собралось около 400–500 человек рабочих, что само по себе свидетельствует о солидном размахе движения. С. Я. Аллилуев утверждал, что главным организатором митинга был Сосо Джугашвили, он же был среди выступавших, назвал его среди ораторов К. Баджишвили²⁵, несложно отыскать и другие воспоминания в этом смысле. Однако в полицейском донесении, опиравшемся на показания арестованного Ивана Губина, Джугашвили не упомянут в числе выступавших. По жандармским сведениям, «главным агитатором на этой сходке был интеллигент Георгий Караджев; там же присутствовали и агитировали со своей стороны рабочие: Аракел Окуашвили, Георгий Чхеидзе, Захар Чодрашвили, Георгий Нинуашвили и Георгий Тхеладзе и интеллигент Севериан Джугели»²⁶. Вспомним также, что Сергей Аллилуев, как следует из ранней версии его воспоминаний, в ту пору лично знаком с Сосо не был, стало быть, и видеть его на маевке не мог. Этот эпизод позволяет догадаться, зачем Аллилуеву понадобилось в более поздней редакции мемуаров отодвинуть знакомство со Сталиным на несколько лет раньше: тем самым Аллилуев создал себе возможность якобы от лица очевидца подтверждать официальную версию сталинской биографии. На самом деле, очевидно, Сосо на маевке 22 апреля 1900 г. с речью не выступал, и не-

---

²⁴ Забастовка кондукторов и кучеров тифлисской конки состоялась 1 января (Рабочее движение в России: Хроника. Вып. VI: 1900 год. М., 1999. С. 48).

²⁵ С. Аллилуев. Пройденный путь. М., 1946. С. 46–49; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 10–11.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Д7. 1902 г. Д. 175. Л. 92 (донесение начальника Тифлиского ГЖУ генерал-майора Дебиля в Департамент полиции, 5 июля 1902 г.); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 91 об. (заключение товарища прокурора Тифлисской судебной палаты Е. Хлодовского по делу о Тифлисском кружке РСДРП, 12 октября 1902 г.).

известно, присутствовал ли. Мемуаристы или дисциплинированно называют его в числе ораторов, или обходят это событие молчанием; в самом деле, странно было бы ожидать, чтобы кто-то из них написал, что Сталин был, но не выступил.

В ту пору кружки революционной интеллигенции и рабочее движение развивались хотя и в контакте друг с другом, но все же обособленно, первые прилагали все усилия, чтобы влиять на второе. Говорить о полном партийном единстве между ними все же не следует.

В конце весны и летом 1900 г. стачечное движение в Тифлисе приняло невиданные прежде размеры. Для сравнения заметим, что в предыдущем 1899 году бастовали весьма умеренно. 18–25 февраля прошла стачка 28 рабочих табачной фабрики Энфиаджианца, в марте там же — стачка в защиту арестованных забастовщиков. В июне бастовали 150 рабочих кожевенной фабрики Адельханова²⁷. Этими тремя эпизодами события 1899 года исчерпываются. Поэтому стоит поверить тому, что последовавший в следующем году размах забастовок в Тифлисе действительно был подготовлен агитацией местных социал-демократов и рабочих организаций²⁸. По мнению местной полиции (вполне поддержанному мемуаристами), наиболее активны были два социал-демократических рабочих кружка: типографских рабочих и Тифлисских железнодорожных мастерских.

С весны 1900 г. началась серия забастовок рабочих типографий. 12 апреля бастовали в типографии Либермана, 10–12 мая прошла коллективная стачка типографских рабочих, в т. ч. в типографии Хеладзе, 4–6 июня — рабочих типографии Грузинского книгоиздательского товарищества, 12 июня — в словолитне Мадера²⁹. 24 июня местным жандармским управлением было возбуждено дознание об организации стачек, тянувшееся затем два года и наконец слитое с расследованием деятельности социал-демократического кружка. Было отмечено, что в каждом случае поводы для забастовки были разные, «у Либермана рабочие отказались выполнять сверхурочную работу за особую плату на 4 день праздника Св. Пасхи, в типографии Хеладзе прекратили работу в силу несвоевременной уплаты денег хозяином, у Мадера — в силу не-

---

²⁷ Рабочее движение в России. Вып. V: 1899 год. М., 1998. С. 56, 62, 131.

²⁸ О роли социал-демократического кружка в организации стачек 1900 г.: Рабочее движение в России: Хроника. Вып. VI: 1900 год. М., 1999. С. 237–239.

²⁹ Рабочее движение в России: Хроника. Вып. VI: 1900 год. М., 1999. С. 101, 112, 114.

основательно грубого обращения хозяина, в типографии Грузинского Товарищества — в силу неаккуратной уплаты заработанных денег», тем не менее, — сделали вывод дознаватели, — стачки были несомненно следствием предшествовавших сходов и пропаганды среди рабочих³⁰. Сходки начались еще в 1898 г., имена первоначальных агитаторов остались не установленными полицией. Здесь нелишним было бы вспомнить, что Владимир (Ладо) Кецховели в 1898 г. служил в типографии Хеладзе. Обычно это увязывают с его последующей деятельностью по организации подпольной типографии в Баку: Ладо изучал устройство типографии. Биографы Кецховели указывали также, что он тайно печатал в типографии Хеладзе брошюры и листовки³¹. Но, быть может, и к агитации среди рабочих он тоже имел отношение? «На сходах этих рабочих сообщалось о жизни рабочих за границей, выставляя очевидно преимущества таковой перед жизнью русских рабочих, указывалось на не существующие в России порядки, о необходимости 8-ми часового рабочего дня и проч., последствием этого возникли вопросы о необходимости образования тайной типографии, кассы взаимопомощи при забастовках и общей забастовки». Были попытки создания таких касс, но просуществовали они недолго и привели главным образом ко взаимным подозрениям и попрекам между рабочими. Интеллигентами, подстрекавшими к стачкам в мае—июне 1900 г., полиция считала дворянина Владимира Родзевича-Белевича, сына причетника Нестора Церцвадзе и типографского наборщика Власа Мгеладзе³². «Наборщики Влас Мгеладзе, Эраст Чантладзе, Валериан Биланов и Иван Сулханов проявили деятельное участие в собирании рабочих на сходки, причем Мгеладзе и Чантладзе во время забастовок силой уводили оставшихся работать; Сулханов угрожал желавшим возобновить работы»³³. В августе состоялось еще несколько сходов типографских рабочих «с целью обсуждения вопросов о предъявлении хозяевам различных требований, об учреждении кассы взаимопомощи при забастовках, с целью возбуждения вообще рабочих против хозяев и для чтения преступных изданий». На одной из сходок создали кассу взаимопомощи,

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. 1902 г. Д. 175. Л. 55–57 об. (Дело Департамента полиции о тифлисском кружке РСДРП и образованном им тайном Центральном Комитете, 1902).

³¹ См., например: Ладо Кецховели. 1876–1903: Сборник материалов. М., 1941. С. 8 (вводная статья Л. П. Берни); Гегешидзе З. Ладо Кецховели. М., 1959. С. 17.

³² ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. 1902 г. Д. 175. Л. 55–57 об.

³³ Там же. Л. 56.

кассиром выбрали наборщика типографии Хеладзе Ивана Сулханова, у него же в квартире проходили тайные собрания. В ноябре 1900 г. Чантладзе привел к Сулханову интеллигента Ипполита Франчески. Начались собрания, Франчески выступал в роли пропагандиста, читал вслух и давал рабочим книжки. Сулханов понял, что книги нелегальные, и в конце декабря попросил больше у него не собираться. После этого у него забрали кассу, «причем Чантладзе пригрозил Сулханову быть убитым, если он кому-либо будет говорить о существовании кассы»³⁴. Собрания переместились на квартиры других рабочих, а помимо Франчески, на них стал появляться еще один интеллигент, Виктор Курнатовский.

Но летом 1900 г. в Тифлисе бастовали не только типографские рабочие. В середине июня прошла стачка рабочих оловянной мастерской, в конце месяца рабочие железнодорожных мастерских потребовали прибавки заработной платы, в начале июля имела место стачка на табачной фабрике Сафарова, в первой половине августа — в паровозном депо. Почти месяц (20 июля — 19 августа) шла забастовка на табачной фабрике Энфианджянца, 25–31 июля — на табачной фабрике Базарджянца. В августе заволновались на обувной фабрике Адельханова, а 30 сентября там началась стачка, длившаяся до 16 ноября³⁵. Это тот самый завод Адельханова, где трудился Виссарион Джугашвили, куда он определил было маленького Сосо вместо духовного училища и где позднее Сосо вел кружок. И нет решительно никаких сведений о том, что делал и где был во время стачки Джугашвили-старший, знал ли он о занятиях кружка.

Самой масштабной тем летом оказалась забастовка в железнодорожных мастерских, длившаяся с 26 июля по 18 августа и окончившаяся поражением бастовавших. Стачка была всеобщей, охватила Закавказские железные дороги в Тифлисе и губернии, в Кутаисской и Елизаветпольской губерниях³⁶. В поддержку в Тифлисе бастовали на чугунолитейном заводе Яралова (2–16 августа), в сапожной мастерской Сафарова (8–25 августа), прошли волнения (без остановки работ) на обувной фабрике Адельханова³⁷.

---

³⁴ Там же. Л. 56 об. — 57.

³⁵ Рабочее движение в России: Хроника. Вып. VI: 1900 год. М., 1999. С. 114, 121, 124–125, 127, 130–131, 136, 146.

³⁶ Там же. С. 121–122, 237–238.

³⁷ Там же. С. 133–136.

Ситуация в железнодорожных мастерских развивалась сходно с тем, как обстояло у типографских рабочих³⁸. Такие же сходки на квартирах рабочих или в укромных местах за городом, те же речи пропагандистов из интеллигентов. За организацию августовской стачки местным жандармским управлением были привлечены Сергей Аллилуев, Арутюн Арутюнов, Николай Выгорбин, Калистрат Гогуа, Иван Губин, Михаил Гурешидзе, Прокофий Джапаридзе, Николай Ериков, Соломон Есакия, Николай Зеленцов, Константин Калантаров, Ефим Копалейшвили, Михаил Калинин, Батном Копалейшвили, Иосиф Калантузашвили, Александр Копалейшвили, Владимир Лежава, Спиридон Надирадзе, Иван Назаров, Александр Окроберидзе, Аракек Окуашвили, Георгий Рамишвили, Мирон Савченко, Рожден Стуруа, Иван Стуруа, Артем Тер-Арутюнов, Александр Шенгелия³⁹. Позднее трое из них — Аллилуев, Калинин и Савченко — были присоединены также к делу о тифлисском социал-демократическом кружке, завершившемуся в конце 1902 г. приговорами к ссылкам на разные сроки. Савченко и Калинин, ссыльные, знакомые друг с другом еще по петербургским социал-демократическим кружкам, были отмечены как особенно активные вожаки рабочих железнодорожных мастерских. Савченко и организовал первый кружок, где агитатором сначала выступал Калинин, вел пропаганду и читал нелегальные издания, к этому же кружку принадлежали В. Джибладзе и С. Аллилуев. Некоторое время спустя Калинин уступил место бывшему ученику Александровского учительского института Николаю Домостроеву. Затем и в железнодорожном кружке появился Виктор Курнатовский. Это был ссыльный со стажем, приехавший в Тифлис к концу 1900 г. «Курнатовский бывал на многих сходках и, когда он появлялся, занимал первенствующее место, — все умолкали и он произносил речи, длившиеся иногда более часа, на тему о средствах к улучшению положения рабочего класса и необходимости полного единения всех рабочих. Такое главенство Курнатовского становится понятным, если обратить внимание на то, что он всю свою жизнь

---

³⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901 г. Д. 124. Л. 125 (Дело Временной канцелярии Министерства юстиции о деятельности в г. Тифлисе с.-д. кружка и привлечении к дознанию В. К. Курнатовского, И. Я. Франчески и др. Из заключения товарища прокурора Тифлисской судебной палаты Хлодовского, 30 ноября 1902 г.).

³⁹ ГА РФ. 102. Д. 7. 1900. Д. 487. Т. 1. Л. 360–363 (Дело о забастовке в Тифлиских железнодорожных мастерских).

с самых молодых лет провел в постоянной и непрерывной борьбе с правительством, отстаивая интересы рабочего движения»⁴⁰.

Виктор Константинович Курнатовский (1868–1912), потомственный дворянин и сын статского советника (отец его был врачом), имел к тому времени уже довольно длинную революционную биографию. Участник народнических, затем марксистских кружков, группы «Освобождение труда», побывал в эмиграции, при возвращении в Россию в 1897 г. был арестован и выслан в Восточную Сибирь, в 1898 г. в минусинской ссылке познакомился с В. И. Лениным. Отбыв ссылку, Курнатовский съездил за границу, а затем отправился на жительство в Тифлис. Из комплиментарных строк его биографий, писанных однопартийцами, можно догадаться, что Курнатовский был человеком беспокойным, очень активным, к тому времени уже больным, он страдал головными болями, развивалась глухота, что, «помимо всего прочего, затрудняло возможность ведения конспиративной работы»⁴¹ (впоследствии Курнатовский умер от воспаления мозговых оболочек). Давний знакомый И. И. Лузина, И. Я. Франчески, О. А. Когана, Курнатовский естественным образом сразу же по приезде вошел в руководящее ядро русского кружка РСДРП в Тифлисе.

Курнатовский был тем, от кого Иосиф Джугашвили услышал о Владимире Ульянове, его взглядах и позиции.

Однако бурная деятельность Курнатовского в Тифлисе была недолгой. Зная, что революционеры готовятся снова отметить первомайские дни массовыми демонстрациями, Тифлисское ГЖУ в марте провело ликвидацию местной РСДРП. Первым в ночь с 10 на 11 марта 1901 г. был арестован И. Я. Франчески, через десять дней, в ночь с 21 на 22 марта, прошла волна арестов и обысков. Взяли среди прочих В. К. Курнатовского, Владимира и Сильвестра Джигладзе, Ф. Махарадзе, Полиевкта и Павла Каландадзе. В результате образовалось дело о тифлисском социал-демократическом кружке, производство которого неспешно тянулось до конца 1902 г. К этому делу были присоединены упомянутые выше расследования по кружкам рабочих типографий и железнодорожных мастерских. В итоге в качестве подсудимых по этому первому делу тифлисских социал-демократов проходили И. Я. Франчески (33 лет), В. К. Курнатовский (34 лет), Николай

---

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901 г. Д. 124. Л. 125 об. (Из заключения товарища прокурора Тифлисской судебной палаты Хлодовского, 30 ноября 1902 г.).

⁴¹ См. заметку о нем за подписью «Гил.»: Каторга и ссылка. М., 1929. № 3 (52). С. 109–114.

Гаврилович Домостроев (23 лет, грозненский мещанин), Мирон Демьянович Савченко (32 лет, крестьянин Смоленской губ.), Михаил Иванович Калинин (25 лет, крестьянин Тверской губ.), Владимир Николаевич Мещерин (27 лет, из Рязани), Федор Кирсанович Шмыков (37 лет, крестьянин Орловской губ.), Алексей Иванович Никаноров (46 лет, мещанин Саратовской губ.), Кузьма Иванович Крылов (43 лет, белгородский мещанин), Александр Романович Березняк (26 лет, тифлисский гражданин), Сильвестр Виссарионович Джигладзе (42 лет, сын дьякона), Филип Иессеевич Махарадзе (34 лет, сын священника), Полиевкт Антонович Каландадзе (28 лет, сын священника), Павел Алексеевич Каландадзе (28 лет, крестьянин Кутаисской губ.), Нестор и Рожден Варфоломеевичи Каладзе (27 и 31 года, внуки священника), Владимир Георгиевич Джигладзе (24 лет, крестьянин Кутаисского уезда), Михаил Георгиевич Гоглидзе (30 лет, крестьянин Тифлисской губ.), Ной Николаевич Жордания (32 лет, дворянин), Григорий Михайлович Цулукидзе (29 лет, князь), Варфоломей Ефимович Бибиниашвили (22 лет, сын священника), Филипп Гаврилович Гогичайшвили (сын священника), Иосиф Павлович Какабадзе (36 лет, кутаисский гражданин), Константин Иванович Хомерики (20 лет, крестьянин Кутаисской губ.), Сергей Яковлевич Алилуев (37 лет, крестьянин Воронежской губ.)⁴².

Роль Иосифа Джугашвили в организации стачек летом 1900 г. жандармам тогда осталась неизвестной, он еще не попал в поле их зрения. Трудно судить о ней и нам, поскольку мемуаристы были склонны преувеличивать его значение, но и пренебрегать вовсе их свидетельствами нет основания. Бастовали ведь и на тех предприятиях, где он руководил кружками. Очевидно, Сосо был одним из молодых пропагандистов, внесшим свой вклад в общее дело.

Одновременно с мартовскими арестами была обыскана и комната Иосифа Джугашвили в помещении обсерватории⁴³. Его самого дома не оказалось, и неизвестно, что было бы, если бы жандармы его застали — арестовали бы или нет. А. В. Островский приводит выдержку из рапорта ротмистра Тифлисского ГЖУ Д. А. Цысса, из которого следует, что жандармы в тот день все же задержали Джугашвили на улице и подвергли личному обыску прямо на дороге⁴⁴. Вполне возможно. С другой стороны,

⁴² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 124.

⁴³ Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. М., 1939. № 12. С. 95 (Воспоминания В. Бердзенишвили).

⁴⁴ Островский. С. 166.

из рассказа сотрудника обсерватории, такого же лаборанта-наблюдателя В. Бердзенишвили, видно, насколько несложно было обмануть жандармов. Их действия не назовешь скрытными, хорошо подготовленными и виртуозными. Джугашвили увидел окруживших здание филеров, не сходя с конки. Быть может, ротмистр Цысе, желая загладить собственный промах, ложно от- рапортовал начальству о личном обыске Джугашвили, которого жандармы в тот день так и не дождались?

А. В. Островский указывает также на постановление ротми- стра того же жандармского управления В. А. Рунича от 23 марта 1901 г. о привлечении Джугашвили к делу о социал-демократи- ческом кружке и допросе его в качестве обвиняемого⁴⁵. Никаких дальнейших действий в этом направлении предпринято не было, и у исследователя это вызывает недоумение. Как мне кажется, ничего странного здесь нет. Очевидно, жандармы располагали сведениями об участии Джугашвили в деятельности социал-де- мократов, но не добыли никаких улик. Формальных оснований для привлечения его к ответственности покамест не было. И это касалось не одного только Джугашвили, достаточно сравнить список фигурантов первого дела о социал-демократическом кружке и список его участников, содержащийся в жандарм- ском обзоре деятельности Тифлисской организации РСДРП, составленном незадолго до мартовских арестов⁴⁶: отнюдь не все упомянутые в обзоре лица оказались привлечены по делу Курна- товского, Франчески и др.

О немедленном аресте Джугашвили речи не шло. Он переждал обыск, спокойно вернулся в обсерваторию и еще несколько дней продолжал работать. Затем 28 марта уволился⁴⁷ и счел нужным перейти на нелегальное положение.

Оставшиеся на свободе члены РСДРП сделали как раз то, чего надеялись избежать чины жандармского управления: орга- низовали беспорядки по случаю дня пролетарской солидарности. 22 апреля 1901 г. на Солдатском базаре в Тифлисе произошла короткая, но весьма многочисленная демонстрация, окончив- шаяся столкновением с полицией и войсками. Как телеграфиро- вал в тот же день в Петербург прокурор Тифлисской судебной палаты, «сегодня, в 11 часов утра, в центре Тифлиса у базара собралась толпа человек 400, большею частью рабочих туземцев;

---

⁴⁵ Там же. С. 167–168.

⁴⁶ См.: Островский. С. 165.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 71. Л. 1.

произошли беспорядки. Предупрежденная заранее полиция и казаки разогнали быстро толпу; причинены телесные повреждения приставу, двум городовым и нескольким лицам из толпы; в полицию произведено около 6 выстрелов. Задержано сорок человек, в числе их один с красным флагом и три слушательницы курсов, высланные из Петербурга»⁴⁸.

К выступлению тщательно готовились, причем демонстранты запасались не только листовками и красными платками, но и готовились к серьезной драке. Позднее мемуаристы из большевиков и рабочих пытались представить дело так, будто мирная, безоружная рабочая демонстрация была жестоко разогнана властями силой оружия. Это сопровождалось риторикой о том, что рабочие «всего лишь хотели попросить лучшей жизни». Собственно, это стало повсеместной тактикой, не только задним числом и не только в Тифлисе — в выходявших непосредственно после столкновений листовках и прокламациях социал-демократы заявляли, что выступление носило сугубо мирный характер, рабочие были безоружны, их безжалостно покарали, таким образом власти и капитал в очередной раз обнаружили свою кровожадную сущность. Однако тифлисская первомайская демонстрация 1901 г. показывает, что уже в этом, достаточно раннем, выступлении был велик элемент провокативного поведения демонстрантов, по всей видимости подсказанного им организаторами, профессиональными революционерами.

Сергей Аллилуев (который, как мы помним, в то время на самом деле еще не был знаком с Иосифом Джугашвили) в мемуарной книге повествовал о том, как поутру увидел наиболее решительно настроенных рабочих одетыми не по весенней погоде в тулупы и меховые кавказские шапки: будто бы это им присоветовал Сосо для защиты от ударов казацких нагаек⁴⁹. В воспоминаниях рабочего Николая Выгорбина содержится красочный рассказ о том, как перед выступлением демонстранты вооружались палками: «Молодежь заготовляла красные платки и привязывала к ним гайки для того, чтобы легче было их перекинуть через телеграфные провода. Кроме того, на этот раз мы готовили также тяжелые кизилевые палки, зная, что дело дойдет до столкновения с полицией. В день демонстрации мы завезли на Солдатский базар две арбы кизилевых палок, разложили их грудами будто бы для продажи»⁵⁰.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 401. 1901 г. Л. 1.

⁴⁹ С. Аллилуев. Пройденный путь. М., 1946. С. 80–82.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 24–28.

Спустя три дня прокурор Тифлисской палаты доложил министру юстиции подробности столкновения: «Полицмейстер Ковалев ушибся при падении с лошади, ранены четыре городских, из них двое выстрелами; из числа задержанных оказались 11 получивших неопасные повреждения. Участники беспорядков, начавшихся по свистку, обнажили шашки и кинжалы, на флаге были приклеены изображения Маркса, Лассаля и Энгельса с следующими печатными надписями на русском, грузинском и армянском языках: “Пролетарии всех стран, объединяйтесь! Восьмичасовой рабочий день!”⁵¹. О том, что у демонстрантов были не одни только кизилевые палки, но также шашки, кинжалы и огнестрельное оружие, мы узнаем только из полицейских донесений — сами революционеры предпочитали это обстоятельство не акцентировать. Равно как и тот факт, что один из городских был ранен выстрелом в спину.

Подробное описание событий находим в донесении исполнявшего должность тифлисского губернатора полковника Свечина главноначальствующему гражданской частью на Кавказе от 26 апреля:

«Нарушители порядка с 8 часов утра 22 апреля, по одиночке в разное время и по разным улицам, частью под видом продавцов, с корзинками на спинах, часть как обычные на этом базаре покупатели из простолюдинов, собрались в районе Солдатского базара.

Так как они держались невдалеке друг от друга, но еще не сплочивались и не выдавали ясно своих намерений, то усиленный наряд полиции и имевшиеся на базаре агенты, не имея законных оснований к арестам или рассеянию толпы, тем не менее зорко следили за манифестантами.

Района базара и прилегающих к нему улиц, ведущих на Головинский проспект, с 8 часов утра не покидал и полицмейстер.

В одиннадцатом часу утра несколько человек из среды нарушителей порядка, для сгруппирования единомышленников и увеличения толпы любопытными, начали шуметь в углу базарной площади, около «великокняжеских номеров».

Быстро сплотившись в одну компактную массу и сопровождаемые любопытными, манифестанты с криками «ура» и «8-ми часовой рабочий день» прицепили к древку красное шелковое знамя и тронулись по направлению к Головинскому проспекту.

---

⁵¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 401. 1901 г. Л. 2–2 об.

Бывший около помощник пристава Гедеванов с 16 городскими обратился к манифестантам с предложением разойтись.

В ответ на увещания полиции со стороны манифестантов посыпались удары короткими палками и дубинками, которые были скрытно принесены некоторыми из рабочих под платьем, а также кольями от торговых навесов, скамейками и т. д.; некоторые из манифестантов обнажили кинжалы. Полиция, отражая наседавшую на нее толпу, принуждена была в свою очередь обнажить шашки. Гедеванов схватился за древко знамени и успел с помощью своих подчиненных сорвать самый значок, который теперь находится у жандармского начальства.

На помощь городским и потерявшему сознание Гедеванову, которого толпа волочила за собой, бросились остальные чины полиции и по собственному почину сплотившиеся на помощь полиции несколько десятков солдат разных частей войск и даже обывателей, которые всегда бывают на базаре для покупок и продажи своих изделий.

Таким образом полиции и солдат собралось вместе всего около 60 человек.

Свалка была короткая, но очень энергичная: к самому разгару ее прискакал верхом полицмейстер с 20 человеками всадников полицейской стражи и конной полиции [...].

В это время рабочий Мамаладзе, бывший в центре свалки, дал последовательно шесть выстрелов из револьвера, причем подскокив сзади к городскому Китанцеву, помогавшему своим товарищам отделять от остальной толпы главных зачинщиков беспорядка, ранил его двумя выстрелами в лопатку, а затем в бедро.

Отделив большую часть манифестантов от группы ее главнейшей, дравшихся наиболее ожесточенно, полицмейстер с помощью бывших в его распоряжении всадников начал рассеивать толпу по окружающим базарным улицам. [...] Войскам, к счастью, не смотря на быстроту их появления, действовать не пришлось»⁵².

Даже если донесения местных властей были преувеличены в оценке агрессии зачинщиков беспорядков, важно отметить, что первомайская демонстрация тифлисского пролетариата в 1901 г. вполне мирной акцией не была и, кажется, таковой и не предполагалась. Революционеры ожидали столкновения с полицией и настраивали на него рабочих. Рабочие же были вполне готовы затеять драку. Упомянутый Мамаладзе на допросе

---

⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп 4. Д. 616. Л. 9–11 об.

утверждал, что был сильно избит при задержании (наличие на его теле следов побоев засвидетельствовал прокурор тифлисской палаты), «упал и потерял сознание, а потому и не помнит, выхватил ли он револьвер, который всегда носит при себе, и не знает, стрелял ли из него»⁵³. Мамаладзе, конечно, лгал насчет своей забывчивости, но ведь не отрицал, что пистолет у него был, причем всегда. И вряд ли в этом отношении Мамаладзе чем-то отличался от своих сотоварищей.

В докладных записках и донесениях жандармских офицеров, служивших в Закавказье, то и дело встречаются сделанные для Петербурга пояснения о высоком уровне насилия в регионе. Так, в ноябре 1902 г. жандармский ротмистр Лавров объяснял петербургскому начальству положение дел:

«Характерными особенностями Закавказья являются: с одной стороны — неустройство местной жизни, а с другой — туземное население, по характеру своему беспокойное, легко воспаляющееся, хищное, считающее ни во что чужую жизнь и в большинстве — совершенно неразвитое. На этих-то двух обстоятельствах и играют революционеры, то подстрекая отдельные лица и группы к проявлению злой воли, то приписывая себе уже совершившееся насилие или беспорядок, вследствие чего и движение в Закавказье получает значительно более кровавую окраску, чем во внутренних губерниях. Особенность положения, усиливающая серьезность местного движения, заключается в том, что здесь идеи национализма, социал-демократии, социального революционизма, анархии, все это совершенно смешано, и население, ввиду приведенных выше своих качеств, легко увлекается этим движением и увлекается в большинстве случаев поверхностно, не желая вдумываться, причем наиболее приятными для него являются средства крайние, к которым оно и прежде и теперь всегда прибегает и по своим личным делам»⁵⁴.

Можно ли считать действия тифлиских социал-демократов, практически запланировавших столкновение рабочих с полицией, в чистом виде преднамеренной провокацией? В определенном смысле, несомненно, да. С той поправкой, что и для них самих местный уровень насилия, наличие оружия у большинства на-

⁵³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 401. 1901 г. Л. 9–11 об. (Из донесения прокурора Тифлисской судебной палаты Клугена министру юстиции, 30 апреля 1901 г.).

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1902. Д. 825. Ч. 16. Л. 34–36 об.

селения были обыденной нормой, тем общим житейским фоном, на котором они действовали.

Здесь нелишним, наверное, будет заметить, что мартовские аресты 1901 г. хотя затронули и ведущих месамедасистов, но изъяли в первую очередь верхушку русского социал-демократического кружка и мигрировавшую в Тифлис разномастную революционную публику. Аресты лидеров, первого ряда социал-демократической организации очистили место и позволили продвинуться к лидерству тем, кто поначалу был на вторых ролях, а среди них преобладали местные уроженцы. В том числе Иосиф Джугашвили, роль которого с весны 1901 г. очевидно возросла, теперь он вошел в группу руководителей тифлисской РСДРП. Нам остается только гадать, что было бы, если бы организацией демонстрации занимались «старшие» члены Тифлисского комитета, те, кто за месяц до того был арестован. Имели ли аресты побочным следствием рост готовности к насилию из-за выдвижения новой группы революционных лидеров?

Воспоминания Авеля Енукидзе содержат любопытный эпизод конфликта на почве соперничества между новой верхушкой тифлиссских социал-демократов и работавшим в Баку Ладо Кецховели. При том что их связывали давние дружеские отношения, оказалось все же, что им есть что делить. Кецховели стремился устроить в Баку подпольную типографию и искал для этого деньги. Найдя часть суммы, за остальным обратились к тифлиским товарищам. Для переговоров был командирован АVELЬ Енукидзе. Он встретился с двумя жожаками — Сильвестром Джибладзе и Сосо Джугашвили. И те в деньгах отказали. Проблема была в том, что тифлиссцы были готовы поддержать создание типографии в Баку только при условии, что смогут ее контролировать. Кецховели же, по-видимому, ровно наоборот, хотел получить деньги и распорядиться типографией по своему усмотрению. Позднее, когда типография заработала, тифлисские социал-демократы признали ее пользу и обещали помощь, но, как только зашла речь об издании партийного органа (очевидно, речь шла о газете «Брдзола»), ситуация повторилась: тифлиссцы желали держать в своих руках редакцию, а бакинцам соглашались предоставить лишь техническую сторону дела⁵⁵. В то же время Енукидзе пояснял, что бакинцы хотели издавать нелегальную газету («Брдзола»), а тифлиссцы были нацелены на легальное издание («Квали») — не совсем ясно, насколько это замечание правдиво,

---

⁵⁵ Енукидзе А. С. Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1925. С. 6–25.

возможно, оно относится к С. Джибладзе и согласной с ним части тифлисских партийцев⁵⁶. Записки Енукидзе весьма ненадежны по части датировок. Эти события, вероятно, следует отнести к лету 1901 г., когда Джибладзе и Джугашвили уже выдвинулись в руководство тифлисской РСДРП, но до начала издания газеты «Брдзола», начавшегося в сентябре 1901 г. в той самой бакинской подпольной типографии. Впрочем, автор книги о Ладо Кецохвели, изданной уже в послесталинское время, представил эту историю иным образом: сначала «оппортунистическое крыло» Тифлисского комитета отказало в деньгах, «вторично переговоры велись с Джугашвили (Сталиным), с помощью которого и были получены от революционного крыла тифлисской социал-демократической организации деньги и шрифт»⁵⁷. Эта версия как раз согласуется с приведенным замечанием А. Енукидзе о желании тифлисцев сосредоточить ресурсы на издании легальной газеты.

История в изложении Енукидзе, с одной стороны, свидетельствует об амбициях и несговорчивости Джугашвили и Джибладзе. С другой стороны, далее Енукидзе сообщает, что из Тифлиса присылали к Кецохвели своего эмиссара — его личного друга Севериана Джугели (Дждугели) — договариваться об издании газеты, переговоры кончились ссорой, Кецохвели предложил Джугели немедленно уехать и отказался от всякого сотрудничества с Тифлисом⁵⁸. Ладо Кецохвели, которому два года спустя предстояло довольно нелепо погибнуть в тифлисской тюрьме, был вскоре окружен ореолом романтической революционной легенды. Однако при жизни он не был ни образцом покладистости, ни средоточием других добродетелей. В изложенном эпизоде он тоже со своей стороны проявил и гонор, и неспособность договориться. Стороны друг друга стоили. Рассказывая о том же замысле типографии, Енукидзе поведал, что ради получения средств на нее Ладо обманул собственного брата (как дипломатично выразился Енукидзе, не видевший в поступке Ладо особого греха, «прибегнул к некоторой хитрости») и выпросил денег якобы для продолжения образования и ухода от революционной работы⁵⁹. Да и история гибели Ладо Кецохвели рисует его характер не с лучшей стороны: погубило его буйное, заносчивое, провокативное поведение. Он, стоя в оконном проеме своей камеры, так настойчиво дразнил и издевался над часовым, желая показать

---

⁵⁶ Там же. С. 21–25.

⁵⁷ Гегешидзе З. Ладо Кецохвели. М., 1959. С. 22.

⁵⁸ Енукидзе А. С. Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1925. С. 6–25.

⁵⁹ Там же.

прочим узникам, как тот ничего не сможет поделывать с нарушителем тюремного порядка, что часовой выстрелил в него и убил наповал⁶⁰. Как всякий рано погибший бунтарь, Кецховели стал удобным объектом для сотворения красивой революционной легенды.

Как бы то ни было, бакинская типография, носившая конспиративное имя «Нина», оказалась чрезвычайно успешным подпольным предприятием, работала потом много и долго, снабжала нелегальщиной не только все Закавказье, но и южные губернии России и считалась относящейся не к Бакинскому комитету, но к ЦК РСДРП. В ней печаталась с матриц и львиная доля предназначенного для России тиража «Искры».

Что касается Тифлиса, то там, несомненно, тоже понимали, насколько нужна подпольная типография и регулярно выходящая партийная пресса. Именно поэтому, видимо, и возник конфликт за контроль над этим делом. Мемуаристы настойчиво утверждают, что Иосиф Джугашвили не только говорил о необходимости иметь типографию, но и предпринимал практические шаги в этом направлении. Похоже, что им стоит верить. Георгий Лелашвили утверждал, что услышал от Михо Бочоридзе о полученном от Со-со задании найти помещение для типографии еще в начале 1900 г. Столь ранняя дата вызывает сомнения, более-менее активное появление листовок в Тифлисе было зафиксировано только летом того года, во время череды забастовок⁶¹ (впрочем, разговоры о типографии вполне могли вестись и раньше). Возможно, изготовление листовок, о котором вспоминал Лелашвили, относилось именно к этому периоду⁶². Но к концу 1901 — началу 1902 г. именно Бочоридзе и его родственники действительно были хозяевами неплохо законспирированной подпольной типографии⁶³. Представляется, что печатание было налажено к лету 1901 г., уже после арестов первой верхушки тифлисских эс-деков. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев в начале октября 1901 г. отметил в докладе о положении в Тифлисе, что Тифлисский комитет РСДРП «выпускает гектогра-

⁶⁰ Новые данные об убийстве Ладо Кецховели. Вводная статья Н. Бельчикова // Красный Архив. М., 1938. № 6 (91). С. 272–273.

⁶¹ Листовки стали регулярно появляться в Тифлисе с первых дней августа (Рабочее движение в России: Хроника. Вып. VI: 1900 год. М., 1999. С. 293–296, 299, 301).

⁶² Лелашвили Г. У станка в большевистском подполье // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 92–94.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 116–117 (воспоминания Э. Сартания); Л. 121–122 (Ц. Сологашвили); Д. 658. Л. 214–215 (Баба Лашадзе-Бочоридзе).

фированные и печатные прокламации и несомненно располагает для воспроизведения таковых печатней, которой для полного расцвета, по-видимому, еще недостает только достаточного количества шрифта»⁶⁴. Но по добытым несколько позднее жандармами сведениям, на собрании членов ТК РСДРП 18 ноября 1901 г. «было решено завести свою тайную типографию, причем оказалось, что часть шрифта есть»⁶⁵. Согласовать между собой эти противоречивые данные позволяют воспоминания С. Я. Аллилуева, свидетельство которого, таким образом, надо считать справедливым: сначала Тифлисский комитет «располагал небольшой типографией, созданной Сосо Джугашвили еще до его отъезда в Батум», затем «было решено организовать в Тифлисе большую подпольную типографию». Этой большой типографией Аллилуев называет ту самую, которая стала известна как «Авлабарская», и относит ее создание к лету 1903 г.⁶⁶ По другим сведениям, Авлабарская типография заработала несколько позже, на рубеже 1903 и 1904 годов. Но до этого момента типография Тифлисского комитета функционировала, перемещаясь с места на место и постепенно наращивая технические возможности.

До постановки своей «техники» (так на революционном жаргоне именовалось типографское оборудование) листовки печатали или на импровизированных примитивных приспособлениях и гектографах, или нелегально в обычных типографиях города. Этим занимались тайком революционно настроенные наборщики⁶⁷. Известно, работала ли уже тогда в Тифлисе применявшаяся позднее в Баку, да и в Центральной России, включая столицы, комбинация, когда заказ на нелегальную печать просто размещали в одной из типографий с ведома хозяина, который не прочь был подзаработать таким образом, ибо нелегальный заказ стоил значительно дороже легального. О том, что к такому приему прибегали в Тифлисе в 1900–1901 гг., нет никаких упоминаний (что, впрочем, может объясняться неосведомленностью полиции), и, пожалуй, против этой версии говорит тогдашняя бедность партийной организации.

Здесь кстати будет сказать несколько слов об источниках партийного бюджета. Организация имела некие средства, которые

---

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. 00. 1898 г. Д. 5 ч. 52. Л. Б. Л. 1–2 об.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. 1902 г. Д. 175. Л. 92 об. — 93а об.

⁶⁶ Аллилуев С. Я. Пройденный путь. М., 1956. С. 72–73.

⁶⁷ Как упомянуто выше, Ладо Кецховели тайком печатал листовки и брошюры, будучи служащим типографии Хеладзе (Гегшидзе Г. Ладо Кецховели. М., 1959. С. 17).

могла обратить на создание подпольной типографии; она оплачивала пропитание нелегалов. Откуда у партии были деньги? Что касается раннего этапа, о котором мы сейчас говорим, то нет внятных сведений о том, чтобы у тифлиских социал-демократов были спонсоры из кругов «сочувствующих» обеспеченных слоев, буржуазии. Хотя, конечно, вовсе исключать такую возможность не следует. Но важнее обратить внимание на мелькающие в документах упоминания о том, что распропагандированным рабочим предлагали вступить в организацию и платить членские взносы в размере 2 % от заработной платы⁶⁸. Среди рабочих участников кружков выбирали сборщиков взносов и хранителей кассы. Эти кассы и являлись в ту пору основой партийной экономики. Мемуаристы упоминают также созданные по настоянию партийцев кассы взаимопомощи, в том числе на случай забастовок, и не совсем понятно, как они соотносились между собой: была ли это одна и та же касса или же взносы на партийные нужды и в кассу взаимопомощи собирались отдельно.

Организация стала тем временем называть себя Тифлиским комитетом РСДРП, подписывала так прокламации и пользовалась печатью, на которой была оттиснута аббревиатура названия. По оценке Л. А. Ратаева, это была «вполне правильная и хорошо законспирированная организация, не поддающаяся обнаружению местных розыскных сил. Почти случайные и большей частью безрезультатные обыски и аресты не достигают цели и движение быстро продолжает расти»⁶⁹. Так казалось из Петербурга, и Ратаев, вероятно, не только ловкость революционеров имел в виду, но также намекал на бездеятельность и беспомощность Тифлиского ГЖУ. В мае следующего 1902 г. командированный в Тифлис чиновник Московского охранного отделения ротмистр Спиридович адресовал Ратаеву обстоятельное донесение с анализом промахов и слабых сторон в работе местных жандармов⁷⁰. Нельзя сказать, чтобы Тифлисское ГЖУ совсем не контролировало ситуацию. Своих революционеров жандармы так или иначе знали, но покамест не научились пресекать их деятельность и не обзавелись надежной секретной агентурой.

Складывается впечатление, что с новым составом лидеров с весны — лета 1901 г. дела в Тифлисском комитете пошли гораздо

---

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 1, 4–8; Енукидзе А. С. Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1925. С. 6–25.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 5 ч. 52. Л. Б. Л. 1–2 об.

⁷⁰ Там же. Л. 32–37.

энергичнее. Работала типография, в городе довольно регулярно появлялись листовки, с сентября 1901 г. стала распространяться печатавшаяся в Баку газета «Брдзола». В конце октября — ноябре прошло несколько сходок, 27 октября и 4 ноября ими руководил Джугашвили, призывал усилить агитацию, отметил, что «русские совсем пали духом» (что подтверждает наблюдение о преобладании теперь среди тифлисских эс-деков местных уроженцев), настаивал на необходимости сбора денег для партийной кассы. Вокруг кассы уже тогда происходили конфликты: часть денег пропала, интеллигенты скрывали это от рабочих, русские и грузины выказывали взаимное недоверие⁷¹.

Впрочем, недоразумения вокруг кассы были не единственной подспудной проблемой. Интеллигенты социал-демократы сталкивались с нежеланием рабочих участвовать в их затеях, «рабочие, добиваясь 8-часовой работы и увеличения заработной платы, не хотят примкнуть к революционному движению, почему признано необходимым внушать им, что только путем революции можно добиться желаемого»⁷². Радикальным интеллигентам казалось, что рабочие недопонимают задачи борьбы, не видят, что, как утверждали революционеры, только путем свержения самодержавия можно добиться прекращения эксплуатации труда. Но как раз рабочие вполне понимали свои реальные нужды и были готовы бороться за конкретные улучшения своей жизни. Проблема была в том, что революционеры навязывали им собственные абстрактные представления о перспективах развития общества и не хотели замечать, насколько мало они соотносятся с актуальными проблемами трудящихся людей. Свержение самодержавия было навязчивой идеей радикальной интеллигенции, бесконечная борьба за него отвечала интересам той специфической маргинальной среды, которую образовывало революционное подполье, — ведь ничего другого эти люди не умели, и лишь вера в революцию оправдывала их образ жизни. Революционная пропаганда имела больший или меньший успех среди рабочих, но глубинное несходство реальных интересов так или иначе ощущалось.

---

⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Д7. 1902 г. Д. 175. Л. 92 об. — 93а об.; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. 1902 г. Д. 127. Л. 11–12.

⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 5–6 (Из записки товарища прокурора Судебной Палаты Е. Хлодовского о Тифлисском кружке РСДРП, 24 июня 1902 г.).

ШАХИНИ ИГБАЛ АБИЛОВ

Б. В. МИЛЛЕР В ТАЛЫШЕ

Российское востоковедение, впрочем, как и европейское, стало формироваться в XVIII веке и стимулировалось, в первую очередь, внешней (а впоследствии и внутренней) политикой государства. Ко второй половине XIX века в России полноценно сформировалось целостное направление востоковедения, занимавшееся сбором и обработкой военной (и не только) информации — так называемое военное востоковедение. Иван Павлович Минаев, основатель русской индологии, писал по этому поводу: «У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а поэтому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения»¹. Востоковедение имело прямую связь с военным и дипломатическим ведомствами. После революции 1917 г. в России отмечалась определенная дезорганизованность востоковедческой науки. Однако вскоре она вновь была возрождена, и плоды деятельности российских востоковедов активно использовались как во внешней, так и во внутренней политике. После распада Советского Союза роль востоковедения во внешнеполитическом ведомстве значительно снизилась (фактически достигла

---

¹ Минаев И. П. Об изучении Индии в русских университетах // Годичный акт Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1894. СПб., 1894. С. 89.

упадка), однако и сегодня — скорее, по инерции, нежели в силу системного подхода, — и в самом МИДе иногда можно встретить профессиональных востоковедов. Надо, конечно же, сразу заметить, что подобная взаимосвязь не должна восприниматься читателем как однозначная ангажированность представителей востоковедческой науки (хотя, естественно, порой случалось и такое). Грань между «политическим заказом» (какой, очевидно, имел место, например, при «тюркизации» талышского национально-героя Бабека, великого иранского поэта Низами Гянджеви или происхождения Сефевидской династии в советский период) и «внешне- / внутреннеполитическим стимулированием академического исследования» очень тонкая, и каждый случай в данном вопросе должен быть рассмотрен отдельно.

В первые годы строительства Советского Союза востоковедам, наравне с некоторыми другими представителями гуманитарной науки, была отведена особая роль. Известный российский этнолог Виктор Александрович Шнирельман справедливо отмечает: «По меткому выражению американского историка Ричарда Суни, СССР стал «инкубатором новых наций», нуждавшихся в пригодном для себя прошлом. В 1920-е годы эта своеобразная ситуация достаточно адекватно понималась партийными и культурными работниками. Тогда бесписьменные народы, в том числе северокавказские, виделись не нациями, а племенами (народностями), которым еще только предстояло при помощи советской власти превратиться в нации. (...) Примечательно, что в связи с неудачами, постигшими проекты Татарско-Башкирской республики, Туркестанской автономии и Горской республики, строительство советских наций было решено вести на этнической основе. Поэтому советский проект нациестроительства с самого начала сопровождался насыщенным этнонационалистическим дискурсом. Это был модернизационный проект, требовавший для своей реализации активного участия институтов, свойственных эпохе модерна. Речь шла о науке, школе, музеях, литературе и искусстве. (...) В 1920-е годы советские чиновники с энтузиазмом занимались решением национального вопроса (...) Первым делом следовало создать достаточно многочисленную армию этнографов, и уже в самые тяжелые годы гражданской войны в стране начали возникать учебные подразделения, способные выполнить эту задачу»². Стоит

---

² Шнирельман В. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас, 2011. № 4 (78): <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/sh18.html>.

лишь добавить, что, кроме «армии этнографов», в этой работе был задействован и «корпус лингвистов», который принимал активное участие в так называемом «языковом строительстве» — создании алфавитов и литературных языков для «новых наций».

Среди этносов, которые планировалось включить в список «новых наций», были, судя по всему, и талыши — автохтонный народ, проживающий на юго-западе Прикаспия и являющийся сегодня фактически четвертым по численности кавказским этносом (по разным оценкам, свыше 2–3 млн чел.) и самым крупным из не имеющих своей государственности.

Как известно, в 1828 году в результате Туркманчайского мирного договора большая часть территории Талышского (в русских документах — Талышинское) ханства вошла в состав Российской империи (территория между реками Осторо (офиц. Астара) на нынешней ирано-азербайджанской границе и Диначал в современном иранском бахше Паре Сар шахрестана Резваншахр в провинции Гилян отошла Ирану). Однако малоизвестно, что вплоть до 1840-х годов Талышское ханство сохраняло особое положение среди новых русских территорий в Закавказье, что наглядно видно, например, по названию ново-созданной администрации — Управление мусульманскими провинциями и Талышинским ханством. Т.е., судя по всему, в этот период у царской администрации существовал некий особый план относительно Талышского ханства, отличный от будущего прочих закавказских мусульманских провинций. В чем он заключался, увы, для нас пока остается неясным. Однако известно, что после окончательного вхождения Северного Талышистана в состав России началось исследование региона российскими учеными и дипломатами, среди которых самыми известными можно назвать И. Березина, П. Ф. Рисса, Г. Радде, Б. Дорна, Г. Мельгунова, А. Ходзько, К. Сатунина и др. При этом отметим еще один факт: сбор и обработка информации проводились по обе стороны границы (кроме некоторых упомянутых авторов также см.: Сборник консульских донесений, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии и др.). И еще один неизвестный факт: русская дипломатия сохраняла связи и вела переписку и с правителями Южного Талышистана — например, с Бала ханом Каргаруди.

Как бы то ни было, вскоре царская администрация, приняв решение на основании собственных аргументов, превратила Талышинское ханство в Талышинский уезд, а потом — и вовсе в Ленкоранский уезд, подчинив последний Шемахе, а после зем-

летрясения 1859 года — Баку. Кроме того, в 1868 из Ленкоранского уезда был выделен отдельный Джебатский уезд, т. е. Талышстан был фактически еще раз разделен надвое (для сравнения см. карту Ленкоранского уезда в работе П. Ф. Рисса³). Несмотря на редкие отдельные публикации, к началу XX века талышская тема стала постепенно «пропадать» из научного оборота.

«Талышский вопрос» стали реанимировать в период советского строительства «новых наций». Первым и в некотором роде программным текстом, давшим импульс возрождению этого вопроса в целом и развитию талышеведения в частности, стала работа известного лингвиста, историка, археолога и этнографа Николая Яковлевича Марра (1864 (1865) — 1934) «Талыши (к вопросу об их национальном самоопределении)» (небольшая книга объемом в 24 страницы, опубликованная в 1922 в Петрограде). Как сегодня можно с уверенностью предполагать, Н. Я. Марр был одной из ключевых академических фигур, оказывавших огромное влияние на национальную политику в регионе, — одним из тех, кто определял то, какие «племена должны стать нациями». Как он пишет в начале своей работы, данный «набросок» был составлен на основе записки «Талыш. Краткий очерк страны⁴», составленной **по его поручению** Борисом Всеволодовичем Миллером⁵ — впоследствии известным советским иранистом, которму, собственно, и посвящена данная статья.

Б. В. Миллер, сын известного русского филолога, фольклориста, литературоведа и этнографа Всеволода Федоровича Миллера и Евгении Викторовны Миллер (Насоновой), родился 12 ноября 1877 года в Москве. Его отец происходил из дворянской семьи, был сыном известного в то время русского поэта и переводчиком немецкого происхождения, преподавателя русского языка и словесности Федора Богдановича Миллера (1818–1881), в течение 22 лет издававшего популярный сатирико-юмористический журнал «Развлечение». Всеволод Федорович, окончив в 1870 году историко-филологический факультет Московского университета, в 1874 году отправился в Германию,

---

³ Рисс П. Ф. О талышцах, их образе жизни и языке // Записки Кавказского отдела Русского Географического Общества. Тифлис, 1855. Вып. III. С. 1–72.

⁴ Необходимо сделать отдельный акцент на слове «страна»: в этот период Талыш еще продолжал рассматриваться в качестве отдельной территории. «Страной» он именуется и в главной талышеязычной газете того периода «Сыа Тольш» (см.: Агаев Э. Работы по литературе / фольклору в газете «**Sya Tols**» // Вестник ТНА. № 1. 2011. С. 130).

⁵ Марр Н. Я. Талыши. Пг., 1922. С. 1.

а через год — в Прагу для углубления своих знаний, после чего вернулся в Москву в 1876 году. С 1877 года был профессором кафедры сравнительного языкознания Московского университета, с 1892 года — профессором кафедры русского языка и словесности, с 1903 — заслуженным профессором. С 1872 года являлся членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. С 1881 года он стал председателем Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и редактором издаваемого отделом журнала «Этнографическое обозрение». В 1889 году был избран президентом всего Общества, но в 1891 году отказался от этой должности. В 1884–1897 годах являлся хранителем Дашковского этнографического музея Этнографического отделения Румянцевского музея. В 1897–1911 годах он был директором и профессором Лазаревского института восточных языков. С 1897 года являлся председателем Восточной комиссии Московского археологического общества. В 1898 году он стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, а в 1911 году — ординарным академиком. Вместе с тем, что Всеволод Федорович Миллер оказал огромное влияние на развитие этнографической науки, а также лингвистики, литературоведения и др. научных направлений в России, он в результате своей преподавательской деятельности сформировал огромную плеяду исследователей — фольклористов, этнографов, востоковедов и др. Одним из ярких последователей В. Ф. Миллера был его сын Борис Всеволодович Миллер.

По различным автобиографиям Б. В. Миллера известно, что он в 1895 году окончил с золотой медалью 6-ю классическую мужскую гимназию⁶. Однако в семье его внучки Натальи Михайловны Сомик хранятся два школьных дневника Б. В. Миллера (3 и 4 классы) из 4 классической мужской гимназии. Известно, что Всеволод Федорович Миллер окончил 4 гимназию и позже преподавал в ней некоторое время. Судя по всему, его старший сын начал обучение именно в 4 гимназии, но позже перешел в 6 московскую гимназию, которую успешно и окончил.

В 1895 году он поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил с дипломом первой степени

---

⁶ Архив Московского государственного университета (Архив МГУ). Ф. 1. Оп. 34л. Ед. хр. 5864. Л. 15; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2870. Л. 3.

в 1899 году⁷. Во время обучения особо интересовался изучением гражданского и обычного права⁸. Летом 1898 года ездил на верховья реки Кубань, где занимался изучением обычного права карачаевцев. Его исследование послужило ему зачетным сочинением в университете и через несколько лет было напечатано в «Этнографическом Обозрении»⁹. После окончания университета он непродолжительное время с 15 сентября (3 сентября) 1899 года по 8 сентября (26 августа) 1900 года служил в Московской Судебной Палате, с 26 мая (13 мая) 1900 года — в чине коллежского секретаря¹⁰. Увлеченный Кавказом и Ближним Востоком, Б. В. Миллер вскоре возобновил свое обучение, поступив в сентябре 1900 года на Специальные классы Лазаревского института восточных языков¹¹, директором которого к тому времени был уже его отец Всеволод Федорович. Этот институт ведет свою историю от Армянского Лазаревского училища, основанного в 1815 году в Москве для получения начального образования армянскими детьми. Впоследствии в учебном заведении были образованы Специальные классы Лазаревского института с преподаванием основных восточных языков и смежных дисциплин¹². Специальные классы представляли собой особый трехлетний курс востоковедческих дисциплин, который по своей программе, организации учебного процесса и правам, предоставляемым по окончании их выпускникам, соответствовал высшему учебному заведению. Среди преподаваемых

---

⁷ ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Ед. хр. 237. Л. 44.

⁸ См.: Миллер Б. В. Императорское Московское Археологическое общество в первое 50-летие его существования. Т. 2. М., 1915. С. 228.

⁹ См.: Миллер Б. В. Из обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. 1902. Кн. LI. № 1. С. 1–40; Кн. LIV. № 3. С. 67–87.

¹⁰ Аттестат о службе Б. В. Миллера в Московской Судебной палате. 26 августа 1900 // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749 / 2, 1903 г. Д. 26. Л. 5–6.

¹¹ Аттестат об окончании курса Специальных классов Лазаревского института восточных языков. 28 мая 1903 // АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749 / 2, 1903 г. Д. 26. Л. 4–4 об.

¹² Подробнее об истории Лазаревского института см.: Ананян Ж. А. Лазаревский Институт Восточных Языков в первой половине XIX века // Историко-филологический журнал, Ереван, 1998. № 1–2; Базилянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; Базилянц А. П. Лазаревский институт восточных языков (исторический очерк). М., 1959; Базилянц А. П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. Автореферат докт. дисс. М., 1974; А. Крымский. Лазаревский институт восточных языков в Москве // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефронь. СПб., 1896. Т. 17 (33).

здесь предметов были персидская, арабская, армянская словесности, турецко-татарский язык, история Востока и др.¹³ Более того, выпускники Специальных классов часто становились кадрами дипломатического ведомства, что ярко демонстрирует связь политики России на Востоке и востоковедческой науки в стране. Б. В. Миллер учился здесь у таких выдающихся востоковедов, как Вс. Ф. Миллер, В. Ф. Корш, М. О. Аттая и др.¹⁴ Уже во время учебы в Лазаревском институте Борис Всеволодович опубликовал несколько своих научных работ.

Первой из них стала небольшая статья о казаках-некрасовцах в Чаршамба (в турецком Самсуне), изданная в «Этнографическом обозрении»¹⁵ за 1902 год. Б. В. Миллер пытался найти на российском Черноморском побережье (в частности, в селении Высокое Сочинского округа) потомков казаков-чаршамбинцев. Но его поиски оказались безуспешными, и ему не удалось познакомиться с единственным чаршамбинцем, о котором упоминали местные жители.

Вообще, следует отметить, что семья Миллеров нередко проводила лето в Сочи. В 1901 году, отдыхая здесь и «изучая турецкий язык практически»¹⁶, он познакомился со «странствующим музыкантом из Константинополя» по фамилии Петросянц. В результате этой встречи в «Этнографическом обозрении» впоследствии появилась публикация Б. В. Миллера «Турецкие народные песни» с текстом, нотами и переводом на русский язык 20 турецких песен, полученных от Петросянца¹⁷. Позже эта работа была опубликована отдельным оттиском с добавлением вводной статьи одного из преподавателей Миллера по Лазаревскому институту Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942)¹⁸.

В этот период состоялась и первая поездка Б. В. Миллера в Талыш. В 1902 году он был направлен в Ленкоранский уезд

---

¹³ См.: Анания Ж. А. Лазаревский Институт Восточных Языков. С. 66; Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. С. 92.

¹⁴ Б. В. Миллер (1877–1956): (Некролог) // Советское востоковедение. 1956. № 5. С. 158.

¹⁵ Миллер Б. В. К вопросу о некрасовцах-чаршамбинцах // Этнографическое Обозрение. 1902. Книга LV. № 4. С. 112–114.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 237. Л. 5.

¹⁷ Миллер Б. В. Турецкие народные песни // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. LVIII. 1903. № 3. С. 113–155.

¹⁸ Турецкие народные песни. Музыкальные тексты, съ переводом и объяснениями Бориса Миллера / Оттиск из «Этнографического обозрения», дополненный введением А. Е. Крымского. М., 1903.

Советом Специальных классов¹⁹. Поездка была предпринята из Сочи совместно с А. М. Завадским, опубликовавшим впоследствии статью об этой поездке²⁰. Экспедиция охватывала, главным образом, Северный Талышстан, но, как отмечает Б. Миллер в письме родителям от 9 июля 1902 из Ланкона (Ленкорани), он сумел три раза заехать в южную часть Талыша²¹.

В книге «Талышские тексты» Б. В. Миллер вспоминал (грамматика сохранена):

«Я записал тогда значительный материал как по фольклору (сказки, песни), так и грамматический, который, по возвращении из поездки по Талышу, начал обрабатывать в Москве и который даже предполагено было издать в трудах бывшего Лазарев. Института восточн. языков. Но это намерение не осуществилось. Я успел только привести в порядок и, пользуясь указаниями моего покойного отца, акад. В. Ф. Миллера, переписать на белом менее половины своих записей и сделать доклад о талышском языке в Восточн. Комиссии бывш. Москов. Археологич. Общества.²² С 1903 по 1917 г. я проживал вне России в условиях, не всегда благоприятствовавших сколько нибудь систематической научной работе, и, не имея надежды обработать все свои материалы для печати, я передал подготовленную часть их покойному отцу, который намеревался сам заняться талышским языком. Но и его намерение не осуществилось за множеством его других научных работ, а после его смерти, в 1913 г., все его рукописи, касающиеся иранских языков Кавказа, были переданы акад. К. Г. Залеману; после смерти же последнего, в 1916 г., они перешли в Азиатский Музей при Академии Наук, в том числе и моя рукопись с талышскими текстами»²³.

Действительно в 1903 году, так и не обработав свои талышские материалы для публикации, Борис Всеволодович поступил на службу в Министерство иностранных дел с целью, как он

---

¹⁹ ЦГА Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. Ф. 213. Оп. 2. Д. 994. Л. 25.

²⁰ Завадский А. М. Поездка в Талыш летом 1902 // Известия Кавказского отдела Русского Географического Общества. Тифлис, 1909. Вып. I–IV.

²¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 451. Ед. хр. 1. Л. 2.

²² Резюме доклада напечатано в протоколе № 81 от 25 ноября 1902: Труды Вост. Ком. Т. II. Вып. 3. М., 1903. С. 224–226.

²³ Миллер Б. В. Талышский язык. М., 1953. С. III.

потом писал, получить «возможность прожить ряд лет в странах мусульманского Востока», так его интересовавших, «и основательно ознакомиться с их языками и народами»²⁴, и был направлен в Иран, где проработал в течение 6 лет в различных городах, занимая должности в дипломатических представительствах Российской империи за границей, — Тегеране, Бушире, Ширазе, Урмии. После Ирана несколько лет служил в Стамбуле, Скутари и Танжере²⁵. Находясь на дипломатической службе, он по мере возможностей продолжал свои востоковедческие изыскания и сумел опубликовать несколько работ по результатам своих поездок по малоисследованным областям Ирана — в частности по Арабистану и Фаристану. В мае 1904 года был избран членом-корреспондентом Императорского Московского Археологического Общества²⁶.

После Октябрьской революции он оставил дипломатическую службу и полностью переключился на востоковедческую, а вскоре и на преподавательскую деятельность.

Как раз в этот период — в 1918–1919 годах — он сблизился с одним из «младших товарищей к тому времени уже покойного отца» Николаем Яковлевичем Марром, прослушал его курсы древнегрузинского и древнеармянского языков. Как упоминает Б. В. Миллер в своей книге «Тальшские тексты», тогда он и «подбирал материалы и литературу по тальшам и составил, по поручению Н. Я. Марра, записку под заглавием “Тальши. Краткий очерк страны”»²⁷. В 1919 году Б. В. Миллер переехал из Москвы в Петроград, где работал в Кавказской секции Комиссии по изучению племенного состава России, также руководимой Марром, в качестве управляющего делами помогал последнему организовывать Академию истории материальной культуры, заведовал отделом Кавказа в Этнографическом отделе Русского Музея, сотрудничал с издательством известного русского писателя Максима Горького «Всемирная литература», выполняя для нее переводы с турецкого языка²⁸. Однако в условиях Гражданской

---

²⁴ ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Ед. хр. 237. Л. 5.

²⁵ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 5864. Л. 15; ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Ед. хр. 237. Л. 5.

²⁶ Миллер Б. В. Императорское Московское Археологическое общество в первое 50-летие его существования. Т. 2. М., 1915. С. 229; ЦГА Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. Ф. 454. Оп. 2. Д. 316. Л. 22.

²⁷ Миллер Б. В. Тальшские тексты. М., 1930. С. II.

²⁸ ГА РФ. Ф. 7668. Оп.1. Д. 2870. Л. 3; ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Ед. хр. 237. Л. 5.

войны многочисленные работы Б. В. Миллера не обеспечивали его достаточным доходом. Его здоровье сильно пошатнулось. Годы спустя он вспоминал:

«Продовольственное положение в Петрограде было ужасное. Я работал в Русском музее, у покойного С. Ф. Ольденбурга, который там директорствовал, работал еще в организуемой тогда же Н. Я. Марром Академии истории материальной культуры, участвовал во “Всемирной литературе” Горького и в других местах, но, увы, все мои многочисленные занятия не обеспечивали мне и жене куска хлеба в буквальном смысле этого слова. Мне грозило серьезное сердечное заболевание, а доктора предписали мне... “усиленное питание”. Тогда приняли во мне участие Марр и Ольденбург, младшие товарищи моего покойного отца по Академии наук и устроили мне командировку в более “сытую” Казань. Целью командировки было “изучение армянских надписей в Болгарах и в Казани”»²⁹.

Б. В. Миллер с женой уехали в Казань в октябре 1919 г. Борис Всеволодович был командирован на 6 недель³⁰, но пребывание в Татарстане затянулось на три года. В Казани заведовал этнографическим отделением в Казанском музее³¹, работал в Восточной библиотеке и в Библиотеке им. Ленина³². С октября 1920 года он начал свою педагогическую работу преподаванием персидского языка сперва в Северо-восточном Археологическом и Этнографическом Институте³³, а затем в организованной на его основе Восточной Академии³⁴. Здесь же стал членом Общества

---

²⁹ Валеев Р. «Он нужен для Казани» (О научном наследии Н. Ф. Катанова) // Гасырлар авазы — эхо веков. № 3 / 4. 2011. С. 147.

³⁰ Архив Русского Музея. Оп. 10. Ед. хр. 299. Л. 13.

³¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-2021. Оп. 2 л. Д. 15. Л. 36 об.

³² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 5864. Л. 15–15 об.

³³ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1339. Оп. 2 л. Д. 9. Л. 61.

³⁴ Северо-Восточный археологический и этнографический институт открыт в октябре 1917 в г. Казани и включал археологическое, этнографическое и восточное отделения. В 1921 он был реорганизован в Восточную академию, в 1922 — в восточное отделение Восточного педагогического института (вместе с Казанским учительским институтом и факультетом общественных наук Казанского государственного университета). В 1934 году Институт переименован в Казанский государственный педагогический институт, а в 1994 — в Казанский государственный педагогический университет. В 2005 году на базе КГПУ, Татарско-американского регионального института и Татарского государственного гуманитарного института был создан Татарский госу-

археологии, истории и этнографии при Казанском университете³⁵, членом которого продолжал оставаться и после отъезда из Казани³⁶. В 1920 году участвовал в организации Выставки культуры народов Востока в Казанском музее. Для брошюры, изданной в преддверии выставки, написал статью о башкирах³⁷. Кроме того, в это время он написал небольшую статью о рукописи, содержащей три поэмы из «Хамсе» персидско-индийского поэта Эмира Хосрова Дехлеви³⁸. Отчет об армянских надписях в Болгарах и Казани был представлен еще в 1919 году, но издан лишь в 1925 году³⁹.

Но условия в Казани оказались не менее сложными, чем в Петербурге. В письме Ольденбургу от 11 марта 1922 года он писал:

«Условия жизни в Казани стали такими тяжелыми, что я все больше укрепляюсь в своем желании выбраться отсюда и перебраться или в Москву, или назад в Петербург. (...) Голод в Поволжье сильно подорвал всякую культурную жизнь. Даже в таких сравнительно крупных умственных центрах, как Казань. Кто только может, отсюда бежит (все больше в Москву, или на юг), ряды интеллигенции все редеют, жизнь на почве голода становится кошмарной; только и приходится слышать,

---

дарственный гуманитарно-педагогический университет, который в 2009 году был включен в состав Казанского (Приволжского) федерального университета. Подробнее см.: Зайцев А. В. Исторические учреждения Республики Татарстан в 20–30-е годы XX века. Казань, 1998; История Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004.

³⁵ Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете было создано в Казани в 1878 году и действовало вплоть до начала 1931 года, являлось одним из ведущих научных сообществ России. Подробнее см.: Казанское общество археологии, истории и этнографии, Путеводитель по научным обществам России / Сост. Комарова И. И. Нью-Йорк, 2000. С. 121–136; Астафьев В. В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. Вып. 1. 2011. С. 81–85.

³⁶ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им В. М. Ульянова-Ленина. Т. XXXIII. Вып. 4. Казань, 1927. С. 110–112.

³⁷ Миллер Б. В. Башкиры // Выставка культуры народов Востока (Путеводитель по выставке). Казань, 1920. С. 44–47.

³⁸ Миллер Б. По поводу одной персидской рукописи // Казанский Музейный Вестник. 1921. № 1–2. С. 103–107.

³⁹ Миллер Б. В. Об армянских надписях в Болгарах и Казани // Известия Российской академии истории материальной культуры. Л., 1925. Т. 4. С. 65.

что про грабежи, убийства, осквернение могил, «трупоедство» (сам видел фотографии матерей, съевших своих детей!) и т. п.»⁴⁰.

Осенью 1922 года Б. В. Миллер с женой переехали в Москву. После этого переезда ярко раскрылась педагогическая и научная деятельность Бориса Всеволодовича. С этого времени по 16 октября 1941 года он преподавал в Московском институте востоковедения (некоторое время носившем имя Н. Нариманова), организованном на основе его альма-матер — Лазаревского института восточных языков. Здесь он читал курсы персидского языка и литературы и истории Ирана, дважды заведовал иранской кафедрой. Одновременно до 1 января 1940 года работал в Военной Академии РККА (впоследствии долгое время носившей имя М. В. Фрунзе), где организовал и вел преподавание персидского языка⁴¹. В 1943 году получил предложение организовать кафедру иранской филологии в Московском университете, что и сделал. Он руководил этой кафедрой по 7 мая 1953 года⁴². За время работы в этих высших учебных заведениях он не только написал значительное количество так и не изданных лекционных курсов, но и опубликовал работы, прямо способствовавшие развитию тогдашней русской и советской иранистики. В первую очередь это касается персидско-русского словаря, который он начал составлять зимой 1943 года по поручению Издательства Иностранных Словарей и первый вариант которого объемом в 15 000—18 000 слов завершил уже осенью того же года. Однако впоследствии — с осени 1948 до мая 1949 годов — словарь был переработан и издан в 1950 году объемом в 28 000 слов⁴³. Впоследствии словарь был в 1953 году переиздан в исправленном и дополненном варианте (35 000 слов)⁴⁴. В 1960 г. — уже после смерти Бориса Всеволодовича — вышло третье издание словаря,

---

⁴⁰ Миллер Б. В. Мои воспоминания о Катанове // Катановские чтения: сборник статей. Казань, 1998. С. 174.

⁴¹ Архивная справка Архива Российской Академии наук № 1411 / 5472 / 335 от 8 августа 2013. Л. 2; Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. 2. М., 1995. С. 79.

⁴² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 5864. Л. 2.

⁴³ Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. Около 28 000 слов. М., 1950. 1152 с.

⁴⁴ Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. Около 35 000 слов. С прил. грамматического очерка, сост. В. С. Расторгуевой / Изд. 2, испр. и доп. М., 1953. VIII, 668 с.

репродуцированное со второго издания 1953 года⁴⁵. Все три издания словаря были дополнены кратким грамматическим очерком персидского языка, составленным В. С. Расторгуевой⁴⁶. Кроме того, был напечатан «Конспект лекций по истории Персии. Ч. I. История древней (доисламской) Персии, кончая завоеванием ее арабами»⁴⁷.

В 1935 году Б. В. Миллер был утвержден в звании профессора по Институту Востоковедения⁴⁸, а в 1939 — в ученой степени доктора филологических наук по представлению Ученого Совета Института Языка и Мышления им. Н. Я. Марра Академии наук⁴⁹.

Кроме того, в 1922–1928 Б. В. Миллер заведовал отделом Кавказа и Средней Азии в Центральном Музее Народоведения⁵⁰, созданном на основе собраний Дашковского музея, хранителем которого, как отмечено выше, был его отец, и открытом для посетителей в 1924 г.

Вскоре после возвращения из Казани Борис Всеволодович Миллер возобновляет активное сотрудничество с Н. Я. Марром. Начиная с 1924, долгие годы он работал в организованном Н. Я. Марром Северокавказском Комитете, который осенью 1925 года был преобразован в Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР, в июне 1926 года — в Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН, в 1930 году — в Научно-исследовательский институт народов советского Востока при ЦИК СССР, в 1933 году — в Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР при Совете национальностей ЦИК СССР, в 1938 году — в Институт языка и письменности народов СССР АН СССР, в 1944 году — в Московское отделение Институ-

---

⁴⁵ Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. Около 35 000 слов. С прил. грамматического очерка, сост. В. С. Расторгуевой / Изд. 3. М., 1960. VIII.

⁴⁶ Вера Сергеевна Расторгуева (1912–2005 — известный советский и российский иранист-таджиколог, основоположник современной таджикской диалектологии. С 1945 по 1953 год преподавала в МГУ, а с 1953 (по 1960) заменила Б. В. Миллера на должности заведующего кафедрой иранской филологии Института восточных языков при МГУ (ныне — Институт стран Азии и Африки). Подробнее см.: Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX — начало XXI века: Биобиблиографический словарь. Кн. 2: Н — Я. М., 2008. С. 226–227.

⁴⁷ Миллер Б. В. Конспект лекций по истории Персии. Ч. I. История древней (доисламской) Персии, кончая завоеванием ее арабами. [М.], МИВ [б. г.]. 361 с., с карт. 1925 / Изд. Инст. Востоковедения им. Нариманова.

⁴⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 5864. Л. 15 об.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 237. Л. 1.

⁵⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 5864. Л. 15 об. — 16.

та Языка и Мышления им. Н. Я. Марра. В 1950 году, после того, как марризм был развенчан, на основе этого учреждения и Института русского языка был создан Институт Языкознания РАН, где Миллер продолжал работать вплоть до выхода на пенсию 30 июня 1953 года в связи с тяжелой болезнью⁵¹.

В 1925 году Борис Всеволодович был направлен в Талыш (вероятно, не без участия Н. Я. Марра), где он провел месяц, собрав значительный полевой материал⁵². В 1930 году в марровском Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН он опубликовал первый сборник талышского фольклора «Талышские тексты»⁵³. В том же году в «Ученых записках» того же института он опубликовал свою другую знаменитую работу — статью «К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области»⁵⁴, в которой доказал, что талышский язык является потомком древнего языка (т. е. до тюркской инфильтрации) Азербайджана (Атропатены) — азари. Как было сказано выше, можно предполагать, что упомянутая работа Марра от 1922 года, видимо, стала отправной точкой не только возрождения «талышского вопроса» для российского востоковедения, но и также в целом вопроса о месте талышей в формировавшемся тогда государстве. Ведь уже в 1929 году появляется первая талышская книга, подготовленная талышскими деятелями Музаффаром Насирли и Шохубом Мурсаловым, она так и называлась — «Первая книга» (талыш. Иминджи китоб). За этой книгой последовали сотни других (в том числе и учебников). В том же 1929 году Б. В. Миллер писал: «Из двух главных групп иранских наименьшинств [в Азербайджанской ССР. — Прим. Ш. И. А.], — талышей и татов, — талыши уже конкретно ставят теперь вопрос о переводе первых групп своей школы на талышский язык»⁵⁵. На талышский язык активно переводились как официальные документы (манифесты, положения и т. д.), так и мировая художественная литература. Конституция 1936 года была, в том числе, опубликована и на та-

⁵¹ Архивная справка Архива Российской Академии наук № 1411 / 5472 / 335 от 8 августа 2013. Л. 4.

⁵² Подробнее см.: Миллер Б. В. Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г. Баку, 1926.

⁵³ Миллер Б. В. Талышские тексты. М., 1930.

⁵⁴ Миллер Б. В. К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. I. М., 1930. С. 199–228.

⁵⁵ Миллер Б. В. Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929. С. 3.

лышском языке. Среди школьной литературы, кроме учебников по геометрии, арифметике, географии и др., был издан, например, и учебник по русскому языку для талышских школ. Кратковременно в Талышистане были открыты талышские школы, издавались талышские газеты, самой известной из которых является «Красный Талыш» (талыш. *Сыа Толыш*).

Начавшая писать кандидатскую диссертацию под его руководством известный талышевед, автор русско-талышского словаря (6 000 слов) Лия Александровна Пирейко говорила о нем: *«Он был фанатично влюблен в Талыш, талышский язык и культуру талышского народа. Вообще, надо сказать, что он тщательно оберегал «талышскую тематику», не подпускал к ней никого, даже ревновал, считая ее «своим детищем». «Талыш — это мой ребенок, я его никому не отдам», — говорил Миллер. <...> Он мог часами сидеть за своим письменным столом, составляя рукописи и попутно размышляя о горестной судьбе талышского народа. «Надо же, такой древний и высококультурный народ, а не имеет своей государственности», — сетовал Борис Всеволодович»⁵⁶.*

В связи с Миллером необходимо отметить также и то, что в 1928 году он руководил экспедицией по обследованию татоязычных районов Азербайджана, в рамках которой месяц пребывал в Баку и «главнейших татоязычных районах Азербайджана», а в 1929 году побывал на лингвистической конференции татоязычных горских евреев, на которой выступил с докладом о применении латиницы к фонетике еврейско-татского языка. Он активно занимался татским языковым строительством: им были выработаны, например, принципы построения единого татского языка⁵⁷. Продолжая штудии своего отца⁵⁸, Б. В. Миллер опубликовал несколько работ о татах и татском языке⁵⁹. Кроме того,

⁵⁶ Пирейко Л. А.: «Талыш всегда был в моем сердце» // Толыш. № 5 (10). 2002. С. 5.

⁵⁷ АРАН. Ф. 677. Оп. 6. Д. 251. Лл. 1–17 об.

⁵⁸ В. Ф. Миллер является автором различных татоведческих работ: Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь. СПб., 1892; Очерк фонетики еврейско-татского наречия. М., 1900; Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М., 1901; О семитических элементах в татском наречии горских евреев // Древности восточные. Т. II. Вып. 3. М., 1903; Татские этюды. Ч. I. Тексты и татско-русский словарь. М., 1905; Татские этюды. Ч. II. Опыт грамматики татского языка. М., 1907.

⁵⁹ Миллер Б. В. О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа // Записки Института востоковедения Академии Наук СССР. Л., 1932.

им были написаны несколько текстов по курдам⁶⁰. В 1933 году Б. В. Миллер руководил лингвистической экспедицией, изучавшей в Закавказье говоры курдов Азербайджана, Грузии и Армении⁶¹. Судя по всему, Б. В. Миллеру были поручены научное поле по исследованию ираноязычных народов Закавказья (и не только — он также занимался и таджикским: в 1926 году он ездил в Среднюю Азию по поручению Центрального Музея Народоведения, посетил ряд городов с таджикским населением и записывал таджикские говоры⁶²), а также вопросы, связанные с национальным и языковым строительством этих народов.

Но вскоре фактически на пике исследовательской активности Борис Всеволодович останавливает изучение региона «на месте» (курдская экспедиция 1933 года стала для него последней). В своем отчете в Научно-Исследовательском Институте Народов Востока за 1926–1927 академический год (от 15 октября 1927) Миллер пишет: *«Летом 1928 г. я предполагаю осуществить поездку в персидскую часть Талыша, каковой я не мог совершить в этом (1927 г.) году, так как семейные обстоятельства не позволили мне использовать уже полученную мною заграничную командировку в Персию. Цель этой поездки — собрать лингвистический, а также этнографический материал в этой совершенно почти не изученной европейцами части Персии»*⁶³. Семейные обстоятельства, по которым он не смог поехать в 1927 году, более-менее известны — болели его близкие родственники: в 1928 году умерли его мать, жена и младший брат. Можно было бы списать

Т. 1. С. 269–290; Миллер Б. В. Татские тексты // Иранские языки. Вып. 1. М.; Л., 1945. С. 107–126; Миллер Б. В. Таты, их расселение и говоры // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана. Баку. 1929. Вып. 7. С. 1–44 (имеется отдельный отпечаток: Миллер Б. В. Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929).

⁶⁰ Миллер Б. В. О некоторых проблемах курдской фонетики. Иранские языки. Вып. 2. М.; Л., 1950. С. 61–77; Миллер Б. Образцы говоров курдов Советского Азербайджана // Труды Института языкознания. Т. VI. М., 1956. С. 343–355; Миллер Б. Курдская грамматика П. Байдара // Письменность и революция. Сборник 1 (к VI пленуму ВЦК НА). М.; Л., 1933. С. 227–233; Миллер Б. В. Курдская литература, Литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1931. С. 751–753; М[иллер] Б. Курдский язык (змане курманджи) // Большая советская энциклопедия. Т. 35. М. 1937. С. 531–532; Миллер Б. В. Курдский язык (курманджи) // Литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1931. С. 753–754.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 12. Ед. хр. 237. Л. 6.

⁶² Там же.

⁶³ АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.

на эту ситуацию то, что он не смог поехать в Южный Талыш и в 1928 г. Но в таком случае непонятно, почему он поехал в татскую экспедицию в 1928 году. Непонятно и то, почему он так никогда и не осуществил южноталышскую экспедицию и не предпринял ни одной новой поездки в Северный Талыш.

Но это — уже тема отдельного исследования. Как, впрочем, темой отдельного исследования является и то, почему вдруг резко в 1936–1938 гг. многообещающий «талышский бум» — научный и общественно-политический — был остановлен знаменитым «движением ладони от запястья»: талышская интеллигенция была репрессирована, а талышский народ на более чем полвека отброшен на обочину истории.

Однако, несмотря на то что к тому времени талышеведение потеряло свое прикладное значение, сам Б. В. Миллер все же до самой смерти оставался преданным главному делу своей жизни — изучению талышского народа. В 1953 году, будучи серьезно больным, он сумел доработать и издать свою объемную монографию «Талышский язык»⁶⁴, ставшую впоследствии классической для данного направления иранистики.

---

⁶⁴ Миллер Б. В. Талышский язык. М., 1953.

Ф. ГАЙДА

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Образ Александры Федоровны — центральный в групповом портрете «темных сил» предреволюционной эпохи. Лишь в связи с ним имеет значение мрачная тень «старца Григория». Слухи о сильном политическом влиянии «молодой императрицы» получили особое распространение в период Первой мировой войны, были закреплены в мемуаристике и благодаря этому прочно утвердились в историографии¹. Имели место и попытки опровержения этого представления². Как бы то ни было, проблема политического влияния царицы предполагает два основных аспекта. Имеет значение как степень, так и характер такого влияния. Решение подобной научной задачи возможно при прояснении политических контактов Александры Федоровны с самодержцем, своим ближайшим окружением и представителями правящей бюрократии. Психологический портрет царицы — вопрос особый. Отметим лишь, что замкнутый характер Александры Федоровны изначально не способствовал представлению о ее влиянии, но затем, наоборот, дал почву для усиленных подозрений в создании целого сонма отрицательных героев, окруживших трон плотным кольцом.

---

¹ См., напр.: Дякин В. С. Николай, Александра, Распутин и Камарилья // Новый часовой. 1995. № 3. С. 148–164.

² Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 577–579.

Отдельные свидетельства о политическом влиянии Александры Федоровны связаны со временем, предшествовавшим Первой мировой войне. Однако они носят эпизодический и достаточно сомнительный характер. Как утверждал в мемуарах В. Н. Коковцов, после его назначения премьером императрица в частной беседе с ним якобы произнесла по поводу П. А. Столыпина: «Жизнь всегда получает новые формы, и Вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал Ваш предшественник. Оставайтесь самим собой, не ищите поддержки в политических партиях; они у нас так незначительны. Опирайтесь на доверие Государя — Бог Вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это — для блага России»³. Если подобные слова и были произнесены, то сами по себе они еще не свидетельствуют о серьезном влиянии «молодой императрицы», скорее о ее личном мнении. Влияние императрицы-матери Марии Федоровны, выступавшей в поддержку Столыпина вплоть до его кончины, было гораздо более значимым⁴.

По-настоящему из-за спины своего супруга Александра Федоровна выступила только летом—осенью 1915 г., когда основным местом пребывания царя стала Ставка. С сентября царица часто принимала ведомственные доклады. Министры обычно достаточно высоко оценивали ее деловые качества. Министр земледелия А. Н. Наумов, резко критиковавший «темные силы», вспоминал: «Насколько Его Величество проявлял к своему докладчику-министру снисходительно-деликатное отношение, никогда почти не прерывая его изложение и во всем с ним обычно соглашаясь, настолько Государыня, имея перед собой листок, исписанный заранее намеченными вопросами, производила докладчику своего рода строгий экзамен. Не довольствуясь ответами, она часто переспрашивала, заставляла уточнять докладываемые данные, нередко вступала в спор, доказывая правоту высказываемых ею взглядов и намерений. В общем Ее Величество проявляла удивительную деловую заинтересованность, такую же настойчивость в достижении намеченных ею целей и несомненную

---

³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919. М., 1992. Кн. 2. С. 8.

⁴ Гайда Ф. А. Последние месяцы П. А. Столыпина: политическая ситуация после мартовского кризиса 1911 г. // Ключевские чтения — 2010. История России: личность, общество и природа страны: Материалы Всероссийской научной конференции: Сборник научных трудов. М., 2010. С. 47–55.

властность»⁵. С министром торговли и промышленности кн. В. С. Шаховским Александра Федоровна подробно обсуждала продовольственный вопрос, после чего писала подробный отчет мужу⁶. Директор департамента МИД В. Б. Лопухин вспоминал речь императрицы на заседании Верховного совета Красного креста в присутствии премьера Б. В. Штюрмера и председателя Думы М. В. Родзянко: она резюмировала прения — «и как деловито, ясно, толково. Я ушам своим не верил! Вот так душевнобольная!»⁷.

Разными были представления о государственных способностях царицы. По свидетельству Шаховского, однажды она заявила о необходимости правительственной пропаганды, высказав «смелую и чисто государственную точку зрения»⁸. Иной была характеристика государственного секретаря С. Е. Крыжановского. В конце ноября 1916 г. он был вызван к Александре Федоровне по вопросу об объединении ведомства государственного призрения. На аудиенции Крыжановский отметил, что вопрос потребовал бы обращения к законодательным палатам. В ответ императрица усомнилась в необходимости самого существования Думы. На это Крыжановский объяснил, что «общественные страсти до известной степени канализированы в Думе, как в сточной трубе», и с ней надо уметь работать. С началом войны, отмечал Крыжановский, ситуация усугубилась, поэтому нужно было либо, как в Австро-Венгрии, посадить всех «опаснейших главарей под замок», либо установить с Думой контакт: «Создавшееся же положение самое невыгодное, так как ведет только к усилению взаимного раздражения и ослабляет власть в общественном сознании». Крыжановскому показалось, что императрица мало что поняла в его речи. Она, по словам государственного секретаря, была «одаренной несомненно высокой душой, но такой неопытной — легкой добычей для всякого, кто сумеет завладеть Ее доверием»⁹.

---

⁵ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1954–1955. Кн. 2. С. 534.

⁶ Шаховской В. Н. «*Sic transit gloria mundi*» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 84–88.

⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 364–365.

⁸ Шаховской В. Н. Ук. соч. С. 84–88.

⁹ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, 6/г. С. 164–175, 183–186, 188.

Мнения министров по поводу влияния Александры Федоровны на формирование политического курса были разными: одни его признавали¹⁰, другие — нет¹¹. Как правило, такое влияние связывалось с теми или иными кадровыми решениями. Большой материал по нашей теме дает личная переписка Александры Федоровны с мужем. С сентября 1914 г., когда Николай II начал подолгу бывать в Ставке, переписка имела серьезные (более 1 месяца) перерывы лишь в декабре 1914 — январе 1915 г., июне-августе 1915 г. и декабре 1916 — феврале 1917 г. Однако позиция императрицы по отношению к кадровым перестановкам этого времени вполне поддается реконструкции на основании ее мнений, выраженных в более ранний или поздний период. До июня 1915 г. в письмах практически не затрагивались политические сюжеты. Однако с этого времени Александра Федоровна активно комментировала ситуацию и критиковала действия министров. Важно отметить, что делала она это эмоционально, но по сути в том же ключе, что и премьер И. Л. Горемыкин, с которым в это время часто встречалась¹². Например, 8 сентября императрица написала письмо Горемыкину по вопросу о необходимости отставки постоянно конфликтовавшего с премьером обер-прокурора А. Д. Самарина и просила составить для императора список кандидатов на должность обер-прокурора. Важно отметить: она просила об этом Горемыкина, а не составляла такой список сама. При этом Александра Федоровна спрашивала, не подошел бы на это место министр юстиции А. А. Хвостов (старый соратник премьера)¹³.

Тем не менее царица активно включилась в обсуждение кадровой политики. Ее инициативы, выраженные в переписке с мужем, можно свести в следующую таблицу¹⁴:

---

¹⁰ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 366–368.

¹¹ Барк П. Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 107; Шаховской В. Н. Ук. соч. С. 115–119.

¹² Переписка Николая и Александры Романовых. М. — Пг. (Л.), 1923–1927. Т. 3. С. 199–248.

¹³ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1900. Л. 3–4 об.

¹⁴ В скобках указано количество упоминаний за указанный период. Жирным шрифтом выделены отставки и назначения, состоявшиеся в течение 1 месяца после выраженного императрицей мнения. Сокращения: ВМ — военное министерство, ГУГЗ — Главное управление государственного здравоохранения, МЗ — министерство земледелия (до октября 1915 г. — Главное управление земледелия и землеустройства), МФ — Министерство финансов, МЮ — Министерство юстиции, СМ — Совет министров.

Даты	Инициирование отставок	Инициирование назначений
12–25 июня 1915	ВМ, Поливанов (4) МЮ, Щегловитов (2) МВД, Щербатов (6) Синод, Самарин (5)	
22 августа — 20 сентября 1915	Синод, Самарин (15) МИД, Сазонов (8) МВД, Щербатов (19) ВМ, Поливанов (1) МЗ, Кривошеин (7) МПС, Рухлов (1)	МВД, Хвостов (16) МЮ, Крашенинников (1) Синод, Гурьев (1) Синод, Шведов (1)
8–10 октября 1915	МПС, Рухлов (2) ВМ, Поливанов (2)	ВМ, Беляев (1)
2–15 ноября 1915	Синод, Волжин (2) МИД, Сазонов (1) СМ, Горемыкин (3)	МЗ, Наумов (2) СМ, А. А. Хвостов (2) МФ, Татищев (1) ВМ, Беляев (1)
19 декабря 1915	МФ, Барк (1)	МФ, Татищев (1)
4–10 января 1916	Синод, Волжин (1)	СМ, Штюрмер (6) ВМ, Беляев (1)
29 января — 3 февраля 1916		ВМ, Иванов (3)
2–17 марта 1916	МВД, Хвостов (1) Синод, Волжин (2) ВМ, Поливанов (4) МИД, Сазонов (1)	ВМ, Иванов или Беляев (2)
3 июня 1916		ГУГЭ, Рейн (1)
25 июня 1916	Синод, Волжин (1)	Синод, Раев (1)
16 июля 1916	МЮ, Макаров (1) Синод, Волжин (1)	
13–17 августа 1916	Синод, Волжин (1)	ВМ, Беляев (2) Синод, Раев (2)
7–27 сентября 1916	МВД, А. А. Хвостов (2)	МВД, Протопопов (3)

7–10 ноября 1916	МИД, Штюрмер (1) ВМ, Шуваев (1)	ВМ, Беляев (1) МИД, Щегловитов или Гирс (1) МПС, Валуев (1)
6–16 декабря 1916		МЮ, Добровольский (4) МПС, Валуев (2) ВМ, Беляев (1)

Таким образом, Александра Федоровна высказывалась в пользу 9 отставок, которые состоялись в течение ближайшего месяца после последнего упоминания (И. Г. Щегловитова (МЮ), А. Д. Самарина, Н. Б. Щербатова, С. В. Рухлова, А. Н. Хвостова, А. А. Поливанова, А. Н. Волжина, А. А. Хвостова (МВД), Б. В. Штюрмера (МИД)). Однако отставки июня—сентября 1915 г., а также уход А. Н. Хвостова, Поливанова и Штюрмера стали следствием острого политического конфликта, и роль императрицы не была решающей¹⁵. Александра Федоровна с лета 1915 г. была чрезвычайно настойчива в вопросе отставки А. А. Поливанова и С. Д. Сазонова (11 и 10 упоминаний соответственно), но они произошли только весной—летом 1916 г., уже после ухода Горемыкина и А. Н. Хвостова — союзников императрицы в этих вопросах. Императрица последовательно добивалась отставки обер-прокурора Волжина в течение всего периода его нахождения на должности, однако эта кадровая перемена состоялась только тогда, когда за нее выступили Штюрмер и петроградский митрополит Питирим (Окнов)¹⁶.

С августа 1915 г. Александра Федоровна также выступала за назначение 17 кандидатов на различные правительственные посты, 8 из которых были назначены вскоре после выраженного ею мнения (А. Н. Хвостов, А. Н. Наумов, Б. В. Штюрмер, Н. П. Раев, Г. Е. Рейн, А. Д. Протопопов, Н. А. Добровольский, М. А. Беляев). Во всех случаях, кроме Протопопова, Александра Федоровна выступала за кандидатуры, ранее уже инициированные самим императором, премьерами или неформальными лидерами Совета министров (на рубеже 1915–1916 гг. — А. Н. Хво-

¹⁵ Гайда Ф. А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьиюньской системы (1911–1917) // Российская история. 2009. № 4. С. 77–90.

¹⁶ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 230.

стовым, на рубеже 1916–1917 гг. — И. Г. Щегловитовым)¹⁷. Показательно, что поддержка императрицы проявлялась обычно лишь накануне принятия кадрового решения, когда определенная кандидатура уже обсуждалась (исключение составляет лишь кандидатура военного министра М. А. Беляева, периодически упоминавшаяся с октября 1915 г., в начале 1916 г. — наряду с Н. И. Ивановым). При этом Александра Федоровна могла действовать весьма настойчиво (в случае А. Н. Хвостова, Штюрмера (СМ), Протопопова и Добровольского). Всего за это время состоялось 24 правительственных назначения. Александра Федоровна не поддержала 2 назначения (Трепова (МПС), Макарова), при 4 (Волжина, Шуваева, Покровского (МИД), Войновского-Кригера) безуспешно выдвигала своих кандидатов, еще к 10 отнеслась нейтрально. Показательна реакция Николая II на различные кадровые инициативы императрицы: в ответных письмах он отзывался на них сравнительно редко.

Несколько показательных кадровых решений нужно осветить особо. Назначенный в сентябре 1915 г. главой МВД А. Н. Хвостов рассматривался Николаем II как кандидат на этот пост с 1911 г. и сам прикладывал большие усилия к своему назначению, заручившись в августе 1915 г. поддержкой императрицы¹⁸. Александра Федоровна отмечала: «Если он окажется неподходящим, можно будет его позднее сменить, беды в этом нет». Она была уверена, что кандидатура была изначально инициирована Г. Е. Распутиным и А. А. Вырубовой, а первоначальный настрой царя был отрицательным. Однако первая встреча Хвостова с Вырубовой состоялась лишь 29 августа, причем только тогда прояснилось его положительное отношение к Распутину. Сам Распутин положительно высказался о Хвостове лишь 16 сентября, за 10 дней до назначения¹⁹. На полгода новый глава МВД обрел большое влияние на царицу. Назначение министром земледелия А. Н. Наумова было инициировано Хвостовым и проведено при поддержке Александры Федоровны²⁰.

¹⁷ Гайда Ф. А. «Министерская чехарда»: к вопросу о причинах и характере явления // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сборник статей / Сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород, 2014. С. 147–157.

¹⁸ Куликов С. В. Ук. соч. С. 101–103. См. также: Переписка. Т. 3. С. 357, 359, 372.

¹⁹ Переписка. Т. 3. С. 253, 283, 357; Т. 4. С. 108.

²⁰ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1925–1927. Т. 6. С. 85–86; Переписка. Т. 3. С. 428–429.

Премьером был назначен давно и хорошо известный Николаю II Б. В. Штюрмер, неоднократно рассматривавшийся как кандидат на этот пост²¹. Хвостов считал, что Штюрмер был уже «слишком стар» для должности премьера «и голова его уже не так свежа как раньше», но предполагал в скорой перспективе сменить его сам, против чего Александра Федоровна не возражала²². Позднее, получив известие о плане Хвостова по убийству Распутина, императрица (в отличие от Николая II²³) была полностью готова расстаться со своим недавним любимцем. Император, напротив, велел Штюрмеру передать Хвостову, что тот не утерял царского доверия даже после отставки²⁴.

Товарищ председателя Государственной думы, участник Прогрессивного блока А. Д. Протопопов давно был кандидатом в министры и страстно желал назначения²⁵. Его кандидатуру активно лоббировал М. В. Родзянко²⁶. Императрица заинтересовалась Протопоповым всего за 9 дней до его назначения, но быстро стала его сторонницей. По ее мнению, назначение депутата сорвало бы Думе ее политику. Кроме того, кандидат в министры, по словам императрицы, поддерживался Распутиным (они были знакомы 4 года) и выражал личную лояльность. 7 сентября 1916 г. Александра Федоровна писала мужу: «Ты знаешь его и он произвел на тебя хорошее впечатление» (Протопопов представлялся императору после возвращения из-за границы парламентской делегации). Николай II отвечал: «Протопопов — хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. <...> Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь — поэтому надо быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности». Последние две фразы чрезвычайно показательны, поскольку ситуация с кандидатурой Протопопова являлась необычной; кроме того, нам становится ясна степень доверия императора к мнениям Распутина о большой политике. Тем не менее 16 сентября Протопопов был

---

21 Переписка. Т. 4. С. 34; Куликов С. В. Ук. соч. С. 165–178. Министр финансов П. Л. Барк полагал, что сделано это было по совету начальника императорской канцелярии А. С. Танеева (Барк П. Л. Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43. С. 14–15).

22 Переписка. Т. 4. С. 24, 29, 34, 43.

23 Там же. С. 108, 121.

24 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 105. 2 марта 1916 г.

25 Шаховской В. Н. Ук. соч. С. 79–81, 88–89; Переписка. Т. 5. С. 55.

26 Переписка. Т. 4. С. 342; Т. 5. С. 17.

назначен. Первая личная встреча нового управляющего МВД с императрицей состоялась, очевидно, лишь 21 сентября²⁷.

Однако уже 10 ноября, сразу после отставки Штюрмера, Николай II был намерен отправить Протопопова в отставку: «Мне жаль *Прот.* — хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к *Бадмаеву*). Рискованно оставлять в руках такого человека мин. внутр. дел в такие времена!»²⁸ Только личное вмешательство императрицы, срочно прибывшей в Ставку 13 ноября и остававшейся там до 4 декабря, сохранило Протопопову его пост²⁹. Должности, наоборот, лишился новый премьер А. Ф. Трепов. Пытаясь установить контакт с Думой, он предложил Распутину полное содержание и 200 тыс. руб. за отставку Протопопова или перемещение его на пост министра торговли и промышленности. Разумеется, об этом стало известно императрице: в письме мужу она прямо обвиняла премьера в сговоре с оппозицией³⁰. Доверие Николая II к Трепову было подорвано³¹. При этом назначение в правительство Э. Б. Войновского-Кригера, А. А. Риттиха, С. Г. Феодосьева состоялось по инициативе Трепова и не было связано с влиянием императрицы³².

На премьерском посту Трепова сменил председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н. Д. Голицын, незадолго до этого вручивший императору записку консервативного кружка А. А. Римского-Корсакова, посвященную вопросу укрепления правительственной власти перед лицом оппозиции³³. Вместе с тем возглавлявшийся Голицыным комитет находился под покровительством императрицы, и «милый, старый» князь пользовался ее доверием³⁴. Ранее этот пост был предложен И. Г. Щегловитову,

---

²⁷ Там же. Т. 5. С. 11–12, 16–18, 51, 58, 79.

²⁸ Там же. С. 146.

²⁹ Падение царского режима. Т. 4. С. 30; Переписка. Т. 5. С. 147–153, 163–164, 171–173.

³⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 237–240; Переписка. Т. 5. С. 153, 188–191.

³¹ Переписка. Т. 5. С. 173, 186–187, 192.

³² Гайда Ф. А. «Министерская чехарда». С. 152.

³³ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции / Под ред. И. В. Гессена. М., 1991–1993. Кн. 3. Т. 5. С. 337–343.

³⁴ Переписка. Т. 5. С. 168.

но после отказа он был назначен председателем Государственного совета. Тем не менее некоторые назначения этого времени были инициированы Щегловитовым, которого императрица аттестовала как «подходящего» и «очень умного человека»³⁵. Министром юстиции стал сенатор Н. А. Добровольский, долгое время являвшийся непосредственным подчиненным Щегловитова (в 1906–1915 гг. исполнял обязанности обер-прокурора I департамента Сената)³⁶, министром народного просвещения — сенатор Н. К. Кульчицкий.

Таким образом, о политической активности императрицы Александры Федоровны можно говорить начиная с лета—осени 1915 г. Такая активность обычно проявлялась в сфере обсуждения кадровых решений правительственного уровня. Однако, при всем властном характере натуры, решающим голосом Александра Федоровна не обладала: обычно она солидаризировалась с мнением своего доверенного лица, избираемого по принципу личной преданности (таким лицом последовательно выступали Горемыкин, Хвостов, Штюрмер, Щегловитов). При этом претенденты на подобное доверие сами инициировали его обретение. Особое место занял А. Д. Протопопов, не имевший административного опыта и не способный расширить свое влияние в правительстве. Между тем именно он стал для Александры Федоровны наиболее «близким» министром. Но именно на нем завершилась история политического влияния императрицы.

---

³⁵ Там же. С. 142, 200. Влияние Щегловитова на императрицу отмечал С. П. Белецкий (Падение царского режима. Т. 5. С. 248).

³⁶ Переписка. Т. 5. С. 199.

НЕЖМЕДДИН КАЗДАГЛИ

ТУНИССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА
В ТУНИСЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Введение

Вопросы, связанные с российской Средиземноморской политикой на рубеже XIX–XX веков в той или иной мере рассматриваются в нескольких работах и монографиях России и Туниса¹. Однако нынешние исследования ориентированы на изучение таких вопросов, как российско-французские отношения, а также военное российское присутствие в Средиземном море, заслуживающие особого внимания российских историков. Отношения России и Северной Африки и, в частности, русско-тунисские связи по-прежнему мало изучены, несмотря на некоторые монографии и научные исследования, изданные в последнее время².

---

¹ Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960; Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988; Киняпина Н. С. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. Летнев А. Б. (отв. ред). Африканцы и россияне на перекрестках истории. М., 2010.

² Нересов Г. А. К истории французского вторжения в Тунис в 1881 г. (Обзор русских архивных материалов в периодической печати) // Африканский сборник. Вып. 1. История. М., 1963. С. 170–230; Жерлицына Н. А. Россия и Тунис: Из истории отношений в 1780–1917 гг. Архивные документы и свидетельства современников. М., 2008; Жерлицына Н. А. Советский Со-

Рассмотрение контактов между Россией и Тунисом в период французского протектората в Тунисе в конце XIX — начале XX века является нелегкой задачей, поскольку позиции глав европейских держав расходились по ряду вопросов, касающихся политики на территории Европы, Африки, а также на Ближнем и Дальнем Востоке. Известно, что в конце XIX века наблюдается раскол в Союзе трех императоров, заключенном в 1872–1873 гг. между Россией, Германией и Австро-Венгрией. По мнению российского министра иностранных дел А. М. Горчакова (1798–1883), он существует лишь формально после русско-турецкой войны 1877–1878 годов³. В результате этого в 1879–1882 гг. сформировался германо-австро-итальянский тройственный союз. Обострились противоречия между Францией и Англией в колониях, а также усилилась конкуренция между Германией и Францией в Европе. Наряду с другими эти факторы способствовали сближению и заключению русско-французского союза в 1891–1893 гг. Рассмотрим, как отразилось образование двух международных коалиций на политических процессах в «горячих точках» мира того времени и, в том числе, в Северной Африке. Суть данной работы заключается в том, чтобы изучить различные аспекты тунисско-российских отношений при французском протекторате. Важно выяснить их развитие в эпоху протектората в конце XIX — начале XX века, а также выявить их основные черты и тенденции. Следует отметить, что при изучении тунисско-российских связей во время французского протектората нельзя не учитывать новый судебный режим, который установился в регентстве.

Автор поставил перед собой три основные задачи: одна из них — выяснить позицию России по факту установления французской юрисдикции в Тунисе. Также была предпринята попытка проанализировать торговые отношения между Тунисом и Россией на начальном этапе протектората. Наряду с этим в данной работе было проявлено особое внимание к вопросу тунисско-российских контактов в военной сфере этого периода. Хронологические рамки исследования охватывают период от установления французского протектората в Тунисе в 1881 г. до победы Октябрьской революции в России в 1917 г. Это время характеризу-

---

юз и Тунис: Из истории отношений (1917–1991 гг.). Архивные документы и свидетельства современников. М., 2012. Каздагли Н. Тунисско-Российские консульские контакты во время французского протектората (конец XIX — начало XX века). (На правах рукописи.)

³ Киняпина Н. С. Балканы и Проливы во внешней политике России. С. 5.

ются общими чертами в отношениях между Тунисом и Россией в эпоху колонизации, относящимися к вопросам юрисдикции, торговли и военной области. Работа написана по материалам Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Туниса, также были привлечены французские документы из фондов Генеральной резиденции в Тунисе и из фонда Министерства иностранных дел Франции. Данные французские документы имеются на микрофильмах в Высшем Институте Истории освободительного движения при Тунисском университете Манубы. Кроме того, при написании данного исследования мы обращались к обширным российским, французским и тунисским работам, которые, соответственно, были написаны на русском, французском и арабском языках.

Французская юрисдикция в Тунисе и позиция России

Прошли почти два года от установления Францией своего протектората в Тунисе. 27 марта 1883 г. был провозглашен новый закон, устанавливающий в Тунисе французскую юрисдикцию. Содержание данного закона предполагало отмену консульских судебных заведений⁴. Вторая статья указывала на компетенцию французских судов касательно того, что закон «может распространяться на любого человека решением или указом Бея Туниса и при согласии французского правительства»⁵. При этом 16 апреля 1883 г. в Тунисе был учрежден французский суд первой инстанции.

Также начали действовать 6 мировых судов в различных городах регентства (г. Тунис, Ла Гулет, Бизерта, Сус, Сфакс и Ле Кеф), в которых проживало значительное количество европейцев. Кроме этого, закон от 27 марта 1883 г., при необходимости⁶, предполагал создание других судов. Для осуществления французских политических и судебных планов в регентстве министр-резидент Франции Пол Камбон (1882–1886) заставил тунисского правителя Али Бея (1882–1902) подписать декрет 5 мая 1883 г. о создании в регентстве таких судебных заведений.

---

⁴ Mahjoubi A. L'Établissement du Protectorat français en Tunisie. Publications de l'Université de Tunis. Tunis, 1977. P. 176.

⁵ Mahjoubi A. L'Établissement du Protectorat français en Tunisie. P. 176.

⁶ Ibid. P. 194.

Консул России К. Ниссен в Тунисе (1867–1888) в своем донесении отмечал следующее: «Вслед за этим, 5 мая (т. е. 1883 г. — *Н. К.*) появился декрет Бея, распространяющий действие сказанных судебных заведений на всех без исключения иностранцев, проживающих на территории регентства»⁷. Очевидно, что авторы при принятии такого решения руководствовались реальным положением дел в стране. По мнению консула К. Ниссена, «вызвана эта мера: как гласит декрет, тем, что большинство европейских держав, по дошедшим до Бея слухам, готово будто бы, в угоду правительству республики, лишиться своих консульских агентов прав, предоставляемых капитуляциями»⁸.

Курс французского правительства в Тунисе был полностью утвержден в письме посла Франции адмирала Б. Жореса (1882–1883) в России от 15 мая 1883 г. на имя министра иностранных дел России Н. К. Гирса (1882–1895), в котором было сообщено, что «реорганизация юстиции в Тунисе окончена... и вошла в действие после принятия Беем указа от 5 мая 1883 года»⁹. В то же время французский посол в Петербурге высказал уверенность в том, что все русские подданные, которые находятся или приезжают в Тунис, должны соблюдать новую юрисдикцию¹⁰. В короткое время, меньше чем месяц, появился ответ российского правительства в письме МИДа России от 9 июня 1883 г., адресованный послу адмиралу Жоресу. Русский министр Н. К. Гирс воспользовался случаем, чтобы выразить согласие России по поводу французских судебных реформ в регентстве следующим образом: «Я считаю себя обязанным информировать вас, господин посол, исходя из высоких чувств справедливости к французскому правительству, российское правительство полно решимости не высказывать ему никаких возражений против новой юрисдикции над русскими подданными... Российское правительство надеется, что другие великие державы, имеющие интересы в Тунисе, не найдут никаких препятствий тому, чтобы последовать за примером России»¹¹.

В этом направлении другие европейские государства предпринимали разные политические инициативы, чтобы определить

---

⁷ Жерлицына Н. А. Россия и Тунис: Из истории отношений. С. 147.

⁸ Там же.

⁹ Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 149. Турецкий стол (старый). 1883 г. Д. 2883. Л. 23.

¹⁰ Там же.

¹¹ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). 1883 г. Д. 2883. Л. 34.

позицию своих правительств касательно событий регентства Туниса. 12 июня 1883 г. германский парламент дал разрешение своему правительству, чтобы отменить консульский трибунал в Тунисе¹². Такое решение ничего не стоило Германии, поскольку она не имела больших интересов и общин в Тунисе. Такая позиция напоминала политический курс, которого придерживался император Бисмарк (1815–1898), чтобы Франция занималась своими проблемами протектората в Тунисе и отвлекалась от внимания к европейским делам.

Другие европейские государства, такие как Австро-Венгрия, Греция и Россия, заявляли о своих благоприятных намерениях, чтобы отменить свои трибуналы в регентстве¹³. Все эти государства имели ограниченные интересы в Тунисе, чтобы создать определенные угрозы для национальных интересов Франции. Консул России К. Ниссен в своем донесении в МИД России от 18 июня 1883 г. выразил такую мысль: «По слухам, дошедшим в Тунис из Франции, большая часть европейских держав согласна, будто бы, подчинить своих подданных, проживающих на территории регентства, юрисдикции новых французских судебных учреждений»¹⁴. Единственные государства, которые могли создать некоторые препятствия для Франции в распространении своей юрисдикции в Тунисе, — это Великобритания и Италия. Эти государства имели особые экономические интересы и довольно значительные общины в регентстве.

После переговоров между англичанами и французами, которые продолжались почти целый год, они пришли к общему соглашению. В результате этого Англия предоставила свое согласие за отмену своего консульского трибунала в Тунисе 31 декабря 1883 года¹⁵. Вне всякого сомнения, позиция Англии как великой державы и одного из главных актеров на политической сцене Туниса оказала определенное влияние на другие государства и, прежде всего, на Италию. Так, 25 января 1884 г. был подписан окончательный договор между Францией и Италией для распространения французской юрисдикции на итальянских подданных в Тунисе¹⁶.

Многие европейские государства дали свое принципиальное согласие на отказ от консульской юрисдикции в Тунисе до заклю-

---

¹² Mahjoubi A. L'Etablissement du Protectorat français en Tunisie. P. 177.

¹³ Ibid.

¹⁴ Жерлицына Н. А. Россия и Тунис. С. 148.

¹⁵ Mahjoubi A. L'Etablissement du Protectorat français en Tunisie. P. 177–185.

¹⁶ Ibid. P. 190–194.

чения по этому поводу Англо-Французского договора. Последние события имели особое значение для ускорения процесса подписания конвенции между правительством Франции и с остальными европейскими странами касательно организации французских судов в Тунисе. Таким образом, 28 января 1884 г. Германия официально отказалась от своей юрисдикции в Тунисе. Дания, Швеция и Норвегия отказались 31 января 1884 г., Австрия, Бельгия, Россия и Португалия — в феврале 1884 г., а Греция — в марте 1884 г.¹⁷

Важно отметить, что российские дипломаты внесли некоторые уточнения в политику России по отношению к Тунису. Российский консул в регентстве К. Ниссен в письме от 10 сентября 1884 г. сообщал министру иностранных дел Н. К. Гирсу о передаче своих юридических полномочий французским судам. Консул К. Ниссен сообщил в своем донесении следующее: «Во исполнение инструкций, которые ваше превосходительство изволили мне прислать в письме от 30 июня (т. е. 1884 г. — *Н. К.*), имею честь сообщить, что я передал 5 августа (т. е. 1884 г. — *Н. К.*) французским судам мои юридические полномочия, которыми я пользовался на основании старых капитуляций, заключенных с Блистательной Портой»¹⁸.

Таким образом, из архивных документов вытекает, что Россия 5 августа 1884 г. официально отказалась от собственной юрисдикции в тунисском регентстве в пользу французской власти в стране. Одновременно Россия упоминала «об оговорках и привилегиях» в отношении «еще не рассмотренных в консульстве делах наших (т. е. российских. — *Н. К.*) подданных и тех, кто находится под покровительством России»¹⁹.

Следует отметить, что министр-резидент Франции П. Камбон (1882–1886) в своем ответе об оговорках в отношении русских подданных отмечал: «Ничего не сказано, будут ли они распространяться на тех, кто находится под покровительством России»²⁰. Русский консул К. Ниссен воспользовался случаем, чтобы предложить некоторые разъяснения по поводу роли своего консульства в Тунисе следующим образом: «Возьму на себя смелость напомнить вашему превосходительству (т. е. министру Гирсу. — *Н. К.*) в связи с этим, что фактически это консульство

¹⁷ Mahjoubi A. L'Etablissement du Protectorat français en Tunisie. P. 185.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. 1884. Д. 2883. Л. 71.

¹⁹ Там же. Л. 72.

²⁰ Там же.

защищает не только коллективные интересы церкви и православной общины, но и тех, кто образует эту общину в частности»²¹.

Спустя 4 года российский консул К. Ниссен в 1888 г. снова поднял вопрос об установлении французской юрисдикции в регентстве. В результате чего он подчеркнул достижение общего компромисса между великими державами и Францией. Исходя из достигнутой договоренности, представители европейских государств в Тунисе согласились на ликвидацию консульских юрисдикций и передали свои полномочия французским судам. Консул К. Ниссен информировал свое начальство в МИДе России через российского посла в Париже о последних событиях, связанных с введением французской юрисдикции в Тунисе.

В своем донесении от 14 декабря 1888 г. послу России в Париже А. П. Моренгейму (1824–1906) российский консул сообщал: «После длительных дипломатических переговоров все державы, представленные в Тунисе, согласились на упразднение консульской юрисдикции и передали все права, все льготы и гарантии, предоставляющиеся капитуляциями и договорами, французскими судами. Вопрос, касающийся недвижимости, остался единственным, подверженным действию местного законодательства»²².

Ради осуществления политики капитуляции в Тунисе, французский генеральный резидент Р. Милле (1894–1900) в Тунисе сообщил 18 марта 1899 г. министру иностранных дел Франции Тиуфилу Делсасе (1852–1923) о судьбе протекции иностранцев в Тунисе: «Генеральная резиденция не упускала случая, чтобы требовать у консулов Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии, России, Германии, Австро-Венгрии и Греции, в Тунисе списки тунисских подданных, которые находятся под защитой правительства этих государств»²³. Автор письма предлагал на рассмотрение французского МИДа разные списки местных жителей, которые были под покровительством европейских государств. Самым большим списком был список подданных под протекцией Бельгии — 35 человек. Второе место занимали подданные под защитой России численностью 9 человек.

Остальные списки содержали от одного до трех человек и были под защитой других государств. Общая численность защищенных

---

²¹ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. 1884. Д. 2883. Л. 72.

²² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1888. Д. 1464. Л. 94.

²³ Documents d'archives du Ministère des Affaires Etrangères de France (DAMAEF). Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien). Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112, bobine n° 119. P. 166.

людей доходила до пятидесяти двух человек²⁴. Следует отметить, что некоторые местные жители пользовались в какой-то степени определенными консульскими протекциями, но их количество было ограничено. Французский министр-резидент в Тунисе изложил по этому поводу свое мнение: «Численность подданных в Тунисе под протекцией (т. е. европейских держав. — *Н. К.*), незначительна. И мне кажется, нет смысла проявлять противостояние против них. И ваше величество, без сомнения, не будет проявлять возражения, чтобы принять их без обсуждения»²⁵.

Кроме этого, по данным французских архивных документов от 1899 года, которые хранятся в Высшем Институте Истории Освободительного Движения в Тунисе при университете Манубе, были выявлены сведения о некоторых тунисских семьях, которые решили принять протекцию Российской империи (табл. 1).

*Таблица 1. Список тунисцев, находящихся под протекцией России в Тунисе*²⁶

Тахар Кальси, купец
Садок Кальси, купец
Хади Кальси, сын Садок Кальси
Ахмед Кальси, сын Садок Кальси
Али Саидан, купец
Тахар Саидан, сын Али Саидан
Бежи Саидан, сын Али Саидан
Амор Баттиша, садовник
Хадж Мохамед Бен Хадж Али, сторож

Таблица содержит ценную информацию о маленькой группе местных жителей Туниса, которая приняла решение доверить свою судьбу покровительству российского государства. Многие из них являлись тунисскими арабами по национальной принадлежности и мусульманами по вере, но это им не мешало выбрать покровительство российского христианского государства. Важно

---

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ DAMAEF. Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien. Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112, bobine n° 119, p. 172.

отметить, что такое явление имело место в Тунисе до французского протектората. Некоторые жители регентства искали протекции у иностранных консулов в стране, чтобы избежать произвола местного правителя²⁷.

Французский министр-резидент завершил свое письмо заверением: «Как только министерство (т. е. МИД Франции. — *Н. К.*) даст мне указание по данному вопросу, я опубликую эти данные в «Официальной газете регентства», по примеру, как мы поступили в отношении Англии, Испании, Италии и Голландии, а также список защищенных бельгийцев, датчан, российских немцев, австро-венгров и греков»²⁸.

Что касается положения иностранных подданных в Тунисе в конце XIX века, французские архивные документы предоставили нам об этом ценную информацию. В настоящей работе мы ограничились лишь сведениями российских подданных в регентстве (табл. 2).

*Таблица 2. Проверка иностранцев в Тунисе: список деклараций с 1 мая 1898 по 31 декабря 1900 г.*²⁹

Период записи	Русские
С 1 мая по 31 декабря 1898	27
С 1 января по 31 декабря 1899	5
Январь 1900	3
Февраль 1900	1
Март 1900	
Апрель 1900	
Май 1900	
Июнь 1900	1
Июль 1900	
Август 1900	
Сентябрь 1900	1

²⁷ Ибн Аби Диаф А. Хроника королей из Туниса и фундаментальный пакт. Тунис, 1999. Часть 5. Том 3. С. 84–85 (на арабском языке).

²⁸ DAMAEF. Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien. Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112, bobine n° 119, p. 167.

²⁹ Ibid. P. 236.

Октябрь 1900	
Ноябрь 1900	
Декабрь 1900	1
<i>Итого</i>	39
Уехали или умерли	3
Остальные	36

Данные таблицы 2 показывают, что русская община по численности была незначительной, по сравнению с некоторыми другими общинами, близка к польской и румынской группам. По данным первой переписи иностранных общин в Тунисе от 1906 года, численность русских в регентстве удвоилась и достигла 71 человека³⁰. Важно отметить, что во французских и тунисских архивных документах не упоминается их просхождение, время и условия их пребывания в Тунисе.

*Таблица 3. Проверка иностранцев в Тунисе: список русских, покинувших Тунис и умерших с 1 мая 1898 по 31 декабря 1900 г.*³¹

Национальность	Мужчины	Женщины	Дети	Всего
Русские	1	1	1	3

Архивные документы не упоминали точные причины, по которым русские либо покидали Тунис, либо умирали. В целом, большинство русских подданных решили остаться жить в Тунисе. Очевидно, что они смогли приспособиться к условиям политики протектората и к местному образу жизни.

Важно отметить, что евреи, или, по выражению французских архивных документов, еврей в среде русской общины в Тунисе, в конце XIX века составляли маленькую группу меньше пяти

³⁰ Lambert Paul, Dictionnaire illustré de la Tunisie. Tunis, C. Saliba Aine, 1912, p. 184. Voir aussi Kazdaghli Habib. «la communauté russe de Tunisie (1920–1956)», In Rawafid, revue de l'institut supérieur d'histoire du mouvement national, Université Tunis 1, numéro 3, année 1997, pp. 25–62.

³¹ DAMAEF Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien. Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112, bobine n° 119, p. 238–239.

Таблица 4. Положение иностранцев, родившихся в Тунисе³²

Наименования иностранцев	Русские
<i>Евреи, родившиеся в Тунисе</i>	
Мужчины	
Женщины	1
Мальчики	1
Девушки	1
<i>Итоги</i>	3
<i>Евреи, родившиеся в других краях</i>	
Мужчины	1
Женщины	
Мальчики	
Девушки	
<i>Итоги</i>	1
<i>Всего иностранцев евреев</i>	
	4
Иностранцы других религий, родившиеся в Тунисе: мужчины, женщины, мальчики, девушки	
<i>Итоги</i>	
<i>Общие итоги</i>	4

человек. Большинство русских подданных в регентстве исповедовали православную веру.

Они обращались к Бейю Туниса с просьбой предоставить им необходимые условия для строительства церкви и для расширения их кладбища. И лишь в 1863 г. тунисский Бей Мохаммед Садок (1859–1882) пошел навстречу русской православной общине и подарил ей участок земли в столице для строительства церкви³³.

Известно, что положение русских подданных и иностранцев, проживающих в Тунисе, было тесно связано с политикой ка-

³² Ibid. P. 240.

³³ Каздагли Н. Дипломатическая переписка между Тунисом и Россией в 60-е годы XIX века // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13, выпуск 3, сентябрь 2010 г. С. 3–5.

питуляции, проводимой Францией в стране. Министр-резидент Франции в регентстве в своей ноте от 10 октября 1902 г., адресованной своему министру иностранных дел Делсасе, нашел необходимость дать некоторые разъяснения по поводу французской политики в регентстве: «В Тунисе, как в странах капитуляции, которые мы встречали во время оккупации, местные жители, французские подданные и иностранцы, одни — под протекцией французов и другие под протекцией иностранцев»³⁴.

Заявление французского министра-резидента в Тунисе показывало твердое намерение французского правительства утвердить свою юрисдикцию в регентстве и снять всякие препятствия, которые стояли перед ней. Французский дипломат поясняет: «Пересмотренные трактаты, заключенные в 1896–1897 гг., предоставили нам свободные руки в глазах иностранных держав. Их консульства были приглашены для информации о предоставлении списков своих протеже. Каждый список после проверки и при предоставлении декрета Бей, получил окончательное согласие»³⁵.

Таким образом, иностранные консульства имели право на защиту только тех людей, которые входили в состав официальных списков власти протектората в Тунисе. Французский министр-резидент в регентстве пояснял: «Человек, воспользующийся такой протекцией, будет иметь пожизненный доход. Следует отметить, что в списке для протекции в ближайшем будущем не будет иностранцев под защитой Франции»³⁶. Очевидно, что все усилия французской генеральной резиденции в Тунисе были направлены на полное утверждение французской юрисдикции на тунисской территории. Это работа требовала некоторого времени и усилий.

Динамика дипломатического процесса между правительством Франции и европейскими государствами привела к упразднению консульской юрисдикции и установлению французской юстиции в регентстве Туниса. Также важно отметить, что российская дипломатическая деятельность без колебания была одной из представителей крупных держав, которая проявила свою поддержку установлению французской юрисдикции в Тунисе. Одновременно она воспользовалась случаем, чтобы наладить другие контакты и формы сотрудничества между Тунисом и Россией, учитывая

---

³⁴ DAMAEF. Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien. Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112, bobine n° 119, p. 269.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

политический и юридический статусы, сложившиеся в регентстве как прямой результат установления французского протектората в Тунисе в 1881 г.

Процесс строительства новой французской системы юрисдикции в Тунисе сопровождался одновременно появлением первых попыток экономических отношений между Тунисом и Россией.

Тунисско-российские торговые связи в конце XIX – начале XX века

Для расширения отношений в области торговли между Россией и Тунисом российский консул Генри Ниссен (1888–1912) сделал аналитическую запись, в которой изложил перспективы российской торговли в регентстве: «Последнее решение, в силу которого тунисское консульство переходит в подчинение императорскому посольству в Париже, позволяет мне высказать мое скромное мнение о возможностях, которые открываются для нашей коммерции в Тунисе, если императорское правительство будет иметь предрасположение к применению в этой стране конвенций и договоров, заключенных с Францией»³⁷.

Кроме того, консул Г. Ниссен детально обосновал свою позицию. Он также предлагал заключить прямой договор между Россией и Тунисом: «В настоящее время, — отмечал он, — не представляло никакого труда заключить с правительством Туниса договор, закрепляющий наши привилегии, по примеру других государств, уже сделавших это. Франции нечего будет возразить на заключение нашего договора с регентством, которое мы всегда считали провинцией и частью Османской империи»³⁸.

Очевидно, что предложение консула Г. Ниссен не могло иметь никаких последствий в действительности, потому что конвенция французского протектората над Тунисом от 12 мая 1881 г. отменила «внешний суверенитет Бея», и поэтому Тунис не имел права заключать никакие договоры с зарубежными государствами без согласия правительства Франции³⁹. С другой стороны, присоединение Италии к Австро-Германскому союзу 20 марта

---

³⁷ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. 1888. Д. 160. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Конвенция об установлении протектората Франции в Тунисе от 12 мая 1881 г. *Histoire générale de la Tunisie Tome III. Les Temps modernes*. A. Guelou, A. Masmoudi, M. Smida, A. Saadaoui. Tunis, 2007, p. 441–447.

1882 г., по словам русского исследователя Н. А. Жерлицыной, выглядело так: «Враждебный по отношению к России двойственный союз превратился в тройственный»⁴⁰. Без сомнения, формирование тройственного союза ускорило процесс сближения России с Францией, который был завершен лишь в 1893 г. в рамках русско-французского союза⁴¹. Ясно одно, по выражению консула Г. Ниссена, у России «материальные интересы в Тунисе не столь велики», она не может принять какой-нибудь другой выбор, который может поставить ее будущего союзника — Францию — в неудобное положение.

В этом историческом контексте российский консул Г. Ниссен прибыл в Россию впервые в мае—июне 1888 г., чтобы информировать российских дипломатов, промышленников и торговые круги о возможности торговли с регентством. В связи с этим министр иностранных дел России в своем письме от 7 июня 1888 г. московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукому (1810–1891) разъяснил цели поездки Ниссена в Россию следующим образом: «Консул наш в Тунисе Г. Генри Ниссен прибыл в Россию с целью выяснить вопрос о возможности открытия непосредственных торговых сношений между Россией и Тунисом, и в этих целях намерен посетить главные промышленные центры наши и прежде всего Москву»⁴².

Исходя из цели поездки консула Ниссена в Россию, вытекала необходимость предоставления ему наилучших условий для осуществления своей миссии. Товарищ министра МИДа России проявил внимание и содействие к миссии Ниссена. Он также попросил московского губернатора В. А. Долгорукого оказать Г. Ниссену помощь, чтобы организовать его встречи с русскими торговыми фирмами: «Вполне сочувствуя намерениям Г. Ниссена и полагая, что предпринятая им поездка по России может принести интересам нашим существенную пользу, я позволяю себе обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой не отказывать названному консулу в благосклонном покровительстве вашем и облегчить ему насколько возможно его сношения с некоторыми представителями московской торговли»⁴³.

---

⁴⁰ Жерлицына Н. А. История российско-тунисских отношений: конец XVIII — начало XX в. Москва, 2005. С. 147 (диссертация кандидата исторических наук).

⁴¹ Российская дипломатия в портретах. Под ред. А. В. Игнатъева, И. С. Рыбаченко, Г. А. Санина. Москва, 1992. С. 256–278.

⁴² АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. 1888. Д. 159. Л. 3.

⁴³ Там же. Л. 4.

Очевидно, что консул Г. Ниссен уделил особое внимание торговым вопросам в рамках его поездки по России. Также он попытался объяснить русскими предпринимателям перспективы деловых связей с Тунисом. Без сомнения, поездка Ниссена по России имела важное значение. Поэтому появилось ходатайство из Министерства финансов России к министру иностранных дел Н. К. Гирсу об отмене ограничения, введенного правительством Туниса, связанного с ввозом русского скота в регентство. В письме Министерства финансов России от 31 июля 1890 г. было указано: «Ввиду последовавшего ограничения ввоза русского скота в пределах Туниса, (Министерство финансов России. — *Н. К.*) признает необходимым ходатайствовать о разрешении более свободного доступа нашего скота и его продуктов в это государство»⁴⁴.

Дальше русский министр по финансам попытался сделать некоторые разъяснения по данному вопросу: «Упомянутое ограничение не может принести непосредственного ущерба нашей торговле, так как вывоз скота нашего в Тунис не представляется значительным»⁴⁵. Здесь высказывания русского министра содержали определенные противоречия. Он признался, что доля русской торговли с Тунисом незначительна, но в конце своего письма министр пришел к выводу о необходимости отмены последнего правительственного решения Туниса. «Я, — как он отмечал, — признавал бы и со своей стороны необходимым настаивать перед тунисским правительством об отмене сделанного им распоряжения относительно ограничения ввоза скота в пределы Туниса»⁴⁶. Позиция российского министра по делам финансов показывала твердое убеждение в защите торговых интересов России в мире и в том числе в Северной Африке и Тунисе.

Спустя 6 лет после ходатайства министра финансов России правительство республики сосредоточило свои усилия на подготовке нового таможенного режима в Тунисе для укрепления своего экономического господства в регентстве. В связи с этим, французский посол в Петербурге Ш. Де. Вовиннё отправил письмо от 26 августа 1896 г. начальнику российского МИДа В. Н. Ламздорфу, в котором он сообщал последнему о принятии декларации по таможенным делам в Тунисе и пояснил: «Правительство республики занято в данное время подготовкой рефор-

---

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. 1890. Д. 1445. Л. 7.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

мы таможенного режима в Тунисе. Сейчас таможенная пошлина составляет только 8% с цены товара и применяется ко всем без ограничения ввозимым товарам и продуктам. Так как между Россией и Тунисом не существует никаких договоренностей, императорское правительство не будет, без сомнения, противиться осуществлению планируемой реформы»⁴⁷. Далее, посол Вовинн  продолжал излагать позицию своего государства: «Правительство республики считает приемлемым предложить императорскому правительству соглашение, в соответствии с которым оно не будет препятствовать осуществлению проекта реформы таможенного тарифа и отныне его интересы будут защищены специальными договоренностями»⁴⁸.

В послании французского посла Вовинн  предлагалась декларация о новом таможенном тарифе в Тунисе. Он подчеркнул, что представители обоих государств — Франции и России — должны поставить свои подписи на декларации. Далее французский посол написал следующее: «Адресуя этот документ вашему превосходительству (т. е. министру Ламздорфу. — *Н. К.*), я считаю своим долгом предупредить вас, что в ваших интересах было бы хорошо получить одобрение императорского правительства как можно скорее»⁴⁹. Посол Франции в Петербурге не скрывал намерения своего правительства по данному вопросу: «Действительно, может статься, что правительство республики уже очень скоро должно будет обнародовать в Тунисе введение нового общего тарифа, который будет применяться к продукции всех стран, невзирая на наличие у них торговых договоров с Тунисом. И не хотелось бы, чтобы произошла задержка в принятии этого решения из-за беспокойства за коммерческие интересы России»⁵⁰.

Первая реакция на французское предложение о таможенном порядке в Тунисе поступила от Министерства финансов России в послании от 25 сентября 1896 г., адресованном управляющему МИДа России В. Н. Ламздорфу. Содержание послания имело острый критический характер по поводу таможенного французского плана в Тунисе. Министерство финансов России подчеркнуло следующее: «Ввиду того, что в настоящее время зерновой хлеб и живые животные пользуются льготой беспошлинного

---

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 б. 1896. Д. 4109. Л. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁰ Там же.

провоза в Тунисе, Министерство финансов, со своей стороны, не встречало бы возражений против приложенного к ноте господина французского поверенного в делах проекта декларации при условии, чтобы указанная льгота была сохранена и впредь для русского зернового хлеба и живых животных»⁵¹.

Очевидно, что все требования российского правительства о таможенном тарифе в Тунисе не были приняты правительством республики. Тем не менее они смогли договориться и достигли компромисса. В этом контексте 2 октября 1896 г. в Санкт-Петербурге управляющий МИДа России В. Н. Ламздорф и поверенный в делах Франции в России Ш. Де Вовиннэ подписали совместный договор. Он подтвердил следующие пункты договора: «В цели того определить отношение между Францией и Россией в Тунисе и, чтобы уточнить договорное положение России в регентстве. Нижеподписавшиеся (т. е. Ламздорв и Вовиннэ. — *Н. К.*) уполномоченные своими правительствами, заключили совместное соглашение»⁵². Далее в документе представлено следующее положение: «Трактаты и конвенции всякого рода, действующие между Францией и Россией, распространяются на Тунис. Россия воздержится от требования для своих консулов, своих подданных и своих учреждений в Тунисе других прав и привилегий, кроме тех, которые используют во Франции. Разумеется, сверх того, что положение наиболее благоприятствуемому государством в Тунисе не отвергает положение Франции»⁵³.

Следует отметить, что политический курс французского правительства по таможенному вопросу касался как России, так и других государств, имевших торговые интересы в Тунисе. Франция заключила различные договоры с Австро-Венгрией 20 июля 1896 г., с Германией — 18 ноября 1896 г., а также с такими государствами, как Дания, Испания, Италия и Швейцария. В связи с этим Али Бей (1882–1902) в Тунисе издал указ 1 февраля 1897 г. об отмене всех предыдущих трактатов и конвенций, касающихся Туниса, которые до этого были заключены с Германией, Австро-Венгрией, Данией, Испанией, Россией и Швейцарией⁵⁴. Одновременно указ Али Бея Туниса еще раз подчеркнул

---

⁵¹ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 б. 1896. Д. 4109. Л. 5.

⁵² Archives Nationales de Tunisie (ANT). Série F. carton 16, dossier 2 (1896–1904), p. 2.

⁵³ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 б. 1896. Д. 4109. Л. 3.

⁵⁴ ANT. Série F. carton 16, dossier 2 (1896–1904), p. 13.

распространение на Тунис всех новых трактатов, заключенных Францией с высшими европейскими государствами⁵⁵.

Для реорганизации таможенной политики в Тунисе, генеральный резидент Франции в Тунисе Рене Миллет (1894–1900) представил ноту правительству Туниса от 6 апреля 1897 г., в которой сообщались сведения о тарифах на тунисские товары, привозимые в Россию. Сведения об этой ноте были напечатаны в «Официальной газете Туниса»⁵⁶. Это доказывало положительную оценку правительства регентства. Поэтому для ускорения реализации русско-французского торгового договора 10 апреля 1897 г. в «Официальной газете Туниса» сообщалось следующее: «Для выполнения статьи 14 франко-русского торгового договора от 20 марта 1874 г., и для осуществления недавней декларации, достигнутой и заключенной между правительством империи и правительством республики, тунисские товары получили условия, чтобы при их ввозе в Россию, они пользовались одинаковыми условиями, применяемыми для французских товаров, т. е. имевшие наилучшие низкие таможенные тарифы»⁵⁷.

Важно упомянуть, что пересмотр таможенного режима в Тунисе властями французского протектората был связан с двумя факторами: с одной стороны, в период 1895–1897 гг. намечалось резкое падение экспорта во Францию. Это вынуждало французских промышленников требовать от правительства определенных льгот для своих предприятий в Тунисе. В связи с этим торговые конвенции, заключенные между зарубежными державами и Тунисом, были заменены в 1896 г. другими, наименее благоприятными договорами, за исключением Великобритани, которая сумела в свою пользу заключить англо-французский договор от 18 октября 1897 года⁵⁸.

Установление нового таможенного правила в Тунисе в пользу Франции явилось новым шагом укрепления преимущества экономических и торговых французских интересов в регентстве. Кроме этого, в конце XIX века отмечалось появление некоторых прямых торговых связей, эпизодических по времени и по отдельным товарам (скот, зерно...) между Россией и Тунисом. Все эти

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ANT. Série F. carton 16, dossier 2 (1896–1904), p. 18.

⁵⁷ Ibid. P. 19.

⁵⁸ Histoire générale de la Tunisie. Tome IV. L'Époque contemporaine (1881–1956). Kassab A., Ounaies A., Ben Achour R., Louati A., Mosbah C., Sakli M. Sud Editions, Tunis, 2010, 93.

торговые отношения проходили в рамках русско-французских связей и общих договоренностей.

В начале XX века Тунис стал довольно часто упоминаться в трактатах и конвенциях, подписанных между Францией и Россией. В частности, французское правительство в письме от 1 марта 1906 г. информировало генерального резидента в Тунисе о русско-французском торговом договоре и его последствиях для Туниса: «Декларация от 20 февраля 1906 г., подписана в Петербурге нашим послом (г. е. М. Бомпаром. — *Н. К.*) и Ламздорфом, министром иностранных дел России. Все статьи франко-русского торгового договора от 29 сентября 1905 г. и дополнительное соглашение к этому договору от 28 января 1906 г., и все таможенные тарифы, относившиеся к этому, были распространены на Тунис»⁵⁹. В результате этого Мухаммед Хади, Бей Туниса (1902–1906), принял указ от 23 апреля 1906 г. об утверждении русско-французского торгового договора, и был приложен к договору таможенного тарифа список товаров, которые могут служить предметами обмена между Россией и Францией. Указ Бея Туниса был опубликован в «Официальной газете Туниса» за № 35, от 2 мая 1906 года⁶⁰.

Следует отметить, что, несмотря на некоторые попытки, которые были предприняты для открытия внешней торговли Туниса другим государствам, Франция была заинтересована и в своем развитии товарооборота с Тунисом. Так, например, по закону 19 июля 1890 г. Франция дала согласие, чтобы открыть свой рынок для тунисских сельскохозяйственных товаров, таких как зерновой хлеб, зерно, овес, кукуруза, бобы, оливковое масло, рогатый скот и овцы... Таким образом, закон 1890 привел к росту обмена товаров между Францией и Тунисом. В 1887 г. экспорт тунисских товаров во Францию занимал 19% из объема тунисского экспорта. В 1900 г. он достиг больше 50% тунисского экспорта. В 1896 г. Тунис импортировал 60% своего товара из Франции, а в 1900 г. эта цифра достигла 63%. В период с 1904 по 1913 г. доля Франции в Тунисском экспорте составляла 47%. В этот же период импорт Туниса из Франции сохранил почти такое же значение, как и в 1900 году⁶¹. Все данные внешней торговли Туниса в это время показывали, что был дефицит в балансовой торговле в пользу Франции, что позволило ей укрепить свою экономи-

---

⁵⁹ ANT. Série F. carton 16, dossier 25 (1906–1939), p. 3–5.

⁶⁰ Ibid. P. 7.

⁶¹ Histoire générale de la Tunisie. Tome IV. L'Epoque contemporaine... P. 127–130.

ческую позицию в Тунисе и в то же время углубить состояние зависимости Туниса от метрополии.

Несмотря на то что Франция занимала центральное место в области торговли с Тунисом, это не было препятствием для появления некоторых торговых связей с европейскими державами и, в том числе, с Россией. Это подтверждается донесением в МИД России 12 ноября 1910 года российского консула в Алжире графа Мусина-Пушкина (1868–1918), в котором было сообщено следующее: «За последние 10 лет торговые обороты портов французских владений в Африке значительно расширились и число судов, которые посещают гавани южного побережья Средиземного моря, с каждым годом увеличивается. То же самое замечается и в торговле с Россией; наши суда стали также чаще заходить в гавани Алжира и Туниса, в особенности для погрузки угля»⁶².

В своем донесении консул Мусин-Пушкин высказал свое мнение о пользе развития прямых торговых отношений с местными купцами в Тунисе и Алжире: «Я считал бы весьма полезным, для развития товарообмена между нашими и здешними купцами учредить несколько нештатных вице-консульств, которые бы способствовали такому развитию торговых сношений, минуя разных посредников, всегда дорогих и часто совершенно не нужных»⁶³.

Российский консул в Алжире попытался убедить свое начальство в МИДе России в правоте своего предложения о создании нештатных консульств, которые имели прагматический характер и не требовали особых финансовых расходов со стороны российского бюджета: «Такие нештатные консулы необременительны для бюджета министерства, так как лица, принимающие на себя эти обязанности, работают только из чести носить звание представителя великой державы, а между тем при их содействии можно получить разные необходимые торговые справки, точные сведения о положении рынка, его спроса и предложениях, они, несомненно, дадут толчок к развитию торговли и нужную уверенность наших коммерсантов в их торговых операциях»⁶⁴.

Кроме этого, консул В. А. Мусин-Пушкин в Алжире выдвинул детальные предложения о необходимости создания новых вице-консульств на территории Туниса. Он написал следующее: «Другие две гавани, которые, по моему мнению, должны бы быть местом пребывания нашего вице-консула или консульского аген-

---

⁶² АВПРИ. Ф. 159. ДЛСиХД. Оп. 336 / 2, 1910, Д. 664, Л. 38.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 39.

та, расположены в Тунисе. Из них Бизерта — место, куда часто отправляются для более или менее продолжительной стоянки наши, плавающие в Средиземном море, учебные эскадры, а Сус — один из крупнейших торговых центров Туниса»⁶⁵. Консул Мусин-Пушкин В. А. предлагал кандидатов, которые, по его мнению, имели способности и качества, необходимые для вице-консулов. Он отметил следующие: «В Бизерте я могу указать на Банкира Жана Делайемо, а в Сусе у меня имеется в виду некий Вильям Энгерер, английский подданный, с давних пор поселившийся в Тунисе и владеющий там недвижимой собственностью»⁶⁶.

Без сомнения, предложения российского консула в Алжире были направлены для расширения торговых связей России с Тунисом и французскими владениями на Северной Африке в целом, это полностью совпадало с курсом российского правительства во внешней торговле. Через неделю, а точнее 20 ноября 1910 г., поступил ответ И. А. Беншковского, директора второго департамента МИДа России (бывший азиатский департамент) по поводу предложения российского консула в Алжире, который написал следующее: «Судя по имеющимся в департаменте донесениям предшественника нынешнего консула, товарообмен между Россией и Алжирской колонией весьма незначителен, а число русских судов, посещающих порты Алжира и Туниса, очень невелико»⁶⁷.

Дальше в донесении российского МИДа приводятся интересные данные о движении российских судов в порты Алжира и Туниса того времени: «Например, из числа 1 817 иностранных судов, посетивших в 1907 г. названные порты, русских было всего 17, причем наибольшее число приходится только на Алжирский порт. Большинство русских продуктов провозится в эти страны равным образом на иностранных судах»⁶⁸.

Одновременно И. А. Беншковским была высказана некоторая критика относительно донесения российского консула Мусина-Пушкина В. А.: «Не приводится никаких положительных сведений или статистических данных, которые подтверждали бы то, что выше заявленные условия алжирских и тунисских портов в данное время изменились и что для русской торговли и судоходства они представляют теперь большее значение, чем в пред-

---

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 159. ДЛСнХД. Оп. 336 / 2, 1910, Д. 664, Л. 40.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 36.

⁶⁸ Там же.

шествующие годы»⁶⁹. В конце концов начальник второго департамента МИДа России пришел к выводу, что ему «затрудняется высказаться относительно настоящего предложения императорского консульства в Алжире»⁷⁰.

Что касается создания вице-консульства в г. Бизерта, он высказал следующее мнение: «Ввиду значения, которое этот порт представляет в военно-морском отношении, департамент полагает, что по вопросу о назначении нештатного вице-консула в названный город надлежит запросить равным образом мнение морского министерства»⁷¹. Все это показывает, что тунисское регентство не было вне поля зрения в политике внешних торговых связей российского государства и Россия поддерживала различные виды торговых отношений с Тунисом, несмотря на то что ее коммерческие связи и национальные интересы в регентстве были в конце XIX — начале XX века весьма ограниченными в сравнении с крупными европейскими державами.

Будет ли распространено такое направление в торговых отношениях между Россией и Тунисом на другие сферы отношений и, в том числе, в военной области?

Тунисско-российские военные связи при протекторате

Прошло два года от установления режима протектора в Тунисе, что принесло определенные изменения в порядке посещений российскими кораблями портов регентства. Однажды российский корвет «Азия» совершил визит в Тунис, и в связи с этим возник инцидент в русско-тунисских отношениях. Российский консул К. Ниссен в своем донесении от 15 марта 1883 г. министру иностранных дел России Гирсу Н. К. описал происходящие события следующим образом: «Имею честь довести до Вашего сведения, что корвет императорского российского флота «Азия» под флагом контр-адмирала Чебышева⁷² и под командой капитана 2-го ранга Амосова⁷³ встал на рейд Ля Гулетта 28 минувшего февраля»⁷⁴. Во время входа в тунисский порт «Азия» произвела 21 выстрел

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Чебышев П. А. (1820–1891) — российский контр-адмирал, герой обороны Севастополя во время Крымской войны (1853–1856).

⁷³ Амосов Ф. И., российский контр-адмирал.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1883. Д. 1464. Л. 4.

из своих орудий в качестве приветствия города Туниса, корвет поднял тунисский флаг. Обычай требовал, чтобы принимающая страна ответила точно таким же образом, но выстрелов салюта со стороны франко-тунисской власти было только 13 раз. Также были подняты два флага — французский и тунисский, и что касается 8 выстрелов, то они были произведены через полчаса.

Это обстоятельство было непонятно и обидно русскому адмиралу Чебышеву, который поспешил отправить одного из своих помощников на борт французского стационара в Ля Гулетт для объяснения, а также чтобы передать четкие требования русского адмирала Чебышева к французскому капитану «Виперу» в порте Ля Гулетт. Требования русского адмирала заключались в том, что «салют должны были дать заново и поднять при этом лишь тунисский флаг»⁷⁵. Помимо этого русский адмирал подчеркивал определенную политическую позицию: «Русский адмирал утверждал, что императорское правительство не получало никакого официального сообщения на предмет произошедших изменений в политической ситуации в Тунисе»⁷⁶. Для разбирательства по данному вопросу французские и тунисские чиновники собрались и пришли к выводу о необходимости направить на борт «Азии» офицера тунисского адмирала Ля Гулетта, чтобы он передал свои извинения во время прибытия в Тунис российского корвета «Азия». Во время встречи российский адмирал Чебышев вновь защищал свою прежнюю позицию и «заявил свое окончательное требование: форт Ля Гулетта должен заново просалютовать 21 раз и при этом должен быть поднят только флаг Бея Туниса. Через час эти требования были выполнены»⁷⁷. Таким образом инцидент вокруг корвета «Азия» был завершен.

Реакция на это была неоднозначной. Первая реакция на «военно-дипломатический» инцидент поступила от администрации Бея Туниса со следующими словами: «Прежде давали понять, что Европа в целом признает установление протектората в Тунисе, но увидели в этом инциденте опровержение того, что ему пытались внушить»⁷⁸. Последний поступок корвета «Азия» стал поводом для местного правителя понять некоторые детали в позициях крупных держав, в частности России к тунисскому вопросу. Очевидно, такое действие со стороны России имело не-

---

⁷⁵ Там же Л. 5.

⁷⁶ Там же Л. 6.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1883. Д. 1464. Л. 7.

большое влияние на ход событий в Тунисе и ни в коем случае не смогло повлиять на общие позиции правительства России, которая проявила поддержку политики Франции в регентстве как до, так и во время протектората. С другой стороны, немалое значение имеет реакция, которая поступила от французской колонии и оккупационного корпуса в Тунисе. Они критично относились к поступку представителей власти протектората в Тунисе, которые «осудили решение резидента и обвинили его в слабости, подчеркивая, что в данных обстоятельствах было важно не создать прецедента, о котором придется позднее пожалеть. И что в любом случае повторять салют следовало, только подняв французский и тунисский флаги вместе. Тунисские же власти, напротив, взирали с удовольствием на результаты настойчивости адмирала»⁷⁹.

Визит корвета «Азия» в Тунис не был предметом для полемики внутри регентства, и он привлекал внимание российских государственных деятелей в России. В этом направлении министр иностранных дел Н. К. Гирс пометил карандашом на письме российского консула в Тунисе следующее: «Сообщите Шестакову⁸⁰, по-моему, Чебышев был прав»⁸¹. Можно предполагать, что такая реакция Н. К. Гирса означала негативную оценку Франции, которая ущемляла суверенитет Туниса, но скорее всего — это было приветствие и признание руководства российского военного судна, которое проявило свою стойкость в защите чести российского флота и одновременно продемонстрировало национальную гордость за Россию — как за одну из великих держав того времени.

Географическое положение Туниса, находившегося на краю Севера африканского континента, на стратегическом месте на берегу средиземноморского бассейна, привлекало внимание многих иностранных военных обозревателей. Они отмечали, что тунисское побережье и, в частности, г. Бизерта, по определению разных специалистов, может стать военным и стратегическим объектом для контроля движения морских флотов крупных держав по Средиземноморью.

Вопрос о стратегическом значении тунисского города Бизерта и необходимости создания военного порта на его территории в пользу Франции, а также выделение Тунису нужных фран-

---

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Шестаков И. А. (1820–1888) — русский военно-морской деятель, адмирал, с 1882 г. управляющий Морским министерством, генерал-адъютант.

⁸¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1883. Д. 1464. Л. 9.

цузам военную технику и военных инструкторов для обучения тунисской армии были изучены и подняты еще задолго до французской оккупации в рамках «соотрудничества» в военной области между тунисским регентством и Францией в течение всего XIX века⁸². В связи с этим, и о полезности использования внутреннего озера и залива в регентстве для военных целей французский вице-адмирал Жюльен де ла Гравье (1812–1892) написал следующее: «Предположим, что Алжиру грозит опасность, он нуждается в подкреплениях и боеприпасах, тогда, несомненно, флот в Тулоне получит приказ направиться в Алжир, несмотря на все риски. Допустим, что ему удастся достигнуть африканского побережья, но где здесь, преследуемый врагом, найдет он убежище?»⁸³ Дальше в документе упоминается, что в случае: «Ни Бон, ни город Алжир, ни Оран не годятся для этой цели. Их водорезы и укрепления прикроют корабли, но не спасут от бомбардировки врага. Но ведь есть убежище, подготовленное для флота самой природой, ведь если нет тыла, то миссию ждет неизбежный разгром»⁸⁴. По этим причинам убеждали французов, по словам русского консула Г. Ниссена, «строительство военного порта в Бизерте, как с точки зрения наступательной, так и оборонительной, является абсолютной необходимостью для Франции, и ничто не заставит ее отказаться от этого плана»⁸⁵.

Другие сведения об ассигнованиях правительства Туниса на строительство военного порта в г. Бизерта содержит донесение от 15 октября 1890 г. консула Ниссена к управляющему азиатским департаментом МИДа России И. А. Зиновьеву (1883–1891): так, в «Официальной тунисской газете» от 11 октября 1890 г. был опубликован доклад консула Франции, адресованный Беоу Туниса о бюджете регентства на 1891 г., «согласно которому сумма в 2 788 000 пиастров (1 666 000 франков) предназначена на строительство вышеупомянутого порта»⁸⁶. Теперь стало ясно: государственное решение было принято, и подготовлены нужные финансовые меры для создания порта в Бизерта и проведения французской военной реформы в Тунисе. Но эти меры не были единственным фактором для осуществления такого проекта. На-

---

⁸² Tlili B. Les rapports culturels et idéologiques entre l'orient et l'occident, en Tunisie, au XIXème siècle (1830–1880). Publications de l'Université de Tunis, 1974, p. 431–435.

⁸³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1890. Д. 1464. Л. 154.

⁸⁴ Там же. Л. 155.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Л. 156.

верняка немало политических интересов имело влияние на ход событий, как на ускорение строительства данного проекта, так и на его замедление. Таким образом, из донесения консула России в Тунисе Г. Ниссена управляющему азиатским департаментом МИДа России Зиновьеву И. А. от 4 января 1891 г. были сообщены следующие сведения: «Из информации, полученной из различных источников, следует, что работы по строительству нового канала ведутся крайне медленно и, вероятно, закончатся с очень большим опозданием. По моему мнению (т. е. Г. Ниссена. — *Н. К.*), эта медлительность рассчитана на то, чтобы избежать осложнений с итальянской стороной, о которой последнее время пишет итальянская пресса»⁸⁷.

Французы стали проводить свои военные планы в Тунисе крайне осторожно по отношению к европейским державам и, в частности, Италии. В этом направлении итальянцы говорили, что «пушки Бизерты направлены прямо на Сицилию», что Бизерта — это «заряженный пистолет, нацеленный в сердце Италии». Эти опасения повлекли заключение военного соглашения между Италией и Германией в 1887 г. В 1890 г. премьер-министр Италии Ф. Криспи (1818–1901) предпринял дипломатические акции, чтобы «помешать Франции начать строительство порта в Бизерте»⁸⁸. Несмотря на все беспокойства, которые проявили отдельные европейские государства к военным планам Франции в Тунисе, правительство республики сильно настаивало на своих прежних проектах в регентстве. Потребовались четыре года — с 1891 по 1895, чтобы прорыть канал, соединивший озера Бизерта с открытым морем⁸⁹. Следует отметить, что новый порт в Бизерта был открыт для международной торговли и для французского военного флота в 1895 г. Очевидно, это, с учетом существующего соглашения между Россией и Францией о русско-французском союзе от 1893 года, оказало положительное влияние на развитие движения российских судов в Средиземном море. По данным российского исследователя Н. А. Жерлицыной, «в период с 1881 по 1895 гг. Русские моряки совершили свыше 150 плаваний по Средиземноморью»⁹⁰. В результате этого значительная часть российских военных кораблей стала часто появляться в тунисских портах, а также разные российские государствен-

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1891. Д. 1464. Л. 162.

⁸⁸ Жерлицына Н. А. История российско-тунисских отношений... С. 183.

⁸⁹ Там же. С. 184.

⁹⁰ Там же. С. 185.

ные деятели совершали поездки в Тунис. В этом направлении в донесении консула России Г. Ниссена от 25 февраля 1897 г., адресованном управляющему азиатским департаментом МИДа России Д. А. Капнисту (1891–1897), была дана информация «О пребывании яхты «Зарница» его императорского высочества великого князя наследника престола Георгия Александровича (1894–1899 — *Н. К.*) на рейде Ля Гулетта»⁹¹.

Спустя две недели консул Г. Ниссен написал письмо управляющему азиатским департаментом МИДа России Д. А. Капнисту с просьбой сообщить ему календарь движения российских военных кораблей по Средиземному морю в 1897 г. Также по этому поводу Г. Ниссен направил письмо в российское посольство во Франции с целью информировать о движении российских военных судов по Средиземному морю. В ответе российского посольства в Париже консулу дан совет: «Настоятельно рекомендовать мне (т. е. Г. Ниссену. — *Н. К.*) обратиться напрямую в императорское министерство, потому что оно не может всегда быть в курсе движения наших военных судов. Я имею честь просить ваше превосходительство, если у вас нет возражений и вы сочтете это полезным, заранее сообщать мне (т. е. Г. Ниссену. — *Н. К.*) о прибытии в воды регентства судов императорского флота»⁹². 9 апреля 1897 г. МИД России дал свой ответ на последнее письмо российского консула в Тунисе следующего содержания: «Хотя маршруты российских военных кораблей в целом зафиксированы, но определенная свобода выбора, в какой именно порт зайти, оставлена за капитаном судна. Поэтому точно сообщить заранее, какие порты выберет капитан для остановки, не представляется возможным»⁹³.

Через два года, в целях укрепления дружественных отношений между Тунисом и Россией, Бей Туниса Али Паша принял решение в 1899 г. о награждении некоторых российских офицеров, которые посетили Тунис в разных служебных миссиях. Об этом событии была дана следующая информация в донесении российского консула Г. Ниссена в МИД России от 27 марта 1899 г.: «Имею честь передать вашему превосходительству вместе с этим посланием свидетельства, а также (в отдельном пакете) знаки отличия ордена Нишан Ифтикар, который его высочество Бей изволил пожаловать господину капитану 2 ранга Юнгу, старшему

⁹¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 1897. Д. 1465. Л. 45.

⁹² АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол — новый. Оп. 502 б. 1897. Д. 5380. Л. 1–2.

⁹³ Там же. Л. 4.

врачу Николаевскому и капитан-лейтенанту Веселаге»⁹⁴. После нескольких месяцев появился ответ Морского министерства России по поводу награждения нескольких чиновников французской генеральной резиденции в Тунисе, а также консула и вице-консула России в регентстве российскими орденами за содействие отряду российских судов. Как ни парадоксально, в донесении ничего не было упомянуто о награждении тунисского правителя, хотя он был инициатором награждения российских граждан, которые посетили регентство в последнее время. Очевидно, что российские официальные лица прекрасно понимали, что реальная власть в регентстве находилась в руках французской администрации, а власть Бея являлась лишь формальной. Поэтому представители местной власти в Тунисе не входили в состав лиц, награжденных правительством России. В таком случае в донесении российского Министерства морского флота от 4 июля 1899 г. было указано следующее: «Командующий отдельным отрядом судов в Средиземном море сообщал, что во время пребывания его на мореходной канонерской лодке «Донец» в портах тунисского регентства местные власти оказывали ему постоянное внимание и полное содействие при сношении с берега, ходатайствует о награждении господина Поля Ревуаля, полномочного министра, заместителя генерального резидента Франции — орденом Св. Станислава I степени, господина Роберта Пари, лейтенанта кавалерии, военного атташе при генеральном резиденте — орденом Св. Анны III степени, а также и господина Бонгар-Леббе, нидерландского вице-консула — управляющего нашим консульством в течение последнего года»⁹⁵.

В донесении от 17 июня 1900 г. управляющий консульством России в Тунисе Бонгар Леббе отправил российскому послу в Париже Л. П. Урусову (1897–1904) донесение, в котором подробно информировал его о визите в Тунис российских судов под командованием адмирала А. А. Бирилева (1844–1915) в течение 1900 года. Бонгар Леббе в своем донесении сообщает: «Имею честь направить Вашему (т. е. послу Л. П. Урусову. — *Н. К.*) превосходительству подробное донесение о пребывании в Тунисе господина адмирала Бирилева, командующего отрядом русских судов в Средиземном море.... В понедельник, 11 июня, линкор императорского флота «Император Александр II», шедший под флагом адмирала Бирилева и сопровождающий его крейсер-

---

⁹⁴ Там же. Л. 3.

⁹⁵ Там же. Л. 1.

миноносец «Абрек» ровно в час ночи дали нам сигнал о своем прибытии»⁹⁶.

Важно отметить реакцию, которая была у жителей города Бизерта и, в частности, у многочисленной французской колонии по случаю прибытия российских кораблей: «На берегах канала собралась огромная толпа, шумно приветствовавшая русские корабли. Когда оркестр на борту линкора стал играть Марсельезу, аплодисменты и возгласы приветствия усилились и длились еще долго»⁹⁷. Российский адмирал А. А. Бирилев проводил несколько дней в г. Бизерта в течение которых предстояло ему встретиться с руководством французского гарнизона и представителями французской администрации города. После этого российский адмирал А. А. Бирилев вместе со своими кораблями покинули г. Бизерта и ушли в сторону столицы регентства г. Туниса, где он встретился с тунисским беем, который во время беседы с российскими гостями «выразил удовлетворение тем, что принимает представителей великой державы, которую связывают дружеские отношения с Францией. Затем он вручил адмиралу орденскую ленту ордена Ифтикар»⁹⁸. Бей Туниса также выделил знаки отличия группе российских офицеров, которые сопровождали адмирала А. А. Бирилева. Со своей стороны, генеральный резидент провел переговоры с российской делегацией о совместных отношениях между Россией и Францией. Кроме этого он устроил для российских гостей большой церемониальный обед. Генеральный резидент «поднял тост, сказав, что счастлив приветствовать в Тунисе флаг великой дружественной державы, союзника Франции, а также пожелал долгих лет жизни и процветания правлению императора Николая II»⁹⁹. Со своей стороны адмирал Бирилев в ответном слове генеральному резиденту поблагодарил присутствующих за теплым прием и предложил тост за республику и Францию¹⁰⁰. В результате завершения российской делегации своего визита в Тунис, бей Туниса и французский генеральный резидент подтвердили ей доброе дружественное чувство регентства по отношению к России.

---

⁹⁶ АВПРИ. Ф. 159 ДЛСиХД. Оп. 336 / 2. 1900. Д. 133. Л. 106.

⁹⁷ Там же. Л. 107.

⁹⁸ Там же. Л. 109–110. Важно отметить, что орден ифтикар (орден гордости) — одна из высоких наград у Бея Туниса.

⁹⁹ Там же. Л. 111.

¹⁰⁰ Там же.

Очевидно, что Россия в начале XX века хотела укрепить присутствие своего морского флота в Средиземном море. Для достижения такого намерения было принято решение о необходимости совместного посещения российских и французских судов портов Танжер и Бизерта в Северной Африке. Для осуществления этих планов управляющий российским Морским министерством по главному морскому штабу П. П. Тыртов (1838–1903) отправил письмо от 2 марта 1902 г. министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу, в котором просил его содействия перед французским правительством: «Прошу (т. е. П. П. Тыртова. — *Н. К.*) Ваше Сиятельство (т. е. В. Н. Ламздорф. — *Н. К.*) не отказать мне уведомлением, в возможно непродолжительном времени, о результатах предстоящих сношений с французским правительством по указанным выше вопросам относительно совместного посещения Танжера и Туниса для снабжения ныне же соответствующими инструкциями адмиралов, командующих находящимися в настоящее время в Средиземном море нашими отрядами»¹⁰¹.

Через два месяца с лишним российский министр В. Н. Ламздорф нашел необходимым ответить на письмо управляющего российским Морским министерством по главному морскому штабу П. П. Тыртова, в котором он выразил свое согласие по поводу организации совместного посещения кораблями России портов Средиземного моря. Кроме того, он даже предлагал некоторые меры для проведения этих мероприятий. Для избежания некоторых затруднений, которые возникли при координации усилий между российскими и французскими кораблями, было предложено «установить правильные, частые и непосредственные сношения между русским и французским морскими штабами, таким образом, могли бы заблаговременно условливаться относительно как совместного посещения дружественными судами иностранных вод в тех случаях, когда таковое представляется желательным с политической точки зрения»¹⁰².

Вопрос об улучшении выполнения миссий российского морского флота в Средиземном море и в других краях давно волновал как военных, так и политических деятелей России. Поэтому была принята одна дипломатическая инициатива, которая заключалась в том, что МИД России поручил российскому посольству в Париже решить вопрос о награждении представителей

---

¹⁰¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1902. Д. 2736. Л. 18.

¹⁰² Там же. Л. 47–48.

тунисской и французской администрации в Тунисе российскими орденами за содействие российским судам во время пребывания в регентстве. Прежде всего был выделен орден белого орла Бео Туниса Мухаммеду Насер (1906–1922). Французскому генеральному резиденту Г. Аляпетит (1906–1918) в Тунисе был выделен орден Св. Анны 1 ст. Тунисский губернатор в г. Бизерта Мухаммед Салах Бакуша получил орден Св. Станислава 3 ст. Наряду с этим несколько политических и военных деятелей и чиновников получили разной степени российские ордена¹⁰³. Из числа награжденных лиц было только два человека из местного населения, а все остальные были французские административные официальные лица, проживающие на территории Туниса и занимающие посты в политической, военной и торговой областях регентства.

Прошло несколько лет, и между Россией и Тунисом возник новый инцидент, который был связан с задержанием в Тунисе российского парохода «Одесса» за контрабанду оружия на основе сообщения итальянской газеты «Куриере Сера» из Туниса от 5 января 1912 года¹⁰⁴. Через неделю посол России в Париже Извольский А. П. (1910–1917) представил некоторое уточнение по данному вопросу. По версии российского посла, пароход «Одесса» прибыл из Константинополя в г. Сфакс, находящийся на юге Туниса, под русским флагом. По словам Извольского А. П., пароход «Одесса» «задержан вследствие ложной декларации капитана о том, что груз его составляет уголь, тогда как осмотром обнаружены под углем ящики с митральезами и другими военными припасами. Ввиду сего и согласно декрету 1883 г. о воспрещении преследования, которое закончилось приговором о конфискации судна и груза»¹⁰⁵.

Очевидно, что французская власть поступала по отношению к пароходу «Одесса» в соответствии с внутренним законодательством о запрещении ввоза в Тунис оружия. По имеющимся данным французского правительства и российского консульства в Тунисе, цель рейса парохода «Одесса» «состояла несомненно в водворении военной контрабанды в Триполи за счет и в пользу Турок»¹⁰⁶. В это время в 1911 г. проходила война между Италией и Турцией за Триполи, которая сопровождалась морской блокадой побережья Триполи. Поэтому Высокая Порта была

---

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол — новый. Оп. 502 б. 1907. Д. 5647. Л. 2–3.

¹⁰⁴ Там же. Л. 7.

¹⁰⁵ Там же. Л. 4.

¹⁰⁶ Там же.

вынуждена искать нелегальные способы — через территорию Туниса, чтобы доставить оружие в Триполи. Важно отметить, что отдельные инциденты, которые возникают между французами и русскими, не должны скрывать координации по военным вопросам между Францией и Россией на высшем уровне. Так, летом 1912 г. русский и французский военачальники подписали ряд соглашений для сотрудничества в военной и морской областях. В мае 1914 г. переговоры по военным делам продолжались между Францией и Россией для подготовки совместных военных планов действия в случае возникновения войны. Во всех переговорах и соглашениях между французами и русскими часто упоминали город Бизерта, поскольку он обретал крупный порт и большую морскую французскую базу¹⁰⁷.

Без сомнения, Тунисское регентство под протекторатом Франции в конце XIX — начале XX века было своеобразным звеном при проведении военной политики российской империи в Северной Африке и в Средиземном море в целом. В то время в Тунис прибывали различные военные российские суда и корабли. Они бросали свои якоря в порты Бизерта и Тунис и предпринимали попытки для установления дружественных связей с представителями французской и тунисской администрации.

Заключение

Установление французского протектората в Тунисе в 1881 г. произошло в рамках исторического контекста в конце XIX века, характеризовавшегося усилением борьбы между великими державами за распределение колоний и сферы влияния на разных континентах. В связи с этим следует отметить, что в 80–90-е гг. утверждается экономическая и политическая гегемония Германии на азиатской и африканской территориях, что привело к столкновению ее интересов с Великобританией. Кроме того, успешное распространение влияния Германии на Ближний Восток помогало ее союзнице Австро-Венгрии расширить свое экономическое влияние в странах Балкан. Политика государств Тройственного союза углубила русско-германское и австро-рус-

---

¹⁰⁷ Жерлицына Н. А. Роль протектората Туниса в русско-французских военно-морских связях в конце XIX — начале XX в. Африканцы и россияне на перекрестках истории. Летнев А. Б. (отв. ред.). Институт Африки РАН, Москва, 2010. С. 126–127.

ское столкновение, что расширило русско-французский союз в вопросах сотрудничества, взаимовыгодных для обоих государств. Важно подчеркнуть, что «их объединяла общая угроза со стороны Германии в Европе, опасность дальнейшего продвижения Англии в регионе Средиземноморья и Африки. Эти регионы представляли особую важность для Франции после захвата ею Алжира (1830) и Туниса (1881). Оккупация Англией о. Кипр (1878) и Египта (1882) свидетельствовала о борьбе великих держав за передел мира»¹⁰⁸.

Что касается внешней политики России по Восточному вопросу и, в частности, на Балканах, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, то российский историк Н. С. Киняпина писала следующее: «Россия не проводила активной политики в Северной Африке: ее интересы по-прежнему концентрировались вокруг Балкан и проливов. В действиях Англии в этом районе Россия видела угрозу не только для своих планов на Ближнем Востоке, но и для свободы сообщений с ее Дальневосточными владениями»¹⁰⁹. Совершенно верно, что Россия не имела динамичной политики в Северной Африке и в западной части Средиземноморского бассейна, но ей не были безразличны политические события, которые происходили в регионе, и особенно после взятия Францией Алжира и установления своего протектората в Тунисе.

В результате утверждения протектората Франции над Тунисом регентство приобретало новый политический и юридический статус, и открывались новые условия для дальнейшего развития российско-тунисских связей. Установление французской юрисдикции в Тунисе было первым вопросом, который возник между Францией и Россией в это время. После дипломатических переговоров между российскими и французскими сторонами, российское правительство пришло к выводу о необходимости признания нового судебного режима, установившейся власти протектората в Тунисе. Кроме этого, Россия была одним из первых европейских государств, которое принимало такую позицию, и она призвала другие страны последовать ее примеру. Очевидно, это было связано с ограниченными интересами России в регентстве и с появлением первых шагов для политического сближения между Германией, Австро-Венгрией и Италией. В противовес этих процессов было вызвано определенное ускорение сближе-

---

¹⁰⁸ Киняпина Н. С. Балканы и Проливы во внешней политике России... С. 127.

¹⁰⁹ Там же.

ния между Россией и Францией, которое завершилось в рамках русско-французского союза.

Без сомнения, установление протектората в Тунисе открыло новые возможности для развития торговли между Россией и Тунисом. В связи с этим российский консул Г. Ниссен совершил поездку в Россию в 1888 г., чтобы убедить начальников ведомостей и российских предпринимателей наладить торговые связи с Тунисом. Важно отметить, что принятие французского таможенного режима в Тунисе в 1986 г. и заключение договора русско-французской торговли в 1906 г. предусматривали отдельные статьи для доступа российских товаров в Тунис, и это несмотря на рост вывоза российских товаров в Северо-Африканские владения (Тунис, Алжир), в частности сельских товаров (скота, зерна). Это не предоставило МИДу России солидных аргументов для согласия на открытие других российских вице-консульств в городах Алжира и Туниса. Такой ответ вновь подтверждает уже существовавший подход российского правительства к вопросу о неразвитости российских торговых интересов в Тунисе и Северной Африке.

Что касается вопроса российско-тунисских связей в военной области при протекторате, то он имел особое значение во внешней политике Российской империи в западной части Средиземного моря в конце XIX — начале XX века. Известно, что Тунис имеет уникальное географическое положение, которое позволяет ему контролировать движение судов в Средиземном море. Для этой цели в 1895 г. французы построили крупный порт для торговли и для своего военного флота в тунисском городе Бизерта. Очевидно, что русские моряки осознавали стратегическое значение портов регентства. Российские военные и торговые суда часто прибывали в Тунис, особенно после заключения союза между Россией и Францией. Уже в 1878 г. правительство России приняло решение о создании «средиземноморского отряда российского флота под командованием контр-адмирала О. К. Кремера с постоянной дислокацией в порту Афин»¹¹⁰, для укрепления ее позиции в Средиземном море, и такой курс был продолжен на следующих этапах. В начале XX века российская империя уделила особое внимание своему морскому присутствию в Средиземном море для выполнения своей обязанности перед союзниками, а также для поддержания равновесия сил в мировой политике того вре-

---

¹¹⁰ Жерлицына Н. А. Роль протектората Туниса в русско-французских военноморских связях. С. 119.

мени. В таком контексте многие российские корабли приехали в Тунис, и их командующие были на аудиенциях у представителей французских и тунисских администраций, и некоторые из них были награждены высшими орденами тунисского Бея.

В начале двадцатого столетия российско-тунисские связи при французском протекторате проходили в бурных политических событиях в регентстве (событие джелез 1911 г., событие вокруг трамвая 1912 г.), в регионе (оккупация Триполи со стороны Италии 1911 г.), а в мире обострились противоречия накануне войны между великими державами, принадлежавшими разным военно-политическим блокам. Здесь следует отметить, что русские, французские и тунисские силы вместе, в одном блоке, входили в Первую мировую войну, но по окончании войны они разошлись, французы гордились своей победой на войне и хотели укрепить свою империю, в России царизм рухнул в результате Октябрьской революции, а в Тунисе патриоты вложили все свои надежды в принципы союзников, провозглашавшиеся во время войны, и, в частности, в знаменитой декларации 14 пунктов президента Соединенных Штатов Вильсона, который подчеркивал право народов на самоопределение.

А. Б. АСТАШОВ, П. СИММОНС

ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА И НАСТРОЕНИЯ СОЛДАТ В РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Военная цензура периода Первой мировой войны как отдельный государственный институт — уникальное учреждение, не похожее на цензурные органы, занимавшиеся перлюстрацией писем в мирное время. Документы цензуры — важнейший источник для оценки боевого духа и настроения русских солдат, позволяющий нам взглянуть на войну под другим ракурсом — изнутри, с точки зрения ее непосредственных участников.

Система военно-цензурных учреждений стала складываться 20 июля 1914 г., когда император утвердил «Временное положение о военной цензуре», а в дальнейшем его организация регулировалась «Правилами по организации и исполнению цензуры», «Правилами по устройству и выполнению военной цензуры для фронтов и отдельных, не номерных, армий», «Перечнем сведений, не подлежащих оглашению», указаниями военным цензорам в районе действия армий и распоряжениями местной военно-цензурной комиссии¹. Цель цензуры состояла в том, что-

---

¹ См. приложения к приказам о введении цензуры на фронтах. На Северо-Западном фронте военная цензура была введена приказом Главнокомандующего армиями фронта № 4 от 20 июля 1914 г., а на Юго-Западном фронте — приказом Главнокомандующего армиями фронта № 26 от 31 июля 1914 г. См.: Приказ по войскам 5-й армии № 10 от 6 июня 1915 г. (не подлежит оглашению) // Приказ главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта № 4 от 20 июля 1914 г. // РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 123; Ф. 2122. Оп. 1. 956. Л. 32–32 об.; Приказ главнокомандующего армиями Юго-За-

бы пресекать в какой бы то ни было форме оглашение военной тайны; не допускать проникновения в армии и из армий в тыл сведений, которые могли бы неблагоприятно повлиять на ход дел; способствовать органам контрразведки в обнаружении шпионов в составе армии и населения. Главными средствами для выполнения этих задач являлись просмотр всех частных телеграмм, направляемых из армий и в армию; просмотр, на выбор, частных писем, идущих из армий и поступающих в армии; наблюдение за почтами и типографиями².

Цензура делилась на полную и частичную. На всем театре военных действий фронта и тыловых районах, находившихся на военном положении, цензура вводилась в полном объеме³, а вне его — частично. Цензура в полном объеме предусматривала просмотр всей частной корреспонденции, печатных произведений, тиражированных изображений, конспектов речей и докладов, а также внутренних и международных почтовых отправок и телеграмм без каких-либо ограничений. Вне фронтов и территорий на военном положении цензура осуществлялась частично. Здесь цензоры досматривали почтовые отправления и телеграммы в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов⁴.

Военной цензурой на театре военных действий ведали штабы фронтов, армий, военных округов, входящих в район театра военных действий. Вне его надзор осуществлялся силами Главной военной цензурной комиссии (ГВЦК) при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) и подчиненными ей местными военно-цензурными комиссиями (ВЦК) при военных округах⁵. Местные военно-цензурные комиссии руководили цензурными пунктами и отдельными военными цензорами в различных городах подотчетного им военного округа.

Согласно «Временному положению», обязанности военных цензоров возлагались на местных должностных лиц, наблюдавших за печатью, чинов местных почтово-телеграфных учреждений и офицеров действительной службы. Но ввиду крайнего

падного фронта № 26 // Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1670. Л. 140–140об. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 179.

² Секретный приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 26 от 31 июля 1914 г. // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 180.

³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 179.

⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵ Временное положение о военной цензуре. Глава 2 // РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 133–142.

недостатка в офицерском составе на театре военных действий, отвлечение их от прямых обязанностей являлось нежелательным и даже недопустимым. В результате, военный министр В. А. Сухомятин обратился с докладом к Николаю II с просьбой о допуске к исполнению обязанностей военных цензоров во внутреннем районе империи лиц, не состоявших на государственной службе. Прежде всего министр имел в виду отставных военных, не подлежащих по возрасту призыву в ополчение, но желавших оказать военному ведомству посильную помощь. Николай II одобрил это предложение 7 сентября 1914 года, но лишь по представлению мнений по этому вопросу председателей местных ВЦК и с согласия главных начальников военных округов⁶.

Со временем нехватка цензоров стала ощущаться и на театре военных действий. Главнокомандующий Северным фронтом, опираясь на опыт тыловых цензурных комиссий, в ноябре 1915 г. обратился в Ставку с просьбой расширить число лиц, которые могли бы занять должность цензора. В своем прошении он выразил убеждение, что почтово-телеграфных чиновников для выполнения военной цензуры не хватает, а привлекать к этому офицеров действительной службы затруднительно, т. к. не всегда расположение конторы совпадало с местом их квартирования. Кроме того, выяснилось, что далеко не все чиновники и офицеры знали иностранные языки и могли цензурировать иностранную корреспонденцию. Это обращение имело результат. Сначала командующий 6-й армией, а затем и начальник штаба фронта на основании «Положения» разрешили нанимать на должность военного цензора лиц, не состоящих на государственной службе отставных офицеров и женщин. Однако далеко не все согласились с этим решением. Протесты были как со стороны почтово-телеграфного ведомства, так и со стороны Ставки. В частности, говорилось о том, что столь значимая мера требует внести дополнение в ст. 20 «Временного положения о военной цензуре» в законодательном порядке⁷.

Высказывались также мысли о привлечении к цензурированию раненых офицеров и лиц из местной администрации. Сначала предложение это было отклонено Главным штабом, но обстоятельства вынудили правительство пойти и на этот шаг. Главнокомандующий армиями Западного фронта, ссылаясь на Высочайшее повеление от 7 сентября 1914 г., обратился в Ставку с ходатай-

---

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 159–160.

⁷ Там же. Л. 248–250.

ством о расширении штата цензоров. 16 апреля 1916 г. Николай II, с согласия командующих армиями и главных начальников военных округов, одобрил эту меру. 18 апреля вышло официальное подтверждение — приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 515 допустить на военные округа театра военных действий к исполнению обязанностей военных цензоров лиц, не состоящих на государственной службе. Это было вызвано тем, что допущение офицеров действительной службы, могущих служить в строю, к занятию нестроевых должностей было крайне ограничено, вследствие чего нужда в военных цензорах еще более возросла, а разрешение служить цензорами раненым офицерам было отклонено Главным штабом⁸. Привлечение же к цензуре лиц местной администрации было признано нежелательным со стороны Штаба Верховного главнокомандующего. 16 апреля 1916 г. царь дал свое согласие и на это, но с разрешения командующих армиями в подчиненных им районах театра военных действий и главных начальников военных округов⁹.

В распоряжении императора, как заметил председатель Главной военной цензурной комиссии генерал А. И. Звонников, ничего не было сказано о половой принадлежности лиц, допущенных к военной цензуре. Поэтому для председателей местных военно-цензурных комиссий на основании ст. 11 «Положения» Главная военно-цензурная комиссия внесла уточнение по этому вопросу. В связи с недостатком мужчин-цензоров, женщины получили возможность исполнять эту работу. Сначала они поступали на должности переводчиц при цензурных комиссиях или помощниц военных цензоров. Просматривать корреспонденцию, как русскую, так и иностранную, женщины могли только под руководством военных цензоров¹⁰.

4 мая 1916 г. вышел еще один приказ, в котором разрешалось заниматься военной цензурой и женщинам, но исключительно в тыловом районе, в местностях, подчиненных главным начальникам военных округов на театре военных действий¹¹. Условием их найма были благонадежность, хорошие рекомендации. Предпочтение отдавалось вдовам, сиротам, женам, дочерям и сестрам военнослужащих, убитых и раненных в боях. Привлекались также ученицы 7–8 классов гимназии, для чего требовалось на-

---

⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 70–71.

⁹ Там же. Л. 161.

¹⁰ Там же. Л. 248–250.

¹¹ Там же. Л. 240.

личие согласия инспекторов округов. Женщины не имели права занимать должности старших военных цензоров — их функции сводились к содействию опытным служащим при их непосредственном наблюдении и руководстве. К помощи представительниц слабого пола можно было прибегать лишь при отсутствии лиц других категорий¹².

Вскоре выяснилось, что женщины могут успешно работать не только в тыловом районе. Так, генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта сообщил в Ставку, что в его военно-цензурном районе, в городах Бердичеве, Житомире и Казатине, вследствие большого объема корреспонденции и недостатка интеллигентных, квалифицированных лиц, на должности помощниц были назначены женщины. Отбор осуществлялся весьма осторожно. Штаб фронта руководствовался не только образовательным цензом: большую роль играли благонадежность и отношение претенденток к военной тайне. Вскоре качественная работа женщин была оценена по достоинству. Более того, главкомы армиями Северного и Юго-Западного фронтов обратились в Ставку с просьбой, чтобы женщины, за неимением претендентов среди мужчин, могли занимать должности военных цензоров. Они ссылались на опыт цензурных пунктов Кронштадта и Финляндии. Там использование труда женщин оправдывалось политическими обстоятельствами. Благодаря привлечению к цензуре русских патриотов, вдов и сирот офицеров, служивших в Финляндии, удалось уменьшить количество финских сотрудников. К тому же, в случае появления альтернативы среди мужчин, увольнение женщин представлялось неудобным, т. к. это поставило бы их в затруднительное материальное положение¹³.

В связи с разорванностью самого дела цензуры между различными фронтовыми и армейскими структурами не существует единых итоговых цифр о количестве военных цензоров. В каждом округе и в каждой армии это количество менялось год от года, однако очевидной была тенденция роста их общего числа. Такая неравномерность отражала смену приоритетов цензурного контроля: от недопущения в печати и телеграммы сведений, которые могли повредить оперативным военным интересам, до политического контроля над «настроениями» армейской массы. Это хорошо видно, если сравнить количество цензоров в военных округах и армиях. Так, в начале августа 1914 г. в Варшавском военном

---

¹² Там же. Л. 163–164.

¹³ Там же. Л. 240, 312.

округе был 281 военный цензор¹⁴. В районе Двинского военного округа на этот момент было 306 военных цензоров¹⁵, а в апреле 1915 г. — 350¹⁶. В то же время, например, в 5-й армии на октябрь 1914 г. насчитывалось всего 4 военных цензора¹⁷. Вплоть до лета 1915 г. количество военных цензоров в округах значительно превышало их количество в армиях. Но уже к концу 1915 г. ситуация переменялась. На начало декабря 1915 г. в том же Двинском военном округе было уже только 134 цензора, в то время как на Северном фронте — 381¹⁸. Количество армейских цензоров продолжало расти и далее. На февраль 1916 г. только в районе 6-й армии было 450 цензоров¹⁹, в Петроградской военно-цензурной комиссии насчитывалось на начало 1916 г. 1970 женщин и 657 мужчин²⁰. Методом экстраполяции можно определить количество военных цензоров на фронте в 4–5 тысяч и по внутренним округам — около 2 тысяч. Это громадное количество военных цензоров в несколько порядков превосходило количество цензоров-перлюстраторов, работавших в «черных кабинетах» почтового ведомства до войны, — около 50 человек²¹.

Что же касается количества писем, то, согласно данным цензуры и военно-полевой почты, на одного военнослужащего в среднем приходилось 10–12 писем в месяц: 6–7 писем — из армии, и 4–5 писем — в армию²². Бескрайний поток писем сначала ощутили на себе работники цензуры уже в 1915 г. Особенно много писем посылали из тыловых лазаретов, где зачастую каждый солдат ежедневно диктовал медицинской сестре по несколько штук. Всего, согласно данным Управления военных сообщений Ставки, в 1914 г. через 11 главных полевых почтовых контор на театре военных действий прошло 58 млн писем, в 1915 г. — 319 млн, в 1916 г. — 600 млн, а в 1917 г. (по расчетным данным) — 724 млн. Всего за время войны через армейскую почту прошло свыше

---

¹⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 97–103 об.

¹⁵ Там же. Л. 43–53 об; Приказ по Двинскому военному округу на театре военных действий № 51 от 30 сентября 1914 г. (не подлежит оглашению) // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. 716. Л. 42.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 96–110.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 171. Л. 10.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 96–110; Д. 959. Л. 482–482 об.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1204. Л. 236.

²⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 105.

²¹ *Смыкалин А. С.* Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб., 2008. С. 67.

²² РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 93. Л. 102.

1 700 млн писем²³. Из этого количества писем военные цензоры просмотрели (согласно выборке в 2,5 %) не менее 40 млн. писем.

Проверка писем

Первоначально военные цензоры контролировали только содержание печати и телеграмм, имевших более важное значение, чем закрытые, случайные письма. Только к лету 1915 г. была налажена проверка писем военнослужащих армии в целом. Военные цензоры получили большие права по контролю над информацией на фронте. Они имели право вскрывать, просматривать и делать выемки всех почтовых отправок и телеграмм. При этом функции цензора не были четко определены, что позволяло их трактовать произвольно. Согласно «Временному положению», военные цензоры имели право запрещать оглашение не только сведений, предусмотренных в «Перечне сведений, не подлежащих оглашению», но и тех, которые могли, по их мнению, оказаться вредными для военных интересов государства (ст. 31)²⁴. Однако существовали некоторые ограничения на проверку частной корреспонденции. Так, согласно ст. 31 «Временного положения», от проверки были освобождены все письма и телеграммы, получаемые и отправляемые особами императорской фамилии, главнокомандующими фронтами и командующими отдельными армиями, всеми правительственными учреждениями и должностными лицами за присвоенной им печатью, дипломатическими и консульскими представителями иностранных государств²⁵.

В рамках этих ограничений существовали определенные тонкости. Цензоры просматривали письма лиц, стоявших близко к членам Императорской фамилии, например Г. Распутина и А. Вырубовой. Но иногда, вопреки указаниям, вскрывались и письма самих членов императорской фамилии, а также начальника штаба Верховного Главнокомандующего и командующих армиями²⁶. В 1914 г. начальники некоторых корпусов высказывали неудовольствие по поводу просмотра посторонними людьми

²³ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 4. Д. 120. Л. 1–2, 5–6, 13–14, 17–18, 83–96.

²⁴ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 125.

²⁵ Указания по устройству и выполнению военной цензуры // Приказ по войскам 5-й армии № 10 от 6 июня 1915 г. (не подлежит оглашению) // РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 125.

²⁶ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 56; Ф. 2019. Оп. 1. Д. 717. Л. 44.

их частных писем и пытались поднять вопрос о прекращении цензуры в отношении высших начальствующих лиц армии и офицерских чинов без каких-либо веских к тому причин. Однако генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта категорически приказал «не допускать никаких изъятий и отступлений от правил, изложенных во Временном положении о военной цензуре»²⁷. Вопрос о цензуре писем высших должностных военных и гражданских лиц вновь поднимался в 1916 г. Многие командующие армиями и фронтами указывали, что на практике военные цензоры проверяли их переписку «из акта простого любопытства», несмотря на обозначение адресата на конверте. Тем самым замедлялось прохождение почтовой корреспонденции, а главное — возникла опасность ущерба делу контрразведки. Особенно часто военные начальствующие чины — командующие 5-й, 12-й и другими армиями — упрекали в этом «любопытстве» Петроградскую ВЦК. Военные требовали даже пересмотреть вопрос о границах ответственности цензуры, предлагая изменить саму ст. 4 «Временного положения» таким образом, чтобы проверка писем не допускалась в отношении лиц, стоявших выше командующих дивизиями. Например, такую просьбу высказал начальник штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал В. Н. Клембовский, чья корреспонденция часто вскрывалась цензурой. В письме начальнику Штаба ВГК М. В. Алексееву от 6 апреля 1916 г. он предлагал освободить от досмотра корреспонденцию хотя бы начальников штабов армий и генерал-квартирмейстеров штабов фронтов и армий, поскольку они «располагают гораздо более важными сведениями, чем те, кои могут быть сообщены в частных письмах»²⁸. Но командование считало, что возбуждение вопроса об изменении статьи «Временного положения» могло повлечь за собой многочисленные подобные ходатайства от других, нижестоящих, должностных лиц. Поэтому Алексеев не стал поднимать вопрос об изменении статьи 4.

Проблемы существовали и с цензурой материалов дипломатических и консульских миссий, которые по ст. 4 «Временного положения» были от такого контроля освобождены. Но в МИД поступали неоднократные жалобы на просмотр корреспонденции как официальной, так и частной, даже от союзных посольств и миссий²⁹. Поэтому в мае 1915 г. Совет Министров внес неко-

---

²⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 87–87 об.

²⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1174. Л. 283–283 об., 286.

²⁹ Там же. Л. 80, 366–367.

торые дополнения и уточнения относительно просмотра такого рода почтовых отправлений и телеграмм. Вскрытию и действию цензуры не подлежали: а) официальная переписка под казенными печатями, поступающая на адрес иностранных дипломатических учреждений в Петрограде от правительства, дипломатических учреждений и консульских представителей их же государств; б) официальная переписка под казенными печатями, отправляемая иностранными дипломатическими учреждениями в Петроград на адрес правительств и учреждений, указанных в пункте «а»; в) официальная переписка под казенными печатями, поступающая на адрес иностранных консульств в России от их правительств и от посольств или миссий того же государства в Петрограде; г) официальная переписка под казенными печатями, отправляемая иностранными консулами на адрес посольства или миссии того же государства в Петрограде. Всякая прочая переписка, как отправляемая, так и получаемая иностранными дипломатическими и консульскими учреждениями, подлежала цензуре, даже если на ней были казенные печати³⁰. В начале 1916 года начальник штаба ВГК М. В. Алексеев дал свое согласие на освобождение от цензурного просмотра всех почтовых отправлений и телеграмм, посылаемых на имя императорских Российских послов и посланников, а также на имя министра иностранных дел и его товарищей. Это правило не распространялось на начальников отделов и департаментов Министерства иностранных дел и на сотрудников других министерств, так как предоставление такой льготы всем ведомствам значительно увеличило бы количество корреспонденции, не подлежащей просмотру³¹.

Несмотря на неоднократные разъяснения этого положения³², нарушение тайны дипломатической переписки продолжалось в течение 1916 г. Военные цензоры объясняли такую практику тем, что под прикрытием дипломатических миссий скрывалось множество совершенно частных организаций, что вызывало подозрение как цензуры, так и контрразведки. Последней цензура и передавала соответствующую информацию. Военные цензоры даже завели частные списки перечня дипломатических служащих, которыми руководствовались при сортировке корреспонденции. Выход

---

³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1483. Л. 286.

³¹ Там же. Л. 290.

³² Председатель ГВЦК — председателю Петроградской ВЦК от 9 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1174. Л. 364–365.

нашли в передаче всей проходящей дипломатической корреспонденции в ГУГШ, где она бы сортировалась на освобожденную от цензуры — для дальнейшей передачи в почтамты и не освобожденную — для передачи в Петроградскую военную цензуру³³.

Ряд писем цензуре указано было вообще не пропускать. Судьба такой корреспонденции первоначально не оговаривалась. Однако уже в 1914 г. стали приниматься меры по уничтожению писем как на еврейском, так и на венгерском и турецком языках. Такая практика широко применялась цензурными учреждениями военных округов и фронтов и существовала вплоть до 1917 г.³⁴ Тем самым «без языка» оставался значительный военный контингент, что значительно уменьшает данные о таком важном вопросе, как национальные отношения в армии и стране.

Другая группа военнослужащих, подвергавшихся цензурным ограничениям, состояла из русских военнопленных в австро-германских лагерях. Уже зимой 1914–1915 гг. цензорам было указано на самом высоком уровне обратить внимание на письма от русских военнопленных в армию. Нередко в них сообщалось о жизни в плену в хорошем свете, вопреки распространявшейся пропаганде о «зверствах» по отношению к русским военнопленным. Это могло оказать, по мнению военного начальства, «соблазнительное действие» на солдат русской армии. Такие письма цензоры должны были изымать, а фамилии авторов сообщать в Особое отделение Главного штаба по сбору сведений о потерях для возможных санкций по отношению к ним после возвращения из плена и для оповещения родственников³⁵.

Цензура не только контролировала переписку, но выполняла и репрессивную функцию. Существовали ограничения для прохождения корреспонденции по социальным и идеологическим мотивам. Так, прямо предписывалось не пропускать письма от нижних чинов на родину, в которых содержались призывы к выступлению против помещиков, не производить платежей, не делать взносы в Крестьянский банк и другие казенные учреждения, а также не отдавать арендных денег за землю³⁶. Подле-

³³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1174. Л. 371–372 об., 381.

³⁴ Приказ по Кавказскому военному округу № 389 от 19 сентября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1670. Л. 251.

³⁵ Генерал-квартирмейстер Верховного Главнокомандующего — начальнику штаба Северо-Западного фронта от 8 декабря 1914 г. (секретно) // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 717. Л. 71.

³⁶ Указания по устройству и выполнению военной цензуры // Приказ по войскам 5-й армии № 10 от 6 июня 1915 г. (не подлежит оглашению) // РГВИА.

жали уничтожению и «вредные» письма. Как правило, это были письма «негативного» (с подробным указанием потерь, вообще «ужасов войны»), хотя часто и весьма невинного, содержания. Например, в одном из таких уничтоженных писем солдат писал: «Служба моя пока, Слава Богу, но только кушать нет что, страждаю, больше питаюсь чаем, а спим на полу»³⁷.

Особенно важным для цензуры был вопрос недопущения незаконной информации с фронта: о месте стоянок и передвижениях частей, о пополнениях, поставках оружия, потерях и т. п. В этих условиях цензура принимала различные способы недопущения оглашения недозволительных сведений из армии. Одним из них и была задержка почтовой корреспонденции в цензурных участках в предположении, что содержащаяся в письмах нежелательная информация потеряет актуальность в оперативном отношении³⁸.

Среди технических трудностей по контролю над корреспонденцией с фронта военные власти указывали на обработку писем, начертанных поверх основного текста, на клочках бумаги, заклеенных в самодельные конверты, которые приходилось вновь склеивать, и т. п. Большие сложности у военной цензуры были с уничтожением недозволенных сведений в письмах, поскольку, согласно ст. 52 «Временного положения», недозволенные места вырезались или замазывались, но само письмо отправлялось по назначению³⁹. Поэтому необходимо было выскабливать, вырезать или замарывать типографской «кашкой» (краской) запрещенный текст. Само это мероприятие занимало довольно много времени и касалось не менее 5 % просмотренных писем. Но это не достигало цели, так как громадное большинство посланий было написано карандашом, который оставался ясно видимым, какой бы густой слой краски на него ни клали. С писем же, написанных чернилами, типографскую краску легко было снять, так как она предназначалась только для печати, где смешивалась с такой же типографской краской. В большинстве случаев выскабливание, вымарывание чернилами, химическим карандашом, типографской краской, вытравливание раствором хлорной извести или щавелевой кислоты не достига-

---

Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 125 об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1670. Л. 140–140 об., 252 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 120.

³⁸ Циркуляр по 9-й армии от 24 июля 1914 г. // РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1667. Л. 2; Д. 1670. Л. 140–141.

³⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 12 об.

ли цели. Почти всегда оставалась возможность восстановления утраченного текста, что было доказано опытами в Кабинете научно-судебной экспертизы при прокуратуре Петроградской судебной палаты. Порою манипуляции на одной странице письма приводили к повреждению текста на другой, что ничем не отличалось от вырезания фрагментов письма. Проблема здесь была в отсутствии перочинных ножей, не предусмотренных по штату, а пользование стеклянной резинкой затруднялось из-за ее недостатка на рынке⁴². В связи с этим появились идеи вообще уничтожать письма с недозволенными местами, если их количество в письме составит более половины текста⁴¹.

Чтобы избежать проверки писем, солдаты шли на самые разные уловки. Часто письма пытались передать через знакомых, уезжающих в командировки и отпуска. Некоторые солдаты сами делали на обороте писем пометку: «читал такой-то»⁴². Доходило до того, что солдаты выясняли фамилии цензоров и проставляли фальшивое клише цензора⁴³. В связи с пропажей множества писем, в которой военнослужащие обвиняли цензуру, авторы сами пытались установить контроль над прохождением корреспонденции. Для этого письма тщательно нумеровали, осведомляясь у адресатов, какие именно письма они получили, в каком виде и т. д. Были и другие способы ухода от контроля со стороны цензуры. Иногда письма «зашифровывали», отдельно пересылая коды дешифровки⁴⁴. Сами письма нередко пересылались в мыле, грецких орехах, в различных потайных местах. Цензурным органам пришлось применять особые приборы для быстрого вскрытия и обнаружения вложения писем⁴⁵.

Солдаты пытались и в подцензурных письмах сообщать нужную информацию. Так, для указания мест стоянки прибегали к таким приемам в сообщениях на родину: «Еще кланяются Вам Барановичи»⁴⁶. Но чаще солдаты старались в самом тексте письма

---

⁴⁰ Генерал-квартирмейстер 6-й армии — генерал-квартирмейстеру штаба Северного фронта от 12 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 579–579 об.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1174. Л. 128–128 об.

⁴² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 444.

⁴³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 5. Д. 41. Л. 157.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1009. Л. 296–297.

⁴⁵ Протокол заседания Петроградской ВЦК № 1 от 20 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 14 об.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74 об., 79 об., 87 об., 105, 105 об., 202 об. 203, 220; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 116 об.

помещать информацию, «невидимую» для цензоров. Авторы вписывали ее между строк сиропом, лимонным соком, молоком, мочой, вообще раствором любой бесцветной соли. Таких способов тайного письма насчитывалось около 80⁴⁷. Начальство всерьез реагировало на поток «симпатической почты», в большинстве случаев подозревая авторов в сокрытии шпионской информации. Была разработана целая технология чтения невидимых текстов. Трудность здесь состояла в том, что для каждого такого тайного ингредиента требовался индивидуальный проявитель. Например, письмо, написанное сиропом, натирали золой. Если крепость сиропа была мала, то письмо хорошо нагревали, а потом терли угольным карандашом. Пытались, однако, найти общие методы проявления невидимых текстов. Для этого пользовались указаниями в трудах западных экспертов по научной технике расследования преступлений. Таким методом было прогревание писем в специальных сушильных химических шкафах. Правда, для этого в Кабинете научно-судебной экспертизы при Петроградской прокуратуре не было самих сушильных шкафов и соответствующего числа точных термометров. В том же кабинете было установлено, что групповым химическим реактивом для проявления симпатических чернил является йод⁴⁸. Для обнаружения скрываемой информации от военнослужащих цензура использовала и данные, собранные специальным музеем в Англии, где были представлены все уловки немцев в передаче информации⁴⁹. В целом только к концу 1916 г. цензура стала овладевать техникой чтения писем авторов со скрытой информацией. Однако это могли себе позволить только высшие учреждения военной власти, главным образом в Петрограде⁵⁰.

Отчеты о настроениях в армии

С начала войны цензура вообще не ставила задачу проверки общественно-политических настроений в армии. Копируя множество писем, в основном идущих в Петроград и Москву, Главная военно-цензурная комиссия вплоть до лета 1915 г. не делала никаких их обобщений, анализа и т. п. Только в местных военно-

---

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1009. Л. 387.

⁴⁸ Протокол заседания Петроградской ВЦК № 1 от 20 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. 14 об.

⁴⁹ Там же. Л. 19.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 10. Л. 164–164 об.

цензурных комиссиях внутренней России, где чиновники-цензоры были ближе знакомы с практикой политической перлюстрации, в первые же месяцы войны выявлялось наличие в письмах сведений о настроениях в армии. Но и здесь определенной программы действий цензоров в анализе писем еще не существовало. В течение первого года войны деятельность военной цензуры заключалась не столько в сборе информации о настроениях в армии, сколько в удалении ненадлежащих публикаций и сообщений в печати и в почтово-телеграфной корреспонденции⁵¹.

Однако ситуация изменилась после правительственного кризиса августа—сентября 1915 г., после завершения которого Совет Министров потребовал подчинения армии единым формам контроля над населением. Председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин в переписке с военным министром А. А. Поливановым высказывал недовольство тем, что военная цензура исходит в надзоре за печатью только из соображений, «касающихся внешней безопасности», и предлагал сделать постановку надзора «на более широких основаниях». Он считал, что первостепенное значение имеет предупреждение дальнейшего развития агитационной деятельности в печати и среди населения. В результате 14 сентября 1915 г. Николай II подписал соответствующий доклад, который лег в основание перестройки военной цензуры. С этого времени предметом контроля содержания писем стало выяснение «настроений» широких армейских масс, а также гражданского населения⁵².

Для выявления настроений солдатской массы разрабатывались соответствующие программы обработки писем. С начала войны рубрики, по которым характеризовались армейские «настроения», были неофициальные, самой различной направленности и менялись чуть ли не ежемесячно. Так, одними из первых были рубрики в отчетах ГУГШ. Так в марте 1915 г. в ГВЦК собирали информацию по таким рубрикам: настроение отдельных корреспондентов («бодрые» — «унылые»); довольствие; санитарное обеспечение войск; отношение к евреям; отношение к текущим военно-политическим событиям; «письма, представляющие специальный интерес». Для Кавказского фронта добавлялась рубрика об «отношении к мусульманам» или об «отношении к различным народностям»⁵³. Далее рубрики цензурных

⁵¹ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1667. Л. 2; *Потанов Н. М.* Указ. соч. С. 47–49.

⁵² РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 176–178; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1173. Л. 49–50.

⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 617. Л. 11–18 об.

отчетов все больше отражали замешательство властей в ходе «Великого отступления» 1915 г. Так, в апреле в рубриках отчетов отмечались письма с «бодрым настроением и верой в конечную победу»; пессимистическими настроениями и свидетельствовавшими «об усталости войною»; отрицательными отзывами о действиях и распоряжениях начальства; сведениями о качестве германской артиллерии и состоянии германо-австрийских войск; сообщениями об отличной постановке довольствия войск; отдельными жалобами на недостаток пищи в войсках, действующих в Карпатах, и на нехватку белья; «отношением к германскому набегу в Курляндию»; суждениями о положении дел на театре военных действий (в Галиции и Курляндии)⁵⁴. В мае цензура интересовала бодрые настроения; отношение к последним военным событиям; сведения о применении немцами ядовитых газов; жестокости немцев по отношению к раненым; жалобы на недостаток довольствия, о беспорядках в санитарных учреждениях, по поводу наград, на различные беспорядки и злоупотребления⁵⁵. В июне отмечались письма, проникнутые бодрым и подавленным настроением; сведения, отмечающие падение энергии германцев, о применении немцами недозволенных способов ведения войны; жалобы на жестокое обращение врага; отзывы по поводу мобилизации промышленности; жалобы на недобросовестность и нераспорядительность некоторых лиц⁵⁶. В июле цензура отслеживала «бодрые» и «подавленные» настроения; сообщения о недостатке снарядов и мобилизации промышленности; жалобы на недобросовестность и нераспорядительность некоторых лиц и учреждений; письма об отношении к русским персов и латышей⁵⁷. В сентябре 1915 г. существовали следующие рубрики, по которым производилась отчетность: общее число просмотренных писем; количество (иногда в процентном выражении) писем офицеров и нижних чинов; количество писем «с патриотическим подъемом»; наличие писем с жалобами, критикой начальства, пожеланиями окончания войны, с сообщением недозволенных сведений; наличие писем, не относящихся к войне; наличие писем с идеями социал-демократического движения и сепаратизма; общее впечатление от писем⁵⁸. В следующие два месяца военное начальство

---

⁵⁴ Там же. Л.311–318, 325–333 об.

⁵⁵ Там же. Л. 385–395, 460–472, 515–528 об.

⁵⁶ Там же. Л. 645–655.

⁵⁷ Там же. Л. 691–703.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1670. Л. 175–177.

поставило вопрос о всеобъемлющем анализе просматриваемой корреспонденции. Начальник штаба Западного фронта в своем циркуляре начальникам штабов 1-й, 3-й, 4-й и 10-й армий указывал, что письма, «будучи периодически собираемы и подвергаемы обработке, могут дать ценный материал для суждения о настроении, господствующем в данный момент в войсках и в стране»⁵⁹.

Подобные меры принимались и на Северном фронте. Генерал-квартирмейстер штаба 5-й армии полагал, что «детальное рассмотрение военной корреспонденции предоставляет возможность остановиться вниманием на основных существенно-злободневных вопросах армейской жизни». В связи с этим военным цензором ППК, состоявшим при корпусе или дивизии, предписывалось составлять ежемесячный отчет к 10-му числу со следующими пунктами: месяц и число отчета; общее количество просмотренных писем; число писем с условным содержанием (шпионаж); сведения с указанием места нахождения своей части и о военных мероприятиях; сообщения об уклонении от службы и членовредительстве; сведения о грабежах, насилии и наличности крупных денег; сообщения, носящие политический и агитационный характер; данные о распространении тревожных слухов; письма военнопленных с описанием их жизни; письма до востребования; письма с условным адресом; письма на еврейском, венгерском и немецком языках; письма, отправленные в Петроградскую военную цензуру на «разработку»; количество телеграмм⁶⁰.

С начала ноября 1915 г. перестройка цензурного дела в отношении фронтовых писем коснулась и Юго-Западного фронта. Предполагалось, что теперь военные цензоры будут составлять ежемесячный отчет к 15 числу каждого месяца. При этом сводка должна была состоять из двух частей: а) общего обзора цензурованных писем и б) приложения выборок из самих писем. И отчет и выборки предписывалось распределять по следующим рубрикам: настроение духа армии; вооружение и снаряды; немецкое засилье; отношение армии к внутренним делам и событиям и Государственной думе; толки об измене; преступный, антидисциплинарный и социалистический характер; довольствие (пища, одежда, обувь); характеристика офицерского персонала; содержание

---

⁵⁹ Начальник штаба Западного фронта — начальникам штабов 1-й, 3-й и 10-й армий и и. д. начальника штаба Минского военного округа от 17 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 5–6 об.

⁶⁰ Генерал-квартирмейстер 5-й армии — военному цензору полевой почтовой конторы № 23 от 21 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 145.

в госпиталях и о болезнях эпидемического характера; пьянство; неисправная доставка посылок, почты; взяточничество; разные⁶¹. Генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта М. К. Дитерихс оставил важные замечания по существу цензорской работы. Цензорам предписывалось в выборках из писем отражать те, которые ими вымарываются. Сама выборка писем могла быть небольшой, но в каждой из указанных категорий следовало представлять наиболее характерные, «а в особенности встречающиеся чаще всего, как рисующие настроение армии или части ее». Общий обзор должен был «резюмировать весь материал, ярко отмечать настроение армии, состояние ее духа, проявление тех или иных влияний, причем выводы, делаемые в обзоре, должны опираться и иметь ссылки на прилагаемые к обзору выборки писем»⁶². Такая работа цензуры превращала ее материал в крайне ценный исторический источник, отражавший основные тенденции развития социального организма, которым являлась армия.

В январе 1916 г. командование Западного фронта еще раз поставило вопрос об установлении «строгой программы характеристики настроений». Это вылилось в появление таких рубрик цензорских отчетов, как: общее настроение; отношение к миру, офицерам, довольствию, внутренним событиям, Государственной думе; письма с «преступными и социалистическими» настроениями; характеристика обеспечения фронта снарядами, «разное», сведения об эпидемиях и письма со сведениями, не подлежащими оглашению⁶³. Впоследствии, в ответ на угрозы волнений в связи с дороговизной, цензура усилила контроль и более тщательно подходила к просмотру и анализу писем по социальным мотивам⁶⁴.

К весне 1916 г. дело цензурных отчетов было налажено и власти неоднократно высказывали удовлетворение работой цензоров⁶⁵. Командующий 5-й армией ген. Н. Сиверс характеризовал ее как прекрасную организацию⁶⁶. В ВЦО 12-й армии считали, что проценты писем с указанием «бодрого настроения» верны:

---

⁶¹ Генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта — генерал-квартирмейстерам штабов 7-й, 8-й, 9-й, 11-й армий и начальникам штабов Киевского и Одесского военных округов от 2 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Л. 203–203 об.

⁶² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Л. 203–203 об.

⁶³ Доклад начальника ВЦО штаба Западного фронта от 28 ноября 1916 г. // Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484 об.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 208.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 112.

именно те части, в которых дух выше, отличались и в бою⁶⁷. Фронтное командование постоянно обращалось к материалам цензуры для учета настроений армейских масс, их продовольственного и иного обеспечения, реагировало на критику в адрес командования и т. д. Об этом сохранились многочисленные свидетельства в виде пометок на самих отчетах, выдержках из писем⁶⁸.

Настроения накануне Февральской революции

В целом, судя по военно-цензурным отчетам, с наступлением осени 1916 г. в армии обостряется обстановка. В связи с нехваткой продовольствия, снаряжения и беспорядками в тылу моральное состояние солдат неизменно ухудшалось. Высокая инфляция, частые забастовки, нехватка пищи, слухи об измене и коррупции в правительстве ухудшали ситуацию. Столь плачевное положение дел в тылу влияло на настроение на фронте. Из докладов цензоров видно, что с октября 1916 г. большинство солдат сильно волновались о сложившейся ситуации, особенно о высоких ценах на самое необходимое⁶⁹. По отчетам цензоров, дороговизна жизни являлась основной темой писем, многие осуждали тех, кого считали за это ответственным. Например:

«...Действия вновь принимают затяжной характер, а неумение и нежелание правящих кругов привести в порядок разруху внутри России и прийти на помощь народной массе в борьбе со спекуляцией на все необходимое в жизни — отравляет чувство долга к родине. Что же? один не щадит своей жизни на благо родины, а другие гнетут их семьи и всеми силами стараются оказать этим поддержку противнику. Где же справедливость? Где правда? Где власть? Газеты переполнены последними издыханиями противника, а в действительности у них в тысячу раз лучше, чем у нас. Они не издохнут, а мы можем задохнуться от все более и более разлагающейся внутренней России...»⁷⁰

Инфляция и жадность спекулянтов порождала огромную критику со стороны войск. В своих письмах они не скрывали свое

---

⁶⁷ Там же. Л. 394.

⁶⁸ См. например: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 251, 254, 262, 409 об.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1486. Л. 217 об.

⁷⁰ Там же.

недовольство ситуацией в тылу и грозились разобратся с нарушителями после их возвращения. Раздражение и злость по отношению к нехватке пищи, столь ощущаемая внутри страны, стала распространяться и по армии. Вот что фронтовики писали домой:

«Печалит всех нас, тревожит и волнует дороговизна жизни в тылу. Сумасшедшие цены на продукты первой необходимости бросают прямо в холод и жар. Что же будет, если мародерские аппетиты и наряду с ними тыловые неурядицы будут расти? Эдак, действительно, все жертвы, наши страдания и героизм будут сведены к нулю. Горе будет мародерам, если мы, вернувшись домой, найдем могилы умерших от голода. Горько и обидно и больно видеть всю эту вакханалию грабежа и подлости за спиной дерущихся за родину... Тут жертвуют жизнью, здоровьем, т. е. самым ценным для человека, а за спиной пируют мародеры. Вот когда пора крикнуть — «да здравствует закон Линча.» «Смерть мародерам»... Отец, сын, муж на позиции страдают, а его жену, семью, мать, сестер, дочерей грабит эти проклятые тыловые мародеры и внутренние враги, которые гораздо опаснее внешних, и когда же этим извергам и издевательствам будет конец. Когда же вознаградят по заслугам и кто же положит конец этому... Вот и войю на благо родины, а где же благо-то. Где оно, или вот это-то и есть благо, что мы проливаем кровь, а за нашей спиной спокойно почивают мародеры и без совести сдирают может быть последние гроши с наших жен и детей. Настроение угнетающие и к победе не выведет и точно сомнительно, чтобы за нами осталась победа».⁷¹

Неудивительно, что экономические трудности в тылу быстро распространились на фронт, где с каждой неделей качество и количество еды неизменно ухудшалось. В ноябре военные цензоры отметили резкий рост жалоб на пищу. Многие солдаты писали о своей ненависти к гороху и чечевице, которые все чаще появлялись в пищевом рационе. Отчеты цензоров за период с 15 ноября по 15 декабря показывают, что количество негативных комментариев относительно еды превзошло позитивные в 3 раза. В основном жаловались на замену мяса рыбой, отсутствие каши, которая была заменена горохом и чечевицей, и меньшие порции хлеба⁷².

В начале 1917 г. стало очевидно: солдатам надоела война. Цензоры отмечали апатичность и безразличие, а также антивоенные

---

⁷¹ Там же. Л. 226 об. — 227.

⁷² Там же. Л. 225.

настроения: «Уже третий год воюем... Мне так все надоело... Будь проклята эта война... Из-за нее мы переживаем такие страдания и когда все кончится...». ⁷³ Более того, вместо того чтобы винить немцев, русские солдаты направляли свою злость против царизма:

«Больше нас интересует теперь не война т. к. она уже надоела, а наша внутренняя жизнь... Теперь только для всех стало ясно, насколько хорошо наше правительство и на что оно способно. Ведь вся наша разруха дороговизна и разные кризисы только благодаря нашему мудрому правительству, которому и сейчас не хочется оставить свою власть и оно все еще держится, не смотря на то что гос дума и гос совет и даже бывший оплот — дворянская организация — все говорят что с таким правительством совместная работа не возможна... Мы, солдаты, много перестрадали за эту войну, преодолели много горя, читаем газеты и видим что творится в Петрограде. Они не пытаются спасти отечество и свой народ, а пытаются спасти немецких людей. Ради чего мы страдали и продолжаем страдать сейчас, где Бог? Почему он не наказывает тех, кто этого заслуживает?» ⁷⁴

По фронту стали распространяться упаднические настроения, ожидания чего-то худшего, к которому были все или безразличны или готовы: «нет надежды на лучшее и теперь в ожидании другого (как б это тяжело не было) конца...». Царила на фронте гнетущая неизвестность, казалось, что «время остановилось». «Скоро ли конец всем этим мучениям?» спрашивали упавшие духом солдаты. ⁷⁵

В результате январских боев, сильных морозов и сокращения хлебного пайка, а также дороговизны и связанных с этим тяжелых условий жизни как в армии, так и в тылу, настроение солдат ухудшилось. К началу революции армия испытывала серьезные дисциплинарные проблемы, господствовали антивоенные настроения, а после февральских событий и, в особенности, издания Приказа № 1 и без того сложная ситуация еще более ухудшилась.

---

⁷³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 247, 248 об.

⁷⁴ Там же. Л. 252.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 16, 146, 303.

Я. В. ВИШНЯКОВ

АРМИЯ БЕЗ ГОСУДАРСТВА:
СЕРБСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС
В РОССИИ 1916–1917 гг.

Лев Давидович Троцкий в декабре 1914 года как корреспондент газеты «Киевская мысль» беседовал в одном из французских военных госпиталей с сербом-добровольцем, который, раненный в грудь, «сильно лихорадил и в поту» и говорил ему «о гибели Сербии и всего молодого поколения боснийской интеллигенции». Этот серб с горечью резюмировал: «Мы все погибли, все наше поколение. Я хотел учить боснийских детей грамоте и объединять их в кооперативы, а меня вот прострелила немецкая пуля под Суассоном, и я погибаю за дело, которое я считаю чужим делом. И Сербия погибнет: Австрия поглотит ее... А как невыносимо мне думать, что мы вызвали эту мировую войну!»¹ Собеседник Л. Д. Троцкого, испытывая горечь разочарования в идее великосербской пропаганды, оказался прозорлив. Несмотря на разгром австрийцев на сербском фронте в конце 1914 года, спустя почти год, 5–7 октября 1915 года, австрийская и германская армии под командованием Макензена после масированной артиллерийской подготовки начали новое наступление на Сербию. Не признавшая капитуляции сербская армия совершила беспрецедентный переход через Черногорию и Албанию к побережью Адриатического моря. С острова Корфу сильно потрепанные сербские войска были переправлены на Салоникский

---

¹ Троцкий Л. Д. Европа в войне. Сочинения. Т. IX. М.; Л., 1927. С. 16–17.

фронт². К началу февраля 1916 года, по сведениям российского Генерального штаба, на Корфу было перевезено 88 000 человек, находились в пути еще 8 000 человек, было также переправлено 12 горных пушек и все пулеметы. К этому времени в Дураццо оставались 7 000 человек, а районе Валоны еще около 30 000 человек³.

Началась новая страница борьбы сербского королевства, когда на первый план стала выдвигаться не только задача освобождения страны от иностранных интервентов и воссоздания ее территориальной целостности, но и реанимация извечного югославянского вопроса, причем, исходя из новых реалий, сербское правительство «открыто и недвусмысленно поставило его перед правительствами союзных держав — причем самым непосредственным образом и на высшем уровне»⁴. Еще в декабре 1914 года Народной Скупщиной Сербии была принята Нишская декларация, ставившая, помимо успешного завершения «великого вооруженного противостояния», задачу освобождения и объединения югославянских народов — сербов, хорватов и словенцев. Именно поэтому глава сербского правительства Никола Пашич ревниво относился к попыткам Югославянского комитета⁵ играть независимую и самостоятельную роль в этом процессе.

---

² В связи с переходом сербской армии в Албанию, стоившим ей огромного числа человеческих жертв, Николай II 8 декабря 1915 года отправил престолонаследнику Александру следующую телеграмму: «С чувством глубокой тревоги я следил за переходом геройской сербской армии в Албанию и Черногорию. Выражаю Вашему королевскому высочеству мое искреннее восхищение перед искусством, с которым под вашим водительством она одолела все трудности пути, отражая нападения численно превосходящих ее врагов. Согласно моим указаниям министр иностранных дел неоднократно призывал союзников принять меры к обеспечению морских сообщений по Адриатическому морю. Но настояния эти будут возобновлены и я надеюсь, что доблестным войскам Вашего королевского высочества будет предоставлена возможность покинуть Сан Джовани ди Медуа. Я твердо верю, что они скоро оправятся от перенесенных тяготей и лишений и вновь примут участие в борьбе с общим врагом. Победа над ним и возрождение великой Сербии послужит вам и братскому сербскому народу утешением за все пережитое». См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 582–583.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 1.

⁴ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 199.

⁵ Югославянский комитет, состоящий из политиков-эмигрантов из Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины, возник в 1915 году и имел свою штаб-квартиру в Лондоне. В него вошли: И. Мештрович, Ф. Супило, Ф. Поточняк и др. Председателем комитета стал политик из Далмации А. Трумбич.

С другой стороны, обстоятельства, складывающиеся как на театре военных действий, так и на фоне крушения царской России, казалось бы, благоприятствовали разрешению этого вопроса. 20 июля 1917 года на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана достаточно компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Казалось, что многолетняя мечта сербов, определявшая политические ориентиры страны с первой половины XIX века, стать югославянским «Пьемонтом», наконец-то осуществилась. Однако именно в это время, как заметил историк А. Л. Шемякин, «заглушаемая «трескотней» официальной риторики и взаимных заверений в «братстве и единстве», неслышно тикала та самая мина хорвато-сербских противоречий, которая после более чем семидесятилетних попыток ее разрядить, рванула на наших глазах»⁶, поскольку в едином государстве югославы так и не смогли стать единым народом.

И в этом смысле, при обсуждении вопроса создания на обломках старой империи новой страны, уже тогда было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего видения формы югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счет присоединения к ее территории населенных сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо «югосферическое» слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгерской монархии. Замечательный хорватский писатель Мирослав Крлежа иронично заметил по этому поводу: «Тезис сербов гласит: я принадлежу к сербскому народу! Сыр — это сербский сыр, лук — сербский лук. Сербское героическое прошлое, сербский язык, сербская династия, сербский табак, сербская свинина, сербская литература, сербская победа, сербская вера, сербский Бог, «Српски книжевни гласник». Хорватский антитезис заключается в следующем: я принадлежу к хорватскому народу! Первая хорватская сберегательная касса, первая хорватская прачечная, общество хорватских писателей, первый лозунг «Хорватия — хорватам», Первое хорватское объединение, первый союз хорватских трактирщиков, пожарных,

---

Исходя из идеи единения сербов, хорватов и словенцев, члены комитета выступали за поражение в войне Австро-Венгрии и за образование единого югославянского государства.

⁶ Югославия в XX веке. С. 198.

мелких торговцев и продавцов содовой воды. Это антитезис. Тезис и антитезис дают синтез»⁷.

Заметим также, что об опасности формирования югославской модели будущего государства еще в 1915 году сербов предупредил русский посол в Париже Извольский, который в беседах с Й. Жуйовичем — Президентом Сербской Королевской академии и неофициальным сербским представителем во Франции советовал не идти по легкому пути объединения с хорватами и словенцами, а попытаться после окончания войны как можно больше расширить границы сербского королевства⁸. Однако уже к началу 1917 года курс на создание именно югославской конструкции будущего государства стал проявляться все более отчетливо, причем не только среди балканских, но и российских политиков. Данная система, в свою очередь, вполне отвечала интересам Англии и Франции, стремившихся, в том числе и таким образом, нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов — Германии и Италии⁹.

Можно констатировать, что курс на создание на Балканском полуострове искусственной наднациональной конструкции, связанный, в том числе, с попытками строительства нового «югославского» народа, обратился в трагедию двух Югославий XX века. Причем впервые тикающая сербо-хорватская бомба показательно взорвалась еще в конце 1916 года в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооруженной борьбы с общим неприятелем за создание «общего» государства. И случилось это в Одессе в сербском добровольческом корпусе, ставшем, как оказалось, первым показательным примером югославского «колосса на глиняных ногах». На эти события, как пример микромира, иллюстрирующий гибельность попыток создания «синтетического югославянства», нам и хотелось бы обратить внимание.

Участие сербских и югославянских добровольцев, в том числе прибывавших на европейскую войну из разных стран мира,

---

⁷ Крлежа М. Поездка в Россию 1925: путевые очерки. М., 2005. С. 75.

⁸ См.: Джурич Дж. Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику Президента Сербской Королевской Академии) // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 84.

⁹ См. подробнее: Тимофеев А. Ю. Интересы России на Балканах и Первая мировая война // Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014. С. 45–46.

в боях стран Антанты и их союзников против Австро-Венгрии и Германии получило достаточно обширное освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков, а кроме того, в научный оборот вовлечен значительный корпус документов, освещающих вопрос участия сербов и югославян в целом, в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны¹⁰. Добровольческое движение являлось одной из характерных черт попытки практического воплощения идеи югославизма. Добровольческие отряды югославян, прежде всего сербов, стали формироваться и в России, куда вступали как находившиеся в России сербы, так и пленные и дезертиры из австро-венгерской армии¹¹.

Первоначально вербовка добровольцев имела целью пополнить ряды сражающейся сербской армии, но с конца 1915 года — разгрома Сербии и оккупации ее территории войсками Центральных держав — начался новый этап комплектования добровольческих сербских дивизий. Теперь целью ставилось использование этих дивизий на русском фронте с последующей переброской на Салоникский театр военных действий. Как отмечалось в краткой записке по истории формирования корпуса, составленной в декабре 1916 года его командиром М. Живковичем, «еще в 1915 году из военнопленных австрийских солдат сербской национальности, собирались добровольцы в России и отправлялись через Рени по Дунаю в Сербию на подкрепление сербской армии, обороняющей в этом году свои границы на берегах рек: Дуная, Савы и Дрины. Инициатива в этом деле была в руках

---

¹⁰ См.: Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; Груловић Н. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977; Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976. Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М., 1977; Петровић И. Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001; Лобачева Ю. В. Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорвато-словенская эмиграция в Америке в 1914–1916 гг. // Славяноведение. 2007. № 4. С. 12–28. Она же. Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М. СПб., 2014. Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства.

¹¹ Российский историк В. В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 года в России было около 2 миллионов военнопленных, из которых почти 80 % — солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тысяч югославян» (Зеленин В. В. Указ. Соч. С. 8–9).

сербского посланника и сербского военного агента¹² (представителя) в Ставке. Большинство добровольцев было собрано в Сибири в г. Тюмени. Когда в сентябре 1915 года и Болгария выступила против Сербии, отправление добровольцев из России в Сербию по Дунаю прекратилось — стало невозможным. Тяжелая обстановка, в которой находилась Сербия с начала совместного нападения с трех сторон австрийской, германской и болгарской армий, побудила идею из собираемых добровольцев в России формировать добровольческий отряд и отправить его на Салоникский фронт на подкрепление союзных войск, которые там собирались для поддержки и возможного спасения Сербии, чья трехсоттысячная армия находилась в отступлении»¹³.

В формировании такой дивизии активное участие принимали находившиеся в России члены офицерской сербской политической организации «Объединение или смерть» («Черная рука») — прежде всего Д. Семиз, А. Срб, В. Гойкович, М. Голубич, Б. Симич, что само по себе является темой отдельного исследования¹⁴. Высший командный состав данного подразделения составили сербские офицеры, специально прибывшие с острова Корфу. В феврале 1916 года намечено было сформировать одну дивизию 4-полкового состава, по 3 батальона в каждом полку. При этом, как доносил представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Лонтеквич, «зачислено на формирование сербских полков около 17 000 нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии»¹⁵. Во главе ее был поставлен полковник Стеван Хаджич, а начальником штаба стал подполковник Воин Максимович¹⁶. Сербский исследователь Г. Милорадович отмечает, что 15 апреля 1916 года сербскую добровольческую ди-

---

¹² Им был полковник Бронислав Лонтеквич. См. подробнее: Ганин А. В. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. 2012. № 5. С. 92–95.

¹³ Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства. С. 188.

¹⁴ О деятельности офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука») см. подробнее: Писарев Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. Мекензи Д. Апис. Београд, 1996. Казимирович В. Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917 године. Крагујевац, 1997. Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 20–20 об.

¹⁶ См.: Петровић И. Српски добровољци 1912–1918. С. 27.

визию пополнил 9 751 серб, 14 словенцев, 8 русских, 84 хорвата, 25 чехов и 22 человека других национальностей¹⁷. Всего в течение 1916–1917 гг., по данным сербских историков, через корпус прошло около 70 тыс. движимых, как они замечают, стремлением к национальному освобождению добровольцев, при том, что из-за плохой организации и различных проволочек при его создании, изначально он принял меньше людей, чем изъявивших желание вступить в его ряды¹⁸.

Тогда же, летом 1916 года, вследствие ходатайства полковника С. Хаджича, было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии, обе которые, в свою очередь, было решено свести в единый сербский корпус под командованием генерала М. Живковича, поставленного на эту должность 29 июля 1916 года. К началу осени 1916 года комплектование корпуса было в основном завершено, а его части были расквартированы в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Однако боеспособность корпуса русским командованием ставилась под сомнение, причем не только по чисто военным характеристикам. Еще в апреле 1916 года штаб Юго-Западного фронта показательно подчеркивал, что «сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчет пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании ее формирования и обучения, а по выяснении надежности личного состава, как офицерского, так и нижних чинов, на что потребуются известное время»¹⁹. Но в условиях войны времени на выяснение «надежности личного состава» не оказалось, а в первоначальные планы будущего использования частей корпуса пришлось внести существенные коррективы. Формируемые сербские части приняли свое первое боевое крещение, причем в составе отдельного корпуса русской армии. Уже 22 июня 1916 года сербский военный агент Лонткевич сообщал сербскому Военному министерству на Корфу, что предполагается участие сербских войск в боях против Болгарии, но это будет зависеть от результата политических и военных переговоров России и румынского правительства²⁰.

¹⁷ Милорадович Г. Карантин идей. Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010. С.129.

¹⁸ Милорадович Г. Указ. Соч. С. 128; Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. С. 293.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 342.

²⁰ Архив Србије (АС). Ф. МИД Краљевине Србије. Политичко одељење 1916. Rol. 506. Fascikla XIV. Л. 644.

Отметим, что обстоятельствам подготовки Добруджанской операции посвящена обширная и весьма информативная статья В. Б. Каширина «Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году». В современной отечественной историографии эта работа стала фактически первой, раскрывающей нюансы подготовки и проведения данной операции. Автор при этом справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования²¹.

После успешного брусиловского прорыва лета 1916 года на Юго-Западном фронте, а также из-за обещанных территорий — Трансильвании (Эрдели), Баната и части Буковины, в августе 1916 года на стороне Антанты в войну вступила Румыния. Уже в первой половине июля 1916 года начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев направил в штаб Юго-Западного фронта следующую телеграмму: «По-видимому можно надеяться, что Румыния присоединится к нашему союзу и в конце этого месяца или в начале августа объявит войну Австрии и Болгарии. Оставив до ста тысяч в Добрудже, румыны до 250 тысяч направят в Трансильванию, причем разграничительной линией с нами будет Дорна-Ватра, Быстрица, долина Симош, Жибо, Дебречин. Нам придется направить в Добруджу кроме сербской дивизии, одну пехотную и одну кавалерийскую или казачью. Подвоз Гвардии 3-го корпуса позволяет выделить эти силы от Юго-Западного фронта. Прошу разработать соображения, подготовить в Бессарабии укомплектования для дивизий, дабы при первом признаке решения Румынии ввести войска наши в Добруджу. Вступление Румынии сильно изменит обстановку и некоторое ослабление фронта вполне окупится»²².

В связи с этими указаниями, в контексте грядущих изменений военно-политической обстановки, началось формирование нового отдельного 47-го корпуса. Предполагалось, что в его состав, помимо сербской пехотной дивизии, войдут 4-я финляндская стрелковая дивизия и уссурийская конная дивизия. Первоначально командиром корпуса планировалось назначить генерал-лейтенанта Булатова, а начальником штаба — генерал-майора Нагаева. Однако командование им было возложено на командира

---

²¹ Каширин В. Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // Studia Balkanica (К юбилею Р. П. Гришиной). Сб. статей. М., 2010. С. 139–179.

²² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 1.

30-го армейского корпуса, генерала от инфантерии А. М. Зайончковского (1862–1926), который стал известен не столько как военный деятель, сколько как военный историк, профессор академии РККА, автор фундаментальных трудов по истории Крымской и Первой мировой войн. Ставка при этом исходила из того, что «от командира этого корпуса потребуются особый такт, как в отношении представителей румынской армии, так равно и к сербской дивизии, в отношении которой вышеуказанное требование необходимо сочетать с должной настойчивостью в проведении своих требований, приняв во внимание и характер ее формирования из военнопленных. Вместе с тем от командира формируемого корпуса требуется знание иностранных языков»²³. Начальником штаба был избран генерал-майор Н. П. Половцев, заслуживший как профессионал весьма не лестные характеристики у своих коллег по Генеральному штабу. Лишь позднее, уже в самый разгар боев, он был заменен Н. А. Монкевицем, опытным генштабистом, бывшим до начала Первой мировой войны главой российской военной разведки²⁴. 19 июля (ст. стиль) 1916 года начальник штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта В. Н. Клембовский уведомлял Зайончковского, что «в состав особого корпуса назначены следующие пехотные дивизии: 61-я (генерал-лейтенант Симанский), 64-я (генерал-лейтенант Жданко), и сербская (полковник Хаджич), 3-я кавалерийская дивизия (генерал-лейтенант Леонтович)»²⁵. Первоначальное сосредоточение было назначено: сербской дивизии в районе Рени—Болград, остальным частям корпуса — Бендеры—Тирасполь. Отправка сербской дивизии под Добруджу была закончена к концу июля, к этому времени в Одессе осталось 2,5 роты и помощник начальника штаба дивизии полковник Кушакович — «для наблюдения за формированием сербского запасного батальона и для дальнейшего формирования новых сербских полков»²⁶.

14 августа 1916 года, в день объявления Румынией войны Австро-Венгрии, по быстро наведенным через Дунай понтонным переправам части 47 корпуса вступили на румынскую территорию²⁷. Первоначально Зайончковский, исходя из политических

---

²³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 7.

²⁴ См.: Каширин В. Б. Указ. соч. С. 154–155.

²⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 116.

²⁶ Там же. Л. 66.

²⁷ Переправа была осуществлена на высоком организационном уровне. Генерал Шошин, отвечавший за наводку понтонных мостов через Дунай, докладывал А. М. Зайончковскому, что 3-я кавалерийская дивизия переходила на румын-

соображений, не планировал ввод сербской дивизии в бои. В переписке со штабом Юго-Западного фронта он замечал в рапорте от 28 июля 1916 года: «Вопрос о сербской дивизии меня особенно беспокоит и вот о нем, по видимому не мешало бы доложить генералу Алексееву. Посылка русского корпуса в Добруджу безусловно имеет своим главным назначением не увеличение физической силы румын, а нечто иное — политическое. Действительно, появление русского корпуса на границе Болгарии будет большой козырь в руках русофильской болгарской партии и, разумеется, у многих болгар винтовки начнут дрожать при виде русских войск. Но присутствие под русскими знаменами и здесь же рядом сербов будет громаднейшим козырем в руках русофобской партии болгар и при виде злейших своих врагов винтовки болгарские, задрожавшие перед русскими, со злобой будут сжиматься против сербов. А политическое значение особого корпуса сведется к нулю. Мое глубокое убеждение, что сербов надо отправить на Кавказ. Я же решил их держать в резерве, пока поведение болгар не определится. Выпущу их только тогда, когда ясно выяснится, что по Болгарии мне придется идти огнем и мечом, а братушки не будут иметь поползновения сдаваться массами своим освободителям»²⁸. Причем эксперты самых различных ведомств были против посылки в Добруджу «интернациональных» сил, которые, по их мнению, делали надежду на возможность политического соглашения с Болгарией весьма призрачной, однако эти предупреждения не были услышаны Алексеевым, считавшим невозможным посылки за Дунай лишней русской дивизии²⁹.

К тому же, несмотря на образцово проведенную переправу корпуса, сразу же дала о себе знать слабая, проведенная наспех подготовка войск, недостатки их снабжения и комплектования. А. М. Зайончковский телеграфировал в Ставку 21 августа 1916 года: «Я не имею возможности управлять группой русско-румынско-сербских войск, не имея ни одного автомобиля. Доношу, что у ме-

---

ский берег «в безупречном порядке, под непрерывные крики «Ура» рабочих на русском берегу и такими же криками встречали полки жители на румынском берегу, женщины бросали цветы. Начальник дивизии, пропустив первый полк, перешел на румынский берег для приветствия румынского населения и принял поднесенную хлеб-соль, после чего вернулся снова к голове моста. Румынские гости удивлялись отличному личному и конскому составу дивизии, которые действительно были превосходны. Даже обозы и транспорты оказались в отличном состоянии» (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3058. Л. 69 об.).

²⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 151 об. — 152.

²⁹ См.: Каширин В. Б. Указ. соч. С. 176–177.

ня имеется масса вопросов, которые я должен доложить вам, минуя Бухарест, что не имею возможности сделать без прямого провода, о чем прошу десятки раз»³⁰. Новые союзники в военном отношении также оказались малосостоятельны. По поводу действий румынской армии А. М. Зайончковский докладывал 23 августа 1916 года: «Судя по виденным мною образцам, в армии замечается неумение вести войну: полное отсутствие связи, которой не придают значения и не умеют наладить, неумение поставить цели, согласовать действия соседей и руководить войсками. Настойчиво и не без успеха боремся с этими недостатками»³¹. 29 августа 1916 года Алексеев послал следующую телеграмму в штаб Юго-Западного фронта: «Румыны настаивают в отправке в Добруджу наших подкреплений возможно больше и возможно скорее. Союзники советуют послать туда армию 150 тысяч. Комкор 47-го более скромен в своих пожеланиях. Отвечу, что каждый солдат, отправленный в Добруджу уменьшает шансы нашего успеха на важнейшем жизненном и опаснейшем направлении для нас и противника. Только победою в настоящее время в Галиции мы обеспечим общий успех, между тем из армий севернее Полесья выслано почти все, что можно было выслать без риска устойчивости нашего собственного положения. Комкору 47-го отправляется 115 дивизия. Настаиваю на усилении румынских войск. Делом его искусства будет вести борьбу предостереженными ему средствами. От нас невозможно пока выделить ничего более до выяснения целей Гинденбурга»³².

30 августа 1916 года Зайончковский, которому, по согласованию с румынским правительством и королем, было дано указание принять общее командование над румынскими войсками в Добрудже, резюмировал: «Уже в настоящее время считаю болгар сильнее себя даже численностью, не говоря о качестве дивизий»³³. Остро ощущался и недостаток кавалерии. Румыны в ходе начавшихся боев не проявили ни мужества, ни стойкости, в частях 9-й и 19-й румынских дивизий участились случаи дезертирства и массового бегства солдат при столкновении с болгарскими войсками³⁴. В этой

---

³⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3058. Л. 168.

³¹ Там же. Л. 116.

³² Там же. Л. 181.

³³ Там же. Л. 184.

³⁴ Штаб одесского военного округа небезосновательно увязывал такое поведение румынских солдат с «результатом тайной пропаганды болгар, работавших в этом направлении задолго до начала настоящей кампании», подчеркивая наличие в Добрудже тайной болгарской организации. См. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3058. Л. 289–290 об.

ситуации Зайончковскому пришлось изменить свой первоначальный план и ввести сербскую дивизию в бой, показавшую, в отличие от румын, прекрасный пример мужества и героизма. В боях за Добруджу первая сербская дивизия потеряла более 80 % личного состава и была отведена в Измаил на перекомплектование. Николай II и сербский монарх Петр Карагеоргиевич передали через генерала Зайончковского особую благодарность и восхищение подвигом сербской дивизии³⁵. Всего в период с 25 августа по 16 октября 1916 года, сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8 996 нижних чинов³⁶. Однако их мужество не смогло изменить положения дел. 9 (22) октября 1916 года пала Констанца. Русские войска были вынуждены отступить на север, после чего Зайончковский был сменен генералом Сахаровым. 22 ноября (6 декабря) 1916 года пал Бухарест. Румынская армия перестала существовать как организованная сила, способная к сопротивлению. К концу декабря 1916 года ее остатки были отведены за р. Серет, за спины 500 000 русских солдат. Но и противник был измотан. К январю 1917 года линия фронта стабилизировалась по линии запрутской Молдовы, растянувшись более чем на 430 верст. Действительно, по словам В. Б. Каширина, «итог этот был закономерно плачевным, поскольку являлся плодом целого ряда военных и политических ошибок, которые сплетались вместе и взаимно усиливали свои последствия»³⁷.

Это поражение отрицательно сказалось на ситуации и на Салоникском фронте, осложнив коммуникацию между союзными державами, когда, по донесениям российского военного агента Левковича 16 декабря 1916 года, «все признаки указывают на намерение немцев, сосредоточив большие силы, обрушиться немедленно на слабую завесу, именуемую армией генерала Сарайля, покончить с ней, или запереть в Салониках и иметь всю болгарскую армию и часть турецкой для других фронтов»³⁸. Остатки Первой сербской дивизии были отведены в тыл и расквартированы в районе Одесса—Вознесенск—Березовка.

Озабоченность судьбой солдат сербского корпуса высказало Русско-Сербское общество, направившее в Ставку телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Каково же, спрашивается, будущее сербской расы? Если союзникам удастся восстановить

---

³⁵ Югословенски добровољци у Русији 1914–1918. С. 72–73.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ Каширин В. Б. Указ. соч. С. 179.

³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 27–27 об.

временно покоренную и попранную врагом Сербию, то кто же будет защитниками этой Сербии? Кто же? Если принять во внимание, что в самой Сербии остались лишь дряхлые старики и малые дети, что сербские пленные тысячами умирают в австрийских, венгерских и германских концентрационных лагерях, а остальное пригодное к ношению оружия мужское население истекает кровью и гибнет в непрерывных боях!

Русско-Сербское общество, не считая себя компетентным в решении вопросов военно-стратегического характера, и не позволяя себе в какой бы то ни было степени вмешиваться в подобного рода вопросы и преподавать кому бы то ни было непрошенные указания, не может, однако, не испытывать серьезного беспокойства перед теми ужасными перспективами, которые столь трагическое положение вещей открывают перед сербским народом, обреченным, таким образом, на почти полное уничтожение, если война еще затянется на продолжительное время»³⁹.

Все эти события имели ключевое значение для дальнейшей судьбы сербского корпуса, которому требовалось срочное переформирование и пополнение рядов. Кроме того, неудачи боев в Добрудже не только оказали огромное отрицательное психологическое воздействие на его солдат, но и обострили давние межнациональные противоречия, прежде всего между сербами и хорватами, что, в свою очередь, позволяет поставить общий вопрос о целесообразности, а главное эффективности использования «интернациональных» воинских формирований, составленных из солдат и офицеров, еще недавно воевавших на стороне противника.

Именно попытки призыва туда новых добровольцев, прежде всего из Хорватии, осенью 1916 года вылились в серьезные беспорядки во второй сербской дивизии, в основе которых лежала национальная неприязнь друг к другу, что может явиться истинной иллюстрацией отношений между, казалось бы, близкими славянскими народами. Причем незадолго до произошедших событий, в конце сентября 1916 года, Михаил Живкович издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Сны наших славных предков ныне осуществляются. Сербию, Хорватию, Славонию, Боснию и Герцеговину, Далмацию и прочие страны славянского юга, давным-давно заселил один и тот же славянский народ. <...> Сербия своей героической борьбой показала свему миру, что она не желает жить одна, без совместной жизни со своими сестрами, без совместной

---

³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 33–34.

жизни с милой Хорватией и Славонией, дивной Словенией, с гордыми Боснией и Герцеговиной, с скалистой Далмацией, с славным Сремом, с цветистым Банатом и с родной Бачкой»⁴⁰.

Заметим, что первые трудности с вербовкой новых добровольцев стали ощущаться уже в августе 1916 года. К 31 августа 1916 года, когда первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия под Добруджей, «в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-ой дивизии, и для формирования V и VI полков имелось всего 2706 человек, еще не вполне испытанных, хотя и приведенных наспех к присяге сербскому королю»⁴¹. Две тысячи человек из их числа в начале сентября были отправлены под Добруджу для пополнения рядов Первой сербской дивизии.

С тем чтобы исправить положение и привлечь как можно больше пленных из «милой Хорватии» и «дивной Словении» к «общей» борьбе, командование корпуса прибегло к насилию. «В Одессе все военнопленные югославы сосредотачивались в казармах, отведенных для сербских формирований, разбивались на партии и с ними велись собеседования относительно поступления в сербские дивизии. Не желавших поступать добровольцами тотчас отделяли в особое помещение под караул, а затем отправляли одесскому воинскому начальнику для возвращения в плен, но не всегда немедленно. С колеблющимися велись собеседования в течение более или менее продолжительного срока, а затем наиболее упорные из них отправлялись в плен, а остальные в полки»⁴².

Вопрос об избияниях при агитации к вступлению в его ряды был поднят поручиком 3-го полка 1-ой сербской дивизии словенцем Гаспаром Пекле, который поделился этими сведениями с редактором газеты «Югославия» Г. Тумой. На основании полученных от него сведений, 31 октября 1916 года Л. Тума вместе с также находившимся в тот момент в России хорватским публицистом,

---

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 24 об. См. также: Југословенски добровольци у Русији 1914–1918. С. 85. В связи с приказом Живковича, показательно телеграмма представителя русской армии в военном совете союзных армий генерала Ф. Ф. Палицына из Парижа о настроениях югославянской эмиграции во Франции, отправленная 9 декабря 1916 года: «Формирование черногорского легиона безнадежно. Черногорцев, желающих поступить в легион, нет, а поступление югославян по политическим соображениям не допускается» // Там же. Л. 26.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Д. 330. Л. 14 об.

⁴² РГВИА. Ф. 2003. Д. 1167. Л. 68 об. — 69.

основателем общества «Юрий Крижанич» К. Геруцем направили соответствующее письмо тогдашнему министру иностранных дел России Штюрмеру, в котором не только указывались случаи избития добровольцев сербскими офицерами, но и подчеркивалось стремление югославян служить не в чисто сербском, а именно в «югославском» батальоне⁴³.

Отметим, что на действия общества «Юрий Крижанич», а также хорватских и словенских националистов, группировавшихся вокруг его руководителей К. Геруца и Тумы в связи попытками дискредитации корпуса, особое внимание обратил сербский историк Н. Попович. Он указывает, что «русско-хорватское общество «Крижанич» направило командиру корпуса меморандум о беспорядках в сербском добровольческом отряде и с критикой командования корпуса с политической и национальной точки зрения»⁴⁴. Поскольку, как замечает исследователь, М. Живкович не считал возможным вступать в дискуссию с этим обществом, то ответ был написан одним из членов Югославянского комитета Франьо Поточняком, обвинившим составителей меморандума в необъективности и подтасовке фактов⁴⁵. В этом же контексте историк интерпретирует письмо Пекле, отмечая, что находящийся в Петербурге известный хорватский общественный деятель и публицист К. Геруц в неких своих корыстных целях сделал попытку ознакомиться с его содержанием российского императора⁴⁶.

На основании этого письма 3 (16) ноября 1916 года министр иностранных дел обратился к Алексееву с просьбой провести следствие по данному вопросу, ведение которого было поручено генерал-лейтенанту С. Д. Чистякову⁴⁷. Он провел довольно обстоятель-

---

⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7. Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого стало объединение и слияние всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 году. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарачич и словенец Г. Тума. В 1916 году тот же Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Г. Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: Ващенко М. С. «Хорватский консул» в Петербурге // Родина, 2010, № 4. С. 59–62. Сам же Пекле, судя по всему, в феврале 1919 года вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти. См.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 257–258.

⁴⁴ Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. С. 291.

⁴⁵ Там же. С. 291.

⁴⁶ Там же. С. 293.

⁴⁷ Вишняков Я. В., Тимофеев А. В., Милорадович Г. Армия без государства. С. 149.

ное расследование причин случившегося, обратив при этом внимание на недооценку ситуации одесским окружным начальством и лично генералом Марксом⁴⁸. По поводу вербовки добровольцев во вторую сербскую дивизию он отметил: «Расчеты на большой прилив добровольцев не оправдались; положение еще ухудшилось с 20-х чисел августа 1916 года, когда первая сербская дивизия приняла участие в добруджинских боях, где понесла большие потери. Срочно понадобились большие пополнения (до 6500 человек). Но, несмотря на недостаток людских запасов для первой дивизии, от мысли о формировании 2-й дивизии отказаться не хотелось, почему, в нарушение принципа добровольности, как для пополнения прежних кадров, так и для формирования новой дивизии в октябре 1916 года была применена принудительная отправка в Одессу всех военнопленных югославы из района одесского военного округа — по распоряжению окружного начальства — и даже из некоторых других пунктов — по недоразумению, основанному на неясности распоряжений»⁴⁹.

Нежелание поступать в Сербский корпус имело под собой и вполне прагматические основания. Многие пленные югославы — хорваты и словенцы — по отношению к другим военнопленным находились в более привилегированном положении, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. Кроме того, многие из них высказывали опасение как за свою будущую судьбу, так и за положение своих семей. Поступление в корпус автоматически делало их предателями и дезертирами со всеми вытекающими отсюда последствиями как для них самих, так и для их ближайших родственников, проживавших на территории двуединой монархии.

В этой связи выводы, сделанные П. Е. Чистяковым, были весьма категоричны. «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не «сербы», а католики и до того, к чему стремятся сербы им дела нет», — отмечал он в своем рапорте. «Было бы совершенно неоправданным утверждать, чтобы при югославянской горячности и в такой обстановке не было брани, ссор, драк, ударов и даже поранения и убийств. Последние явления имели место среди югославы, которые отказывались от поступления

---

⁴⁸ Маркс Никандр Александрович (1861–1921) — генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 68 об.

в сербский добровольческий корпус, в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных, прибывших с ними югославян. Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствие офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных»⁵⁰.

К концу октября-начала ноября 1916 года ситуация во второй сербской дивизии накалилась до предела. Как выяснил Чистяков, «3 роты, сформированные при запасном б-не, отправлены были утром 23 октября в полном вооружении и снаряжении, под командою офицеров 2-й сербск. дивизии на укомплектование полков, стоящих в окрестностях Одессы, но, дойдя до главного вокзала на Куликовом поле, остановились и отказались идти дальше, заявив, что они желают возвратиться в плен.

На уговоры офицеров около 150 чел. вышли из толпы и построившись, под командою сербского офицера, с песнями, двинулись по назначению. <...>; остальные 543 человека продолжали стоять, снимав частью вещевые мешки. Для прекращения этого беспорядка и обезоруживания людей, н-ком окружн. шт., около 12 часов дня, командирован был н-к 6-й запасн. бриг. Ген. Демков, который и застал вышеуказанное положение.

По команде «смирно» шум немедленно прекратился. Вызванные унтер-офицеры заявили, «что их заставляют воевать за сербов, что они не сербы, а хорваты, и за сербов воевать не желают». На вопрос, зачем же они записывались в сербскую дивизию, — получился ответ: «Нас заставляли, били, издевались над нами, а потому мы и записались, чтобы избежать побоев». При этом некоторые расстегивались и показывали действительно синяки и царапины. По их заявлению, били их «остальные военнопленные». В сербские казармы хорваты отказались возвратиться: «там нас опять будут бить». Были слышны крики: «Дайте нам русских офицеров; пусть нами командуют русские офицеры, все, что от нас потребуют русские офицеры, мы будем делать». Картина получалась тяжелая, если хоть на минуту забыть, что это все-таки был отказ славян от своего же славянского дела, за которое такие же бывшие пленные готовы были идти в бой.

Ген. Демков приказал русскому шт. кап. Контчичу, знающему по-сербски, отвести хорватов в казарму одесск. у. в. н-ка, что и было исполнено в полнейшем порядке, по сербским командам.

---

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2003. Д. 1167. Л. 69–69 об.

Что касается 4–5 сербских офицеров (в том числе н-к шт. дивизии и кап. Майстрович), то они по показанию г. м. Демкова подошли к хорватам при его разговоре, советовали выделить зачинщиков, «а остальные пойдут как бараны», но ген. Демков приказал им удалиться, заметив, что их распоряжения не хорошо действуют на людей.

При управлении воинск. н-ка хорваты в полном порядке сдали все снаряжение, вооружение и обмундирование, а на следующий день отправлены были в плен в Екатеринослав⁵¹.

Следствие смогло найти неоспоримые доказательства издевательств в отношении 24 человек. Но допросить их генералу Чистякову так и не удалось, поскольку 7 человек были отправлены в полки, «но находятся ли они там, выяснить не удалось», а остальные 17 — категорически отказавшиеся вступать в корпус — «в списках не значатся и, по-видимому, возвращены в плен»⁵². При этом был выявлен факт убийства майором 7-го полка Николичем словенца по фамилии Тротша, а кроме того, в четвертой роте пятого полка случилась целая демонстрация, «когда принудительно набранные добровольцы кричали: «Да здравствует Австрия!», «Долой Сербию!», «Долой короля Петра!» При ее разгоне было убито 3, задавлено 10, а всего пострадавших было 20 человек⁵³.

30 ноября 1916 года от поступления в корпус отказались 165 хорватов, находившихся в «воспитательной команде», причем «4 хорвата принесли лично генералу Живковичу жалобы на нанесение им от 60 до 125 «батов»». Живкович приказал их направить в распоряжение одесского воинского начальника для отправки в лагерь для военнопленных.

Вместе с тем Чистяков признавал: «но все-таки, как видно из ведомостей, приложенных к объяснению ген. Живковича, действительно из 146 990 югославын, присланных в период с 1-го окт. по 20-е ноября 1916 г. главным образом по «набору», для опроса в сербском запасном батальоне только 4 850 чел., т. е. 32 % (2 768 чел. — немедленно, 1 621 чел. — после некоторого испытания, 461 чел. — бегством) отказались от поступления, а 68 % приведенных югославын действительно поступили на службу в сербский корпус, т. е. результат в количественном отношении

---

⁵¹ Вишняков Я. В., Тимофеев А. В., Милорадович Г. Армия без государства. С. 169.

⁵² Там же. Л. 69 об.

⁵³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 70.

надо признать отличным, принимая во внимание, что из Одесск. окр. всех, а из прочих округов — значительное число отправляли в Одессу, не спрашивая о желании»⁵⁴.

Однако количественный успех вовсе не означал успех качественный. Далее генерал-лейтенант резюмировал: «Следует отметить, что и в числе принятых 68 % оставлены были, в довольно большой пропорции, колеблющиеся и даже прямо враждебные нижние чины, главным образом из хорватов и словенцев, удерживаемые только страхом наказаний и при первой возможности убежавшие к одесск. воинс. н-ку или просто скрывшиеся при содействии евреев, колонистов, болгар и т. п., и настроение в полках 2-й дивизии даже в начале декабря признавалось таким, что, по заявлению ген. Живковича и полк. Кушакевича личный мой опрос желающих и нежелающих, при существующей враждебной агитации и при известной подавленности под влиянием наших неудач на румынском фронте, представлялся неудобовыполнимым без очевидного вреда для дела существования сербских добровольческих частей»⁵⁵.

В то же время Чистяков выявлял все новые и новые факты насилия: «Случаи эти закончились 10 ноября 1916 года убийством капитана сербского добровольческого корпуса Штольфа. По данным дознания, произведенного разведывательным отделением штаба Одесского военного округа, можно заключить, что убит ошибочно вместо командира 1-ой роты VII полка капитана Танасковича (серб из королевства), весьма требовательного и строгого начальника»⁵⁶. В ноябре 1916 года начальник одесского военного округа приказал Живковичу удалить из корпуса всех «неблагонадежных». Однако это приказ был фактически проигнорирован, поскольку привел бы к сокращению наполовину численности корпуса, «а между тем мысль о создании возможно большего «запаса людей» для сербской армии, лишенной иных источников комплектования, сохраняла свою жгучесть»⁵⁷. Лишь в середине марта 1917 года М. Живкович отчислил из корпуса и передал военным властям Одессы около 30 офицеров — хорватов и словенцев по происхождению, «ввиду того, что они недопустимыми путями между офицерами и солдатами корпуса вели агитацию, вредную для порядка и дисциплины в корпусе»⁵⁸.

---

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 21.

⁵⁵ Там же. Л. 21 об.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 70–71.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 5–5 об.

О произошедших беспорядках был проинформирован и представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткевич. Живкович, в свою очередь, отправил донесение сербскому посланнику в Петрограде М. Спалайковичу, в котором, не упоминая напрямую о произошедших беспорядках, особо указывал, что агитацию, направленную на дискредитацию не только корпуса, но и самой югославянской идеи, ведет итальянский консул, распространяя сведения о том, что словенцы будут итальянскими гражданами и он им поможет уехать в Италию, а хорватам доказывал бессмысленность совместной с сербами борьбы за новое государство, поскольку значительная часть Хорватии также должна быть передана Италии, допуская при этом возможность создания хорватского государства под протекторатом итальянской королевской династии. Живкович при этом особо подчеркнул, что такие действия итальянского дипломатического представителя согласованы с Геруцем, Тумой и другими, «кому на руку его уничтожение»⁵⁹. В другом своем донесении — рапорте по формированию корпуса, составленном 1 декабря 1916 года, — генерал особо подчеркивал наличие в России этих, как он выразился, «шпионских австрийско-германских организаций», «между которыми пока замечена группа политических организаций, которые мешают быстрому собиранию добровольцев и будущие против идеи объединения всех югославян, устраивают через своих агентов всевозможные махинации для бунтования и своевольного удаления из команд добровольцев. <....> Эти политические организации не что иное, как из Австро-Венгрии перенесенная маленькая политическая партия. Хорваты, так называемая там «партия Франка». Фракция этой партии находится в Москве под названием «Русско-Хорватское Общество памяти Крижанича» и Петрограде, и оттуда, через своих многочисленных агентов, очень вредно влияет, в особенности на еще не вполне усвоивших идею объединения Хорватов и Словенцев»⁶⁰.

На основании сведений Живковича в начале января 1917 года Спалайкович отправил соответствующее уведомление российскому военному министру, в котором подчеркнул, что «борьба, которую ведут против сербского корпуса небезызвестные Геруц и Тума и другие, подобные им австрийские агенты, оказалась так хорошо организованной и планомерной, что наша первая дивизи-

---

⁵⁹ Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. С. 165–166.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 44–48.

зия была, вследствие их интриг и поползновений, доведена почти до полного разложения и уничтожения и каким-то только случаем удалось вовремя ее спасти от грозившего распада»⁶¹. Сербский представитель подчеркивал, что «под флагом славянства» скрывается их шпионская деятельность в пользу Австро-Венгрии, цель которой полностью дискредитировать идею объединения славян, и в этой же связи сербский корпус. Спалайкович замечал, что они среди сербских добровольцев вносят раздор и сепаратистские стремления. Говорят, что сербы «осербят» хорватов и словенцев, отнимут их религию, материально будут их грабить и тому подобные измышления. <...> Они не останавливаются только перед этим и через своих агентов-provokаторов вызывают столкновения и скандалы, которые потом приписывают либо сербству и сербам вообще, либо патриотически настроенным хорватам и словенским элементам, которые воодушевляются идеей народного объединения, и на этом работают». Далее сербский дипломатический агент резюмировал: «При отступлении первой дивизии из Добруджи эти агенты распространяли слухи среди солдат и офицеров второй дивизии, что и их Россия не пощадит и отправит их, как и первую дивизию, на Румынский фронт. Среди же солдат I дивизии эти же агенты подобными денунциациями вызвали неудовольствие, за то они были брошены не туда, куда они мечтали и для чего были собраны»⁶². Сербский посланник настаивал на немедленном расследовании деятельности Геруца и Тумы и закрытии общества «Юрий Крижанич» и газеты «Югославия». Однако этому делу так и не был дан ход, а письмо сербского дипломата осталось без ответа⁶³.

В свою очередь генерал Чистяков, вопреки мнению сербского дипломатического агента, отмечал, что «ярких следов крупной шпионской работы не обнаружено еще», и сделал, как нам кажется, вполне справедливый и объективный вывод: «Основной причиной возникновения описываемых эксцессов, помимо принудительного комплектования, представляется религиозная и по-

---

⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2156. Л. 6.

⁶² Там же. Л. 6–7 об.

⁶³ В меморандуме о беспорядках в корпусе, написанном Живковичем 23 апреля 1917 года, говорится, что с 1885 года Геруц был двойным агентом австрийской и русской тайной полиции, куда попал по протекции австрийского посла и «его служба заключалась в том, чтобы следить за движением югославян в Петрограде и об этом доносить австрийскому послу. Ту же самую службу, только в обратном смысле, он имел нести для русского министерства» (Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства. С. 260).

литическая рознь элементов, из коих комплектовались сербские формирования. Эти различные элементы искусственным образом связать было нельзя, и попытки в этом направлении вызвали естественные протесты, которые ликвидировались не всегда дозволенными действиями»⁶⁴. Так, например, он особо подчеркнул, что «был случай категорического отказа 60 плен. хорватов даже от первоначальной погрузки в вагоны на ст. Балта для отправки в Одессу, с заявлением, что они предпочитают быть убитыми медленно, чем идти к сербам, которых знать не желают»⁶⁵.

Тем не менее командование корпуса продолжало настаивать на том, что главная причина беспорядков — это деятельность все тех же Геруца и Тумы. События русской революции способствовали именно такому простому объяснению произошедших событий, поскольку беспорядки в корпусе оказалось легко «списать» в том числе и на покровительство хорватам бывшего царского министра Штюрмера, чье имя после событий февраля 1917 года стало ругательным. Эта мысль ярко прослеживается в меморандуме о беспорядках в корпусе, составленном Живковичем 23 апреля 1917 года, т. е. спустя три месяца после завершения следствия Чистякова. В нем прямо указывалось, что причина конфликта была вызвана «влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния корпуса», а к тому же, как говорилось в тексте меморандума, «из документов, найденных в архиве бывшего министра Штюрмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. В рамках осуществления этого плана входило еще и расформирование Сербского корпуса и Чешско-Словацкой бригады»⁶⁶. Далее Живкович отмечал, что недовольные офицеры «по данному Геруцем сигналу и под его руководством» выставили определенные условия к командованию корпуса, среди которых были как его переименование в Юго-Славянский, так и выделение «солдат хорватов и словенцев от сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только хорватской и словенской народности. На веру должно быть обращено и не смешивать католиков с православными». При этом «этот отряд никогда не должен считаться войском королевства Сербии, но считать его отдельным революционным войском Югославии», которое не должно впредь участвовать в боях на русском фронте.

---

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1167. Л. 72.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 22 об.

⁶⁶ Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства. С. 256–259.

Живкович подчеркивает, что сербское правительство «пошло на встречу всем поставленным условиям за исключением последнего», а сербскому корпусу было дано название «Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев»⁶⁷.

Усилению конфликта способствовали и разногласия в офицерской среде Сербского корпуса, вызванные тем, что офицеры сербской армии, или, как их называли в корпусе, «господа с Корфу», первая партия которых прибыла с Салоникского фронта в Одессу в апреле 1916 года, занимали более привилегированное как служебное, так и материальное положение по сравнению с офицерами-добровольцами, которые оказались ущемлены в отношении всех видов довольствия, особенно денежного. На подобную несправедливость поручик Пекле обращал особое внимание, что и подтвердил в своем рапорте генерал Чистяков: «Всего с Корфу прибыли 72 офицера сербской армии, которые и были назначены на должности бригадных, полковых, батальонных и ротных командиров, а также в штабе корпуса и дивизии <....> Добровольцами из бывших офицеров австрийской службы замещены в дивизии по старшинству только 14 должностей ротных к-ров и все должности взводных к-ров, что объясняется почти полным отсутствием среди добровольцев офицеров в старших чинах (только капитан и 5 поручиков) <...> В отношении денежного довольствия добровольцы-офицеры являются менее обеспеченными, чем офицеры сербской армии. Этим отчасти объясняется и некоторая запутанность в денежных делах добровольцев и даже факт растраты солдатских денег. <...> Об устранении этой разницы уже возбуждено ходатайство, чем значительно улучшится положение добровольческих офицеров, испытывавших затруднения, особенно при совместной жизни с коренными сербами, при довольствии в общей столовой и т. п. Это, конечно, до некоторой степени вызывает неприятные чувства»⁶⁸. Кроме того, в корпусе нередко были случаи открытого воровства сербскими офицерами продуктов и денег.

Причем следствие, на фоне громких заявлений югославянских политиков о необходимости, а главное о готовности сербов, хорватов и словенцев объединиться в новый «югославский дом», нашло крайне нежелательным отправку результатов расследования в российский МИД, ограничившись в этой связи лишь составлением краткой справки для министра, в которой подчеркивалось бы, что «некоторое давление на волю вербуемых было

⁶⁷ Там же. С. 268–269.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 13–30.

случайно, по почину местных начальников и что оно устранено»⁶⁹. В начале февраля 1917 года в штабе Юго-Западного фронта пришли к выводу, что «рассчитывать на достаточный приток добровольцев для формирования 2-й сербской дивизии не представляется возможным» и «что следует озаботиться лишь надлежащим укомплектованием кадров 1-й сербской дивизии»⁷⁰.

В этой связи, а также, видимо, и от желания избавиться от ненужных проблем, Ставкой было принято решение о начале переброски частей корпуса на Салоникский фронт, тем более, что, по сведениям Генштаба, к концу 1916 года там находилось не более 35 тысяч штыков сербской армии «и пополнения убыли в рядах этой армии ожидать неоткуда»⁷¹. Это обстоятельство явилось причиной перекомплектования сербских сил на Салоникском фронте. 5 апреля 1917 г. российский военный агент В. А. Артамонов доносил из Салоник: «Ввиду уменьшения численности сербских сил, а также вследствие условий местности, произведено законченное 29-го марта переформатирование их из 3-х армий в 2, а именно: 1-ая армия — воевода Мишич — дивизии Моравская, Дунайская, Дринская — к западу от гор «Ниджен-Паланина» и до реки Черная. 2-ая армия — воевода Степанович — дивизии Глумандинская, Тимокская и Вардарская — к низу гор «Ниджен». Кавалерийская дивизия придана к 1-ой армии. В состав 1-армии входит также наша 4-я Особая бригада»⁷².

В этом аспекте Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где всё мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами»⁷³. 25 декабря 1916 года сербский военный агент полковник Лонткевич телеграфировал генерал-лейтенанту Лукомскому, что «для вербования добровольцев», желаю-

---

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.

⁷⁰ Там же. Л. 74.

⁷¹ Еще в октябре 1916 года генерал Эбелов отмечал: «Этот корпус, в виду огромных потерь сербов на Салоникском фронте, явится, вероятно, последним ресурсом Сербии, которым страна может располагать, отставив свое существование и сформирование этого корпуса представляется делом не только вызываемым военными соображениями, но и глубоко государственным». В декабре 1916 года Сербская королевская миссия в секретной записке о Сербии отмечала: «Сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу приблизительно 60 000 штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает» (Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства. С. 117, 122).

⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 685. Л. 12.

⁷³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82.

щих поступить в действующую на Салоникском фронте сербскую армию, предполагается командировать в Донскую область шесть групп офицеров, «так как там более всего находятся пленные югославы». Лонткевич привел список этих офицеров⁷⁴.

Отметим, что пополнение Салоникского фронта сербскими солдатами из России не могло быть уж столь значительным. В феврале 1917 года, по сведениям Ставки, в первой сербской дивизии было 12 батальонов, «в каждом батальоне в среднем по 742 нижнего чина. Всего для дивизии не хватает 3 963 строевых и 167 нестроевых чинов»⁷⁵. Вторая сербская дивизия также состояла из 12 батальонов, где состояло около 820 нижних чинов. Для полного комплектования этой дивизии не хватало 3 453 строевых и 330 нестроевых нижних чинов. Офицеров в первой сербской дивизии находилось 470 человек, а во второй 256. Тем не менее в начале января 1917 года через северный русский порт Романов на Салоникский фронт было отправлено 28 офицеров и 1 157 нижних чинов.

События русской революции перемешали первоначальные планы, а дальнейшая судьба сербского корпуса напрямую связана с трагедией русской революции и гражданской войны. После событий февраля 1917 года значительная часть солдат и офицеров покинула его ряды. Так, к маю 1917 года, по сведениям, которые представили русскому командованию, прибывшие в Ставку уже упоминаемый нами Г. Пекле и еще один офицер-доброволец Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6 000 солдат югославян. Офицеры, исключая 2 сербов, — по национальности хорваты и словенцы»⁷⁶. Из этого числа больше половины участвовали в боях за Добруджу⁷⁷.

Показателен при этом рапорт о выходе из корпуса поручика Г. Барабаша⁷⁸, хорвата по национальности, поданный командиру

---

⁷⁴ Там же. Л. 26.

⁷⁵ Там же. Л. 79–79 об.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686. Л. 118.

⁷⁷ Там же. Л. 118.

⁷⁸ Густав Барабаш (1889–1938) окончил Загребский университет, в 1914 году был призван в австрийскую армию, но вскоре сдался в плен. В марте 1916 года вступил в Первую сербскую дивизию и участвовал в боях в Добрудже. Покинув корпус, Барабаш был направлен на Юго-Западный фронт в распоряжение штаба 32 корпуса, став переводчиком при его разведывательном отделе. Незадолго до событий Октября 1917 года он был выбран в состав ВРК корпуса, затем перешел на сторону Красной армии, став командиром интер-

4-пехотного полка 5 (18) апреля 1917 года. Заметим, что данный документ еще раз прекрасно подтверждает тезис об изначальной недееспособности создаваемого в тот момент нового славянского государства, в том числе из-за приверженности руководства корпуса именно монархической государственной конструкции будущей Югославии под управлением династии Карагеоргиевичей. Именно поэтому события февраля 1917 года вызвали отторжение у большинства сербских офицеров, в том числе из-за опасений, что новые российские власти не будут содействовать достижению их идеала. Эта идея не соответствовала чаяниям многих офицеров-добровольцев, позитивно отнесшихся к событиям в Петрограде, поскольку их чаянием было создание Югославии по федеративной модели.

Барабаш отмечает, что вступил в корпус, «будучи горячим сторонником идеи югославянства», которая была бы «тождественна интересам сербов, хорватов и словенцев». Однако служба в корпусе и начавшиеся беспорядки вызвали у него глубокое разочарование, поскольку, по его мнению, «эти раздоры были вызваны не хорватами в силу, может быть, каких-то их особых и сепаратистских хорватских интересов, а что они родились в борьбе между югославянской идеей и идеей государства, в котором были бы объединены все сербы, хорваты и словенцы под гегемонией сербов, как народа, имеющего наибольшие заслуги в деле создания этого будущего государства». Далее поручик с горечью резюмирует: «Я вижу далее, что на нас, хорватов, смотрят с недоверием, и считаю, что будет лучше, раз уж мы не можем вместе с сербскими братьями создавать Югославию, если нас здесь не будет, если мы сойдем с дороги, ведущей к расцвету сербской идеи, по крайней мере, не будем вредить ей. Пусть процветает сербство, а мой народ пусть по-прежнему занимается своими хорватскими делами и решает их со всеми своими австрийскими и венгерскими недругами»⁷⁹.

национального югославянского отряда, первоначально насчитывавшего около 1280 югославян, которые затем вошли в состав 4-й революционной армии под командованием В. И. Киквидзе. В 1918–1919 гг., будучи начальником штаба 2-й Украинской дивизии и начальником штаба Интернациональной дивизии, участвовал в боях на Украине. Летом 1919 года он вступил в ряды РКП (б). В том же году уехал на родину. С 1924 года был членом КПЮ. Опасаясь репрессий со стороны югославских властей, вернулся в СССР. Пал жертвой сталинского террора — он был расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности. В 1956 году был посмертно реабилитирован (См.: Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. С. 40–41).

⁷⁹ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 31–33.

Значительная часть офицеров, вышедших из корпуса, в том числе и те, кто был отчислен М. Живковичем в середине марта 1917 года, ходатайствовала о принятии их в состав русской армии. Так, например, Н. А. Маркс особо подчеркивал, что из двадцати пяти офицеров — словаков и хорватов по национальности, переданных М. Живковичем Одесскому военному начальнику для заключения в лагерь военнопленных, — «двадцать человек подали заявление воен. начальнику с просьбой принять их на службу в русскую армию, мотивируя свое нежелание продолжать службу в сербском добровольческом корпусе соображением, что начальствующие лица корпуса пропагандируют идею отнюдь не Югославии, а исключительно возрождения Великой Сербии, что не отвечает их целям, преследуемым ими при изъявлении согласия вступить в ряды корпуса». Генерал Н. А. Маркс в этой связи указал, что «из числа офицеров, находящихся в настоящее время у воен. начальника, пять принимали участие в боях в составе Первой Сербской дивизии в Добрудже, некоторые были ранены и награждены русскими и сербскими боевыми орденами, и таким образом кровью засвидетельствовали верность общеславянскому делу в настоящей великой войне»⁸⁰. При этом в меморандуме М. В. Алексееву от 21 мая 1917 года, который от имени офицеров и солдат корпуса написали те же Пекле и Шовари, прямо указывалось: «Наши старания были напрасны. Сначала обмануты разными обещаниями и указаниями на препятствия державноправного и дипломатического характеров (будто Россия не признает югославянского названия, потому что югославянского государства нет, а где же Чешско-Словацкое государство?), мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании»⁸¹. В начале апреля 1917 года генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем А. С. Лукомский уведомлял, «что Верховный Главнокомандующий приказал назначить 5 офицеров из числа исключенных из Сербского корпуса, но награжденных за боевые отличия русскими орденами, в русские войска Кавказской армии, остальных же 20 офицеров зачислить в Чешские полки»⁸².

На фоне начавшегося массового ухода из корпуса офицерского состава, к апрелю 1917 года дисциплина в нем упала до катастрофического уровня, а общее состояние в сербских

---

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 12–14.

⁸¹ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 39.

⁸² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 684. Л. 1.

дивизиях было близко к абсолютной анархии. В сведениях, полученных Ставкой 14 апреля 1917 года, говорилось: «Председатель Александровского Екатеринославской губернии съезда по продовольствию кооперативов и представителей от волостей ходатайствует о немедленном разоружении так называемой сербской добровольческой дивизии. Дивизия эта за ничтожным исключением набрана старым правительством из австрийских славян, причем не останавливаясь перед применением грубого насилия и истязания. Для поддержания дисциплины этой дивизии применяются неслыханные в русских войсках наказания, как подвешивание к столбу, битье плетью. Для этой же цели и на случай возмущения к каждой части этих войск приставлены русские пулеметные команды. Население возмущено истязаниями этих людей, и были случаи самовольного освобождения привязанных к столбу. В самих рядах этой дивизии усиливается беспокойное настроение, возможно восстание, которое придется усмирять пулеметчиками. Случаи побега учащаются. Население часто укрывает беглецов. Не находящие же где укрыться становятся угрозой безопасности сельских жителей. Говорят, что дивизия эта сформирована по договору с Англией и Францией. Принимая во внимание: во-первых, что насильственное формирование этой дивизии из пленных является нарушением международного права, во-вторых, прикомандированные к ним пулеметные команды были бы более полезны на фронте, в-третьих, что пленные эти, возвращенные к сельскохозяйственным работам, с которых они сняты, будут более полезны для дела союзников, чем держание их в тылу, или даже на фронте; Александровский уездный съезд по продовольствию кооперативов и представителей волостей во имя человеколюбия и для пользы родины ходатайствует о немедленном расформировании сербской дивизии и возвращении пленных на сельскохозяйственные работы в Александровском уезде, откуда большей частью они взяты, и при больших посевных площадях отсутствие работников грозит недобором хлеба»⁸³.

30 апреля 1917 года член РСДРП, старший врач 4-го полка 1-й сербской дивизии Гавриил Константинович обратился с заявлением в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы, в котором указал на многочисленные бесчинства, творимые солдатами корпуса по отношению к местному населению, а также на нелестные высказывания офицеров и солдат

---

⁸³ Там же. Л. 8.

корпуса по отношению к России и русским. Вывод его был очевиден: корпус — это контрреволюционная структура, в связи с чем его необходимо разоружить, сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат — в Сибирь на работы. Он подчеркивал: «К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры IV полка, известный чемпион-палач 1-ой сербской дивизии майор Хаджич, командир III батальона, подполковник Цветич, командир II батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги», — отмечал Константинович. В этом же рапорте он особо подчеркивал, что «к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа и кто арестовал нашего покровителя — это сволочь, совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. В этой дряни (т. е. совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3 000 шпионов», — кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич»⁸⁴.

На фоне общего разложения русской армии, к лету 1917 года уход добровольцев из корпуса принял массовый характер. В середине мая 1917 года в Дарницкий лагерь военнопленных под Киевом прибыло около 4 000 его бывших солдат⁸⁵. К началу августа 1917 года в корпусе из 42 000 солдат осталось лишь около 18 000 человек, большая часть из которых к концу того же месяца по требованию генерала Щербачева была переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии⁸⁶.

12 июня 1917 г. Гаспар Пекле, находясь в Могилеве, составил обращенное к Верховному главнокомандующему воззвание, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса «словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящим, впредь до заключения мира в состав русской армии»⁸⁷. В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация по вступлению в его ряды, что вызвало естественный протест Лонткевича и Живковича, пытавшихся,

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 113–114 (см. приложение № 2).

⁸⁵ Там же. Л. 103.

⁸⁶ Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции. С. 45–46.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 166.

в свою очередь, организовать в той же Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе вновь приняв в его состав тех солдат, которые ранее его покинули. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчеркивал необходимость «ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославян, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию»⁸⁸ (см. приложение № 6–7).

Деятельность эта, однако, как видно из записки, составленной Комиссией при штабе Киевского военного округа по опросу пленных, большого успеха не имела. При допросе 3 700 диссидентов Сербского корпуса, которые прибыли в Киев в июне—июле 1917 г., выяснилось, что «из 2 196 Комиссией опрошенных диссидентов дали свое согласие:

Поступить в рабочие дружины	1 826
Возвратиться обратно в плен	325
Поступить в русскую армию	27
Поступить в ударный югославянский батальон	18
ИТОГО	2 196
До 22 июля поступило в ударный Юго-славянский батальон (вместе с офицерами и Русскими подданными)	582
Возвратилось в Сербский корпус	122
По имеющимся сведениям удалились в неизвестно куда (есть основание, что удрали)	800
ВСЕГО	3 700 ⁸⁹ .

В свою очередь, после двух месяцев вербовки «офицерам-диссидентам» к концу лета 1917 года удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек. В середине августа 1917 года генерал-майор Романовский издал распоряжение «всякую агитацию и дальнейшую вербовку» в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный «ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своем желании вступить в этот батальон», немедленно отправить на юго-запад-

⁸⁸ Там же. Л. 208.

⁸⁹ Там же. Л. 228.

ный фронт. Последующий опрос военнопленных должна была теперь проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа, а в её состав должен был входить поручик Комненович. Причем, как замечалось в приказе, «сначала вербуются добровольцы в Сербско-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем, путем опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец, добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название «Особый ударный батальон», не называя его «юго-славянский». Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние округа империи, причем в приказе особо подчеркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы»⁹⁰.

В это же время собственную вербовку добровольцев начала еще одна группа сербских офицеров под руководством полковника **А. Срба**, к тому времени уже заочно обвиненного на Салонинском процессе по делу организации «Черная рука» («Объединение или смерть»). В начале октября 1917 года Лонткевич в телеграмме, генерал-квартирмейстеру Штаба Верховного главнокомандующего Дитериксу подчеркивал, что «бывший подполковник сербской службы, ныне полковник русской службы Александр **Серб** и отставной майор Радое Янкович несколько дней тому назад выехали из Петрограда в Одессу, чтобы между частями добровольческого корпуса Сербов, Кроатов и Словинцев, агитировать и уговаривать добровольцев не ехать на Солунский фронт и вообще возбуждать между добровольцами недовольствие и недоверие к Сербскому правительству и начальствующим лицам этого корпуса»⁹¹. В ответ на это обращение российское командование приняло решение: «Ввиду недопустимой по отношению к союзной нам Сербии агитации со стороны бывших сербских офицеров, сохранивших сербское подданство, но находящихся ныне на русской службе полковников **Срба** и Гойковича, а также сербской службы майора Янковича, начальник штаба верховного главнокомандующего приказал безотлагательно командировать этих офицеров в распоряжение Дежурного генерала Кавказского фронта для назначения их в действующие на Кавфронте части»⁹².

⁹⁰ Там же. Л. 239–240.

⁹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 298.

⁹² Там же. Л. 304.

Однако это распоряжение Ставки, вследствие произошедших осенью 1917 года событий, так и не было исполнено. После победы октябрьского восстания, в ноябре—декабре 1917 г, в Одессе А. Србом из бывших солдат корпуса был сформирован батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 года был переброшен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 года был убит в Таганроге при до конца не выясненных обстоятельствах⁹³. Однако эта тема является уже предметом отдельного исследования⁹⁴. Мы же в своей статье стремились показать, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри добровольческого корпуса прекрасно иллюстрируют предопределение будущей печальной судьбы югославского государства и его армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал.

---

⁹³ Известный советский историк В. В. Зеленин утверждал, что вдохновителями убийства А. Срба — «опасного для династии человека» — были принц-регент Александр и посланник Спалайкович. Устранение Срба, по его мнению, напрямую связано с Салоникским процессом над руководителями сербской офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука») (Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. С. 110–112). Обвиненные в убийстве А. Срба Сремчевич и Куреш были расстреляны 28 апреля 1918 г., т. е. на следующий день после убийства, а 15 мая в Ейске по этому же обвинению были казнены Делич, Рашета и Шовлянский (См.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 113–115). В мемуарах Милювоя Секулича, воспитанника русского кадетского корпуса в г. Белграде, передан рассказ его отца, который в ходе Первой мировой войны, дезертировав из австро-венгерской армии, также оказался в гуще революционных событий в России и, будучи в начале 1918 года в Ростове-на-Дону, был свидетелем некоего расстрела: «Пока корабль швартовался к берегу и офицеры с женами вышли на палубу, на соседней барже разыгрывалась драма. Там расстреливали сербы своих же сербов — членов политической организации «Црна Рука», которые принимали участие в заговоре и убийстве командира полка майора Благодича. Приговоренные к расстрелу стояли с черными повязками на глазах, связанные по рукам, и вслед за выстрелами падали в Дон. Русские жены падали в обморок при виде этой расправы» (Секулич М. Русские в Сербии. М., 2001. С. 10–11). Автор мемуаров при этом ошибается. Майор Матия Благодич погиб в августе 1918 года в боях под Казанью. В описании речь может идти о расстреле неких участников убийства Александра Срба. Подобное описание приводит сербский историк Г. Милорадович: Милорадович Г. Карантин идей. С. 135.

⁹⁴ Укажем также, что 10 ноября 1917 года, т. е. уже после захвата власти большевиками, В. Гойкович обратился с открытым заявлением в штаб Верховного главнокомандующего, в котором содержалось требование о формировании нового югославянского батальона из всех военнослужащих, отказавшихся покидать Россию, с возможным включением его в состав чешского корпуса (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 49. Л. 1–2).

Приложения

I.

14 (27) апреля 1917.

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах при Сербском правительстве, Корфу⁹⁵

С самого начала войны русское правительство в полном согласии с общественными настроениями, отнеслось с величайшим сочувствием к идее объединения сербо-хорвато-словенского народа, оказывало и продолжает оказывать ему в этом отношении всякое содействие. Между прочим, в этих видах, было разрешено образование в Одессе особой Сербской Добровольческой дивизии, с привлечением в нее пленных хорватов и словенцев. В настоящее время из сообщений наших военных властей и здешнего сербского посланника видно, что между добровольцами хорвато-словенцами и сербскими офицерами возникли большие несогласия и прискорбные трения на почве национально-политической, приведшие к принятию, с одной стороны — репрессивных мер, а с другой — к массовому уходу пленных сербов и хорватов из Добровольческой дивизии. Это движение, по-видимому, разрастается.

Считая вопрос об установлении тесных дружественных отношений между сербами и их сородичами хорватами и словенцами, входящим в область внутренней жизни всего сербо-хорвато-словенского народа, мы не находили бы возможным при настоящей политической обстановке, вмешиваться в него слишком активно, но, конечно, не отказываемся в пределах возможного от примирительной посреднической роли.

Вместе с тем мы полагаем, что для укрепления объединительной сербской идеи было бы весьма желательно преподать сербским военным и гражданским руководителям этого дела в России указания в смысле более осторожного и тактичного образа действий по отношению к пленным хорватам и словенцам, среди которых ведется великосербская пропаганда, так как насильственные приемы, несомненно, применяемые сербскими агентами, губят, по нашему мнению, великосербскую идею, затрудняют соглаше-

---

⁹⁵ Им был Б. П. Пелехин.

ние, отчуждая хорватов и словенцев, и поведут к распаду самой сербской дивизии в Одессе.

Благоволите доверительно объясниться по этому поводу с Пашичем и о последующем телеграфировать.

Подписал: Милюков.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 67–67 об.

2.

16 мая 1917.

В Совет офицерских и солдатских депутатов
Заявление⁹⁶

Считая своим священным долгом, как русский гражданин освятить некоторые факты, которые имеют тесную связь с нашей демократической свободой и контрреволюцией.

Служа в сербской армии два года, я беспристрастно излагаю все, что касается 1-ой и 2-ой Сербской дивизии, состав, цель, и распадение. 1-ая сербская дивизия комплектована исключительно из австрийских поданных «пленных» офицеров и солдат «чехов, хорватов, словенцев и сербов». Только высшие офицеры были сербские поданные. В состав ее входили элементы полезные для славянства и врагов. Идея образования 1-ой сербской дивизии возникла в высших сферах у русского предательского самодержавного правительства с благословением Николая Романова, Алисии Гесенской и других немецких шпионов. Из сербов, страдающих манией величия, агитировали и собирали добровольцев: Сербский консул Цемович, Шаинович, Спалайкович и др. с целью протендовать⁹⁷ перед союзниками, что у них имеет-ся Сербская армия на русском фронте.

Величайшее предательство для своего отечества было пустить пленных австрийцев, без фильтрации и без никакого разбора вооружить их в Одессе и пустить на фронт. Офицеры добровольцы высоко интеллигентные и образованные, преданные славянской идее, боролись храбро в Добрудже и получили русские и сербские ордена за храбрость. Гораздо хуже обстоит дело с солдатами,

---

⁹⁶ Сохранена орфография документа.

⁹⁷ Так в тексте. — Я. В.

но половина из них были негодные для борьбы. Среди офицеров и солдат безусловно были немцы и венгерцы, говорящие на сербохорватском языке. Это были австрийские шпионы. Под маской Сербской дивизии они входили во всех областях русской жизни, знакомились с генералами, русскими офицерами, дамами, узнавали все тайны нашей обороны — передвижение войск, снабжение, экономическое состояние страны, работы на оборону и т. д.

В Одессе 2 офицера добровольца полетели на аэроплане из Одессы, взявших масса документов и прибыли в Австрию или Румынию. В 1-ой дивизии принимали добровольцев обманом или силой. Прямо с позиций из Галиции и Буковины таскали в Одессу и здесь силой высшие сербские офицеры заставляли пленных принимать присягу Сербскому королю Петру. Не желающих принимать присягу подвергались истязаниям «Сербской воспитательной командой-полицией», убийствами и террором. По рассказу офицеров добровольцев сербская полиция убила одного офицера капитана чеха за то, что он отказывался присутствовать при истязании добровольцев. Русские власти об этом отлично знали, но ничего не предпринимали, т. к. 1-ая Сербская дивизия находилась под высоким благоволением и милости Николая Романова и Алисии Гесенской. Офицеры, которые издавали секретные приказы об убийствах и истязаниях добровольцев не были привлечены к судебной ответственности. Было много жалоб со стороны добровольцев на высших сербских офицеров, но все это были «глас вопиющий в пустыне». Вместо правды и суда их разжаловали и высылали обратно в плен в восточных губерниях. Некоторые офицеры в Одессе занимались форменными оргиями разврата и пьянства, а некоторые солдаты били евреев и грабили магазины. Сам Николай Романов и Алисия Гесенская нарочно прибыли в Одессу, изъявив свою глубокую милость и благоволение первой сербской дивизии. После известного времени из Одессы начали бежать некоторые офицеры и солдаты и неизвестно куда уходили. Когда приехали в Бендеры, солдаты начали бежать в немецких и болгарских колониях, передевались и жили здесь, некоторые бежали в Румынию. Некоторых из них сербские военные власти ловили, били их и истязали, но это ничего не помогло и солдаты бежали ежедневно. Тоже самое было в Болграде, Рени и т. д. Легко им было бежать из Болграда, т. к. местные болгары передевали добровольцев и куда то посылали. После ухода сербской дивизии из Болграда, была открыта шпионская организация и арестовано было около 25 болгар. Город Болград был центром болгарского шпионажа:

здесь жили и торговали болгарские офицеры генерального штаба, напр. болгарский офицер Дренков и др. Эти болгарские офицеры благополучно уехали в Румынию, благодаря местным болгарам. Эти сведения сообщил мне один русский извозчик. Он говорил, что мы русские в рабстве здесь и мы должны только говорить по болгарски. Приехали в Добруджу и здесь каждый день оставались на дороге по 300–400 человек (солдат). Многие из них были туберкулезные с пороком сердца, с грыжами, с ревматизмом и.т. д. Без преувеличения можно сказать, что с первой сербской дивизией из 12-ти тысяч штыков половина были неспособные к борьбе. Справедливость требует, что Босанцы, Герцеговинцы и Личане храбро сражались. Многие солдаты оставляли позиции и ходили по деревням (румынским, болгарским и турецким) и форменно занимались грабежом, убийствами и насилиями женщин. (например с. Кечи – Дереси. Здесь около 300 солдат II полка вставляли штыки из под горла женщинам, мужчинам и требовали денег, кто не давал ничего, его били прикладами в грудь.

Посреди дороги видел одну турчанку, где она лежала и харькала кровью. Отвез ее домой и дал лекарства. Она говорила, что её ударил сербский солдат за то, что у неё не было денег. Разговор между нами происходил на турецком языке. Здесь (с. Кечи де Реси) 3 солдата пулеметного отделения II полка зашли в дом турецкого священника (имам) взяли его 12 летнюю девочку и отвели на сорок шагов в пустой дом и здесь начали изнасиловать её, турок приехал ко мне, плакал и сообщил мне об этом и я немедленно поехал, около дверей стоял один с ножом в руках, чтобы никто не пришел. Девочка от страха была помешана.... Когда отступали из Добруджи, около 2 000 солдат оставили свои полки, грабили скот, овец, лошадей, коров от несчастных румын, которые бежали от болгар — перешли Дунай, пришли в город Браила и здесь устроили форменный базар, продавали их и нажили много денег. Начали пьянствовать в городе и Румынская полиция и казаки выгоняли их из трактиров. С этого дня была воспрещена продажа спиртных напитков. Некоторые полки, когда приехали на мост около Исакчи, имели всего по 400 человек, а когда приехали в Измаил, собрались, то получилось около 2 500 солдат на полк. Многие остались в Румынии и в окрестностях Рени. В Измаил тоже начали бежать по 10–15 человек в день и то с винтовками, бомбами и патронами. Русские дивизии были пополнены и уехали обратно в Добруджу. Командующий армией генерал Сахаров потребовал, чтобы 1-ая Сербская дивизия

уехала на фронт. Но высшие сербские офицеры, генерал Живкович и др. обратились к своему покровителю Николаю Романову с просьбой не ехать на фронт и желание их с радостью исполнил. Генерал Брусилов известил генерала Живковича в Одессе, чтобы 2-ая Сербская дивизия уехала на фронт. Когда генерал Живкович обходил батальоны 2-ой дивизии в Одессе, сказал: «Помози бог юнаци» (здорово молодцы) и весь батальон ответил ему: «Живео Франц-Иосиф, живела Австрия» (Да здравствует Франц-Иосиф, да здравствует Австрия). Комментарии здесь излишни. После этого он ответил Брусилову, что дивизия не может ехать на фронт. Мало того, некоторые солдаты категорически заявили, что если их пошлют на австрийский фронт, то они свяжут всех офицеров и передадут австрийцам и сами сдадутся в плен. Вот почему 2-ая дивизия стоит без дела больше года. Я спрашивал некоторых солдат, поему вы бежите из сербских полков 1-ой и 2-ой дивизий. Они единогласно отвечали так: 1-ое, потому что в Австрии нам хорошо и Франц Иосиф кормит наших женщин и детей, 2-ое, что высшие сербские офицеры — звери, бьют нас так, что многие умирали, у многих руки и ноги сломаны палками. 3-е, список 1-ой и 2-ой Сербской дивизий (солдат и офицеров) кто-то из шпионов переписал или украл из штаба дивизии и отнес в Австрию. Вот почему в Австрии многих из наших семей убивали, сажали в тюрьму, а имущество наше конфисковывали. Вот и есть главная причина, что бежать из сербских полков. Приехала 1-ая сербская дивизия в Вознесенск. Здесь на Рождество и на Новый год началась такая пальба по городу и окрестностям, что жители подумали, что немцы пришли. Стреляли целых три дня. По рассказам одного офицера израсходовано патронов около ста тысяч. Стреляли солдаты из 3-го и 4-го полка, было здесь несчастных случаев. Из Вознесенска ежедневно начали бежать солдаты с винтовками, бомбами патронами, бежали по двадцать, по 30 и выше в день. Куда идут никто не знает. Я спрашивал некоторых солдат почему, когда они бегут, берут с собою винтовки, одни говорят, что продают, а кому неизвестно. Другие говорят, что они идут в русскую армию... 2-ая Сербская дивизия много раз хуже, чем 1-ая дивизия. Когда переводили ее из Одессы в Александровск, то по дороге много солдат умирало, т. е. из всякой роты по 75 человек. Одни говорят, что бегут по разным направлениям: в Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую губернии и при морских городах. Побежало из 1-ой и 2-ой Сербских дивизий больше десяти тысяч сербских солдат добровольцев.

Отношение высших сербских офицеров к русской революции, и вообще к русским

В Вознесенск приехал великий князь Сергей Михайлович, кажется в январе, и передал около шести сот георгиевских крестов III и IV полку. Говорилось открыто, что рабочие будут устраивать в Петрограде и Москве бунты, и что русские солдаты и козаки не будут стрелять в рабочих. Первая сербская дивизия должна была идти в Петроград, а вторая в Москву. Одни говорили, что дивизия пойдет из Вознесенска 10 января, другие говорили 10 февраля, но это была такая тайна и мы ничего не знали, когда она пойдет.

За время стоянки 1-ой дивизии (III и IV полк) в Вознесенске многие солдаты занимались форменным грабежом, насилием над русскими гражданами, как в самом городе, так и по деревням. Это не были солдаты, а шайки разбойников и башибузуков. Солдаты были плохо одеты и почти голодали. Злоупотребления ужасные, русские деньги отпускались, а солдаты по три дня ничего не ели. Спрашивал я солдат, почему многие солдаты крадут. Они откровенно говорили мне: у нас 2 дороги: умереть с голоду, или красть. Мы выбрали второе, т. е. красть и купить себе мало сыра и хлеба. Нам дают такой хлеб, что солдаты кушать не хотят.

Вот некоторые факты грабежа и насилия над русскими гражданами.

1-ое) с. Нотегайловка у лавки Водолазченко один солдат купил папирос, дал деньги, потом говорит, что папиросы не хорошие, дайте деньги обратно и когда хозяин открыл ящик, где находились деньги, то солдат схватил деньги и ушел.

2) На хуторе посреди дороги 4 сербских солдат взяли шапку и тулуп от г-на Волковича, погрозили штыками. Он возвратился домой без шапки и тулупа при 15 градусном морозе

3) Сербские солдаты украли целый дуб у Витушки (с. Котегайловка) на 60 руб.

4) У Суркан сербские солдаты украли 4 пуда керосина

5) Крестьянские бабы рассказывали, что одна красивая солдатка ночью была осрамлена. Они сожгли мало соломы возле её дома, а то горит солома, сгорит дом ее. Она вышла, а солдаты схватили её и изнасиловали. Погрозили, что они её зарежут и дом сожгут, если она будет кричать и жаловаться. Сербские солдаты многих русских солдаток изнасиловали, но они не говорят никому от позора и страха.

6) Из лавки Крушельницкого украли 3 пуда мяса.

7) У г-на Ганикова украли 40 ясиновых деревьев по 3 рубля каждое, всего 120 рублей; украли еще у него свиту, и когда он начал сопротивляться, то они хотели его убить штыком.

8) У солдатки Карпула с. Нотегайловка сломали замок и украли 70 пудов картофеля.

9) У крестьянина Зинского с. Нотегайловка жили сербские солдаты и 3 дня не ночевали у него, а на 4 день приехали с полными мешками разных материй: шарфы, носки фуфайки, одеяла и т. д. и продавали очень дешево, за это он прогнал их из своей квартиры, боясь полиции.

10) Один сербский кавалерист изнасиловал одну барышню, сначала погрозил штыком, жаловались командиру, но он ответил, что он сам их боится. Имена осрамленных женщин ни за что не хотели мне сообщить.

11) Сына промывальщика паровоза Беляева ранили пулей в правое плечо, ранили одного русского солдата и др.

12) У крестьянина Константина Телечкан с. Натегайловка сожгли водокачку на 400 рублей.

13) У секретаря Земской управы Григория Васильевича Аленина украли 3 свиньи.

14) По вечерам, когда рабочие возвращались с получкою, сербские солдаты часто грабили, один солдат держал револьвер, а другой обшаривал карманы.

15) У церковного сторожа украли 31 рубль из кармана.

Вышеперечисленные грабежи и насилия представляют из себя каплю в море, я это случайно узнал от одного крестьянина и записал. Секретарь Земской управы г-н Оленин может многое чего указать относительно кражи и насилия.

Вообще многие сербские офицеры ненавидят русских и относятся к русским гражданам с презрением. Добровольцы офицеры напротив, искренно любят русский народ и ненавидят самодержавный строй. Офицеры добровольцы в Одессе стреляли в портрет Алисии Гесенской и за то были разжалованы и посланы на заточение где-то в Сибирь. Некоторые сербские офицеры высшие называют русских свиньями и другими оскорбительными словами. Они говорили, наш великий покровитель Николай II хорошо делает, что им свободу не дает. К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры IV полка, известный чемпион-палач 1-ой сербской дивизии майор Хаджич, командир III батальона, подполковник

Цветич, командир II батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги. В моем присутствии и русского офицера пулеметного отделения, русский чиновник Гладун говорил, что священник Гиока Попович представил фальшивые счета на 6 000 рублей. Этот священник устраивал форменные оргии в Кугурлуй (Измаиле) и в Вознесенске, вообще этот священник великий ненавистник русских людей. Русский фельдшер IV полка г. Троян будет свидетелем этого. В III полку масса злоупотреблений (капитан Боровац, подпоручик Икраш и Овчинников). Писарь Красницкий из Австрии, работающий у заведывающего хозяйством, может дать данные. Нужно произвести строгую ревизию в первой и 2-ой дивизии. В IV полку командир полка подполковник Цветич приказал заведывавшему экономического отделения г-ну Барабаша купить на 600 рублей казенных русских денег одну бочку вина. Он и священник Попович пьянствовали и устраивали оргии. Об этом есть расследования командиром полка г-на Требинца, один из самых лучших интеллигентных сербских офицеров. Некоторые сербские офицеры издевались над русскими гражданами, терроризировали и арестовывали за то, что они стояли за правду и истину и протестовали, когда они оскорбляли наше русское национальное чувство. 1-ая сербская дивизия наказывала и арестовывала русских граждан — офицеров, врачей, фельдшеров и т. д.

К революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа и кто арестовал нашего покровителя? «Это сволочь, совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем, в этой дряни, (т. е. совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3 000 шпионов», — кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич. Свидетели могут подтвердить следующее: подпоручик IV полка г-н Хранилович и русин подпоручик Малашак, эти 2 офицера уехали в русскую армию в Екатеринослав. Ни один сербский полк не чествовал русскую свободу 1-го мая, где были манифестации. Начальник штаба Белич издал ночью секретное предписание, в котором строго воспрещалось офицерам и солдатам участвовать в манифестациях 1-го мая и в этот день он назначил занятия далеко от города. Копия этого секретного предписания находится у меня. Майор Павлович — артиллерист то же самое враждебно относится враждебно против русских солдат.

В Елизаветграде имеется около 200–300 дезертиров 1 и 2-й Сербской дивизии и живут при сербских беженцах. Некоторые из них грозили русским гражданам штыком.

На основании вышеизложенного, прихожу к следующему заключению:

При контрреволюции некоторые высшие сербские офицеры с оружием в руках будут поддерживать ее и способствовать ее усилению;

В первой в второй Сербской дивизии находится в бегах 15 000 австрийских пленных, рассеяны по разным губерниям вблизи фронта и большинство вооружены; они также могут способствовать контр-революции вместе с врагами России и приверженцами старого режима;

Немедленно разоружить 1 и 2-ую Сербскую дивизии, а всех офицеров (сербско-подданные) отправить на Салоникский фронт, а солдат отправить в Сибирь на работу.

Член Российской Социал-Демократической Рабочей Партии
Старший врач 4-го полка 1-ой Сербской дивизии,
Гражданин Гавриил К. Константинович. 30 апреля 1917 г.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 111–114.

3.
Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего —
полковнику Лонткиевичу.
Ставка, 13 июня 1917.

Генерал-лейтенант Лукомский, свидетельствуя совершенное свое почтение полковнику Лонткиевичу, представителю сербской армии при Штабе Верховного Главнокомандующего, имеет честь сообщить ему нижеследующее:

Верховный главнокомандующий, всестороннее ознакомившись с вопросами боевой подготовки состава, комплектования, и внутреннего быта сербского добровольческого корпуса, приказал безотлагательно принять нижеследующие меры:

Довести 1-ю сербскую дивизию до полного комплекта за счет 2-й дивизии и направить ее на фронт в распоряжение Главнокомандующего армиями Румынского фронта.

Из оставшихся, по укомплектовании 1-й дивизии, личного состава 2-й дивизии и запасного батальона сербского корпуса

сформировать сербский запасной полк, для пополнения убыли в отправляемой на фронт дивизии⁹⁸.

Генерала Живковича назначить Начальником сформированного на указанных выше основаниях Сербского добровольческого отряда, с предоставлением ему прав командира корпуса.

Попутно, с указанным выше переформированием Сербского добровольческого корпуса предложить командиру корпуса, генералу Живковичу, исключить из состава вверенных ему сербских частей, всех офицеров и солдат, которые признаются элементом нежелательным, а также тех, которые сами выразят желание выйти из состава отряда. Исключенных таким образом офицеров и солдат направить в Дарницу.

Из всех остающихся в Сербском добровольческом отряде (дивизии и запасном полку) офицеров и солдат взять подписку в том, что они обязуются нести службу в отряде, беспрекословно подчиняясь всем требованиям воинских дисциплины и законов, вплоть до окончания войны и расформирования отряда

О вышеизложенном сообщено всем подлежащим начальствующим лицам для безотлагательного приведения в исполнение указанных распоряжений.

Лукомский

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 164 об.

4.
Лонткиевич — Лукомскому.
13 июня 1917.

Командир Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев (...) просит о выдаче немедленного распоряжения штабу Киевского военного округа, чтобы все бывшие добровольцы этого корпуса, находящиеся в данном моменте в изоляционном пункте в Дарнице, которые выразили желание снова вернуться в тот самый корпус, были предоставлены в распоряжение уполномоченного Сербского правительства, поручика сербской службы Комненовича и при нем состоящей комиссии, для дальнейшей отправки в корпус.

Полковник Лонткиевич.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 175

---

⁹⁸ А если и потребуется, то и на Салоникский фронт.

5.
30 июня 1917.
Одесса ГЛАНОВОКР копия НАШТАРУМ

Вопрос о переброске сербского корпуса на Салоникский фронт в принципе окончательно решен, но в виду того, что самая перевозка может начаться еще очень не скоро, причем в зависимости от количества транспортов она будет производиться лишь постепенно, то Главковерх не признает возможным оставить корпус в бездействии и во время наших операций. Поэтому 1-я дивизия, укомплектованная за счет 2-й и запасного полка должна быть немедленно двинута на фронт. Вместе с тем 2-я дивизия и запасной полк должны принять участие в полевых работах на тех же основаниях, как и наши тыловые части. Сообщается для приведения в исполнение.

Лукомский.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 189

6.
Начальник штаба Верховного Главнокомандующего.
16 июня 1917 г. Ставка.
Отпуск.

Генерал-лейтенант Лукомский, свидетельствуя свое совершенное почтение полковнику Лонткиевичу, представителю Сербской армии при Штабе Верховного Главнокомандующего, имеет честь уведомить его, что вместе с сим делается распоряжение о разрешении уполномоченному Сербского правительства, поручику Комненовичу, спросить находящихся в Дарнице бывших добровольцев Сербского корпуса, вышедших из состава этого корпуса, о желании их вернуться в Сербский добровольческий отряд.

При этом непременно условием ставится, чтобы каждый, выразивший желание вернуться в Сербский отряд, дал письменное удостоверение о добровольном своем на это согласии и обязательство беспрекословно подчиняться воинской дисциплине и исполнять все приказы и распоряжения, касающиеся строевых и других занятий в отряде, а также все боевые распоряжения. В комиссию поручика Комненовича для опроса желающих вер-

нуться в сербские добровольческие части будет назначен представитель Штаба Киевского военного округа.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 176–176 об.

7.

Лонгкиевич — Лукомскому

14 июля 1917 г.

По сведениям, полученным нашим правительством от уполномоченного Сербского правительства в Киеве, Сербской службы поручика Комненовича, в лагере военнопленных в Дарнице находится большое число бывших добровольцев сербского добровольческого корпуса. Эти бывшие добровольцы под влиянием нескольких диссидентов — бывших офицеров сербского корпуса, стараются всеми средствами затруднять нашим офицерам-делегатам дальнейшую вербовку добровольцев между пленными югославянской национальности, прибывающими в настоящее время с фронта в Дарницкий лагерь.

Упомянутые офицеры-диссиденты, в свою очередь, собирают между пленными добровольцев будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение — формировать отдельный отряд югославян в противоположность уже существующему в Одессе, на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев.

Россией и остальными союзниками официально признано стремление югославян освободиться и объединиться в одно целое. Приведение этой идеи в исполнение в тесном согласии со всеми союзниками возложено на официально существующий в Лондоне центральный югославянский комитет.

Сербское правительство, в согласии с упомянутым комитетом, в свое время возбудило перед русским правительством вопрос о формировании в России отряда — корпуса из пленных югославянской национальности, что и было осуществлено в Одессе, при содействии русских военных властей и командированных для этого из Сербии сербских офицеров.

В последнее время вербовка добровольцев югославян почти совсем прекратилась, главным образом из-за того, что в лагере военнопленных в Дарнице ведут непозволительную агитацию диссиденты — бывшие офицеры и солдаты сербского добровольческого корпуса. В своей агитации они не останавливаются

ся ни перед какими ругательными словами по адресу Сербии, Сербского корпуса и сербских офицеров, как и по адресу самой идеи, которую этот корпус, по соглашению со всеми союзниками и югославянским комитетом преследует.

На днях одна сербская дивизия уходит на фронт, что вызовет значительные в ней потери; сербская армия, действующая на Салоникском фронте нуждается в большом запасе людей для своего пополнения, единственным источником которого являются добровольцы югославыне.

Все это заставляет сербское правительство и сербскую Верховную команду обратиться к русскому правительству с убедительной просьбой создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославын и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства.

Для успешной работы необходимо:

Признать только одну организацию югославын, а именно состоящую под руководством официально существующего югославянского комитета, утвержденного всеми союзниками.

Такой организацией югославын в России является ныне существующий в Одесском округе корпус сербов, хорватов и словинцев.

Всякая другая, помимо этой, организация, подобно вышеупомянутой Киевской, созданной офицерами-диссидентами, является незаконной и противу желания официального центрального югославянского комитета.

Необходимо всех диссидентов — бывших добровольцев сербского корпуса удалить из Дарницкого лагеря и лишить их возможности своей злоумышленной и несоответствующей истине агитацией, влиять на вновь прибывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии.

А. В. ГАНИН

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В УКРАИНСКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ

В 1917–1939 гг.¹

«Не так-то легко скоро бути старшиною
Генерального штабу».

Из вводной лекции по стратегии
генерала Г. Е. Янушевского
в Калишском лагере. Ноябрь 1921 г.²

История возникновения и развития национальных армий эпохи Гражданской войны в России на протяжении четверти века привлекает самое пристальное внимание исследователей из бывших республик СССР, ныне — независимых государств ближнего и дальнего зарубежья. Тем не менее многие сюжеты, связанные с этой темой, до сих пор не получили должного освещения, а некоторые подверглись серьезному искажению, обусловленному текущим политическим заказом в соответствующих государственных образованиях. Что касается отечественных авторов и читателей, то они практически не знакомы с рассматриваемой проблематикой.

---

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Выражаю глубокую признательность к. и. н. М. А. Ковальчуку (Киев) за уточнение инициалов ряда офицеров и за предоставление копий работ некоторых современных украинских исследователей.

² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 12. Л. 12 об.

Одним из сюжетов, который до сих пор практически не привлекал внимания исследователей, является история подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в период Гражданской войны и в эмиграции в 1917–1939 гг. Речь идет об одном из важных аспектов военного строительства антибольшевистских правительств украинской Центральной Рады, Украинской Державы и Украинской народной республики (УНР).

Этот сюжет может быть хронологически разделен на два периода. Первый период охватывает подготовку украинских национальных кадров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. К этому времени относится ряд неудачных попыток открытия украинской военной академии или ускоренных курсов Генштаба, а также дискуссия по этому вопросу в украинском военно-политическом руководстве. Второй, гораздо более насыщенный важными для данной темы событиями, период — подготовка национальных кадров Генерального штаба в эмиграции. Здесь речь идет об истории специальных курсов Генштаба, открывшихся в украинском беженском лагере Калиш в Польше уже после того, как украинские вооруженные формирования были вытеснены частями Красной армии с территории Украины, а Гражданская война на Украине в основном завершилась. Кроме того, ко второму периоду относится немаловажный вопрос подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в иностранных военных академиях.

Проблема подготовки кадров Генерального штаба носит специальный характер, а, поскольку в годы Гражданской войны эта подготовка на Украине так и не была налажена и планы открытия национальной военной академии остались на бумаге, сюжет практически не привлекал внимания исследователей. Пожалуй, единственное исключение составила кандидатская диссертация Н. В. Герасименко, посвященная подготовке украинских офицерских кадров в 1917–1920 гг.³ Однако в этой работе вопрос об открытии украинской военной академии лишь упоминался.

Существенно больше внимания исследователи уделили вопросу подготовки украинских кадров Генштаба в эмиграции. Но даже в специальных исследованиях по украинской военной эмиграции этот вопрос рассматривался вскользь, без подробностей, что связано с труднодоступностью документов по этой

---

³ Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 — листопад 1920 р.). Дисс. к. і. н. К., 2005.

теме, в том числе для украинских исследователей, казалось бы наиболее заинтересованных в изучении этого сюжета. Основным исследователем, изучавшим этот вопрос, является украинский историк И. В. Срибняк, который проанализировал деятельность курсов на материале документов, сохранившихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины в Киеве⁴. Однако вне поля зрения Срибняка оказались не только многие документы, хранящиеся в Киеве, но и основная часть архива курсов, хранящаяся в Польше, а также материалы архивов России, что существенно обедняет его работу. Другой украинский автор, А. Н. Колянчук в книге об украинских эмигрантах в Калише вообще обошел курсы своим вниманием⁵. В еще одной своей работе, посвященной украинской военной эмиграции в Польше, он затронул вопрос о курсах, но использовал лишь отдельные документы польских архивов, при том, что практически не знаком с киевскими документами и вовсе не знаком с документами российских архивов по этой теме⁶. Кроме того, опубликованные им данные о курсах носят очень краткий, практически иллюстративный и, как представляется, довольно бессистемный характер. Более того, и Срибняк, и Колянчук в своих работах применительно к подготовке кадров Генштаба допустили целый ряд неточностей.

Таким образом, до сих пор детально на основе всей совокупности сохранившихся документальных материалов рассматриваемая проблема не изучалась. Также нельзя не отметить, что украинские авторы не дают объективной оценки этого аспекта национального военного строительства, игнорируя такие острые проблемы, как отсутствие в украинских войсках подготовленных национальных кадров Генштаба и вынужденная опора петлюров-

---

⁴ Срибняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). К., 1997. С. 50–56; Он же. Військова діяльність уряду УНР в екзилі (1921–1923 рр.). Дис. к. і. н. К., 1995. С. 78–87; Он же. До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // Вісті комбатанта (Торонто—Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 60–67; Срибняк І., Кучер В. Фахова підготовка старшин Генерального штабу Армії УНР у 1921–1923 р.р. // Розбудова держави (Київ). 1996. № 7. С. 28–32 (удивительно, что эта статья, написанная И. Срибняком в соавторстве, практически слово в слово повторяет предыдущую, написанную индивидуально).

⁵ Kolańczuk A. Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920–1939. Kalisz—Przemysł—Lwów, 1995.

⁶ Колянчук О. Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000. С. 121–123.

ских государственных деятелей на бывших генштабистов русской армии, несмотря на махровую русофобию и недоверие к этим специалистам.

На мой взгляд, крайне важно разобраться в том, почему украинскому руководству так и не удалось организовать подготовку кадров Генштаба в тот период, когда такие специалисты были ему в наибольшей степени необходимы — непосредственно в ходе Гражданской войны. Не менее важен анализ причин подготовки украинских кадров Генштаба уже в эмиграции, вклада в такую подготовку бывших русских генштабистов, сделавших в годы Гражданской войны выбор в пользу украинской армии. Кроме того, небезынтересно всесторонне рассмотреть вопрос соотношения русского и украинского начал в подготовке офицеров-генштабистов, идейные взгляды преподавателей и слушателей. Наконец, в рамках изучения темы развития Генерального штаба в эпоху Гражданской войны важно исследовать сам ход учебного процесса и его итоги.

Когда речь идет о строительстве национальных вооруженных сил, тем более не на своей территории, а в эмиграции, неизбежно возникает острая проблема наличия источников по теме и их доступности. Подготовка этого очерка потребовала изучения документальных материалов в архивах всех трех стран, так или иначе связанных с рассматриваемым сюжетом, т. е. архивов России, Украины и Польши. В фондах ЦДАВОУ сохранились многие ключевые документы, касающиеся различных аспектов украинского военного строительства периода Гражданской войны, а также важные документы украинских военных эмигрантов в Польше. Часть документов, в особенности эмигрантского периода, отложилась в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины.

Тем не менее этих материалов недостаточно для полноценного раскрытия темы, поскольку основная, наиболее масштабная и полная коллекция документов, касающихся подготовки украинских генштабистов в эмиграции, отложилась в Центральном военном архиве Польши. Эти материалы труднодоступны даже для украинских исследователей, а польские историки, вполне естественно, не интересуются столь далеким от них сюжетом. По всей видимости, мне довелось стать первым исследователем, ознакомившимся с наиболее ценными материалами архива курсов по подготовке украинских генштабистов.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранился интереснейший личный фонд одного из преподавателей курсов —

генерала Г. Е. Янушевского (Ф. Р-7440). Кроме того, документы некоторых других фондов также проливают свет на подготовку украинских генштабистов. Сочетание документов четырех архивов и дало возможность подготовить данное исследование. Разумеется, основной корпус источников был составлен на украинском языке (при цитировании перевод мой), впрочем, поскольку украинские офицеры Генштаба, в основном, были выходцами из русской армии, немало документов доступно и на русском языке.

Идея подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба возникла еще в 1917 г., в ходе украинизации русской армии. Так, в начале октября 1917 г. представитель украинской Центральной Рады при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) просил о выделении среди обучающихся на ускоренных курсах Николаевской военной академии 3-й очереди отдельной квоты для 15 украинских офицеров, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»⁷. Польские офицеры такую квоту тогда получили, но в отношении украинцев было принято другое решение. Начальник Генерального штаба генерал-майор В. В. Марушевский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу 5 октября 1917 г., что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождении службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»⁸. Дитерихс на это ответил: «Наштаверх и я совершенно согласны с вашим мнением, а потому командирования не будет»⁹. Соответственно, украинское руководство могло рассчитывать не на национальную квоту, а только на тех офицеров, которые попали в академию на общих основаниях, а затем перешли на службу Украине.

С возникновением украинских национальных вооруженных сил вопрос о пополнении Генерального штаба национальными кадрами приобрел еще большую остроту. Но реальная возможность для успешного решения этого вопроса появилась только в 1918 г. при гетмане Украинской державы П. П. Скоропадском, когда возникла идея подготовки национальных кадров Генштаба¹⁰ и создания украинской военной академии¹¹.

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 27.

¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 2.

17 июня 1918 г., первоначально на два месяца, была образована специальная комиссия по созданию военных школ и академий под председательством профессора Николаевской военной академии генерала Н. Н. Головина, а с 28 июня — еще одного профессора старой академии генерала Н. Л. Юнакова, занимавшаяся выработкой положения и устава академии¹². Комиссия выработывала порядок, время и место открытия украинской академии Генштаба, разрабатывала вопросы ее организации, внутреннего порядка, объемов учебной и строевой подготовки, продолжительности обучения, комплектования переменным составом, прав и обязанностей слушателей и условий выпуска. Велась разработка учебных программ. Фактически комиссия проработала более четырех месяцев, до 1 ноября 1918 г.¹³

Параллельно шла разработка принципов службы офицеров украинского Генерального штаба. Предполагалось комплектовать корпус офицеров Генштаба как из выпускников старой академии Генштаба, так и путем создания национальной академии. Как и в старой русской армии, офицеры получали право поступать в украинскую академию Генштаба после трех лет строевой службы¹⁴.

Внутри комиссии работала секция высших военно-учебных заведений под руководством профессора инженерной академии генерального хорунжего В. Н. Полянского, а затем генерального значкового Н. Л. Юнакова¹⁵. В состав секции входили генеральные значковые: Юнаков, С. Н. Дельви́г, А. М. Саранчов, а также несколько десятков офицеров в более низких чинах¹⁶. По мнению генерала Полянского, «основная цель высшего военного образования офицеров — это дать практических работников, способных проявить творческую деятельность в различных областях военного дела, на высших командных и административных должностях»¹⁷. Генерал выступал за развитие принципов прикладного метода обучения, вводившегося еще в Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны. Предполагалось, что «Державная военная академия» будет готовить именно практиков, а программа обучения должна включать такие дисциплины, как: наука о войне

---

¹² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

¹³ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 58, 88.

¹⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 15 об.

¹⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 3 об.

¹⁶ Списочный состав см.: Там же. Л. 7.

¹⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 8. Л. 4.

со сведениями из социологии, стратегия, военная история, военная психология, государствоведение, политэкономия, общая философия с логикой, методология военной науки и военного искусства, история военного искусства¹⁸. Кроме того, в состав академии в августе 1918 г. было предложено включить и научно-технический отдел для руководства подготовкой инженерных кадров¹⁹.

Интересно, что комиссия Юнакова работала независимо от главного военно-учебного управления (головна шкільна управа). Между двумя органами существовали идейные расхождения: в комиссии состояло немало генштабистов старой русской армии, которые, по свидетельству очевидца, считали своей задачей подготовку российских офицерских кадров²⁰, тогда как во главе управления стоял не генштабист, а военный инженер генерал А. С. Астафьев, принадлежавший к числу радикальных украинских националистов²¹. В 1918 г. для «щирости» Астафьев сменил свою русскую фамилию на украинскую «Остапура-Степовий» и даже в своем внешнем облике, насколько можно судить, стремился подражать запорожским казакам²². Вокруг себя Астафьев собирал националистически настроенных единомышленников (в том числе офицеров Генштаба). Его сподвижниками по службе в управлении были такие знаковые для украинского национального движения в армии фигуры, как офицеры В. П. Сальский, В. П. Евтимович, А. П. Чернявский, активный деятель украинской автокефальной церкви чиновник П. Опаренко и другие. Привлекая к подготовке офицерских кадров галицийских украинцев, Астафьев заявлял: «Наша мука, галицийские дрожжи. Из этого должно получиться хорошее печенье»²³. Астафьев и его

---

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 86.

²⁰ Евтимович В. Омелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // Літопис червоної калини. 1937. № 7–8. С. 32.

²¹ Национализм — идеология, основанная на принципе ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в процессе создания государства. Ключевой составляющей идеологии украинского национализма, главным показателем принадлежности к этой идеологии, как в период Гражданской войны, так и сегодня является стремление порвать многовековые связи с русской культурной средой, резкое неприятие всего, что связано с Россией и русскими, которых украинские националисты традиционно именуют «москалями».

²² См. фото: Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 21.

²³ Евтимович В. Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // Літопис червоної калини. 1937. № 12. С. 8.

соратники лично подбирали плакаты и лозунги для обязательного размещения во всех военно-учебных заведениях. Некоторые из плакатов и лозунгов носили ярко выраженный антирусский характер (например, «Хоч забий москаля, то він зуби вискала») ²⁴. Понятно, что с таким человеком многим бывшим русским офицерам было не по пути. Тем не менее генерал Юнаков умел находить с ним общий язык, а позднее даже стал его преемником на посту начальника управления.

Положение об академии было утверждено гетманом Скоропадским. 20 сентября 1918 г. военный министр генеральный бунчужный А. Ф. Рагоза (Рогоза) подписал приказ № 258 об утверждении штатов военной академии ²⁵. 21 октября 1918 г. был даже составлен список офицеров, которых предполагалось командировать в военную академию ²⁶. Интересно, что в этом списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба, надеявшиеся на продолжение своего военного образования.

Украинское военное руководство в начале октября 1918 г. уже готовило конкретные предложения наиболее известным военным авторитетам того времени (в том числе находившимся за пределами Украинской державы) занять преподавательские должности в будущей академии. Так, 2-й генерал-квартирмейстер генеральный хорунжий А. И. Прохорович (именно в его подчинении находилось главное военно-учебное управление, ведавшее подготовкой офицерских кадров) через украинского консула в Москве собирался предложить профессорскую должность в Державной военной академии в Киеве известному военному ученому бывшему Генштаба генерал-майору А. А. Незнамову, служившему к тому времени в Красной армии ²⁷. Как видно, украинцы не останавливались перед переманиванием высококвалифицированных специалистов из других армий.

Был составлен и кандидатский список на занятие должностей в Державной военной академии, или в Высшей Военной Школе, как ее еще называли (вероятно, по французскому образцу). Начальником академии предполагалось назначить Генштаба генерал-лейтенанта А. К. Келчевского, правителем дел — Генштаба полковника В. К. Шевченко, в качестве

---

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 124.

²⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

²⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 839.

заведующего издательской частью и помощника правителя дел по учебной и издательской части был намечен Генштаба сотник И. А. Чернявский (в документе указан как подполковник), штаб-офицером, заведующим обучением, предполагалось назначить Генштаба генерал-майора М. В. Баскова (в документе указан как полковник). Профессорами академии были намечены крупные военные авторитеты — генеральный значковый Н. Н. Головин, генеральный хорунжий В. В. Буняковский и уже упомянутые Келчевский и Незнамов. Штатными преподавателями были предварительно намечены генеральные хорунжие Н. Г. Архипович (военная психология и педагогика) и А. Я. Шайбле (тактика дивизии)²⁸. Кандидатами в инспектора классов на октябрь 1918 г. значились генеральные хорунжие В. В. Суходольский, К. И. Сычев и Ф. Н. Романов²⁹.

29 октября 1918 г. Совет министров утвердил штат академии и ассигновал на ее работу 100 000 карбованцев, кроме того, до 1 января 1919 г. было намечено выделить еще 136 455 карбованцев³⁰. Приказом армии Украинской державы № 212 в тот же день, 29 октября, начальник главного военно-учебного управления (18.08.1919–09.11.1918) генерал Юнаков был назначен начальником Державной военной академии, а начальник отдела заграничной связи ГУГШ полковник Шевченко — правителем дел академии³¹. 12 ноября приказом № 256 были назначены: инспектор классов офицерской школы сотник Чернявский — помощником правителя дел и заведующим издательской частью академии, помощник начальника разведывательного отдела ГУГШ войсковой старшина А. А. Матвиенко — штаб-офицером, заведующим слушателями академии, войсковой старшина К. Алексеев — заведующим хозяйством академии, генеральный хорунжий П. Ф. Старк — библиотекарем академии. Были даже назначены врач, переводчик, чиновники и делопроизводитель по хозяйственной части³². Таким образом, подготовка открытия академии была близка к завершению.

Начальник академии генерал Юнаков (06.12.1871–01.08.1931) был яркой личностью. Генерального штаба генерал-лейтенант русской армии, профессор Николаевской военной академии, из-

---

²⁸ Там же. Л. 893 об.

²⁹ Там же. Л. 1023.

³⁰ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 124.

³¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

³² Там же. Л. 220.

вестный военный историк³³, он самим фактом своего руководства украинской академией повышал ее статус и авторитет, олицетворяя преемственность со старой российской академией Генштаба. К тому же Юнаков был сторонником новых методов практической подготовки слушателей³⁴.

Слушатели академии не скупились на восторженные отзывы в адрес Юнакова. Так, по мнению Б. М. Шапошникова, «симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он много занимался историей русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель»³⁵.

Полковник В. Н. Петров, служивший в 1918 г. вместе с Юнаковым в Киеве, вспоминал о деятельности последнего в этот период: «ген. Юнаков — человек необычайно честный. Приняв обязанности от украинской власти, выполнял их очень добросовестно, упорно учился украинскому языку, принуждал к этому и подчиненных, много работал над созданием украинских [военных] школ и, наконец, когда увидел, что все его усилия разбиваются о стену безразличия гетманской власти и противодействие немцев, вышел в отставку»³⁶. Петров отметил и то, что Юнаков протезировал не вполне лояльным гетманскому режиму офицерам. Думается, педагогическая работа была для Юнакова наиболее подходящим занятием, поскольку на военно-административной и штабной работе он себя проявил не с лучшей стороны, в особенности заняв в 1919 г. ответственный пост начальника штаба головного атамана С. В. Петлюры, а позднее, в 1920 г., — военного министра УНР.

Сам Юнаков вспоминал, что в 1917 г. столкнулся с недоверием украинских политических деятелей, считавших его русским генералом. Еще одним недостатком Юнакова в их понимании было незнание генералом украинского языка. Кроме того, он весьма осторожно относился к вопросу украинизации частей русской ар-

---

³³ Недавно в России была переиздана его работа, посвященная истории Северной войны (Юнаков Н. Л. Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого. М., 2010. С. 262–302).

³⁴ Капустянский М. Похід Українських Армій на Київ — Одесу в 1919 році (Короткий військово-історичний огляд). Кн. 2. Мюнхен, 1946. С. 127–128.

³⁵ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 131.

³⁶ Петрів В. Військово-історичні праці. Спомини. К., 2002. С. 601.

мии³⁷. Разумеется, Юнаков позднее пытался реабилитироваться в глазах националистов. Кстати, гетман Скоропадский на аудиенции, данной Юнакову, не сказал ему ничего, кроме того, что тот должен служить независимой Украине и усовершенствовать свой украинский язык³⁸.

Сохранились и критические оценки деятельности генерала Юнакова. Так, например, в ноябре 1919 г. сторонник Белого движения подполковник Я. Макогон в докладе российскому военному агенту в Польше охарактеризовал Юнакова следующим образом: «Нач. шт. Верховглавка: ген.-лейт. профессор Юнаков. По отзывам учившихся у него офицеров генштаба российского был заурядный, Америки не выдумал. Окончил войну командующим 8 армией. На бумаге считается нач. укр. академии генштаб[а]. Предан Петлюре, ходит перед ним на задних лапках, был помощником генер. Осецкого, столкнул его и занял его место. После этого стал «щирым», стал разговаривать только по-украински и отказывался из трусости помогать арестованным офицерам. Лично страшный трус и человек с покладистой совестью»³⁹. Думается, наиболее объективна оценка Юнакова, данная одним из видных украинских политических деятелей, как «человека теоретически очень образованного, но малопригодного для такой роли, как руководство штабом главного командования. Это был старый кабинетный ученый, а не руководитель армии на поле боя, да еще в условиях чрезвычайно сложной и запутанной политической ситуации»⁴⁰.

25 ноября 1918 г. начальник ГУГШ генеральный хорунжий А. Н. Шуберский просил ректора Киевского государственного университета выдать необходимые для открытия академии вещи. В своем обращении Шуберский обратил внимание на неустойчивость политической обстановки на Украине и просил адресата поторопиться: «Придавая этому вопросу крайне спешный и неотложный характер в связи с нынешней мишурой, я прошу Вас сделать по данному вопросу немедленные распоряжения, о чем не отказать меня поставить в известность»⁴¹. 30 ноября Скоропадский утвердил штаты академии.

---

³⁷ Юнаків М. Л. Матеріяли для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 6.

³⁸ Там же. С. 9.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об. Публикацию документа см.: Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. К., 2006. С. 450–461.

⁴⁰ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. К., 2003. С. 257–258.

⁴¹ ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

Иными словами, подготовка открытия украинской академии Генштаба осенью 1918 г. шла полным ходом. Однако, несмотря на спешку с открытием, оно так и не состоялось. Открытие академии было намечено в Киеве на 1919 г., но реализовать эти планы не удалось в связи с изменением политической ситуации. Поражение Германии в Первой мировой войне, свертывание немецкого присутствия на Украине и антигетманское восстание привели к падению режима Скоропадского, и академия открыта не была.

Тем не менее идея ее создания продолжала существовать и при сменившем гетманскую власть режиме Директории УНР. В конце декабря 1918 г. планы открытия академии были подтверждены новыми властями. Интересно, что начальником академии остался генерал Юнаков, хотя прежний состав служащих был уволен еще 18 декабря приказом головной команды УНР⁴². Также было запланировано открытие при академии краткосрочных курсов. На курсах планировалось совершенствовать подготовку выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии для дальнейшего назначения их на должности по Генштабу.

Стоит отметить, что при Скоропадском существовали планы открытия курсов для высших начальников (начальников дивизий и командиров корпусов, а также для высокопоставленных работников Военного министерства, которые уже обладали академическим образованием). Целью курсов было объединение взглядов высшего командного состава на вопросы военного строительства, ознакомление слушателей с новыми вопросами, выдвигаемыми современной военной наукой и жизнью, а также соответствующая подготовка к управлению войсками в стратегическом и тактическом отношениях⁴³. Нет никаких сомнений в том, что подобное учебное заведение было бы крайне полезно для молодой украинской армии. Но, разумеется, этот проект также не получил практического воплощения.

Последующие события и резкое сокращение количества офицеров-генштабистов в украинских национальных формированиях в конце 1918–1919 гг. в связи с их массовым оттоком на белый юг⁴⁴, а также финансовые затруднения руководства УНР не по-

---

⁴² Герасименко М. В. Указ. соч. С. 128.

⁴³ Армия и флот Украины (Киев). 1918. № 1. С. 68–70.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.,

звалили петлюровцам в 1919–1920 гг. открыть военную академию и приступить к занятиям.

Между тем военный министр УНР полковник В. Н. Петров 3 ноября 1919 г. отмечал в докладе головному атаману С. В. Петлюре, что в украинской армии назрела необходимость открытия ускоренных курсов академии Генштаба. Петров жаловался на большой недостаток генштабистов как в штабах действующей армии, так и в штабах центральных учреждений. Пополнение генштабистами русской армии Петров считал невозможным, поскольку они требовали ответственных должностей, тогда как армия нуждалась, прежде всего, в младших офицерах Генштаба, количество которых далеко не соответствовало потребности и никак не пополнялось.

По мнению Петрова, открывать украинскую военную академию было несвоевременно, но выход из положения ему виделся в создании ускоренных курсов службы Генштаба при ГУГШ, не менее чем на 25 слушателей, исходя из того, чтобы все соединения не ниже дивизии, а также штабы групп, армий и центральные учреждения могли командировать на курсы одного—двух офицеров. Ответственность за исполнение, по мнению автора доклада, следовало возложить на начальника ГУГШ⁴⁵.

Начальник ГУГШ генерал С. И. Дядюша разработал положение об ускоренных курсах службы Генштаба при ГУГШ и даже привел предполагаемые расчеты по оплате труда преподавателей. Один час лекций оценивался в 200 гривен, проверка на дому практических задач — в 300, репетиция или экзамен — 400, практическая полевая поездка — 500 гривен⁴⁶. Кроме того, были намечены квоты для зачисления на курсы: от Надднепрянской армии — 14 офицеров, от Надднестрянской армии — 7 офицеров, от центральных учреждений Военного министерства — 4 офицера. Срок обучения планировался трехмесячный⁴⁷. На курсах должны были преподаваться военные науки (тактика, служба Генерального штаба, инженерное искусство, артиллерия (техника), топография, военная администрация, военная география (необязательно) и украиноведение. Стратегия и военная история должны были изучаться в рамках курса тактики, на кото-

---

2009. С. 92–98, 129–130; Он же. «Незалежные» генштабисты // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.

⁴⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 109.

⁴⁶ Там же. Л. 110.

⁴⁷ Там же. Л. 112.

рый выделялось не менее половины всего учебного времени⁴⁸. Предполагалось, что выпускники числились по Генштабу, могли назначаться на должности до начальников штабов дивизий включительно и впоследствии без экзаменов поступать в военную академию. По имеющимся данным, положение было утверждено Петлюрой 7 ноября 1919 г.⁴⁹, но дальше этого дело не двинулось в связи с неудачами на фронте.

Лишь в 1920 г. этот вопрос был переведен в практическую плоскость. Импульс для работы в этом направлении был задан событиями советско-польской войны, в которых армия УНР участвовала как союзница польской армии, что, очевидно, повышало ее статус на международной арене. Соответственно, в такой армии должны были быть в достаточном количестве и офицеры-генштабисты. О существовании связи между подготовкой национальных офицерских кадров и заключением украинско-польского союза в 1920 г. писал генерал В. Н. Петров⁵⁰.

Еще 3 июня 1920 г. положение о курсах для подготовки офицеров штабной службы было внесено на рассмотрение Военного совета⁵¹. Начальник Генштаба генерал В. А. Синклер сообщал главному атаману С. В. Петлюре 24 августа 1920 г., что в будущем намечено развертывание украинской армии и увеличение в ней числа офицеров Генштаба. Текущую численность генштабистов примерно в 25 офицеров автор документа оценивал как недостаточную даже для имевшейся армии и предлагал три варианта пополнения кадров Генштаба: вызов на украинскую службу офицеров Генштаба из-за рубежа, командировки украинских офицеров в зарубежные военные академии или же открытие собственных ускоренных курсов, а затем и академии Генштаба.

Автор документа детально разъяснял Петлюре преимущества и недостатки каждого из предложенных им вариантов. Первый из них позволял быстро пополнить численность генштабистов, но имел много отрицательных сторон. Например, если бы в украинскую армию прибыли генштабисты из разных стран, представлявшие различные военные школы и системы, это неизбежно затруднило бы координацию их работы, особенно на начальном этапе. К тому же такие офицеры могли не знать языка, региона,

---

⁴⁸ Там же. Л. 112 об.

⁴⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

⁵⁰ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2. Публикацию этого документа см. в: Петрів В. Військово-історичні праці. Листи. К., 2004. С. 367–369.

⁵¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

армии и ее духа, а следовательно, не могли занимать высшие посты по Генштабу. Кроме того, такие офицеры обошлись бы Украине значительно дороже своих собственных.

Основным недостатком второго варианта было то, что он не мог дать быстрого результата. Лишь через три года можно было рассчитывать на выпуск офицеров из зарубежных академий, к тому же на крупное пополнение также рассчитывать не приходилось, поскольку ни одна зарубежная академия не согласилась бы принять более трех украинских офицеров одновременно. Единства доктрины (одного из базовых принципов службы Генерального штаба) при этом также не достигалось, поскольку каждая академия осуществляла подготовку по собственной программе. Третий способ, по оценке автора документа, зависел от самих украинцев. По его мнению, ускоренные курсы хотя и не давали всей полноты знаний, тем не менее позволяли подготовить именно украинские национальные кадры Генштаба, которые бы знали армию, ее устройство и дух. Кроме того, результат достигался сравнительно быстро — всего через 6–8 месяцев. Очевидно, что автор документа хотел проведения в жизнь именно третьего варианта⁵². Петлюра посчитал полезными все три варианта. Он предложил составить кандидатские списки как для командирования в зарубежные военные академии (французскую, румынскую и польскую), так и для зачисления на украинские курсы. Головной атаман считал необходимым разработать программы и штаты курсов «нашими собственными силами, которых, я полагаю, у нас достаточно»⁵³. Петлюра также предложил пригласить генштабистов из Франции через МИД.

В соответствии с распоряжением Петлюры в августе 1920 г. началось составление кандидатских списков будущих слушателей⁵⁴. За возможность учиться на курсах развернулась настоящая борьба. Тем более, что в украинской армии оказалось некоторое количество офицеров, которым получение высшего военного образования было обещано ранее. Так, например, начальник оперативного отдела штаба действующей армии УНР (с 16 сентября 1920 г.) подполковник Д. П. Яроцкий был командирован на ускоренные курсы академии в Петроград еще в июне 1917 г., но поездка

---

⁵² ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13–13 об.

⁵³ Там же. Л. 14. Здесь и далее в цитатах переводы с украинского языка выполнены автором. Публикацию документа см.: Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. К., 2006. С. 419–420.

⁵⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 2.

сорвалась в связи с переводом на новое место службы, не предоставившее офицеру соответствующей вакансии. В сентябре 1919 г. он был принят на украинские курсы Генштаба, которые должны были открыться при начальной команде (верховном руководящем органе) Украинской галицийской армии⁵⁵. В итоге Яроцкого приказом войску УНР от 25 июля 1920 г. просто причислили к Генштабу как имеющего практический опыт, хотя в академии он вообще не учился⁵⁶. Интересно, что Яроцкий в дальнейшем не прошел обучение на курсах, видимо довольствуясь полученным причислением. В принципе, офицеры типа Яроцкого имели все основания требовать себе вакансии на курсах.

Пример Яроцкого был достаточно характерен. Вообще к концу Гражданской войны в украинской армии было уже немало офицеров, которые не имели никакого академического образования, но по необходимости в годы войны выполняли обязанности офицеров Генштаба и обладали солидным практическим опытом. Вполне естественно такие офицеры имели все основания рассчитывать на попадание в кандидатские списки курсов в первую очередь.

Другим представителем этой категории офицеров был сотник А. А. Бакало, прослуживший на штабных должностях в украинских формированиях с 1917 по 1920 г. Бакало в прошлом был студентом первого курса Киевского государственного университета. Активно участвовал в украинизации армии и даже был членом комиссии по украинизации. В январе 1919 г. в Киеве он записался в кандидатский список ускоренных курсов академии Генштаба, которые так и не открылись. Бакало слабо владел иностранными языками, но писал, что часто ощущал нехватку теоретической подготовки и просил зачислить его на курсы⁵⁷.

Еще больше оснований продолжать военное образование имели те офицеры, которые прослушали какую-то часть академического курса в Петрограде. Например, подполковник А. А. Степанов (Стефанов), окончивший ускоренный младший класс 2-й очереди

---

⁵⁵ Курсы Генштаба при начальной команде Украинской галицийской армии создавались для подготовки офицеров на низшие должности Генштаба (уровень штаба бригады). Продолжительность курса составляла всего восемь недель. Офицеров на курсы направляло командование армии до командиров корпусов включительно (ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 9). К сожалению, в моем распоряжении нет данных о том, функционировали ли эти курсы или же так и остались в проекте.

⁵⁶ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 7 об. — 8.

⁵⁷ Там же. Л. 134.

Николаевской военной академии. Вполне естественно, запросы у таких офицеров были выше. В частности, Степанов 11 октября 1920 г. просил командировать его не на украинские курсы, а в одну из зарубежных академий — в Германию или при невозможности — в Польшу для «полного и систематичного завершения военного высшего образования»⁵⁸. Степанов знал немецкий и польский языки и слабее французский. При этом он представил свою блестящую аттестацию, данную командиром дивизии⁵⁹.

Другой пример представляли офицеры, желавшие получить дополнительное образование. Например, поручик П. С. Бордонис, который 3 сентября 1920 г. подал рапорт на имя начальника инспекторского отдела штаба армии о занесении его в кандидатские списки на отправку в будущем в зарубежную академию Генштаба или на украинские курсы. Аргументировал он необходимость этого тем, что до Первой мировой войны был студентом, за шесть лет войны получил боевой опыт и знал иностранные языки⁶⁰.

Вышеприведенные примеры показывают, что желающих обучаться и имевших все основания требовать зачисления на курсы было немало. В связи с этим возник вопрос о критериях отбора слушателей. Одним из основных являлось знание иностранных языков. Однако немалая часть желающих обучаться стремилась отнюдь не на украинские курсы, а в иностранные военные академии. Достаточно отметить, что из девяти офицеров 6-й стрелковой дивизии, желавших продолжить обучение, по данным на октябрь 1920 г., семеро хотели попасть в польскую военную академию и только двое — на украинские курсы⁶¹. Подобное желание можно понять, тем более, что польская академия уже функционировала, а украинские курсы еще предстояло открыть. Другим возможным объяснением стремления в зарубежные военные академии могло быть желание покинуть украинскую армию под таким благовидным предлогом. Так, из 1-й пулеметной дивизии в академии стремились аж 20 человек, но в основном в румынскую, французскую, польскую или немецкую академии или же на украинские курсы⁶².

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в Риге положение украинской армии резко изменилось.

---

⁵⁸ Там же. Л. 121.

⁵⁹ Там же. Л. 122 об.

⁶⁰ Там же. Л. 4.

⁶¹ Там же. Л. 12.

⁶² Там же. Л. 35.

Она оказалась уже не действующим, а бывшим союзником Польши, к тому же практически не имевшим своей территории. Без помощи поляков украинские войска были попросту не в состоянии противостоять частям Красной армии, испытывали нехватку боеприпасов и снаряжения. Армия УНР насчитывала тогда 3 888 офицеров и 35 259 нижних чинов при 9 000 лошадей, 74 орудиях, 8 бронепоездах и 3 аэропланах. Ликвидация остатков этой армии для красных была лишь вопросом времени. Судьба украинских войск была решена за одиннадцать дней боев с 10 по 21 ноября, после чего украинцы отступили на польскую территорию и сложили оружие.

В ноябре 1920 г. в Каменце-Подольском правительство УНР вновь рассматривало вопрос о курсах, но в связи с неудачами на фронте, оставлением города и отходом украинской армии и правительства за пограничную реку Збруч с последующим интернированием в Польше, вопрос остался открытым. Сторонники открытия курсов, тем не менее, не успокоились. В феврале 1921 г. в украинском военном руководстве в эмиграции возникла мысль использовать свободное время в лагерях интернированных для организации обучения офицеров на курсах Генштаба и восполнения недостатка в младших офицерах Генштаба.

Кажется парадоксальным, что подготовка младших офицеров-генштабистов началась в украинских формированиях уже после интернирования армии в Польше и окончания активной вооруженной борьбы с красными. В то же время причина этого вполне понятна. Очевидно, что руководство УНР (как и оказавшиеся в эмиграции лидеры Белого движения) думало о военном реванше, рассчитывая на поддержку поляков. Для реванша необходима была сильная и подготовленная армия. Именно в целях развертывания такой армии и была организована ускоренная подготовка кадров Генштаба. Была у такой подготовки и другая причина. Очевидно, что за время Гражданской войны многие украинизировавшиеся выпускники Николаевской военной академии (не исключая тех, кто окончил ускоренные академические курсы в годы Первой мировой) сделали головокружительную карьеру и дослужились до штаб-офицерских и генеральских чинов. В результате со всей остротой встал вопрос нехватки в украинской армии младших офицеров Генштаба.

В апреле 1921 г. из Ченстохова в Тарнов к военному министру УНР был вызван вр. и. д. 3-го генерал-квартирмейстера украинского ГУГШ полковник В. А. Сигарев (окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба в 1898 г.), которо-

му было поручено составить положение об ускоренных курсах для подготовки штабных офицеров, а также объехать лагеря и подыскать место для устройства курсов.

Сигарев был добросовестным и ответственным работником. Яркую характеристику этого офицера привел в своих неопубликованных воспоминаниях генерал Янушевский: «К счастью, в Генеральном штабе под моим начальством служил 3-м генерал-квартирмейстером старый академик, б. русской службы полковник Василий Афанасьевич Сигарев, с которым я познакомился уже по прибытии в Тарнов. Это был лучший тип старого офицера Генерального Штаба: воспитанный, прекрасно образованный, знаток военного дела и выдающийся специалист по воспитанию молодежи в военных училищах, — он был одарен еще двумя неопределимыми качествами — спокойным, уравновешенным характером и необычайно скромностью. Последняя его особенность и была, вероятно, причиной того, что этот в высшей [степени] ценный и нужный работник оставался в украинской армии незамеченным, в то время, как далеко младшие по службе, — не говоря уже о военных познаниях и опыте, — политические «дяди» Удовиченко и Петров сделали такую головокружительную карьеру и давно уже были генералами... Присмотревшись ближе к этой безупречной во всех отношениях личности, я мало по малу сблизился с ним и в его обществе стал находить то, чего так долго был лишен и чего мне не доставало в таборе (лагере *(укр.)*). — А. Г.), — возможности “отвести душу”, поделиться своими думами и переживаниями с человеком, понимающим жизнь так, как я ее понимал.

Полковник Сигарев покинул табор вскоре после меня и перешел на частную службу в Брест. Мы поселились вместе, и я навсегда буду благодарен ему за его высокоинтеллигентное общество и безукоризненно корректное отношение, которое очень скрасило мне нелегкие условия эмигрантской жизни на чужбине.

Насколько были близоруки строители “майбутней Української Держави”, не использовав пребывания этого ценного человека в таборе, можно видеть из следующего ко мне письма из Калишского табора от 11-IX 1922 года:

“После Вашего отъезда только отъезд Василия Афанасьевича произвел здесь такое же сильное впечатление: между козаками идет разговор, что верно все кончено, если Генеральный Штаб уезжает...”⁶³.

---

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.

29 апреля 1921 г. военный министр УНР генерал М. В. Омельнович-Павленко приказал Сигареву поехать в лагерь в Вадовицах для организации школы Генштаба и курсов куренных офицеров. Первоначально допускалась возможность организовать курсы в каждом лагере⁶⁴.

Вопрос приобрел немалую остроту, но Сигарев выполнил порученную ему работу добросовестно и подготовил военному министру обстоятельный доклад на эту тему. В ряде центров размещения украинских военных эмигрантов для курсов просто не существовало элементарных условий — не было помещений для занятий и проживания учащихся. Необходимо было учитывать и наличие педагогических кадров. В наибольшей степени соответствовал условиям создания курсов украинский беженский лагерь № 10 в Калише⁶⁵, который был самым крупным и наиболее благоустроенным. Это стало ясно уже к лету 1921 г. Кроме того, всего в трех верстах от калишского лагеря находился другой украинский беженский лагерь в Щепиорно. Удобство состояло в том, что основная масса будущих слушателей находилась на месте и не нуждалась в перевозке. Переезд же из других лагерей оказался проблематичным.

Лагерь в Калише возник еще в 1914 г. В декабре 1920 г. в нем были размещены остатки 3-й Железной стрелковой дивизии генерала А. И. Удовиченко, а позднее 2-й Волынской стрелковой дивизии генерала А. А. Загородского. Также в Калише был размещен украинский военный госпиталь. Осенью 1921 г. сюда было переведено Военное министерство УНР во главе с генералом А. М. Вовком. Кроме того, в лагерь перебралось немало представителей высшего командного состава украинской армии⁶⁶. В общей сложности здесь размещалось несколько тысяч украинских солдат и офицеров.

Культурная жизнь лагеря была достаточно активной⁶⁷. Делались доклады, устраивались концерты, литературные вечера, выставки, были открыты курсы для неграмотных и малограмотных, начальная школа, гимназия им. Т. Шевченко, детский сад,

---

⁶⁴ Там же. Л. 85 об.

⁶⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 4. Всего на территории Польши было создано 22 лагеря для интернированных русских и украинцев (Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees kept in Poland in 1918–1924. Toruń, 2001. P. 136–137).

⁶⁶ Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 108.

⁶⁷ Подробнее см.: Зубенко І. «Веселка» й «веселківці» // За державність. Матеріали до історії війська Українського. Зб. 9. Варшава, 1938. С. 226–235.

функционировало несколько библиотек, три оркестра, хоровые коллективы (в том числе офицерский хор 3-й дивизии), школа танцев, художественная школа (в которой, кстати, учился живописи украинский генерал-генштабист П. К. Ерошевич и другие⁶⁸), издавались газеты и журналы. При 3-й дивизии возникла дивизионная историческая комиссия, занимавшаяся сбором документов и материалов по истории этого соединения. В то же время культурная активность украинских военных эмигрантов, в значительной степени, проходила под антирусскими лозунгами.

Предпринимались шаги и в военно-образовательной сфере. В ноябре 1921 г. в Калише начала функционировать объединенная юнкерская школа, в которой преподавали некоторые бывшие русские генштабисты, как, например, генералы С. И. Дядюша, В. Е. Змиенко, С. Н. Кульжинский. В школе начали обучаться 405 юнкеров. Готовились пехотные, кавалерийские и артиллерийские офицеры. Всего в 1921–1923 гг. было осуществлено три выпуска слушателей школы, выпущено 228 офицеров⁶⁹. С апреля 1921 г. при 3-й дивизии начала работать дивизионная школа офицеров. К преподаванию в ней также привлекались кадры Генштаба, в частности начальник дивизии генерал А. И. Удовиченко. В декабре 1921 г. было выпущено 150 хорунжих. Также при дивизии в феврале 1921 г. была организована школа военных чиновников. В сентябре 1921 г. при 2-й дивизии возникли технические курсы, на которых обучались 80 офицеров (полный курс окончили 20), а в 1922 г. для выпускников открылась военная электротехническая школа, выпуск которой составил 10 человек⁷⁰.

Разумеется, лагерь со столь активной культурной и образовательной жизнью идеально подходил для организации курсов Генштаба. Тем более, что украинские ветераны Гражданской войны, обладавшие обширным практическим опытом, испытывали недостаток теоретической подготовки и специальных военных знаний. К тому же украинское руководство рассчитывало подготовить именно национальные кадры Генштаба, фанатично преданные идеалам украинского национализма. Нельзя исключать того, что в случае возобновления борьбы с большевиками украинское руководство предполагало заменить бывших русских генштабистов новыми национальными кадрами. Парадокс заключался в том, что украинские кадры Генштаба должны были

---

⁶⁸ Коляничук О. Українська військова еміграція. С. 115.

⁶⁹ Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена. С. 56–57.

⁷⁰ Коляничук О. Українська військова еміграція. С. 117–121.

готовить все те же бывшие русские офицеры, да и сами слушатели представляли собой, в подавляющем большинстве, бывших офицеров русской армии.

Полковник Сигарев составил временное положение о курсах и их временный штат, предусматривавший 6 лекторов и 60 офицеров-слушателей⁷¹. Согласно положению целью курсов была подготовка младших офицеров для оперативной работы в войсковых штабах. В кратчайшие сроки требовалось дать слушателям практические навыки по службе Генштаба. В перспективе для этого предполагалось открыть национальную академию Генштаба, выпускники которой получали бы уже полноценное высшее военное образование.

По проекту Сигарева на курсы зачислялись по 8–10 офицеров от каждой дивизии (по выбору командиров дивизий) из числа лучших в строевом и моральном отношении, здоровых и подходящих для штабной службы⁷². Слушатели должны были прослужить не менее трех лет в офицерских чинах (как было и при поступлении в Николаевскую академию Генерального штаба), из которых два года (возможно, даже с перерывом) на украинской службе, в строю или на должностях Генштаба в штабах дивизий и бригад. Требовалось, по возможности, наличие среднего образования и чин не ниже поручика.

Сигарев составил примерную учебную программу курсов. Предполагалось, что слушатели будут изучать общие принципы и историю стратегии, повторительный курс элементарной тактики и подробный практический курс, построенный на сопоставлении с тактикой иностранных армий, практических занятиях на картах и в поле и заканчивающийся военной игрой. В отношении военной истории Сигарев считал достаточным досконально изучить какую-либо одну кампанию. Слушатели должны были изучать технику штабной службы уровня штаба дивизии. Также было намечено изучение топографии, черчение схем, освоение геодезических инструментов. Слушателям должны были читаться курсы по артиллерии и коннице, включая изучение технических вопросов и роль в современной войне. Особняком стоял курс военной администрации, предусматривавший изучение принципов организации армии и родов войск, организацию украинской армии и соседних держав, военно-хозяйственные вопросы. Сигарев запланировал изучение курса военной статистики Украи-

---

⁷¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 5.

⁷² Там же. Л. 8.

ны и соседних государств, возможные будущие театры войны. Для укрепления национального духа был намечен курс украиноведения (українознавства) — история и география Украины, украинская государственность, украинский язык и литература. Также предполагалось изучать польский язык.

Занятия должны были проходить в форме лекций, практических занятий в классе и в поле, репетиций, отчетных практических работ и выпускных испытаний. Продолжительность лекции составляла 45 мин. Учебный план Сигарева включал 720 часов занятий. Учеба должна была длиться 6 дней в неделю и 6 месяцев. Средний балл за курс выводился как средний за репетиции и практические работы. Выпускной балл по каждой дисциплине складывался из балла за курс, балла за отчетную работу и балла за экзамен. Итоговый балл исчислялся как среднее арифметическое всех выпускных баллов с точностью до одной сотой.

Сигарев изложил и свое видение прав выпускников курсов. Выпускники получали свидетельства, дававшие им право на поступление в будущем без экзаменов на младший курс украинской академии Генштаба мирного времени, а также назначались на должности в оперативных штабах армии УНР или в отделах Генерального штаба. Выпускникам полагались денежное пособие, штабная униформа и месячный отпуск. Лучшие в выпуске из числа владеющих иностранными языками могли командироваться в иностранные военные академии. В разработке этих основополагающих документов Сигареву помогал подполковник С. Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии в Петрограде, и подполковник Б. Е. Снигирев, окончивший старший класс курсов 1-й очереди.

Подготовленные Сигаревым документы были рассмотрены начальником Генерального штаба генерал-хорунжим В. П. Сальским, военным министром генерал-хорунжим М. Д. Безручко и главным атаманом. Именно на основании этих документов и были организованы курсы. Всего планировалось зачислить на курсы 60 слушателей⁷³.

В конце июля 1921 г. на совете старших начальников армии УНР в Калише было решено, наконец, приступить к непосредственному формированию курсов. Основным препятствием было отсутствие средств. Для непосредственной организационной работы в начале августа 1921 г. в Калиш был командирован под-

---

⁷³ Центральный военный архив Польши (Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory (CAW). I. 380. 7. 9.

полковник Вышемирский, на которого была возложена вся подготовительная работа. Начальником калишского лагеря являлся слушатель ускоренных курсов академии Генштаба в Петрограде генерал-хорунжий Удовиченко, который оказал Вышемирскому всяческую поддержку.

Осенью 1921 г. курсы, наконец, открылись под названием «Ускоренные курсы по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР («Скорочения курсі по підготовці старшин до праці в оперативних штабах армії УНР»)). Было решено не называть их курсами Генштаба — в лагерных условиях слушатели не могли получить соответствующей подготовки, а, кроме того, у слушателей могли появиться необоснованные претензии, которые подорвали бы престиж Генштаба в армии. Курсы давали знания даже в меньшем объеме, чем военное училище, не говоря уже о программе военной академии. Петлюра же именовал их курсами Генштаба⁷⁴. Поскольку речь шла не о знаниях, а о марке Генштаба, украинские националисты рассчитывали противопоставить выпускников курсов враждебным украинской идее генштабистам русской школы, чтобы создать подлинно украинскую армию⁷⁵. Расколоть украинский Генштаб отчасти удалось, о чем будет сказано ниже, однако политиканы националистического толка не учли того, что большинство преподавателей курсов в прошлом являлись офицерами русской армии. Отношение к ним в украинской армии было далеко не всегда благожелательным, но, вместе с тем, от них настойчиво требовали передавать все свои знания украинским офицерам. При этом далеко не все они были русофобами. Думается, не случайно в украинском юмористическом журнале «Колочки», издававшемся в Ченстохове, была напечатана карикатура «Лекция по родному языку в Генеральном штабе», на которой были изображены в качестве школьников уже немолодые офицеры, читающие по буквам с доски надпись: «Пора уже всем научиться родному языку»⁷⁶.

Курсы возникли из небольшого аппарата управления из начальника курсов, заведующего учебной частью, заведующего административно-хозяйственной частью, двух штаб-офицеров, заведующего слушателями, канцелярией и хозяйственным отделом⁷⁷.

---

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

⁷⁵ Там же. Л. 87.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 33. Л. 46 об.

⁷⁷ САУ. I. 380. 7. 9.

31 октября 1921 г. начальником курсов с правами командира отдельной бригады был назначен генерал-поручик Сергей Иванович Дядюша (26.09.1870–23.05.1933). Необходимо сказать несколько слов об этом офицере. Дядюша был генерал-майором русской армии, родился он в городе Хорол⁷⁸, в дворянской семье Полтавской губернии. Якобы, один из его предков участвовал в Полтавской битве на стороне шведов и их союзника гетмана И. Мазепы⁷⁹, впрочем, по другим данным, сотник Полтавского реестрового полка Дядюша, наоборот, участвовал в обороне Полтавы от шведов в 1709 г.⁸⁰ Будущий генерал окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1887), 1-е военное Павловское училище (1889) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду в 1900 г. В 1900 г. Дядюша женился на дочери действительного статского советника Надежде Андреевне Поповой. В 1902 г. у молодого офицера родилась дочь Нина, затем родились еще трое детей: в 1904 г. — Ирина, в 1908 г. — Надежда и в 1910 г. — Игорь.

Служба Дядюши проходила в Варшавском и Московском военных округах. Он, очевидно, имел склонность к преподавательской деятельности, поскольку в 1904–1908 гг. был преподавателем военных наук (тактики, артиллерии) в Алексеевском военном училище в Москве. На фронт Первой мировой он пошел полковником, начальником штаба 1-й гренадерской дивизии. На фронте, находясь в должности командира 2-го гренадерского Ростовского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича полка (с 16 ноября 1914 г.), Дядюша сумел отличиться и был удостоен Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 5 мая 1915 г.). 18 июля 1915 г. он был ранен и до сентября находился на излечении в Москве. 6 декабря 1915 г. Дядюша был произведен в генерал-майоры. Затем служил начальником штаба

---

⁷⁸ Сергійчук В. Соборна пам'ять України: календар-альманах на 2008 рік. К., 2007. С. 110.

⁷⁹ Kolańczuk A. Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939. Słownik biograficzny. Przemysł, 2009. S. 96. Впрочем, эта работа содержит целый ряд неточностей (например, к украинским генералам в ней отнесены С. В. Петлюра и Н. И. Махно), в том числе и в отношении биографии С. И. Дядюши. В частности, неверно указаны даты окончания им училища и академии, искажены некоторые места службы, даты исполнения им обязанностей военного министра УНР, утверждается, что он происходил из казачьей, а не из дворянской семьи.

⁸⁰ Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Ч. 1. Біографічно-довідкова. К., 1995. С. 50.

84-й пехотной дивизии (с 20 января 1916 г.) и начальником штаба IV армейского корпуса (с 11.03.1917). Со 2 января 1918 г. занимал пост начальника штаба 6-й армии на Румынском фронте (г. Болград), будучи назначен на этот пост украинской Центральной Радой⁸¹.

В 1918 г. Дядюша вступил на путь украинизации, вспомнив о корнях и, видимо, решив, что сможет выдвинуться на украинской службе. С 17 апреля 1918 г. он командовал Волинским (с 3 июня 1918 г. — I) корпусом украинской армии, штаб которого находился в Ровно. Начальником штаба корпуса был полковник П. И. Липко.

Сведения об отношении генерала к антигетманскому восстанию в ноябре 1918 г. противоречивы. Одни исследователи утверждают, что только два гетманских корпусных командира из восьми — Дядюша и генерал П. К. Ерошевич — сразу поддержали Директорию⁸². Другие — что, наоборот, в период антигетманского восстания Дядюша занял нейтральную позицию: как симпатизирующему Директории, ему был направлен тайный приказ оставить командование корпусом и выехать в Киев, но генерал не покинул Житомир, где находился, в связи с чем с приходом к власти Директории был снят со своего поста⁸³.

С 1 декабря 1918 г. Дядюша находился в распоряжении штаба войск Директории УНР. Некоторое время проживал частным образом в Житомире. 27 января 1919 г. генерал был назначен главным инспектором пехоты Действующей армии УНР и выехал в Винницу. Но подлинное карьерное выдвижение Дядюши произошло при головном атамане С. В. Петлюре. С 7 апреля 1919 г. Дядюша занял пост генерал-квартирмейстера Холмской группы войск. С 17 июня 1919 г. служил генералом для поручений ГУГШ Действующей армии УНР. Наконец, с 19 марта по 19 апреля 1920 г. возглавлял ГУГШ УНР. С 5 июня 1920 г. Дядюша исполнял обязанности 2-го генерал-квартирмейстера Генштаба УНР (утвержден 3 июля 1920 г.). Кроме того, он временно исполнял обязанности начальника ГУГШ УНР. В ав-

---

⁸¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г. — 10 января 1918 г. М., 1962. С. 634.

⁸² Бойко О. Д. Директорія у боротьбі за владу: хід протигетманського повстання, фактори перемоги // Проблеми вивчення історії української революції 1917–1921 рр. Вип. 4. К., 2009. С. 226–227.

⁸³ Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство. С. 51; Он же. Українські збройні сили березень 1917 р. — листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). К., 2009. С. 229.

густе 1920 г. заболел тяжелой формой дизентерии⁸⁴. В Польше Дядюша первоначально находился в лагере Ланцут, где работал лектором школы подхорунжих и Украинского народного университета. Затем Дядюша перебрался в Тарнов, а с мая 1921 г. — в Калиш⁸⁵.

С 8 февраля по 24 марта 1921 г. он исполнял обязанности военного министра УНР, достигнув высшего военного поста, на какой только мог рассчитывать бывший русский офицер в лагере украинских националистов, после чего вернулся к обязанностям 2-го генерал-квартирмейстера Генштаба УНР⁸⁶. Дядюша входил в состав Высшего Военного Совета (Рады) УНР, который возглавлял генерал Юнаков. 3 августа 1921 г. Дядюша был произведен в генерал-поручики. Он так и остался в Калише до самой смерти, причем даже состоял в правлении Калишской украинской станицы и был похоронен на местном православном кладбище⁸⁷. В эмигрантский период он вел активную общественную деятельность, состоял в Военно-историческом товариществе.

Что же это был за человек? Мнения на этот счет расходятся. С одной стороны, в списке офицеров Генерального штаба до полковников включительно, которые еще не назначены на должности в украинской армии, составленном 24 мая 1918 г., Дядюша указан как украинец, который вдобавок к этому говорил по-украински⁸⁸. Таковых в списке было абсолютное меньшинство: только 13 из 51 офицера, а тех, кто назвался украинцами, лишь 7 че-

⁸⁴ САУ. І.380.2.293. Л. 129.

⁸⁵ Kolańczuk A. *Ukraińscy generałowie*. S. 97.

⁸⁶ Приказы войску УНР № 2 от 7 февраля 1921 г. и № 18 от 30 марта 1921 г. (Петлюра С. Статті, листи, документи. Т. 3. К., 1999. С. 377, 412).

⁸⁷ Служебный путь генерала Дядюши прослежен по: ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 359; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 65; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917. С. 64; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М., 2004. С. 505; Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 492; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 440; Тинченко Я. Ю. Офицерский корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 150.

⁸⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 467 об. — 468.

ловец⁸⁹. Таким образом, генерал Дядюша, казалось бы, должен был находиться среди самых лояльных «незалежной» Украине генштабистов.

С другой стороны, некоторые поступки генерала давали повод для сомнений и беспокойства украинских политиков-националистов. 13 ноября 1919 г. бывший начальник отдела заграничной прессы украинского Генштаба подполковник Я. Макогон информировал русского военного агента в Польше о том, что Дядюша намеренно занимался разрушением петлюровской армии и тайно помогал денikinским организациям, при этом уверяя петлюровцев в своей лояльности⁹⁰. Макогон писал о Дядюше: «Назначен вместо ген. Шайбле, арестованного за расстройство Петлюровской организации. Продолжает полезную работу ген. Шайбле по разрушению организации армии Петлюры, выпивая водку с комиссарами и уверяя их в своей преданности. Был и есть в девятке (подпольной белогвардейской организации. — А. Г.). Принес массу пользы денikinским организациям, но, к сожалению, в последнее время, благодаря тому, что его видели у меня несколько раз, впал в подозрение, что за ним следят комиссары»⁹¹. Еще один красноречивый факт. В ноябре 1919 г. Дядюша не отправился вместе с остатками украинских войск в Зимний поход, а намеренно остался в отошедшем затем к полякам Каменце-Подольском якобы для присмотра за больными тифом офицерами и солдатами⁹², хотя занимал пост начальника ГУГШ, не имевший отношения к присмотру за больными. По мнению украинского историка М. А. Ковальчука, осенью 1919 г. Дядюша искал возможности покинуть украинскую армию⁹³ и, видимо, бежать к денikinцам, что является еще одним свидетельством его нелояльности петлюровцам.

В полной мере нельзя исключать того, что в украинских националистических кругах недавний русский генерал, возглавивший украинский Генштаб, вызывал резкое неприятие, в результате ему было предъявлено стандартное обвинение в принадлежности к «москалям». Особенно ярко эти противоречия проявились в эмиграции, когда вообще обострились взаимоотношения вну-

---

⁸⁹ Подробный анализ этого списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 92–93.

⁹⁰ Ковальчук М. Невідома війна 1919 року. С. 455.

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁹² Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство. С. 52.

⁹³ Ковальчук М. Невідома війна 1919 року. С. 260.

три замкнутых эмигрантских сообществ. Обвинения в отношении генерала доходили подчас до гротескных форм, вполне характеризующих суть петлюровского движения. Например, 5 мая 1926 г. Дядюша писал своему прежнему сослуживцу Сигареву: «Так как я веду себя очень осторожно, и со служебного боку меня поддеть почти невозможно, то компания повелась против моей частной жизни, что я кацап, вожусь только с кацапами, русские в Калише (подчеркнуто Сигаревым. — А. Г.) называют меня русским генералом и своим, что я бывал на русских вечерах, что устраивала калишская русская колония и, наконец, что я ношу старые генеральские брюки с лампасами, вообще масса ужасных смертных грехов...»⁹⁴. Далее он жаловался на откровенные интриги, доходившие до абсурда, например главе правительства УНР А. Н. Левицкому и военному министру генерал-хорунжему В. П. Сальскому в Варшаву, а, возможно, и Петлюре, что «6 / XII 25 г. я, будучи у Севастьянова на именинах, во время ужина провозгласил тост за верховного вождя русской армии В [еликого] К [нязя] Николая Николаевича, конфуз для меня вышел крупный, т. к. в этот день я был болен и весь день просидел в станице, о чем почтительнейше и доложил Сальскому⁹⁵, на его вопрос было ли это и даже сконфузил его, сославшись как на свидетеля на Куща⁹⁶, но, тем не менее, в один из последних приездов (он приезжает ежемесячно — привозит деньги на содержание станицы) он опять сообщил мне, что прислан донос на мои штаны и не просил, а молил спороть лампасы, но я категорически заявил, что штаны портить не стану, они у меня одни приличные, а когда соберусь пошить себе совсем приличный штатский костюм (а не с чужого плеча как у нас ходят), то и сам этих пресловутых штанов одевать не буду, удовлетворять же глупые требования идиотов я не намерен...»⁹⁷.

Абсурдные оправдательные документы Дядюши, адресованные военному министру генералу Сальскому, что он не связан с русской эмиграцией, а если и бывал на русских концертах, то лишь как простой зритель, сохранились и в личном деле генерала, хранящемся в Киеве⁹⁸. Сохранились также и обвинения

⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 59.

⁹⁵ Сальский Владимир Петрович (04.07.1885–05.10.1940) — генерал-хорунжий, военный министр УНР.

⁹⁶ Куц Виктор Максимович (10.11.1878–21.11.1942) — генерал-хорунжий, начальник Генерального штаба УНР.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 59 об. — 60.

⁹⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55. Л. 66.

в адрес Дядюши в связи с активным участием в жизни русской колонии Калиша⁹⁹.

Интересно, что семья Дядюши сразу после Гражданской войны (а возможно, и во время нее) проживала в Москве, причем генерал уже из Польши вел интенсивную еженедельную переписку с близкими. По некоторым данным, сын генерала даже стал красным курсантом¹⁰⁰. Супруга генерала работала портнихой. В письмах к семье генерал обычно пользовался русским языком.

Сложно сказать, каковы были подлинные взгляды Дядюши. Казалось бы, выбор в пользу украинизации свидетельствовал о позиции генерала вполне определенно. В то же время, очевидно, украинство Дядюши было достаточно умеренным и сочеталось с привычными для уже сформировавшегося в рамках Российской империи человека русским языком и культурой. Удивительно, но этот офицер, несмотря на свои взгляды, сумел достичь высших постов в украинской военной иерархии. Вполне естественно как интеллигент он не собирался отказываться от русского культурного багажа, понимая его огромное богатство и значение. Этого было достаточно, чтобы в украинских националистических кругах генерала считали нелояльным, но кадровый голод, особенно в отношении высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, не позволял петлюровскому руководству отказываться от использования таких офицеров. Думается, наличие таких офицеров в украинском военном руководстве в немалой степени способствовало сдерживанию русофобских побуждений в кругах украинских националистов петлюровского толка.

Вполне естественно условия жизни беженцев в калишском лагере не располагали ни к учебе, ни к занятиям наукой. Тем не менее, думается, работа на курсах скрашивала однообразную лагерную жизнь беженцев, которую начальник курсов генерал Дядюша обоснованно называл в письме к генералу Янушевскому от 11 сентября 1922 г. «здешним болотом»¹⁰¹. Организация учебного процесса в столь неподходящих условиях потребовала огромных усилий. Постоянно не хватало самых необходимых материалов¹⁰², в том числе канцелярских принадлеж-

---

⁹⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰⁰ Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 — березень 1918). К.—Львів, 1996. С. 3.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 об.

¹⁰² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 14 об.

ностей. Начальник Генштаба УНР генерал-хорунжий В. Н. Петров даже написал, что курсы являются делом государственной важности, которое не может быть провалено из-за отсутствия карандашей и бумаги¹⁰³.

Генерал Петров вспоминал, что получил два письма от Никиты Ефимовича Шаповала из Праги, представлявшего украинский общественный комитет в Чехословацкой республике¹⁰⁴, от 6 сентября и 7 октября 1921 г., которые обнадеживали относительно возможного открытия курсов. Сам Петлюра 24 сентября сообщил о возможности открытия курсов только из средств Шаповала.

Петров 6 сентября выехал в Варшаву для организации взаимодействия с польским Генштабом, перевода в калишский лагерь офицеров Генштаба и подготовки открытия курсов для штабных офицеров, о которых мечтал Петлюра¹⁰⁵. Несмотря на то что после Рижского мирного договора, положившего конец советско-польской войне, правительство УНР не воспринималось поляками как значимая сила, миссия Петрова увенчалась частичным успехом. Генштаб в Калише сконцентрировать не удалось, но было получено разрешение польских властей на перевод желавших пройти курс обучения. Тем не менее реализация задуманного оказалась не такой простой. Перевезти слушателей из других лагерей удалось только в ноябре, причем нелегально, под видом партии рабочих¹⁰⁶.

Как вспоминал генерал Янушевский, «особым фавором у Петлюры пользовалась Академия Генерального Штаба: он только и «мріяв» — мечтал о том, чтобы поскорее открыть такую Академию, которая давала бы «свій національний Генеральний штаб».

Что это должно было означать я так и не могу сказать и уверен, что и сам Петлюра не давал себе ясного отчета, что это должно обозначать в действительности. Я даже подозреваю,

---

¹⁰³ Там же. Л. 15 об.

¹⁰⁴ Украинский общественный комитет в Чехословацкой республике — частная добровольная организация, действовавшая при финансовой поддержке чехословацкого МИД. В состав комитета входило около сотни членов из числа украинских эмигрантов. Основан 7 июля 1921 г. по инициативе Н. Е. Шаповала и Н. Я. Григорьева. Функционировал до 1925 г. Главной задачей организации была материальная и юридическая помощь украинским беженцам (Подробнее см.: Наріжний С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999. С. 76–79).

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 191об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 193 об.

что он не знал, что такое офицер Генерального штаба и какая его роль в армии... Петлюра не знал назначения Генерального штаба и отождествлял его функции с функциями прочих военных штабов. Но ему страстно хотелось увековечить свое имя основанием на Украине новой Академии Генерального штаба. Поэтому он так и домогался открыть учреждение под таким названием, нимало не заботясь о том, что будет на самом деле под этою вывескою...»¹⁰⁷.

Первый приказ по курсам был подписан еще 16 октября 1921 г. Уже тогда в штате значились завуч подполковник Вышемирский, его помощник подполковник Дукельский, и. д. заведующего административно-хозяйственной частью полковник Е. Бакланов-Петров, и. д. заведующего хозяйством подполковник Систрицкий, и. д. младшего офицера для поручений при начальнике курсов сотник Шклярук, и. д. штаб-офицеров, заведующих слушателями, полковники А. Рыбицкий и Алексин¹⁰⁸.

27 октября 1921 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 63 об открытии курсов и назначении командного состава. Уже 4 ноября были получены первые денежные средства на курсы, 266 000 польских марок, что дало возможность обзавестись необходимым имуществом, прежде всего мебелью.

К 1 ноября уже был подготовлен список из 14 лекторов:

*Табл. 1. Преподаватели и учебный план курсов*¹⁰⁹

Лектор	Должность	Курс и число часов
Генерального штаба генерал-поручик С. И. Дядюша	и. д. начальника курсов	Тактика. 180 часов
Генерального штаба генерал-хорунжий А. И. Удовиченко	начальник 3-й дивизии	Топография. 40 часов
Генерального штаба подполковник С. Н. Вышемирский	и. д. завуча	Техника штабной службы. 105 часов

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об. — 84.

¹⁰⁸ САУ. I. 380. 7. 2. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Л. 2. Чины указаны в соответствии с документом, инициалы преподавателей добавлены публикатором.

Подполковник А. В. Липский	лектор государственной юнкерской школы	Артиллерия. 20 часов
Подполковник К. К. Цурканов	лектор государственной юнкерской школы	Конница. 10 часов
Подполковник П. М. Критский	лектор государственной юнкерской школы	Фортификация. 15 часов
Полковник С. Е. Рошицкий	председатель переводной комиссии 3-й дивизии	Администрация. 20 часов. Статистика. 20 часов
Полковник П. А. Науменко	лектор юнкерской школы 3-й дивизии	Военная история. 15 часов
Сотник Ружицкий	военный прокурор	Законоведение. 10 часов
Сотник Журалев	председатель ревизионной комиссии 3-й дивизии	Хозяйство. 5 часов
Сотник Ф. Крушинский	лектор государственной юнкерской школы	Украинское письмо- водство. 40 часов
Пан Добровольский	лектор государственной юнкерской школы	География Украины. 30 часов
Поручик А. Коршновский	лектор государственной юнкерской школы	История Украины. 40 часов; польский язык. 30 часов
Генерал-поручик Г. Е. Янушевский	помощник начальника Генерального штаба	Стратегия. 10 часов

Как выяснилось, не все слушатели могли прибыть в лагерь, т. к. польская лагерная администрация препятствовала этому. Поэтому открытие второго класса было отложено. В первую очередь были приняты на курсы офицеры из 2-й и 3-й дивизий, а также офицеры 6-й дивизии, прибывшие из Александрова.

Начиная с 10 ноября, были проведены вступительные экзамены на знание уставов — строевого (пехотного, кавалерийского и артиллерийского), полевого, гарнизонного, дисциплинарного и внутренней службы (полковники П. Ф. Шандрук и А. Рыбицкий, подполковники С. Н. Вышемирский и Н. К. Данилевич),

по тактике за курс юнкерского училища (генерал-хорунжий Куш, полковник Рыбицкий, подполковники Вышемирский и Цурканов), топографии (генерал-хорунжий Удовиченко, сотники Неганов, Мендюк) и письменная работа — сочинение на военную, историческую или общую тему (подполковник Вышемирский, сотник Ф. Крушинский, поручик А. Коршновский)¹¹⁰. Оценки выставлялись по 12-балльной системе. Для держания экзаменов прибыли 37 офицеров из 2-й, 3-й, 4-й и 6-й дивизий, а также из объединенной юнкерской школы. 7 офицеров были кадровыми и 30 — военного времени. Зачислены были 35 человек. По всей видимости, экзамены были лишь формальностью, т. к. отчислены было только два человека, при том, что слушатели не были предупреждены о необходимости сдавать экзамены и, соответственно, не готовились к ним¹¹¹. Фактически от поступавших требовался минимум познаний в рамках программы военных училищ.

В воскресенье 20 ноября был отслужен молебен в присутствии начальника калишского лагеря генерал-инспектора армии УНР генерал-хорунжего Удовиченко, начальника Генштаба генерал-хорунжего Петрова, помощника начальника Генштаба генерал-поручика Янушевского и 3-го генерал-квартирмейстера полковника Сигарева. На правах старшего офицера Генерального штаба в украинской армии генерал Янушевский выступил с речью о роли генштабистов в армии, отметив ограниченность программы курсов и сказав, что это никак не курсе Генерального штаба¹¹². Эта речь оказалась полной неожиданностью для слушателей и была вскоре доложена Петлюре. Янушевский вспоминал об этом эпизоде: «По выражению лиц старшин (т. е. офицеров (*укр.*) — А. Г.) курсантов было видно, что их внимание впервые останавливается на этой теме. Мне показалось, что они недовольны, что от них так далеко уходит горизонт, на краю которого они видели уже и ученый знак, и ученый аксельбант, и высокое звание офицера Генерального Штаба»¹¹³.

Учеба началась на следующий день, 21 ноября 1921 г. Срок обучения был намечен шестимесячный, и один месяц давался для экзаменов. Как отмечалось, слушатели занимались с большим упорством. Генерал В. Н. Петров видел в курсах суррогат

¹¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 86.

¹¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

¹¹³ Там же.

высшего военного образования для части офицеров¹¹⁴. Он отмечал, что, несмотря на обещания поддержки со стороны поляков в деле организации курсов, реальной помощи оказано не было. Сам Петров считал наиболее эффективным организовать подготовку офицеров в форме военного факультета университета, а не в виде самостоятельного учреждения.

Параллельно с курсами в другом украинском беженском лагере в Стшалково на территории Польши с июля 1921 г. функционировал военный факультет Украинского народного университета, которым руководил генерал-поручик И. С. Мартынюк. На факультете первоначально обучались 62 слушателя, а позднее их численность возросла до 235. На факультете велись занятия по стратегии, тактике, истории военного искусства, военной администрации, артиллерии, фортификации, военной географии, статистике и психологии. При факультете издавался журнал «Военный вестник» («Військовий Вісник»), публиковались работы слушателей. Однако, по оценке генерала Янушевского, это учреждение представляло собой бессистемную авантюру, ничего не дававшую в служебном отношении своим выпускникам даже по сравнению с ускоренными курсами¹¹⁵. Мартынюк, по свидетельству Янушевского, никогда ничего не писал, но назначил себя деканом, набрал два десятка офицеров из так называемой «новой интеллигенции» (т. е. не связанных с Россией), которые стали по очереди «профессорствовать», требовали себе особые права и пытались вести переговоры с Петлюрой в обход Генерального штаба¹¹⁶. При этом почетным деканом факультета считался бывший профессор императорской Николаевской военной академии генерал-поручик Н. Л. Юнаков. Факультет просуществовал до 26 июня 1922 г. Полный курс прослушали 170 человек, тогда как успешно сдали выпускные экзамены только 11 слушателей¹¹⁷. Впрочем, факультет едва ли можно назвать аналогом курсов Генштаба, а тем более военной академии. Также для понимания уровня военного факультета в ряду военно-учебных заведений украинской эмиграции стоит отметить, что некоторые его выпускники позднее обучались на калишских курсах¹¹⁸.

---

¹¹⁴ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2.

¹¹⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 162. Л. 205.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 85–85 об.

¹¹⁷ Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена. С. 59–60.

¹¹⁸ Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 102.

Учеба в беженских условиях давалась нелегко, тем не менее слушатели калишских курсов были преисполнены энтузиазма. Один из них, сотник 6-й стрелковой дивизии Н. А. Россиневич, писал генералу В. Е. Змиенко 27 ноября 1921 г., когда курсы еще только открылись, что «приходится сидеть в шинелях и все время дуть в кулак, чтоб не замерзли руки, поскольку почти все приходится записывать, т. к. учебников нет»¹¹⁹. У автора письма не укладывалось в голове то, чему учили на курсах. Приходилось дополнительно готовиться по вечерам, читать военную и общественно-политическую литературу¹²⁰. Не исключено, что слушатели курсов образовали своеобразные землячества по дивизиям, от которых были командированы.

По свидетельству преподававшего на курсах генерала Янушевского, не было учебных пособий, а деньги, обещанные Петлюрой, отпускались в недостаточном количестве и неаккуратно. В результате, например, история франко-прусской войны 1870–1871 гг. читалась по курсу «Всеобщей истории» и энциклопедическим словарям. Более того, среди преподавателей вообще не было ни одного специалиста по военной истории¹²¹. Курс стратегии читался всего 15 часов. Кстати, конспект этого курса, подготовленный генералом Янушевским, сохранился до наших дней. Он открывался теоретической частью с разъяснением слушателям значения терминов «стратегия» и «война»¹²².

Важнейшим источником о деятельности курсов 1-й очереди является подробный отчет начальника курсов генерала Дядюши начальнику Генерального штаба от 7 августа 1922 г. В этом отчете генерал отметил, что по некоторым дисциплинам учебников не удалось приобрести вовсе, и лекторы готовились на основании собственных знаний и отрывочных данных из польской и французской периодической печати. Это относилось к таким курсам, как техника штабной службы, статистика и администрация. Слушатели были вынуждены вести подробные конспекты.

При этом генерал Дядюша отмечал, что многие слушатели поступали на курсы лишь, чтобы упорядочить свои знания, полученные на практике в годы войны. Однако первые же занятия показали, что слушатели мало что знали.

---

¹¹⁹ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6 об.

¹²⁰ Там же. Л. 7.

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92 об.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

Преподавательский состав курсов был достаточно представительным. Как уже отмечалось, Положение о курсах разработал полковник В. А. Сигарев — выпускник Николаевской академии Генштаба, ему же по должности 3-го генерал-квартирмейстера и были подчинены курсы в общем порядке, а уже через него — начальнику Генерального штаба. Заведующим учебной частью курсов стал подполковник С. Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы Николаевской военной академии в Петрограде¹²³. Заведующим административно-хозяйственной частью курсов стал полковник Бакланов-Петров, заведующим слушателями — полковник Рыбицкий, адъютантом курсов — сотник Шклярук.

Штат курсов предусматривал четырнадцать лекторов¹²⁴. Подбором лекторов руководил сам начальник курсов генерал Дядюша, как он сам позднее отмечал, были привлечены лучшие педагогические силы, имевшиеся в Калише. Курс стратегии читали выпускники академии Генштаба генералы Г. Е. Янушевский и В. М. Куц. 12 января 1922 г. генерал Дядюша обратился к генерал-хорунжему Н. А. Капустянскому с просьбой подготовиться к чтению лекций по военной истории на курсах¹²⁵. В целом же распределение преподавателей по курсам было следующим:

Табл. 2.

*Распределение преподавателей по читаемым дисциплинам*¹²⁶

Курс	Преподаватель
Тактика	Генштаба генерал-поручик Дядюша
Топография	Генштаба генерал-хорунжий Удовиченко
Техника штабной службы	Генштаба подполковник Вышемирский
Артиллерия	Подполковник Липский
Конница	Подполковник Цурканов
Фортификация	Полковник Критский
Администрация	Полковник Рощицкий
Статистика	Полковник Рощицкий
Военная история	Полковник Науменко

¹²³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 296. Л. 22.

¹²⁴ Там же. Л. 5.

¹²⁵ Там же. Л. 2.

¹²⁶ Там же. Л. 78.

Законоведение	Сотник Ружицкий
Хозяйство	Сотник Журалев
Украинское письмо	Сотник Крушинский
География Украины	Пан Добровольский
История Украины	Поручик Коршновский
Польский язык	Поручик Коршновский
Стратегия	Генштаба генерал-поручик Янушевский

---

27 декабря 1921 г. на специальном заседании педагогического совета было постановлено, что курсы не выпускают готовых офицеров Генштаба, поскольку никаких условий для этого нет. Руководство курсов ставило цель лишь натаскать слушателей на выполнение шаблонной штабной работы на случай новой войны с Советской Россией.

Учебный план и его выполнение см. в таблице 3¹²⁷.

Программа курсов была достаточно насыщенной. Занятия велись по 16 предметам. Всего было прочитано 364 часа лекций и проведено 165 практических занятий. Обратим внимание на большой объем учебных часов по гражданским дисциплинам, связанным с украинской тематикой, таким, как история и география Украины, а также украинское письмо. Слушатели, по данным начальника курсов, пропустили 6,2 % занятий¹²⁸. Генерал Дядюша считал это хорошим показателем.

Типичное недельное расписание занятий см. в таблице 4.

Впрочем, устоялось несколько отличное расписание с занятиями 9–9.45, 9.55–10.40, 10.50–11.35, 11.45–12.30, 12.40–13.25.

К началу марта 1922 г. на курсах закончились имевшиеся денежные средства. Обращения к начальнику Генштаба и командирам дивизий¹²⁹ результата не дали. И 6 марта занятия были прекращены вовсе, за исключением чтения рефератов и проведения репетиций, что не требовало никаких расходов. Перерыв в обучении не повредил слушателям и преподавателям, наоборот, они получили непродолжительный отдых. Только 20 марта начальник Генштаба передал курсам 20 000 польских марок, а командиры дивизий согласились помогать слушателям бумагой

¹²⁷ Там же. Л. 83.

¹²⁸ Там же. Л. 42.

¹²⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 17.

Табл. 3. Учебный план курсов и его реализация

Предмет	Предусмотрено учебным планом		Предусмотрено еженедельными расписаниями		Фактически проведено		Пропущено по вине лекторов		Пропущено по независящим причинам	
	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий
Стратегия	10		17		15		1		1	
Тактика	55	100	70	45	68	42			2	3
Техника штабной службы	30	75	33	77	31	77			2	
Топография		40	10	22	10	22				
Военная игра		25		24		24				
Артиллерия	10	10	21		19			2		
Конница	10		12		12					
Фортификация	10	5	13		13					
Военная история	15		16		16					
Статистика	20		20		20					
Администрация	20		20		20					
Законоведение	10		15		15					
История Украины	40		43		40		1		2	
География Украины	50		30		23		7			
Украинское письмо	40		42		32		10			
Польский язык	30		30		30					
Всего:	335	255	392	168	364	165	21	7	3	

Табл. 4. Образец недельного расписания курсов

Часы		8.30-9.15	9.25-10.10	10.20-11.05	11.15-12.00	12.10-12.55
Понедельник	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	Фортификация. Полк. Критский	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	Конница. Полк. Цурканов	Украинское письмо. Сотн. Крушинский	
Вторник	То же	Украинское письмо. Сотн. Крушинский	То же	Законоведение. Военный прокурор Ружницкий	Артиллерия. Полк. Науменко	
Среда	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	Фортификация. Полк. Критский	История Украины. Поручик Коршновский	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	Военная история. Полк. Науменко	
Четверг	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	Артиллерия. Подполк. Липеский	Польский язык. Поручик Коршновский	География Украины. Пан Добровольский	
Пятница	Конница. Подполк. Цурканов	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	История Украины. Поручик Коршновский	Воен. история. Полк. Науменко	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	
Суббота	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	География Украины. Пан Добровольский	Хозяйство. Сотн. Журалев	Законоведение. Военный прокурор Ружницкий	Польский язык. Поручик Коршновский	

и карандашами. В тот же день работа курсов возобновилась. Весной на курсах начались полевые практические занятия. 20 мая, наконец, учебный курс был закончен. 23 мая 1922 г., когда учеба на курсах уже завершилась и шли экзамены, было, наконец, выпущено и утверждено Петлюрой временное положение об ускоренных курсах, основанное на проекте Сигарева¹³⁰.

Интересны названия рефератов, которые писали слушатели: «Трехдюймовая артиллерия в освободительной украинско-московской борьбе» (сотник В. Я. Шевченко), «Оборона Замостья VI стрелковой дивизией в 1920 г.» (сотник А. В. Домарадский), «Распад бывшей Российской армии и основы формирования украинской армии в 1917 г.» (сотник Д. Никитин), «Украинская сечь и ее значение для армии и государства» (поручик И. Д. Приходченко), «Борьба с конницей и бронепоездами большевиков» (подполковник А. В. Новицкий), «Работа офицеров по воспитанию казаков как сознательных воинов» (поручик Е. В. Пустовойт), «Армия и политика» (сотник А. С. Ляшенко) и т. д. Несколько слушателей посвятили свои работы новейшему техническому средству — танкам, а также химическому оружию¹³¹. Всего было прочитано 25 рефератов¹³².

У генерала Янушевского как раз работа слушателей над рефератами оставила особенно негативные впечатления. Во-первых, они стали писать их на разных языках, что не позволяло говорить даже о зачатках одного из основных принципов организации Генштаба — единства военной доктрины. Кем-то был даже пущен слух, что офицеры русского Генштаба, якобы, испугались молодых украинских курсовиков и потому всячески мешали курсам. В связи с этим Янушевский решил присутствовать хотя бы два раза в неделю по несколько часов на обсуждении рефератов. Янушевский выслушивал доклад, а затем выступал на ту же тему, указывая на ошибки докладчика. По его компетентной оценке, лишь два или три из всех могли быть признаны удовлетворительными, большинство же никуда не годилось. «Жалко было слушать эти потуги», — записал генерал в своих мемуарах¹³³. Интересно, что в учебном процессе преподаватели и слушатели использовали русские карты¹³⁴.

---

¹³⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 4. Д. 9. Л. 26.

¹³¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 75–75 об.

¹³² САУ. I. 380.7.9.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 93 об.

¹³⁴ САУ. I.380.7.6.

Обучение сопровождалось военной игрой, идея проведения которой принадлежала генералу Петрову, тогда как Янушевский был настроен скептически. Общее руководство осуществлял сам Петров, сторонами руководили Янушевский и Сигарев. Материалы игры сохранились¹³⁵. Игра проходила в период с 3 января по 9 июня 1922 г. по два раза в неделю и заинтересовала участников, многие из которых даже говорили, что стали иначе смотреть на материал учебников. В игре должны были участвовать все офицеры, но многие не были готовы к игре, как не было и подготовленных посредников. Нередко участники игры переходили в область стратегии. Впрочем, за пять месяцев удалось лишь дойти до столкновения сторон, после чего игра завершилась. По данным И. В. Срибняка, в рамках военной игры в общей сложности было проведено 23 занятия¹³⁶. Скептик Янушевский в заключение привел цитату из «Стратегии» Г. А. Леера о том, что половинные знания вреднее полного невежества¹³⁷.

В целом подготовка одного слушателя обошлась украинскому эмигрантскому бюджету в 22 700 польских марок. В общей сложности было израсходовано: 144 611 польских марок на обустройство помещений и покупку инвентаря; 92 790 польских марок на бумагу и канцелярские принадлежности; 16 200 польских марок — на хозяйственные нужды; 52 299 польских марок — на покупку учебников; 5 350 польских марок — на командировки; 102 850 польских марок — на оплату работы лекторов; 100 000 польских марок составила материальная помощь слушателям и 30 000 — материальная помощь постоянному составу курсов, на устройство торжественного выпуска слушателей потребовалось 70 000 польских марок¹³⁸. Итого расходы составили 614 100 польских марок.

Выпускные экзамены 1-й очереди курсов прошли в присутствии командного состава украинской армии в период с 22 мая по 20 июня 1922 г. Экзаменам предшествовали репетиции, которые должны были завершиться 15 мая. Накануне экзаменов, 9 мая 1922 г., сотник Россиневич писал о предстоящих испытаниях генералу Змиенко как о попытке в связи с отсутствием учебников¹³⁹. На фоне убожества прочей лагерной жизни учеба на курсах была действительно

---

¹³⁵ САУ. I.380.7.4.

¹³⁶ Срибняк І. Обеззбросна, але нескорена. С. 54.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 94.

¹³⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 42.

¹³⁹ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

интересным и полезным занятием. Не случайно тот же Россиневич написал, что пока слушатели готовились к экзаменам, «в дивизии живут по-старому. Грызутся вовсю»¹⁴⁰. Ничего особенного в таком положении дел не было. Через дразги и разложение прошли не только интернированные украинцы, но и оказавшиеся по итогам Гражданской войны в беженских лагерях ветераны белых армий.

Выпускников экзаменовали по тактике, стратегии, военной истории, технике штабной службы, истории Украины, географии Украины, украинскому письму, фортификации, топографии, законоведению, коннице, артиллерии, военной администрации, статистике и по польскому языку¹⁴¹.

Экзамены у выпускников 1-й очереди принимали:

*Табл. 5. Экзамены и экзаменаторы на курсах 1-й очереди*¹⁴²

Предмет	Экзаменаторы
Тактика (22.05)	Полковник Сигарев, генерал-поручик Дядюша, полковник Б. И. Сулковский
Стратегия (24.05)	Генерал-поручик Дядюша, генерал-хорунжий Куц, полковник Сулковский
Военная история (27.05)	Полковник Сигарев, полковник Науменко, генерал-хорунжий Куц
Техника штабной службы (29.05)	Полковник Сигарев, подполковник Вышемирский, полковник Сулковский
История Украины (31.05)	Генерал-поручик Дядюша, хорунжий Коршновский, подполковник В. П. Евтимович
Фортификация (02.06)	Генерал-поручик Дядюша, полковник Критский, подполковник Вышемирский
Топография (03.06)	Полковник Сигарев, сотник Мендюк, сотник Неганов
Законоведение (06.06)	Генерал-поручик Дядюша, военный прокурор Ружицкий, подполковник Вышемирский
Конница (08.06)	Генерал-поручик Дядюша, подполковник Цурканов, полковник Рыбицкий

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 24–24 об.

¹⁴² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 84–84 об; Д. 167. Л. 24–24 об. В работе: Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 123. Оpubлiкован ошибочный список.

Артиллерия (10.06)	Подполковник Вышемирский, подполковник Липецкий, подполковник Данилевич
Администрация (12.06)	Генерал-поручик Дядюша, полковник Роцицкий, подполковник Данилевич
Статистика (14.06)	Генерал-поручик Дядюша, полковник Роцицкий, подполковник Вышемирский
География Украины (16.06)	Полковник Сигарев, полковник Рыбицкий, полковник Сулковский
Украинское письмо (19.06)	Полковник Рыбицкий, сотник Крушинский, подполковник Евтимович
Польский язык (20.06)	Подполковник Вышемирский, хорунжий Коршновский, полковник Рыбицкий

Лучшим по выпускному баллу оказался сотник В. Я. Шевченко, набравший с большим отрывом от других 11,87 балла. Все 27 выпускников были переведены в распоряжение начальника Генштаба и получили выпускные свидетельства.

Попробуем составить коллективный портрет слушателей и выпускников курсов 1-й очереди. Списки слушателей (в том числе отчисленных) и выпускников курсов в разрозненном виде сохранились среди делопроизводительной документации курсов и были нами опубликованы¹⁴³.

Наиболее подробные данные обнаружены нами о слушателях именно 1-й очереди курсов. Известен возраст и образовательный уровень 34 человек из 36 поступивших¹⁴⁴.

Солидное гимназическое образование имели 13 слушателей или 38,2 %, от 34 известных нам, еще 6 окончили учительскую семинарию и четверо — реальное училище, кроме того 3 человека окончили кадетский корпус или военную гимназию и еще пятеро — высшее начальное, землемерное, коммерческое училища и городскую 4-класеную школу. Законченное высшее образование имели двое слушателей, 7 человек, видимо, в связи с войной не смогли закончить университет или учительский институт. Офицерами военного времени были не менее 27 человек,

¹⁴³ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 746–750.

¹⁴⁴ Данные об образовательном цензе слушателей выявлены нами по: САУ. I. 380.7.2; I.380.7.11; I.380.7.13. Судя по всему, данные, приведенные на этот счет в работах И. Срибняка, не вполне точны (См., напр.: Срібняк І. До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // Вісті комбатанта (Торонто — Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 63 и др.).

Табл. 6. Образовательный ценз слушателей 1-й очереди курсов

Категория	Слушателей
Начальное образование	
Окончили кадетский корпус или военную гимназию	3
Окончили реальное училище	4
Окончили городскую 4-классную школу	1
Окончили высшее начальное училище	2
Окончили землемерное училище	1
Окончили коммерческое училище	1
Окончили гимназию	13
Окончили учительскую семинарию	6
Специальное военное образование	
Окончили военное училище до 1915	6
Окончили военное училище после 1914	15
Окончил офицерскую школу в Австрии	1
Окончили школу прапорщиков	12
Окончили инструкторскую школу офицеров, технические курсы или пулеметную школу	4
Высшее образование	
Неполный курс университета или учительского института	7
Окончили университет или учительский институт	2

или 79,4 % известных нам слушателей. До 1915 г. стали офицерами лишь шестеро слушателей, не менее трех из них являлись кадровыми офицерами. Повышали свою квалификацию уже в офицерских чинах, пройдя различные дополнительные курсы или школы, четыре человека. Все слушатели, кроме одного, были выходцами из русской армии, лишь сотник А. В. Домарадский представлял австрийскую армию, будучи уроженцем Галичины.

По данным начальника курсов генерала Дядюши, из поступавших на курсы 7 офицеров окончили военное училище в мирное время, 30 окончили ускоренный курс военного времени, высшее образование имели 2 офицера, 1–2 курса университета окончили 3 человека, среднее образование имели 24 человека, ниже сред-

него — 3 человека и низшее — 5 человек¹⁴⁵. Судя по всему, эти данные менее точны в сравнении с выявленными нами по спискам и служебным документам поступивших.

Распределение 36 поступивших на 1-ю очередь курсов по чинам было следующим:

Табл. 7. Данные о чинах слушателей 1-й очереди курсов

Чин	Слушателей
Хорунжие	4
Поручики	5
Сотники	22
Подполковники	5

Как видно, абсолютное большинство (61 %) было представлено сотниками. Стоит отметить, что ко времени окончания курсов многие слушатели получили очередные воинские звания. Сотниками стали трое из четырех хорунжих и трое из пятерых поручиков, четверо сотников были произведены в подполковники и один подполковник дослужился до полковника.

На курсы были командированы 7 офицеров от 2-й Волынской стрелковой дивизии, 18 офицеров от 3-й Железной стрелковой дивизии, один офицер от 4-й Киевской дивизии, 4 офицера из объединенной юнкерской школы и 6 офицеров от 6-й стрелковой дивизии.

Курсы окончили лишь 27 человек из 36 зачисленных¹⁴⁶. Интересно проследить взаимосвязь прежней подготовки с неудачей на курсах. К сожалению, об одном из недоучившихся сведений нет. Что касается остальных, то результат получается несколько неожиданным. Среди 8 недоучившихся, о которых есть подробная информация, двое слушателей с высшим образованием. Отчисление всех известных нам слушателей с высшим образованием (сотник Н. Т. Дехнич и подполковник Е. И. Макаренко) не может не вызывать удивление. Возможно, эти люди решили, что окончание курсов им ничего не даст. Также двое недоучившихся окончили военные училища до 1915 г. и, по крайней мере, один из них относился к кадровым офицерам. В отношении

¹⁴⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 40.

¹⁴⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. І.380.7.2.

остальных отчисленных каких-то закономерностей выявить не удалось.

27 июня 1922 г. состоялся торжественный выпуск с выдачей свидетельств об окончании курсов каждому выпускнику. Выпускники на банкете несколько раз пили за здоровье отсутствовавшего генерала Янушевского, преподавание которого им особенно запомнилось. Кроме того, генералу был подготовлен благодарственный адрес, который он так и не получил, в чем видел проявление русофобии украинских националистических кругов, пытавшихся не допустить роста авторитета выпускника российской военной академии.

Затем выпускники были уволены в месячный отпуск, из которого должны были прибыть в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на должности в оперативных штабах армии УНР. Кроме того, они могли поступать без экзаменов в младший класс будущей украинской академии Генерального штаба и носить штабную униформу с аксельбантом.

20 июля выпускников в письме военному министру поздравил головной атаман С. В. Петлюра, который назвал первый выпуск курсов новым этапом развития украинской армии¹⁴⁷. Петлюра отметил, что будет внимательно следить за работой в армии новых штабных офицеров и просил военного министра и начальника Генштаба проявить как можно больше энергии и инициативы для наиболее целесообразного использования полученных офицерами на курсах знаний и развития у этих офицеров интереса к европейской военной науке, «главные ценности и достижения которой наш укрепленный молодыми элементами Генеральный штаб, я верю, с пользой пересадит на украинскую почву»¹⁴⁸.

10 августа 1922 г. в приказе Генштабу УНР № 25 организаторам курсов — генералу Дядюше, полковникам Сигареву и Рыбицкому, подполковнику Вышемирскому и всем лекторам — была выражена благодарность.

Украинское военное руководство отнюдь не считало окончивших курсы полноценными генштабистами. В частности, начальник Генштаба генерал-хорунжий В. М. Куц собирался командировать выпускников курсов для продолжения учебы в военные академии европейских стран¹⁴⁹. Пятнадцать выпускников были

---

¹⁴⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 96 об.

¹⁴⁸ Там же; также опубликовано в приказе Генеральному штабу УНР № 24 от 31.07.1922 — ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 246. Л. 26.

¹⁴⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 98.

рекомендованы продолжить учебу в польской военной академии¹⁵⁰, однако вопрос не был решен до конца 1922 г.

В это время интернированная в лагерях украинская армия насчитывала (по списку на 1 июня 1922 г.) 2 863 офицера, 717 военных чиновников, 6 920 казаков, 646 женщин и 274 ребенка. Всего 11 420 человек¹⁵¹. Фактическая численность была существенно ниже. Таким образом, украинской армии как реальной силы к этому времени практически не существовало. В самом калишском лагере, по данным на 30 мая 1921 г., находилось 4 395 человек (максимальная численность за период с декабря 1920 по октябрь 1921 г.), к 1 апреля 1922 г. в лагерях Калиш и Щепиорно числилось 5 788 человек¹⁵². В дальнейшем численность интернированных в лагере неуклонно снижалась. Так, по данным на сентябрь 1922 г., из лагеря ежедневно в Советскую Россию уезжали по 30–40 человек, в связи с чем генерал Дядюша прогнозировал, что лагеря хватит не более чем на месяц¹⁵³. Он даже считал, что оставаться в лагере зимовать означало верную смерть, так как состояние лагерных барачков оставляло желать лучшего, холод чувствовался уже в сентябре¹⁵⁴. К сентябрю 1923 г. в Калише и Щепиорно осталось 2753 интернированных¹⁵⁵.

Возникает вопрос, зачем понадобилось готовить кадры работников Генштаба, если вся армия примерно соответствовала численности стрелковой дивизии РККА. К сожалению, разумного ответа на этот парадокс украинского военного строительства нет. Документы позволяют утверждать, что украинское военно-политическое руководство в это время не отказалось от интервенционистских планов в отношении Украинской ССР (направившись параллель с планами командования белых армий, отступивших с территории России), хотя состояние разгромленного украинского воинства, очевидно, не позволяло рассчитывать на успех подобной авантюры.

Еще в период работы курсов возникла идея открытия второго класса. Ее открытие было предварительно намечено на 6 марта 1922 г., а конкурсный отбор велся с 27 февраля. Условия зачисления были жесткими. Для занесения в кандидатские списки

---

¹⁵⁰ Там же. Л. 119.

¹⁵¹ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.

¹⁵² Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees. P. 136, 150.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

¹⁵⁴ Там же. Л. 14 об.

¹⁵⁵ Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees. P. 150.

требовалась отличная аттестация и представление непосредственного начальства, не менее двух лет службы в офицерских чинах в украинской армии при условии, что офицеры не служили в армиях, враждебных идее украинской государственности (видимо, имелись в виду, прежде всего, красные и белые армии), кандидаты должны были иметь чин не выше подполковника, полное военное образование (полный курс юнкерского училища) либо за отсутствием такового значительный боевой опыт в украинской освободительной борьбе и в Первой мировой войне, также по возможности полное среднее общее образование.

Поступающие должны были выдержать вступительные экзамены по следующим предметам: элементарная тактика (курс юнкерского училища); решение тактической задачи на плане со всеми пояснениями; топография (глазомерная съемка в поле); письменный доклад на одну из тем — общую, военную или по истории Украины; уставы — дисциплинарный, гарнизонный, полевой, внутренней службы и строевой пехотный.

По старшинству среднего балла на курсы планировалось зачислить первых 30 офицеров. Курс обучения намечался шестимесячный. Все успешно окончившие получали право службы в войсковых штабах на должностях офицеров Генштаба и в будущем имели право на поступление в украинскую академию Генштаба, а некоторая часть из знавших иностранные языки могла быть командирована в иностранные военные академии на вакасии для украинских офицеров. Сбор желающих поступить на курсы велся в Калишском лагере¹⁵⁶. Однако второй класс тогда не открылся как по причине острейших материальных затруднений украинских властей, так и в связи с тем, что нашлось только семь желающих учиться из состава 5-й стрелковой и отдельной конной дивизий, которые прибыли на курсы по направлениям начальников дивизий еще в декабре 1921 г., но не были зачислены¹⁵⁷.

На осень 1922 г. было запланировано открытие 2-й очереди курсов по подготовке офицеров штабной службы¹⁵⁸. Вполне естественно учитывался уже приобретенный ранее опыт. Его проанализировал выпускник Николаевской академии Генштаба полковник В. А. Сигарев, представивший результаты своей работы начальнику Генштаба. Сигарев не скрывал серьезных орга-

---

¹⁵⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 79.

¹⁵⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 41 об., 74 (список этих офицеров); САУ. I. 380. 7. 5.

¹⁵⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 18.

низационных упушений на курсах. По оценке Сигарева, первый выпуск не только продемонстрировал возможность вести учебный процесс, но и вскрыл множество проблем. В частности, Сигарев обращал внимание на отсутствие учебников как у слушателей, так и у преподавателей. В результате последние готовились к занятиям по памяти со всеми вытекающими из такой «подготовки» последствиями. Возможности размножить конспекты лекций в лагере не имелось. Сигарев отмечал и бытовые неудобства: в помещениях для занятий был проведен недостаточный ремонт, не хватало топлива, часть занятий проходила в помещениях, где проживали сами слушатели. Кроме того, слушатели нуждались в дополнительном продовольственном пайке — выдаче сала и хлеба на руки. Наконец, остро не хватало канцелярских принадлежностей, что даже вело к срыву занятий. В частности, в период с 6 по 22 марта 1922 г. именно из-за того, что на курсах не было ни одного листа бумаги и ни одного карандаша, занятий не велось вовсе. Кроме того, тяжелые жизненные условия многих преподавателей не позволяли им нормально готовиться к занятиям.

По мнению Сигарева, для открытия новой очереди курсов требовалось, прежде всего, провести ремонт помещений, приобрести учебники (хотя бы по одному на 4–5 слушателей по каждому предмету), а также организовать помещения для подготовки лекторов. Еще одной проблемой была трудность организации полевых выходов, необходимых для практического освоения навыков службы Генштаба¹⁵⁹.

Курсы 2-й очереди предполагалось открыть из расчета в 35 слушателей. Каждому из слушателей должны были платить по 5 000 польских марок в год. Всего на курсы требовалось 1 140 000 марок. 11 августа 1922 г. в поддержку открытия курсов 2-й очереди высказался Петлюра, по мнению которого в дальнейшем необходимо было открыть украинскую академию Генштаба¹⁶⁰. Интересно, что в ходе обсуждения вопроса об открытии курсов 2-й очереди возник вопрос о назначении нового начальника курсов. Альтернативным кандидатом относительно прежнего начальника генерала Дядюши был предложен генерал-хорунжий В. Е. Змиенко, также выпускник Императорской Николаевской военной академии¹⁶¹.

---

¹⁵⁹ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 38.

¹⁶¹ Там же. Л. 54 об.

Впрочем, эти споры были отложены из-за нехватки средств. В 1922 г. курсы так и не открылись. Тем не менее обсуждение учебной программы украинским военным руководством продолжалось. Начальник Генштаба генерал Куц предлагал военному министру расширить практическую подготовку слушателей 2-й очереди, увеличить срок обучения с полугода до восьми месяцев и назвать курсы академическими¹⁶². Он ориентировался на пример Николаевской военной академии, организовавшей подобные курсы еще в 1916 г. По всей видимости, Куц хотел, чтобы украинские эмигрантские курсы Генштаба были не хуже российских.

В докладе генерала Куца генерал-инспектору армии УНР от 5 ноября 1922 г. отмечалось, что опыт первого выпуска курсов показал, что «такие курсы или еще с расширенной программой крайне необходимы для Армии У. Н. Р., если желательно сохранить кадры армии и иметь в ее действующих Штабах знающих работников»¹⁶³.

Куц отмечал немногочисленность офицеров Генштаба в украинской армии и полное отсутствие младших офицеров. При этом открыть академию Генерального штаба не было никакой возможности в связи с отсутствием денег, преподавателей, помещений, необходимой литературы, свободы передвижения для проведения практических занятий, а также в связи с чрезвычайно тяжелыми условиями жизни, как моральными, так и материальными. Куц ссылался и на резолюцию Петлюры, наложенную на доклад генерального инспектора армии УНР от 29 июля 1922 г., в которой главной атаман указывал, что открытие курсов всецело отвечает его давним планам и будет осуществлено при первых финансовых возможностях.

Откладывать начало учебного процесса Куц считал нецелесообразным, т. к. быстрое падение курса польской марки могло привести к невозможности возрождения курсов. Набор, по мнению Куца, должен был составить 30 слушателей. Учебный план включал 18 дисциплин. Особенно острым Куц считал вопрос с преподавателями. Он надеялся обеспечить их полекционной платой в размере 500 марок в час, а также жалованием в размере 15 000 марок в месяц. Куц полагал необходимым полностью обеспечить преподавателей, чтобы они не отвлекались от работы на курсах и не занимались дополнительными подработками. Оклад начальника курсов составлял 25 000 марок, заведующего

---

¹⁶² Там же. Л. 62.

¹⁶³ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

учебной частью — 20 000 марок. Слушателям намечалось выплачивать по 5000 марок ежемесячно. Куц подготовил предварительную смету расходов на открытие курсов. Учебники предполагалось закупить в Варшаве, на что выделялось 500 000 марок, не считая командировочных расходов.

В конце декабря 1922 г. была созвана даже специальная конференция, обсуждавшая предстоящее открытие курсов. На первом заседании 28 декабря присутствовали и. д. начальника Генштаба генерал-хорунжий В. М. Куц, генерал-хорунжий В. Н. Петров, С. И. Дядюша, Н. А. Капустянский, В. Г. Шенель, Э. И. Башинский, А. И. Козьма, М. Д. Безручко, В. Е. Змиенко, А. А. Загородский, Н. Е. Шаповал, А. С. Пороховщиков и пан Н. В. (?) Прокопович при секретаре подполковнике С. Н. Вышемирском⁶⁴.

На заседании обсуждался вопрос получения украинскими офицерами высшего военного образования как на курсах, так и в иностранных военных академиях. С последними не все складывалось благоприятно. Чехословакия отказала украинцам, Румыния предоставила три вакансии в академии и две на подготовительных курсах, но за счет обучающихся, Сербия и Венгрия не дали ответа.

Одним из основных предметов обсуждения и спора стал вопрос о том, открывать подготовительные курсы или первый класс военной академии. Не меньшую остроту имел вопрос финансирования курсов, с чем не было никакой определенности. Споры разгорелись и относительно того, следует ли расширять учебную программу. Генералы Куц, Петров, Шаповал и Змиенко стояли за расширение, вплоть до годовичного курса, но генерал Дядюша выступил против новых дисциплин и лишь за углубление уже преподававшихся. Генерал Петров говорил о необходимости усиления практической подготовки слушателей по примеру французской военной академии. В итоге было решено открыть академические курсы с расширенной программой, а, по возможности, также расширить знания выпускников курсов 1-й очереди.

Касательно обеспечения курсов преподавательским составом были определены преподаватели по основным дисциплинам. Преподавателями были намечены генерал Куц (стратегия), генерал Змиенко и подполковник Вышемирский (техника штабной службы).

Второе заседание комиссии состоялось на следующий день, 29 декабря. Состав присутствующих был прежним, за исключе-

---

⁶⁴ Там же. Л. 42.

нием генералов Шепеля и Загородского (последний, видимо, подошел уже в ходе заседания, т. к. фигурирует в протоколе). На этот раз детально обсуждалось преподавание тактики на курсах. Было принято решение вести элементарную и прикладную тактику силами разных преподавателей. Преподавателями элементарной тактики были намечены генералы Дядюша и Пороховщиков, а курс прикладной тактики должны были вести генералы Сигарев и Безручко¹⁶⁵. Курс топографии решено было предложить генералу А. И. Удовиченко. Также были намечены преподаватели других дисциплин. По военной истории генерал Безручко должен был вести курс франко-прусской войны, Балканских войн и начало кампании 1914 г., а также украинскую освободительную борьбу. Генерал Капустянский был намечен для чтения курса истории Первой мировой. Историю военного искусства должен был читать генерал Петров, причем было решено добавить в курс примеры, связанные с Украиной. Курс военной администрации, который должен был читать генерал Галкин, планировалось также построить на украинской почве с учетом исторической и этнографической специфики региона. Военная статистика должна была читаться по прежней программе с добавлением обзора территории Украины в ее этнических границах. В качестве лекторов предлагались генералы Ерошевич и Сальский. На курсах было решено вести курс украинского языка, который многие офицеры плохо знали¹⁶⁶. В качестве иностранного языка был намечен французский или немецкий.

Также возник вопрос о порядке зачисления на курсы. Вступительные экзамены некоторым из присутствующих казались в беженских условиях нежелательными. Существовала даже вероятность того, что желающих поступить на курсы не окажется. На этот случай рассматривалась возможность обязательного командирования слушателей в приказном порядке. Также планировалось приглашать на занятия офицеров из калишского лагеря помимо обучавшихся.

Литературу было решено закупить в Варшаве и за рубежом, а также обратиться за помощью в польский Генштаб для обеспечения картами и книгами из бывших военных библиотек. Лекции было решено стенографировать, а затем литографировать. Сами лекторы должны были предоставлять слушателям конспекты прочитанных лекций.

---

¹⁶⁵ Там же. Л. 43 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 44.

Интересно, что Петлюра в конце 1922 г. отдал личное указание относительно кандидатур некоторых лекторов. В частности, он пожелал, чтобы на курсах работали генералы Петров, Капустянский (курс истории военной борьбы 1918–1920 гг.), Безручко, Змиенко, Ерошевич, Сальский и Галкин (курс военно-административного права)¹⁶⁷. Очевидно, этим генералам Петлюра тогда доверял.

В конце ноября — начале декабря 1922 г. обсуждалась идея сделать почетным главой академических курсов генерал-поручика Н. Л. Юнакова — в прошлом профессора императорской Николаевской военной академии¹⁶⁸.

Генерал В. Н. Петров 29 декабря 1922 г. обратился к начальнику Генерального штаба с докладом, в котором настаивал на необходимости открытия еще одного курса для выпускников 1-й очереди. В качестве аргумента Петров отмечал, что предполагается продолжить борьбу в удобный момент силами 6 пехотных и одной конной дивизий, каждая из которых имела трехбригадный состав. Эти дивизии будут объединены в две группы, которыми будет руководить штаб действующей армии. Также будет создан штаб запасных войск, отвечающий за пополнение армии. Петров допускал возможность самостоятельных действий каждой из бригад, для чего необходимы были грамотные начальники бригадных штабов, не говоря уже о подготовленных начальниках штабов дивизий и групп, генерал-квартирмейстерах, начальниках отделов разведки и контрразведки штабов групп и действующей армии¹⁶⁹. Генштаб нуждался, как минимум, в пяти выпускниках курсов, а запасные войска — в трех. Всего, по расчетам Петрова, в начальный период предстоявшей войны с большевиками украинская армия нуждалась в 40 курсовиках для действующей армии, в 5 курсовиках для Генштаба и в 3 — для запасных войск. Итого требовалось 48 специалистов с высшим военным образованием, готовых к самостоятельной работе.

На момент подготовки доклада Петрова в украинской армии имелось 18 выпускников российской академии Генштаба, причем не менее 8 из них должны были занимать высшие военные посты. Петров считал, что для удержания одной только Правобережной Украины могло потребоваться увеличение армии не менее

---

¹⁶⁷ Там же. Л. 39.

¹⁶⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 117.

¹⁶⁹ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

чем в три раза, следовательно, необходимое количество генштабистов возрастало до 140 человек¹⁷⁰.

При этом Петров честно отмечал: «Те наши офицеры, что в этом году окончили Штабные курсы, не годятся по их знаниям вести самостоятельную работу»¹⁷¹. По мнению генерала, работать украинские курсовики могли только под руководством подготовленных людей. Более того, Петров считал, что и выпускники восьмимесячных курсов тоже не будут готовы к самостоятельной работе из-за отсутствия практической подготовки. Кроме того, Петров видел опасность в том, что выпускники курсов будут иметь разный уровень подготовки, тем более, что выпускники первой очереди в связи с необходимостью выживать в непростых беженских условиях постепенно забудут полученные знания. Петров справедливо указывал, что ношение кирпичей для строительства, рубка дров, плотничество и даже торговля и спекуляция, — чем занимались выпускники первой очереди, отнюдь не способствовали пополнению военных знаний¹⁷².

Учебный план по замыслу Петрова можно увидеть в табл. 8¹⁷³.

На экзамены отводилось 120 часов. Петров считал, что первый выпуск курсов можно именовать первым курсом академии и преподавать следующие дисциплины: историю военного искусства, операции мировой войны, историю украинской вооруженной борьбы, военную психологию, прикладную тактику и стратегию, администрацию иностранных армий, в особенности мобилизационный вопрос, сосредоточение войск и службу тылов, историю украинской культуры и украинского войска, украинский язык, углубленно один из иностранных языков. Самым главным Петров считал практические работы на планах по примеру тех, что велись на втором курсе Николаевской академии, когда слушатели оперировали группой из двух дивизий и разрабатывали все необходимые документы. Эти задачи, по мнению Петрова, могли заканчиваться диспутом по примеру дополнительного курса Николаевской академии, а также полевой поездкой. Только после такой подготовки, как считал Петров, офицеры первого выпуска будут готовы к самостоятельной штабной работе. Однако в эмигрантских условиях грандиозные планы генерала Петрова воплощены в жизнь не были.

---

¹⁷⁰ Там же. Л. 40 об.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же. Л. 41.

¹⁷³ САУ. I. 380. 7. 9.

Табл. 8. Предполагаемый учебный план (разработка генерала В. Н. Петрова)

Название дисциплины	Фамилия лектора	Часов лекций	Часов практ. занятий		Всего часов	Репетит-ций
			В классе	В поле		
Стратегия	Генерал-хорунжий Куц	25 (30)			25	2
Техника штабной службы	Подполковник Вышемирский	45	90		135	2
	Генерал-хорунжий Эмиенко					
Тактика	Генерал-поручик Дядюша	70	50	40	160	3
	Генерал-хорунжий Безручко					
Военная игра	Войсковой старшина ГПШ		40		40	
Технические войска	Генерал-хорунжий Петров	25			25	2
	Подполковник Липский	20			20	2
Артиллерия	Подполковник Цурканов	15			15	1
Конница	Генерал-хорунжий Удовиченко	15	30		45	1
Топография	Генерал-хорунжий Козьма	30 (40)			30	2
Инженерное дело	Полковник Критский					
Военная история	Полковник Науменко	30			30	2
История военного искусства	Генерал-хорунжий Петров	40 (5)			45	4
История укр. освобод. борьбы	Генерал-хорунжий Капустянский	30			30	2
	Генерал-поручик Галкин	30			30	1
Администрация	Генерал-поручик Ерошевич	30			30	1
Статистика	Полковник Т. Г. Шалаев	25			25	2
Законоведение	Сотник Крушинский	50 30			50*	3
Украинское письмо	Капитан Прокопович	50			50	3
История Украины	Подполковник Евтимович	40			40	3
География Украины	Генерал-хорунжий Шаповал	30?			30	3
Украинский язык	Генерал-хорунжий Пороховщиков	50 40			50	4
Иностранный язык						
<i>Всего</i>		<i>655</i>	<i>180</i>	<i>70</i>	<i>905</i>	<i>31</i>

* Так в документе. — А. Г.

Как вспоминал генерал Янушевский, «в начале 1923 года Петлюра «рассудку вопреки, наперекор стихиям», снова попытался осуществить свою *idée fixe* — «академические курсы» Генерального Штаба. На этот раз его подстрекал к этому генерал Шаповал»¹⁷⁴. Однако, несмотря на обещания, украинские политики в Праге выполнили немного. Брат генерала Шаповала пообещал выплачивать по 2 000 чешских крон ежемесячно, но не сдержал обещания.

Вопрос об учебной программе курсов оставался дискуссионным. 29 января 1923 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 5 о расширении программы обучения. Предписывалось добавить историю военного искусства, разбор истории украинской вооруженной борьбы в 1918–1920 гг. и краткий обзор Первой мировой войны, а также украинский язык, французский или немецкий языки по выбору слушателей, написание рефератов по военной психологии. Срок обучения был определен 8-месячный, исключая экзамены. Предполагалось открыть курсы в феврале 1923 г. и назвать их академическими. Перед украинским командованием тогда остро стояла задача сохранить кадры армии. И курсы могли этому способствовать. Открытие останавливали лишь финансовые проблемы. Также был запланирован второй набор в 30 слушателей. Оплата лекторам должна была составить 15 000 польских марок в месяц, кроме полекционной. Для открытия требовался миллион марок. Всего необходимо было 1 140 000 польских марок однократно и ежемесячно 1 012 000. Петлюра писал начальнику Генштаба, что главной задачей курсов было сформировать украинских офицеров-государственников, которые бы несли идею государственной дисциплины и были бы фанатичной ей преданы¹⁷⁵. Интересно, что профессиональная подготовка в этих планах роли не играла.

История 2-й очереди курсов еще менее изучена, чем история 1-й очереди. К февралю 1923 г. был составлен список из 34 кандидатов в слушатели, набранных от Генштаба (3 офицера), 1-й Запорожской дивизии (14 офицеров), 4-й Киевской стрелковой дивизии (1 офицер), 5-й Херсонской стрелковой дивизии (6 офицеров), 6-й стрелковой дивизии (8 офицеров) и от штаба тыла (2 офицера)¹⁷⁶. Впрочем, в итоговый список зачисленных вошло уже 47 офицеров (2 полковника, 3 подполковника, 27 сотников,

---

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 191об.

¹⁷⁵ САУ. І.380.7.9.

¹⁷⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 65–66.

8 поручиков и 7 хорунжих), из которых семеро были вольнослушателями¹⁷⁷. Однако во втором выпуске 1924 г. было лишь 12 человек¹⁷⁸, 8 было отчислено по болезни, 7 — в связи с отъездом за границу. Интересно, что слушатели хотели завершить свое высшее образование уже в Чехословакии¹⁷⁹.

Начальник курсов генерал Дядюша писал 13 февраля генералу Янушевскому в связи с предстоявшим открытием 2-й очереди курсов о сумбурности представлений Петлюры насчет этого проекта. По его мнению, для академических курсов у украинской военной эмиграции попросту не было преподавательского состава, так как не каждый окончивший военную академию мог преподавать. К тому же в украинской армии не было столько офицеров Генштаба, чтобы заместить все кафедры.

Дядюша скептически оценивал некоторые инициативы украинского руководства в военной области. Генерал считал, что попытка открыть военную академию — это показуха, тогда как, например, единственный обучавшийся в румынской военной академии украинский офицер сотник Я. Чайковский был брошен на произвол судьбы¹⁸⁰. При этом именно Дядюше Петлюра доверил руководство подготовкой на территории Польши кадров украинских генштабистов для будущего похода на Советскую Россию. Как говорят, головной атаман плохо разбирался в людях.

Академические курсы, по данным на 22 февраля 1923 г., насчитывали 34 слушателя, 10 офицеров, 6 лекторов и 3 казака. Из-за отсутствия денег учебный процесс не начался и в марте 1923 г. Ежемесячный расход на курсы требовал одного миллиона польских марок или 2 000 чехословацких крон¹⁸¹. По свидетельству полковника Критского, остававшегося в Калише в апреле 1923 г., уверенности в открытии новых курсов не было. Многие записавшиеся на них исчезли, а денег для открытия по-прежнему не хватало¹⁸².

Стоит отметить, что генерал Н. А. Капустянский 12 октября 1923 г. в своем письме генералу Дядюше с копией генералу Н. Е. Шаповалу прямо обвинил украинский общественный ко-

---

¹⁷⁷ Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 749–750. Неполный список с рядом неточностей опубликован в: Коляничук О. Українська військова еміграція. С. 122–123.

¹⁷⁸ САУ. I. 380.7.10.

¹⁷⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 12 об.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 84 об. — 85.

¹⁸¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 451.

¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

митет в Чехословакии и его руководителя Шаповала (брата генерала Николая Ефимовича Шаповала — Никиту) в нецелевом расходовании средств, выделенных на курсы¹⁸³.

И все же 23 мая 1923 г. было решено начать обучение. Начальником курсов по-прежнему оставался генерал Дядюша. В его обязанности помимо прочего входило еженедельное предоставление расписания лекций начальнику Генерального штаба. Заведующим учебной частью по-прежнему оставался Генштаба подполковник С. Вышемирский¹⁸⁴. Заведующим административно-управленческой частью — подполковник Д. Быстрицкий. Библиотекарем и адъютантом — сотник Шклярук. Заведующим слушателями — сотник Федоровский. Делопроизводителем хозяйственной части — административный подхорунжий Цимбал, казначеем — административный хорунжий Гринько. Должность делопроизводителя учебной части была вакантной¹⁸⁵.

Учебный план был рассчитан на 12 месяцев и включал 960 часов занятий, в том числе 240 часов выпускных экзаменов. Лекторами, по данным на 30 августа 1923 г., были 15 человек: генерал-хорунжие В. М. Куш, А. И. Удовиченко, А. С. Пороховщиков, В. Н. Петров, В. Е. Змиенко, Н. А. Капустянский, М. Д. Безручко; жена генерала Пороховщикова; подполковник В. П. Евтимович, профессор В. Прокопович (начальник культурно-просветительского управления армии УНР), военный инженер генерал-хорунжий А. И. Козьма, полковник П. А. Науменко, сотник И. Зубенко, военный инженер полковник П. М. Критский и подполковник К. К. Цурканов¹⁸⁶.

18 июля 1923 г. генерал Дядюша на нужды академических курсов получил 930 240 польских марок¹⁸⁷. По поводу финансирования

---

¹⁸³ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 20. Л. 7 об.

¹⁸⁴ По некоторым данным, позднее завучами были подполковник А. Вишневский и полковник П. Науменко (Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 121). Однако источник этих данных мне неизвестен, а в выявленных мною документах курсов об этом не упоминается.

¹⁸⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 506.

¹⁸⁶ Там же. Л. 483. На 31 января 1923 г. в списке лекторов также значился Генштаба подполковник С. Н. Вышемирский, Генштаба генерал-поручик С. И. Дядюша, подполковник А. В. Липский, генерал-поручик П. К. Ерошевич, военный прокурор полковник Т. Г. Шалаев, сотник Крушинский, генерал-хорунжий Н. Е. Шаповал, но не указан сотник Зубенко. Для зачисления в качестве лекторов предлагали по курсу военной администрации генерал-полковника А. С. Галкина и по технике артиллерии генерал-хорунжего В. М. Сварику (Там же. Л. 504).

¹⁸⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 1035. Л. 22.

новых курсов и их организации он писал переехавшему в Брест полковнику Сигареву 29 июля: «Между прочим, еще в конце прошлого года Шаповал заявил на собрании по поводу моих курсов, что Прага гарантирует ежемесячно на курсы 2 т[ысячи] корон, почему они (курсы) и предполагались к открытию, но выдав мне в январе 1 мил. марок (хотя должен был выдать 1 120 000) на первоначальные вытраты (так в документе. — *А. Г.*) в конце января заявил, что Прага отказывается давать курсам деньги, а потому он будет их субсидировать из сумм комитета, но уже только в размере 1 тыс. корон в месяц. Пришлось согласиться и на это. В мае он выдал мне 1 мил. марок (по курсу должен был дать 1 340 000), в июне дал 1 500 тыс. (курс 3 210 000). За июль еще ничего не выдал, но есть слух, что на днях даст 2 мил. и курс сейчас 4 200 тыс. Благодаря моей необычайной скаредности в расходах, я курсы пока веду, считая, что все работают даром, так как нельзя считать за вознаграждение преподавателю 5 тыс. за декаду и по 1 тыс. мар. за лекцию (здесь и далее подчеркнуто красным карандашом адресатом. — *А. Г.*) а своим урядовцам (Чиновникам (*укр.*). — *А. Г.*), по 15 тыс. в месяц, конечно, работают кое-как, но у слушателей возбужден все-таки большой интерес к знанию. Имею сейчас недурную библиотеку очень интересных книг, журнал Война и Мир Берлинский, журн. Военный Сборник Белградский, Воспоминания Лудендорфа, Воспоминания Кронпринца и т. п. Первые два журнала издания офицеров Русск[ого] Ген[ерального] штаба. Читаю их с захватывающим интересом. Сейчас на курсах сделал 2х недельные каникулы. Петров читает на курсах Администрацию, Истор[ию] Военн[ого] Искусства и тактику техники. Ждет рождения маленького провокатора. Капустянский читает у меня историю вызвольной (освободительной (*укр.*). — *А. Г.*) войны...»¹⁸⁸.

Курсы уже располагали библиотекой из 66 книг (на момент первого выпуска — 50 книг¹⁸⁹), в том числе 36 учебных пособий и восемь видов уставов¹⁹⁰. Ряд изданий был подготовлен генералом В. П. Сальским. В частности, ему принадлежали такие работы, как «Наши военные задачи на будущее и военная наука», «Восточный вопрос». В. Сигарев составил пособие «Как лучше проводить обучение стрельбе». Библиотека располагала и русским эмигрантским журналом «Война и мир», в котором печата-

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 41–41 об.

¹⁸⁹ САУ. I. 380. 7. 2. Л. 48.

¹⁹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 3. Д. 14. Л. 6–6 об., 7, 17.

лись статьи по различным вопросам военного дела. Литература для библиотеки собиралась украинскими эмигрантами из разных стран¹⁹¹.

Интересно, что выпускники украинских курсов очень быстро оказались вовлечены в политическую борьбу в эмиграции. Явным лидером первого выпуска был сотник И. М. Орел-Орленко. Он писал 28 ноября 1923 г. из Калиша о полном упадке военно-научного дела в украинской военной эмиграции, отмечал, что ни на что не хватало денег, а за новостями военной жизни и новыми достижениями никто не следил¹⁹². Примерно в это время у наиболее активных украинских военных эмигрантов возникла идея создать украинский военно-научный центр во главе с авторитетным генералом Юнаковым. Местом расположения центра должна была стать Прага как крупный учебно-научный центр Европы и один из центров украинской эмиграции. В Прагу предлагалось перевести и академические курсы из Калиша и открыть там полноценную украинскую академию Генштаба, а не ее суррогат, каким были курсы¹⁹³.

Молодые украинские курсовики явно противопоставляли себя старой национальной военной элите. Через украинского офицера Н. И. Удовиченко молодежь пыталась выйти на головного атамана С. В. Петлюру, посредством которого надеялась воздействовать на украинский общественный комитет в Праге. Молодые курсовики руководствовались слухами, что Петлюра благосклонно относился к начинаниям украинской военной молодежи¹⁹⁴.

Еще 18 июля 1923 г. выпускники курсов первой очереди А. Н. Иванов, В. Я. Шевченко и И. М. Орел-Орленко, а также полковник А. И. Кмета подписали коллективное письмо с просьбой помочь им закончить военное образование¹⁹⁵. В итоге им от Н. Е. Шаповала было обещано частичное финансирование учебы в румынской военной академии¹⁹⁶. Однако по политическим причинам командировка не состоялась.

При этом отзывы молодых амбициозных офицеров о представителях старшего поколения были в основном резко нега-

---

¹⁹¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 17.

¹⁹² Там же. Л. 59 об.

¹⁹³ Там же. Л. 70.

¹⁹⁴ Там же. Л. 82.

¹⁹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 42 об.

тивными. Тот же Орел-Орленко 16 января 1924 г. писал своему однокашнику по курсам сотнику В. Я. Шевченко: «Недавно узнал про [генерала А. П.] Грекова, что он украинец достаточно плохонький. Сейчас якшается с россиянами, а главное до сих пор даже не владеет украинским языком. Это меня чрезвычайно удивило»¹⁹⁷.

Письмо Орла-Орленко от 14 марта 1924 г. еще резче: «Стал я очень плохого мнения о наших генералах. Скажу одно, что если бы нам посчастливилось быть высшими военными специалистами, и мы в старших годах дошли бы до такого состояния, то незачем было бы и копы ломать»¹⁹⁸. Все проясняет письмо от 12 мая, еще более резко противопоставлявшее украинскую офицерскую молодежь старикам. Орел-Орленко писал, что, познакомившись ближе с генералами, он понял, что нельзя на них надеяться: «Это не военные деятели в полном понимании этого слова. Эти люди воспитаны по известным академическим трафаретам, из которых никак не могут вырваться. Когда все было гораздо налаженнее и заведено как машина, и когда сверху была хорошая палка, то они были, возможно, и хорошими машинистами, а теперь, когда машина поломана, а над ними нет никакой палки, они совсем не могут никак организовать и наладить для себя работу далее. Эти люди с психологией наемника, которого нужно нанять, заплатить, показать, что нужно делать, и тогда они начнут работать. Но даже тогда и то нужно подгонять... Единственные, к кому не относится то, что говорю, это Безручко и Сальский...»¹⁹⁹. Орел-Орленко отмечал, что генералитет занялся чистой политикой, отойдя от военного дела. «Таким образом, Сальский и Безручко еще остались два человека с чистыми руками, широким мировоззрением и чистыми намерениями», — резюмировал курсовик²⁰⁰.

Орел-Орленко отметил, что генералитет заметил активность группы молодых курсовиков во главе с ним, Шевченко и несколькими единомышленниками и стал оказывать им знаки внимания: «Что до нас, то все они видели, что мы идем вперед и что им нашего движения не остановить, а потому и начали с нами общаться и проявлять чисто внешнюю благосклонность, пытаюсь привязать к своему корыту — ввести в орбиту собственных интересов, а в действительности они не очень долюбивают нас...

---

¹⁹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 83 об.

¹⁹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹⁹ Там же. Л. 99–99 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 99 об.

мы не кланяемся им, имеем смелость не разделять их взглядов, ищем и находим пути помимо их»²⁰¹. Очевидно, молодое украинское офицерство воспринимало старые кадры негативно в связи с тем, что, по их мнению, старики были слишком прочно связаны с Россией, а не с Украиной. Таким образом, уже первый выпуск далеко не полноценных по своей подготовке генштабистов привел к поколенческому и мировоззренческому расколу украинского Генштаба.

Логичным продолжением противопоставления молодых курсовиков старым генштабистам русской школы стала идея объединения выпускников курсов. Эту идею поддерживал украинский генерал А. И. Удовиченко. Отмечалось, что из 2-й очереди курсов заслуживали внимания лишь сотники П. З. Самутин и М. М. Пиккульский (в меньшей степени).

Изначальный идейный порыв слушателей и выпускников курсов был очень велик, однако со временем стало ясно, что полученные военные знания не могут найти приложения в условиях эмигрантской жизни, в связи с чем военные вопросы вскоре отошли на второй план. В дальнейшем Орел-Орленко выдвинул идею создания украинской молодежной партии²⁰².

Занятия на курсах проходили с 9 часов утра до 12.30²⁰³. За это время проводилось четыре занятия по 45 минут с тремя 10-минутными перерывами. Занятия проводились шесть дней в неделю. Обучение велось по расширенной программе по сравнению с тем, что было на курсах 1-й очереди. Так, например, курс истории военного искусства охватывал обширный период до наполеоновских войн²⁰⁴. Была проведена 31 репетиция.

По-прежнему сохранялись острые финансовые проблемы. Видимо, в этой связи сохранившиеся документы слушателей и преподавателей написаны в основном карандашом.

19 октября 1923 г. генерал Дядюша писал полковнику Сигареву: «Курсы мои (здесь и далее подчеркнуто адресатом. — А. Г.) идут еще, но явно умирают естественной смертью от худосочия из-за недостатка лекторов. Законоведа не было совсем и только на днях нанял своего прошлогоднего слушателя младшего Науменко. Критский уехал на работы, Липский тоже, Крушинский

²⁰¹ Там же. Л. 99 об. — 100.

²⁰² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 299. Л. 5.

²⁰³ ЦДАВОУ. Ф. 3527. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. По другим данным, 8–8.45, 8.55–9.40, 9.50–10.35, 10.45–11.30, 11.40–12.25.

²⁰⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.

отказался, географию внятно по учебнику читает Евтимович. Безручко отказался, и его заменяю я, Ерошевич отказался читать статистику и даже завез (увез *укр.*). — *А. Г.*) ценную книжку том Словаря Брок[гауза] и Ефр[рона] «Россия». Удовиченко на лекции не ходит, но и не отказывается. Петров, имевший много лекций по Администрации, Военному искусству и тактике технических войск, вчера уехал с женой и сыном (два месяца тому родился у него маленький демагог) в Прагу. Искусство взял себе старший Науменко, администрацию он свой отдел (организацию) кончил, а техничные войска придется взять мне. Тоже завез (увез *укр.*). — *А. Г.*) с курсов две ценные книги по истории Украины. Капустянский, который читал историю Укр[аинской] вызвольной (освободительной *укр.*). — *А. Г.*) войны, уезжает на днях в Берлин, но говорит, что вернется.

Петров уехал демонстративно, буквально ни у кого не побывавши: ни у Удовиченко, ни у Куца, ни у меня, очевидно с [о] здешней ориентацией все рвет, тем более, что у нас ходят сплетни (здесь подчеркнуто автором. — *А. Г.*), что в Праге они (с. р.) устраивают новый центр с Шаповалами и иными, которых я не знаю... Кроме недостатка лекторов помираем и от безденежья. Курсы содержались на счет Пражск[ого] Укр[аинского] комитета. В декабре прошлого года, когда была созвана первая конференция, Шаповал при всех обещал, что Пражск[ий] комитет будет ежемесячно выплачивать 2 000 чешск. корон, причем члены конференции высказались, чтобы деньги выплачивались в коронах, на что Шаповал согласился. Фактически 1го января он выдал миллион марок (когда сам сказал, что короны по 560 м[арок]), а затем уже в мае заявил, что Прага платить отказывается и что он из средств калишского комитета будет выплачивать ежемесячно по 1 000 корон, на самом же деле в конце каждого месяца уплачивал марками по официальному курсу не более 500 корон, а если считать неофициальный, то и меньше, т[ак] ч[то] к 1 му сентября вместо 11 миллион[ов] марок он мне выдал только 5 600 000. Я, конечно, про это не распространял, но всем желающим сообщал цифровые данные. Между прочим, на Украинском съезде Капустянский, высказываясь против кандидатуры Шаповала в Комитет, упомянул и об этих деньгах. После съезда я получил от Шаповала как головы Калишск[ого] Комитета любопытную цидулу (цедулю. — *А. Г.*) сочинения Коршнівського (Коршновского. — *А. Г.*), где Шаповал, оправдываясь в своих деяниях и угрожал, что, если с курсов не прекратятся обвинения его комитета, то отпуск денег будет прекращен, я дал эту

цидулу под расписку прочитать всем лекторам, а Капустянский, против которого она и была направлена, очень корректно и объективно настукал Шаповала мордой об стол, написав в комитет ответ от своего имени. Шаповал сейчас в Праге, а его заместитель Лорченко неделю тому назад заявил мне, что ни за Сентябрь, ни за октябрь, а также и на будущее время на деньги от комитета я рассчитывать не могу, потому что ни начальство, ни курсы не заступились за Шаповала, когда его поляки выгнали из Калиша. Сказал он это случайно при Куще, тот не преминул тоже стукнуть этого остолопа мордой об стол, указав ему, если он этого не понимает сам, что образование офицеров для армии не может зависеть от обиды (зачеркнуто в документе. — А. Г.) личных неприятностей с Шаповалом, вызванных им самим. Я не знаю, отпускались ли деньги из Праги на курсы или нет, но что в последнее время у здешнего комитета расходы сильно увеличились, то это верно, так как в последнее время все верно-подданные Шаповала оделись в приличные штатские костюмы и уезжают в Прагу... естественно на курсы денег не хватило, а если бы дело шло по-честному, то я за Сентябрь бы получил 17 мил., а за Октябрь — 28 мил. марок, а вместо этого весь мой бюджет до января — оставшиеся у меня, благодаря бережливости, 2 мил. марок, т. е. 400 листов бумаги. Придется выкинуть все практические занятия и ограничиться одной теорией.

К великому сожалению, подбор слушателей в этом году очень недурной, и все очень увлекаются учением и работают добросовестно, замечается только сильно отсутствие Рыбицкого для ихнего военного воспитания...»²⁰⁵. Таким образом, положение с курсами было плачевным. Тем не менее на 20 ноября 1923 г. Петлюра считал возможным выдать курсам миллион польских марок.

Интересно, что у слушателей второй очереди создавались собственные традиции. Так, по распоряжению начальника курсов слушатели организовали суд чести из 7 человек под председательством подполковника К. К. Бахусева, успевшего проучиться как на курсах 1-й, так и на курсах 2-й очереди, но ни одни так и не окончившего²⁰⁶.

Учебный курс был завершён в апреле 1924 г., и с 8 апреля начались выпускные экзамены по девяти предметам, длившиеся целый месяц.

---

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 47–48.

²⁰⁶ САУ. I. 380.7.14.

Табл. 9. Сведения об экзаменах на 2-й очереди курсов²⁰⁷

Предмет	Дата	Экзаменаторы
Стратегия	08.04	Генерал-хорунжий Куц, генерал-поручик Дядюша, полковник Науменко
Техника штабной службы	12.04	Генерал-поручик Дядюша, генерал-хорунжий Змиенко, полковник Науменко
Тактика конницы и тактика артиллерии	15.04	Генерал-хорунжий Куц, генерал-поручик Дядюша, полковники Васильченко и А. Ю. Силин
История военного искусства	19.04	Генерал-хорунжие Куц, Безручко, полковник Науменко
Военная история	24.04	Генерал-хорунжие Куц, Змиенко, полковник Науменко
Администрация Статистика	30.04	Генерал-хорунжий Пороховщиков, полковник Науменко, подполковник Евтимович
Инженерное дело	03.05	Генерал-поручик Дядюша, генерал-хорунжий Козьма, сотник Науменко
Законоведение	06.05	Генерал-поручик Дядюша, полковник Науменко, сотник Науменко
География Украины	08.05	Полковник Науменко, подполковник Евтимович, сотник Науменко

При том, что учебный курс был достаточно длительным, на курсах обучалось незначительное число слушателей. В мае 1924 г. 12 выпускникам были выданы свидетельства об окончании курсов и предписания прибыть в распоряжение начальника Генштаба для распределения по частям. Согласно статье 37 Положения о курсах, все выпускники, успешно окончившие курсы, имели право по согласованию с начальником Генштаба быть назначенными на должности Генштаба в армии УНР²⁰⁸. К концу лета 1924 г. лагеря интернированных в Польше были ликвидированы²⁰⁹, в результате второй выпуск курсов стал последним. Армия УНР к этому времени также уже стала достоянием истории, поэтому в дальнейшем выпускники курсов, разумеется, не несли службу Генерального штаба, а работали

²⁰⁷ ЦДАВОУ. Ф. 3527. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁰⁸ САУ. I.380.2.230. Л. 144.

²⁰⁹ Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees. P. 160.

в различных организациях украинского центрального комитета в Польше.

Еще одним способом подготовки национальных кадров генштабистов была отправка украинских офицеров на учебу в иностранные военные академии. Прежде всего речь шла о военно-учебных заведениях Польши и Румынии. Видимо, самым первым на учебу в Высшую военную школу Румынии был направлен летом—осенью 1920 г. сотник Я. Чайковский — выходец из Бессарабии, имевший все основания получить румынское гражданство, но не использовавший эту возможность.

Чайковского поначалу принимали как дорогого гостя, представителя союзной державы. Он был представлен военному министру Румынии, начальнику Генерального штаба и начальнику школы. Чайковский был первым иностранным слушателем румынской военной академии²¹⁰. Своему украинскому начальству Чайковский докладывал о хорошей постановке учебного процесса. По его свидетельству, лекции в школе шли через день, давался свободный день для подготовки, к тому же в ходе лекций не пересказывались учебники, а лишь пояснялись. В лекционные дни на классные занятия давалось четыре часа. После обеда лекций уже не было, слушатели занимались верховой ездой, фехтованием и практическими занятиями. Чайковского поражало то, что в академии обучали владеть автомобилем, мотоциклом и самолетом, «чтобы подготовить не тепличного, а полевого офицера Генштаба»²¹¹. Однокашниками Чайковского были капитаны и майоры румынской армии. По состоянию на ноябрь 1920 г. румыны ждали прибытия второго украинского слушателя.

При этом, по мнению Чайковского, румыны копировали систему подготовки французской высшей военной школы, «двери которой для нас вряд ли скоро откроются»²¹². Учебный процесс в школе см. в табл. 10.

Последние два предмета в академии появились только в 1920 г.

Чайковского всячески поддерживали украинские представители в Румынии. Генерал-поручик С. Н. Дельвиг, глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии, писал начальнику Генштаба 5 ноября 1920 г. о чрезвычайной важности для молодой украинской армии командирования офицеров в румынскую академию.

---

²¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 26.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. Л. 26 об.

Табл. 10. Учебный план румынской Высшей военной школы

Предмет	Лекций
Служба Генерального штаба	35
Тактика пехоты	65
Тактика конницы	15
Тактика артиллерии	30
Военная история	95
Фортификация	30
Оружие	30
Военная администрация	15
Санитарная служба	15
Организация	20
Мобилизация	20
Топография	20
Прикладные знания	20
Всеобщая история	20
Всеобщая география	20
Политэкономия	10
Науки политические и социальные	10
Аэронавтика	20
Стенография	20
Болгарский язык	65

11 июля 1922 г. Чайковский писал Дельвигу о финансовых трудностях, просил решить вопрос с дальнейшим финансированием его обучения, так как миссия ликвидировала свои финансовые дела и сама находилась в тяжелом материальном положении²¹³. На сентябрь 1922 г. Чайковский обучался на третьем курсе академии, получал стипендию от посольства УНР, а когда денег не стало, начал выходить из положения самостоятельно²¹⁴. Материальные условия Чайковского с пре-

²¹³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 103. Л. 2; Д. 298а. Л. 27.

²¹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 3 об.

крашением украинского финансирования в 1922 г. резко ухудшились, не спасало даже наличие родственников в Бессарабии, к которым Чайковский приезжал в период обучения²¹⁵. Приходилось подрабатывать переводами, работать в бессарабском кооперативе²¹⁶. Совмещать учебу с работой было практически невозможно. Несмотря на материальные и моральные трудности, Чайковский окончил академию по первому разряду. По мнению генерала Янушевского, украинские власти просто бросили Чайковского, хорошо учившегося в академии, на произвол судьбы²¹⁷.

Затем Чайковский отбывал годичный стаж при 1-м тяжелом артиллерийском полку, в котором командовал дивизионом. Как отмечал он сам, денег не хватало катастрофически, но офицер держался, как мог²¹⁸. Перспективным для молодого офицера было получение румынского гражданства.

На параде 17 мая 1923 г. начальник румынской академии будто бы заявил Чайковскому: «Давайте, давайте своих офицеров», имея в виду украинцев²¹⁹. К тому же иностранцев в академию принимали без экзаменов в расчете на их подготовленность. Впрочем, уже 16 октября 1923 г. Чайковский был арестован²²⁰.

Много лет спустя, в мае 1940 г., генерал Дельвиг сообщил в письме генералу В. Н. Петрову подробности румынской одиссеи Чайковского. Украинская миссия в Бухаресте потратила на его обучение последние имевшиеся средства. Хорошим было отношение и со стороны румынских властей. Однако академик не оправдал возлагавшихся на него румынами и украинцами надежд.

После окончания академии Чайковский получил право отбыть ценз командования артиллерийским дивизионом в Бухаресте. К этому времени Чайковский стал большевистским информатором и осведомлял советских представителей как о положении украинской военной эмиграции, так и о состоянии румынской армии, которую прекрасно изучил изнутри (также его обвиняли в работе на Болгарию). Когда это выяснилось, супруга Чайковского (в прошлом, народница и сестра милосердия в России) вы-

---

²¹⁵ Там же. Л. 25 об.

²¹⁶ Там же. Л. 32 об.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Ч. 2. Л. 85.

²¹⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 27 об.

²¹⁹ Там же. Л. 31.

²²⁰ Там же. Л. 61 об.

бросилась из окна, а сам он был осужден на семь лет тюремного заключения. Генерал Дельвиг считал, что на месте румынских властей Чайковского следовало казнить²²¹.

В феврале 1921 г. румыны выделили украинским офицерам одну вакансию в Высшей военной школе²²². Проблема заключалась в том, что украинские офицеры, как правило, не знали румынского языка. На вакансию претендовали хорунжий Маковский, сотники Козловский и Чорний-Лучко и некоторые другие украинские офицеры.

В 1923 г. Высшая военная школа Румынии предоставила для украинских офицеров уже четыре учебных вакансии, за которые среди ветеранов украинской армии развернулась борьба²²³. Румынские власти даже разрешали слушателям прослужить один год в румынской армии, в одном из лучших гарнизонов города Питемри, для знакомства с румынскими Вооруженными Силами²²⁴. На учебу хотели отправиться полковник А. И. Кмета, сотники И. Якимчук и И. Яворский. Однако румыны были готовы обучать украинских офицеров за их же счет²²⁵. Таких возможностей ни у самих претендентов, ни у украинского эмигрантского руководства не было, поэтому кандидатам пришлось ограничиться обучением на украинских курсах.

Вполне возможно, что сотник Чайковский в итоге оказался единственным украинским выпускником румынской академии. Во всяком случае, документально известно, что два года в румынскую академию украинских офицеров не отправляли, а в 1923 г. румыны начали переговоры с СССР, в результате чего обучение украинских антибольшевистских кадров стало нежелательным, и, как свидетельствовал украинский посол в Румынии К. А. Мациевич, последовал вежливый отказ под предлогом отсутствия вакансий²²⁶. Безусловно, свою роль в отказе украинцам сыграл и шпионский скандал с Чайковским, от которого, таким образом, большевики получили двойную выгоду. Сохранились свидетельства о том, что в румынскую академию в 1929 г. пытались попасть сотники Шевченко, Орел-Орленко, Иванов, подполковник Кмета²²⁷. Вопрос курировал генерал Юнаков, но, похоже, офицеры

---

²²¹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 44–44 об.

²²² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.

²²³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 123.

²²⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 26 об.

²²⁵ Там же. Л. 15.

²²⁶ Там же. Л. 51.

²²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 355. Л. 101.

вновь не добились своего, в том числе из-за дороговизны виз. На этом эпопея с украинцами в румынской академии, судя по известным мне документальным материалам, завершилась.

В октябре 1922 г. чехословацкое правительство собиралось принять в свою академию десять украинских офицеров²²⁸. Содействие украинцам в этом вопросе был готов оказать бывший русский генерал В. Н. Шокоров, поступивший на военную службу в Чехословакии²²⁹. Также для украинских офицеров существовала возможность учиться в итальянской и французской военных академиях.

Подготовка украинских офицеров в польской военной академии была сопряжена со своими трудностями. Вопрос был инициирован в 1926 г. военным министром УНР генералом В. П. Сальским. В среде украинской военной эмиграции из числа членов товарищества бывших воинов армии УНР нашлось десять кандидатов на обучение (поручик Абрамович, генерал-хорунжий А. Д. Алмазов, сотник И. Зварийчук, сотник А. Н. Иванов, полковник А. И. Кмета, сотник А. П. Костюченко, сотник К. В. Реутов, поручик Скубий, полковник В. З. Филонович, сотник В. Я. Шевченко, подполковник В. Ф. Прохода первоначально согласился, но впоследствии отказался)²³⁰. Как видим, имена некоторых претендентов с годами не менялись (к тому же Иванов, Кмета, Костюченко, Реутов и Шевченко были слушателями и выпускниками калишских курсов), что свидетельствует как о небольшом количестве украинских офицеров-эмигрантов, стремившихся к получению высшего военного образования, так и о том, что ранее этот вопрос в отношении этих лиц решен не был.

После того, как в мае 1926 г. был убит С. В. Петлора, генерал Сальский занялся проверкой кандидатов с точки зрения лояльности идеалам украинского национализма²³¹. Дело в том, что именно кандидаты покойного головного атамана нередко оказывались выбранны с этих позиций крайне неудачно. Так, обучавшийся в Румынии сотник Чайковский оказался советским агентом, а выпускник калишских курсов И. М. Орел-Орленко стал сменовеховцем.

В 1927 г. Сальский добился разрешения украинским офицерам обучаться в Высшей военной школе в Варшаве. Предполагалось отправлять на учебу младших офицеров в чине до сотника вклю-

---

²²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 9 об.

²²⁹ Там же. Л. 51.

²³⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 228, 229 об.

²³¹ Там же. Л. 239.

чительно. В дальнейшем они должны были служить в польской армии по контракту²³². Наиболее активно подготовка поляками бывших украинских офицеров велась в начале 1930-х гг. Осенью 1931 г. в академию поступили сотники армии УНР (майоры польской армии) А. Валийский и П. Самутин²³³. Формально эти офицеры (окончили академию в 1933 г.) уже находились на польской военной службе, хотя и должны были регулярно отчитываться перед генералом Сальским. Также в Высшей военной школе обучались и другие украинские офицеры: генерал-хорунжий (подполковник польской армии) П. Ф. Шандрук (1936–1938), полковники (майоры) П. Г. Дьяченко (1932–1934) и В. Малец (Мальцов) (1934–1936), сотник (майор) Н. Палиенко (1932–1934), сотник (ротмистр) И. Зварийчук (обучался в 1938), поручик В. Татарский (1937–1939)²³⁴. Всего через обучение в Высшей военной школе к 1939 г. прошли восемь украинских офицеров. Практически все они (о Зварийчуке данных обнаружить не удалось) в годы Второй мировой войны служили в дивизии СС «Галичина» или в других нацистских формированиях. Готовившие их поляки явно не преследовали цели поставлять Гитлеру квалифицированных командиров. Кроме украинцев в межвоенный период обучение в академии проходила целая группа грузинских офицеров. Переподготовка поляками украинских и грузинских офицерских кадров логично встраивалась в антироссийскую идеологию прометеизма Ю. Пилсудского, направленную на расчленение СССР путем поддержки националистических движений нерусских народов СССР²³⁵.

* * *

История подготовки украинских кадров Генштаба в эпоху Гражданской войны и в эмиграции чрезвычайно интересна. В са-

²³² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 352. Л. 26.

²³³ Подробнее см.: Самутин П. Польська Вища Військова Школа // Вісті комбатанта (Нью-Йорк). 1964. № 4. С. 15–21; 1965. № 1. С. 24–31.

²³⁴ В работе А. Колянчука (Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 173–175) приведены неточные данные по этому вопросу, более достоверные сведения (в т. ч. списки всех выпускников) содержатся в специализированном справочнике о выпускниках польской Высшей военной школы (Stawewski P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1997. S. 117).

²³⁵ Подробнее см.: Симонова Т. М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–64.

мый сложный период Гражданской войны 1917–1920 гг., когда квалифицированные генштабисты были особенно необходимы украинскому руководству, их подготовка по разным причинам, несмотря на целый ряд достаточно серьезных попыток, так и не была организована. Тем не менее за эти годы в украинском военно-политическом руководстве сложилось примерное понимание того, какие специалисты нужны украинской армии и какой объем подготовки будет для них достаточен. Были разработаны различные варианты подготовки кадров Генштаба.

Однако головной атаман С. В. Петлюра плохо разбирался в людях и еще хуже — в специальных военных вопросах. Украинские курсы Генштаба или даже национальная академия Генштаба для него и его окружения являлись, в первую очередь, необходимым атрибутом полноценного национального государства и полноценной армии, а уже во вторую очередь имело значение качество подготовки и подлинная необходимость подобных излишеств в не представлявшей собой большой силы украинской армии. На всем протяжении 1919–1921 гг., когда вопрос открытия украинского высшего военно-учебного заведения активно обсуждался с участием самого Петлюры, головной атаман мечтал о скорейшем начале подготовки национальных военных кадров Генштаба. Парадокс в том, что реальная подготовка кадров была начата тогда, когда острой потребности в них украинская армия уже не испытывала, поскольку не вела никаких боевых действий, а находилась в лагерях интернированных на территории Польши.

Опыт работы курсов в Калише достаточно показателен, причем не только с точки зрения того, как можно готовить специалистов Генштаба в экстремальных условиях беженского лагеря при минимуме средств и возможностей. Украинские политические деятели в первые годы эмиграции не оставляли реваншистских планов и стремились в сжатые сроки подготовить достаточное количество специалистов Генерального штаба для нового похода на Советскую Россию. Эти кадры должны были быть национально ориентированными. Однако краеугольным камнем всего украинского военного строительства эпохи Гражданской войны была его опора на офицерство старой русской армии (т. н. «фахівців», или специалистов), которое далеко не всегда разделяло взгляды украинских националистов. Именно старые русские генштабисты вели подготовку кадров Генштаба в калишском лагере, что не могло не накладывать свой отпечаток и на взгляды слушателей.

Работа курсов показала, что в среде украинского офицерства нет должного единства. Уже первые выпускники стали противопоставлять себя старым офицерам, прежде всего, по вопросу национальной ориентации, так как считали старшее поколение недостаточно украинизированным. Положение офицеров старшего поколения было незавидным. Многие представители этой категории несли украинскую военную службу вполне добросовестно, однако в ответ сталкивались с недоверием и неприязнью националистически настроенной молодежи. То, что все эти проблемы активно проявлялись в период интернирования украинских войск, говорит об их наличии в украинской армии и во время Гражданской войны. Подобные противоречия отражали слабые стороны украинского военного строительства.

Опыт подготовки кадров Генштаба на польской территории наглядно продемонстрировал и то, что украинская политическая элита слабо разбиралась в военных вопросах и плохо ориентировалась в политической ситуации. Фактически наспех подготовленные кадры Генштаба оказались невостребованными, поскольку украинцы просто не имели достаточных сил и возможностей для развертывания новой борьбы с большевиками. Число сторонников такой борьбы постоянно уменьшалось. Новый поход украинских войск на Советскую Россию в первой половине 1920-х гг. был бы авантюрой и не состоялся по целому ряду причин. Точно так же, как не состоялся аналогичный поход эмигрировавших участников Белого движения. По сути, калишские курсы лишь дали возможность группе украинских офицеров с пользой для себя скоротать время однообразной жизни в лагерях интернированных на чужбине.

Действительно стремившихся к военным знаниям украинских офицеров было крайне мало. Анализ попыток подготовки украинских кадров Генштаба в зарубежных военных академиях свидетельствует о том, что на протяжении 1920-х — 1930-х гг. получить высшее военное образование пытались буквально одни и те же люди. Фактически речь идет лишь о нескольких десятках наиболее активных украинских офицеров из всей украинской эмиграции. Нельзя не отметить, что те из них, кто сумел добиться желаемого, не нашли в дальнейшем применения своим знаниям на украинской почве, а оказались вовлечены в события Второй мировой войны на стороне и в интересах нацистской Германии.

ЮРИЙ БАХУРИН

СОВЕТСКИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВЕДЕНИЮ ВОЙНЫ В ЗИМНИХ
УСЛОВИЯХ (1941–1945 гг.)¹

Принято считать, что зима 1941 г. стала важным фактором срыва ведения войны нацистской Германией против СССР. При этом события последующих кампаний служили тому подтверждением. Боевые действия «в условиях грязи и зимы»² (по определению генерал-инспектора танковых войск Германии Хайнца Гудериана) подчас оборачивались катастрофой даже для вершин немецкой военно-технической мысли, а для солдат вермахта приходилось собирать в тылу теплые вещи вплоть до дамских шуб и муфт. С другой стороны, северный климат не воспрепятствовал захвату Дании и Норвегии в ходе операции «Везерюбунг» в 1940 г. С третьей — и немцам, и американцам пришлось непросто в Арденнах на рубеже 1944–1945 гг. Однако комплексного изучения боевых действий в зимних условиях в годы Второй мировой войны до сих пор не проводилось.

Аналогичная историографическая ситуация сложилась и в изучении отечественного военного изобретательства в 1941–1945 гг. Данная проблематика весьма специфична. Военное изобретательство — это по сути документированная история несуществующего оружия и сражений, которых не было. Великое

---

¹ Исследование осуществлено при поддержке компании Wargaming.net. Благодарю моих друзей и коллег Д. В. Шеина, Ю. И. Пашолока, В. А. Мосунова за неоценимую помощь, оказанную в работе.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 94. Л. 33.

множество проектов военной техники, вооружения, тактических предложений осталось на бумаге ввиду своего несовершенства. Они в буквальном смысле оказались «вещами в себе», до последнего времени почти не привлекая внимания исследователей.

Таким образом, настоящая работа представляет собой первую в отечественной историографии попытку аналитического обзора военно-технических предложений, созданных в Советском Союзе накануне и в годы Великой Отечественной войны. Опорой в ходе неё послужили источники, отложившиеся в архивных хранилищах, главным образом Центральном архиве Министерства обороны РФ. Большинство из них впервые вводится в научный оборот.

Следует отметить, что идеи применительно к боевым действиям зимой высказывались еще в 1914–1918 гг. Но тогда они не были столь актуальными. Автору этих строк в ходе исследования военного изобретательства в Первую мировую войну³ встретилось считанное количество подобных документов: предложение некоего Иванова-Дымчука — «моторная лыжа», лыжи для автомобилей от заработавшего известность своим «Вездеходом» А. Пороховщикова и «самодвижущийся лыжный боевой аппарат для разрушения проволочных заграждений», изобретение С. А. Ощевского-Круглика⁴.

Важнейший импульс военному изобретательству в этом отношении придала советско-финская война 1939–1940 гг., проходившая в сложнейших климатических условиях. Вдобавок назначенный вскоре на должность народного комиссара обороны маршал С. К. Тимошенко нашел работу отдела изобретений при НКО неудовлетворительной. В акте приемки отмечалось, что он оторван от управлений армии, а работа отдела ограничивается рассмотрением изобретений без их внедрения⁵.

Поскольку исследуемые предложения поступали в НКО независимо друг от друга, выстраивание их в хронологической последовательности является здесь не всегда удобным. Более приемлем тематический принцип рубрикации, тем более что из массы источников складываются комплексы материалов по каждому направлению деятельности изобретателей. Следуя от простого —

---

³ Подробнее см.: Бахурин Ю. А. Бестиарий Великой войны: Неизвестные военно-технические проекты Российской империи // Родина. 2014. № 8. С. 42–46.

⁴ См.: РГВИА. Ф. 13251. Оп. 4. Д. 453, 561, 562.

⁵ См.: 1941 год: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова. М., 1998. С. 631.

к сложному, оправдан начать обзор с приспособлений для перевозки грузов, исторически предшествовавших саням.

14 марта 1942 г. майор Н. Д. Логвинов из Алексиково Сталинградской обл. направил в отдел изобретений Главного автобронетанкового управления Красной армии (ОИ ГАБТУ КА) письмо с изложением проекта «Помощи пехоты танкам». Его идея заключалась в сборке бронированных повозок, оснащенных аппаратами подобно десантным катерам. Пара таких бортов, вместимостью до 20 человек каждый, должна была буксироваться танками по снежному покрову. В нужный момент пехота могла бы вступить в бой, действовать совместно с бронетехникой, оказывая ей поддержку⁶.

В ноябре того же года военный инженер 3 ранга завода № 183 Барабаш предложил создать и испытать «волокушку». Речь шла о повозке из листовой стали, крепящейся тросами к корме танка, в которой могла бы транспортироваться пехота. Барабаш настоятельно предлагал испытать его задумку в боевых условиях, обеспечив «волокушками» одну из гвардейских пехотных частей. Однако специалисты ГАБТУ уведомили его, что такое устройство давно создано и применялось еще в боях против белофиннов⁷. Налицо ситуация повторного спонтанного изобретения. Сами по себе они не являются феноменом. Повторяемость, то есть явление повторных независимых открытий и предложений, наблюдалась в быту и науке еще с древности. Причем с течением времени их частота увеличивалась, а на сегодняшний день только 58 % технических предложений остаются уникальными⁸. Повторяемость повторно-спонтанных идей является результатом непреднамеренно сложившихся схожих условий — именно таковые наблюдались в годы советско-финской и Великой Отечественной войн.

Не меньший интерес изобретателей привлекали конструкции индивидуальных транспортных средств для передвижения по заснеженной местности. Несколько предложений такого рода были посвящены моторизованным лыжам. В августе 1942 г. в НКО из Бюро по делам изобретательства и рационализации при штабе Закавказского фронта поступил проект политука Г. С. Ломинадзе. Тот предлагал к созданию бронированную автолыжу.

---

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1065. Л. 1–2.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 113. Л. 6.

⁸ Новиков А. С. Научные открытия: повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые. М., 2003. С. 30.

На широкую лыжу из десятислойной фанеры, с прорезью вдоль продольной оси под гусеницу, устанавливалась легкобронированная кабина⁹. Боец должен был иметь возможность вести огонь через амбразуру, одновременно управляя автолыжей. Последнее вызвало сомнения Отдела изобретений ГАБТУ. Предложение Ломинадзе было отклонено.

Еще ранее, в мае 1941 г., наркому Тимошенко адресовал письмо сантехник из Харькова Хрисанф Слепцов. Он предлагал конструкцию из трех лыж — управляемой передней и двух задних. Мотоциклетный двигатель, соединенный цепью Галля с ведущим шипованным колесом, должен был приводить мотолыжи в движение. Вооружить их Слепцов предлагал пулеметом Максима, установленным на передней вилке. Текст письма был написан карандашом на фрагментах писчей бумаги, с нетвердой орфографией: «Скорость хода мотолыжей ровняется мотоциклу»¹⁰. Тем не менее оно было передано в НИИ инженерной техники РККА, оттуда — в Отдел изобретений ГАБТУ, и внимательно проанализировано. Официальный ответ автору содержал недостатки его проекта и отказ в реализации. Слепцов остался недоволен таким результатом. За день до начала Великой Отечественной войны он написал второе письмо, выдержанное в той же экспрессивной манере. Изобретатель просил дать его идее ход и вызвать его в Москву для руководства работами. Невзирая на сложнейшую обстановку начального периода войны, специалисты ГАБТУ не оставили без внимания и это сообщение.

Наряду с моторизованными лыжами, отдельную группу проектов составляют варианты аэросаней. Различия между ними подчас заключались в избранном автором двигателе. Например, механик К. А. Галкин в феврале 1941 г. взял за основу велосипед. Автор стремился компенсировать такой недостаток этого транспортного средства, как сезонность: «Аэрэтка К-1 представляет собой небольшие крытые аэросани удобообтекаемой формы, приводящиеся в движение ножным приводом»¹¹. Помимо боковых полозьев, днище корпуса само по себе должно было служить лыжей — тем самым уменьшалось давление на снежный покров. Все скользящие поверхности следовало армировать стальными полосами. Галкин предусмотрел и освещение пути, чему должно было служить велосипедное динамо. Как и в случае с идеей

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1069. Л. 3.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1689. Л. 3 об.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 385. Л. 4.

Слепцова, его проект был отклонен, что лишь вдохновило автора на новые расчеты. В ноябре 1941 г. лейтенант танковых войск А. П. Кузнецов изложил в письме в НКО СССР замысел полноценного «лыжного велосипеда»: комбинация колес с парными полозьями была призвана симитировать движение «по принципу ногопереступательного или лыжного (что по существу одно и то же) хода»¹². Начало 1942 г. ознаменовалось для ОИ ГАБТУ КА предложением коллектива рабочих машиностроительного завода № 67 им. Тимошенко в Москве С. С. Оленина, Г. П. Гавердова и А. М. Масленникова — «Снежным истребителем С. И.-1». Обшитый 3-мм сталью корпус обтекаемой формы должен был скользить по снежному насту со скоростью до 100 км / ч благодаря лишь мускульной силе водителя. «Снежный истребитель» планировалось вооружить огнеметом и использовать для уничтожения механизированных колонн, ДОТов и ДЗОТов противника¹³. Победной весной 1945 г. свой проект механических лыж разработал слесарь К. М. Клабуков, шагнув дальше предшественников: «...И прошу сделать роздвижные крылья, чтобы в любую минуту неудобные места мог перелететь»¹⁴.

Итог экспертной оценки этих предложений был неутешителен одинаково, как и причина — физической силы самих изобретателей не хватило бы для сколь-нибудь продолжительного движения их детищ. Но не меньшее внимание энтузиасты уделяли моторизованным саням. Инженер-конструктор В. И. Локай в декабре 1942 г. выдвинул предложение бронированных мотоциклов. Автор рассуждал, что зимой массовое использование мотоциклов и бронетехники осложняется, тогда как аэросани слабо защищены и выдают свое местоположение шумом двигателей и винтов. Выход виделся Локаю в сочетании преимуществ этих видов машин: защищенном корпусе с низким силуэтом, установленном на лыжи. Заброневое пространство отводилось под силовую установку и двоих стрелков по обе стороны от нее в положении лежа¹⁵. Мотоциклетный двигатель мог быть заменен педальным ножным приводом либо пневматикой — для преодоления коротких дистанций при прорыве фронта. Это предложение несколько опередили инженеры Невьянского машиностроительного завода А. В. Кузнецов и П. Г. Альп, в феврале 1942 г. адресовавшие

---

¹² ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 963. Л. 3.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1347. Л. 4.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 792. Л. 2.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1067. Л. 2.

непосредственно Сталину проект со звучным заглавием: «Саламандра против фашизма». Образность названия объяснялась авторами в первых же строках письма: «Саламандра — животное, которое имеет свойства принимать окраску под цвет окружающей его среды, ядовитое, внезапно нападает на свою жертву и бесшумно подкрадывается к ней, низкое, но длинное по форме»¹⁶. Бронированный корпус на двух парах лыж должен был вмещать в себя одного красноармейца, способного вести огонь из пулемета. Аэросани также планировалось оснастить направляющими для запуска реактивных снарядов. Подобное вооружение впоследствии прославило одно из подразделений британской армии — батальон С Колдстримской гвардии, в котором танки Sherman Firefly несли пусковые установки 76-мм ракет¹⁷. Тогда эту идею в ОИ ГАБТУ КА сочли бесперспективной.

Месяц спустя после начала Великой Отечественной войны в НКО поступило предложение инженера А. С. Грандилевского под названием «зимний рейдер». Автор не вдавался в описание тактико-технических характеристик машины, но ее конструкция в целом была схожа с проектом Локая. Качественные отличия заключались в: потенциальной способности «зимних рейдеров» к прыжку после набора скорости; приспособлении для создания снежной завесы, подобной дымовой; вспомогательных ракетных двигателях и аппарате для выброса сигнальных ракет. «Я пришел к убеждению, что в зимних условиях боевой борьбы в озерном крае (северные районы и финский плацдарм) соединения предлагаемых мною машин обеспечат разгром врага» — писал Грандилевский¹⁸.

К тому же комплексу технических предложений относится и проект москвича В. В. Морозова, датируемый сентябрем 1941 г., хотя сам автор возражал против такого обобщения: «Снежный глассер не может быть приравнен к неуклюжим аэросаням»¹⁹. Он предлагал «использовать хорошо-обтекаемую, обладающую хорошими аэро-динамическими свойствами крыло-параболу, поставив ее на лыжи и вооружить пулеметами и гранатометными гнездами»²⁰. Приводить снежный глассер в движение мог бы мотор, снятый с автомобиля ГАЗ. Морозов перечислял преимущества

---

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 957. Л. 2.

¹⁷ Fletcher D. Sherman Firefly. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2008.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 473. Л. 1, 2 об.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1229. Л. 5.

²⁰ Там же.

своей идеи — простоту конструкции, постройки и эксплуатации, однако не потрудился подготовить ее чертеж. Письмо его началось словами: «Наступает знаменитая русская зима...».

20 января 1944 г. в отделе изобретений НКО было получено письмо Д. Н. Галагана — изобретателя, предложившего свой вариант аэросаней: «Авто-лошадь». В их конструкции два кузова с полозьями были соединены и отсутствовал пропеллер на корме. Галаган предпочел ему снабженные лопастями гребные колеса, размещавшиеся по бортам саней²¹.

Пульс военного изобретательства продолжал биться и в блокадном Ленинграде. Там большинство предложений направлялось в НИИ-49, созданный на основе оставшейся в Ленинграде части Остехбюро при научно-техническом отделе ВСНХ. 13 февраля 1942 г. старший инженер НИИ-49 П. Н. Глухов представил главному инженеру свое изобретение: «Морозный снаряд для создания низкой температуры». Идея Глухова заключалась в кратковременном значительном понижении температуры среды (до -50°) на узком участке фронта, обороняемом противником. Оно должно было служить подготовке прорыва частями Красной армии. «Создание искусственно в течение короткого времени такой низкой температуры на укрепленной оборонительной полосе врага выведет из строя его огневые средства, обычно отказывающие при работе при столь низкой температуре, выведет из строя, обморозит живую силу врага, т. к. морозный воздух, проникая в щели и блиндажи, обморозит живую силу врага, окажется для немцев более губительным и действительным, чем осколки снарядов, подавит врага психически и деморализует» — писал Глухов²². Техническая сторона идеи заключалась в создании и применении снарядов со сжиженным диоксидом углерода в качестве хладореагента. Испаряясь, углекислота должна была кристаллизоваться в виде «сухого льда». Автор признавался в недостаточной разработке предложения ввиду собственной некомпетентности в вопросе.

1 января 1942 г. командующий 371-й стрелковой дивизией генерал-майор Ф. В. Чернышев адресовал непосредственно Сталину письмо с изложением идеи «Зимнего танка “Гигант”». Отмечая моральную подавленность войск противника после контрнаступления под Москвой, автор призывал: «...Умножить этот страх, довести немца до состояния, когда каждый куст, пень и чучело

---

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 386. Л. 2–5.

²² ЦГАИИПД СПб. Ф. 25. Оп. 12. Д. 38. Л. 73–74.

ему будет казаться за русского солдата, за танк или пушку»²³. Послужить этой цели должна была военная хитрость — макет тяжелых танков КВ-1 или КВ-2, либо среднего танка Т-34, выполненный из древесины и вдобавок увеличенный вдвое. Его следовало покрасить в белый цвет и поставить на ход — шасси танка Т-60, аэросани или полозья обычных крестьянских саней. Наряду с ложным вооружением, макет оснащался 50-мм минометом с огневым расчетом из двух красноармейцев. Генерал-майор Чернышев предлагал использовать зимние танки «Гигант» на второстепенных направлениях атаки в боевых порядках настоящей бронетехники. Тем самым достигалось бы рассредоточение огня вражеской артиллерии и у него формировалось ложное представление о количестве советской бронетехники в бою. Интересно отметить, что автор предвосхитил идею дезинформации противника надувными танками, два года спустя реализованную союзниками в ходе операции Fortitude («Стойкость») в рамках подготовки высадки в Нормандии.

20 ноября 1942 г. в приемную Бюро по делам изобретательства НКО поступило письмо старшего лейтенанта Е. К. Мелентьева из 989-го легкого бомбардировочного авиационного полка. Автор признавался, что заметка готовилась им наспех и он не искушен в военном искусстве, но очень интересуется техникой. Затем Мелентьев переходил к делу: «Одним из факторов, которые могут влиять на выработку тактики и имеющиеся в наших условиях, это: холодная русская зима и длинная холодная зимняя ночь»²⁴. Следовало выработать особую тактику действий в такой обстановке. В ее основу автор закладывал ведение боевых действий исключительно в ночное время суток. Обескровленные части к рассвету должны были сменяться резервами. Главной их задачей Мелентьев видел окружение противника: «Ночью сделать [это] очень легко» — рассуждал он. Залогом успеха таких ночных атак автор считал маскировку. Окопы по возможности следовало покрывать белой материей, бойцов в них одеть в маскхалаты, отопление невысоких палаток белого цвета производить некими химическими грелками, но никак не топкой печей: ведь дым демаскирует их. При этом Мелентьев выделял в отдельный пункт акции устрашения противника: «Ночью применять в массовом количестве шумовые психические инструменты как неподвижные,

---

²³ Цит. по: «Это то, что наболело, что просится наружу». Письма И. В. Сталину. 1941–1942 гг. // Исторический архив. 2005. № 2. С. 14–16.

²⁴ Цит. по: ЦАМО РФ. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 17. Л. 145.

так и перевозимые (радиопродукторы, трещотки и т. д.)»²⁵. Наконец, координацию действий в условиях совершенной маскировки он предлагал осуществлять с помощью некоей комбинированной радиосветовой связи. Связисты в барражирующих над участком наступления самолетах должны были считывать и передавать в штаб кодовые сообщения, транслируемые мигающими лампами на шестах при каждой части. На протяжении светового дня укрытием для сил Красной армии должен был служить лес — видимо, подразумевалось его безусловное наличие на театре военных действий.

Воентехник 2 ранга Золотилев обращал внимание НКО на проблемы логистики: «Совершенно необходимо отказаться от тактики продолжительных действий по болотам и малопродолжимым местам. <...> Занять пути сообщения, выбить их из рук противника, пусть немец строит настилы и мучается со своей техникой в болотах. Это особенно выгодно в осенне-зимний период»²⁶. Он предлагал устраивать ледяные дороги, подходящие для проезда колесных машин и танков.

Однако наиболее поражающая воображение тактическая идея применения бронетехники в зимних условиях была предложена еще до начала Великой Отечественной войны — весной 1941 г. Необычно само ее происхождение: бумаги по делу поступили в Генеральный штаб из Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей. Автором значился заключенный Отдельного лагерного пункта № 4 «Инвалидный городок» инженер Евсей Львович Зелинский. Название его оборонного предложения гласило: «Использование ледохода для организации танкового похода в глубокие тылы противника, путем маскировки танков в льдинах ледохода»²⁷. Зелинский предлагал ни много ни мало помещать боевые машины в гигантские кристаллы льда, оснащая последние гребными винтами, получающими крутящий момент от самих танков (т. е. их двигатели должны были работать внутри искусственных айсбергов!). Поскольку в период ледохода на реках отсутствует навигация и невозможно использование танков-амфибий, доказывал Зелинский, льдинам с техникой не возникнет преград, кроме естественных. «Заведомо зная, что в льдинах ледохода идут танки, противник не сможет ведь организовать сплошного артиллерийского разстрела всего ледохода» — писал

²⁵ Там же. Л. 145 об.

²⁶ Там же. Л. 292.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 654. Л. 3.

автор. К сожалению, отзыва военных инженеров Бюро по делам изобретательства НКО на предложение Зелинского не сохранилось. Судьба самого изобретателя также неизвестна.

Чем интересны и полезны представленные военно-технические предложения? Перевод их в практическую плоскость и оценка с утилитарных позиций вероятнее всего обесценит имеющуюся источниковую базу. Однако такой подход находится за пределами компетенции историка. К тому же над этим задолго до нас потрудились военные инженеры ОИ ГАБТУ КА.

Рассмотренные проекты — нечто большее, чем плоды фантазии отдельных авторов на тему особенностей национальной войны в зимний период. Пользуясь подходом А. А. Киличенкова к военной технике как выражению национального менталитета²⁸, можно с уверенностью утверждать следующее. Сумма приведенных в статье предложений явилась плодом стремления представителей самых различных слоев населения СССР укрепить оборону государства в предвоенные годы и содействовать делу победы над врагом после начала войны. Его характеризовали спонтанность и самоорганизация. Директивность и адресность становились присущи предложениям уже после завершения творческой работы авторов над ними — лишь начиная с момента поступления в структуру НКО. В этом изобретательские инициативы «снизу» отличались от работы любого конструкторского бюро и НИИ²⁹. Учитывать это различие методологически важно.

Для военнослужащих изобретательство становилось способом осмысления и реализации приобретенного в ходе боевых действий опыта, для мирных советских граждан — попыткой помочь воинам Красной армии разгромить врага. Но в каждом случае приоритетом являлось наращивание боевых характеристик техники или потенциальной результативности тактических действий. Своей главной задачей энтузиасты видели нанесение противнику возможно большего ущерба. Удобство эксплуатации их предложений занимало авторов куда меньше — видимо, вследствие этого ряд проектов заключал в себе технические изъяны.

---

²⁸ См.: Киличенков А. А. Т-34 против панцерваффе: из истории ментального противоборства на советско-германском фронте (1941–1945 гг.) // Новый исторический вестник, 2005. № 12. С. 110–125.

²⁹ Например, испытания систем запуска авиационных двигателей для зимних условиях эксплуатации, проходившие в Летно-исследовательском институте Наркомата авиационной промышленности в 1943 г. См.: РГАНТД. Ф. 160 / Р-220. Оп. 7–1. Д. 223. Л. 3–5, 7–11, 22, 23.

Этот перекоc в функциональности характерен. Он в известном смысле роднит рассмотренный комплекс военно-технических предложений с другим явлением времени — приказом Ставки № 0428 от 17 ноября 1941 г. Ставя задачу: «Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод, в поле, выкурить из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом»³⁰ — он предписывал отходящим частям Красной армии уничтожать советские населенные пункты, увозя их население с собой. Вопрос об оправданности таких действий, их моральном аспекте остается открытым и дискуссионным, сам приказ № 0428 уже оказывался в литературе предметом фальсификаций³¹. Однако его положения основывались на необходимости в сложнейших условиях дать немецким войскам отпор любыми средствами, даже идя на крайние меры. Экстремальные климатические условия кануна и разгара зимы располагали к этому. Равным образом большинство изобретателей опиралось на них, считая уже саму суровость природы преимуществом над врагом.

Таким образом, советские военно-технические предложения по ведению войны в зимних условиях были вызваны к жизни самой логикой Великой Отечественной войны — с ее самоотречением во имя победы. Они явились следствием спонтанных исканий средств истребления врага представителями самых различных категорий общества. Следовательно, их вполне правомочно считать срезом мировоззрения населения СССР в кризисную эпоху. Изучение этого аспекта феномена военного изобретательства в первой половине XX века представляется весьма продуктивным и многообещающим. Продолжить и углубить его позволит введение в научный оборот новых первоисточников, до сих пор остающихся на периферии внимания историков.

---

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 257–258.

³¹ См., например: Басюк И. А. «Гнать немцев на мороз!»: Приказ Ставки № 0428 // Российская история. 2010. № 3. С. 19–26; Hartmann C., Zarusky J. Stalins «Fackelmänner-Befehl» vom November 1941. Ein verfälschtes Dokument // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2000. № 4. S. 667–674.

К. В. ШЕВЧЕНКО

КЛИО И ПОСТСОВЕТСКИЕ ИСТОРИОГРАФИИ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Ю. А. БОРИСЁНОК. НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ
БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ. М., 2013

Главным предметом не прекращающейся по сей день озабоченности постсоветских элит после распада СССР стала максимальная легитимизация возглавляемых ими новых независимых государств. Мощным инструментом этой легитимизации является историческая наука, в лице своих ведущих представителей усердно обслуживающая собственную политическую элиту, которая «изобретает и конструирует историко-культурную традицию, чтобы утвердить свой статус и легитимность»¹ прежде всего с помощью профессиональных историков. Впрочем, постсоветские элиты, страдающие от различных проявлений острого когнитивного диссонанса и многочисленных комплексов, проигрывают своим западным соседям в умении ставить себе на службу историю.

В наибольшей степени политическая мобилизация исторической науки государством достигнута в современной Польше, где трепетную музу истории Клио превратили в усердного госчиновника, курирующего вопросы пропаганды и идеологической войны. Активно действующий в Польше Институт национальной памяти с большим штатом высокооплачиваемых сотрудников и с отделениями во всех польских регионах выступает в качестве

---

¹ Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 124.

эффективного приводного ремня между историей и политикой, а также в роли идеологического надсмотрщика за научной и общественно-политической жизнью, усердно выявляя, маргинализируя и карая несогласных с «генеральной линией партии». В этой связи не вызывает удивления системная, последовательная и наступательная гуманитарная политика Варшавы в соседних постсоветских странах, призванная подкрепить ее амбиции региональной сверхдержавы и монопольного обладателя права на историческую истину.

За прошедшие 23 года после распада СССР национальные историографии постсоветских стран успели продемонстрировать удивительные метаморфозы, способные поразить даже видавших виды читателей научно-фантастических романов. Декларируемая «демифологизация» и борьба с изъянами советской исторической науки зачастую обернулись новым, еще более агрессивным и беспардонным мифотворчеством.

Активно выдаваемые «на-гора» постсоветскими историографиями новые мифы — включая «мифы происхождения во времени и в пространстве», «миф освобождения», «миф упадка» и «миф возрождения»² — временами заставляют с ностальгией вспоминать советскую историческую науку, которая — при всех своих многочисленных изъянах и конъюнктурности — тем не менее выглядит примером академической солидности в сравнении с некоторыми наиболее одиозными образчиками постсоветских историографий.

Так, некоторые украинские ученые всерьез ищут и даже умудряются находить прямых предков современных украинцев в носителях трипольской культуры и распространяют этнические границы Украины вплоть до Абхазии. Не менее размахисты в своих географических представлениях об ареале обитания древних грузин и современные грузинские историки. Столь трепетно лелеемый постсоветскими историографиями «миф упадка» выстраивается исключительно вокруг России, демонизация которой давно превратилась не только в хобби постсоветских историографий, но и в своего рода соцсоревнование историков, стремящихся как можно быстрее выдать своему политическому начальству очередную порцию разоблачений «российского империализма».

Не смогла избежать сих детских болезней постсоветских историографий и белорусская историческая наука, предсказуемо

---

² Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 192.

ставшая важным инструментом легитимизации современного белорусского государства. Здесь, хоть и не столь «весомо, грубо, зримо», как в иных постсоветских историографиях, тоже имеет место тенденция к формированию и тиражированию вышеупомянутого набора мифов. Так, педалирование «мифа происхождения во времени и в пространстве» проявляется в попытках некоторых историков «обелорусить» те части Киевской Руси, где позднее формировался белорусский этнос, за счет замалчивания и отрицания общерусской природы древнерусского киевского государства. Полоцкое княжество при этом с подкупающей непосредственностью объявляется «древнебелорусским» государством и с корнем вырывается из общерусского контекста Киевской Руси. Как посетовал недавно видный белорусский историк и археолог Э. М. Загорульский, оценивая современное состояние белорусской исторической науки, «появилось немало работ, в которых искажаются сущность эпохи, место и роль отдельных княжеств в системе Киевской Руси, ...восхваляется сепаратизм полоцких князей. Явно прослеживается тенденция дистанцировать Западную Русь от остальной Руси, замолчать вопрос об общих исторических корнях восточнославянских народов».³

Назойливо подчеркивается исключительно белорусский характер Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и его особая правосубъектность в рамках Речи Посполитой, хотя с конца XVII века после колонизации белорусской и литовской элиты «Литва» считалась неразрывной исторической частью Польши, не более чем одной из ее провинций. Пресловутый же этноним / политоним «литвин», вызывающий нездоровое возбуждение у ряда современных белорусских мифотворцов, в польском политическом лексиконе той эпохи означал не более чем региональную принадлежность поляка, подобно жителю Мазовии или Куявии. По словам белорусского историка И. Марзалока, «термины «литвин», «мазур», «поляк-крулевяк» в условиях шляхетской реальности конца XVIII — середины XIX в. никогда не использовались их носителями для национального противопоставления; эти названия региональные, субэтнические, так как все они — поляки и имеют одну родину — Польшу».⁴ Что же касается идентичности подавляющего большинства шляхты восточных областей

---

³ Загорульский Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск, 2014. С. 11.

⁴ Марзалок І. Традыцыйная гістарычная ідэнтычнасць палоналітвінскай шляхты ў першай палове XIX ст. // Актуальныя праблемы сацыяльна-гуманітар-

бывшей Речи Посполитой, то, как подчеркивает И. Марзалюк, она является польской — так, например, «в обращении к сейму в 1831 г. шляхта Литвы, Волыни, Подолии и Украины выразительно засвидетельствовала свою принадлежность к польской нации и к Польше, с которыми ее объединяют в одно национальное и культурное целое историческая традиция, обычаи и родной (естественно, польский) язык».⁵ Совсем уж курьезным выглядит стремление некоторых наиболее «креативных» мифотворцов объявить белорусами... Т. Костюшко и А. Мицкевича. Как отмечают серьезные современные исследователи, объявляемый «белорусским героем» Костюшко «мечтал о полной польской языковой ассимиляции всех селян-русинов», Мицкевич же «не просто осознавал свою польскость, но являлся одним из творцов современного польского национализма... Белорусы для Мицкевича — народ без традиций собственной государственности, народ неисторический, лишенный какой-либо исторической субъектности...».⁶

Не ослабевают попытки придания белорусской окраски польскому восстанию 1863–1864 гг. и одному из его лидеров на территории белорусско-литовских губерний В. К. Калиновскому при всей очевидной уязвимости данной интерпретации, явно противоречащей историческим источникам.

На этом весьма заидеологизированном фоне выделяется вышедшая в конце 2013 г. монография Ю. А. Борисёнка «На крутых поворотах белорусской истории». Название работы удачно отражает ее суть — автор, выбрав жанр исторических очерков и проанализировав в их рамках узловые сюжеты белорусской истории, сумел создать впечатляющую смысловую конструкцию, предлагающую свежее, в ряде случаев альтернативное прочтение ряда краеугольных событий, продолжающих оставаться дискуссионными в современной историографии. В известной степени достигнуть этого автору удалось благодаря творческому применению знаменитого дедуктивного метода Шерлока Холмса. Берясь за расследование малозначащего и второстепенного, на первый взгляд, сюжета, Ю. А. Борисёнок нащупывает в результате важное смысловое звено, позволяющее выйти на более широкий уровень обобщения — как, например, в случае с историей о строительстве железной дороги Динабург-Витебск,

---

ного знания в контексте обеспечения национальной безопасности. Минск, 2014. С. 144.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 144–145.

начавшемся в разгар восстания 1863 года. Впечатляет и основательная источниковая база работы: наряду с обширным кругом опубликованных источников автор использовал материалы ряда российских и белорусских архивов, включая АП РФ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАЛИ, а также Зональный государственный архив в г. Полоцке.

Монографию «На крутых поворотах белорусской истории» выгодно отличают размеренно-основательный анализ, неспешно-ироничная манера повествования и отсутствие обличительного пафоса в сочетании с конструктивным и взвешенным взглядом на исследуемые вопросы, которые, что очень важно, рассматриваются в широком общеславянском контексте. Автор часто и весьма органично проводит любопытные параллели между различными явлениями белорусской истории и сюжетами из сербской, чешской и даже словенской истории. Что же касается польских сюжетов, то они присутствуют на протяжении всей работы: как профессиональному полонисту, Ю. А. Борисёнку удалось отыскать такие нетривиальные ракурсы изучаемых явлений, которые вряд ли были бы под силу исследователю без солидного багажа знаний из области полонистики.

***

Говоря о специфике белорусской проблемы до начала XX века и ее проявлениях, автор определяет ее как «большое пограничье» между Россией и Польшей не только в географическом, но и в ментальном и этнокультурном отношении; при этом «этнографическая территория расселения белорусов стала ареной соперничества российского и польского начал... Формирование белорусской нации и развитие белорусской культуры были в значительной, если не решающей степени связаны с развитием этого политического и этнокультурного противостояния в условиях пограничья» (С. 36–38). Тезис о белорусских землях как «большом пограничье» между Россией и Польшей и арене их соперничества удачно визуализирован на обложке монографии, где известный крестьянин-белорус кисти И. Е. Репина на фоне карты Белоруссии изображен между ликами двух харизматических государственных мужей в лице Ю. Пилсудского с запада и И. В. Сталина с востока...

Затрагивая вопрос о ВКЛ и его государственной и этнокультурной эволюции после слияния с Польшей в результате Люблинской унии 1569 г., Ю. А. Борисёнок констатирует, что «специ-

фические традиции ВКЛ к концу XVIII века были практически полностью утрачены, общественные верхи полонизированы...» (С. 38). Автор солидаризируется с точкой зрения А. Валицкого о том, что принятие сарматской теории литовской и русской шляхтой способствовало «неожиданно быстрой и добровольной полонизации непольской шляхты» (Там же). Автор обращает внимание и на то обстоятельство, что конституция 3 мая 1791 года ликвидировала федеративное устройство Речи Посполитой, а ее творец Г. Коллонтай стремился к культурно-языковой однородности польской нации, что подразумевало ликвидацию автономного статуса Литвы и полонизацию всего населения (С. 41). При этом данная тенденция в польской общественно-политической мысли только усиливалась — так, лидер Краковского восстания 1846 г. Э. Дембовский, ставший в польской политической традиции, по остроумному замечанию Ю. А. Борисёнка, чем-то вроде «вечно живого Ильича» в советской пропаганде, провозглашал идеал единой польской нации в границах 1772 г., игнорируя некий особый статус Литвы (С. 46).

Польскому централизму в отношении белорусских земель автор монографии противопоставляет «российскую интегральную традицию», которая, по словам Борисёнка, с регионализмом не порывала, и «причиной тому стало вполне успешное политическое наступление империи на землях бывшей Речи Посполитой» (Там же). В этой связи Ю. А. Борисёнок логично затрагивает деятельность основоположников западнорусизма, в частности М. О. Кояловича, делая вывод о том, что практическим итогом их деятельности «стали объективные и весьма информативные исследования традиционной народной культуры, ставшие основой для создания не связанных с политикой этнографических карт. Но именно этот региональный уклон, призвавший вслед за Кояловичем уважать местные традиции, — полагает Ю. А. Борисёнок, — стал впоследствии и благодатной почвой для развития в начале XX века белорусского национального движения, и для практического осуществления большевиками своей модернизаторской с виду, но опиравшейся на устоявшуюся традицию белорусской политики» (С. 48).

Впрочем, и в польской интеллектуальной традиции автор находит тенденцию к изучению белорусов как особого самобытного этноса, подробно останавливаясь в этой связи на деятельности уроженца Минского воеводства и наполеоновского агента А. Чарноцкого, ставшего в Российской империи одним из первых

археологов и исследователей восточнославянских древностей под именем З. Доленги-Ходаковского.

Этнографические изыскания Доленги-Ходаковского, проводившиеся в 1820-е годы, по замечанию Ю. А. Борисёнка, имели не только научную, но и очевидную политическую цель: этот польский учёный «ясно понимал необходимость привлечения к делу восстановления Речи Посполитой не только польской и полонизированной шляхты, но и непольского этнически крестьянства, в частности, белорусского... Это понимание так и не передалось его современникам и потомкам, что в итоге предоставило в первой половине XX века удобный плацдарм для этнонациональных экспериментов в духе Сталина и Жданова...» (С. 55). Идеи и научные истоки позднейшей советской политики белорусизации автор, таким образом, в известной степени усматривает в одном из течений, хотя и маргинальном, польского научного наследия первой четверти XIX века, что представляет большой интерес. Однако Доленга-Ходаковский в польской политической традиции не был одинок. Подобным образом оказались не востребованными Варшавой уже после возрождения независимой Польши и теоретические наработки в отношении белорусов идеолога федерализма и соратника Пилсудского Л. Василевского, а также М. Федеровского (С. 102).

Большое внимание в монографии Борисёнка уделено восстанию 1863 г., которое рассматривается сквозь призму оценок личности В. К. Калиновского — одного из наиболее мифологизированных в белорусской историографии персонажей, а также с точки зрения ведущегося в то время строительства железной дороги Динабург — Витебск. Столь непривычный ракурс рассмотрения восстания 1863 г. позволяет автору звонко щёлкнуть по носу тех представителей белорусской историографии, кто непоколебимо уверен как в белорусском характере данного восстания, так и в его исключительной роли в белорусской истории. Использованный автором дедуктивный метод Холмса позволил, в частности, выяснить, что британские инженеры приступили к сооружению железной дороги 18 июля 1863 г. — т. е. в самый разгар восстания, которое, как не без иронии замечает Ю. А. Борисёнок, должно было «по идее поглощать если не все, то очень существенное внимание и властей, и местного населения» (С. 67). Пикантность ситуации усиливается тем обстоятельством, что «сооружением стратегического объекта ведают британские подданные — то есть люди, если судить по роли их страны в дипломатическом давлении на Российскую империю в 1863 г.

по поводу «польского вопроса», вполне заинтересованные и потенциально опасные» (Там же). Подобные прозаические детали многое расставляют по своим местам и проясняют в событиях 1863 г. на территории белорусско-литовских губерний.

Что же касается самого восстания 1863 г. и одного из его деятелей в лице В. К. Калиновского, то автор совершенно обоснованно констатирует его исключительно польский характер, подчеркивая, что «мираж границ 1772 года... продолжал манить романтических носителей общепольского национального самосознания, к которым, несомненно, принадлежал и Калиновский, несмотря на все свои агитационные произведения на белорусском языке» (С. 68). Ю. А. Борисёнок солидарен с мнением известного польского историка С. Кеневича, полагавшего, что «белорусскость Калиновского была только тактическим средством деятельности польского повстанца в Беларуси» (С. 69). Сходной точки зрения придерживается и белостокский исследователь О. Латышенко, уточняющий, что белорусская версия «мифа восстания была создана только в XX веке, укрепляя среди белорусских католиков польскую идентичность».⁷

Эти, в общем-то, очевидные истины загадочным образом продолжают оставаться недоступными некоторым современным белорусским историкам, продолжающим изо всех сил «обелорусивать» это польское восстание, считая его «освободительным» для белорусов.⁸ М. Бич, например, утверждал, что «восстание 1863–1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве... было подготовлено польскими и белорусско-литовскими конспиративными организациями», упрекая польскую, советскую и российскую историографии в том, что они оценивают данное восстание как польское, «не учитывая его особенностей в белорусско-литовском регионе, ...где имело место белорусское национально-освободительное движение во главе с Калиновским».⁹ Разглядеть «белорусское национальное движение» в действиях Виленского повстанческого центра, называвшего в своих документах белорусско-литовские губернии «польской землей» и действовавшего от имени польского правительства, которое за неподчинение грозило всем висели-

---

⁷ Латышонак А. Ю. Беларускае пытанне ў паўстанні 1863 г. // Актуальныя праблемы сацыяльна-гуманітарнага ведавання ў кантэксце забеспячэння нацыянальнай бяспекнасці. Мінск, 2014. С. 143.

⁸ См. напр.: Канфесія на Беларусі (канец XVIII — XX ст). Мінск, 1998. С. 127.

⁹ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 5. Мінск, 1999. С. 448–450.

цей,¹⁰ невозможно даже при помощи сверхмощного микроскопа. Однако М. Бичу каким-то волшебным образом это все-таки удалось.

Высказывает автор и ряд любопытных мыслей по поводу причин того, каким образом польский повстанец Калиновский обратился в белорусского национального героя и в качестве такового по сей день продолжает изображаться в учебниках по истории. Констатируя, что Калиновского сделали белорусским героем «в первое десятилетие существования БССР по согласованию и при содействии с центральными органами большевистской власти в Москве», Ю. А. Борисёнок высказывает предположение, что «мифологизации «белорусского народного героя» благоприятствовало международное положение, вызвавшее к жизни активное воплощение «коренизации» после 1923 года. Калиновский, как известно, действовал именно на западнобелорусских землях, вошедших после Рижского мира 1921 г. в состав II Речи Посполитой. В разгар противостояния с «буржуазной Польшей» был востребован именно такой герой, революционный белорус..., ярый враг именно польских помещиков и католического духовенства. Снятый в 1928 г. фильм явно предназначался не только для агитации в среде советских белорусов, но и обществу Западной Беларуси. Реальный Калиновский при этом был уже никому неинтересен, тем более что в польской историографии... этот персонаж является в лучшем случае героем второго плана, хотя и безусловным поляком...» (С. 76).

Совершенно обоснованно Ю. А. Борисёнок критикует и широко распространенный в историографии тезис об усилении русификации в белорусско-литовских губерниях после подавления восстания 1863 г. Констатируя, что «разговоров о русификации было больше, нежели практических усилий в этом направлении» (С. 43), автор отмечает отсутствие в белорусско-литовских губерниях земского самоуправления и земских школ; «образовательные ресурсы империи для крестьянских детей Западных губерний были ограничены церковно-приходскими школами, уступавшими земским по уровню преподавания» (С. 44). Неспособность имперских властей обеспечить всеобщее начальное образование для местного населения на русском языке способствовала сохранению «белорусских этнических традиций, в том числе и языковых» (Там же).

---

¹⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М., 1965. С. 29.

При этом автор обращает внимание на достаточно активный процесс добровольного усваивания русского языка и культуры белорусским населением, который он удачно определяет термином «авторусификация», когда белорусский крестьянин «без особых проблем и отнюдь не из-под палки» постигал русский язык, оказавшись в городе или на службе в армии. Имел место и аналогичный процесс «автополонизации», протекавший в основном в Вильно и затрагивавший в первую очередь белорусов-католиков. Любопытно, что известный белорусский национальный деятель Я. Лёсик в 1930 г. сожалел по поводу того, что «белорусское крестьянство и городское население охотно принимает русский язык и русифицируется»,¹¹ отмечая при этом, что «полонизация не так страшна, ибо абсолютное большинство белорусского населения против польского языка...».¹²

Большое внимание автор уделяет этнополитическим механизмам модернизации белорусских земель, посвятив данным сюжетам вторую главу своей книги. К окончанию Первой мировой войны и распаду Российской империи белорусы, как пишет Ю. А. Борисёнок, «пришли с крайне рискованным багажом: национальный язык находился под реальной угрозой исчезновения, национальной элиты не было — зародившееся в начале XX века белорусское национальное движение таковой стать не успело... Не случайно на выборах в Учредительное собрание в конце 1917 г. белорусские партии и организации набрали всего 0,3 процента голосов» (С. 92). Автор проводит здесь интересную параллель, сравнивая положение белорусов в начале XX века с положением сербов в XVIII веке, когда сербы тоже имели «очень большие проблемы с национальной элитой и национальным языком» (С. 93). Новый мощный толчок формированию сербского литературного языка и сербской культуры дал в XIX веке Вук Караджич, который в ходе своей реформы сербского литературного языка отказался от ранее широко распространенных в сербской культурной жизни церковнославянского, русского и славяносербского языков, «создав единую систему, основанную на образцах устного народного творчества и кодификации языка... Народнический концепт, который выражал Караджич, был основан на народной эпической поэзии, традиционной культуре сербского села...» (С. 95).

---

¹¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5068. Л. 163.

¹² Там же.

После столь обстоятельного экскурса в сербскую историю Ю. А. Борисёнок перебрасывает мостик с беспокойных Балкан на белорусские земли уже после установления здесь власти большевиков, делая неожиданный и для многих шокирующий вывод о том, что «Вуком Караджичем для белорусов стал нарком по делам национальностей товарищ Сталин» (Там же). Именно Сталин, по мнению автора, стал ключевой фигурой в большевистском руководстве, настоявшей на решении белорусского вопроса путем создания белорусской советской государственности в виде ССРБ и придания ей действительно белорусского языкового и культурного облика с 1921 года, «когда стало окончательно ясно, что РСФСР не избежать достаточно длительного и беспокойного соседства с возрожденной II Речью Посполитой» (Там же).

Детально показав, что именно Сталин, а не Ленин стоял у истоков создания белорусской советской государственности, политики белорусизации в 1920-е годы в БССР и ее укрупнения в 1924–1927 годах, автор объясняет эти шаги большевистского руководства необходимостью искоренения польского влияния в БССР, спецификой геополитической ситуации, сложившейся после заключения Рижского мирного договора с Польшей в марте 1921 года, а также стремлением Москвы использовать «белорусскую карту» в борьбе с Варшавой. «Стоит отметить, — аргументирует Ю. А. Борисёнок, — что две распространенные в историографии точки зрения на белорусизацию — как на «конкретное воплощение национальной политики коммунистической партии и Советского государства» и о национальной интеллигенции как «инициаторах и авторах политики белорусизации» — одинаково несостоятельны. Речь прежде всего шла о геополитических экспериментах части советского руководства, а «самостийные течения», как и на Украине, становились объектом большой игры на пограничье с Польшей» (С. 99). Автор солидаризируется с мнением Я. Брусского о преимущественно антипольской направленности политики коренизации в БССР, определяя ее как «прометеизм наоборот», инициированный с целью пробуждения центробежных сил в Польше и подчеркивая, что в соревновании «двух прометеизмов» советская сторона сразу же получила преимущество (С. 130). Акцент на преимущественно внешнеполитической мотивации политики белорусизации в контексте борьбы с Польшей очень важен, поскольку именно этот аргумент в полной мере объясняет действия большевистского руководства. Только внутривнутриполитическими соображениями, включая борьбу с польским влиянием в БССР, политику белорусизации объяснить сложно, поскольку бороться с польским влиянием бы-

ло бы гораздо проще, опираясь на русскую «высокую культуру», а не на белорусскую, создать которую, по сути, только предстояло в рамках курса на белорусизацию.

Экспортная ориентированность политики белорусизации в БССР с прицелом на Польшу была тем важнее, что западнобелорусские земли рассматривались польской элитой как исконно польские; любое отклонение от «польскости» в данном регионе трактовалось Варшавой как аномалия и печальное наследие разделов и русификации, которые должны быть как можно скорее преодолены путем последовательной полонизации. Если Пилсудский желал, чтобы «черти побрали белорусскую политику», то известный польский консервативный политик и крупный «кресовый» землевладелец А. Мейштович, занимавший в 1926–1928 гг. пост министра юстиции в правительстве Пилсудского, в январе 1922 г. в Вильно утверждал, что «Белоруссия самой историей предназначена быть мостом для польской экспансии на восток. Белорусская этнографическая масса должна быть переделана в польский народ. Мы должны способствовать этому приговору истории...»¹³ В подобных условиях Второй Речи Посполитой политика белорусизации в БССР была адекватным и достаточно эффективным ответом на столь суровый приговор, вынесенный «белорусской этнографической массе» А. Мейштовичем.

Таким образом, ставка советского руководства на «современный по тем временам проект строительства наций на востоке Европы» принесла зримые плоды; при этом, как справедливо замечает автор, «украинская и в еще большей степени белорусская нации, равно как украинский и белорусский языки, были тогда в значительной степени «воображаемыми сообществами» (С. 103). В известном смысле Сталин действительно сыграл роль Вука Караджича для белорусов, но не в силу какой-либо особой любви к ним, а по прозаической причине далекоидущих геополитических калькуляций в отношении II Речи Посполитой, начисто переиграв на шахматной доске этнополитики первого маршала Польши, громоздкая конструкция которого ненадолго пережила самого Пилсудского, стремительно рассыпавшись в 1939 году.

Говоря о Вуке Караджиче, впрочем, полезно вспомнить мнение некоторых современных сербских интеллектуалов, считающих Караджича безусловным филологическим гением, но одновременно политическим профаном и инструментом австрийской

---

¹³ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 177. Л. 32.

этнополитики: отвергнув церковнославянский и русский языки и сделав основой сербского литературного языка исключительно народные говоры, он ослабил русско-сербские связи и изолировал Сербию от русского культурного влияния, реализовав тем самым кровавые этнополитические замыслы Вены.

Нечто подобное можно было наблюдать и в ходе политики белорусизации в БССР в 1920-е годы. Так, председатель комиссии ЦКК ВКП (б), изучавшей национальную политику в БССР в 1929 г., В. Затонский в своем докладе в июне 1929 г. отмечал, что если обычные белорусы «от русских сами себя дифференцируют нечетко»,¹⁴ то среди белорусской творческой интеллигенции наблюдается «концентрированная ненависть ко всему, что идет из Москвы. Характерно, что на целом ряде собраний, где были белорусские интеллигенты, — отмечал Затонский, — от меня демонстративно требовали, чтобы я говорил по-украински, но не по-русски, хотя несомненно русский язык им больше привычен и понятен, чем украинский....Окрепший белорусский кулак явно наступает, сдавая национальные позиции Пилсудскому и тем выше поднимая знамя национализма против диктатуры пролетариата, под видом защиты белорусской культуры от руссоотяпов, ведя травлю всего, что исходит от Красной Москвы, а в это время ЦК Белоруссии продолжает старую политику заигрывания с националистами...»¹⁵ Оргпоследствия в виде разгрома «нацдемов» последовали незамедлительно; политика «белорусизации» была существенно скорректирована и впредь проводилась в более приемлемом для Москвы формате с учетом интересов союзного строительства и без «нацдемовских» перегибов.

Глава об этнополитических механизмах модернизации логично перетекает в главу, посвященную административно-государственным механизмам модернизации, которая на конкретных примерах подкрепляет и развивает ранее высказанные мысли. Большое место и здесь отводится анализу политики белорусизации; при этом автор еще раз констатирует, что большевистское руководство «во главе с самим товарищем Сталиным прочно оседлали белорусскую политику и превратили ее... в действенное орудие борьбы с беспокойным польским соседом... При решении белорусских проблем, в том числе и территориальных вопросов, во главу угла ставились не этнографические и даже не социаль-

---

¹⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4713. Л. 99.

¹⁵ Там же. Л. 99–100.

но-экономические аргументы, а принцип политической целесообразности» (С. 129). Данный тезис раскрывается весьма последовательно и убедительно; особенно наглядным в этом отношении представляется сюжет, посвященный перипетиям борьбы вокруг административно-территориальной принадлежности Полоцка и проблеме определения границ между РСФСР и БССР в первые десятилетия советской власти.

В ходе детального анализа причин и механизмов, определивших становление границ БССР, автор выражает несогласие с точкой зрения белорусского историка С. Н. Хомича, считавшего, что главную роль в укрупнении БССР сыграло ее руководство в Минске, а союзные структуры, прежде всего НКВД, лишь поддерживали предложения белорусского руководства. Реальная картина, как убедительно показал Ю. А. Борисёнок, складывалась «с точностью до наоборот», поскольку в действительности решающую роль в территориальном расширении БССР в середине 1920-х годов сыграла комиссия политбюро ЦК РКП (б) по работе среди белорусов Польши (С. 134–135). Это служит дополнительным подтверждением всех выводов по поводу причин и характера белорусской политики Москвы, сделанных автором ранее. Своего рода подведением итога польско-русского противоборства в белорусском вопросе в межвоенный период могут служить слова белорусского историка А. Пашкевича, с которыми в полной мере солидаризируется и Ю. А. Борисёнок: «Полная бездеятельность польского правительства в сфере национальной политики вплоть до 1924 г. привела к утрате им инициативы в этом вопросе. Эту инициативу перехватили коммунистические власти соседнего СССР, которые, в отличие от поляков, методично и последовательно работали как с населением Западной Беларуси, так и с его политической элитой... Фактически польское правительство проиграло необъявленную войну за души западных белорусов большевистским властям из Москвы и Минска».¹⁶

В этой связи стоит заметить, что осознание пагубности национальной политики Варшавы было характерно и для некоторых трезвомыслящих польских деятелей межвоенного периода, остро чувствовавших потенциально опасные последствия политики белорусизации в БССР для Второй Речи Посполитой. Так, в октябре 1926 г. виленский «Курьер Виленский» самокритично признавал, что в белорусском вопросе «политика Советской России является гораздо мудрее польской. Самым решительным

---

¹⁶ Там же. С. 161.

образом Россия задушила попытки создания каких-либо белорусских политических партий..., но взамен этого дала широкие возможности для культурной работы, открыла Белорусский университет, организовала Институт белорусской культуры..., образовала целую сеть низших школ. Ряд бывших противников коммунизма нашел в Советской Беларуси применение своим силам...».¹⁷ Впрочем, данной категории белорусских национальных деятелей, как отмечает Ю. А. Борисёнок, Сталиным с самого начала была уготована малопочтенная роль «временных попутчиков» и «расходного материала»...

***

Выбранный автором жанр исторических очерков полностью себя оправдал. Ю. А. Борисёнку удалось создать яркий, убедительный, интригующий и временами несколько ироничный портрет «крутых поворотов» белорусской истории. Одним из важных преимуществ данного портрета является свежий и нетрадиционный ракурс рассмотрения многих проблем в широком региональном и общеславянском контексте. Отрадно, что в полной мере соблюден и принцип, начертанный на обложке книги под портретом древнегреческой музы истории Клио: «первое правило истории — не допускать лжи». Соблюдением данного принципа, увы, могут похвастаться далеко не все представители постсоветских историографий...

Монография «На крутых поворотах белорусской истории» представляет собой серьезный вклад в развитие отечественного белорусоведения, все еще находящегося в стадии становления, в известной степени предопределяя целый ряд перспективных направлений дальнейших исследований. В частности, автором намечен основательный смысловой каркас и узловые проблемы исследования феномена советской белорусизации. Остается надеяться, что данный труд станет мощным катализатором дальнейших изысканий по белорусской истории.

---

¹⁷ Kurier Wileński. 13. X.1926. № 237.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XVIII ТОМА

Абилов Шахнин Игбал — научный сотрудник Талышской Национальной Академии, магистр исторических наук (Минск, Белоруссия)

Асташов Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средневековья и нового времени Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Бахурин Юрий Алексеевич — сотрудник архивной группы компании Wargaming.net (Москва)

Вишняков Ярослав Валерианович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России (Москва)

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина» (Москва)

Дубровский Игорь Владимирович — научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового

времени Института всеобщей истории РАН (Москва), ученый корреспондент «Русского Сборника» в Риме

Каздагли Нежмеддин (Nejmeddine Kazdaghli) — преподаватель русской истории и цивилизации, Высший институт языков Туниса (Карфагенский университет) (Тунис, Тунисская республика)

Кононова Ольга Алексеевна — соискатель ученой степени кандидата наук, факультет политологии МГУ (Москва)

Котов Александр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент Государственного университета морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова (Санкт-Петербург)

Кривопалов Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук (Москва)

Кудрявцев Олег Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России (Москва)

Симмонс Пол (Paul Simmons) — доктор истории, исследователь, МГУ имени Ломоносова (Москва)

Федута Александр Иосифович — кандидат филологических наук, доцент департамента социальных и политических наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс), редактор научного журнала «Перекрестки» (Вильнюс, Литва)

Флоря Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН (Москва)

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук, Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске (Белоруссия)

Эдельман Ольга Валериановна — кандидат исторических наук, сотрудник Государственного архива Российской Федерации (Москва)

РУССКИЙ СБОРНИК

Том XVIII

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Издатель Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 01.12.2015. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37. Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97